

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА

ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ТЮМЕНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»

ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО.
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Материалы XI Всероссийской
научно-практической конференции

ВЫПУСК 11

Тюмень
«Вектор Бук»
2015

УДК 342.7
ББК Ч400.32
Л66

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Вып. 11. Сборник научных статей по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции 16 апреля 2015 г/ под науч. ред. Н.М. Добрынина. Тюмень: Вектор Бук, 2015. - 316 с.

Включены статьи участников конференции, состоявшейся в Тюменской областной Думе в апреле 2015 года.

Авторы – авторитетные учёные и практики, молодые ученые, аспиранты, магистранты, студенты и школьники – раскрывают проблемы соотношения и взаимодействия личности, общества, государства и права, анализируют ситуацию в отдельных субъектах и Российской Федерации в целом. Часть работ раскрывают данную проблему в Республике Беларусь. В научных сообщениях имеются предложения по решению проблем связанных с данным взаимодействием.

Адресовано работникам органов государственной власти, государственных органов, органов местного самоуправления всех уровней, представителем бизнеса, преподавателям, студентам.

Электронная версия сборника размещена на сайте www.viptgu.ru.

Научный редактор

Добрынин Н.М., доктор юридических наук, профессор.

Заместитель редактора, ответственный за выпуск

Ивочкин В.В., исполнительный директор ТРООВ ТюмГУ.

Редакционная коллегия:

Белоконь Т.П., председатель постоянной комиссии по вопросам депутатской деятельности и регламентным процедурам Тюменской областной Думы;

Винниченко Е.О., старший преподаватель кафедры административного и финансового права ИГиП ТюмГУ, к.ю.н.;

Винниченко О.Ю., заведующий кафедрой теории государства и права и международного права ИГиП ТюмГУ, д.ю.н., профессор;

Емельянов А.А., руководитель аппарата Тюменской областной Думы, к.с.н.;

Зайцева Л.В., заведующий кафедрой трудового права и предпринимательства ИГиП ТюмГУ, к.ю.н., доцент;

Карасёв Р.Е., аспирант ИГиП ТюмГУ;

Ларионов А.В., заведующий кафедрой государственного и муниципального управления ИГиП ТюмГУ, к.ю.н., доцент;

Марочкин С.Ю., директор ИГиП ТюмГУ, д.ю.н., профессор;

Матрёнина К.Ю., аспирант ИГиП ТюмГУ;

Миневцев С.В., уполномоченный по правам человека в Тюменской области;

Романчук С.В., заместитель директора по науке ИГиП ТюмГУ, к.ю.н., доцент;

Селивёрстова В.С., помощник исполнительного директора ТРООВ ТюмГУ;

Сушинских А.М., председатель Тюменского областного суда;

Теплякова О.А., заместитель заведующего кафедрой конституционного и муниципального права ИГиП ТюмГУ, к.ю.н.;

Тордия И.В., заведующий кафедрой гражданского права и процесса ИГиП ТюмГУ, к.ю.н., доцент;

Шарапов Р.Д., и.о. заведующего кафедрой уголовного права и процесса ИГиП ТюмГУ, д.ю.н., профессор.

ISBN 978-5-91409-353-9 (Вып. 11)

ISBN 978-5-91409-302-7

© «Вектор Бук», издание, 2015

ОТ РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках сборник статей по материалам очередной, уже XI Всероссийской научно-практической конференции «Личность, общество, государство и право. Проблемы соотношения и взаимодействия».

Организаторы конференции с удовлетворением отмечают раз от раза возрастающую активность и молодых ученых, и аспирантов, и студентов, а также, учащихся школ области; ответственный подход участников к научным докладам, сообщениям; несомненную научную новизну выступлений, как на пленарном заседании, так и в многочисленных секциях.

Актуальная тема конференции задала тон и прямо повлияла на активную и конструктивную дискуссию участников, ее результаты и рекомендации, принятые по итогам работы секций.

Надеемся, как и прежде, что материалы сборника статей будут востребованы и станут полезным подспорьем в работе органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, всех заинтересованных читателей, кто сопереживает за судьбу страны и кому небезразлично будущее каждого из нас.

Выражаем благодарность депутатам Тюменской областной Думы, председателю Думы С.Е. Корепанову за активное содействие в подготовке и проведении конференции.

С уважением и
почтением к Вам



Николай Добрынин,
президент Тюменской региональной
общественной организации выпускников
Тюменского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор кафедры
конституционного и муниципального права
Института государства и права

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

На прошедшей Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, посвященной проблемам соотношения и взаимодействия личности, общества, государства и права, в очередной раз обсуждались значимые для развития гражданского общества и российской государственности вопросы. От того, насколько будет развито участие институтов гражданского общества в формировании и осуществлении судебной власти, зависит эффективность судебной защиты и восстановления прав и законных интересов субъектов правоотношений и, в конечном счете, возможность достижения устойчивого правопорядка и демократии в стране. Тем не менее, гражданское общество и независимый, самостоятельный и беспристрастный суд представляют собой взаимосвязанные и системные компоненты правового государства; развитие одного явления невозможно без адекватного совершенствования другого. За прошедшие годы совершились кардинальные изменения в судебной системе Российской Федерации, которые так бурно обсуждались и, сейчас реализуются на практике. Уверен, что открытых и неподдающихся решению вопросов в данной сфере будет становиться все меньше. Надеюсь, что итоговые выводы, сложенные участниками и гостями состоявшейся XI Всероссийской научно-практической конференции будут в исключительной степени способствовать совершенствованию отношений по взаимодействию личности, общества, государства и права не только в Тюменском регионе, но и всей Российской Федерации.

С уважением к вам



Анатолий Сушинских,
председатель Тюменского областного суда,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
председатель Тюменского регионального
отделения Общероссийской общественной
организации "Ассоциация юристов России"

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Взаимодействие личности и общества, государства и права в науке всегда вызывает оживленную дискуссию, а поиск оптимальной модели, в которой верховенство закона не давит на индивидуальность, а наоборот, раскрывает ее - важная задача социального государства.

Площадкой для обсуждения этик и других вопросов заявленной темы стал целый спектр многообразных докладов, статей, научных работ молодых ученых из различных городов нашей страны.

Мы надеемся, что материалы сборника окажут вам неоценимую помощь в постановке и решении научных задач на благо общего дела - построения правового государства.

С уважением к вам



Сергей Марочкин,
директор Института государства и права
Тюменского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации

ПАРТНЁРЫ КОНФЕРЕНЦИИ



www.ugp.ru



www.zapsibkombank.ru

ПАРТНЕР
ХОЛДИНГ

Объединяя лучшее

www.partner72.ru

Т Г Ю К

Тюменская Городская
Юридическая Компания

www.tguk72.ru



www.gorsi.ru



ОАО ТЮМЕНСКАЯ АГРОПРОМЫШЛЕННАЯ ЛИЗИНГОВАЯ КОМПАНИЯ

www.talcom.ru



www.soglasie.ru



ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕШЕНИЕ правления организации

от 07.04. 2015 г.

№ 2

Об итогах конкурса научных работ молодых учёных «Личность, общество, государство и право. Проблемы соотношения и взаимодействия» и творческих работ учащихся школ Тюменской области "Как нам обустроить Россию (посильные соображения)"

Заслушав информацию исполнительного директора В.В. Ивочкина об итогах заседании конкурсной комиссии правление решило:

1. Согласиться с рекомендациями комиссии об итогах конкурса научных и творческих работ.

2. Присудить в номинациях:

административно-правовой:

- I место Сафоновой Екатерине Александровне, студентке 2 курса ИГиП ТюмГУ, направление «Юриспруденция» и наградить её ценным призом и Дипломом победителя;
- II место Пьянковой Ольге Александровне, магистру юриспруденции ИГиП ТюмГУ и наградить её призом и Дипломом призёра;
- III место Денисовой Екатерине Андреевне, магистранту 2 курса ИГиП ТюмГУ, направление «Юриспруденция» и наградить её призом и Дипломом призёра;

гражданско-правовой:

- I место Самоловову Дмитрию Анатольевичу, главному специалисту отдела подготовки законопроектов Главного правового управления Правительства Тюменской области, аспиранту кафедры гражданского права и процесса Тюменской государственной академии мировой экономики управления и права и наградить его ценным призом и Дипломом победителя;
- II место Платонову Валентину Васильевичу, студенту 3 курса Омской академии МВД России, специальность «Правовое обеспечение национальной безопасности» и наградить его призом и Дипломом призёра;
- III место Губаревой Анне Олеговне, студентке 3 курса ИГиП ТюмГУ, направление «Юриспруденция» и наградить её призом и Дипломом призёра;

конституционно-правовой:

- I место Булатовой Светлане Вячеславовне, студентке 2 курса ИГиП ТюмГУ, направление «Юриспруденция» и наградить её ценным призом и Дипломом победителя;
- II место Рзаеву Роману Теймуровичу, магистранту 1 курса ИГиП ТюмГУ, направление «Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти» и наградить его призом и Дипломом призёра;

- III место Шайдулиной Елене Михайловне, преподавателю кафедры конституционного права Юридического института Иркутского государственного университета и наградить её призом и Дипломом призёра;

социально-трудовой:

- I место Мжельскому Александру Андреевичу, студенту 3 курса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, направление «Юриспруденция» и наградить его ценным призом и Дипломом победителя;

- II место Ведешкиной Татьяне Павловне, студентке 2 курса Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета, направление «Юриспруденция» и наградить её призом и Дипломом призёра;

- III место Трутаевой Анне Васильевне, аспиранту кафедры социального права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и наградить её призом и Дипломом призёра;

уголовно-правовой:

- I место Меда Марии Александровне, студентке 3 курса ИГиП ТюмГУ, направление «Юриспруденция» и наградить её ценным призом и Дипломом победителя;

- II место Харловой Марии Игоревне, магистранту 1 курса ИГиП ТюмГУ, направление «Уголовное право, уголовный процесс» и наградить её призом и Дипломом призёра;

- III место Волынчик Ольге Александровне, студентке 4 курса юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, направление «Правоведение» и наградить её призом и Дипломом призёра;

конкурсе творческих работ учащихся школ Тюменской области:

- I место Косеньковой Екатерине Владиславовне, ученице 9 «Б» класса МАОУ СОШ № 92 г. Тюмени и наградить её ценным призом и Дипломом победителя;

- II место Нелаевой Евгении Константиновне, ученице 11 «Б» класса МАОУ лицей №34 г. Тюмени и наградить её призом и Дипломом призёра;

- III место Кириковой Олесе Александровне, ученице 9 «А» класса МАОУ СОШ №4 г. Ишима и наградить её призом и Дипломом призёра.

Рекомендовать к публикации научные работы, набравшие от 30 до 40 баллов.

Президент организации

Н.М. Добрынин

О СУДЬБАХ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И НЕОТЛОЖНОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕ

Н. М. Добрынин,
профессор кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук

***Аннотация:** Статья подготовлена в качестве отклика по прочтении только увидевшей свет монографии Председателя Конституционного Суда России профессора В.Д. Зорькина «Цивилизация права и развитие России». Всецело разделяя взгляды авторитетного коллеги, автор акцентирует внимание на ключевых вопросах правовой модернизации Российского государства. Отмечается значимость адекватной правовой реакции как на внешние вызовы, стоящие перед страной в контексте глобализации, так и на внутренние неразрешенные проблемы и накопившиеся за годы реформ противоречия. Особенно подчеркивается важность сохранения и укрепления нравственных оснований права в России, разработки стройной юридической теории и развития на ее основе сложившейся системы российского права, стержневым элементом которой является Конституция России и отрасль конституционного права. В поддержку мнения профессора В.Д. Зорькина делается вывод о том, что без политико-правовой модернизации у России нет будущего.*

***Abstract:** This paper is prepared as author's reflection on the newly presented monograph "Civilization of Law and development of Russia" by Prof. V.D. Zor'kin, Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation. Supporting the views expressed by the authoritative colleague, author highlights the basic issues of the legal development in today's Russia. Author notes the significance of the relevant legal solutions as for the external challenges which Russia faces in the context of globalization as for the internal unresolved problems and collisions accumulated during the years of reforms. He underlines especially the importance of improvement for the moral basics of Law in Russia, as well as the significance of elaboration of the consistent legal doctrine and of development on its basis for the traditional system of Russian Law focused around the Constitution and Constitutional Law. Supporting the opinion of Prof. V.D. Zor'kin, author argues that Russia has no future out of the legal and political development.*

***Ключевые слова:** Модернизация, правовое развитие, юридическая теория, глобализация, нравственность, суверенитет, национальные интересы*

***Key words:** Modernization, legal development, legal doctrine, globalization, ethics, sovereignty, national interests*

Разговор о юридическом быте современной России, безусловно, требует комплексного, многомерного представления о самых разных областях общественно-политического устройства нашей страны, о состоянии правовых реалий, в которых она развивается. Конституция России, принятая более двух десятилетий назад, по многим позициям продолжает оставаться идеалом, достижение которого в современных условиях все чаще и чаще подвергается сомнению различными исследователями, а также общественными и государственными деятелями.

Не случайным в этой связи является то обстоятельство, что все мы сегодня стали свидетелями огромного числа исследований и публикаций самого различного толка, в которых подчеркнуто отстаиваются ревизионистские взгляды, а читателям, иногда вкрадчиво, а порой и весьма прямолинейно, предъявляется мысль о необходимости коренного изменения общественно-политического устройства России. Чем чреват подобный «творческий» ревизионизм наша страна, наше общество знают не понаслышке: Россия на протяжении всего периода ее, без преувеличения, многострадальной истории вынесла достаточное количество «испытаний на прочность», каких никто не пожелал бы даже своему врагу. И это обстоятельство должно являться самым ключевым фактором для отказа на современном этапе от любых попыток ревизионизма, фактором, истоки которого, со всей очевидностью, коренятся в народной памяти, в памяти поколений.

Сегодня у России в рамках избранной ею более двух десятилетий назад траектории правового развития может быть лишь один верный и исторически оправданный путь: это путь постепенной, планомерной и методичной политико-правовой модернизации, путь, исключаящий любые ревизионистские настроения и, в то же время, учитывающий потребности общества в обеспечении в конкретно-исторических условиях баланса конституционных ценностей. И потому, нам представляется чрезвычайно

своевременной и глубокой по содержанию недавно увидевшая свет *монография профессора В.Д. Зорькина «Цивилизация права и развитие России»*¹.

Глубокоуважаемый нами коллега совершенно точным образом характеризует современную ситуацию, в которой находится сегодняшняя Россия, когда указывает, что «встающие перед нами вызовы, как и в эпоху предыдущей холодной войны, являются системными — политическими, информационно-пропагандистскими, экономическими и даже, не исключено, военно-стратегическими. Несомненно, и то, что нынешняя Россия по демографическому, экономическому, оборонно-мобилизационному потенциалу и кругу союзников гораздо слабее, чем в предыдущую эпоху противостояния советского и западного блоков. Несомненно, и то, что эти вызовы нарастают в условиях продолжающегося и глубоко затронувшего Россию глобального системного — не только экономического — кризиса.

В сфере нашей профессиональной компетенции и ответственности находится такой аспект этого кризиса, как размывание и ослабление эффективности правовых регуляторов. Это проявляется как в самых разных сферах социальной жизни (социокультурной, экономической, политической и так далее), так и на разных уровнях регулирования (национальном, международном, глобальном)... Причем...этот кризис особенно глубоко затронул Россию в силу беспрецедентных в мировой истории масштабов и темпов ее постсоветской политической, экономической и социальной трансформации. ***Мы находимся не просто в ситуации глобальной исторической турбулентности, а в самом ее эпицентре*** (выделено нами. — Н.Д.)»².

Отмеченные в приведенном суждении обстоятельства и факторы являются ярчайшим объяснением того, почему сегодня в России любой мало-мальски думающий человек все чаще размышляет (не может не размышлять!) о судьбах своей страны — как с точки зрения процессов, происходящих внутри нее, так и в контексте глобальных тенденций, отчетливо обнаживших свое недружественное отношение к России в последние год-полтора. И здесь на повестке дня в первую очередь находится вопрос о государственном суверенитете, о необходимости его сохранения, обеспечения его незыблемости. Именно поэтому профессор В.Д. Зорькин в своей работе отмечает: «в мире, вступившем в эпоху глобализации, стало объективно трансформироваться и размываться понятие национально-государственного суверенитета. Даже такой патриарх мировой дипломатии и сторонник баланса силы суверенных национальных держав, как Генри Киссинджер, несколько лет назад вынужден был констатировать, что “идет замена международной системы, появившейся в результате Вестфальского мира, на новую, созревающую систему”»³.

Хорошо это или плохо — однозначно сказать невозможно; так же, как невозможно предугадать и то, приведут ли процессы глобализации, в конечном счете, к установлению такого миропорядка, при котором необходимость сохранения принципов Вестфальского мира естественным путем «канет в Лету». Пока что мы имеем возможность наблюдать, как в международной практике повсеместно «*сильный*» принуждает «*слабого*» к проведению нужной (согласованной с «*сильным*») политической линии, а в среде государств-членов таких конфедеративных образований, каковым является в нынешнем виде Европейский Союз, то и дело звучат сравнения этого объединения с Советским Союзом, в котором формально суверенные и полноправные союзные республики фактически были лишены «*права на самостоятельную политику*».

Очевидным и вполне объяснимым на фоне процессов глобализации становится усиление межкультурной коммуникации разных наций, причем на уровнях, часто не достигаемых для правового нормирования и официального (открыто декларируемого) государственно-властного воздействия, исходя из современного понимания демократических ценностей и свободы личности.

Главным фактором, способствующим интенсификации и расширению горизонта межкультурных взаимодействий, является бурное развитие информационно-коммуникативных технологий и сервисов в современном мире, существенный рост доступности этих технологий и сервисов для населения большинства развитых и динамично развивающихся стран за счет их беспрецедентного удешевления, и, как следствие, фактическое устранение барьеров в виде государственных границ для обмена не только экономическими ценностями, но и, прежде всего, информацией, а также, политическими и идеологическими контентом и технологиями.

Понятно, что в таких реалиях перед каждым государством мира, в том числе и перед Россией, стоит задача обеспечения незыблемости своего государственного суверенитета и национальных интересов, выступающих главным условием сохранения этно-культурной аутоидентичности народов соответствующих стран.

В своем выступлении 24 октября 2014 года на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент России В.В. Путин, обращаясь к обозначенной выше проблеме, отметил: «В мире накопилось множество противоречий... К сожалению, гарантий, уверенности, что существующая система

¹Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 320 с.

²Зорькин В.Д. Указ. раб. С. 6.

³Зорькин В.Д. Указ. раб. С. 268 – 269.

глобальной и региональной безопасности способна уберечь нас от потрясений, нет. Эта система серьезно ослаблена, раздроблена и деформирована. Непростое время переживают международные и региональные институты политического, экономического, культурного взаимодействия»⁴.

Содержательный анализ известных угроз, выделяемых мировым сообществом в качестве следствий глобализации, даже в первом приближении делает интуитивно понятными два обстоятельства:

первое, каждая из перечисленных угроз (не говоря уже о сценарии их совмещенного, синергетического осуществления) по масштабу своих потенциальных последствий затрагивает в пределах, условно говоря, «потерпевшей» нации практически все стороны общественной жизни;

второе, как правило, характер и механизм распространения любой из этих угроз если и не исключает возможность для любого и каждого из государств справиться с ними в-одиночку, то, как минимум, предполагает гораздо большую эффективность именно совместных действий государств по предотвращению, пресечению и ликвидации угрожающих инцидентов.

В данном контексте проблема сохранения действительного (а не только формального) государственного суверенитета и соблюдения национальных интересов начинает интерпретироваться в двояком ключе. Прежде всего, с позиции того, какие именно из объективно существующих угроз способны нанести ущерб российской государственности, и, если говорить о втором аспекте, с точки зрения необходимости кооперации и взаимодействия с другими суверенными государствами, в том числе, и в форме создания международных (то есть наднациональных) институтов регулирования и межгосударственной координации. При этом, существование проблемы государственного суверенитета в данном измерении является для некоторых исследователей поводом подвергнуть ревизии и саму доктрину государственного суверенитета, и основанный на признании суверенитета государств миропорядок.

Вновь обращаясь к взглядам нашего авторитетного коллеги, укажем, что в одной из своих более ранних работ профессор В.Д. Зорькин по данному поводу абсолютно справедливо отмечает: «в начале XXI в., особенно после событий 11 сентября 2001 г.⁵, возникла самая серьезная угроза существованию миропорядка, созданного суверенными государствами, а значит, и самим основам конституционного устройства суверенных государств. Существующую международную систему атакуют, ссылаясь прежде всего на неспособность национальных государств гарантировать права человека и обеспечить эффективное управление в условиях глобализации.

Жизнь, однако, показывает, что отказ от суверенитета одних — на практике лишь укрепляет суверенитет других, присваивающих себе право действовать во имя “всеобщих” интересов»⁶.

Таким образом, становится очевидным, что эти, происходящие в планетарном масштабе процессы так или иначе воздействуют на все, или почти все стороны общественной жизни людей, ассоциирующих себя с определенными национальными (суверенными) государствами.

Российская Федерация, будучи интегрирована в качестве полноправного члена в мировое содружество наций (суверенных государств), не находится в стороне от указанных преобразований и не имеет возможности их избежать; впрочем, политика дистанцирования, самоизоляции страны от происходящих в мире изменений способна была бы завести Россию на тупиковый путь развития, угрожала бы накоплением отсталости во всех сферах общественной жизни, вместо преодоления таковой.

Разумеется, что в этой ситуации вопросы сохранения и укрепления государственного суверенитета Российской Федерации, которая, в отличие от многих малых и молодых государств, не вправе позволить себе, в том числе, и в контексте своей исторической миссии, поступиться хотя бы толикой своей самостоятельности и самобытности, занимают сегодня важнейшее место в повестке политического руководства страны, а главное, должны решаться сквозь призму соблюдения национальных интересов России не только в процессе межгосударственного общения, но и посредством их реализации в практике внутригосударственного регулирования всех или почти всех сфер жизни российского общества.

В подтверждение сказанного необходимо в очередной раз привести некоторые извлечения из уже упоминавшегося выше выступления Президента России В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». В частности, Президент отметил в своем выступлении следующее: «...многие механизмы обеспечения миропорядка сложились достаточно давно, ...прежде всего по итогам Второй мировой войны. Прочность этой системы основывалась не только на балансе сил, ...и не только на

⁴ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

⁵ Здесь ученый имеет в виду один из крупнейших в истории человечества террористических актов, при котором вследствие намеренного направления пассажирского авиалайнера в высотное здание оказались полностью разрушены обе башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а число погибших составило около 3 тыс. чел.

⁶ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. - С. 663.

праве победителей, но и на том, что “отцы-основатели” этой системы безопасности относились с уважением друг к другу, не пытались “отжать всё”, а пытались договариваться.

Главное, что эта система развивалась и при всех изъянах помогала если не решать, то хотя бы удерживать в рамках существующие мировые проблемы, регулировать остроту естественной конкуренции государств.

Убеждён, этот механизм сдержек и противовесов, который в предыдущие десятилетия трудно складывался, порой мучительно выстраивался, нельзя было ломать, во всяком случае нельзя было ничего ломать, не создавая ничего взамен... Нужно было провести разумную реконструкцию, адаптировать к новым реалиям систему международных отношений.

Однако Соединённые Штаты, объявившие себя победителями в “холодной войне”, самоуверенно... подумали, что в этом просто нет нужды. И вместо установления нового баланса сил, который является необходимым условием порядка и стабильности, напротив, были предприняты шаги, которые привели к резкому усугублению дисбаланса.

“Холодная война” закончилась. Но она не завершилась заключением “мира”, понятными и прозрачными договорённостями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые победители в “холодной войне” решили дожать ситуацию, перекроить весь мир исключительно под себя, под свои интересы. И если сложившаяся система международных отношений, международного права, система сдержек и противовесов мешала достижению этой цели, то её тут же объявляли никчёмной, устаревшей и подлежащей немедленному сносу»⁷.

Резюмируя стоящие перед национальными государствами задачи сохранения своего суверенитета и национальной идентичности в стремительно меняющемся мире, Президент Российской Федерации В.В. Путин акцентировал внимание на последствиях отмеченного им дисбаланса, образовавшегося на мировой арене: «Начался период разночтений и умолчаний в мировой политике. Под давлением правового нигилизма шаг за шагом сдавало свои позиции международное право. Объективность и справедливость приносились в жертву политической целесообразности. Юридические нормы подменялись произвольным толкованием и пристрастными оценками. При этом тотальный контроль над глобальными средствами массовой информации позволял при желании белое выдавать за чёрное, а чёрное за белое.

В условиях доминирования одной страны и её союзников, или, по-другому сказать, сателлитов, поиск глобальных решений зачастую превращался в стремление навязать в качестве универсальных собственные рецепты. Амбиции этой группы возросли настолько, что вырабатываемые в её кулуарах подходы стали преподноситься как мнение всего мирового сообщества. Но это не так.

Само понятие “национальный суверенитет” для большинства государств стало относительной величиной. По сути, была предложена формула: чем сильнее лояльность единственному центру влияния в мире, тем выше легитимность того или иного правящего режима»⁸.

В контексте логики президентского выступления следует особо подчеркнуть, что главным источником фиксации национальных интересов России в их наиболее обобщенном и ёмком выражении выступают российская Конституция и нормы конституционного права. Соответственно, в отдельных сферах общественной жизни, традиционно составляющих в нашей стране предмет отраслевого правового регулирования, реализация национальных интересов в праве (прежде всего, путем их явной или опосредованной фиксации в конкретных нормах) неизбежно приводит к более глубокому и рельефному проникновению элементов конституционно-правового регулирования во все отрасли российского права — происходит их конституционализация.

Не случайно, завершая свое выступление на «Валдайском форуме», Президент России В.В. Путин подчеркнул значимость сохранения и укрепления именно сложившихся и конституционно закрепленных приоритетов развития страны: «Россия свой выбор сделала, наши приоритеты — дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учётом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма. У нас интеграционная, позитивная, мирная повестка дня, мы активно работаем с нашими коллегами по Евразийскому экономическому союзу, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, с другими партнёрами. Эта повестка направлена на развитие связей между государствами, а не на разъеди-

⁷ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

⁸ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

нение. Мы не собираемся сколачивать какие-либо блоки, втягиваться в обмен ударами. Не имеют под собой основания и утверждения, что Россия пытается восстановить какую-то свою империю, покушается на суверенитет своих соседей. Россия не требует себе какого-либо особого, исключительного места в мире, я хочу это подчеркнуть. Уважая интересы других, мы просто хотим, чтобы и наши интересы учитывали, и нашу позицию уважали»⁹.

Сказанное Президентом означает не только необходимость соблюдения и реализации национальных интересов России, а подразумевает, в том числе, и, прежде всего, дальнейшее укрепление интегративной роли конституционного права как ключевой, системообразующей отрасли российского права и вообще российской правовой традиции. Но одновременно это и признание того, что Россия, ее правовая система в целом и лежащая в ее основании отрасль конституционного права в своем дальнейшем развитии (если говорить об эволюции отрасли российского конституционного права не просто как свода норм, а “живой материи”, то есть реальной практики конституционно-правовых отношений), безусловно, ориентированы как на поддержание и укрепление общепризнанных принципов и норм международного права, сложившихся к настоящему времени, так и на имплементацию новых механизмов и подходов паритетной и сбалансированной международно-правовой координации национальных интересов всех суверенных государств.

Подтверждением данного тезиса являются события 2014 года, связанные с принятием в состав Российской Федерации бывшей украинской Автономной Республики Крым в статусе субъектов Федерации — Республики Крым (в составе России) и города федерального значения Севастополя. Последовательность юридически значимых с точки зрения международного права шагов, предпринятых руководством и населением бывшей украинской Автономной Республики Крым по проведению общенародного референдума, по существу означала провозглашение независимости Республики Крым, установление ее самостоятельной государственности. Дальнейшее вхождение Республики Крым и города Севастополя на правах субъектов в состав Российской Федерации связано, опять же, с фактом международного признания Россией независимости (т.е. государственного суверенитета) Республики Крым. И какие бы ни предпринимались в настоящее время попытки в западной прессе и на высшем политическом уровне ряда государств преподнести общественности свершившиеся факты как аннексию Российской Федерацией части иностранного государства — Украины, — история межгосударственных отношений имеет ряд аналогичных прецедентов, когда государственный суверенитет и независимость части территории определенного государства провозглашались на этой части территории в одностороннем порядке: автономный край Косово и Метохия в составе Сербии, Республики Абхазия и Южная Осетия, Приднестровье и некоторые другие.

При этом, в случае с Косово, независимость которого от Сербии была провозглашена в одностороннем порядке и не путем проведения общенародного референдума, а решением парламента Косово (легитимность его формирования, кстати, по-прежнему вызывает вопросы), Международный суд ООН 22 июля 2010 года признал законность действий властей Косово по провозглашению независимости от Сербии, объявив, что свершившийся юридический факт не противоречит нормам международного права¹⁰. Принятию Международным судом ООН данного решения предшествовала череда признаний государствами-членами ООН международной правосубъектности Косово как самостоятельного государства, которая продолжилась и в дальнейшем; к настоящему времени независимость Косово в качестве самостоятельного государства признана 108 странами – членами ООН¹¹, что составляет большинство участников этой ведущей всемирной международной организации.

Возникает закономерный вопрос: почему при всей аналогичности ситуаций с провозглашением независимости ряда территорий (Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, а теперь еще Донецкой и Луганской народных республик на Украине) никто не торопится с признанием их международной правосубъектности в качестве государств, а случай с Республикой Крым вообще преподносится как аннексия или, ни много, ни мало, российская оккупация¹²? И почему в Косово, сомнительная независимость которого с такой прытью была признана очень многими государствами, по-прежнему сохраняется во многом непротаящая ситуация, готовая вылиться в новые этнические противостояния и партизанскую войну, а в «незакон-

⁹ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

¹⁰ Подробнее см., напр.: Международный суд ООН признал независимость Косово // Официальный сайт «Коммерсант.ру». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1473715>

¹¹ Данные приводятся по состоянию на 14.08.2014 на основе данных Официального сайта Министерства иностранных дел Республики Косово. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mfa-ks.net/?page=2,4,2415&offset=1>

¹² См., напр.: Закон № 1207-VII «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины», принятый Верховной Радой Украины 15 апреля 2014 г.

но аннексированной» (или «оккупированной»?) Россией Республике Крым нет народных протестов, нет партизанской войны или иной вооруженной борьбы с «агрессором», но работают люди, налаживается деятельность предприятий, функционируют в штатном режиме все основные институты власти?

Думается, что это как раз тот случай, когда международное право, его сугубо юридическая рациональность и верховенство оказываются в очередной раз подавляемы внешней политикой ряда государств, чьим интересам не отвечает подобное развитие событий. Однако, если говорить о взаимосвязанности принципов международного права с национальными правовыми системами, следует иметь в виду, что любая вольная интерпретация сложившихся в международном праве канонов неизбежным образом наносит или нанесет в недалеком будущем не менее сокрушительный удар и по устойчивости собственных национальных правовых систем тех стран, которые позволяют себе подобные двойные стандарты в международных отношениях: **подмена права политической целесообразностью недопустима!**

Вот почему представляется абсолютно верным юридический контекст выступления Президента России В.В. Путина на «Валдайском форуме», выдержки из которого приведены выше: *приверженность России устоявшимся принципам, идеям и ценностям международного права — единственный рациональный путь не только развития национальной правовой системы и, прежде всего, сферы конституционно-правового регулирования как непосредственной юридической основы российской государственности, но и вообще сохранения суверенной российской правовой традиции в современном мире!*

К тому же, если говорить о Республике Крым, то необходимо помнить, что до 26 апреля 1954 года Крым являлся исконной исторической территорией России, а его передача в состав существовавшей тогда Украинской ССР по решению руководства Советского Союза была осуществлена с юридическим нарушением норм Договора об образовании Союза ССР 1922 года, который, помимо прочего, закреплял право республик на свободный выход СССР (чем предполагался договорный характер советской федерации) и потому подразумевал такой же договорный принцип решения территориальных вопросов между советскими республиками, входившими в состав СССР; юридическое же оформление передачи Севастополя в состав Украинской ССР вообще не было осуществлено, несмотря на то, что согласно указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.10.1948 город Севастополь был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр со статусом города республиканского подчинения¹³ в составе РСФСР.

И всё это лишь в очередной раз доказывает, что право как важнейший регулятор общественных отношений не может всякий раз приноситься в жертву под предлогами политической, хозяйственной, административной или любой другой целесообразности: пренебрежение верховенством (можно сказать, незыблемостью авторитета) права, являющегося мерилom и одновременно выражением общественных представлений о гражданском мире и согласии, социальной справедливости, нравственном и безнравственном, способно стать причиной настоящих трагедий в сотнях и тысячах человеческих судеб.

Однако, проблема политико-правовой модернизации в России, ее движения к цивилизации права не исчерпывается вопросом об устойчивости ее государственного суверенитета, соблюдения ее национальных интересов в межгосударственном общении. Это, безусловно, важный фактор и условие сохранения российской государственности в контексте внешних вызовов и рисков; но не меньшей значимостью обладает и вопрос о внутренних, происходящих в пределах России процессах, определяющих способность страны взять, обращаясь к метафоричному термину В.Д. Зорькина, правовой барьер.

По нашему глубокому убеждению профессор В.Д. Зорькин совершенно справедливо отмечает: *«Именно в рамках права, на пути формирования правового и одновременно социального государства нам надо искать соединение традиции соборности, общинности и коллективизма с правом как формой свободы индивида».*

Таким образом, на данном историческом этапе Россия должна построить не просто правовое государство. Это должно быть *правовое и социальное* государство. Именно так можно определить главное направление правового развития России. Только на этом пути наша страна сможет противостоять сложным вызовам современного мира, сохранить свою идентичность в условиях глобализации и найти достойное место в процессе общецивилизационного развития человечества»¹⁴.

В данном контексте нельзя не обратиться к мысли о том, что построение *правового и социального* государства возможно лишь при условии, что право в стране становится воплощением общеправового принципа справедливости, средоточием нравственных оснований жизни общества, а закон — является только правовым. В противном случае мы неизбежно сталкиваемся с ситуацией, когда принимаемые законы не работают, не реализуются должным образом, поскольку не находят *«точки опоры»* в социокультурных ценностях российского народа, не получают должный и адекватный отклик в умах людей.

¹³ То есть, со статусом города федерального значения, если употреблять современную терминологию.

¹⁴Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России... С. 44.

Эту простую для понимания, но в то же время крайне сложную в практической реализации мысль сформулировал еще Ш. Монтескье, который в трактате «О духе законов» писал: «Законодатель должен сообразоваться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением»¹⁵.

По абсолютно точному замечанию нашего глубокоуважаемого коллеги профессора В.Д. Зорькина, опять же, можно было бы «привести множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действенно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас) и т. д. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитимность правоустановления и правоприменения (включая толкование закона) в глазах большинства населения»¹⁶.

И здесь, разумеется, в первую очередь, на повестке находится вопрос о нравственных основаниях права, его соотношения с моралью. Сегодня ни для кого не секрет, что человечество в целом сталкивается с серьезнейшей проблемой ослабления роли социальных регуляторов. Мораль, отражением которой выступает общественная нравственность, в этом смысле подпадает под еще большее негативное влияние, чем право: когда основания социальной солидарности оказываются под сомнением в силу признания личности, ее индивидуальности и уникальности высшей ценностью, человеческое эго, вне всякого сомнения, подавляет тысячелетиями формировавшиеся этические императивы. Не замечать этой проблемы означает ни больше, ни меньше — движение по пути социальной дезинтеграции, с которой даже право со временем будет уже не в состоянии справиться.

Нравственный, морально-этический регресс общества, конечно же, является не столько риском недостижения в обозримом будущем идеала цивилизации права, сколько вообще прямой угрозой любому правопорядку, пусть и самому несовершенному.

Профессор Г.В. Мальцев по данному поводу в одной из своих последних работ с полным основанием отмечал, что «правовые элементы гораздо лучше, чем моральные, работают в механизмах социального контроля, также как и “калькулирования” жизненных успехов. Моральные обязательства считаются сегодня менее надежными, чем юридические обязанности, необходимость исполнения которых гарантируется правом, законом и судом...»¹⁷, однако, истинные «цели социального регулирования могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии систем моральных и правовых норм в едином направлении, которое определяется ценностями общества. Странно, что эту очевидную закономерность... не замечают многие современные политические деятели и законодатели, полагающие, что ослабление моральных регуляторов не такая уж большая беда, что упадок морали может быть компенсирован за счет активизации средств правового регулирования, массового принятия законов... Без морально-ценностной поддержки либо объективно действующий против морали закон ничего не исправляет, сам становится деструктивным фактором в обществе»¹⁸.

Обращаясь к более ранним философским источникам, обнаруживаем, что, например, А.Н. Радищев еще в XVIII в. писал: «Чем народ имеет нравы непорочнее, простее, совершеннее, тем меньше он нужды имеет в законах. Но чем больше они повреждены и удаляются простоты, тем бóльшую нужду имеет он в законах для восстановления рухнувшего порядка»¹⁹.

Следуя логике совершенно верно обозначенного профессором В.Д. Зорькиным магистрального направления политико-правовой модернизации России — построение *правового и социального* государства²⁰, — и в очередной раз осмысливая проблему соотношения права и закона, сложно удержаться от параллелей с ситуацией, сложившейся в России в предверие революционных событий 1917 года. Например, не утратили, увы, своей актуальности и для современной России слова известного конституционалиста В. Набокова, произнесенные им в 1912 году: «Тщетно чтут законность, попирая ее на деле. В русской жизни это поправление — всем язвам язва. Она заражает весь государственный организм, ежеминутно давая о себе знать, развращая и властвующих, и подвластных... Наиболее общим результатом такого положения является то неуважение к закону, при готовности устами славословить его, которым проникнута вся администрация снизу и доверху... Последние годы характеризуются каким-то возведением этого неуважения в принцип, им как-то щеголяют, открыто подчеркивая, что законы и законность всегда и бесспорно должны отступать перед требованиями “государственной целесообразности”... Противовесом этому злу могла бы

¹⁵ Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – С. 261.

¹⁶ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России... С. 16.

¹⁷ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. Изд. 2-е. – М., 2009. – С. 88 — 89.

¹⁸ Там же. С. 89.

¹⁹ Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. – М., 1952. – С. 548.

²⁰ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России... С. 44.

служить деятельность суда, восстанавливающего действие закона во всех случаях его нарушения, — суда независимого, нелицеприятного, свободного от политики, не считающегося ни с чем, кроме велений закона, и ставящего своей первой и главной задачей доставление торжества этому закону. Есть ли у нас такой суд?»²¹.

И здесь, казалось бы, многое в круге задач политико-правовой модернизации России становится ясным: есть Конституция страны — она и является отправным моментом и фундаментом всего юридического быта современной России.

Но это — лишь первый взгляд: российская Конституция, каким и должно быть Основному закону государства, является документом всеобъемлющим, стержневым для всей системы российского права, но потому и не предполагающим детального регулирования каждой из затрагиваемых ею сфер общественной жизни.

В этом неявном «противоречии» конституционных ценностей с наличной правовой реальностью и кроется, по нашему глубокому убеждению, причина столь частых призывов переписать Конституцию России, начать всё с «чистого листа», реализовать идею *tabularasa*. Те, кто опрометчиво вносит подобные предложения, руководствуются тем, что онтологическая дистанция между «записанным» в Конституции страны и правовой реальностью говорит о том, что именно Конституция России «из рук вон» плоха.

Но, вновь обращаясь к суждениям нашего авторитетного коллеги профессора В.Д. Зорькина, приходит понимание того, насколько он снова прав, когда говорит, что «не научившись жить по плохой Конституции, нельзя научиться жить по Конституции вообще»²².

Правовая реальность в ее многочисленных деталях, хорошем и плохом, достоинствах и изъянах создается не только Конституцией страны, но и законами, подзаконными нормативными актами. Зададимся закономерным вопросом: насколько все наши современные законы и подзаконные акты хороши? Насколько они проникнуты идеями приверженности конституционным ценностям? Сколько из них могут считаться правовыми?

Как бы отвечая на сформулированные нами вопросы и высказывая разгромную критику в адрес апологетов *tabularasa*, профессор В.Д. Зорькин чрезвычайно точно констатирует и здесь же задается вопросами, имеющими фундаментальное значение для политико-правовой модернизации современной России: «Рано или поздно нам придется восстанавливать право. Причем, именно на общечеловеческом уровне. И вот когда мы вернемся к построению права как одной из основ подлинно человеческого бытия, мы обязательно должны будем задаться вопросом, а не находится ли в основе основ нынешнего бесправия принцип табула раса, не лежит ли в его основе какая-то ужасная теоретическая ошибка, породившая перерождение современной западной цивилизации? Или по крайней мере поспособствовавшая этому перерождению?»²³.

Действительно, сегодня, будучи проникнуты идеей прагматизма права мы настолько отделились от его истоков, от его философии, что почти позабыли о том, что нет ничего практичнее хорошей теории. Идущие в нашей стране на протяжении более двух десятилетий реформы стали уже, если говорить прямо, нескончаемыми. И это тоже не способствует тому, чтобы осмыслить накопленный «багаж» приобретений и ошибок, случившихся за этот самый сложный период на юридическом поприще, осмотреться, сформулировать наиглавнейшие и неотложные задачи на ближайшее и отдаленное будущее. Гораздо проще сказать, что российская Конституция плоха, совершенно не задумываясь о том, что Основной закон нашей страны всё дальше и дальше от заложенных в нем идеалов, возможно, именно потому, что у нас плохое качество законов и подзаконных актов, и потому, что они не подкреплены в достаточной степени стройной, внутренне непротиворечивой и, если уместно так выразиться, «изящной» юридической теорией, прежде всего, конституционно-правовой теорией, теорией современного российского конституционализма. *Разработка такой теории — важнейшее условие стабилизации всей правовой системы России, проведения внятной систематизации российского права в контексте новых исторических вызовов и рисков, а значит, и ключевой фактор политико-правовой модернизации государства.*

Однако, как бы это ни казалось парадоксальным с учетом того времени, в течение которого существует отрасль конституционного (государственного) права в нашей стране, сегодня мы не встретим единой души в ученом мире даже по ключевым вопросам одноименной отраслевой юридической науки; достаточно ярким тому подтверждением являются неутраченные споры о предмете отрасли конституционного права. Вполне допускаем, что разнообразие научных точек зрения, высказанных по проблеме предмета отрасли конституционного права России, является позитивным моментом, отражающим уровень активности исследований в области конституционно-правовой проблематики в целом. К тому же, обилие

²¹ Цит. по: Крусс В.И., Кузьмин А.Г. Понятие, основные предпосылки и факторы конституционализации российской судебной системы // Проблемы права. 2014. № 3 (46). С. 32.

²² Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России... С. 55.

²³ Там же. С. 188.

теоретических взглядов, сформулированных к настоящему времени в отношении предмета конституционно-правового регулирования, не означает существования между разными взглядами непреодолимых различий: напротив, все они, так или иначе, оперируют идеей о том, что конституционное право регулирует основы: основополагающие отношения, фундаментальные устои, базовые, ключевые принципы и ценности – и этот понятийный ряд мог бы быть еще продолжен.

Но в этом, как раз, и заключается вся сложность выработки единообразного научного подхода к определению предмета отрасли конституционного права: указать, что оно регулирует основы, не означает дать ответ на вопрос о том, а что именно считать основами (фундаментом, базисом), а что – конкретикой, подлежащей детальному правовому регулированию в рамках других отраслей права.

Профессор Т.Я. Хабриева и профессор В.Е. Чиркин, к примеру, разграничивая понятия предмета (объекта) *конституционно-правового* регулирования и объекта *конституционного* регулирования, пишут: «В конституции есть только общая схема взаимосвязей индивида (человека и гражданина), коллективов, государства и общества... Та детализация, которая есть в тех или иных конституциях, отражает чаще всего лишь традиции народа, обычаи той или иной страны, а иногда преходящую ситуацию. Чем меньше будет в основном законе преходящих норм, тем стабильнее будет конституция. Однако, с другой стороны, из конституции нельзя делать схему общих положений. При таком подходе она не сможет выполнять свою организующую и регулиующую роль. Важно соблюдать меру, необходимые пропорции»²⁴.

Мы не сомневаемся, что *поиск этих пропорций, оптимального соотношения между основным и детальным, общим и частным — насущная задача современной науки конституционного права России*. От однозначности ее решения зависит не только устойчивость представлений о самой отрасли конституционного права, но и стабильность вообще системы российского права.

Наблюдаемое сегодня отсутствие единодушия среди российских ученых в определении предмета конституционно-правового регулирования часто приводит не только к выбору законодателем недостаточно эффективных, а порой и ошибочных, методов правового воздействия на те или иные области общественных отношений, не только к многократному возрастанию объема нормативного материала и, подчас, отсутствию его внутренней согласованности, но и к негативным результатам в юридической науке, в том числе, и к появлению своего рода «*сепаратных*» концепций, направленных на ревизию столетиями формировавшейся систематики российского права.

Поддерживая мнение профессора С.А. Авакьяна, который убедительно доказывает обоснованность и отсутствие перспективы практического применения во многом надуманных или почерпнутых из западной юриспруденции концепций «*новой*» систематизации российского права в современных условиях²⁵, следует, однако, признать, что тесное переплетение в реальной жизни общества разных аспектов какого-либо определенного, взятого для исследования явления подчас способно приводить к размыванию традиционных рамок и границ предметных областей также и тех отраслей российского права, которые считаются сложившимися и существование которых никем из специалистов не оспаривается. ***А в случае с отраслью конституционного права поиск баланса между основным и детальным, общим и частным в регулировании самых разных сфер общественной жизни вообще становится «вечным» вопросом права***, ибо этот баланс даже если и может быть когда-либо теоретически или эмпирически обнаружен, всегда будет актуален лишь для конкретной страны, конкретной нации и для конкретных исторических условий жизни общества.

В этой связи контекст проблемы предмета отрасли конституционного права серьезно меняется, а сложившаяся к настоящему времени система российского права начинает представляться не столь безупречной. Поэтому, естественным продолжением дискуссии о предмете отрасли конституционного права России (или о предмете конституционно-правового регулирования) является анализ вопроса о возросшей подвижности отраслевой систематизации российского права в целом.

Следует отметить, что тенденция к вычленению «*новых*», все более дробных отраслей в рамках предмета некогда сложившихся эволюционным путем отраслей права, которые сегодня считаются традиционными, характерна не только для отечественной конституционно-правовой науки, но и для других отраслевых юридических наук. Достаточно вспомнить такие «*вновь появившиеся*» отрасли, как спортивное право, военное право, инвестиционное право, энергетическое право, информационное право и ряд других. Сегодня весьма редко можно встретить и какую-либо кандидатскую диссертацию по юридическим наукам, в которой не подвергался бы ревизии вопрос об отраслевой принадлежности исследуемых в ней правовых норм, институтов и отношений и не предлагалось бы урегулировать соответствующую сферу, ни больше, ни меньше, специальным законом, притом законом, как правило, федеральным. Думается, что авторы таких исследований, нередко не имеющие необходимого практического и жизненного опыта и

²⁴ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. - М.: НОРМА, 2007. – С. 75.

²⁵ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: Учебное пособие. В 2 т. Т. 1. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – С. 60 – 63.

вслед за западными учеными весьма либерально относящиеся к проблеме структурирования права, часто не в полной мере учитывают как достижения, привнесенные в юридическую науку нашими предшественниками – русскими дореволюционными и советскими классиками юриспруденции, так и основные каноны юридической техники.

Вместе с тем, в этой, складывающейся в отечественной юриспруденции ситуации нельзя упрекать только исследователей, особенно начинающих, которые в своем стремлении привнести в юридическую науку нечто новое поднимают вопросы о пересмотре сложившейся системы российского права, но нередко не дают, либо не находят на них однозначного ответа. Любое исследование правовой проблематики при всем многообразии доступных исследователю методов научного познания, прежде всего, отталкивается от современной автору картины мира. И в этой связи постоянно усложняющаяся практика общественной жизни, взаимопроникновение различных элементов одних сфер в другие и в самом деле приводят, с учетом традиционных критериев разграничения отраслей права — предмета и метода правового регулирования, — к стиранию, размытию некогда весьма жестких границ между ними.

В таких условиях, в более или менее отдаленной перспективе, вектор развития представлений о систематизации российского права во многом является предопределенным: с течением времени практический смысл выделения отдельных отраслей права именно по традиционным критериям предмета и метода правового регулирования будет стремиться к нулю, а право, будучи социальным феноменом и развиваясь по законам исторической спирали вместе с социумом, так или иначе, совершит возврат к своему генетически предопределенному делению на право публичное и право частное.

Этой тенденцией объясняется то, что в последнее время в работах, посвященных исследованию юридической проблематики, в том числе, в исследованиях философского характера, всё чаще используется соответствующая терминология, а нередко приводятся и весьма любопытные обоснования деления права только на право публичное и право частное, без строгого, формального отграничения друг от друга отраслей права, входящих в то или иное из указанных двух подразделений (разделов) права.

Справедливости ради следует отметить, что происходящее усложнение общественной жизни, приводящее к описанным выше метаморфозам в систематизации российского права и ставшее в наши дни уже настолько ощутимым, что нет никакой возможности считать его юридически незначимым, становилось предметом набирающих силу дискуссий в среде еще русских дореволюционных классиков юриспруденции.

Так, один из видных русских юристов К.Д. Кавелин, размышляя о соотношении публичного и частного начал в регулировании гражданских правоотношений, отмечал следующее: «...нет ни одного частного юридического отношения, которое не подпадало бы под определение закона или по форме, или по содержанию, а определение законом, что это, как не выражение общественной потребности в виде общего, обязательного правила? Я могу покупать и продавать, но не все, что мне вздумается: есть вещи, которые продавать и покупать запрещается; я могу договариваться, но тоже не обо всем: есть действия, о которых договариваться не дозволено; я могу давать в ссуду и занимать, но опять-таки не совсем свободно: закон о росте или процентах ставит моему произволу, и в этом отношении известные пределы... Во всем этом выражается, что частное не совсем так далеко от публичного, не так отделено от него китайской стеной, как многие готовы думать; будь это так, закон — орган публичных нужд и потребностей — и не подумал бы определять и ограничивать частные юридические отношения»²⁶. Подытоживая, автор заключает: «Итак, внимательно просмотрев все части гражданского права, нельзя найти ни одной, в которой бы шла речь исключительно об одном частном, приватном; в каждой непременно оказывается очень много такого, что по своему значению, влиянию, роли, имеет публичный, общественный интерес, касается более или менее общества, государства... В действительности, область приватного, частного интереса не отделяется резкой чертой от общественного, публичного; но если бы когда-нибудь такое отделение и могло состояться, оно принесло бы совсем не те плоды, какие ожидаются, а напротив, сделало бы частную жизнь и приватные юридические отношения несносными и невозможными»²⁷.

Следуя приведенной логике и хрестоматийной сентенции древнеримского классика Ульпиана, сформулировавшего применительно к современной ему правовой системе отличия публичного и частного права, несложно прийти к выводу о том, что в основании публичного права лежат публичные интересы, а в основании частного права – польза отдельных лиц. И если уж в рамках такой, генетически предопределенной дихотомии права происходит постоянное взаимопроникновение публичных и частных начал правового регулирования, то нет ничего удивительного в том, что наблюдается сегодня в российской юриспруденции: в рамках более дробной системы российского права с его отраслями, подотраслями и институтами подобное взаимопроникновение выглядит еще более детерминированным и закономерным.

²⁶ Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – С. 67.

²⁷ Там же. С. 76.

В результате, проблема предмета конституционно-правового регулирования, как и вопрос о необходимости ревизии сложившейся системы российского права, получают принципиально иное измерение и практический смысл, в том числе, делая объяснимым процесс конституционализации отраслей российского права и усиление публично-правовых начал в регулировании общественной жизни, происходящее в контексте вызовов глобализации и зарождающегося информационного общества.

Таким образом, обозначив в ходе предшествующих размышлений онтологический масштаб и глубину исторического контекста столь необходимой для современной России политико-правовой модернизации, нельзя не согласиться с суждением нашего глубокоуважаемого коллеги профессора В.Д. Зорькина: «Без правовой модернизации у России нет будущего»²⁸! И правда, «Дело модерна — это великое дело, требующее и исторической воли, и исторического терпения, и исторического разума наконец. Наш идеал — соединение власти и свободы на основе права как единственного мерилы свободы. Идти к этому идеалу можно, только сочетая либеральные меры и сильную власть»²⁹.

Завершим логику наших размышлений о судьбах политико-правовой модернизации России, присоединяясь к сказанному профессором В.Д. Зорькиным, известным выражением одного из ярчайших умов человечества — Цицерона, — о том, что если мы хотим быть свободными, необходимо стать рабами закона.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: Учебное пособие. В 2 т. Т. 1. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 864 с.
2. *Бредихин А.Л.* Суверенитет как политико-правовой феномен: Монография / А.Л. Бредихин. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - 128 с.
3. *Вестфальский мир* [Текст] / Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. II. Европа: V-XVII вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 829 с.
4. *Военная доктрина Российской Федерации*, утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // Российская газета. 2014. 30 декабря.
5. *Грачев Н.И.* Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития: Монография / Н.И. Грачев. – М., 2009. – 468 с.
6. *Гроций Г.* О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. / Г. Гроций. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
7. *Гэлбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества / Дж. К. Гэлбрейт. – М., 1976. – 330 с.
8. *Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»* // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.
9. *Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации*, утв. указом Президента РФ от 30.01.2010 № 120 // Российская газета. 2010. 3 февраля.
10. *Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе* (подписан в Хельсинки 01.08.1975 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. — М.: БЕК. 1996. – 570 с.
11. *Закон № 1207-VII «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины»*, принятый Верховной Радой Украины 15 апреля 2014 г. (в ред. от 15.01.2014) // Ведомости Верховной Рады Украины. 2014. № 26 (27.06.2014). Ст. 892.
12. *Закон РСФСР от 31.10.1990 № 293-1 «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР»* // Ведомости ВС РСФСР. 1990. №22. Ст. 260.
13. *Заявление «двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик* (Вместе с «О критериях ЕС для признания новых государств в Восточной Европе и на территории Советского Союза») (Подписано в г. г. Брюсселе, Гааге 23.12.1991) // Действующее международное право. Т. 1 – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 159 — 161.
14. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 320 с.
15. *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. - 720 с.
16. *Кавелин К.Д.* Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 736 с.

²⁸ *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России... С. 69.

²⁹ Там же. С. 74 — 75.

17. *Концепция* внешней политики Российской Федерации, утв. Президентом РФ 12.02.2013 (документ официально опубликован не был). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>
18. *Концепция* демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. указом Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (в ред. от 01.07.2014) // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
19. *Крусс В.И., Кузьмин А.Г.* Понятие, основные предпосылки и факторы конституционализации российской судебной системы // Проблемы права. 2014. № 3 (46). С. 27 — 38.
20. *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. Изд. 2-е. – М., 2009. – 552 с.
21. *Международный суд ООН признал независимость Косово* // Официальный сайт «Коммерсант.ру». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1473715>
22. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
23. *Радищев А.Н.* Избранные философские и общественно-политические произведения. – М., 1952. – 672 с.
24. *Стенограмма* выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>
25. *Стратегия* национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
26. *Указ* Президента Российской Федерации от 26.08.2008 № 1261 «О признании Республики Южная Осетия» // СЗ РФ. 2008. № 35. Ст. 4012.
27. *Устав* Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 7-33.
28. *Федеральный закон* от 17.12.1998 № 191-ФЗ (в ред. от 14.10.2014) «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» // Российская газета. 1998. 24 декабря.
29. *Федеральный закон* от 30.11.1995 № 187-ФЗ (в ред. от 14.10.2014) «О континентальном шельфе Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 7 декабря.
30. *Федеральный конституционный закон* от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (в ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Российская газета от 20.12.2001.
31. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. - М.: НОРМА, 2007. – 320 с.
32. *Хардт М.* Империя / М. Хардт, А. Негри / пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.

О ЮРИДИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ ГРАЖДАН И ЕГО ЗНАЧЕНИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

**Д.А. Авдеев,
доцент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент
ronner@mail.ru**

В настоящее время продолжают предприниматься те или иные меры, направленные на совершенствование организации публичной власти в Российской Федерации различного уровня. Происходит корреляция способов формирования как высших федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, так и органов местного самоуправления.

С учетом политических событий, вносятся определенного рода коррективы не только в федеральное законодательство, но и собственно в Конституцию Российской Федерации. В частности согласно части 2 статьи 95 Конституции Российской Федерации Президенту предоставляется право назначать в Состав Совета Федерации представителей Российской Федерации, число которых должно составлять не более 10 % от числа членов Совета Федерации - представителей от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Любые законодательные изменения, как правило, связаны с теми или иными событиями политико-правового и (или) социально-экономического характера. Однако полагаем, что не только данные факторы оказывают детерминирующее воздействие на развитие содержания законодательства. Само качество нормативно-правовых актов во многом зависит не только от грамотного применения правил и способов юридической техники, но и обуславливается уровнем правосознания и юридическим мышлением ее разработчиков.

Ныне действующая, пятая по счету, российская Конституция 1993 года, а также предшествующая ей Конституция РСФСР 1978 года с изменениями и дополнениями, внесенными в конце 80-х начала 90-х годов прошлого века, закрепила новые положения конституционного строя, а также предусмотрела иные принципы организации публичной власти. По сути, все основополагающие элементы политической и экономической системы современной России получили новые векторы развития и соответственно новое содержание. К примеру, отрицавшийся на протяжении десятков лет принцип разделения властей, стал основой для организации системы государственной власти Российской Федерации и ее субъектов. Впервые органы местного самоуправления приобрели юридическую самостоятельность и формальную независимость от органов государственной власти. К числу других принципов, которые получили конституционное закрепление, можно отнести: признание человека его прав и свобод человека высшей ценностью, установление примата норм международных договоров над федеральным законодательством, учреждение принципа политического и идеологического многообразия, признания многообразия и равной защиты всех форм собственности, провозглашение Российской Федерации социальным государством, закрепление новых принципов федеративного устройства и т. д.

Безусловно, что все эти вышеуказанные и другие признаки и черты, характеризующие Российскую Федерацию как правовое, демократическое, федеративное государство с республиканской формой правления нуждаются в понимании их содержания. Реализация конституционных положений требует переосмысления, сложившейся десятилетиями в советский период, схемы взаимоотношений государство-общество-человек. Следует пересмотреть прежнюю систему ценностей, уяснить и сообразовывать дальнейшую функциональную деятельность всех органов публичной власти и их должностных лиц, а также собственно непосредственное юридически значимое поведение самих граждан с постулатами и принципами установленными Конституцией Российской Федерации 1993 года. Недаром в статье 18 Конституции оговаривается, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Путь к правовой государственности в российских условиях, по верному замечанию И.А. Кравца, «во многом зависит от «способности должностных лиц, социальных групп и слоев сформировать у себя «юридическое мировоззрение»[1; 49]. А для этого необходимо, как говорится, вести широкомасштабную всеобъемлющую разъяснительную работу не только среди граждан, но чиновничьего аппарата различного уровня. Потребуется время, так как преобразование и реконструктуализация государственного управления

не произойдет в одночасье. Именно в этот период «особое значение приобретает правосознание, так как старые правовые институты преобразуются, меняется правовая идеология, а ценности широких социальных слоев, сформировавшиеся в условиях действий прежней правовой системы, сохраняют инертность и не подлежат быстрому изменению»[1; 319].

Нельзя не учитывать тот факт, что за последнее столетие российское государство, изменяя свою форму, фактически находилось в трех разных по своей сущности государственных эпохах, переходя из одной в другую, не совсем эволюционным путем. Путь от монархии через построение социалистического общества к новому формату республиканского государства Россия прошла за достаточно короткий срок. Безусловно, подобные переходы в истории нашего государства не могут не отражать те или иные особенности предыдущего периода, которые в свою очередь, откладывают определенный отпечаток как на форму государства, так и собственно на правовую культуру, правосознание и юридическое мышление граждан.

Уровень правовой зрелости населения или уровень правосознания граждан предопределяются развитием правовой деятельности государства, развитием уровня системы юридических актов, от которых зависит качественное состояние правовой жизни общества. По нашему убеждению именно юридическое мышление граждан, основанное на правосознании, является ключевым элементом в развитии любых процессов, возникающих в той или иной сфере жизнедеятельности общества и государства. От качественного состояния политико-правовой культуры, уровня правосознания зависит эффективность реформирования экономических, политических и правовых и иных сфер [2; 49].

Деформированное же правосознание создает квазиконституционное пространство, в котором граждане, должностные лица, некоторые государственные и общественные структуры освобождают себя от выполнения требований Конституции, действуют по своему усмотрению [3; 12], а это, безусловно, негативно сказывается на реализации ее положений.

Политическая грамотность и активность народа, являясь показателями эффективности функционирования механизма непосредственного участия народа в управлении делами государства, позволяют говорить о степени демократичности законодательства, соответствии его критериям правового государства. В свое время известный русский правовед Ф.Ф. Кокошкин подчеркивал, что «только развитие самодетельности народа может служить прочным фундаментом благополучия и национального прогресса»[4; 49-50].

В российском монархическом государстве восточно-деспотического типа уважительного отношения к праву и закону сложиться не могло, не было в нем и условий для утверждения демократической законности [5; 188]. «Как только страна отказалась от тоталитарных методов правления, – справедливо отмечает В.А. Туманов, – и попыталась встать на путь правового государства... так сразу же дал о себе знать низкий уровень правовой культуры общества, десятилетиями царившие в нем пренебрежение к праву, его недооценка»[6; 52].

Поэтому высокий уровень правосознания населения будет способствовать претворению в жизнь признаков правового демократического государства. Другими словами, определенный склад общественного сознания, основанный на уважении закона, прав и интересов других лиц, должен наличествовать в правовом государстве [7; 348], при условии, если мы действительно этого хотим.

По нашему мнению, формирование юридического мышления у большинства граждан, будет способствовать не только повышению уровня правовой культуры, но и правовой деятельности собственно государства и общества, как бы это пафосно не звучало, в целом. К сожалению, опыт государственного строительства в России, для органов публичной власти характерным было и остается всевластие и юридическая безответственность за свои действия (бездействия), что затрудняет становление гражданского общества. Гражданин не чувствует заинтересованность властей в создании полноценных и действенных условий для его самореализации. Еще А.И. Герцен отмечал: «правовая необеспеченность, искони тяготившая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство» [8; 241].

Вышеназванные факторы свидетельствуют о существующих проблемах в развитии правового видения общественных отношений, в отсутствии юридического мышления. Совершая те или иные действия (поступки) люди не задумываются, что, по сути, они находятся в правовом вакууме и что, их деяния (действия, бездействия) различного характера имеют правовую оценку и могут рассматриваться с точки зрения правомерности и неправомерности. Мы должны понимать и осознавать, что вступая в различного рода общественные отношения мы попадаем под действия права (закона) со всеми вытекающими последствиями. Не понимать этого нельзя, современное общество это правовое общество, где не знание этого будет всегда иметь последствия.

Интерпретация гражданами правовых норм или неправильное представление тех или иных правовых институтов приводит порой к подмену юридических понятий. Так, например, получившее широкое распространение совместное проживание мужчины и женщины без регистрации брака – сожителство, получило наименование «гражданский брак», что является абсолютно не верным. Другой пример, когда происходит смешение граждан обладающих статусом беженца и вынужденного переселенца. Подобных примеров можно привести достаточно много, свидетельствующих о некорректном восприятии правовых понятий, придании им иного смысла, а как следствие, искажение восприятия правовой материи.

Конечный результат формирования конституционного правосознания заключается в деятельности целого комплекса органов (институтов) как государственно-правового характера различного уровня (федерального, межрегионального, уровня субъекта, местного), так и институтов гражданского общества задействованных в процессе активизации личности в политико-экономическом аспекте [9; 39]. Единственно верным путем ко всем реформам является постепенное воспитание правосознания, основанное на формировании юридического мышления граждан.

О способах повышения уровня правосознания населения говорилось в отечественной юридической литературе неоднократно. Однако, по верному замечанию Т.Д. Зражевской, для достижения правосознания нации и формирования ее внутреннего единства необходимо формирование на уровень конституционного законодательства целей государства со статутными характеристиками, отвечающими правосознанию и интересам народа. Нация должна знать, куда развивается общество, какова цена этому развитию и поверить в данный процесс. В противном случае реализация конституционного законодательства невозможна [10; 31].

Таким образом, полагаем, что правовая ментальность и основанное на нем юридическое мышление граждан имеют ключевое значение в развитии государственности, они выполняют функцию эволюционного вектора в формировании государственно-правовых институтов. В конечном итоге юридическое мышление граждан определяют специфичность каждого государства в отдельности. Еще одним признаком современного уровня российского правосознания, можно назвать такую характерную особенность как его «монархический республиканизм», выражающийся в нежелании органов публичной власти нести ответственность за свои поступки, в возложении решения задач на других, в пассивности граждан, способности подчиняться сильной авторитарной власти и т. д.

Основной проблемой формирования положительного отношения к праву заключается в том, что само государство порождает правовой нигилизм. Российское общество в его сегодняшнем состоянии находится в условиях дефицита правопонимания и правосознания. В этой ситуации вопросы понимания роли правосознания и путей формирования и развития правовой культуры приобретает особую значимость.

Основным постулатом, который может послужить критерием правомерности поведения российских граждан является, по нашему мнению, положение части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым осуществление прав и свобод граждан не должно нарушать права и свободы других лиц. Реализация подобного конституционного тезиса возможно лишь при достаточно высоком уровне правосознания граждан и юридическом мышлении его носителя. Следовательно, достижение целей современного государства, отвечающего признакам правового и демократического затруднительно в случае, когда подавляющее большинство граждан не имеют юридического мышления.

Список источников:

- 1.Кравец И.А. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). – Москва–Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2001.
- 2.Сырых В.М. Российская советская правовая культура в контексте мировой цивилизации // Правовая культура в России на рубеже столетий: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции / под ред. Н.Н. Вопленко. – Волгоград: Издательская группа ВРО МСЮ, 2001. С. 49.
- 3.Лучин В.О. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1.
- 4.Кокошкин Ф.Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906.
- 5.Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1999.
- 6.Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8.
- 7.Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: в 2 т. Т. 1. / С. А. Авакьян / – М.: Юрист, 2005..
- 8.Герцен А.И. Собр. соч. М., 1950. Т.7.

9. Тепляшин И.В. Становление российской правовой государственности и правовая активность // Журнал российского права. 2002. № 1.

10. Зражевская Т.Д. Реализация конституционного законодательства. Проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... док. юрид. наук. Воронеж. 1999.

К РАЗРАБОТКЕ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ: КАК ОБЕСПЕЧИТЬ ПОДЛИННОЕ СЛУЖЕНИЕ ОБЩЕНАРОДНОГО ДОСТОЯНИЯ ИНТЕРЕСАМ ОБЩЕСТВА?

**М.В. Бородач,
профессор кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент
masha965@rambler.ru**

Как известно, вопросы собственности во все времена представляли собой «краеугольный камень» в построении общественной жизни. От того, как были решены вопросы собственности в том или ином государстве во многом зависели не только его процветание, накопление общественного богатства, способность противостоять внешним угрозам, но и вообще стабильность общественной жизни в целом. С этих позиций в философской литературе уже давно признано, что вопросы собственности в том или ином качестве лежали в основании практически всех революций, имевших место в истории отдельных государств, как и в основании более масштабных эволюционных событий — таких как, например, качественное изменение основного способа хозяйствования (переход от рабовладения к феодальному строю, и т.д.). Отсюда несложно сделать вывод о том, что оптимальная, сбалансированная система регулирования отношений собственности в обществе является важнейшим фактором социального прогресса, национального (государственного) развития.

Исторически одной из ведущих юридических форм собственности выступает собственность публичная. Это вполне закономерно с той точки зрения, что в социальном устройстве с самого момента зарождения человеческого общества постоянно существуют бинарные оппозиции типа «личное – общее», «свое – чужое», «частное – публичное». Собственно, этим же обусловлено и существование в общественной жизни лишь двух типов социальных интересов — частных и публичных. Казалось бы, этого вполне достаточно для того, чтобы утверждать: в основании частной собственности лежат частные интересы людей, в основании собственности публичной — публичные; исходя из этой отправной точки и должно осуществляться правовое регулирование этих двух схожих и, в то же время, столь различающихся типов собственности. Однако ситуация с пониманием публичной собственности далеко не так очевидна, как может показаться на первый взгляд.

Российское общество знает и хорошо помнит, что не так давно — в советское время, — государственная социалистическая собственность, которую для той эпохи можно считать непосредственным юридическим воплощением собственности публичной, являлась доминирующей. Всё в экономике тех лет, да и в жизни советских граждан, было подчинено идеологии общественного, общенародного и на деле привело в целом к упадку советской системы хозяйствования, стремительному ветшанию и устареванию производственных фондов, «беспризорности» многих уникальных объектов природного и культурного наследия. В результате, подойдя к историческому рубежу, за которым последовали распад Советского Союза и кардинальная смена экономического уклада, российское общество вынуждено было признать: за годы советской власти представление о собственности, ее социальном предназначении подверглось серьезнейшей идеологической деформации, которая, в свою очередь, привела к повсеместному неуважению и даже отрицанию социальной значимости институтов индивидуальной собственности человека. С этих позиций гипертрофированная социально-хозяйственная роль государственной социалистической собственности закономерно была признана на рубеже 1980 – 1990-х гг. идеологическим экстремумом, наносящим ущерб нормальному развитию социальных отношений и требующим скорейшего преодоления.

Впоследствии на этапе перехода к рыночным условиям хозяйствования в нашей стране государственная собственность (как, впрочем, и вообще собственность публичная) была объявлена изначально неэффективной формой экономических отношений, которая подлежит постепенному вытеснению из социального экономического уклада, а роль государства в регулировании экономической сферы должна

быть сведена к минимуму — до т.н. качества «государство - ночной сторож». Сейчас, по прошествии с тех пор почти четверти века, несложно понять, что такая идеология, возведенная в ранг государственно признанной доминанты экономической политики, по сути, стала очередной крайностью, являвшейся антитезой политико-идеологическим экстремумам советских лет и не сулившей, по гамбургскому счету, качественного обновления экономической среды в России. Здесь исследователями традиционно приводятся в пример результаты первых волн приватизации, олигархическая структура экономики, сформировавшаяся на рубеже 1990 – 2000-х гг., хищническое отношение новых собственников к «неожиданно свалившемуся» на них за бесценок богатству, граничащее с состоянием социальной катастрофы чрезвычайное имущественное неравенство российских граждан.

Однако у такого «положения вещей» есть вполне видимая юридическая составляющая, которая, за гранью анализа социальных и политических последствий той или иной идеологии в вопросах собственности, как раз и должна интересовать юриста.

Думается, что начать критику преобладающего сегодня в юридической науке и практике подхода к пониманию публичной собственности необходимо с указания на то, что при принятии в 1994 году первой части Гражданского кодекса России нормы о государственной и муниципальной собственности под «знаменами» возрождения общего юридического представления о собственности были включены в этот законодательный акт, который по самой своей сути рассчитан на регулирование лишь области гражданского оборота — пространства «своего интереса» и частной свободы. В результате сегодня можно видеть, что довольно обширная группа ученых (и цивилистов, и публицистов — заимствуя принятый в дореволюционной русской юриспруденции термин и понимая под ними специалистов в отраслях публичного права) исходит в трактовке публичной собственности из того, что в выделении данной юридической формы собственности нет практического смысла, поскольку она по своему правовому содержанию ничем не отличается от собственности частной [1, 505 – 507; 2, 166; 3, 24]. Соответственно, «исчерпание» содержания публичной собственности происходит, по мнению указанной группы ученых, в рамках классической триады правомочий любого собственника; такой же подход воспринят и законодателем при формулировании статьи 209 ГК [4].

Впрочем, такой подход имеет в российской юриспруденции весьма устойчивые исторические основания. Концепция триады правомочий собственника, впервые сформулированная М.М. Сперанским еще в начале XIX в. при подготовке первой редакции Свода законов Российской Империи [5, 281 – 282], впоследствии прочно вошла в обиход российской юридической науки и практики дореволюционного периода; продолжала она использоваться и в советской юриспруденции, хотя и подвергалась учеными критике как не исчерпывающая содержание права собственности в полной мере [6, 16 – 17].

Следует признать, что сугубо цивилистическое понимание собственности и ее различных юридических форм способно привести в случае с собственностью публичной к искажениям и «перекосам» в правовом регулировании не менее значительным, чем и официальное провозглашение доминирующего характера последней в экономическом укладе общества. Потребовался десятилетний путь «проб и ошибок» прежде, чем в Гражданском кодексе РФ, например, появилась норма о безусловной недействительности любых сделок, которые нарушают требования закона или иного правового акта и при этом посягают на публичные интересы — пункт 2 статьи 168 ГК [4].

Аналогичным примером может служить и наметившийся в прошлом в судебно-арбитражной практике подход к утверждению мировых соглашений, заключавшихся сторонами по искам о взыскании стоимости неосновательного обогащения, которые предъявлялись поставщиками (исполнителями, подрядчиками) к государственным и муниципальным заказчикам, осуществившим приемку товаров, работ, услуг в отсутствие контрактов (иных гражданско-правовых договоров), заключенных в порядке размещения заказов. По существу, процессуальные возможности окончания судебного спора миром в подобных ситуациях могли использоваться заказчиками (в силу разных причин) и их контрагентами как способ минования обязательных процедур размещения заказов: в рамках таких судебных дел вопрос о том, каковы причины несоблюдения ответчиками законодательства о размещении заказов, нередко даже не возникал [7; 8; 9], не говоря уже о судебной оценке этих причин с точки зрения их соответствия публичному интересу, сформулированному в части 1 статьи 1 Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов...» [10]. Лишь в июне 2013 года Высшим Арбитражным Судом РФ на фоне резонансной ситуации с выявленными имущественными злоупотреблениями в Минобороны России была сформулирована правовая позиция о недопустимости удовлетворения исковых требований поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в отсутствие заключенного в установленном порядке контракта с публичным заказчиком, ибо, как указал Суд, никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения [11].

Говоря о цивилистической семантике правомочий собственника, образующих в нераздельной своей совокупности и взаимосвязи триаду, важно обратить внимание на тот факт, что смысловой контекст, в котором трактуется каждое из правомочий, взятое в условиях имущественного оборота по-отдельности, по

существу, представляет собой логическую мозаику. Это обстоятельство очень точно охарактеризовано К.И. Скловским, который в своем исследовании собственности отмечает: «Если собственник вполне свободен, беспечен, увлечен вещью самой по себе, связывает с ней свое будущее, то арендатор стремится извлечь из вещи максимум сиюминутной выгоды, отягощен ответственностью за ухудшение вещи сверх нормального износа, и все улучшения вещи не для него, а для другого; владение же хранителя и вовсе лишено всякого чувства общности, и на первом плане у него постоянно ощущаемая чуждость отданной на хранение вещи, которая сама по себе не содержит для него никакого блага и служит лишь источником тревоги. Между тем, с позиций триады здесь везде одно и то же “право владения”» [2, 127]. Далее ученый продолжает: «Понятно, что истинное постижение права невозможно, пока не станет ясной нетождественность позиций владения (или пользования и т.д.) в разных юридических ситуациях, различающихся степенью близости к вещи, ведь если, как принято считать с позиций теории триады собственник отдает при аренде “право владения”, то у арендатора, конечно, возникает совсем не то право, какое было у собственника» [2, 127].

Признание того обстоятельства, что владение, пользование и распоряжение (если выражаться в терминологической традиции триады), осуществляемые публичным собственником, не тождественны, по причине разницы публичных и частных интересов, цивилистическому пониманию названных правомочий применительно к «обычным» участникам гражданского оборота — лицам частного права, — побуждает обратить более пристальное внимание на положения пункта 2 статьи 209 Гражданского кодекса РФ [4]. Данная правовая норма, раскрывающая юридико-поведенческие аспекты содержания правомочий собственника, имеет логическую связь с его волевой сферой, сферой собственнического интереса — через содержащееся в данной норме словесное выражение «по своему усмотрению» (т.е., по логике п. 2 ст. 1 ГК РФ, в своем интересе). Однако возникает резонный вопрос: применима ли вообще подобная схема «расшифровки» правомочий собственника в случае с публичной собственностью, в рамках которой публичный собственник по определению не может иметь и выражать какой-либо *свой* интерес?

В действительности, постановка вышеуказанного вопроса имеет непосредственную связь с проблемой юридической личности публичного собственника, связанной в первую очередь с признанием наличия у него волевой сферы, содержание которой как раз и определяется соответствующими интересами. Но если в случае с «обычными» субъектами гражданского оборота — гражданами и юридическими лицами, — содержание их волевой сферы определяется их собственными (своими), нераздельно связанными с их юридической личностью интересами, то в ситуации с юридической личностью публичного собственника публичные интересы выступают элементом, внешним по отношению к его волевой сфере, ибо они формируются обществом (социумом, нацией) — цивилизационным феноменом, малопонятным гражданскому обороту и потому никогда не конституировавшимся в рамках гражданского права в качестве возможного участника частных, частных отношений.

В результате, следует констатировать, что попытки определить понятие публичной собственности путем указания на триаду правомочий собственника в ее цивилистическом смысловом контексте и в привязке к осуществлению публичным собственником правомочий по *своему* усмотрению, не имеют под собой фактических и правовых оснований, поскольку вступают в противоречие с объективными свойствами публичных интересов, лежащих в основе публичной собственности.

Вместе с тем, конечно, понимание невозможности использовать цивилистические подходы к определению публичной собственности само по себе вносит мало ясности в вопрос о том, что же она собой представляет или, по меньшей мере, должна представлять на современном этапе развития Российской государственности. Таким образом, сформулированные выше тезисы создают ситуацию, которая настоятельно требует, чтобы образовавшийся в результате рассуждений смысловой вакуум в понимании публичной собственности был заполнен.

Поэтому, в некотором смысле предваряя длительный процесс кропотливой разработки в современной отечественной юриспруденции адекватного комплексного представления о публичной собственности, уместно привести ряд наблюдений, сделанных известным дореволюционным русским юристом И.А. Покровским в отношении публичной собственности в римском праве. Он, в частности, писал: «Народ является носителем... всех частных прав, присущих государству: он имеет собственное имущество (например, *ager publicus* считается имуществом *populi Romani*), он является иногда наследником (например, по отношению к Пергаму) и даже опекуном (по отношению к Египту)» [12, 92]. Далее он отмечал, что государственное имущество, государственные рабы, земли, согласно убеждениям римских юристов, находятся за пределами традиционного гражданского оборота; это особые по своей природе отношения, т.к. государственное имущество принадлежит всем вообще и никому по-отдельности. По этой причине никто не имеет каких-либо субъективных прав на государственное имущество, а есть только обязанность магистратов управлять им в согласии с нормами публичного права. В результате, ученый формулирует вывод, который, как представляется, и является ключом к пониманию смысла публичной собственности: «Не идея

регулирования и охраны чьих-либо субъективных прав, а идея управления имуществом, никому в частности не принадлежащим, определяет собою всю данную обширную область отношений (подчеркивание наше. — М.Б.)» [12, 308].

Думается, что именно и только такое представление о публичной собственности, благодаря которому она предстает не как набор юридических возможностей в экономической сфере, а в качестве главным образом обязанности, бремени для тех, кому она вверена, позволит начать постепенное продвижение российского общества к реализации идеи служения публичной собственности общенародным интересам и общему благу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права* / Отв. ред. Е. А. Суханов. - 4-е над., стереотип. — М.: Статут, 2014. — 958 с.
2. *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве: Учеб.-практ. пособие. – 3-е изд. – М.: Дело, 2002. – 512 с.
3. *Щенникова Л.В.* Вещные права в гражданском праве России. – М., 1996. – 186 с.
4. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)* от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. *Законы гражданские (Св. Зак. т. X, ч.1): практический и теоретический комментарий* / Под ред. А.Э. Вормса и В.Б. Ельяшевича. - Вып. второй. – М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1913; Репринт. изд. – 384 с.
6. *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. – М.; Л., 1948. – 839 с.
7. *Определение арбитражного суда Тюменской области* от 15.08.2007 об утверждении мирового соглашения по делу № А70-3832/2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru/>
8. *Определение арбитражного суда Тюменской области* от 14.07.2011 об утверждении мирового соглашения по делу № А70-5848/2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru/>
9. *Определение арбитражного суда Тюменской области* от 24.01.2012 об утверждении мирового соглашения по делу № А70-12556/2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru/>
10. *Федеральный закон* от 21.07.2005 № 94-ФЗ (с изм. и доп.) «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (утратил силу) // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3105.
11. *Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ* от 04.06.2013 № 37/13 по делу № А23-584/2011 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 11.
12. *Покровский И.А.* История римского права. – СПб., 1998. – 560 с.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКАЯ ПРИРОДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВЕТЕ ФЕДЕРАЦИИ

**С.В. Булатова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
BulatovaSveta72.yandex.ru**

**Научный руководитель:
Д.А. Авдеев,
доцент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

23 мая 2014 года Государственная Дума приняла в третьем чтении Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», предусматривающий назначение части членов верхней палаты парламента Президентом России [1].

Отсутствие очевидной необходимости в принятии данной поправки ставит закономерные вопросы, касающиеся ее оправданности и предпосылок ее принятия, а также определения особенностей правового статуса новых «сенаторов» – представителей Российской Федерации.

Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания сам по себе является достаточно спорным. Так, например, В. Васильев высказывался в пользу вхождения в Совет Федерации руководителей законодательных и исполнительных органов субъектов РФ. Он объяснял преимущества такого подхода тем, что «во-первых, они наиболее информированы о проблемах и нуждах своих регионов; во-вторых, должностное положение обязывает их активно добиваться удовлетворения интересов этих регионов; в-третьих, эти люди, как правило, достаточно опытные в государственных делах, знающие, как лучше сочетать интересы субъектов Федерации с общефедеральными идеями» [2; 4].

По мнению же С.А. Авакьяна, замещение мандатов в силу должности приводит к неэффективному порядку работы Совета Федерации, при котором его члены две трети времени уделяют работе не в палате, а в субъекте Федерации в силу должности [3; 10].

С.М. Миронов, в свою очередь, высказывался за переход в перспективе к прямым выборам сенаторов [4]. В поддержку механизма формирования Совета Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании высказывалась и Т.Ю. Ныркова, обосновывая особую легитимность данного подхода тем, что по своей природе парламент является представительным органом. «И его правовая основа должна расширять возможности осуществления народовластия, регионального представительства, способствовать реализации конституционного права граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти, принципа разделения властей» [5; 18-25].

Как считает А.Н. Медушевский, неопределенность в порядке процедуры формирования Совета Федерации (и воссоздание Государственного совета) следует понимать, как поиск оптимальной модели бикамерализма в постсоветской России [6; 40].

Однако, несмотря на антагонизм изложенных точек зрения существование Совета Федерации обусловливается прежде всего претворением в жизнь принципа федерализма в устройстве государства, то есть представительская функция члена Совета Федерации заключается в представлении интересов жителей конкретного субъекта федерации.

В связи с вышесказанным становится не совсем понятным, что скрывается за формулировкой представительства Российской Федерации. Значит ли это что назначаемые президентом представители РФ призваны координировать решения представителей субъектов РФ, перекраивая их в пользу Российской Федерации, и тем самым усиливать тенденцию централизации.

Однако нам эта позиция представляется достаточно спорной. Поскольку число представителей РФ достаточно ограничено (не более десяти процентов от числа членов Совета Федерации), трудно представить, что воздействие группы из семнадцати (максимально) сенаторов может кардинально изменить направление деятельности всей палаты. Конечно, речь в таком случае идет исключительно о легальных методах воздействия на членов Совета Федерации, представляющих субъекты РФ.

Другим, на первый взгляд обоснованным, предположением относительно назначения новых членов Совета Федерации Федерального Собрания является не столько их представительство интересов государства в целом, сколько, как нам кажется, лоббирование взглядов Президента.

В пользу этой точки зрения резонно отметить, что у Президента РФ появляется поддержка в Совете Федерации при переизбрании его на последующий срок. В соответствии с 4 частью 95 статьей Конституции РФ, «Президент Российской Федерации не может освободить назначенного до его вступления в должность члена Совета Федерации - представителя Российской Федерации в течение первого срока своих полномочий, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом». А значит даже при вынужденном «прерывании» президентства после двух сроков, экс-президент вполне может заручиться поддержкой со стороны назначенных им же сенаторов при выдвижении своей кандидатуры на следующий срок.

Однако сомнительной кажется сама необходимость усиления позиций Президента в законодательной власти, учитывая, что он уже обладает существенными полномочиями в законодательном процессе: правом законодательной инициативы, правом «вето», правом подписания и обнародования законов.

Не менее интересной теорией относительно сущности представителей Российской Федерации в Совете Федерации нам видится представление их в качестве внутреннего элемента системы сдержек и противовесов.

Такая точка зрения имеет право на существование лишь в случае признания Президента РФ представителем исполнительной власти, поскольку представители РФ как элемент воздействия на законодательную власть могут относиться лишь к исполнительной власти (очевидно, что не к судебной!).

Мы склонны согласиться с мнением профессора Ю.К. Краснова в том, что «в отношениях с законодательной властью доминирование исполнительной власти во многом предопределяется тем, что президент обладает такими весьма действенными рычагами, как право роспуска Государственной Думы, право назначения выборов в Государственную Думу, право назначения референдумов, право на внесение законопроектов в Думу, подписания и обнародования федеральных законов» [7].

Логично предположить, что последнее изменение в способе формирования Совета Федерации направлено как раз на создание рычага воздействия со стороны исполнительной власти и на верховную палату российского парламента.

Еще более очевидным в данном случае является разделение властей в форме разделение власти между субъектами федерации и федерацией в целом в рамках единого федеративного государства. С позиции Г.Н. Чеботарева, «федеративное устройство российского государства имеет главным своим назначением установление оптимального соотношения между государственным целым и его частями, позволяющего преодолевать негативные последствия как излишней централизации, так и сепаратизма, раздробленности, а также приближать власть и управление к интересам всех групп населения и всех граждан» [8; 20].

Похожая мысль была вынесена как обоснование для изменения механизма формирования Совета Федерации. По мнению законодателя, появление в верхней палате Федерального Собрания Представителей РФ создало «дополнительные условия для достижения баланса полномочий и законных интересов Российской Федерации и ее субъектов, что является одной из основных целей деятельности Совета Федерации как конституционного органа Российской Федерации, призванного отражать ее федеративное государственное устройство» [9].

Несомненно изменение в способе формирования высшего органа государственной власти всегда влечет за собой неоднозначную реакцию со стороны научного сообщества, конечно, воспринимающих это изменения с различных уровней понимания проблемы. Одним из таких спорных аспектов выступает как раз соотношение самой сущности Совета Федерации как представительного органа регионов и возможности членства в нем представителей государства в целом.

Говоря о представительном органе, по определению П.Н. Кириченко, мы ведем речь об органе власти, в основе конституционно установленной конструкции которого лежит делегированное народом поручение представлять его интересы в системе публично-властных отношений [10; 21]. Соответственно возникает вопрос о признании способа назначения Представителей РФ способом волеизъявления народа.

Мы считаем, что поскольку, согласно нормам Конституции Российской Федерации, Президент Российской Федерации избирается гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, а значит представляет интересы всех граждан, то назначение Президентом членов Совета Федерации является вполне правомерным.

В данном случае резонно говорить о вторичном осуществлении власти народа, через органы государственной власти [8].

Слишком много вопросов, возникших после принятия нового способа формирования Совета Федерации, до сих пор остаются без ответа. В том числе и скрытая за туманной формулировкой – «достиже-

ния баланса полномочий и законных интересов Российской Федерации и ее субъектов» - сама сущность назначения новых членов этой палаты парламента.

Однозначно можно сказать лишь одно, Представители РФ – совершенно новый для современной политической истории России способ формирования палаты парламента. И несмотря на то, что подобный опыт существует в Казахстане, Италии, Индии и Великобритании, объективная оценка деятельности президентских сенаторов возможна только в ретроспективе. А значит на данном этапе, фактически апробации, можно лишь предполагать «приживется» ли эта модель в российских условиях.

И опираясь на высказывание известного русского государствоведа Н.М. Коркунова, который отмечал, что "изменение государственного строя не есть дело чьего-либо личного произвола, а производится действием изменяющихся условий общественной жизни. Новые, сильные запросы развивающегося общества всегда преодолевают противящуюся им букву закона, и сложные, медленные формы изменения конституции в практическом результате только умножают случаи насильственных государственных переворотов" [11; 47], мы считаем, что именно общественная реакция определит будущее этой достаточно спорной поправки.

Но в нашем представлении назначение «новых сенаторов», чья представительская функция заключается в отстаивании интересов государства в целом, имеет достаточно положительных аспектов влияния на взаимоотношения между федерацией и регионами, в том числе мы говорим о возможности развития федеративных отношений не только в рамках конституционных норм, но и в законодательном процессе. А именно практическом урегулировании вопросов, связанных с разграничением интересов Российской Федерации и ее субъектов.

К тому же, учитывая, что само существование верхней палаты обусловлено необходимостью обеспечения баланса конкурирующих интересов: общенационального (и сопутствующей этому интересу тенденции к централизации) и совокупного интереса территорий (тенденции к децентрализации) [12], представительство в ней самого государства обеспечит более эффективную реализацию этих задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание законодательства РФ. 2014. № 30. Ст. 4202.
2. Независимая газета. 1995. 24 февраля. С. 4.
3. Авакьян С.А. Проблемы народного представительства в РФ. М., 1998. С. 10.
4. Миронов С.М. Конституция России и задачи Совета Федерации // Российская Федерация сегодня. 2002. № 2. Собрание Актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 42. Ст. 3994.
5. Ныrkова Т. Ю., Петрова Н.А. К вопросу об изменениях порядка формирования Совета Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 9. С. 18-25.
6. Медушевский, А.Н. Теория правового государства и стратегия модернизации России // Законодательство. 2010. № 6. С. 40.
7. Краснов Ю.К. Принцип разделение властей в России: теория и практика// Право и управление. XXI век. 2005. №1. Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4869.
8. Чеботарев Г.Н. Разделение властей в Российской Федерации — важнейший конституционный принцип функционирования правового демократического государства// Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3. С. 16 – 23.
9. Пояснительная записка <Обоснование необходимости принятия проекта Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации">
10. Кириченко П.Н. Представительный характер Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. М., 2005. С. 21.
11. Коркунов Н.М. Русское государственное право: Том II: Часть особенная. 4-е изд. СПб., 1903. С. 47.
12. Филиппова, Н. А. Представительство субнациональных интересов в Совете Федерации Федерального Собрания РФ: функциональная и делегативная модели// Российский юридический журнал. 2008. № 2. С. 48-56.

ГРАЖДАНСКАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

**К.А. Иванова,
ассистент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ
kaivanova@inbox.ru**

Развитие гражданской законодательной инициативы населения выступает одним из необходимых условий формирования демократического гражданского общества.

Гражданская законодательная инициатива – это форма непосредственного осуществления населением государственной власти посредством внесения законодательного предложения либо проекта нового закона, проекта закона об отмене или изменении ранее принятых законов с целью последующего принятия такого нормативного акта законодательным органом соответствующего уровня. Граждане готовят проект акта и собирают подписи за то, чтобы именно данный проект был рассмотрен уполномоченным органом власти [6].

Гражданская законодательная инициатива является одной из исходных, первичных форм демократии и нормотворчества, выражением народом своей воли наряду с референдумом и выборами. Она заключается в том, что определенная группа избирателей обладает правом внести проект закона, подлежащий обязательному рассмотрению законодательным органом власти. При этом принятие решения по проекту является прерогативой данного органа, который, как правило, может либо принять проект, либо внести в него поправки или вовсе не согласиться с ним. Именно это отличает гражданскую законодательную инициативу как от референдума, итог которого обладает силой закона, так и от права граждан на обращения в органы власти с предложениями (петициями), на которые предполагается ответ, но которые не являются обязательными для рассмотрения на уровне законодательной власти.

Федеральный закон от 06.10.1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [1] в ст. 6 предусматривает только возможность предоставления конституцией (уставом) субъекта РФ права законодательной инициативы гражданам, проживающим на территории субъекта Российской Федерации. По нашему мнению, то, что механизм реализации гражданской законодательной инициативы не закреплен на федеральном уровне, затрудняет ее установление в регионах.

В большинстве зарубежных стран законодательная инициатива граждан закреплена в Конституции государства и является формой выражения народовластия. В зарубежных государствах понятие законодательной инициативы граждан и механизм ее реализации сформировались гораздо раньше, чем в России, потому что в зарубежных странах законодательная инициатива до настоящего времени применялась более широко.

Законодательные акты ряда стран предусматривают, что при осуществлении народной законодательной инициативы, различные районы страны должны быть представлены в определенной пропорции. Указанные положения включены для того, чтобы инициатива носила общегосударственный, а не местный характер. Так, в Бразилии граждане-инициаторы должны представлять не менее пяти штатов (из двадцати шести), в Румынии – не менее одной четверти общей численности уездов страны. Зачастую установлен срок сбора подписей: обычно он составляет не более шести месяцев.

В США используется институт, схожий с народной законодательной инициативой, – это так называемый петиционный референдум: референдум, который проводится по требованию установленного числа граждан, подписавших петицию о принятии, изменении либо отмене соответствующего закона. В Америке проведение таких референдумов является обычной практикой для значительного числа штатов. Количество подписей в поддержку петиции может быть как невысоким, так и весьма большим: от 2 % в Массачусетсе, 3 % в Мэриленде, 5 % в Аризоне, Калифорнии, Кентукки, Колорадо, Мичигане до 15-20 % в отдельных штатах. В петиционном референдуме совмещаются два института непосредственной демократии – народная законодательная инициатива и референдум [8].

При этом далеко не во всех развитых европейских странах граждане наделены правом законодательной инициативы. Например, во Франции населению предоставлено право на правотворческую инициативу только на местном уровне. При этом во Франции закреплена возможность подачи петиций в ассамблеи, в том числе Генеральную Ассамблею. Право граждан на петиции давно известно французской пра-

новой традиции, отдельно выделяется право на обращение в парламент. Однако, как правило, в основном запрос передавался в соответствующие органы, но это право также может рассматриваться как предупреждение парламента и даже как документ, являющийся материальным выражением гражданских свобод [7].

В соответствии со ст. 72-1 Конституции Франции: «Закон определяет условия, при которых избиратели каждого территориального сообщества могут посредством реализации права на подачу петиции просить о включении в повестку дня ассамблеи данного сообщества вопросов, относящихся к ее юрисдикции». При этом цель такой инициативы весьма ограничена, поскольку может относиться только к запросу на заседании для обсуждения вопроса и только тогда, когда она находится в пределах юрисдикции ассамблеи. Вначале законопроект предусматривал подлинное право на обязательное включение обращений в повестку дня, однако сенаторы свели данное право к простой возможности. Они опасались, что включение подобного права даст наиболее активным меньшинствам слишком большую власть. Теперь указанное право кажется скорее символическим, чем реальным. Чтобы преодолеть указанный недостаток, мэр Парижа решил предоставить подобное право жителям города. Однако данная инициатива потерпела неудачу, поскольку возник вопрос о законности подобных действий мэра. Суд постановил, что петиции в любом случае должны быть рассмотрены в специально созданном комитете, лишь который сможет дать консультативное заключение о возможности включения петиции в повестку дня Совета Парижа [5].

Законодательная инициатива в Великобритании принадлежит только членам парламента. Всякое законодательное предложение должно быть облечено в форму законопроекта (билля), причем представляемый в парламента законопроект должен быть непременно правильно оформлен. Частные лица или организации могут внести «частные» законопроекты (Private Bills) лишь косвенным образом: в ходе обращения в Парламент с соответствующей петицией, чтобы затем представить свою точку зрения на заседании профильного комитета, рассматривающего законопроект.

Анализ законодательства субъектов Российской Федерации позволяет отметить, что институт гражданской законодательной инициативы не получил в России широкого распространения. В определенной степени свою ограничительную роль сыграло отсутствие юридического закрепления института гражданской инициативы в Конституции Российской Федерации.

В основу большинства региональных подходов регулирования законодательной инициативы граждан положена соответствующая практика, сложившаяся в развитых демократических странах Европы. В соответствии с ней для осуществления законодательной инициативы сначала образуется инициативная группа, которая официально регистрирует инициативу, а затем эта группа собирает определенное количество подписей в поддержку инициативы. После чего иницируемый документ и подписи направляются в представительный орган власти, рассматривающий инициативу и принимающий по ней решение. Эта практика гражданской законодательной инициативы нашла отражение в российском региональном законодательстве. Вопрос о том, кто может выступить с гражданской законодательной инициативой (быть субъектом законодательной инициативы), во всех регионах решен примерно одинаково – это граждане, проживающие на соответствующей территории и обладающие активным избирательным правом. Различия гражданской законодательной инициативы в региональном законодательстве связаны с определением содержания инициативы и процедуры ее осуществления.

Говоря о процедуре гражданской законодательной инициативы, в первую очередь необходимо отметить, что в законодательстве лишь нескольких субъектов РФ она описана достаточно подробно, чтобы служить реальным механизмом осуществления народом своей власти. Детальное ее урегулирование бывает в тех случаях, когда в субъекте Российской Федерации принят отдельный закон о гражданской законодательной инициативе (в том числе содержащий в качестве приложений все необходимые формы документов и бланков). Подобные отдельные законы приняты в 14 субъектах Российской Федерации, в городах федерального значения Севастополе, Санкт-Петербурге, а также в Саратовской области в настоящее время разрабатываются законопроекты. Возможность законодательной инициативы граждан закреплена в 7 уставах и 2 конституциях субъектов Российской Федерации. В оставшихся 59 субъектах законодательное регулирование отсутствует. В настоящем исследовании более подробно проанализировано наиболее значимое и интересное, на наш взгляд, законодательство отдельных субъектов.

Наиболее детально регламентирует порядок реализации права на законодательную инициативу Закон г. Москвы от 11.12.2002 г. «О гражданской законодательной инициативе в городе Москве» [3]. Закон устанавливает, что петиция вносится от имени не менее 50 тысяч жителей г. Москвы в соответствующем порядке. Для внесения петиции жители г. Москвы формируют инициативную группу, которая подлежит регистрации. Важной гарантией реализации права граждан г. Москвы на выдвижение гражданской законодательной инициативы является положение о том, что отказ в регистрации инициативной группы может быть обжалован в судебном порядке. В течение 5 дней после регистрации инициативной группе выдается регистрационное свидетельство со сроком действия 60 дней. В пределах срока действия регистрационного

свидетельства члены инициативной группы самостоятельно собирают подписи жителей г. Москвы в поддержку гражданской законодательной инициативы. После чего Дума принимает решение о регистрации гражданской законодательной инициативы, оформляемое постановлением. Дата принятия решения считается датой внесения инициативной группой проекта закона г. Москвы в Думу. Дума может принять решение об отказе в регистрации гражданской законодательной инициативы, которое может быть обжаловано в судебном порядке.

Однако в упомянутом Законе г. Москвы не содержится порядок рассмотрения проекта, выдвинутого в рамках реализации гражданской законодательной инициативы. Дается лишь ссылка на то, что рассмотрение проекта закона г. Москвы, внесенного в порядке реализации права гражданской законодательной инициативы, и его принятие производятся в порядке, установленном Законом г. Москвы от 14.12.2001 г. № 70 «О законах города Москвы и постановлениях Московской городской Думы» и Регламентом Думы. Следовательно, остается неясным вопрос, существуют ли какие-то особенности рассмотрения и принятия подобного проекта.

В некоторых республиках, входящих в состав России, наряду со всем населением республики правом законодательной инициативы обладает титульная нация. Например, в ст. 86 Конституции Республики Хакасия [2] закреплено, что право законодательной инициативы предоставляет не только гражданам, проживающим на территории Республики Хакасия, но и Съезду (Чыылыг) хакасского народа – высшему руководящему органу хакасского регионального общественного движения родов хакасского народа. На наш взгляд, предоставление подобных преимуществ малочисленным народам является положительным примером применения демократических форм законотворческой деятельности.

В Тюменской области Закон «О гражданской законодательной инициативе в Тюменской области» [4] устанавливает дополнительные гарантии обеспечения учета интересов населения при осуществлении законодательного регулирования общественных отношений. Вносимые в порядке гражданской законодательной инициативы проекты могут содержать вопросы, находящиеся в совместном ведении России и Тюменской области, и не должны быть направлены на ограничение или отмену общепризнанных прав и свобод человека. Список вопросов, которые не могут быть выдвинуты в порядке законодательной инициативы, намного шире. Нельзя касаться вопросов о досрочном прекращении или продлении срока полномочий органов государственной власти Тюменской области, органов местного самоуправления, о проведении досрочных выборов в органы государственной власти. Под запретом и инициативы в части принятия или изменения областного бюджета, бюджетов муниципальных образований и государственных внебюджетных фондов, изменения финансовых обязательств Тюменской области и муниципальных образований, территориального деления региона, введения и отмены налогов и сборов, изменения размеров ставок по ним, а также освобождения от их уплаты.

В целях системного совершенствования механизма реализации законотворческой инициативы граждан, по нашему мнению, целесообразным было бы принятие на федеральном уровне модельного закона «О законотворческой инициативе граждан Российской Федерации», которым бы устанавливалась схема реализации законотворческой инициативы граждан, унифицировались бы стадии ее реализации, прохождение которых явилось бы обязательным для всех законотворческих инициатив граждан (формирование и регистрация инициативной группы; внесение и регистрация правотворческой инициативы; сбор подписей в поддержку правотворческой инициативы; рассмотрение правотворческой инициативы органами и должностными лицами). При этом принципами осуществления гражданской законодательной инициативы в Российской Федерации должны стать: свободное, добровольное, равное и непосредственное участие граждан в осуществлении законодательной инициативы.

Кроме того, в законах субъектов Федерации важно подчеркнуть обязанность законодательного (представительного органа) в определенный срок рассмотреть поступивший в рамках гражданской законотворческой инициативы проект.

Список использованной литературы

1. Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.
2. Конституция Республики Хакасия // Вестник Хакасии. 1995. № 25.
3. Закон г. Москвы от 11.12.2002 г. № 64 «О гражданской законодательной инициативе в городе Москве» // Ведомости Московской городской Думы. 2003. № 2. Ст. 340.
4. Закон Тюменской области от 02.06.2014 г. № 38 «О гражданской законодательной инициативе в Тюменской области» // Тюменская область сегодня. 2014. № 99.
5. TA Paris, 11 févr. 2011, Préfet région Île-de-France (Париж, 11 févr. 2011, Регион Префекта Иль де Франс) : AJDA 2011, p. 1026, note B. Delaunay.

6. Авакьян С. А. Конституционное право России. М.: Инфра-М, 2011. Т. 1. С. 425-427.

7. Binacotto R. Le droit de pétition sous la cinquième République (Бинакотт Р. Правонапетициивпятой-Республике). RRJ, 2012. P. 223.

8. Gamble B. Putting Civil Rights to a Popular Vote (Гэмбл Б. Рассмотрение гражданских прав на всенародном голосовании) // American Journal of Political Science. 2010. №91 (1). P. 245-269.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

Р.Е. Карасев,
аспирант ИГиП ТюмГУ
postservice_91@mail.ru

Научный руководитель:

Н.М. Добрынин,
профессор кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук

В 2014 году исполнилось 150 лет судебной реформе Александра II. Точной датой этой реформы принято считать дату утверждения Императором новых Судебных уставов (20 ноября 1864 г. по старому стилю, 2 декабря 1864 г. – по новому стилю). Будучи комплексной реформой отечественного судоустройства и судопроизводства, судебная реформа Александра II предусматривала создание двух ветвей судов – мировых и общих судебных установлений, каждая из которых имела по две инстанции и Кассационных департаментов Сената как общей третьей инстанции. По прошествии более 150 лет полезность и эффективность данной реформы не вызывает сомнений: именно к ней восходят состязательный процесс, адвокатура, нотариат, суд присяжных – институты, без которых немислимо современное судопроизводство.

Однако проблема эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина остается крайне актуальной и на современном этапе развития общественных отношений. Общие положения, касающиеся защиты прав и свобод, содержит Конституция Российской Федерации. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 45 Конституции «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» [1].

Одним из ключевых элементов системы защиты прав и свобод является судебная защита, гарантированная государством в соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции. При этом, на наш взгляд, роль судебной власти в демократическом государстве становится все более заметной, поскольку в современном обществе социальные конфликты и противоречия должны разрешаться на основе норм права. На судебные органы возложена задача по разрешению правовых конфликтов, обеспечению законности и правопорядка. Для этого им предоставлена возможность использования специальных средств воздействия [2].

Как отмечается в научной литературе, проблема рационального устройства судебной системы и ее органов существует столько же времени, сколько существует государство как форма организации общества. Проблемы судебной системы сродни проблемам государственного устройства [3]. При этом с точки зрения государственно-правовых преобразований, правосудие является сферой особой важности [4]. В условиях объективной потребности в широкомасштабных преобразованиях именно суд призван гарантировать правовой характер всех тех реформ, которые проводятся в обществе [5; 283].

Таким образом, внесение изменений в нормативно-правовое регулирование деятельности судов непосредственно влияет как на эффективность защиты прав и свобод человека и гражданина, так и на иные сферы общественной жизни.

Как отмечает Н.С. Бондарь, судебная реформа имеет, как правило, длящийся характер. В настоящее время в России отчетливо наблюдается переход к новому активному этапу ее реализации. Так, только за последние несколько лет была произведена существенная корректировка механизма надзорного производства, в результате чего в соответствии с международно-правовыми обязательствами Российской Федерации устранены многоступенчатость и неопределенность в порядке рассмотрения надзорных жалоб; созданы правовые условия для обеспечения информационной открытости судебной власти; введен механизм

компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок; введено обязательное декларирование доходов кандидатов на должности судей и действующих судей всех без исключения судов в Российской Федерации, осуществлены другие преобразования.

В настоящее время в Российской Федерации реформирование судебной системы продолжается. Это связано с необходимостью повышения эффективности рассмотрения дел, а так же оптимизации работы судебных органов. В таких условиях тема эффективности судебной защиты прав и свобод человека и гражданина является крайне актуальной.

В этой связи нельзя не отметить объединение Верховного и Высшего Арбитражного Судов. Говоря об объединении судов, Президент Российской Федерации в ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации, отметил следующее: «Сегодня в трактовке многих законов эти суды часто расходятся, иногда весьма существенно, выносят разные решения по схожим делам, а то и по одним и тем же. В итоге возникает правовая неопределённость, а порой и несправедливость, которая отражается на людях. ... объединение судов направит судебную практику в единое русло, а значит, будет укреплять гарантии реализации важнейшего конституционного принципа – равенства всех перед законом» [6].

Говорить о результатах данной реформы, на наш взгляд, пока преждевременно, но ее целесообразность не вызывает сомнений. На сегодняшний день можно констатировать, что объединение Высших Судов не нанесло никакого ущерба системе защиты прав и свобод человека и гражданина в целом и судебной системе в частности.

Что касается работы Конституционного Суда Российской Федерации, Федеральным конституционным законом от 04.06.2014 № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [7] внесен ряд существенных изменений, касающихся организации работы, деятельности и полномочий Конституционного Суда.

Внесенные в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» изменения, несомненно, свидетельствуют о стремлении законодателя улучшить эффективность защиты прав и свобод человека и гражданина в Конституционном Суде Российской Федерации.

В то же время, некоторые изменения, касающиеся конкретного конституционного контроля, представляются неоднозначными.

Так, например, вызывает интерес положение, в соответствии с которым устанавливается годичный срок для подачи конституционной жалобы, по истечении которого жалоба признается недопустимой. Думается, что данная норма ограничивает право человека и гражданина на судебную защиту, поскольку ставит заявителей в худшее положение по сравнению с тем, в котором они находились до момента принятия соответствующего закона.

Новеллой также является возможность рассматривать дело без проведения слушания, если Конституционный Суд придет к выводу о том, что вопрос о конституционности нормативного правового акта может быть разрешен на основании содержащихся в ранее принятых постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации правовых позиций и проведение слушания не является необходимым для обеспечения прав заявителя - гражданина или объединения граждан (абз. 1 ст. 47.1 Закона о Конституционном Суде). Остается неясным, в каких случаях проведение слушания не является необходимым для обеспечения прав заявителя. На наш взгляд, необходимо установить конкретные критерии, которыми Суд должен руководствоваться при разрешении вопроса о наличии или отсутствии необходимости в проведении слушания для обеспечения прав заявителя. Представляется, что этот вопрос впоследствии может быть разрешен в и практике Конституционного Суда и изложен в соответствующем решении.

Правозащитная функция Конституционного Суда в рамках осуществления конкретного нормоконтроля имеет двоякую природу. С одной стороны, имеет место защита конституционных прав заявителей, а с другой – защита основ конституционного строя Российской Федерации и обеспечение верховенства Конституции. Данный подход виден из системного толкования норм статей 3 и 96 Федерального конституционного закона «О конституционном Суде Российской Федерации». Так, статья 96 названного закона устанавливает право на обращение граждан, а также иных лиц, чьи права и свободы нарушаются законом, применимым в конкретном деле. В то же время в статье 3 указано, что Конституционный Суд осуществляет свои полномочия в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации.

При этом с точки зрения юридической техники представляется неверной формулировка абзаца 1 статьи 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». При буквальном прочтении нормы, содержащейся в абзаце 1 указанной статьи, можно увидеть, что право на обращение в Конституционный Суд имеют только граждане и иные лица, чьи права и свободы нару-

шаются законом. Иными словами, право лица обратиться в Суд за защитой своего права исключается, если отсутствует юридический факт нарушения такого права.

В соответствии со статьей 36 данного закона поводом к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации является обращение в форме запроса, ходатайства или жалобы, отвечающее требованиям указанного Федерального конституционного закона. Основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон, иной нормативный акт, договор между органами государственной власти, не вступивший в силу международный договор и т.д.

Вместе с тем, одним из оснований отказа в принятии обращения является его недопустимость.

Так, в соответствии со статьей 97 Федерального конституционного закона «О конституционном Суде Российской Федерации» жалоба на нарушение законом конституционных прав и свобод допустима, если закон затрагивает конституционные права и свободы граждан; закон применен в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, при этом жалоба должна быть подана в срок не позднее одного года после рассмотрения дела в суде. То есть, в случае, если жалоба отвечает критериям допустимости, установленным законом, то Конституционный Суд принимает ее к рассмотрению. Если же жалоба недопустима – Суд выносит соответствующее отказное определение. Но в обоих случаях субъект реализует свое право на обращение в Конституционный Суд.

Суть данного права, на наш взгляд, выражается не в рассмотрении Судом дела по существу, а в юридической возможности заинтересованного лица подать жалобу в случае, если оно полагает, что его право нарушено. Вместе с тем, юридическая возможность подачи жалобы служит основанием для рассмотрения дела Конституционным Судом в случае, если Суд признает жалобу допустимой.

Таким образом, думается, что статью 96 Федерального конституционного закона «О конституционном Суде Российской Федерации» следует понимать расширительно: речь в ней идет не о фактическом нарушении прав лица каким-либо законом, а о предполагаемом нарушении. При этом, Конституционный Суд, реализуя свои полномочия, достоверно устанавливает факт наличия или отсутствия нарушения, и, как следствие, обоснованности или необоснованности конституционной жалобы.

В заключение следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации является важным элементом системы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Осуществляя правозащитную функцию государства, данный орган является существенной гарантией реализации человеком и гражданином своих конституционных прав. В этой связи право на обращение в суд выступает центральным элементом системы судебной защиты и является неотъемлемым правом человека и гражданина в контексте осуществления государством своей правозащитной функции.

Действия законодателя, направленные на повышение эффективности осуществления этой функции судебной системой в целом и Конституционным Судом Российской Федерации в частности, по нашему мнению, являются необходимым на пути построения правового государства и гражданского общества.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 14.04.2014. № 15. Ст. 1691.
2. Дмитриев Ю.А., Шапкин М.А. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник для вузов. 9-е изд., изм. и доп. М., 2010. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. 688 с. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
5. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд. М., 2008.
6. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 10.04.2015 г.).
Федеральный конституционный закон от 04.06.2014 № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 06.06.2014

ИНТЕРНЕТ-АПТЕКА – БИЗНЕС ИЛИ НЕЗАКОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ?

Е.В. Косенькова,
ученица 9 «Б» класса
МАОУ СОШ № 92 г. Тюмени
vlad_kosenkov@mail.ru
Научный руководитель:
Е.С. Величко,
учитель истории и обществознания
МАОУ СОШ №92

Цель работы: выявить и доказать незаконную деятельность интернет-аптек.

Задачи:

- 1) Выяснить, что такое интернет-аптека и изучить систему её работы.
- 2) Выяснить, кто должен контролировать интернет-аптеки.
- 3) Провести закупку лекарственных препаратов.
- 4) Выявить и зафиксировать нарушения в работе интернет-аптек.

Метод проекта: обзор и анализ литературных источников, практическая работа.

Гипотеза: предположим, что возможно выявить и доказать незаконную деятельность интернет-аптек.

Что такое интернет-аптека, и с чем её едят?

Что такое обычная аптека всем давно известно. Это место, в котором продаются медикаменты (лекарства и различные лечебные средства). А интернет-аптека - это сайт, на котором при помощи Web-браузера можно сделать заказ необходимых медикаментов, после чего будет осуществлена доставка лекарств. Создание интернет аптек стало распространенной формой коммерции в области фармации. По последним данным, до 40% пользователей интернет прибегают к услугам интернет-аптек.

По нашему мнению к возможным плюсам интернет-аптеки можно отнести:

- а) Удобство (не нужно приходить в аптеку и стоять в очереди).
- б) Экономия времени.

К недостаткам таких аптек относится:

- а) Лекарственный препарат не всегда имеет надлежащее качество или отсутствует.
- б) Зачастую, на сайте интернет-аптеки не представлены документы, подтверждающие качество лекарственного препарата.
- в) Высокая стоимость доставки (от 200 до 500 рублей, при заказе до 2000 рублей).
- г) Продажа фальсифицированных лекарственных препаратов.

А законна ли деятельность интернет-аптек?

Анализ действующего законодательства показал, что на этот счет установлены строгие правила. Продажа товаров через интернет - это продажа дистанционным способом, поскольку исключается возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром. Нужно иметь в виду, что:

Согласно п. 5 "Правила продажи товаров дистанционным способом", утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 сентября 2007 г. № 612, **запрещена дистанционная продажа товаров, свободная реализация которых ограничена.** К числу таких товаров указом Президента РФ от 22 февраля 1992 г. № 179 **прямо отнесены лекарственные средства.**

Согласно п. 4 "Правила продажи отдельных видов товаров", утвержденных постановлением Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55, при осуществлении розничной торговли в месте нахождения покупателя **вне стационарных мест торговли не допускается продажа лекарственных препаратов.**

Таким образом, дистанционная продажа лекарственных средств, в том числе безрецептурных, противоречит законодательству.

В отдельных специфических случаях доставка лекарственных средств на дом покупателям прямо предусмотрена законом – статья 2 ФЗ РФ “О предоставлении социальных гарантий героям социалистического труда и полным кавалерам ордена трудовой славы”, а также статья 1.1. Закона РФ N 4301-1 “О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров Ордена

Славы» предусматривают доставку лекарств на дом по заключению врача. Но мы понимаем, что врядли данные категории граждан заказывают лекарства через интернет аптеки.

Вместе с тем, стоит иметь в виду, что о дистанционной продаже можно говорить лишь тогда, когда сделка купли-продажи совершается в интернете, а товар доставляется продавцом в место, указанное покупателем. Если такая деятельность осуществляется вообще без фармацевтической лицензии, это может повлечь уголовную ответственность для предпринимателя, а если лицензия есть - административные штрафы и закрытие аптеки.

Однако совсем по-другому будет выглядеть ситуация, когда действующая аптека **в качестве дополнительного сервиса** предлагает покупателю ознакомиться с ассортиментом и сделать заказ в интернете, а затем забрать выбранный препарат в аптеке (или одной из аптек по выбору покупателя). В таком случае имеет место лишь предварительный заказ, а сделка купли-продажи совершается уже в аптеке. Это **вполне законно**, и если **правильно и четко отразить все ключевые моменты в правилах сайта**, претензии проверяющих - если они возникнут - можно будет опровергнуть в судебном порядке.

Кто следит за деятельностью интернет-аптек?

До сих пор в нашей стране дистанционная продажа лекарственных препаратов фактически находится в правовом вакууме. Многочисленные предложения создать законодательную основу функционирования интернет-аптек пока успехом не увенчались, так что даже вполне законопослушные представители аптечной розницы вынуждены придумывать обходные пути для своих онлайн-подразделений. Наряду с этим сотни виртуальных аптек по бросовым ценам предлагают покупателям не зарегистрированные в России лекарственные препараты, которые к тому же являются копиями блокбастеров, находящихся под патентной защитой. Более того, в большинстве случаев торговля такими препаратами ведется без каких бы то ни было разрешений. При этом, по странным причинам, правоохранительные органы и профильные ведомства, регулирующие деятельность российского фармрынка, попросту игнорируют этот сегмент розничной торговли.

Практическая работа.

Чтобы проверить законность или незаконность деятельности интернет-аптек, я решила заказать лекарственный препарат в одной из интернет-аптек города Тюмени.

- 1) Для начала, я выбрала интернет-аптеку. Ею оказалась аптека «Калинка».
- 2) Зарегистрировалась на сайте данной аптеки.
- 3) Выбрала лекарственный препарат, из предложенного аптекой списка антибиотиков (так как, именно они должны продаваться исключительно по рецепту), им оказался «Флемоксин Соллютаб», стоимость которого 316 рублей.
- 4) Оформила заказ на данный лекарственный препарат, причём никакого подтверждения о том, что у меня действительно имеется рецепт на данный лекарственный препарат от меня не потребовали.
- 5) Выбрала способ получения товара. Так как, дистанционная продажа лекарственных средств запрещена законом, я выбрала именно её. Но, к сожалению, она оказалась не бесплатной (200 рублей).
- 6) Способ оплаты я выбрала «Наличный расчёт с курьером», итого сумма заказа составила 526 рублей.
- 7) Ввела адрес доставки, контактный телефон, дату и время доставки (7 марта с 10:00 до 14:00).
- 8) 7 марта примерно в 12:10 пришёл курьер с лекарственным препаратом. Отдал заказ, в свою очередь, я отдала деньги. Рецепт, к сожалению, не потребовал. На вопрос о том, где я могу получить чек, ответил, что кассовый аппарат сломался.

Заключение

В ходе своей работы я выявила следующие нарушения: дистанционная продажа лекарственных препаратов; продажа антибиотиков без рецепта; доставка товара без кассового чека. Моя гипотеза частично подтвердилась: выявлена незаконная деятельность интернет-аптек, но доказать это, к сожалению, не удалось. Так как мне не был предоставлен кассовый чек, подтверждающий факт купли-продажи.

Список литературы

- 1) Борисова И.С. Весь мир — аптека/ Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика. Сборник статей/ Под ред.К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. — М.: Новое издательство, 2006. — с. 282—289.
- 2) Постановление Правительства РФ от 19.01.1998 № 55 (ред. от 05.01.2015) «Обутверждении правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или

замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации», пункт 4.

3) Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 N 612 (ред. от 04.10.2012) "Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом" (27 сентября 2007 г.), пункт 5.

4) Славич-Приступа А.С. Практический маркетинг для аптек. - Издательство "Ремедиум", 2005. - с. 17.

5) Федеральный закон от 09.01.1997 № 5-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О предоставлении социальных гарантий Героям Социалистического Труда, Героям Труда Российской Федерации и полным Кавалерам Ордена Трудовой Славы», статья 2.

6) Федеральный закон от 15.01.1993 № 4301-1 «О статусе героев советского союза, героев российской федерации полных кавалеров ордена славы», статья 1.1.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

М.А. Меда,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
lady.meda@mail.ru
Научный руководитель:
Н.В. Сидорова,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Развитие уголовного судопроизводства в последнее время характеризуется поиском наиболее эффективных способов разрешения уголовно-правового конфликта с учетом интересов личности, общества и государства. Особую актуальность в связи с этим приобрела и концепция восстановительной юстиции, основанная на использовании альтернативных уголовному преследованию механизмов, в том числе, процедуры медиации. Необходимость применения последней на практике была обозначена на международном уровне в Рекомендации комитета министров Совета Европы, позже – на государственном уровне в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России».

Как следствие, 1 января 2011 года вступил в силу Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Этот Закон не предусматривает распространение его положений на уголовный процесс. Однако многими теоретиками и практиками норма статьи 25 УПК РФ, предусматривающая возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, рассматривается как своего рода зачаток медиации в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на то, что норма о возможности примирения сторон в уголовном процессе значилась в УПК с самого момента его принятия, за более чем десять лет законодатель никак не детализировал и не совершенствовал её положения.

Вместе с тем, существует немало практических проблем, давно требующих анализа и разрешения на законодательном уровне.

В частности, предусматривая заглаживание причиненного вреда как необходимое условие прекращения уголовного дела за примирением сторон, законодатель не регламентирует обязанность обвиняемого представить доказательства такого заглаживания. Подтверждение потерпевшим факта заглаживания вреда является единственным доказательством его осуществления в принципе. Законом не предусмотрена защита потерпевшего от недобросовестного обвиняемого, и, следовательно, цель уголовного судопроизводства в таком случае не достигается.

Кроме этого, закон не регламентирует, каким образом следует оформлять примирение потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), что, на наш взгляд, является одним из существенных пробелов в регулировании рассматриваемого вопроса. Как справедливо отмечает профессор Смахтин, невольно возникает вопрос: как при отсутствии четкой регламентации процедуры примирения осуществляется сам процесс прекращения уголовных дел? [2]

В целях реализации гарантий прав потерпевшего на защиту от ненадлежащего исполнения обвиняемым обязанности по возмещению причиненного преступлением вреда, предлагаем дополнить ст. 25 УПК РФ обязанностью участников процедуры примирения представлять соответствующие документы и иные доказательства, подтверждающие заглаживание вреда.

Что касается отсутствия регламентированной процедуры примирения, то эту проблему как и многие пробелы регулирования примирения, возможно решить путем нормотворчества, добавив новую статью либо отдельный пункт в ст.25 действующего УПК. На наш взгляд, содержание такой статьи (пункта) могло бы быть следующим:

«Уголовное дело прекращается в связи с примирением сторон при наличии в материалах уголовного дела следующих документов:

- 1) заявления потерпевшего о примирении с подозреваемым или обвиняемым;
- 2) документов, подтверждающих возмещение подозреваемым или обвиняемым причиненного преступлением вреда (платежных документов, справок официальных органов и других документов);
- 3) документов, подтверждающих полномочия представителя организации (учреждения) на примирение;
- 4) документов, подтверждающих добровольность и осознанность волеизъявления потерпевшего, являющегося физическим лицом, на примирение с подозреваемым или обвиняемым».

Отдельно стоит проанализировать ситуации, когда преступления совершаются в отношении несовершеннолетних. Согласно статистическим данным за первое полугодие 2014 года, 985 уголовных дела было прекращено судами Тюменской области за примирением сторон, из них в отношении несовершеннолетних потерпевших – 42 уголовных дела или 4,2%.

Анализ вынесенных судом постановлений показывает, что большая часть преступлений в отношении несовершеннолетних совершается лицами, от которых несовершеннолетние потерпевшие находятся в зависимости – как правило, супругами или сожителями законных представителей несовершеннолетних потерпевших. И зачастую законные представители несовершеннолетних потерпевших, наделенные всеми процессуальными правами участника уголовного процесса, ходатайствуют о примирении, преследуя цели личного характера, забывая об интересах своих детей.

Решение этой проблемы видится во введении в судебную систему России ювенального суда, активно взаимодействующего с прокуратурой и различными службами, входящими в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Еще один актуальный вопрос – связь примирительных процедур с принципом процессуальной экономии. Как показывает анализ практики, значительное количество прекращенных судами уголовных дел связано с тем, что в ходе досудебного производства потерпевшими и обвиняемыми уже заявлялись ходатайства о прекращении уголовных дел, однако были отклонены и направлены в суд для рассмотрения по существу.

Так, по информации Прокуратуры области, только за первое полугодие 2014 года 98 уголовных дел или 7,9% могли быть прекращены в ходе предварительного расследования, и, соответственно, не проходить стадию судебного производства.

В связи с этим трудно не согласиться с мнением авторитетного специалиста в области уголовного процесса Воскобитовой о том, что «такие основания прекращения уголовного дела, как примирение сторон и деятельное раскаяние «фактически оказались «под негласным запретом», потому что их применение связано с усмотрением следователя и потенциально содержит гипотетическую угрозу коррумпированного применения этих оснований. Профессор Воскобитова отмечает, что перестраховываясь от одного зла, следователи и руководители следственных органов сознательно отказываются применять ст. 25 и 28 УПК РФ, действуя фактически вопреки требованиям закона [1].

Решением данной проблемы могло бы стать создание организационно отделенной от органов уголовного преследования должности следственного судьи – должностного лица, выполняющего судебную функцию в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Возложение на следственного судью (исключительно на него!) обязанности по рассмотрению вопросов, связанных с прекращением уголовного дела в связи с примирением сторон, освободило бы органы предварительного расследования и суды от аналогичных полномочий, позволив сконцентрировать свои усилия на тщательном расследовании преступлений, или, соответственно, на качественном рассмотрении и разрешении уголовных дел, примирение по которым не представляется возможным.

Подводя итог, отметим, что институт примирения сторон является важнейшей предпосылкой возникновения института медиации в уголовном судопроизводстве. Грамотное введение этого института обеспечило бы повышение качества судопроизводства и его эффективности. Однако прогресс, в том числе, правовой, возможен только после полного освоения предыдущего этапа развития. Нормативное закрепление гарантий прав потерпевшего, создание ювенального суда и введение должности следственного

судьи изменило бы процедуру примирения в сторону обеспечения большей защищенности участников процесса, несмотря на неприменение к преступнику мер государственного принуждения.

Список литературы:

1. Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. - 2010. № 2. 2–С.
2. Смахтин Е.В., Ларионова А.А. К вопросу о примирении сторон в уголовном процессе // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2013. N 1. С. 204 – 216

НЕПРЯМАЯ ЗАЩИТА СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

А.А. Мжельский,
студент ОмГУ им. Ф.М. Достоевского,
направление «Юриспруденция»
a.mzelski@yandex.ru
Научный руководитель:
М.Г. Седельникова,
заведующий кафедрой
экологического и социального права
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского,
кандидат юридических наук, доцент

Каталог прав, которые содержит Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), ограничивается перечнем основных гражданских и политических прав. Однако благодаря применению Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ или Суд) в своей судебной практике расширительного толкования, мы можем наблюдать возникновение и развитие такого феномена, как непрямая защита социальных прав [1; 53].

Конвенция, а следовательно, и ЕСПЧ в равной мере защищают как материальные, так и процессуальные гарантии обеспечения реализации социальных прав

. Мы считаем целесообразным начать анализ механизма защиты социальных прав граждан в ЕСПЧ с анализа практики ЕСПЧ, касающейся защиты процедурных прав в социально-правовых спорах.

Вопрос о применимости ст. 6 к отношениям в социально правовой сфере долгое время был предметом дискуссии, поскольку исходя из своего содержания ст. 6 Конвенции распространяется только на споры о гражданских правах и обязанностях, а также на уголовное судопроизводство. Для дальнейшего рассмотрения следует разделить два вопроса защиты социальных прав: защита прав, связанных с уплатой средств в соответствующие фонды и защиты прав, связанных с получением средств из соответствующих фондов. Касательно прав, связанных с уплатой средств в соответствующие фонды, наиболее остро встает вопрос о том, что есть «гражданские права». Для начала следует отметить, что согласно современной практике Суда эта категория не может быть рассмотрена исключительно в свете её использования в национальном праве той или иной страны, напротив, категория «гражданские права» (civil rights) подлежит автономному трактованию в соотношении с буквой и духом Конвенции [2].

Изначально Суд и Европейская комиссия по правам человека исходили из того, что для признания того или иного права социального права «гражданским» в нём необходимо было проанализировать соотношение гражданско-правового и публично-правового элементов. Так, например, в решении по допустимости жалобы Фельдбрюгге против Нидерландов Комиссия сочла жалобу, касающуюся права на выплату пособия по временной нетрудоспособности, допустимой, на основании того, что право на пособие носит личный и экономический характер, а также возникает из трудового договора, а следовательно, является в большей степени гражданским, нежели публичным.

Впоследствии Суд в своей практике отказался от такого неоднозначного и субъективного подхода и стал придерживаться позиции, что в любом случае право на получение пособий и иных благ от системы социальной защиты подпадает под область действия ст. 6. В частности, в решении по делу Салези против Италии суд отметил *inter alia*: «На сегодняшний день ст. 6, по общему правилу, применяется к отношениям в сфере социального обеспечения.

Кроме того, ст. 6 применяется вне зависимости от статуса участников спора, уровня законодательства, которым регулируются спорные правоотношения, а также статуса суда или иного органа, в котором рассматривается соответствующий спор.

В практике ЕСПЧ встречались случаи, когда Суд давал оценку делам о применении ст. 6 относительно споров, которые касались уплаты взносов в систему социального страхования. Один из примеров применения этой нормы касательно отношений по уплате взносов – дело Схоутен и Мелдрум против Нидерландов [3]. Заявители жаловались на слишком долгое (19 месяцев) рассмотрение их заявлений комиссией профессиональной ассоциации, которая была уполномочена государством на получение платежей и выплату пособий. Правительство Нидерландов возразило против принятия жалобы, поскольку предметом спора выступала обязанность уплаты, которая по своей сути очень близка к налогу, а следовательно, не подпадает под категорию «гражданские права и обязанности». Суд проанализировал, как и в случае с отношениями по получению средств, соотношение между гражданско-правовым и публично-правовым элементами в спорном правоотношении. В итоге суд пришёл к выводу, что уплата взносов тесно связана с трудовым договором, а также обладает теми же отличительными признаками, что и уплата взносов в систему добровольного страхования, гражданско-правовой элемент довлеет над публичным, а, следовательно, данное дело относится к сфере действия ст. 6. Впоследствии в судебной практике уже не поднимался данный вопрос и отношения по уплате взносов презюмировались как подпадающие под защиту ст. 6.

Следует отметить, что для применения процедурных гарантий, которые предусматриваются ст. 6, необходимо наличие в национальном законодательстве материального права, касательно которого идёт спор. В частности, по уже упомянутому делу Салези против Италии: «Суд повторно заявляет о том, что согласно сложившейся практике Суда необходимо сначала установить, было ли наличие спорного права закреплено в национальном законодательстве» [2]. Спор о праве должен быть обоснованным и существенным. Спор может относиться как к существованию самого права, так и к сфере и способу его применения.

Защита материальных социальных прав граждан через использование, ст. 1 протокола 1 является, с одной стороны, наиболее распространённым способом защиты, но, с другой стороны, наиболее дискуссионным. Как отмечает доцент Лейденского университета Ингрид Лейтген, «несмотря на прошествие многих лет, практика суда по социально-правовым вопросам не стала более понятной. Суд постоянно критикуют: не в последнюю очередь из-за того, что суд защищает социальные интересы согласно документу, который имеет политическую сущность» [4].

Изначально считалось, что если гражданин не участвовал в формировании фондов, из которых выплачиваются соответствующие средства, то он не может претендовать на защиту права на их получение, опираясь на ст. 1 п. 1. Так, Европейская комиссия по правам человека приходила к выводам, что в сферу действия статьи не входят пенсии по инвалидности, частично пособия по безработице, различные формы социальной поддержки семей, на которые не были произведены отчисления³. Однако с течением времени такой подход стал подвергаться критике, и в конечном счёте в 2004 г. в решении *Стек и другие против Соединённого Королевства* [5] судебная практика ЕСПЧ пошла по иному пути. В частности, суд постановил, что «если в правовой системе одной из стран-членов Конвенции предусмотрены те или иные социальные выплаты, то вне зависимости от того, требовалась ли уплата каких-либо взносов в качестве условия получения выплат или нет, вышеназванные выплаты следует рассматривать как собственнический интерес (*proprietary interest*), который находится под защитой ст. 1 п. 1, следовательно, собственнический интерес следует рассматривать в данном случае равным категории собственность (*property*)».

Поскольку, как мы установили, ЕСПЧ признаёт в отдельных случаях право на социальные выплаты как собственность, мы считаем необходимым также рассмотреть вопрос о том, может ли лицо, по мнению ЕСПЧ, быть лишено социальных выплат, и как следствие – собственности.

В деле *Азинас против Кипра* заявитель был лишён пенсии в качестве уголовного наказания. Поскольку заявитель в течение 20 лет отчислял взносы в соответствующие фонды, то Суд посчитал, что этот факт *per se* означает то, что данные отношения находятся под защитой ст. 1 п. 1. Следовательно, если лицо из законных доходов отчисляет средства на будущую пенсию, то оно никак не может быть лишено прав на её получение. Однако суд допускает возможность изменять размер социальных выплат, в том числе в сторону их уменьшения, причём это может быть обусловлено чисто экономическими причинами. Тем не менее такая возможность не позволяет снижать размер выплат безосновательно – соответствующее решение должно быть принято на основании принципов соразмерности, обоснованности, равного распределения бремени между всеми участниками системы пенсионного обеспечения или социального страхования.

Вопрос о том, что есть соразмерность, обоснованность, пропорциональность, является крайне сложным, особенно с учётом того, что Суд может руководствоваться в качестве нормативной базы только Конвенцией и протоколами к ней.

Особенно такая сложность, выливающаяся в итоге в неоднозначность практики, проявляется в делах, схожих по сути, но по которым вынесены противоположные решения. В качестве иллюстрации мы можем привести два решения по жалобам против Италии: Маджио и другие [6] и Стефанетти и другие [7]. В случае с делом Маджио, решение по которому было вынесено в 2011 г., пенсии заявителей были уменьшены на 25 процентов, в то время как в деле Стефанетти сокращение составило 65 процентов. В первом случае ЕСПЧ не нашёл нарушений ст. 1 п. 1, в отличие от второго случая. Судьи, выразившие частично несовпадающее особое мнение во втором деле, обратили внимание на вопрос о том, может ли суд вообще принимать решение о том, являлось ли такое уменьшение непропорциональным. Или же Суд ограничен лишь случаями полного лишения выплат, как в деле Асмундссон против Исландии [8]?

Из-за чрезвычайно широкого понимания Судом имущественных прав в сфере социальной защиты, становится очевидным, почему заявители используют ст. 1 п. 1, как основание жалобы. Временами, Суд игнорирует даже сам вопрос о применимости статьи, заявляя о том, что применимость ст. 1 п. 1 в сфере социальной защиты «предполагается». Изучение практики по ст. 1 п.1, позволяет сделать вывод о том, что она всё больше и больше продвигается в сферу социального обеспечения, однако внешние границы такого продвижения неясны. Размытое определение границ применения ст.1 п. 1, это явно не то, чего страны-участницы и заявители ждут от Суда.

Список использованных источников:

1. Федорова А.Л. Влияние практики Европейского суда по правам человека на развитие социального права государств Совета Европы // Социальное и пенсионное право. 2013. № 2. С. 53-56.
2. CASE OF MENITTO v. ITALY [Электронный ресурс] URL: <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/content/docx/001-58848?TID=thkbhnilzk> (дата обращения: 31.03.2015).
3. CASE OF SCHOUTEN AND MELDRUM v. THE NETHERLANDS [Электронный ресурс] URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57907> (дата обращения: 31.03.2015).
4. I. Leijten. Bélané Nagy v. Hungary: a self-standing right to obtain social benefits under the ECHR? [Электронный ресурс] URL: <http://strasbourgobservers.com/2015/03/10/belane-nagy-v-hungary-a-self-standing-right-to-obtain-social-benefits-under-the-echr/> Дата обращения: 30.03.2015
5. CASE OF STEC AND OTHERS v. THE UNITED KINGDOM [Электронный ресурс] URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-73198> (дата обращения: 31.03.2015).
6. CASE OF MAGGIO AND OTHERS v. ITALY [Электронный ресурс] URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-104945> (дата обращения: 31.03.2015).
7. CASE OF STEFANETTI AND OTHERS v. ITALY [Электронный ресурс] URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-142400> (дата обращения: 31.03.2015).
8. CASE OF KJARTAN ÁSMUNDSSON v. ICELAND [Электронный ресурс] URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-67030> Дата обращения - 31.03.2015

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: РАБОТА НА СТЫКЕ ИНСТИТУТОВ ПРАВА

С.В.Миневцев

**Уполномоченный по правам человека
в Тюменской области
kancelaria@72to.ru**

Провозглашенный курс правительства Российской Федерации на построение правового государства и гражданского общества требует широкого перечня мер: от законодательных, до структурных. Для достижения положительных результатов в данном вопросе требуется не только введение новых для российского общества правовых институтов, но и наличие их эффективного действия и вовлечения граждан в правовые процессы и реалии.

Огромную роль в развитии гражданского общества в Российской Федерации играет институт Уполномоченных по правам человека. Введенный конституционным законом 1997 года институт призван дополнять существующие средства защиты прав и свобод граждан и помимо этого не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

Уполномоченный по правам человека при осуществлении своей деятельности способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства РФ о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами. Кроме того уполномоченный способствует правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты и выполняет другие функции исчерпывающе указанные в нормативно-правовых источниках. Исходя из вышеизложенного, допустимо сделать вывод о весьма не примитивном перечне задач возлагаемых на уполномоченных по правам человека.

Для решения возложенных на уполномоченного задач уполномоченному необходимо правильно понимать и толковать нормы права, состав правовых отношений из заявлений, с которыми обращаются граждане, учитывая то, что ситуации могут быть абсолютно различного характера и совершенно не принадлежать к одной определенной отрасли права. Для этого уполномоченному необходима служба, состоящая из компетентных специалистов, готовых работать в различных отраслях права для восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан. Нередко при уполномоченных создаются экспертные советы, в которые входят эксперты в тех или иных областях, авторитетные представители государственных органов, научные сотрудники. В случае обращения гражданина с вопросом не находящимся в компетенции уполномоченного, ему, тем не менее, в рамках правовой консультации будут даны разъяснения сложившейся ситуации и возможностей защиты своих прав и ее разрешения. Здесь, помимо юридически аспектов действуют и психологические – граждане обладают разным уровнем правосознания, и, соответственно, субъективно воспринимают полученный ответ. В таких ситуациях уполномоченный, или сотрудник проводящий прием (консультант) должен учитывать возможность появления стрессовой и конфликтной ситуацией, обусловленной расхождением мнения гражданина и полученного им правового заключения – ответа уполномоченного. При этом, важно учитывать, что ответ дается в соответствии с требованиями федерального закона № 59-ФЗ «о порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Безусловно, отдельные положения, относящейся к приему обращений могут содержаться в специализированной норме – законе субъекта федерации об уполномоченном по правам человека, своего рода «регламент» уполномоченного.

Получается, что помимо правовых норм, регламентирующих статус уполномоченного и формальных аспектов его деятельности, в рамки правового обеспечения уполномоченного входит весь перечень законодательства Российской Федерации, в виду широкого круга возможных вопросов, требующих разрешения или ответа Уполномоченного. Исходя из анализа практики Уполномоченного по правам человека в Тюменской области, можно подтвердить данное утверждение. За 2014 год в службу Уполномоченного по правам человека в Тюменской области поступило 860 обращений. По признаку коллективности обращения можно охарактеризовать следующим образом. Из общего числа: 446 - обращения индивидуального характера; 14- коллективные обращения. Все граждане, обратившиеся к Уполномоченному на личных приёмах в этом году (400 человек), получили консультации и разъяснения о способе защиты права. По 836 обращениям Уполномоченный самостоятельно и во взаимодействии с компетентными органами организовал принятие мер для восстановления прав заявителей.

В сравнении с прошлым годом можно отметить рост количества обращений. Это связано с тем, что Уполномоченный в течение года посетил все районы области, где встречался с Главами администраций, руководителями структурных подразделений федеральных ведомств, а так же проводил личный прием граждан.

Парадигма обращений, поступающих в адрес Уполномоченного в 2014 году, менялась от уголовно-исполнительного права и правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания, до жалоб на отсутствие реагирования компетентных органов на заявления о нарушениях санитарных правил СанПин; присвоениях денежных средств участников структуры онлайн-банкинга. Многообразие решаемых вопросов показывает неподдельную значимость института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации. Анализ обращений и решенных при участии Уполномоченного вопросов, лишь подтверждает данный факт. Поскольку все разрешенные вопросы не нашли бы логического завершения в случае отсутствия такого института власти.

В Тюменской области институт уполномоченного по правам человека был создан в 2013 году. До этого периода в регионе не функционировала должность лица, занимающегося вопросами нарушения прав граждан государственными органами и должностными лицами.

Закон Тюменской области определяет цель деятельности Уполномоченного в нашем субъекте как соблюдение и уважение государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами в своей деятельности прав и свобод человека и гражданина.

В соответствии с Законом Тюменской области Уполномоченный по правам человека:

1)осуществляет прием граждан, рассматривает их заявления и обращения по поводу нарушения прав и свобод человека и гражданина и жалобы на действия, бездействие или решения государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц;

2)ведет производство по делам о нарушениях прав и свобод человека и гражданина, начатым по жалобам или по собственной инициативе;

3)оказывает гражданам бесплатную юридическую консультационную помощь по вопросам, входящим в его компетенцию;

4)направляет предложения, рекомендации, решения по делу государственным органам, органам местного самоуправления и их должностным лицам, допускающим нарушения прав и свобод человека и гражданина;

5)вносит на рассмотрение Тюменской областной Думы вопросы о нарушениях прав и свобод человека и гражданина в Тюменской области;

6)осуществляет другие полномочия, предусмотренные настоящим Законом;

7)принимает участие в разработке законопроектов, затрагивающих права и свободы человека и гражданина.

Уполномоченный своей деятельностью дополняет существующие формы и средства защиты прав и свобод человека и гражданина и взаимодействует с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и его представителями в регионе. Кроме того, был сохранен принцип независимости - Уполномоченный в пределах установленной компетенции не подотчетен должностным лицам и независим от государственных органов и органов местного самоуправления. В вопросе о статусе, допустима точка зрения, что Уполномоченный по правам человека – есть государственный орган, но не орган власти: это независимый в своей деятельности орган надзора за соблюдением прав и свобод человека органами власти субъекта федерации и местного самоуправления.

Исходя из вышеизложенного, справедливо указать, что Институт Уполномоченного по правам человека логично вписывается в существующую правовую систему государства, действует на стыке различных отраслей права и обладает широким перечнем рассматриваемых вопросов, является своего рода индикатором объективно существующих в деятельности органов власти недоработок и ошибок. Сам факт, что решения государственного или правоохранительного органа могут быть оспорены Уполномоченным, либо преданы гласности, заставляет представителей этих структур ответственно подходить к их принятию, нести за них ответственность.

Список источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.
2. ФКЗ «Об Уполномоченном Российской Федерации по правам человека» №1-ФКЗ от 26.02.1997 г.
3. Закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» № 182-ФЗ от 26.04.2006.
4. Закон «Об Уполномоченном по правам человека в Тюменской области» № 54 от 11.11. 1998.

СОГЛАШЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ПРЕДМЕТ И СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ

**Д.А. Самоловов,
главный специалист отдела
подготовки законопроектов
Главного правового управления
Правительства Тюменской области,
аспирант кафедры гражданского
права и процесса ТГАМЭУП
samolovovd@mail.ru
Научный руководитель:
В.В. Горovenko,
доцент кафедры гражданского
права и процесса ТГАМЭУП,
кандидат юридических наук, доцент**

Сегодня в числе наиболее обсуждаемых направлений дальнейшего развития отечественной экономики можно отметить внедрение и распространение практики реализации проектов на основе отношений государственно-частного (публично-частного) партнерства (далее - ГЧП).

Профессор В.Ф.Попондопуло справедливо указывает, что «объективная необходимость в строительстве новых объектов социальной инфраструктуры, реконструкции и модернизации существующих объектов требует больших капиталовложений. Решение столь сложных задач только за счет бюджетных средств или только за счет частных капиталовложений не всегда возможно, и одним из способов их осуществления является публично-частное партнерство...» [1; 81].

В мировой практике ГЧП принято разграничивать на осуществление в корпоративных (институциональных) и договорных формах. В настоящей работе рассмотрим такую договорную форму ГЧП как соглашение о ГЧП.

Предпримем попытку дать правовую квалификацию соглашению о ГЧП. В общем виде соглашение о ГЧП можно определить как «соглашение о передаче публичным партнером (государственным, муниципальным или иным публично-правовым образованием) частному партнеру (лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность: коммерческой организации, индивидуальному предпринимателю) функций по частичному или полному финансированию строительства, эксплуатации, реконструкции и управлению объектов социальной инфраструктуры, таких, например, как транспортная инфраструктура, инфраструктура жилищно-коммунального хозяйства, спортивные сооружения, школы, больницы и т.п.» [1; 81].

ГЧП является сложным, многосоставным и межотраслевым явлением, в связи с чем, правовое регулирование отношений, возникающих при реализации ГЧП, осуществляется нормами различных отраслей права, что опосредует наличие различных взглядов на правовую природу соглашения о ГЧП. Так, некоторыми исследователями соглашение о ГЧП рассматривается в качестве административного договора [2; 71]; [3; 47]. Другие считают его гражданско-правовым договором [4; 50].

По нашему мнению, соглашение о ГЧП регулируется нормами гражданского законодательства на началах равенства сторон, автономии воли и свободы договора и в полной мере соответствует признакам гражданско-правового договора. Воля участников данных соглашений направлена на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей (гражданских правоотношений). Следовательно, соглашение о ГЧП порождает гражданско-правовые последствия. Таким образом, отсутствуют достаточные основания рассматривать соглашение о ГЧП как административно-правовой договор.

В связи с этим возникают вопросы – что представляет собой соглашение о ГЧП – смешанный или самостоятельный гражданско-правовой договор, является данное соглашение поименованным или непоименованным в гражданском законодательстве?

Как известно, статья 421 Гражданского кодекса РФ предусматривает возможность заключить смешанный договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами. Эта же статья закрепляет право сторон заключить договор, как предусмотрен-

ный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами (непоименованный). В работах некоторых ученых такие договоры также именуется нетипичными [5; 28].

Мы считаем, что содержание прав и обязанностей, распределение рисков сторон, цель отношений указывают на самостоятельный характер соглашения о ГЧП.

Интересно мнение А.А.Собчака, который указывал, что «смешанный договор есть необходимая промежуточная стадия в процессе возникновения новых видов договоров. Она необходима, пока не сложится самостоятельное законодательное регулирование новых видов договоров обязательственных отношений» [6; 63].

По нашему мнению, соглашение о ГЧП уже прошло свою «промежуточную стадию», которая выразилась в закреплении в законодательстве концессионного соглашения как смешанного договора. Мы убеждены, что отношения, возникающие из соглашений о ГЧП, являются качественно иными, отличными от других договорных обязательств, предусмотренных гражданским законодательством, и сегодня они нуждаются в специальном правовом регулировании.

Итак, содержание прав и обязанностей сторон соглашения о ГЧП, наличие общественно-значимой цели заключения данных соглашений, позволяют считать соглашение о ГЧП самостоятельным гражданско-правовым договором, относящимся к непоименованным договорам. Предпримем попытку определить предмет и существенные условия данного соглашения.

По справедливому утверждению В.Ф.Яковлева «договор служит средством координации инициативных правовых действий участников гражданских правоотношений» [7]. Классик российской цивилистики К.П. Победоносцев писал, что «предметом соглашения должно быть юридическое отношение, имеющее интерес; лишь при этом условии договор входит в сферу юридических отношений, получает юридическое значение и обязательную силу. ...Для того, чтобы составилось понятие о договоре, необходимо, чтобы каждая сторона была лично заинтересована тем юридическим отношением, о котором происходит соглашение» [8; 8].

Опираясь на интересы, которые преследуют стороны, заключая соглашение о ГЧП, и возможные модели взаимодействия партнеров при реализации проектов ГЧП, в качестве предмета соглашения о ГЧП мы предлагаем рассматривать действия частного партнера по созданию (реконструкции) и (или) эксплуатации объекта соглашения в целях предоставления населению товаров, работ, услуг либо обеспечения публичному партнеру условий для предоставления населению товаров, работ, услуг с использованием объекта соглашения, и действия публичного партнера по передаче объекта соглашения частному партнеру и (или) принятию объекта соглашения от частного партнера.

Рассмотрим вопрос о существенных условиях соглашения о ГЧП.

Как известно в соответствии со статьей 432 Гражданского кодекса РФ существенными условиями договора являются условия о его предмете, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Учитывая, что на сегодняшний день в отношении соглашений о ГЧП отсутствует специальное правовое регулирование, в качестве существенного условия мы можем выделить только предмет данного соглашения. Вместе с тем, принимая во внимание специфику отношений, возникающих в связи с заключением соглашения о ГЧП, мы считаем, что в качестве его существенных условий в законодательстве должны быть названы: 1) срок действия соглашения; 2) условие о цене и порядке расчетов; 3) условие о предоставлении населению товаров, работ, услуг с использованием объекта соглашения; 4) обязательство частного партнера о создании или реконструкции объекта соглашения либо условие об эксплуатации объекта соглашения частным партнером без осуществления его реконструкции и создания; 5) порядок перехода прав на объект соглашения.

1) Срок действия соглашения.

Данное условие представляется нам необходимым рассматривать в качестве существенного, так как в случае, если мы допускаем возможность заключения соглашения о ГЧП, в котором стороны не установят срок его действия, мы должны считать, что данное соглашение заключено на неопределенный срок. При такой ситуации публичный и частный партнер будут иметь возможность в любое время отказаться от соглашения. Принимая во внимание, что соглашение о ГЧП в конечном счете имеет целью обеспечение населения определенными товарами, работами и услугами, возможность такого отказа представляется нам недопустимой.

2) Условие о цене и порядке расчетов. Данное условие должно предусматривать, каким образом частный партнер будет получать доход от эксплуатации объекта соглашения: будут ли это платежи непосредственно от населения либо это будут платежи публичного партнера, распределенные на период действия соглашения либо единовременный платеж, а также иные варианты или их сочетания.

Интерес частного партнера от участия в соглашении о ГЧП состоит в получении систематического, прогнозируемого дохода от осуществляемой деятельности. Отсутствие данного условия в числе существенных фактически должно означать, что в отношении соглашений о ГЧП применимы положения части 3 статьи 424 Гражданского кодекса РФ, согласно которым в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги.

Вместе с тем в литературе отмечается, что каждый отдельный проект ГЧП может быть уникален по существу [9; 17]. В этой связи на определение цены соглашения о ГЧП и, следовательно, на решение частного партнера о целесообразности участия в данном соглашении влияет множество факторов, в том числе инвестиционный климат, развитие социально-экономической инфраструктуры в рассматриваемой сфере, наличие спроса на работы и услуги со стороны их потенциальных потребителей и т.д. Стороны при заключении данных соглашений, зачастую, находятся в уникальных, неповторимых условиях, что несвойственно практике договорных отношений, для которых цена не является существенным условием договора. Применительно к соглашениям о ГЧП, определение цены договора на основе обычно взимаемой при сравнимых обстоятельствах за аналогичные товары, работы или услуги, влечет для сторон слишком большие риски, в связи с чем, мы относим рассматриваемое условие соглашения о ГЧП к числу нуждающихся в закреплении в законодательстве как существенных.

3) Условие о предоставлении частным партнером населению товаров, работ, услуг с использованием объекта соглашения либо условие об обеспечении функциональных требований к объекту соглашения. Данное условие должно предусматривать с какого момента и в каком объеме частный партнер обязан предоставлять населению товары, работы, услуги. Требования к их качественным характеристикам. Особенности предоставления данных товаров, работ, услуг отдельным категориям граждан на льготных условиях. Либо содержать требования к функциональным характеристикам объекта соглашения, если частный партнер в соответствии с соглашением обеспечивает эксплуатацию объекта для предоставления услуг на его базе публичным партнером (для соглашений по модели контракта жизненного цикла).

4) Обязательство частного партнера о создании или реконструкции объекта соглашения либо условие об эксплуатации объекта соглашения частным партнером без осуществления его реконструкции и создания. Данное условие должно оговаривать какие виды работ и в какие сроки должен осуществить частный партнер в отношении объекта соглашения либо предусматривать, что частный партнер не осуществляет данные виды работ. Кроме того, в рамках данного условия должна быть оговорена возможность несения публичным партнером части расходов по созданию или реконструкции объекта соглашения.

5) Порядок перехода прав на объект соглашения. В случае если соглашение предусматривает создание объекта «с нуля» данное условие должно оговаривать с какого момента на объект возникает право собственности публичного партнера, например, с момента ввода в эксплуатацию объекта соглашения частным партнером, или после выплаты частному партнеру в полном объеме оговоренного соглашением размера выкупных платежей, либо по окончании срока действия соглашения и др. Кроме того, в случае если возникновение права собственности публичного партнера на объект соглашения предусматривается до окончания срока действия соглашения, должно быть оговорено на каком праве данным объектом будет владеть частный партнер, чтобы продолжать его эксплуатацию и предоставление населению товаров, работ и услуг.

В случае если соглашение предусматривает реконструкцию объекта соглашения частным партнером или если объект передается частному партнеру в эксплуатацию без обязанности осуществить его реконструкцию, данное условие должно оговаривать на каком праве и с какого момента данным объектом будет владеть частный партнер, чтобы осуществлять его эксплуатацию и предоставление населению товаров, работ и услуг. Кроме того, может быть предусмотрена возможность выкупа объекта соглашения частным партнером.

По нашему мнению отсутствие в соглашении иных условий не должно повлечь последствий, при которых отношения сторон остаются неопределенными и соглашение следует считать незаключенным. Как подчеркивал О.С. Иоффе, при определении существенных условий «нельзя не считаться с тем, что решение этого вопроса зависит в первую очередь от специфики каждого конкретного договорного обязательства» [10; 76]. Проекты, реализуемые на основе соглашений о ГЧП, как правило, сложно структурированы и индивидуальны, в связи с чем, представляется нецелесообразным чрезмерное расширение перечня существенных условий для соглашений о ГЧП. Кроме того, в соответствии с принципом свободы договора стороны не лишены возможности дополнительно предусмотреть какие-либо условия в качестве существенных.

Библиография

1. Попондопуло В.Ф. Публично-частное партнерство: понятие и правовые формы // Арбитражные споры. – 2014. – № 2. – С. 81 – 100.
2. Широков А.В. Административный договор как форма регулирования государственно-частных партнерств // Законодательство. – 2008. – № 10. – С.71 – 76.
3. Марков К. Административно-правовая природа концессионных соглашений // Закон и право. – 2010. – №1. – С.47 - 50.
4. Дроздов И. К правовой природе концессионного соглашения // Хозяйство и право. – 2006. – №6. – С. 46 - 55.
5. Козлова Е.Б. Инвестиционный договор как нетипичная договорная конструкция // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 1. – С. 28 - 32.
6. Собчак А.А. Смешанные и комплексные договоры в гражданском праве // Советское государство и право. – 1989. – №11. – С. 61 – 66.
7. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1 В.Ф. / Яковлев – М.: Статут. – 2012. – 976 с.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства / К.П. Победоносцев. – М.: Статут. – 2003. – 622 с.
9. Шапкина Е.А. О повышении эффективности государственно-частного партнерства в России // Юридический мир. – 2014. – № 4. – С. 15 - 17.
10. Иоффе О.С. Избранные труды. В 4-х томах. Т. 3 / О.С. Иоффе. – СПб.: Юрид. центр Пресс. – 2004. – 837 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Е.А. Сафонова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
safokatya@mail.ru
Научный руководитель:
О.Г. Геймур,
доцент кафедры административного
и финансового права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук

Эффективность финансового контроля является одним из важнейших факторов финансово-экономической устойчивости и социальной стабильности государства, его экономической безопасности и благополучия граждан. В РФ необходим контроль за расходованием государственных средств, своевременностью и аккуратностью пополнения бюджетов всех уровней и государственных внебюджетных фондов. Финансовый контроль обеспечивает защиту прав и законных интересов всех субъектов финансовых отношений, т.е. как личности, так и государства в целом. Механизм реализации финансового контроля гарантирует урегулирование отношений между личностью и государством в рамках контрольной деятельности и привлечение виновных к ответственности за совершенные правонарушения. При его проведении проверяются как соблюдение установленного правопорядка в процессе финансовой деятельности хозяйствующими субъектами и гражданами, так и экономическая обоснованность и эффективность осуществляемых действий, соответствие их задачам государства и общества. Конечной целью финансового контроля должна явиться оптимальная жизнедеятельность гражданина - высшая ценность общества [1;14]. Соответственно финансовый контроль должен осуществляться в интересах всего общества.

Актуальность изучения финансового контроля в комплексе обусловлена тем, что в российской правовой науке финансовый контроль исследован недостаточно и как категория, и как правовой институт, и как системное явление, а также наличием определенных проблем в правовом регулировании финансового контроля на всех уровнях финансовой системы Российской Федерации. Кроме того, с каждым годом увеличивается задолженность по налогам, сборам, штрафам и пеням среди населения. В целом задолженность по налоговым платежам в консолидированный бюджет Российской Федерации по состоянию на

01.01.2015 составила более 802,7 млрд. руб. [2]. В сравнение с показателями предыдущего года она не уменьшилась, а даже возросла.

В настоящий момент правовые начала финансового контроля заложены, в первую очередь, в Конституции РФ, а также в кодексах и других актах законодательства. Однако до сих пор ни в одном из них не дано легального понятия финансового контроля. Это порождает дискуссию в научных кругах по поводу этого вопроса. Проанализировав мнения теоретиков и практиков в данной сфере, предлагается определить финансовый контроль как урегулированную нормами права деятельность компетентных органов по проверке соблюдения законности и целесообразности формирования, распределения и использования фондов денежных средств публичного характера в целях стабильного социально-экономического развития страны.

Помимо этого проблема кроется и в разграничении форм и методов финансового контроля. Обуславливает проблему тот факт, что НК РФ относит некоторые методы финансового контроля, определенные в БК РФ, к формам налогового контроля [3][4]. Как известно, налоговый контроль является разновидностью финансового контроля, т.е. в данном случае наблюдается очевидное противоречие двух кодифицированных актов друг другу. Поэтому представляется необходимым унифицировать формы и методы финансового контроля в нормативно-правовых актах. Отсутствие строгих, содержательно наполненных дефиниций мешает контрольному делу. Понятия, о которых идет речь, должны быть не только выверены юридически, но и содержательно экономически [5;57].

Заинтересованность специалистов в правовой науке в последнее время приобретает вопрос об обособлении нового вида контроля - государственного казначейского. По мнению специалистов, проблемы государственного казначейского контроля во многом обусловлены слабостью методологической и теоретической основ его реализации. На сегодняшний день ни в экономической, ни в юридической научной литературе, посвященной теоретическим проблемам казначейства, нет толкования категории «государственный казначейский контроль». Поэтому и на законодательном уровне данная дефиниция отсутствует. Это обусловлено тем, что в стране не создана соответствующая реалиям правовая и методологическая база государственного казначейского контроля, отсутствие которой негативно сказывается на использовании в теории и практике понятийного аппарата, что приводит к недопониманию и двусмысленности. Поэтому представляется необходимым усовершенствовать механизмы мобилизации, учета и использования бюджетных средств; разработать методологическое обеспечение упорядочения правовой основы деятельности органов Федерального казначейства в бюджетной сфере и методическое обеспечение стандартизации процедур контроля и методических документов контроля; определить методы оценки эффективности государственного казначейского контроля [5;60].

Проблемы финансового контроля проявляются не только в теории, но и в практической деятельности контрольных органов РФ. Нормативная база в этой области в полной мере не сформирована. Она представляет собой набор разноуровневых нормативно-правовых актов, не складывающихся в организованную систему. Нормы этих актов нередко не только не разъясняют и не облегчают взаимоотношения между контрольными органами различных ветвей власти и объектами контроля, а скорее дезорганизуют отношения между ними. Так же по этой причине контрольные органы действуют несогласованно и без должного взаимодействия друг с другом, отсутствует четкое разграничение их полномочий, что повышает риск распространения коррупции в органах исполнительной власти и объективно снижает качество самого контроля.

Президент РФ в своих посланиях неоднократно определял задачи в части кардинального изменения подходов к осуществлению государственного и муниципального финансового контроля, четкого разграничения полномочий и ответственности органов государственного и муниципального контроля, устранения параллелизма и дублирования в их работе [6].

Счетная палата РФ в отчетах о своей работе не однократно обращала внимание на проблему понижения качества управления государственными финансами. В частности указывается, что сложившаяся практика двукратного внесения изменений в федеральный бюджет текущего финансового года не способствует повышению качества управления государственными финансами, поскольку препятствует определению достаточно обоснованных и просчитанных показателей при формировании проекта федерального бюджета [7].

Анализируя отчет Счетной Палаты РФ за 2014 год, можно увидеть, что ею было проведено 470 контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, в ходе которых, выявлены нарушения и недостатки при поступлении и использовании средств бюджетной системы, распоряжении и управлении государственной собственностью на общую сумму 772,9 миллиардов рублей. Эта цифра растет год от года, что говорит о несовершенстве российского законодательства в финансовой сфере [8].

Говоря о контрольных мероприятиях в Тюменской области можно отметить, что Счетная палата региона в 2014 г. провела 106 контрольных и аналитических мероприятий, в результате которых направ-

лено 70 представлений и 39 информационных писем с предложениями о принятии мер по устранению нарушений на сумму 346,0 млн. руб. По состоянию на 01.01.2015 г. на контроле Счетной палаты до сих пор находятся нарушения 2014 г. на сумму 22,9 млн. руб. [9].

Элементом механизма общего финансового контроля также является проведение финансового контроля при осуществлении государственных и муниципальных закупок. В настоящее время эффективной реализации правовых норм, регулирующих данную сферу финансового контроля, препятствуют отдельные проблемы, требующие проработки. Поскольку в поле зрения органов финансового контроля теперь попала отчетность о выполнении государственных и муниципальных заданий появилась и необходимость анализа эффективности использования бюджетных средств с точки зрения достижения поставленных задач и целей в этой сфере. Поэтому необходимо принципиально изменить подход к проведению контроля закупок - перейти от детального регулирования процедур и контроля за ними к возложению на заказчика ответственности за недостижение результата контракта и неэффективное расходование бюджетных средств [10;58]. Также Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», который устанавливает общие принципы осуществления закупочной деятельности муниципальными заказчиками, допускает применение неконкурентных и непрозрачных способов закупок. Таким образом, положения данного закона не позволяют общественным объединениям контролировать прозрачность закупочной деятельности муниципальных заказчиков. Упрощенные процедуры закупочной деятельности, предусмотренные федеральным законом, негативно сказываются на эффективности использования бюджетных средств муниципальными заказчиками. Поэтому необходимо дополнить данный закон нормой, согласно которой, в случае, если конечными потребителями товаров, услуг,купаемыми муниципальными заказчиками, являются непосредственно граждане, то их мнение должно учитываться при проведении торгов [11].

Наблюдается также коррупционный элемент в рамках осуществления финансового контроля, как со стороны должностных лиц, так и со стороны различных организаций и физических лиц. К сожалению, сложившаяся система финансового контроля недостаточно хорошо обеспечивает рациональное и целевое использование бюджетных средств, что связано с достаточно высоким уровнем коррупции в стране [12; 101]. Поэтому необходимо увеличить штрафные санкции, налагаемые прежде всего на руководителей организаций и иных должностных лиц за нецелевое и неэффективное использование бюджетных средств. Целесообразно также навсегда запретить лицам, ранее привлеченным к данной ответственности, занимать руководящие посты в органах и бюджетных учреждениях.

Для повышения эффективности борьбы с коррупцией на всех уровнях управления при любых видах проверок необходимо использовать возможности взаимодействия с правоохранительными и другими органами, осуществляющими контроль; проверять размещение и исполнение государственных и муниципальных заказов и использование государственной и муниципальной собственности. Для повышения качества проверок следует разработать совместный с правоохранительными органами стандарт антикоррупционной проверки [13;142].

Также необходимо подвергнуть изменениям компетенцию органов финансового контроля, чтобы избежать дублирования полномочий, усовершенствовать публичную отчетность контрольно-надзорных органов об итогах проверок. Создание эффективной системы государственного финансового контроля позволит уменьшить негативные моменты, связанные с функционированием теневой экономики, нецелевым использованием бюджетных средств, уменьшением сбора налогов, вывозом капитала за границу и ростом экономических преступлений. Другие возникающие проблемы, несомненно, требуют поиска решений, и эти решения должны быть закреплены нормативно. Только в этом случае возможно усовершенствование системы финансового контроля в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Ильин А.Ю. Правовая доктрина финансового контроля / А.Ю. Ильин, М.А. Моисеенко // Финансовое право. - 2014. - № 4. - С. 14 - 23.
2. Структура задолженности по налоговым платежам и сборам в консолидированный бюджет Российской Федерации на 1 января 2015 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики РФ [сайт]. - URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.04.2015).
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 № 145-ФЗ: по сост. на 8 марта 2015 г. // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31.- Ст. 3823.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 № 146-ФЗ: по сост. на 29 декабря 2014 // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.
5. Даниленко Н.И. Государственный казначейский контроль: теоретико-методологический аспект развития / Н.И. Даниленко //Международный бухгалтерский учет. - 2014. - № 33. - С. 55 – 62.
6. Бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию от 09.03.2007 «О бюджетной политике в 2008-2010 годах»; Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Со-

бранию Российской Федерации от 25.05.2009 «О бюджетной политике в 2010-2012 годах»; Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.06.2010 «О бюджетной политике в 2011-2013 годах»; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.12.2012. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.03.2015).

7. Итоги работы Счетной палаты РФ в 2013 году и основные направления деятельности в 2014 году [Электронный ресурс] // Счетная Палата РФ [сайт]. - URL: <http://www.ach.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2015).

8. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2013 году [Электронный ресурс] // Счетная Палата РФ [сайт]. - URL: <http://www.ach.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2015).

9. Отчет о работе Счетной палаты Тюменской области за 2014 год [Электронный ресурс] // Счетная Палата Тюменской области [сайт]. - URL: <http://rfspto.ru> (дата обращения: 15.04.2015).

10. Саттарова Н.А. Некоторые вопросы финансового контроля при осуществлении государственных и муниципальных закупок /Н.А. Саттарова // Юридический мир. - 2014. - № 1. - С. 56 - 60.

11. Счетная палата выступает за ужесточение контроля за закупочной деятельностью муниципальных заказчиков [Электронный ресурс] // Счетная Палата РФ [сайт]. - URL: <http://www.ach.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2015).

12. Геймур О.Г. Коррупция как фактор, снижающий эффективность финансового контроля /О.Г. Геймур // Вестник Тюменского государственного университета. - 2010. - №2. - С. 98-104.

13. Бочкарева Е.А. Бюджетный контроль как способ обеспечения сбалансированности бюджетной системы и противодействия коррупции в Российской Федерации /Е.А. Бочкарева // Российский юридический журнал. - 2013. - № 6. - С. 140 - 144.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

**С.А. Степанов,
магистрант ИГиП ТюмГУ
sergey-u29@mail.ru**

**Научный руководитель:
Н.В. Сухова,
доцент кафедры гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

С 1 января 2015 года прекратилась деятельность Евразийского Экономического Сообщества (далее – ЕврАзЭС), в состав которого входили Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан. Соответствующее соглашение было подписано участниками ЕврАзЭС 10 октября 2014 в городе Минске [1]. Согласно данному соглашению судьи Суда ЕврАзЭС освобождаются от должности в связи с прекращением деятельности Суда ЕврАзЭС решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств. Правопреемником Суда ЕврАзЭС с 1 января 2015 года стал Суд Евразийского Экономического Союза (далее – ЕАЭС), который, согласно статье 19 договора о ЕАЭС [2], является постоянно действующим судебным органом Союза.

Необходимость дальнейшего обеспечения правосудия (теперь уже на уровне ЕАЭС), несомненно, свидетельствует о доверии и значительной роли, которую Суд ЕврАзЭС сыграл для Сообщества в течение трех лет своего существования (январь 2012 года – январь 2015 года).

Нужно отметить, что, несмотря на продолжительное существование ЕврАзЭС, Суд Сообщества начал свое фактическое функционирование лишь с 1 января 2012 года. Связано это с тем, что только 9 декабря 2010 года государства - члены Таможенного союза (далее – ТС) заключили договор «Об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним» [3].

Прошло совсем немного времени, и стало понятно, что, несмотря на относительно небольшое количество дел, рассмотренных Судом (это количество составляет чуть больше 20 дел), эти решения вызывают самую разную реакцию среди, как государств-членов, так и исследователей в области международного правосудия [4; 80-88]. Связано это, прежде всего, с определенными сложностями, с которыми на практике

столкнулся, с одной стороны, сам Суд ЕврАзЭС, а с другой стороны, – лица, непосредственно обращающиеся в указанный Суд. Что же эти сложности из себя представляют? Рассмотрим некоторые из них.

Исполнение решений Суда ЕврАзЭС. Нередки ситуации, когда решение Суда ЕврАзЭС оказывалось невыполненным на национальном уровне. Например, имели место быть случаи, когда арбитражные суды РФ выносили решение о привлечении российской компании к административной ответственности на основании документа, который был признан недействительным Судом ЕврАзЭС. Более того, Федеральная Таможенная Служба России (далее – ФТС) даже разослала всем своим региональным подразделениям письмо № 01-11/08792 от 4 марта 2013 года [5], в котором прямо было указано, что, несмотря на решение Суда ЕврАзЭС, органы ФТС призваны исходить в своих действиях из действующего российского законодательства, нормы которого и являются для таможни обязательными для исполнения.

Следует заметить, что Суд ЕврАзЭС отреагировал на возникшую ситуацию, и, давая разъяснение о порядке исполнения решений Суда ЕврАзЭС, Большая Коллегия указала, в частности, следующее [6].

«...Решение Суда действует применительно не только к лицам, участвующим в деле, но и к неограниченному кругу лиц, что влечет возможность пересмотра в соответствующей процедуре судебных актов национальных судов, в которых нормы оспариваемого акта применены в значении, отличном от толкования Суда...»

«...Не допускаются действия государств-участников Сообщества, которые направлены на неисполнение или ненадлежащее исполнение решения Суда с целью ограничения его действия во времени, пространстве и по кругу лиц либо содержать указания на действия, противоречащие решению Суда. Государства обязаны исполнять соответствующие предписания Суда в разумный срок, не нарушая правила национального законодательства...».

Здесь вполне справедливо утверждать, что такая позиция Суда является первым на постсоветском пространстве случаем судейского активизма.

Представляется, что проблема исполнения решений Суда сообщества носит комплексный характер. В этой связи, ввиду образования Суда ЕАЭС, было бы логично закрепить, что государства - члены ЕАЭС, принимая все необходимые меры для своевременного и полного исполнения решений Суда Союза, устанавливают в этих целях упрощенный порядок взаимодействия Суда Союза с компетентными за исполнение судебных решений органами, обязанными принимать к исполнению решения Суда по обращениям заинтересованных лиц (взыскателей).

2. Самоидентификация в качестве главного судебного органа Сообщества. На этот момент, в частности, уже было обращено внимание известного специалиста в сфере международного гражданского процессуального права – А.С. Смбатян [7; 104-109]. В действительности, от того, каким именно является статус Суда ЕврАзЭС – как юридический, так и фактический – во многом зависит эффективность интеграции, равно как и международный авторитет Сообщества. Как представляется, Суду ЕврАзЭС следовало априори прилагать усилия для закрепления статуса наднационального судебного органа сообщества посредством разграничения компетенций органов ЕврАзЭС, критического анализа принимаемых ими нормативно-правовых актов, обеспечения целостности и одновременно развития соответствующего правового порядка. Суд ЕврАзЭС не может быть инструментом исключительно урегулирования споров, возникающих в связи с правоприменением нормативно-правовой базы ЕврАзЭС. Такое упрощенное восприятие функций органа международного правосудия уже давно не соответствует реалиям международной жизни и вряд ли отвечает потребностям членов данного интеграционного объединения.

Однако незначительная практика Суда Сообщества показала, что он воспринимается лишь в качестве одного из органов Сообщества, выполняющего техническую функцию по разрешению споров. При таком подходе верховенство права на территории Сообщества вряд ли может быть обеспечено. Юридический и фактический статус Суда должен быть гораздо весомее. Принципиально важен статус Суда «над» остальными органами ЕврАзЭС. Но такая установка, по-видимому, встретила возражения в том духе, что уставные документы Суда и другие договоры, заключенные в рамках ЕврАзЭС, таким статусом Суд не наделяют.

3. Повышение и укрепление авторитета Суда Сообщества в рамках системы органов международного правосудия. Стратегический курс руководства РФ на формирование ЕАЭС как эффективного интеграционного объединения на постсоветском пространстве, адекватном геополитическим и экономическим реалиям дал Суду ЕврАзЭС все основания для того, чтобы занять одну из лидирующих позиций в системе органов международного правосудия (далее – ОМП). Однако малое количество рассмотренных дел, и, следовательно, отсутствие устойчивых, авторитетных правовых позиций свидетельствует о том, что такая высокая цель достигнута не была.

С этой точки зрения, справедлива позиция А.С. Смбатян [8; 161-171]. По мысли названного автора, начинающему свою деятельность Суду ЕАЭС, учитывая перспективы функционирования, следует предпринять следующие шаги:

- опираться на общее международное право.

Судьям Суда ЕАЭС целесообразно постоянно аргументировать и подчеркивать связь законодательства интеграционного объединения с международным правом, частью которого оно является. При этом логично рекомендовать в каждом принимаемом решении давать ссылки на положения общего международного права, а также, где это применимо, на многие сторонние международные договоры.

- заимствовать актуальный опыт других ОМП.

Суд ЕАЭС не должен осуществлять свою деятельность изолированно, без взаимодействия с такими авторитетными органами международного правосудия, как ВТО, Европейский Суд по правам человека, суд Евросоюза. Подкрепляя свою позицию прецедентами авторитетных судов и арбитражей, Суд ЕАЭС тем самым продемонстрирует свою готовность «услышать» мнение других членов международного судебного сообщества и участвовать в диалоге с ними, что, безусловно, повысит авторитет и самого Суда ЕАЭС.

- выработать новаторские подходы и высокие стандарты в сфере отправления международного правосудия.

Суд ЕАЭС должен не только применять уже закрепленные в различных источниках права подходы и стандарты, но и стремиться к выработке собственных, чем активно занимаются такие авторитетные ОМП, как Суд Евросоюза, орган по разрешению споров ВТО и Европейский Суд по правам человека. Это достигается, в частности, посредством проявления судебской активности, когда судьи выходят за рамки привычных представлений о судействе и отпращивании правосудия. Причем, основным источником новых подходов и стандартов является судебное правосудие, которое постепенно становится неотъемлемой стороной деятельности современных ОМП.

- акцентировать внимание на необходимости защиты прав человека.

Пределы компетенции Суда ЕврАзЭС не позволяла ему рассматривать споры в области прав человека. В силу статьи 13 Статута Суда [9] он рассматривает споры экономического характера, возникающие между Сторонами по вопросам реализации решений органов ЕврАзЭС и положений договоров, действующих в рамках ЕврАзЭС. А.С. Сибатян, изучая вопросы перспективы Суда ЕврАзЭС, пришла к выводу, что такая ситуация подрывает саму идею правосудия на территории Сообщества. Вместо того, чтобы по примеру Суда Евросоюза, стать аналогом конституционного суда интеграционного объединения, деятельность Суда ЕврАзЭС ограничивалась довольно узкой экономической сферой. Получается, что компетенция ОМП, учрежденного в рамках регионального интеграционного объединения, сведена к функции «межгосударственного коммерческого арбитража», что не может считаться обоснованным.

Однако, даже если предположить, что компетенция уже нового Суда Союза будет должным образом расширена, нужно исходить из того, что система защиты прав человека в рамках правопорядка Союза должна быть сравнима по своей интегрированной эффективности с системой, выстроенной Европейским Судом по правам человека. Это подразумевает, что Суд ЕАЭС должен придерживаться весьма высоких стандартов защиты прав человека. В противном случае судьи Европейского суда будут подвергаться ЕАЭС «сканированию» на предмет нарушения прав человека со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями.

В заключение отметим обоснованность мнения А.С. Исполинова [4; 80-88]. Перспективы Суда ЕАЭС зависят, помимо прочего, от выполнения задачи восстановления судебного диалога в режиме верховенства права. Если брать в качестве примера практику Суда Европейского Союза по созданию европейского правопорядка, то у судей нового Суда ЕАЭС должен быть особый интерес к процессу отправления правосудия. Немаловажно и нормотворчество суда. Говоря о нормотворчестве созданного Суда ЕАЭС, следует исходить из того, что для дальнейшего успешного развития евразийской интеграции судебное нормотворчество неизбежно. Позиционно нормотворчество может быть объяснено двумя факторами. Во-первых, самим характером договора о Евразийском Союзе и его приложений. По обстоятельствам своей включенности в современный миропорядок Договор о создании Евразийского экономического союза показывает здесь всю свою международно-правовую значимость. Во-вторых, в целом ряде случаев назревшая проблема Союза может быть быстрее и эффективнее решена сначала на уровне Суда, а уже потом найти свое правовое решение в нормативных актах Союза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Договор о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 01.02.2015 г.).
2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 28.01.2015 г.).

3. Договор об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним 2010 г. // Официальный портал Суда ЕврАзЭС. - URL: <http://sudevrazes.org/sm.aspx?guid-67003> (дата обращения: 03.02.2015 г.)
4. Исполинов А.С. Евразийское правосудие: от суда Сообщества к Суду Союза / А.С. Исполинов // Государство и право. - 2015. - № 1. - С. 80 - 88.
5. Письмо ФТС России № 01-11/08792 «О декларировании товаров 27 группы ТН ВЭД ТС» от 04 марта 2013 г. [Электронный доступ] // Система КонсультантПлюс: Высшая школа: учебное пособие. – Вып. 20. – 1 DVD-ROM.
6. Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического сообщества от 8 апреля 2013 г. «О разъяснении Решения Суда Евразийского экономического сообщества от 05.09.2012 г., которым был признан не соответствующим международным договорам, действующим в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, пункт 1 Решения Комиссии Таможенного союза от 17.08.2010 № 335» [Электронный доступ] // Система КонсультантПлюс: Высшая школа: учебное пособие. – Вып. 20. – 1 DVD-ROM.
7. Смбалян А.С. Перспективы Суда ЕврАзЭС в системе органов международного правосудия А.С. Смбалян // Международное право и международные организации. - 2013. - № 1. - С. 104 - 109.
8. Смбалян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права / А.С. Смбалян. - М.: Статут, - 2012. - С. 161 - 171.
9. Статут Суда Евразийского экономического сообщества от 5 июля 2010 года [Электронный ресурс] // Официальный портал ЕврАзЭС. - URL: <http://www.evrazes.com/docs/view/22> (дата обращения 04.03.2015 г.).

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОВЕДЕНИЯ ОРГАНОМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВНЕПЛАНОВОЙ ПРОВЕРКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Е.М. Шайдулина,
преподаватель кафедры
конституционного права
Юридического института ИГУ
Chernyaeva_lena@mail.ru
Научный руководитель:
Н.Э. Шишкина,
заместитель директора
Юридического института ИГУ
по науке и международным связям,
доктор юридических наук, профессор

Федеральным законом от 4 июня 2011 г. «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] в ст. 165 Жилищного кодекса РФ [1] (далее – ЖК РФ) была добавлена норма, согласно которой муниципалитет наделяется полномочием по проведению проверки управляющей организации на предмет выполнения условий договора по управлению домом. В случае поступления в муниципалитет обращения от собственников помещений, председателя совета многоквартирного дома и других лиц муниципалитет обязан в 5-дневный срок провести проверку управляющей организации.

В случае если будет выявлено невыполнение условий договора управляющей организацией, муниципалитет не позднее 15-ти дней с момента указанного обращения созывает общее собрание жильцов для решения вопросов о расторжении договора с такой управляющей организацией и о выборе новой управляющей организации или об изменении способа управления данным домом.

Представляется, что это хорошая инициатива по усилению контроля за деятельностью управляющих организаций и повышению их ответственности [4; 102].

Вместе с тем, анализ действующего законодательства позволил выявить еще некоторые проблемы, связанные с реализацией данной нормы.

Проведение выше обозначенной проверки – это вид контроля, причем, контроля муниципального, поскольку контролирующий субъект – орган местного самоуправления, следовательно, к указанным отношениям применяется Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [6], в соответствии с которым при осуществлении муниципального жилищного контроля особенности организации и проведения проверок (вид, предмет, основания проведения проверок, сроки и периодичность их проведения, уведомления о проведении внеплановых выездных проверок и согласование проведения внеплановых выездных проверок с органами прокуратуры) могут устанавливаться другими федеральными законами. В данном случае, в частности, речь идет о ЖК РФ.

Анализ сферы применения Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» позволяет сделать вывод о том, что им регламентируются, в том числе проверки управляющих организаций, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирными домами.

Согласно указанному Федеральному закону муниципальный контроль – это деятельность муниципальных органов, уполномоченных в соответствии с федеральным законом, на организацию и проведение на территории муниципального образования проверок соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, во-первых, требований, установленных в муниципально-правовых актах; во-вторых, требований, установленных федеральными законами, законами субъектов РФ, в-третьих, только в случаях, когда соответствующие виды контроля относятся к вопросам местного значения. Иными словами, одним из признаков муниципального контроля является отнесение соответствующего вида контроля к вопросам местного значения.

Вместе с тем, в ст. 17.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [11] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах...») поименованной как «муниципальный контроль» отмечено, что органы местного самоуправления организуют и осуществляют муниципальный контроль за соблюдением требований, установленных муниципальными правовыми актами, принятыми по вопросам местного значения, а в случаях, если соответствующие виды контроля отнесены федеральными законами к полномочиям органов местного самоуправления, также муниципальный контроль за соблюдением требований, установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации. Как представляется, анализируемая статья Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах...» не содержит предписания об отнесении муниципального контроля к вопросам местного значения.

В ч. 2 ст. 17.1 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах...» сказано, что к отношениям, связанным с осуществлением муниципального контроля, организацией и проведением проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, применяются положения Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Таким образом, мы имеем дело с противоречащими друг другу нормами, обе из которых содержатся в федеральных законах, т.е. источниках права одинаковой юридической силы. Для разрешения сложившейся коллизии необходимо применить содержательное правило, когда специальный закон отменяет действие общего [2; 21].

Исходя из правила приоритета специальной нормы («*lex specialis derogat lex generalis*») [17]; [13]; [18] большую юридическую силу будет иметь Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», поскольку он выступает в качестве специального закона по отношению к Федеральному закону № 131-ФЗ «Об общих принципах...». Следовательно, муниципальный контроль по предписанию специального закона должен быть отнесен к вопросам местного значения.

Требование о проведении органами местного самоуправления проверки управляющей организации на предмет выполнения условий договора по управлению домом установлено федеральным законом – ЖК РФ, а значит, чтобы подпадать под понятие муниципального контроля данный контроль должен относиться к вопросам местного значения.

Вместе с тем, в законодательстве есть некая неопределенность: не ясно, следует относить проведение внеплановой проверки к вопросам местного значения или нет. Такое отсутствие определенности приводит к двоякой ситуации.

Первая ситуация. Если законодатель подразумевал, что проведение органами местного самоуправления проверки, предусмотренной ч. 1.1. ст. 165 ЖК РФ, относится к муниципальному жилищному контролю, то в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах...» среди вопросов местного значе-

ния городского поселения и городского округа есть такой вопрос как осуществление муниципального жилищного контроля (п. 6 ч. 1 ст. 14, п. 6. ч. 1 ст. 16).

Буквальное толкование ч. 1.1 ст. 20 ЖК РФ позволяет заключить, что муниципальный жилищный контроль касается только требований, установленных в отношении муниципального жилищного фонда. Иными словами, осуществление муниципального жилищного контроля в отношении государственного и частного жилищного фонда не допускается.

В ЖК РФ «под государственным жилищным надзором понимается деятельность уполномоченных органов исполнительной власти субъектов РФ, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений ... юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами установленных ... требований к использованию и сохранности жилищного фонда независимо от его форм собственности, в том числе требований к жилым помещениям, их использованию и содержанию, использованию и содержанию общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах, ... созданию и деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих управление многоквартирными домами, оказывающих услуги и (или) выполняющих работы по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах, предоставлению коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домах...».

Таким образом, проверка в отношении государственного и частного жилищного фонда, в том числе о невыполнении управляющей организацией обязательств по договору управления многоквартирным домом, относится к государственному жилищному надзору. Следовательно, это уже полномочия органов государственной власти субъектов РФ, а не органов местного самоуправления.

Складывается ситуация, что внеплановая проверка, предусмотренная ч. 1.1 ст. 165 ЖК РФ, может быть отнесена к муниципальному жилищному контролю, только если такой контроль касается муниципального жилищного фонда. Значит, проведение органами местного самоуправления такой проверки в отношении государственного и частного жилищного фонда – это вопросы, связанные с реализацией органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных с регионального уровня на муниципальный, поскольку это государственный жилищный надзор. Получается, что органы местного самоуправления должны наделяться полномочиями по проведению проверки управляющей организации в порядке ст. 165 ЖК РФ в соответствии с требованиями главы 4 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах...», в которой закреплена возможность передачи законом органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств.

Таким образом, указанное полномочие (применительно к государственному и частному жилищному фонду) на муниципальный уровень должно передаваться в соответствии с законом о передаче отдельных государственных полномочий и с предоставлением необходимых для его реализации материальных и финансовых средств.

Вторая ситуация. Если проверка в соответствии с ч. 1.1 ст. 165 ЖК РФ не относится к муниципальному жилищному контролю, а следовательно, и к вопросам местного значения, т.е. речь идет о государственном и частном жилищном фонде, все условия управления многоквартирным домом можно разделить на две группы:

- 1) условия, включающие законодательно установленные требования к содержанию и использованию жилищного фонда в надлежащем состоянии;
- 2) условия, которые стороны предусмотрели в соответствии с принципом свободы договора.

В отношении соблюдения первой группы условий (как было рассмотрено выше) осуществляется государственный жилищный надзор, тогда как в отношении второй группы муниципальный жилищный контроль невозможен, потому как речь идет о государственном и частном жилищном фонде. Следовательно, проверка, предусмотренная ч. 1.1 ст. 165 ЖК РФ, не относится к вопросам местного значения (в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах...» среди вопросов местного значения, кроме муниципального жилищного контроля, нет такого муниципального контроля, под который могла бы подпадать указанная проверка). Значит, это 1) либо вопросы, связанные с реализацией органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий (об этом уже говорилось выше), 2) либо иные вопросы, которые в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах...» не относятся к вопросам местного значения, не являются отдельными государственными полномочиями, а также не отнесены к компетенции иных органов публичной власти и не исключены из компетенции органов местного самоуправления (данные вопросы органы местного самоуправления вправе решать только при наличии собственных средств).

Таким образом, проверка муниципальными властями деятельности управляющих компаний осуществляется только при наличии в муниципальном образовании финансовых средств на эти цели. При такой ситуации возникает следующая проблема.

Если указанная проверка относится к так называемым иным вопросам, которые не относятся к вопросам местного значения, не являются отдельными государственными полномочиями, а также не отнесены к компетенции иных органов публичной власти и не исключены из компетенции органов местного самоуправления, то проведение такой проверки – это всего лишь право муниципальных властей. Иными словами, органы местного самоуправления вправе отказать в проведении проверки обратившимся лицам по причине отсутствия финансовых средств.

Однако согласно теории о компетенции полномочие является одновременно и правом органов местного самоуправления, и их обязанностью. Кроме того, в ЖК РФ содержится следующая формулировка: «орган местного самоуправления *проводит* проверку», т.е. у органов местного самоуправления нет права выбора модели поведения, а есть четкое предписание действовать в строгом соответствии с законом.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день затруднена реализация нормы ст. 165 ЖК РФ, предусматривающая проведение органами местного самоуправления проверки деятельности управляющих организаций. Это означает, что пока собственники помещений остаются недостаточно защищенными в условиях одностороннего нарушения договора управляющей компанией.

Вместе с тем, практика реализации нормы ст. 161 ЖК РФ пошла по пути самостоятельного осуществления органами местного самоуправления данной проверки за счет собственных средств, делегирования региональных полномочий на муниципальный уровень не происходит [16]; [12]; [15]; [7]; [9]; [14]; [19]. Подтверждением тому служат утвержденные в Иркутской области распоряжением министерства жилищной политики, энергетики и транспорта от 4 марта 2013 г. № 18-мр методические рекомендации по организации и проведению органами местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области проверок в целях реализации полномочий, предусмотренных ч. 1.1 ст. 165 ЖК РФ [8].

В 2013 г. должностными лицами органов муниципального жилищного контроля г. Иркутска проведено 770 внеплановых проверок, из которых 660 - выездных, 110 - документарных. В 36 % были выявлены нарушения управляющими организациями обязательных требований, в связи с чем, выдано 275 предписаний об устранении выявленных нарушений [3]; [10].

Таким образом, полномочия муниципальных органов по проведению проверки, предусмотренной ст. 165 ЖК РФ, и полномочия органов государственного жилищного надзора совпадают в части контроля над управляющими организациями, обслуживающими государственный и частный жилищный фонд, т.е. имеет место дублирование и параллелизм полномочий органов власти различных уровней.

Изложив суть проблемы, видим два варианта ее решения: либо должно происходить делегирование полномочий органов государственного жилищного контроля на муниципальный уровень с учетом императивных предписаний, установленных главой 4 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах...»; либо же необходимо внести изменения в Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах...», отнеся проведение подобных проверок к вопросам местного значения.

Список использованной литературы

1. Жилищный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.
2. Занина М.А. Проблемы разрешения коллизий норм права равной юридической силы в современном российском праве / М.А. Занина // Законодательство и экономика. - 2010. - № 4. - С. 21 - 26.
3. Информация об осуществлении муниципального жилищного контроля на территории города Иркутска [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://www.admirk.ru/Pages/kommunalnoehozyaistvo.aspx> (дата обращения 03 дек. 2013 г.).
4. Куратова М. Защита от липовых ТСЖ / М. Куратова // Жилищное право. - 2011. - № 9. - С. 101 – 103.
5. О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 4 июня 2011 г. № 123-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 23. Ст. 3263.
6. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
7. О комиссии по проведению внеплановых проверок деятельности управляющих организаций по управлению многоквартирными жилыми домами на территории Полевского городского округа : постановление Главы Полевского городского округа от 8 авг. 2013 г. № 1943 // Диалог. 2013. № 64. 16 авг.

8. О методических рекомендациях по организации и проведению органами местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области проверок, в целях реализации полномочий, предусмотренных частью 1.1 статьи 165 ЖК РФ : распоряжение министерства жилищной политики, энергетики и транспорта Иркутской области от 4 марта 2013 г. № 18-мр // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
9. О передаче полномочий в сфере управления многоквартирными домами : постановление Администрации городского округа Первоуральск от 25 июля 2013 г. № 2428 // Вечерний Первоуральск. 2013. № 58. 30 июля.
10. О порядке осуществления муниципального жилищного контроля на территории города Иркутска : постановление Администрации города Иркутска от 28 нояб. 2012 г. № 031-06-2285/12 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
11. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
12. Об организации проведения проверок деятельности управляющих организаций на территории городского округа Искитима: постановление администрации города Искитима от 27 марта 2012 г. № 532 // Искитимская газета. 2012. № 15. 12 апр.
13. Об оставлении без удовлетворения жалобы о признании недействительными отдельных положений Правил выдачи разрешений на учреждение акцизных складов, их функционирования и осуществления налогового контроля за их работой, утв. Постановлением Правительства РФ от 30 дек. 2000 г. №1026 : решение Верховного Суда РФ от 7 авг. 2001 г. № ГКПИ01-1167 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
14. Об утверждении порядка организации и осуществления муниципального жилищного контроля на территории городского округа «Город Южно-Сахалинск» : постановление Администрации города Южно-Сахалинска от 17 окт. 2013 г. № 1885-па // Южно-Сахалинск сегодня. 2013. № 50(996). 7 нояб.
15. Об утверждении Порядка проведения внеплановых проверок деятельности управляющих организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами на территории муниципального образования «Город Ижевск» : постановление Администрации г. Ижевска от 1 окт. 2013 г. № 1200 // Известия Удмуртской Республики. 2013. № 116. 15 окт.
16. Об утверждении Порядка проведения проверок деятельности управляющих организаций города Протвино: постановление администрации г. Протвино Московской области от 4 окт. 2013 г. № 840 // Протвино сегодня. 2013. № 39. 11 окт.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 5 окт. 2000 г. № 199-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 1.
18. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собр. законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.
19. Положение о порядке осуществления муниципального жилищного контроля [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://stroynadzor.irkobl.ru/sites/stroynadzor/home/munitsipalnyy-kontrol/> (дата обращения : 18 февр. 2015 г.).

КОНКУРСНЫЕ РАБОТЫ

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О.В. Бобков,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
nekr@mail.ru

Научный руководитель:
Н.В. Сидорова,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

С января 2014 года на рассмотрении в Государственной Думе находится законопроект № 440058-6, предусматривающий введение в действующий Уголовно-Процессуальный Кодекс Российской Федерации (далее – УПК, РФ) института установления объективной истины по рассматриваемому делу. Объективную истину законопроект определяет как «соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения». [1]

Пояснительная записка к законопроекту (далее – Записка) обосновывает необходимость внесения изменений в УПК несколькими аспектами:

Во-первых – невозможность реализации назначения уголовного судопроизводства, а именно уголовного преследования и наказания виновных без установления объективной истины по делу. Раскрывая этот тезис, авторы Записки указывают, что принятие итогового решения на основании недостоверных данных может привести к судебной ошибке.

Во-вторых – УПК стран романо-германской правовой семьи, к которой относится и российская система права, содержат требования об установлении объективной истины. Аналогичные требования содержали и Устав уголовного судопроизводства 1864 года, а также оба УПК РСФСР.

В качестве основных целей введения института установления объективной истины авторы Записки указывают лучшее обеспечение конституционного права граждан на правосудие и повышение доверия граждан к правосудию. [2]

Споры о необходимости и оправданности существования института установления объективной истины по уголовному делу не утихают с начала 1990-х гг.. Традиционно считается, что возложение на суд обязанности установления объективной истины нарушит принцип разделения ролей в уголовном судопроизводстве между судом и сторонами обвинения и защиты, так как для установления объективной истины по делу суду неизбежно придётся принимать самостоятельные меры к сбору доказательств, выполняя функцию обвинения, либо дополнительно самостоятельно обосновывать позиции сторон в случае их неполноты. [3] На такой позиции основан действующий УПК, не содержащий никаких упоминаний объективной истины. В связи с этим, до недавних пор преобладающей считалась точка зрения о том, что обязанности суда по выяснению обстоятельств дела ограничиваются исследованием доказательств, представляемых сторонами и вынесении итогового решения исключительно на их основе. [4]

Сразу же следует указать, что авторы законопроекта прямо называют принцип презумпции невиновности юридической фикцией, которая при введении института установления объективной истины должна применяться только в случае, если установление объективной истины по делу невозможно.

О необходимости введения института установления объективной истины или о вредности такого решения в литературе последних лет высказываются различные мнения.

Так, например, Н.В. Азаренок считает, что без установления истины по делу невозможно обеспечить справедливость судебного разбирательства. Выделяя формальную истину, под которой понимается «установление факта преступления «вне разумных сомнений»», и материальную истину, которая определяется как «выяснение действительной картины происшедшего», исследователь приходит к выводу о том, что для России с её национальным менталитетом и историческим опытом является необходимым установление в судебном разбирательстве материальной истины. Свои выводы Н.В. Азаренок подтверждает ссылками на подписанные и ратифицированные Россией Всеобщую декларацию прав человека и на Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, которые предусматривают права каждого на

справедливое судебное разбирательство. [5] Сравнив авторское определение материальной истины и определение объективной истины, данное в законопроекте № 440058-6, можно прийти к выводу о том, что уголовно-процессуальный смысл указанных определений идентичен.

В пользу необходимости установления истины по уголовному делу в судебном разбирательстве также высказывается О.П. Сауляк, указывая, что приговор по уголовному делу не может быть законным и обоснованным, если он не сопряжён с установлением истины по делу. Кроме того, О.П. Сауляк говорит, что в условиях ограничения роли суда в разбирательстве дела ролью арбитра, руководствующегося только доводами сторон, итоговое решение по делу зависит исключительно от изворотливости и красноречия сторон. По мнению исследователя, суд должен устанавливать по делу все имеющие значение обстоятельства, а не принимать в качестве истины «некое правдоподобие, которое при определённых обстоятельствах может вообще не иметь ничего общего с реальными деяниями и событиями. [6]

В последние годы предложения о возложении на суд обязанности установления объективной истины и о внесении соответствующих изменений в УПК стали появляться и со стороны официальных лиц. Так, например, рассматриваемый законопроект был разработан Следственным Комитетом РФ (далее – СК РФ) и в марте 2012 г. выставлен на обсуждение после интервью председателя СК РФ А.И. Бастыркина, опубликованного на страницах «Российской Газеты», в котором А.И. Бастыркин привёл в поддержку законопроекта те аргументы, которые впоследствии попали в Записку. [7]

В юридической доктрине существует и противоположная точка зрения.

Так, Давлетов А.А. считает, отказ от объективной истины в качестве цели доказывания является необходимым условием для реализации принципа состязательности в уголовном процессе, указывая при этом, что без состязательности судебное разбирательство по уголовному делу немыслимо. [7]

Цитируемый ранее С.В. Бурмагин полагает, что внесение в УПК предложенных в рассматриваемом законопроекте изменений приведёт к потере судом независимости, объективности и беспристрастности, а также даст стороне обвинения «дополнительный козырь для обжалования и отмены неугодного приговора». Исследователь также указывает на явное расхождение предлагаемых изменений с принципом презумпции невиновности, так как при возвращении дела прокурору ввиду недостаточности доказательств речь может идти только об отсутствии обвинительных доказательств в силу того, что невиновность обвиняемого презюмируется. Утверждается, что существование внесении в УПК обязанности суда по установлению объективной истины заставит суд самостоятельно искать аргументы в поддержку обвинения, приводя к фактическому выполнению судом функций стороны обвинения. [3]

Относительно недавно стала набирать популярность третья точка зрения на проблему определения истины в судебном разбирательстве.

Так, например, А.А. Сиволова высказывает мысль о том, что объективной истиной является наличие таких знаний и выводов об обстоятельствах дела, которые верно отражают существующую вне человеческого сознания действительность. При этом суд не может установить объективную истину, а может лишь сделать вывод о её установлении или неустановлении на основе тех доказательств, которые имеются в деле. Эту истину А.А. Сиволова определяет как юридическую или процессуальную истину. Такая истина может и не отражать всех обстоятельств дела, а быть, например, констатацией невиновности подсудимого вследствие недостаточности доказательств его виновности. Однако, исследователь указывает на то, что такая истина должна быть тождественна объективной истине в той части, в которой это необходимо для разрешения уголовного дела. Выстраивая правовую конструкцию процессуальной истины на принципе справедливости приговора, А.А. Сиволова также выражает согласие с исследователями, которые определяют одним из критериев справедливости приговора соответствие квалификации деяния подсудимого фактическим обстоятельствам. [9]

Сходную позицию высказывает и С.В. Корнакова, говоря о том, что приговор суда истинен, если он справедлив, судом не устанавливается истина, а лишь установление или неустановление истины. Исследователь также указывает, что требование установления истины в уголовном процессе должно относиться к установлению фактических обстоятельств дела, а целью доказывания должна быть достоверная доказанность обстоятельств совершения преступления и их юридическая оценка, то есть – верная квалификация совершённого деяния. С.В. Корнакова делает вывод о том, что хотя в процессе доказывания по уголовному делу суд должен стремиться к установлению объективной истины, основой современного состязательного процесса является всё же истина процессуальная (юридическая), определение которой в цитируемой работе тождественно определению, данному Сиволовой А.А. в цитируемой ранее работе. [10]

Неудачной правовую конструкцию объективной истины считает и Д.А. Мезинов, указывая на то, что подмена юридической истины истиной объективной создаст дополнительные условия для произвола со стороны суда, который при вынесении приговора будет руководствоваться не представленными сторонами доказательствами, а собственными представлениями о том, что является истиной по уголовному делу. [11]

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо вспомнить нашумевшее Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. №16-П, которым были признаны не соответствующими Конституции РФ положения УПК, запрещающие суду по собственной инициативе возвратить уголовное дело прокурору в случае, если суд на основании изученных материалов дела приходит к выводу о несоответствии предъявленного обвинения обстоятельствам дела, неправильной квалификации деяния обвиняемого и необходимости изменения обвинения на более тяжкое. При этом не может рассматриваться как принятие судом на себя функции обвинения действия суда, направленные на исправление ошибок, допущенных ранее органами уголовного преследования, так как отсутствие таких действий не позволит должным образом защитить права обвиняемых и потерпевших, а также повлечёт за собой принятие заведомо незаконного решения по уголовному делу. [12]

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. N 269-ФЗ ч.1 ст. 237 УПК была дополнена п.6, наделяющим суд указанным правом. [13]

Представляется, что изложенные в указанном Постановлении аргументы, подтверждают позицию сторонников концепции юридической истины и не имеет отношения к истине объективной. Правильность квалификации совершённого деяния охватывается понятием юридической истины. [9, 10, 11] В то же время, сторонники объективной истины в своих работах не упоминают вопросы отнесения правильной квалификации деяния к истине по уголовному делу, сосредотачиваясь, прежде всего, на вопросах сбора доказательств. Следует отметить, что спор об отнесении квалификации деяния к объективной истине существовал и в советское время, и советская теория уголовного процесса не выработала однозначной позиции по указанному вопросу. [14] В силу этих обстоятельств на настоящий момент уверенно говорить о том, охватывается ли квалификация деяния объективной истиной в уголовном судопроизводстве, нельзя.

Институт установления объективной истины в том виде, в котором он изложен в законопроекте № 440058-6 является неприемлемым для современного уголовно-процессуального права, так как противоречит, как минимум, двум его основополагающим принципам – принципу презумпции невиновности и принципу состязательности сторон. Принципам современного уголовного процесса наиболее точно соответствует концепция юридической истины, согласно которой суд на основе доказательств, собранных сторонами, делает вывод об установлении или неустановлении истины по уголовному делу, толкуя при этом сомнения в виновности обвиняемого в его пользу.

Список использованных источников:

1. Текст законопроекта № 440058-6. // Официальный сайт Государственной Думы. [URL]: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=440058-6&02>
2. Пояснительная записка к законопроекту № 440058-6. // Официальный сайт Государственной Думы. [URL]: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=440058-6&02>.
3. Бурмагин С.В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. 2014. N 5. С. 885 - 896.
4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. Отв. Ред. П. А. Лупинская. // М.: Норма, 2009 г., с. 285-290.
5. Азаренок Н.В. Обусловленность состязательности в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2013. N 4. С. 141 - 151.
6. Сауляк О.П. Проблемы обеспечения состязательности уголовного процесса в современной России. // Адвокат. 2009. N 10. С. 73 - 76.
7. Российская Газета, №5731 от 16 марта 2012 г.
8. Давлетов А.А. Состязательность в современном уголовном процессе России // Бизнес, Менеджмент и Право. 2012. N 2. С. 65 - 68.
9. Сиволова А.А. К вопросу о соотношении требования справедливости приговора суда и категории «истина» в уголовном процессе. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. №20. С. 70-74.
10. Корнакова С.В. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России в свете принципа состязательности уголовного процесса. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. №1. С. 73-79.
11. Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «Объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского Государственного Университета. 2013. №2. С. 82-94.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 N 16-П // "Вестник Конституционного Суда РФ", N 6, 2013.

13. Федеральный закон от 21.07.2014 N 269-ФЗ "О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации". // "Российская газета", N 166, 25.07.2014.

14. Теория доказательств в советском уголовном процессе.

Отв. Редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное. М.: 1973. // Уголовный процесс. [URL]: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/td-1973-3.htm>

К ВОПРОСУ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ НА ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ

С.С.Болотин,
магистрант ИГиП ТюмГУ
seryozhka1777@aol.com

Научный руководитель:
И.В. Тордия,
заведующий кафедрой гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Фирменное наименование, являющееся коммерческим именем предпринимателя, неразрывно связано с его деловой репутацией. Под этим именем предприниматель совершает сделки и иные юридические действия, несет юридическую ответственность и осуществляет свои права и обязанности, рекламирует и реализует произведенную им продукцию и т. д. Следовательно, право на него должно рассматриваться как важное личное неимущественное благо.

В совместном Постановлении пленумов высших судов сказано: «Согласно пункту 3 статьи 1474 ГК РФ не допускается использование юридическим лицом фирменного наименования, тождественного фирменному наименованию другого юридического лица или сходного с ним до степени смешения, если указанные юридические лица осуществляют аналогичную деятельность и фирменное наименование второго юридического лица было включено в единый государственный реестр юридических лиц ранее, чем фирменное наименование первого юридического лица» [1] - Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 5, Пленума ВАС РФ N 29 от 26.03.2009 "О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации".

При этом пленумы также пояснили, что защита не зависит от того, какое из юр лиц раньше приступило к соответствующей деятельности: «При применении данной нормы судам необходимо учитывать: защите подлежит исключительное право на фирменное наименование юридического лица, раньше другого включенного в Реестр, вне зависимости от того, какое из юридических лиц раньше приступило к соответствующей деятельности» [1].

Однако на практике может возникнуть следующая ситуация. Два юридических лица с одинаковым названием осуществляют совершенно разные виды деятельности (допустим, оказание разных видов услуг). В данном случае никакого смешения не возникает, так как деятельность не аналогичная, следовательно, они оба могут существовать и не имеют права заставлять другое юридическое лицо прекратить свою деятельность. Впоследствии второе юридическое лицо (которое было зарегистрировано позднее) начинает выпускать определенную продукцию (допустим, мебель). Когда эта организация уже полностью вошла на рынок, наработала себе клиентскую базу, наладила прибыль, появляется первое юридическое лицо (чье фирменное наименование было зарегистрировано ранее) и начинает выпускать мебель под таким же фирменным наименованием. В такой ситуации уже возникает смешение и в соответствии с законодательством первое юридическое лицо имеет полное право потребовать вторую организацию прекратить свою деятельность по производству мебели. После этого, первое юридическое лицо, пользуясь репутацией второго и уже занимая определенную долю рынка, начинает извлекать выгоду.

С точки зрения формальной логики и защиты экономических прав второго лица, это неправильно. С выпуском продукции связано у клиентов больше второе юридическое лицо, так как оно раньше начало осуществлять подобную деятельность и именно это фирменное наименование отличало его от других мебельных фабрик (в том числе и от первого юридического лица, которое изначально занималось совершенно другим видом деятельности). А первая организация, пользуясь популярностью своего фирменного наименования и преимуществом при его регистрации, просто вытесняет добросовестную вторую фирму.

В связи с этим полагаем, что наряду с закреплением за хозяйствующим субъектом преимущественного права регистрации и распространения этого права на фирменное наименование одновременно в законодательстве следует закрепить положение о том, что преимущественным правом следует наделять не только факт более ранней регистрации, но и факт начала осуществления соответствующего вида деятельности хозяйствующего субъекта под данным фирменным наименованием. В случае же совпадения фактов начала осуществления деятельности несколькими организациями под одним фирменным наименованием, приоритет должен принадлежать уже той, что раньше зарегистрировалась.

Следующая проблема связана с наименованиями некоммерческих организаций. Пленумы высших судов высказались по этому поводу следующим образом: Право на фирменное наименование возникает только у коммерческих организаций: «В силу пункта 4 статьи 54, пункта 1 статьи 1473 ГК РФ право на фирменное наименование возникает только у юридического лица, являющегося коммерческой организацией».

На некоммерческие организации не распространяются положения ч. 4 ГК РФ. Наименования некоммерческих организаций (статья 4 Федерального закона от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [2] - прим. Болотин С.С.) не являются средством индивидуализации юридических лиц в смысле положений части четвертой ГК РФ, на них не распространяется правовая охрана, установленная параграфом 1 главы 76 Кодекса.

Ввиду этого правила, предусмотренные статьей 1473 ГК РФ, в том числе запреты, содержащиеся в пункте 4 этой статьи, на некоммерческие организации не распространяются» [1].

Фактически суды своим толкованием только усугубили проблемы законодательства. Речь идет о том, что в соответствии с Законом «О некоммерческих организациях» у некоммерческих организаций имеется некое исключительное право использования своего наименования (не фирменного): Некоммерческая организация, наименование которой зарегистрировано в установленном порядке, имеет исключительное право его использования [2].

Термин «исключительное право» от самого его зарождения в отечественном законодательстве и до сегодняшнего дня связан сугубо с интеллектуальной собственностью. В связи с этим, суть коллизии на сегодняшний день состоит в следующем.

В соответствии с ч. 4 ГК РФ термин «исключительное право» используется только в отношении результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юр. лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. При этом, наименование организации не относится к средствам индивидуализации, к ним относится только фирменное наименование, которое, как мы уже выяснили, может быть только у коммерческих организаций.

Несмотря на это, в 1992 году законодатель неожиданно применил этот термин («исключительное право») к совершенно другому объекту и специфическому субъекту. При этом законодатель не разъяснил, что же такое «исключительное право». И в связи с этим налицо коллизия: один и тот же термин «исключительное право» применяется к двум взаимоисключающим понятиям.

Общепризнанным в юриспруденции является положение о том, что на нормативном уровне, тем более, на законодательном, не приемлемо одним термином обозначать различные понятия, ибо это не только порождает правоприменительную и иную путаницу субъектов права, но и существенно снижает эффективность такого рода правового регулирования, как в части одного, так и в отношении других понятий, обозначаемых одним и тем же термином.

Для выхода из сложившейся ситуации мы предлагаем законодателю следующие варианты действий:

1. Дать определение понятию «исключительное право» на уровне законодательства (Например, Исключительное право применительно к юридическим лицам – это право коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей пользоваться, распоряжаться, а также запрещать другим пользование результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий). Это позволит избежать аналогичных проблем в будущем и поможет окончательно разобраться со смыслом данного словосочетания. Предполагается, что после введения дефиниции, поднятая проблема ликвидируется сама собой: либо станет ясно, что исключительное право использования наименования некоммерческой организации не будет иметь ничего общего с основным понятием «исключительное право» ввиду отсутствия каких-либо существенных признаков (фактически они могут только использовать свое наименование, не имея правомочий запрещать другим использование, извлекать из него выгоду, продавать, предоставлять лицензию и так далее), характерных для последнего; либо положения четвертой части ГК РФ будут в полной мере применяться и к некоммерческим организациям ввиду наличия у них этого самого права.

2. Изъять слово «исключительное» из текста Закона о некоммерческих организациях, оставив им

обычное право использования своего наименования, так как ничего общего с исключительными правами, по смыслу всего гражданского законодательства, оно не имеет.

3. Предоставить некоммерческим организациям «полный пакет» правомочий, принадлежащих субъектам исключительного права, то есть фактически разрешить им также иметь свое фирменное наименование. Ввиду того, что некоммерческим организациям в определенных случаях разрешено заниматься коммерческой деятельностью, логичным было бы предположить, что в рамках этой деятельности они вправе извлекать определенную экономическую выгоду, связанную с использованием своего фирменного наименования. А распределение полученной прибыли использовать для достижения целей своей уставной деятельности.

Вместе с тем, все же более логичным и оптимальным представляется применение первых двух предложений с позиции законодателя: предложение дефиниции или хотя бы перечень правовых критериев данного понятия («интеллектуального права») и лишение некоммерческих организации использовать данный термин ввиду его особого приоритета за интеллектуальными правами.

Таким образом, резюмируя, можно констатировать: законодательство, на данный момент, не совсем полно регулирует общественные отношения, возникающие по поводу защиты фирменных наименований. Возможно, дальнейшие изменения гражданского законодательства исправят указанные выше лакуны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 26.03.2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
2. Собрание законодательства РФ, 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3431

«ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ»: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

**Т.П. Ведешкина,
студентка ИП УрГЮУ
Vedtanyusha@yandex.ru**

Научный руководитель:

**С.Ю. Головина,
заведующий кафедрой трудового
права ИП УрГЮУ,
доктор юридических наук, профессор**

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» Правительству РФ было предписано обеспечить увеличение к 2018 году размера реальной заработной платы работников учреждений социальной сферы в 1,4-1,5 раза [3]. В связи с этим, распоряжением Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. была утверждена «Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012—2018 годы» (далее – Программа), в которой предусмотрен переход государственных и муниципальных учреждений на систему «эффективных контрактов».

В Программе «эффективный контракт» был определен как трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки [3].

Анализ выплат компенсационного и стимулирующего характера, подлежащих включению в «эффективный контракт».

Министерство труда и социальной защиты в приказе от 26.04.2013 № 167н утвердило Рекомендации по оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта и утвердило его типовую форму [5]. Но стоит отметить, что эти документы не содержат каких-либо оригинальных разъяснений в отношении перехода на новый порядок оплаты труда. В основном, в документе дублируются положения Трудового кодекса РФ относительно условий, включаемых в трудовой договор с работником (ст. 57 ТК РФ). Также следует выделить, что в приказе была предпринята попытка более детально перечислить условия, которые теперь необходимо включать в состав трудового договора. Здесь речь идет о выплатах компенсационного и стимулирующего

характера, реализация на практике которых является проблемным вопросом. В этом же приказе содержится рекомендуемый перечень выплат, которые представляется необходимым рассмотреть более подробно:

А) выплаты за интенсивность и высокие результаты работы, которые включают в себя надбавки за интенсивность труда, премии за высокие результаты работы, а также за выполнение особо важных и ответственных работ.

Так в Положении об оплате труда работников ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет», предусмотрены следующие виды выплат:

- за высокую интенсивность труда, сложность и напряженность работ;
- за высокое педагогическое мастерство, научно-методический уровень преподавания, обеспечивающий активизацию познавательной деятельности, развитие творческих способностей студентов;
- за значительные успехи в обеспечении единства обучения и воспитания.

Отсюда возникает ряд вопросов: как, например, оценить высокое педагогическое мастерство, определить значительные успехи в обеспечении единства обучения и воспитания? Представляется, что фактически это сделать крайне трудно ввиду наличия в данных формулировках оценочных категорий. Соответственно практически невозможно будет избежать субъективных факторов при начислении выплат по тем или иным критериям конкретному работнику.

Б) выплаты за качество выполняемых работ, включающие надбавки за наличие квалификационной категории, а также премии за образцовое выполнение государственного (муниципального) задания.

В перечень таких выплат зачастую включается такой критерий как надбавка за стабильное качество обучения, но ни в одном правовом акте не указано, что считать «стабильностью» качества обучения, следовательно, это может привести к различному толкованию данного понятия и к дифференциации в применении данной нормы.

В) выплаты за стаж непрерывной работы, за выслугу лет.

Реализация данного критерия на практике представляется весьма успешной ввиду того что на основании определенных документов не составит сложности вычислить стаж работы конкретного работника. Более того, это, на наш взгляд, сформирует определенный уровень мотивации работников на отказ от частой смены работы.

Г) Выплаты по итогам конкретных периодов

- премиальные выплаты по итогам работы;
- премия по итогам работы за месяц;
- премия по итогам работы за квартал;
- премия по итогам работы за год;

Следует сказать, что данный критерий также носит позитивный характер, но вопрос о том, кому именно и за что назначать эти выплаты так и остается нерешенным.

Д) выплаты работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными и иными особыми условиями труда.

Во-первых, стоит отметить, что Трудовой Кодекс РФ отказался от использования термина «тяжелые работы», который употребляется в Приказе. А во-вторых, надбавка для лиц, работающих в особых условиях, уже установлена в ст. 147 Трудового Кодекса РФ. Соответственно, вне зависимости от его закрепления в новом трудовом договоре («эффективном контракте») работнику при наличии таких оснований будут установлены компенсационные выплаты, где минимальная надбавка должна будет составить 4%.

Е) выплаты за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных (при выполнении работ различной квалификации, совмещении профессий (должностей), расширении зон обслуживания, увеличении объема выполняемых работ, сверхурочной работе, работе в ночное время и при выполнении работ в других условиях, отклоняющихся от нормальных); доплата за совмещение профессий (должностей); доплата за расширение зон обслуживания; доплата за увеличение объема работы; доплата за исполнение обязанностей временно отсутствующего работника без освобождения от работы, определенной трудовым договором; доплата за выполнение работ различной квалификации; доплата за работу в ночное время;

Ж) надбавка за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, их засекречиванием и рассекречиванием, а также за работу с шифрами.

Также в документе указано, что могут быть предусмотрены другие выплаты компенсационного и стимулирующего характера в соответствии с трудовым законодательством, иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, а также коллективными договорами и соглашениями.

Таким образом, анализ примерного перечня выплат, подлежащих включению в типовой трудовой договор («эффективный контракт»), позволяет сделать вывод, что законодателем не до конца проработан механизм реализации этих критериев на практике. Обозначив их перечень, законодателем не была решена

основная проблема, возникающая сегодня в государственных и муниципальных учреждениях: наличие субъективных факторов при оценке по критериям, допускающим оценочные неисчисляемые категории. Подобные выплаты не только носят формальный характер, но и не выполняют необходимую для них функцию по повышению эффективности деятельности как конкретных работников, так и организации в целом. Как правило, подобные выплаты носят весьма абстрактный характер, например, «за добросовестный труд», «за инициативу и творчество», «за качественное выполнение обязанностей», на самом деле, не имея в своем содержании четких и измеримых критериев, которые действительно позволяли бы оценить вклад конкретного работника в достижения общего результата [13].

Проблемы реализации «эффективных контрактов»

Проанализировав нормативно-правовые акты, связанные внедрением «эффективных контрактов», представляется необходимым выделить основные проблемы, на наш взгляд, препятствующие их успешной реализации.

Во-первых, возникает неясность относительно самого определения «эффективного контракта» в связи с тем, что возникновение трудовых отношений прежде всего основывается на заключении между сторонами трудового договора, что предусмотрено ст. 15, 16 и 56 ТК РФ. Вместе с тем, в недавнем прошлом КЗоТ РФ не разграничивал понятийные категории «трудоустройство» и «контракт», что позволяло судить об их синонимичности. Однако с принятием Трудового кодекса РФ эта двойственность была устранена [7]. Но в ныне действующих нормативных правовых актах вновь стал появляться термин «контракт», теперь в качестве основания возникновения трудовых отношений, регулируемых Трудовым кодексом РФ. Однако в науке трудового права сегодня выражено мнение, что такое название вновь созданному трудовому договору является не совсем уместным. Сторонники этой точки зрения (например, Саликова Н.М) полагают, что так может называться, например, раздел положения об оплате труда, но никак не форма трудового договора [11].

Во-вторых, анализ содержания примерной формы трудового договора, установленной приложением № 3 распоряжения Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р не позволяет говорить о появлении каких-либо значительных изменений в его содержании. В основном в данном документе дублируются положения Трудового Кодекса РФ. Но, как мы видим, особое внимание Министерство труда и социальной защиты попыталось уделить проработке и совершенствованию систем стимулирующих (в том числе поощрительных) выплат. Так законодатель предпринял попытку более детально назвать те из них, которые необходимо включать в содержание трудового договора. Но все же право формирования конечного перечня было передано самим бюджетным учреждениям.

Соответственно вполне обоснованно возникает вопрос о том, кто должен разрабатывать эти критерии непосредственно в организациях.

Законодатель установил, что разработку критериев оценки результатов труда осуществляют рабочие комиссии, назначаемые приказом или распоряжением по учреждению. В связи с этим возникает третья проблема: как выявить неэффективные, в некоторой мере субъективно созданные стимулирующие выплаты? Ведь это не просто выплаты, установленные с нарушением действующего законодательства. В первую очередь, это выплаты, порядок установления которых и размер оторваны от критериев реальных эффективности деятельности государственного (муниципального) учреждения, определенных его учредителем [13].

Также некоторые проблемы возникают относительно самой регламентации системы «эффективных контрактов». Следует отметить, что Трудовой кодекс вообще не содержит такого термина и соответственно никак его не регулирует. Более того «Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012—2018 годы», в которой предусмотрен переход государственных и муниципальных учреждений на систему эффективных контрактов, утверждена распоряжением Правительства РФ. На наш взгляд, представляется необходимым принять Положение об «эффективном контракте» и утвердить его Постановлением Правительства.

Таким образом, проанализировав данное нововведение в бюджетной сфере, стоит отметить, что «эффективный контракт» — это всего лишь попытка федеральных органов государственной власти привести в действие механизмы правового регулирования процесса труда в нужном обществу направлении. Безусловно, такая цель сегодня необходима, ввиду того что в бюджетной сфере занята большая часть населения. Но переименование трудового договора в «эффективный контракт» пока не меняет уровень и результативность образования, здравоохранения, социального обслуживания и других отраслей бюджетной сферы в нашей стране □□. Более того неурегулированность данного вида трудовых договоров на уровне Трудового кодекса РФ не позволяет обеспечить его обширное, правильное, а главное единообразное применение. Но основная проблема, по мнению экспертов, заключается все же в вопросе, что считать результатом труда, по каким параметрам его определять. Отсюда следует, что, система эффективных контрактов сегодня будет действовать лишь в случае добросовестности всех работодателей, чего добиться

сегодня очень трудно. С другой стороны, трудовое законодательство должно решить одновременно вопросы экономической эффективности, в результате которой достойный труд обеспечит интересы работодателей и государства, и социальной защищенности работников, которые посредством достойного труда смогут реализовать свои материальные и моральные установки. Безусловно, добиться одновременного решения двух этих задач очень сложно. Чем больше будет удовлетворен работник условиями труда и благоприятнее будет сфера его трудовой деятельности, тем лучше он будет работать. Однако чем жестче процесс регулирования труда, чем выше нормы труда и ниже уровень оплаты труда, тем выше доходы работодателей, а значит — государства. Соответственно, государство сегодня со своей стороны должно постоянно следить за реализацией новых систем оплаты труда, чтобы обеспечить интересы сторон трудового договора и государства и сделать так, чтобы эти интересы находились в относительно стабильном балансе.

Список использованной литературы

1. Воробьев Н. И., Галкин В. А., Мокеев М. М. и др. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (постатейный) / Н.И. Воробьев, В.А. Галкин, М.М. Мокеев // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
2. Еремина С. Н. "Эффективный контракт" в трудовом праве / С. Н. Еремина // Журнал российского права. - 2014. - №4.
3. Кузнецов Д. Реформа оплаты труда в бюджетной сфере: проблемы перехода на «эффективный контракт» / Д. Кузнецов // Кадровик. – 2014. - № 12.
4. Ломов А. И Эффективный контракт / А.И. Ломов // Директор школы. – 2014. – № 2.
5. Савина С. Государство в ответе... государственное регулирования оплаты труда / С. Савина // Кадровик. Трудовое право для кадровика.- 2013. - № 2.
6. Саликова Н.М. «Эффективный контракт»:новый вид трудового договора или новая система оплаты труда? / Н.М. Саликова // Российский юридический журнал. - 2014. - №6.
7. Шугаль Н. Б., Угольнова Л. Е. Эффективный контракт в образовании. По данным статистики и Мониторинга экономики образования/ Шугаль Н. Б., Угольнова Л. Е. // Вопросы образования. –2013. – № 3.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О.А. Волынчик,
студентка УО ГрГУ им. Янки Купалы,
специальность «Правоведение»
olechka_715@mail.ru
Научный руководитель:
Р.Г. Зорин,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент

В РБ в 1999 г. был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, одной из новелл которого стало закрепление домашнего ареста как меры пресечения.

До настоящего времени не разработан порядок применения и исполнения домашнего ареста, не урегулированы вопросы жизнедеятельности подозреваемых, обвиняемых, к которым применяется такая мера пресечения. Поэтому, данная тема является актуальной на сегодняшний день.

В соответствии со ст. 125 УПК Республики Беларусь, домашний арест заключается в изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества без содержания его под стражей, но с применением правоограничений, определенных прокурором или его заместителем [10].

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь отмечается, что в случае применения данного правоограничения по месту жительства обвиняемого, подвергнутому домашнему аресту, выставляются круглосуточные посты милиции от 6 до 12 сотрудников.

Кроме того, в соответствии с постановлением МВД от 13 ноября 2007 года № 294 «Об утверждении Инструкции по организации работы участкового инспектора милиции» последний наделен определенными полномочиями, которые могут осуществляться не только в отношении лиц, находящихся под превентивным надзором, но и в отношении обвиняемых, к которым применен домашний арест. При этом в ежедневный план работы, составляемый участковым инспектором милиции на месяц в рабочей тетради, могут вноситься посещения обвиняемых и другие формы осуществления надзора за ними [4]. Представляется, что надзор за исполнением домашнего ареста может осуществляться и следователем, в производстве которого находится уголовное дело. Во-первых, именно следователь предлагает прокурору или его заместителю определить либо изменить тот перечень мер, которые сопровождают домашний арест.

Во-вторых, только следователь лучше знает личность обвиняемого и обстоятельства совершения им преступления. В-третьих, п. 5 ч. 2 ст. 125 УПК предусматривает обязанность обвиняемого лично являться в определенное время в орган дознания или другой орган, осуществляющий надзор за его поведением. Тем самым УПК косвенно допускает возможность участия следователя в осуществлении такого надзора [3; 48].

Необходимо упомянуть, что в органах внутренних дел отсутствуют специальные подразделения, на которые возлагалась бы обязанность по охране обвиняемого и его жилища. Более того, до сих пор не приняты ведомственные нормативные правовые акты, регулирующие исполнение этой меры пресечения сотрудниками ОВД.

Вопрос о том, в каком нормативном акте необходимо определить механизм исполнения домашнего ареста и какому органу вменяется в обязанность осуществление надзора за лицами, является дискуссионным. Одни авторы считают, что проблемы применения домашнего ареста нужно решать путём издания ведомственных инструкций МВД, Генеральной прокуратурой, а другие видят выход в их разрешении на законодательном уровне.

По общепринятым правилам постановление о применении меры пресечения должно состоять из трёх частей: вводная, описательно-мотивировочной и резолютивной. На стадии предварительного расследования постановление следователя о применении домашнего ареста должно быть санкционировано прокурором или его заместителем. Следовательно, вводная часть постановления должна содержать отметку о его санкционировании в виде резолюции с указанием даты дачи санкции, фамилии и инициалов, классного чина прокурора, скреплённую подписью и гербовой печатью, а также пункты ч. 2 ст. 125 УПК РБ, соответствующие установленным в отношении подозреваемого, обвиняемого запретов и обязанностей. Если домашний арест применяется органом дознания, то в соответствии с ч. 5 ст. 38 УПК РБ постановление должно утверждаться начальником органа дознания [10]. В этой части постановления указывается его наименование, место и дата составления, должность, фамилия и инициалы, звание должностного лица выносящего постановление, номер уголовного дела, по которому производится расследование.

Существенным нарушением процессуальной формы является указание во вводной части одних пунктов ч. 2 ст. 125 УПК, а в резолютивной – других. По результатам такие нарушения усматриваются в 13 случаях. Данные «несовпадения» порождают разночтение в сопровождающих домашний арест мерах, что делает его осуществление трудновыполнимым. В ходе изучения практики применения домашнего ареста были выявлены нарушения п. 6 ч. 5 ст. 35 УПК РБ, предусматривающего дачу прокурором письменных указаний о применении этой меры пресечения, что должно отражаться в отдельном документе, а не в резолюции. Описательно-мотивировочная часть постановления должна содержать краткое изложение факты обвинения, квалификацию совершённого преступления, основания и обстоятельства, предопределяющие необходимость применения домашнего ареста, а также соответствующие статьи, которыми руководствуется орган уголовного преследования при принятии решения о домашнем аресте. Мотивировка – «совокупность мотивов», мотивировать – значит подкреплять доказательствами. В юридической литературе отдельные авторы (Буланова, [1; 256], петрухин [6; 256], полагают, что мотивировка постановления о применении меры пресечения – это обоснование, выражение трёх доводов, с которыми уголовно-процессуальный закон связывает наличие оснований и необходимости применения этой меры пресечения. Аргументация постановления, указания в нём фактических данных, на основе которых делается вывод о необходимости применения домашнего ареста, способствует осуществлению надзора за законностью и обоснованностью принятого решения о домашнем аресте со стороны прокурора, дающего санкцию на применение домашнего ареста.

Анализ следственно-прокурорской практики свидетельствует о том, что довольно часто встречаются слабо мотивированные или немотивированные постановления о применении домашнего ареста. Следователь Борисовского РУВД, применяя домашний арест в Н., обвиняемому указал, что последний не

скроется от следствия и суда и не воспрепятствует предварительному расследованию, но поскольку он совершил менее тяжкое преступление, ранее судим, то применение данной меры пресечения является целесообразным.

Резолютивная часть постановления должна содержать формулировку принятого решения о применении домашнего ареста, логически вытекающую из предыдущих частей постановления, а также полные анкетные данные подозреваемого, обвиняемого. В постановлениях о применении домашнего ареста такие данные, как правило, приводятся в полном объёме. Вместе с тем, в 22,9 % постановлений адрес места жительства обвиняемого не был указан, в 1,4 % указывалось два разных адреса – места жительства и прописки, в 0,7 % указывалось, что обвиняемый – бомж. Неверное указание адреса либо его отсутствие в постановлении о применении домашнего ареста делает затруднительным исполнение данной меры пресечения. В этой связи, требуется, чтобы в резолютивной части постановления о применении домашнего ареста указывать конкретный адрес нахождения подозреваемого, обвиняемого во время отбывания данной меры пресечения. Фактический срок исчисления домашнего ареста может не совпадать с датой принятия решения о его применении. Поэтому в резолютивной части постановления необходимо указывать дату, когда подозреваемый, обвиняемый фактически помещается по домашний арест [8; 99].

Решение задач уголовного процесса нередко не согласуется с интересами подозреваемого или обвиняемого. Чтобы избежать привлечения к уголовной ответственности, они могут оказывать незаконное противодействие органам, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность. Для обеспечения достижения целей уголовного процесса и устранения препятствий установлению таких целей со стороны отдельных участников процесса закон предусматривает возможность применения различных мер уголовно-процессуального принуждения.

По данным судебной статистики в 2010 году в РБ судами рассмотрено 688 жалоб на применения мер пресечения, в том числе домашнего ареста, при этом оставлено без удовлетворения 620 (90%). В целом по стране принятые судебные решения восприняты сторонами спора, виновными и другими лицами в основном как обоснованные и справедливые. Всего участниками процесса в 2013 году в суды обжалованы судебные постановления по 6 831 уголовным делам, из них 15 на применение домашнего ареста [5].

Вышестоящими судами по результатам проверки дел по жалобам заинтересованных лиц и протестам прокуроров признаны несоответствующими требованиям закона и отменены решения, постановленные по 1 772 делам, приговоры в отношении 846 осужденных и 1 365 постановлений по делам об административных правонарушениях.

На изучение судебной практики в Верховный Суд Республики Беларусь поступило 381 производство суда первой инстанции, из них только одно по проверке применения домашнего ареста.

Вместе с тем в практике судов имеются ошибки и недостатки, которые сказываются на эффективности судебного контроля. Основная проблема заключается в формальной проверке обоснованности применения домашнего ареста в качестве меры пресечения [19; 12].

При этом ст. 144 УПК РБ установлен единый порядок рассмотрения жалобы или протеста на применение домашнего ареста в качестве меры пресечения, при чём независимо от того, каким из уполномоченных законом субъектов принято обжалуемое решение.

Так, по этому поводу даёт разъяснение Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23.12.2010 № 12 "О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия", в соответствии с п. 2 Судам следует иметь в виду, что установленный ст. 144 УПК процессуальный порядок судебной проверки законности и обоснованности заключения под стражу, домашнего ареста или продления их срока является единым и подлежит применению независимо от того, каким из уполномоченных субъектов принято обжалуемое решение [7].

Анализ ошибок показал, что рассматривая жалобы, судьи испытывают трудности в определении предмета и пределов судебного контроля и в основном ограничиваются только проверкой критерия законности. Рассматривая жалобы на применение домашнего ареста, суду надлежит проверять все доводы, изложенные в жалобе, в том числе ссылки на невиновность и отсутствие доказательств, подтверждающих факт отсутствия преступления. При этом судья не должен решать вопрос о виновности лица в совершении преступления, однако он обязан убедиться в наличии предусмотренных ст. 117 УПК оснований применения домашнего ареста. Следует обратить внимание, что в РБ, нечёткость формулировки, «не освобождает суд от обязанности проверить законность и обоснованность применения домашнего ареста» [9; 11].

Разрешая вопрос о законности применения домашнего ареста, суду надлежит проверять: возбуждено ли уголовное дело, предъявлено ли обвинение лицу, содержащемуся под домашний арестом, соблюдены ли сроки предъявления обвинения, вручена ли лицу копия, не нарушен ли срок содержания по домашним арестом, достиг ли обвиняемый возраста уголовной ответственности [2; 13].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- дискуссионным остаётся вопрос, связанный с определением органа, осуществляющего контроль над исполнением рассматриваемой меры пресечения;
- дополнить УПК РБ в части установления конкретных сроков применения данной меры пресечения;
- необходимым дополнить ст. 143 УПК РБ положением о том, что жалоба направляется в суд, вынесший постановление, а затем с материалами, подтверждающими законность домашнего ареста, передаются в вышестоящий суд
- ввиду отсутствия ведомственного нормативного правового акта, регулирующего механизм осуществления надзора за лицами находящимися под домашним арестом, требуется разработать Инструкцию « О порядке исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста», подготовку которой целесообразно возложить на МВД Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Буланова, Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений: науч. Метод. Пособие / Н. В. Буланова. – М.: Юрлитинформ, 2005. – С. 256
2. Домашний арест как мера пресечения в РФ / Оганесян, В. Л., магистрант 2-го года обучения кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско- Армянского Университета
3. Зайцева, Л. Исполнение меры пресечения в виде домашнего ареста / Л. Зайцева // Законность и правопорядок. – 2012. – №1. – С. 46– 51.
4. Об утверждении Инструкции по организации работы участкового инспектора милиции: постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 13 ноября 2007 года № 294 // Законодательство Республики Беларусь [Право]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num06/d06083.html> . – Дата доступа: 20. 11 2013.
5. Об эффективности работы судов Республики Беларусь в 2013 году / официальный портал системы судов общей юрисдикции [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://court.by/justice/press_office/a699dc51159a2cf5.html.- Дата доступа: 11.04.2014
6. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М.: Наука, 1989.- с. 256.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23.12.2010 № 12 "О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия"
8. Савчук, Т. О совершенствовании процессуального порядка применения домашнего ареста как меры пресечения в уголовном процессе / Т.Савчук // Вестник Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. – 2012. – № 6. – С. 97– 101.
9. Тлец, И Дулько, Л Рассмотрение жалоб на применение мер пресечения по материалам обзора / И. Тылец Л. Дулько // Судебный вестник. – №1. – 2011. – С. 10–13.
10. Уголовно–процессуальный кодекс Республики Беларусь: с изм. И доп. По состоянию на 28 авг. 2013г.- Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 432 с

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В КАССАЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

**А.Б. Воронцова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
any9085@yandex.ru
Научный руководитель:
Е.А. Хабарова,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

Судебная защита прав личности—важнейшее гарантированное государством право, которое также включает в себя право на обжалование неправосудных судебных решений. Создание государством условий для реализации данного права выразилась в возможности исправления допущенных судами ошибок как минимум двумя судебными инстанциями—апелляционной и кассационной, поскольку правосудие, по своей сути, признается таковым лишь при условии, если оно обеспечивает эффективное восстановление в правах [1].

Особое значение данный принцип приобретает в рамках уголовного судопроизводства, что подтверждает его отдельное закрепление в части 3 статьи 50 Конституции Российской Федерации [2], а также в статье 19 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3]: за каждым осужденным за преступление предусмотрено право на пересмотр приговора, вынесенного по его уголовному делу, вышестоящим судом.

Нарушение материального и процессуального закона не только препятствует защите прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, но и существенно отражается на авторитете к судебной власти и доверии общества к правосудию в целом. Выявление судебных ошибок судов первой и апелляционной инстанции, связанных с неправильным применением уголовного и уголовно-процессуального законов сначала происходит в кассационном производстве, в связи с чем перед судом кассационной, а затем надзорной интении, на наш взгляд, стоит задача обеспечить соблюдение интересов, как частных, так и публичных субъектов в уголовном процессе.

Несомненно, в результате существенного реформирования института кассационного пересмотра в связи с принятием Федерального закона от 29 октября 2010 года № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [4] (Далее – ФЗ от 29.10.2010 №433) соотношение частных и публичных интересов в кассационном производстве изменилось.

С 1 января 2013 года кассационная инстанция осуществляет проверку судебных решений в более узких пределах, на предмет исключительно законности, тем самым произошло сужение предмета кассационного разбирательства [5; 204]. По мнению К.В. Ивасенко, прообразом реформированной кассационной инстанции является самобытный советский институт проверки судебных решений в надзорном порядке, однако для него было характерно ярко выраженное публичное начало. Тем не менее, данные проверочные инстанции следует рассматривать как дополнительные гарантии права на защиту и справедливое судебное разбирательство по отношению в праву апелляционного обжалования [5; 204].

В.Д. Потапов считает, что в связи с изменениями, под целью кассации следует понимать судебную защиту интересов и прав заинтересованных участников процесса, а также обеспечение социально-нормативного назначения уголовного судопроизводства в целом. Задача, в свою очередь, заключается в независимой и беспристрастной проверке, контроле вышестоящим судом законности, обоснованности и справедливости обжалованных судебных решений, поставленных под сомнение жалобой заинтересованных лиц или представлением прокурора [6; 12].

Как указывает А.С. Червоткин, кассационное обжалование в классическом понимании имеет своей целью, прежде всего, установление в государстве единообразного и правильного применения закона. Из этой цели вытекает, что кассационный суд в идеале должен быть один в государстве, так как создание нескольких, а тем более множества кассационных судов с неизбежностью порождает различные варианты

толкования законов. В тех же целях установления единства судебной практики решения всех других существующих в государстве судов должны подлежать пересмотру этим судом [7; 64].

Следует сказать, что в период бурного обсуждения Федерального закона №433 от 29.10.2010 в научных кругах, положительных мнений о новеллах Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации в части пересмотра судебных актов высказывалось крайне мало. Ряд ученых при сравнительном анализе глав 47.1 и 48.1 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации указывали на существенные сходства кассационного и надзорного производств [8; 131] и ставили вопрос о целесообразности одновременного существования двух практически идентичных процедур пересмотра вступивших в законную силу судебных решений [9; 447]. Высказывалась попытка разграничить функции надзора и кассации по критерию преследуемых при формально одинаковой проверке задач и приоритета интересов. В частности, К.В. Ивасенко предлагает рассматривать кассационную инстанцию, как обычное средство проверки судебных решений, вступивших в законную силу, по вопросам права, в то время как надзор имеет «экстраординарный характер» в связи с возложенной на него функций обеспечения практики единообразного толкования и применения закона. То есть надзорное производство, в отличие от кассационного, предполагает проверку судебных решений, вступивших в законную силу, не столько в интересах осужденного, оправданного, сколько для придания направления судебной практики в целом [5; 205].

С точки зрения В.А. Лазаревой, кассационное и надзорное производство представляют собой звенья общей системы пересмотра приговора, определения, постановления, вступивших в законную силу. Различия состоят только в уровне судебных инстанций, проверяющих законность вступившего в законную силу судебного акта [8; 129].

Н.Н. Ковтун указывает на отсутствие принципиальных различий в предмете и процессуальной форме кассации и надзора, что, по его мнению, свидетельствует о конвенциональном тождестве данных контрольно-проверочных производств, в связи с чем достаточно сложно понять ценность различий в подходах законодателя к установлению исследуемых пределов проверки [8; 96].

В соответствии с частью 1 статьи 401.2 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации, вступившее в законную силу судебное решение может быть обжаловано в суд кассационной инстанции осужденным, оправданным, их защитниками и законными представителями, потерпевшим, частным обвинителем, их законными представителями и представителями, а также иными лицами в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы. Обращаясь в суд с кассационной жалобой, заявители, как правило, преследуют цель добиться пересмотра судебного акта в свою пользу. Однако реформированная кассация для отмены или изменения решения теперь требует не просто желания гражданина добиться другого решения, но такого квалифицированного условия, как наличия существенных нарушений закона, которые привели к неправильному исходу дела. Может показаться, что законодатель изменениями Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации ограничил возможные случаи, когда лица вправе обращаться в кассационную инстанцию. Однако вполне обоснованным представляется мнение А.В. Смирнова, что данные новеллы не несут признака усиления публичных начал, поскольку согласуются с позицией Европейского суда по правам человека о том, что стороны не вправе добиваться пересмотра вступившего в законную силу и подлежащего неукоснительному исполнению судебного решения лишь в целях повторного рассмотрения дела и вынесения нового решения. Полномочия вышестоящих судов по пересмотру судебных решений должны осуществляться в целях исправления грубых судебных ошибок и несправедливости при отправлении правосудия, а не ради повторного рассмотрения дела [10].

В интересах граждан, на наш взгляд, в ранее действовавшей части 3 статьи 401.2 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации. впервые был установлен срок пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу в уголовном судопроизводстве, как в сторону ухудшения, так и в сторону улучшения положения осужденного или оправданного лица [11]. Данное изменение прекратило существование длительной правовой неопределенности и закрепило новый принцип пересмотра судебных актов, который предполагает недопустимость пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по существу, кроме как в исключительных случаях и только для исправления судебных ошибок [12].

До 3 марта 2015 года судебное решение могло быть обжаловано в суд кассационной инстанции в течение одного года со дня его вступления в законную силу. Теперь пресекательный срок распространяется лишь на обжалование при пересмотре приговора с возможностью поворота к худшему [8; 75]. Так, сторона обвинения при обжаловании судебных решений по основаниям, ухудшающим положение осужденного, оправданного и лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, ограничена годовым сроком, установленным ст. 401.6 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации. Следует согласиться с И.С. Дикаревым, что такой порядок в наибольшей мере гарантирует принцип правовой определенности, сокращая время, в течение которого может быть принято решение, ухудшающее положение лица [13].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, новая процедура пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам призвана служить более эффективным средством восстановления нарушенных прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Однако, законодательное регулирование нового порядка производства в суде кассационной инстанции в практической деятельности судов кассационной инстанции и в реализации гражданами права на пересмотр состоявшегося в их отношении судебного решения вышестоящим судом вызывают трудности и противоречия;

Во-вторых, суд, как властный участник уголовно-процессуальной деятельности, являясь государственным органом, не только вправе, но и обязан решать задачи, возложенные на него государством. В связи с изменениями, внесенными в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 29 октября 2010г. №433-ФЗ, производство в суде кассационной инстанции обрело характерные черты надзорного производства, в том числе и двуединую цель: с одной стороны – защита прав граждан, нарушенных неправосудным приговором, с другой – оценка результатов деятельности нижестоящих судов в процессе разрешения уголовного дела по существу, формирование единства судебной практики. В этой связи деятельность судов реформированной кассационной инстанции, на наш взгляд, должна проходить с учетом и внедрением сформулированных Конституционным Судом РФ правовых позиций, изначально предназначавшихся для надзора, а также выявленных особенностей конституционно-правовой природы института пересмотра приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу.

Исследование института кассации в уголовном процессе является актуальной задачей юридической науки на сегодняшний день. Осмысление направлений и итогов вышеназванных изменений поможет правоприменителям определить цели, поставленные перед кассационным судом законодателем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1.Борисевич Г.Я. К вопросу о реформировании судов общей юрисдикции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – №2. – С.186-197.
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993года: по сост. на 21 июля 2014 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398
- 3.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 15 декабря 2001 года № 174-ФЗ: по сост. на 30 марта 2015 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №52. – Ст.4921
- 4.О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»: Федеральный закон от 29 октября 2010 года № 433-ФЗ: по сост. на 31 декабря 2014 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст.45.
- 5.Ивасенко К.В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: Дисс. канд. юрид. наук / К.В. Ивасенко, М., 2014. – 265с.
- 6.Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России / В.Д Потапов, М.: Юрлитинформ, 2012. – 376с.
- 7.Червоткин А.С. Апелляция и кассация: пособие для судей / А.С. Червоткин, М.: Проспект, 2010. – 335с.
8. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Кол. авторов / Под общ. ред. Н.А. Колоколова. – М.: «Юрист», 2011. – 188с.
9. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. - М.: Юрайт, 2014. — 544с.
- 10.Смирнов А.В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: кассация, [Электронный ресурс]. - Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.02.2015).
- 11.Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции [Электронный ресурс]. - Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.02.2015).
- 12.Османов Т.С. Производство в суде кассационной инстанции по уголовным делам в соответствии с принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Российский судья. – 2011.— № 7. – С.38-41.
- 13.Дикарев И.С. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам производства в суде кассационной инстанции // Уголовное право. – 2014. – №2. – С.107-111.
- 14.Сухова О.А. Кассационное обжалование судебных решений в российском уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 368 с.;

ВЗАИМОСВЯЗИ, ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И ВЗАИМОИСКЛЮЧЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Т.Д. Геу,
студентка УО ГрГУ им. Янки Купалы,
специальность «Правоведение»
tatyana.geu@bk.ru
Научный руководитель:
Р.Г. Зорин,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент

Наиболее общие правовые положения, определяющие существенные черты, характер и особенности уголовного процесса, содержание всех его институтов, принято именовать принципами уголовного процесса. Все принципы уголовного процесса тесно взаимосвязаны и образуют целостную систему, где нарушение любого из принципов, как правило, приводит к нарушению других принципов уголовного процесса.

Центральным пунктом при рассмотрении такой категории как «принцип презумпции невиновности» является понятие презумпции. Оно дает ключ к пониманию наиболее значимых элементов презумпции невиновности: два составляющих факта, один из которых изначально презюмируемый - невиновность лица, другой основной – виновность лица, доказываемая надлежащим образом. [1; 12].

Э.И. Клямко полагает, что главное содержание презумпции невиновности – процессуальное ограничение правоприменителя. Он утверждает, что презумпция невиновности не является нормой прямого действия, «работают» ее следствия. К ним относятся: бремя обвинителя доказывать вину, право обвиняемого на пассивность в процессе уголовно-процессуального доказывания, отсутствие его обязанности оправдываться, принятие решения о виновности только судом [10; 97]. Однако вышеуказанное Э.И. Клямко определение содержания принципа презумпции невиновности неполно освещает его сущность. Согласимся лишь с тем, что процессуальное ограничение правоприменителя – органов, ведущих уголовный процесс, действительно имеет место. Но вряд ли именно это составляет главное содержание принципа презумпции невиновности.

П.С. Ефимичев также подвергает критике выводы Э.И. Клямко о том, что этический аспект презумпции невиновности должен иметь подчиненный характер. Этический аспект этого принципа составляет главное, определяющее положение в его содержании. Все же другие аспекты лишь подкрепляют и усиливают значение его этической стороны [5; 89].

Закрепление презумпции невиновности в законодательстве послужило толчком к преобразованию уголовного процесса. Долгий и трудный путь прошел уголовный процесс, прежде чем приобрести современный облик, но неизменным осталось одно – стремление сторон к состязательности. Презумпция невиновности стимулировала состязательность, предполагала определять статус сторон так, чтобы это способствовало установлению истины по делу [3; 361]. Принцип презумпции невиновности закреплен в Конституции Республики Беларусь, а именно в ст. 26, согласно которой никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность [13].

Кроме того, законодательное закрепление принцип презумпции невиновности нашел в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК РБ).

В настоящее время характерно различное толкование учеными принципа состязательности, что оставляет изучение теоретических аспектов данного принципа по-прежнему актуальным.

Термин «состязаться» значит стремиться превзойти кого-либо в чем-либо [15; 614]. Л.Т. Ульянова отмечает, что многие ученые-процессуалисты выражали негативное отношение к внедрению в уголовно-процессуальное законодательство англо-американских институтов, и прежде всего к состязательности уголовного судопроизводства [6; 43]. Несмотря на это, идея состязательности была принята создателями

УПК РБ и более того, получила статус одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства.

А.Ф. Кони считает одним из важнейших принципов правосудия состязательность сторон. Характеризуя судебное состязание, он писал, что в нем взаимно создаются и разрушаются аргументы и устанавливаются новые и не всегда ожидаемые точки зрения, причем, не только на закон, но и на личность подсудимого. [12; 39-40]. По мнению же Л.Н. Гусева, было бы совершенно неправильным преувеличивать значение состязательности и возводить ее в одно из основных начал. Такой подход означает механическое перенесение понимания значения состязательности из буржуазного уголовного процесса к нам, в советский уголовный процесс [4; 44]. По нашему мнению, нельзя подвергать сомнению значение принципа состязательности для успешного осуществления уголовно-процессуальной деятельности и необходимо лишь правильно и гармонично сочетать его с множеством других принципов, процессуальных норм и институтов.

Не можем не согласиться с мнением Л. Зайцевой о том, что судебное разбирательство станет действительно состязательным, а значит и справедливым, когда функции обвинения, защиты и разрешения дела будут разделены между участниками, а стороны будут иметь абсолютно равные права в процессе [7; 10]. Принцип состязательности нашел свое закрепление в законодательстве Республики Беларусь. Так, в Конституции Республики Беларусь в ст. 115 говорится, что правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон в процессе [13]. Кроме того, вышеназванный конституционный принцип был введен в УПК РБ.

Как отмечает А.О. Машовец, не требует особого разъяснения связь принципа состязательности с презумпцией невиновности. Состязательность процесса предполагает незаинтересованность суда в заранее определенном исходе дела. При отношении суда к подсудимому как к лицу, виновному в совершении инкриминируемого ему преступления, позиция суда смыкается с позицией обвинителя, а судебная деятельность приобретает обвинительный характер. Доводы обвинения принимаются как истинные, ибо психологически сложно заставить себя сомневаться в том, истинность чего сам презюмируешь. И только презумпция невиновности, в силу которой подсудимый предполагается невиновным, пока обратное не будет установлено вступившим в законную силу приговором, обеспечивает объективность суда при рассмотрении дела. [14; 61].

Именно суд обязан в процессе судебного разбирательства исследовать собранные на предварительном расследовании доказательства обвинения с участием сторон и, руководствуясь принципом презумпции невиновности, дать им оценку, квалифицировать действия обвиняемого, установить его виновность и решить вопрос о признании либо непризнании его виновным. Но, в свою очередь важно помнить, что невиновность обвиняемого, согласно принципу презумпции невиновности, не нуждается в доказывании – она презюмируется и существует до того момента, пока вступившим в законную силу приговором суда не установлено обратное. Суду не могут быть обязательные указания на то, какие доказательства могут быть положены в основу приговора, а какие нет. В любом случае суд не связан выводами, содержащимися в обвинительном заключении. Иначе будет искажена суть правосудия и назначения уголовного судопроизводства [8; 55, 57].

Как отмечает В.Н. Бибило, при производстве по конкретному уголовному делу реализация принципа состязательности подтверждает или опровергает наличие презумпции невиновности. Если итогом уголовного процесса стало вынесение оправдательного приговора, то заложенная в законе презумпция невиновности превращается из предположения в реальность. Обвинительный приговор опровергает эту презумпцию, преобразуя ее в свою противоположность, несмотря на все гарантии подтвердить ее. Презумпция невиновности коррелирует принцип состязательности, квинтэссенцией которого является равенство сторон, что выражается в их равном участии в исследовании всех имеющихся по делу доказательств. Природе состязательности присуще равенство сторон, и если лишить ее этого качества, то она перестанет существовать [3; 363].

Процессуальная природа бремени доказывания связана с принципом состязательности. При состязательности факты, нуждающиеся в установлении для успешного обоснования или оспаривания права, должны быть утверждаемы в процессе той стороной, для которой существует эта потребность установления. Сами стороны должны приносить доказательства, благоприятные для обоснования их требований. Но не всякое утверждение сторона должна доказывать, а лишь то, которое не признается противником [2; 9]. Как известно, бремя доказывания в уголовном судопроизводстве возлагается на обвинителя, обвиняемый же не обязан доказывать свою невиновность. Закономерен вопрос: какова роль суда в процессе доказывания? Если исходить из понятия бремени доказывания как обязанности доказать определенные факты, то у суда такой обязанности нет. Конструкция состязательного процесса в «чистом» виде предполагает вынесение решения судом лишь на основе доказательств, представленных сторонами. Роль суда в ходе судеб-

ного следствия заключается в наблюдении за развитием процесса, координации действий сторон, оказании им помощи. Поиск доказательств дело сторон [14; 61-62].

В связи с необходимостью обеспечения публичного состязательного равенства сторон на сторону, объективно находящуюся в сильнейшем и потому неравном с другой стороной положении, возлагается бремя доказывания фактов, имеющих материально-правовое значение. В подавляющем большинстве случаев сильнейшей стороной оказывается сторона обвинения, которая в соответствии с вышеуказанной презумпцией невиновности несет все тяготы доказывания [9; 42]. Кроме того, стоит отметить слова И.А. Пикалова о том, что в настоящее время, в связи с провозглашением принципа состязательности, злободневным является вопрос об объеме прав защитника и возможности его участия в собирании доказательств по уголовному делу. В данном случае речь идет именно о праве участия в доказывании по уголовному делу, а не об обязанности. Защитник обвиняемого не может нести обязанность доказывания по уголовному делу, исходя хотя бы из презумпции невиновности его подзащитного, но, тем не менее, разговор можно вести в этом аспекте потому, что, как уже говорилось, лишь защитник в ходе предварительного расследования может оказать противодействие возможному произволу и обвинительному уклону со стороны органов уголовного преследования, но при условии наличия у него определенного объема прав по собиранию, закреплению и оценке доказательств по уголовному делу, которому он участвует в качестве защитника. При этом необходимо отметить, что данное противодействие может быть реальным лишь при наличии у защитника возможности активного участия в производстве предварительного расследования, а не исполнения функции наблюдателя, каковым он фактически является в настоящее время [16; 19-20]. Таким образом, принцип состязательности сторон соотносится с положениями о доказывании вины изложенными в презумпции невиновности. Сторона обвинения должна доказать вину обвиняемого в условиях равноправия сторон, в том числе и опровергнуть доводы защиты. Обвиняемому обеспечивается право на защиту как лично так с помощью защитника, этот принцип обеспечивает соблюдения принципа состязательности сторон и взаимосвязан с презумпцией невиновности в той части, что использование данного принципа это уже защита от незаконного обвинения. Формирование внутреннего убеждения суда о виновности или невиновности обвиняемого должно быть основано исключительно на результатах непосредственного исследования доказательств с учетом принципа состязательности, несмотря на взаимоисключения в механизме применения принципов состязательности и презумпции невиновности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдрашитов, В.М. Презумпция невиновности: генезис и перспективы развития в законодательстве и практике Российской Федерации (вопросы общей теории права): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.М. Абдрашитов; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Волгогр. акад. – Волгоград, 2001. – 22 с.
2. Александров, А.С. Презумпция невиновности и распределение бремени доказывания / А.С. Александров, И.А. Александрова, Д.С. Кучерук // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2011. – № 1. – С. 6-12.
3. Бибило, В.Н. Принцип состязательности правосудия по уголовным делам как проявление презумпции невиновности / В.Н. Бибило // Проблемы юриспруденции: избранные труды. – Минск : Право и экономика, 2010. – С. 359-366.
4. Гусев, Л.Н. Конституционные принципы советского уголовного процесса / Л.Н. Гусев // Учен. записки ВЮЗИ. – 1958. – № 7. – С. 30-47.
5. Ефимечев, П.С. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве / П. С. Ефимечев // Публичное и частное право. – 2012. – № 1. – С. 88-100.
6. Зажицкий, В.И. Состязательность в уголовном процессе / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 2014. – № 8. – С. 39-50.
7. Зайцева, Л. Справедливое судебное разбирательство: международный опыт и законодательство Республики Беларусь / Л. Зайцева // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 2 –С. 7-12.
8. Ильин, А.П. Презумпция невиновности и судебные действия / А.П. Ильин // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2011. – № 1. – С. 55-57.
9. Калиновский, К.Б. Распределение бремени доказывания в уголовном процессе: всегда ли в пользу обвиняемого? // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года; сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 40-43.
10. Клямко, Э.И. О правовом содержании презумпции невиновности / Э.И. Клямко // Государство и право. – 1994. – № 2. – С. 90-97.

11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Р.Э. Оганян [и др.]; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 944 с.
12. Кони, А.Ф. Избранные произведения: Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания / А.Ф. Кони. – М.: Юрид. лит.; 1956 г. – 888 с.
13. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2010. – 48 с.
14. Машовец, А.О. Принцип состязательности и его реализация в предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.О. Машовец / Уральская гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1994. – 184 л.
15. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
16. Пикалов, И.А. Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.А. Пикалов; Уральская гос. юрид. академии. – Екатеринбург, 2006. – 29 с.

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РФ

**А.О.Губарева,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
anytka_94ra@mail.ru**

**С.В.Романчук,
доцент кафедры гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук**

В рамках реализации Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, подготовленной на основании Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. N 1108 "О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации", Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. N 302-ФЗ "О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" в ч. 3 ст. 1 ГК РФ закреплён принцип добросовестности. «Развитие экономики и становление гражданского общества требуют использовать все возможные меры и средства гражданского законодательства, чтобы обеспечить добросовестное и надлежащее осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей.»[1] С этой целью в Концепции предлагается широкий спектр мер, направленных на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования, - введение в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права, конкретизация лишаемых правовой защиты "иных форм злоупотребления правом", введение в ГК института преддоговорной ответственности по принципу *culpa in contrahendo*, существенная модификация многих норм о недействительности сделок и др.»,

История существования требования добросовестности при осуществлении прав в российском гражданском праве невелика. Впервые подобное требование было введено в отечественное законодательство Основами гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (ст. 5). В принятом в 1922 году ГК РСФСР не было нормы, в которой содержалось бы определение добросовестности и указывалось на необходимость учета данной категории при реализации гражданских прав и обязанностей. Не появилась такая норма и в ГК РСФСР 1964 года (добросовестность учитывалась при истребовании имущества из чужого незаконного владения и как условие возмещения расходов лицом, совершившим сделку с лицом, не достигшим 15 лет). Следует также отметить, что избранная законодателем позиция нашла поддержку и в юридической науке того периода.[2] Так, В.П. Грибанов считал, что существующие в буржуазном праве понятия "добрая совесть" и "добрые нравы" являются "каучуковыми" правилами, которые позволяют значительно расширять рамки свободного судейского усмотрения и тем самым выйти за рамки законности.[3]

Толковый словарь Ожегова дает следующее понятие: добросовестный – честно выполняющий свои обязательства, обязанности[4]. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона говорит о

том, что в отличие от доброй совести, добросовестность означает субъективное состояние лица при совершении юридических актов, его неосведомленность об обстоятельствах, опорочивающих внешнюю или внутреннюю правомерность акта и могущих заставить честного в юридическом смысле человека отказаться от его совершения, несмотря на отсутствие формальных к тому препятствий. При оценке юридических последствий многих актов такое субъективное состояние лица принимается во внимание и влечет за собой значительное видоизменение этих последствий для добросовестного контрагента, сравнительно с недобросовестным[5]. Даже несмотря на отсутствие легального определения понятия "добросовестность", ясно, что данная категория характеризует субъективную сторону поведения участников гражданского оборота, на что указывает использование в нормах, учитывающих добросовестное поведение лица, словосочетания "не знал и не должен был знать". Незнание или извинительное заблуждение, как называл добрую совесть Л.И. Петражицкий, отражает субъективное восприятие окружающей действительности, определенных фактов и обстоятельств на основе наличия или отсутствия информации о них. С этой позиции добросовестность не тождественна противоправности, в которой выражается отношение действия или бездействия субъекта к действующим нормативно - правовым предписаниям и запретам и которая носит объективный характер.

Введение принципа добросовестности как основополагающего положения, проходящего через весь новый Гражданский кодекс, вполне оправдано. И причина, по которой его не ввели в ГК сразу, очевидна: в 1996 году, когда страну буквально недавно поставили на «рельсы» рыночной экономики, главной задачей было создать необходимые условия для конкуренции на рынке, уменьшение вмешательства со стороны государства в частный сектор и увеличение автономии хозяйствующих субъектов. А на данный момент, когда каждый старается «оторвать для себя кусок побольше», а также наличие пробелов в законе (которые полностью искоренить невозможно), обуславливает подчинение субъектов гражданского права не только букве закона, но и нормам морали и нравственности. Предполагается, что там, где не действует закон, действует добросовестность. Так, согласно Пояснительной записке к проекту ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон. Для того чтобы принцип добросовестности работал правильно и работал вообще, необходимо ввести точное понятие добросовестности. Точное определение данного принципа необходимо не только для непосредственных субъектов гражданского права, но прежде всего для судов.

Согласно обозначенной выше Пояснительной записке, нормативное закрепление принципа добросовестности позволит не только установить важнейшие ориентиры поведения субъектов права, но и более широко применять меры гражданско-правовой защиты в случаях недобросовестных действий участников оборота. По сути, эта норма будет существовать как при нарушении чьих то прав, так и при отсутствии таких нарушений, то есть как превентивная норма. Будущее данного принципа на практике будет зависеть от определения, которое, надеюсь, будет очерчено либо в Гражданском кодексе, либо в постановлении Высшего Арбитражного суда.[6]

С термином «добросовестность» тесно связан термин «разумность». Данный термин следует понимать не только в привычном, распространенном значении: логичный, основанный на разуме, целесообразный. Термин стоит толковать узко-юридически. Когда разумными называют сроки (например, в ст.314, 397, 399 ГК), цены (например, в ст.397 ГК), то речь идет о "разумно понимаемых" по обстоятельствам дела сроках и ценах[7].

Иногда законодатель воспроизводит эту формулу полностью - например, в ст. 428 ГК говорится о "разумно понимаемых интересах". То есть в таких нормах речь идет о разумности в значении, близком к общеупотребительному. Когда же законодатель говорит об "обнаружившейся неспособности: к разумному ведению дел" (ч.2 ст.72, ч.2 ст.76 ГК), об обязанности "проявить разумную заботливость" (ч.2 ст.375 ГК), о необходимости принятия "разумных мер" (ч.1 ст.404 ГК), то налицо узко-юридическое значение прилагательного "разумный". В этом аспекте разумность (и осмотрительность) поведения имманентны заботливости как субъективной составляющей добросовестности в гражданском праве. Поэтому здесь те же цели могут быть с успехом достигнуты (без отдельной оценки "разумности") с помощью такого универсального критерия, как "недобросовестность".

Обобщив вышесказанное, можно сформулировать следующую норму, определяющую добросовестность в гражданских правоотношениях, которую, на наш взгляд, следует отразить в нормах новейшего гражданского законодательства.

«Статья 1¹ Добросовестность участников гражданских правоотношений.

1. Действия участников гражданских правоотношений являются добросовестными при соблюдении следующих условий:

1) Осуществление субъектами гражданских правоотношений своих прав и обязанностей в строгом соответствии с законом, с их объемом и назначением.

2) Наличие у участников гражданских правоотношений стремления максимально исключить возможность нарушения своими действиями или бездействиями субъективных прав и законных интересов других лиц.

3) Добровольное предоставление полной, достоверной информации необходимой для осуществления сделки, без утаивания каких либо юридически значимых фактов и фиксация данной информации в соответствующем договоре.

4) Отсутствие у субъектов гражданских правоотношений информации о противоправности действий других участников этих же отношений, а также возможности знать о противоправности данных действий.

2. Добросовестными считаются все действия участников гражданских правоотношений, пока иное не доказано судом.

3. Недобросовестность действий участников гражданских правоотношений влечет за собой применение мер гражданско-правовой и иной ответственности в соответствии с действующим законодательством.»

Однако, законодательная фиксация руководящего положения (принципа) не приводит к окончательному и безусловному переходу принципов гражданского права из сферы правосознания в практическую плоскость. Именно поэтому применение принципов гражданского права в процессе правоприменительной деятельности еще не стало привычным. Тем не менее, общие тенденции развития принципов гражданского права позволяют говорить о том, что механизм реализации принципов гражданского права уже начинает функционировать в правоприменительной деятельности. Судебная система все в большей степени начинает ориентироваться на требования отдельных принципов гражданского права. Положение п. 3 ст. 10 ГК РФ, согласно которому лишь "в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются" [8] некоторым образом ставит под сомнение значение добросовестности. Однако, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 16 декабря 2008 г. N 12465/08 указывается, что "при осуществлении гражданских прав законодательством презюмируются разумность и добросовестность участников гражданского оборота, а также запрет на злоупотребление своими правами" [9]. Это вызывает противоречия в правоприменительной деятельности. Но анализ законодательства и судебной практики показал, что добросовестность все же является всеобъемлющим принципом. Например, согласно Постановлению Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 N 12771/10 по делу N А40-111798/09-57-539 о взыскании убытков, причиненных действиями ответчика по заключению сделок, противоречащих интересам истца, и бездействием, выразившимся в незаключении от имени истца сделок, которые соответствовали бы интересам истца, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции, так как при рассмотрении спора судом не дана оценка действиям ответчика с точки зрения добросовестного и разумного осуществления прав и исполнения обязанностей, не исследованы доказательства [10]. А в соответствии с Постановлением ФАС Поволжского округа от 08.11.2011 по делу N А12-24521/2010 требование о признании недействительным решения налогового органа удовлетворено в части, поскольку налоговым органом не было установлено ни одно из обстоятельств, позволяющих усомниться в добросовестности налогоплательщика, и не представлено доказательств, свидетельствующих о наличии признаков недобросовестности в действиях самого заявителя, а также признаков согласованности его действий и действий его контрагентов по уклонению от уплаты налогов [11].

Подводя итог, можно выделить следующее. Определение и нормативное закрепление принципа добросовестности является одной из задач при реформировании системы российского гражданского права, наряду с этим возникает необходимость выявления противоречий в правовых нормах и приведения их (норм) к единому пониманию.

Добросовестность связана прежде всего с субъективной стороной общественных отношений. При этом добросовестность в обыденном смысле не тождественна юридическому понятию. Добросовестному субъекту как участнику гражданского оборота присущи осторожность, предусмотрительность и при этом порядочность при осуществлении тех или иных действий.

Добросовестность является оценочным понятием, позволяющим участникам гражданского оборота регулировать свои взаимоотношения, а суду - решать спор с учетом конкретной ситуации.

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – 2015.

2. Краснова С.А. Определение понятия "добросовестность" в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 34

3. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 21.
4. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь. // <http://ozhegov.info/slovar/>.
5. Энциклопедический словарь. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.
6. Шопырев Р.А. Принцип добросовестности в новом ГК РФ: целесообразность и будущее данного принципа на практике // Закон.Ру – 2012. [<http://zakon.ru>].
7. Чукреев А.А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // "Журнал российского права", N 11, ноябрь 2002 г.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: принят ГД ФС РФ 21 октября 1994 г.: в ред. Федерального закона от 6 апреля 2011 N 65-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2011. - № 52 (1 ч.). – п. 3 ст. 10 .
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 16 декабря 2008 г. N 12465/08 / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – 2009.
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 N 12771/10 по делу N А40-111798/09-57-539/ СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – 2015.
11. Постановлением ФАС Поволжского округа от 08.11.2011 по делу N А12-24521/2010/ СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – 2015.

ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю.А. Дедкова,
студентка УО ГрГУ им. Янки Купалы,
специальность «Правоведение»
yulia13077@mail.ru
Научный руководитель:
Р.Г. Зорин,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент

Согласно ч.1 ст. 107 УПК Республики Беларусь, задержание состоит в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом [1]. Однако следует отграничивать задержание в уголовном процессе от таких мер принуждения, как заключение под стражу и административное задержание. Общим для них является то, что все они представляют собой лишение гражданина свободы. Вместе с тем между ними имеются существенные различия. Задержание может осуществляться в стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и в судебных стадиях (задержание осужденного в соответствии со ст. 113 УПК РБ). Оно предшествует заключению под стражу, но не заменяет его. Задержание носит неотложный характер, поэтому, в отличие от заключения под стражу, санкции прокурора не требует. Срок задержания подозреваемого - не более 72 часов (или 7 суток при задержании осужденного); этот срок не продлевается. Срок содержания под стражей обвиняемого при расследовании дела установлен до 2 месяцев и может быть продлен [2; 105].

Уголовно-процессуальное задержание также следует отличать от административного задержания. Первое применяется только в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступления, второе – в отношении лиц, совершивших административные правонарушения. О задержании подозреваемого в совершении преступления письменно сообщается прокурору, при административном задержании - не сообщается. При задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, оно становится подозреваемым и приобретает соответствующие права и обязанности участника уголовного процесса. Административно задержанный такого положения не приобретает. Срок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, исчисляется с момента фактического его задержания. Если лицо задерживают по постановлению, то срок также исчисляется с момента фактического задержания (захвата, поимки) подозреваемого, а не с момента доставления его должностному лицу, которое вынесло постановление о задержании [2; 106].

В статье 107 УПК Республики Беларусь содержится ряд пунктов, на основании которых применяется задержание. Так, согласно ч. 2 данной статьи, задержание может быть применено только:

- 1) к лицу, подозреваемому в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, направления в дисциплинарную воинскую часть или ареста;
- 2) к обвиняемому для предъявления обвинения либо в случае нарушения условий примененной к нему меры пресечения;
- 3) к осужденному, в отношении которого имеется представление уполномоченного на то органа об отмене приговора, определения, постановления суда об условном неприменении наказания, отсрочки исполнения наказания или условно-досрочном исполнении от отбывания наказания [1].

Также в части 3 ст. 107 УПК отмечается, что задержание производится:

- 1) по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления;
- 2) на основании постановления органа уголовного преследования;
- 3) на основании постановления (определения) суда о задержании осужденного до разрешения вопроса об отмене условного неприменения наказания, отсрочки исполнения наказания или условно-досрочного освобождения от отбывания наказания [1].

Таким образом, проанализировав и обобщив вышесказанное, можно сформулировать следующее определение понятия задержания в уголовном процессе: задержание – это мера процессуального принуждения, применяемая при наличии указанных в уголовно-процессуальном законе условий и оснований и заключающаяся в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом. Данное определение принадлежит Л.И. Кукреш [3; 150]. На мой взгляд, данное определение является наиболее полным, т.к. в нем делается акцент на условия и основания, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, при наличии которых осуществляется задержание. Другие авторы (Шостак М.А., Борики С.В.) придерживаются законодательного определения задержания и не включают в его содержание наличия условий и оснований. Под задержанием они понимают меру процессуального принуждения, состоящую в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом [4; 68]. Поэтому, на мой взгляд, последнее определение не является полным и не отражает всей специфики института задержания в уголовном процессе. Однако, чтобы понять значение и необходимость института задержания в уголовном процессе мало раскрыть содержание понятия, необходимо раскрыть сущность и прикладные аспекты правовой природы задержания.

Российские авторы считают, что сущность уголовно-процессуального задержания как меры принуждения состоит в кратковременном лишении свободы гражданина, подозреваемого в совершении преступления [5]. Данной точки зрения придерживается и большинство белорусских ученых-процессуалистов. Однако существуют точки зрения, что правовая природа задержания определяется в первую очередь закреплением этой нормы в уголовно-процессуальном законодательстве. Его правовая сущность выражается в возникновении правоотношений между лицами, имеющими право применять эту норму, и теми, в отношении кого она применяется. Однако этим правовая природа и сущность задержания не ограничиваются. В настоящее время остаются дискуссионными в науке положения институциональной принадлежности правовой природы задержания и, как следствие, криминалистической значимости его правовой сущности. Так, по мнению Г. Федорова и А. Дроздова, суть правовой природы задержания вытекает из принципов презумпции невиновности и положений Конституции, гарантирующих свободу и неприкосновенность граждан. Поэтому любое ограничение лица, связанное с подозрением его в совершении преступления, возможно только на основаниях и в порядке, предусмотренных УПК [5].

При определении содержания и приоритетности целевой направленности рассматриваемого процессуального положения становится очевидным, что его применение носит принудительный характер, обеспечивающий участие лица, подозреваемого в совершении преступления, в уголовном процессе, пресечение возможности продолжать преступную деятельность и препятствовать установлению истины по делу, а также решение вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу и предупреждения побега. Этот существенный признак находится за пределами понятия «следственные действия» и обуславливает необходимость отнесения задержания к мерам процессуального принуждения [5].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что сущность задержания в уголовном процессе заключается в обеспечении посредством его пресечения преступной деятельности лица, подозреваемого в совершении преступления, решение вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, предупреждение побега правонарушителя и обеспечение его участия в уголовном процессе [3; 221].

Что же касается оснований применения такой меры как задержание, то основаниями применения мер процессуального принуждения, по мнению З.Ф. Ковриги, являются наиболее существенные обстоятельства, вызывающие необходимость принудительного воздействия в сфере уголовного процесса. К ним она относит обстоятельства, свидетельствующие о наличии признаков преступления и развивающегося в этой связи уголовно-правового отношения, а также ненадлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого, препятствующее успешному осуществлению целей и задач уголовного процесса [6; 95].

Применение мер процессуального принуждения не должно ставиться в прямую зависимость от самого факта общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, считает В.М. Корнуков. Основаниями применения этих мер служат фактические данные, указывающие на возможность противоправного поведения лица или наличие других обстоятельств, осложняющих уголовно-процессуальную деятельность и требующих соответствующего способа воздействия [7; 65].

Впервые основания применения задержания к подозреваемому нашли свое отражение в ст. 257 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г.: «Полиция принимает меры к пресечению подозреваемому способов уклоняться от следствия в следующих случаях: 1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо; 3) когда на подозреваемом или его жилище найдены будут явные следы преступления; 4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем» [8; 250].

Е.М. Клюков, В.М. Корнуков, З.З. Зинатуллин едины во мнении, что в действительности основаниями для применения этой меры принуждения являются фактические данные о наличии обстоятельств, которые предусмотрены в законе и именуется основаниями задержания. Отчасти соглашаясь с этой точкой зрения, А.Г. Пурс и Л.Л. Зайцева считают, что основания любого вида задержания следует рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах: во-первых, как нормы права, устанавливающие обстоятельства, с которыми закон связывает возможность применения этой меры принуждения (формальные или юридические основания); во-вторых, как фактические данные, подтверждающие наличие указанных в законе обстоятельств, которые обосновывают необходимость производства задержания в конкретном случае (материальные или фактические основания) [9].

Другим спорным вопросом, вызывающим различные суждения, является определение источников фактических данных (материальных оснований), установление которых необходимо для осуществления законодательно определенных правил применения (формальных оснований) задержания. Так, И.С. Галкин и В.Г. Кочетков, В.М. Корнуков, Е.К. Острога считают, что такие фактические данные должны соответствовать требованиям, которые закон предъявляет к доказательствам. Иного мнения придерживаются Е.М. Клюков, В.Ю. Мельников, А.В. Ольшевский. Они полагают, что основаниями задержания могут быть любые фактические данные, которыми располагает орган уголовного преследования, в том числе и результаты оперативно-розыскной деятельности. Вторая позиция представляется более оправданной, особенно в случаях задержания лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления до возбуждения уголовного дела. Акцент на доказательства очевиден лишь при задержании обвиняемого и осужденного по причине применения к последним этой меры значительно позже — в стадиях предварительного расследования, судебного разбирательства и исполнения приговора [4; 69].

Основаниями для задержания лица, подозреваемого в совершении преступления согласно ч.1. ст.108 УПК РФ являются: - лицо застигнуто при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения; - очевидцы происшествия, в том числе и пострадавший, прямо укажут на данное лицо как совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние или захватят его в порядке, предусмотренном ст. 109 УПК; - на этом лице, при нем, на его одежде или других используемых им вещах, в его жилище, иных используемых им помещениях, на рабочем месте или транспортном средстве обнаружены явные следы, указывающие на его причастность к совершению предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния; - имеются другие достаточные основания подозревать в совершении преступления лицо при условии, что оно пыталось скрыться с места преступления или от органа, ведущего процесс, либо не имеет постоянного места жительства или проживает в другой местности, либо не установлена его личность [1]. В уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных государств таких как Российская Федерация, Республика Казахстан, Туркменистан, Узбекистан содержатся те же основания задержания, а в уголовно-процессуальном законодательстве Болгарии основания задержания вообще не регламентируются нормами УПК.

В процессуальной литературе нет единого мнения об условиях задержания как элементе системы принятия решения о применении данной меры. Так, условиями применения процессуального принуждения З.Ф. Коврига считает различные установленные законом обстоятельства, сопутствующие основаниям и помогающие обеспечить режим законности при применении мер процессуального принуждения [6; 80].

В.Н. Григорьев считает, что условиями задержания являются необходимость немедленной изоляции подозреваемого из-за опасения, что он скроется, а также невозможность немедленного применения к нему заключения под стражу ввиду отсутствия достаточных оснований [10; 79]. А.Г. Пурс и Л.Л. Зайцева полагают, что условием применения к любому субъекту задержания является некое внешнее, не относящееся непосредственно к задержанию как мере процессуального принуждения, обстоятельство. Его наличие или отсутствие в каждом конкретном случае одновременно является ответом на вопрос о том, можно или нельзя применять задержание при наличии целей, мотивов и оснований для его производства [4; 80].

Условия задержания подозреваемого по мнению А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского разделяются на общие и специальные. Общими условиями процессуального задержания (как и применения всех мер процессуального принуждения) являются: наличие возбужденного уголовного дела; надлежащий субъект применения меры; надлежащий объект задержания — задерживаемое лицо.

Специальное условие задержания вытекает из его цели — определить необходимость заключения под стражу. Задержание допускается лишь при подозрении в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Вторым специальным условием задержания является соблюдение дополнительных требований, связанных со служебным иммунитетом отдельных категорий должностных лиц [11; 95]. Соблюдение всех условий является основанием для применения такой меры процессуального принуждения как задержание.

Порядок обжалования в суд задержания, судебная проверка законности и обоснованности применения задержания регулируются Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь [1]. Порядок обжалования задержания подозреваемого регламентируется ст.143 УПК РБ, в которой говорится: жалобы лиц на задержание подаются в суд через администрацию места предварительного заключения. Администрация места предварительного заключения обязана в течение 24 часов после получения жалобы направить ее в соответствующий орган, ведущий уголовный процесс, о чем уведомляет лицо, подавшее жалобу, а также прокурора, Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности, и суд, принявших решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей. Орган, ведущий уголовный процесс, обязан в отношении задержанного в течение 24 часов с момента получения жалобы направить ее в суд с приложением материалов уголовного дела, подтверждающих законность и обоснованность задержания. Суд вправе также истребовать иные материалы, необходимые для разрешения жалобы. В случае поступления нескольких жалоб в отношении одного и того же лица они направляются в суд одновременно [1].

Рассмотрим действия стороны защиты по обжалованию задержания подозреваемого в суд. К сожалению, данные представители редко пользуется правом на обжалование задержания в суд, несмотря на очевидные и грубые нарушения норм уголовного процесса. Это связано с тем, что в течение 72-х часов родственники задержанного должны успеть заключить соглашение с адвокатом, который в свою очередь должен разыскать следователя, вручить ему ордер, добиться разрешения на свидание с задержанным, посетить его в ИВС, получить копии протоколов и постановлений, сопровождающих задержание, ознакомиться с протоколами следственных действий, произведенных в отсутствие защитника. От адвоката требуются оперативность и мобильность [12].

В целях соблюдения законности и обоснованности задержания работникам прокуратуры необходимо: ежедневно проверять законность содержания подозреваемых, остро реагировать на нарушения порядка задержания, несоответствия данных, содержащихся в протоколе задержания, фактическим обстоятельствам происшедшего; следить за тем, чтобы процессуальное оформление задержания следователем и дознавателем осуществлялось не позднее 3 часов после фактического доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору; пресекать случаи задержания подозреваемых в совершении преступлений на основании протоколов об административных правонарушениях. Безотлагательно принимать меры к освобождению незаконно задержанных лиц, в том числе содержащихся свыше 48 часов без избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а также содержащихся под стражей без продления сроков [13; 132].

Представляется, что надлежащая правовая регламентация обжалования задержания подозреваемого будет способствовать укреплению законности при его применении, а также гарантировать защиту прав и законных интересов обвиняемых, в отношении которых оно избрано.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». — Минск: Академия МВД, 2013. — 331 с.
2. Борико, С.В. Уголовный процесс: учебник / С.В. Борико. — Минск: Амалфея, 2008. — 400 с.

3. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть: учеб. пособие / Л.И. Кукреш. – Минск, 2005. – 352 с.
4. Зайцева, Л. Л., Пурс, А.Г. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь / Л. Л. Зайцева, А. Г. Пурс. – Минск: Харвест, 2011. – 224 с.
5. Фёдоров, Г. Прикладные аспекты правовой природы и сущности задержания / Г. Фёдоров, А. Дроздов // Судовы веснік. – 2008. – №1. – С.72–75.
6. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1975. – 174 с.
7. Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 136 с.
8. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 8: Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский. – 1991. – 496 с.
9. Зайцева, Л.Л. Основания задержания подозреваемого в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева, А.Г. Пурс // Юстыцыя Беларусі. – 2010. – № 1. – С. 35–39.
10. Григорьев, В.Н. Задержание подозреваемого / В.Н. Григорьев. – М.: ЮрИнфоР, 1999. – 542 с.
11. Смирнов, А.В., Калиновский, К.Б. Уголовный процесс. Краткий курс / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с.
12. Панков, И. Отдельные вопросы обжалования в суд задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления / И. Панков // Юстыцыя Беларусі. – 2003. – №6. – С. 67–68.
13. Пурс, А.Г. О некоторых вопросах правового статуса подозреваемого и основаниях его задержания / А.Г. Пурс // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. – 2008. – 283 с.

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ И МУНИЦИПАЛЬНЫМ ДОЛГОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Е.А. Денисова,
магистрант ИГиП ТюмГУ,
DenisovaEA@tyumen-city.ru**

**Научный руководитель:
О.Г. Геймур,
доцент кафедры административного
и финансового права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук**

К финансовым инструментам международной финансовой политики самым тесным образом при-
мыкают кредитные инструменты. Существование государственного (муниципального) кредита неминуемо
ведет к образованию государственного (муниципального) долга.

Следует отметить, что государственный долг (федеральный и региональный) может быть как
внутренним, так и внешним. В первом случае порядок его образования и погашения урегулирован бюд-
жетным законодательством РФ. Во втором случае внешние долговые отношения регулируются также
международными договорами и соглашениями РФ. Муниципальный же долг определяется Бюджетным
Кодексом РФ (далее – БК РФ) только как внутренний.

По состоянию на 01 апреля 2015 г. внутренний долг РФ составляет 5 383 034,756млн. руб., внеш-
ний долг – 54 268,0 млн. долларов США [1]. Что же касается муниципального долга, то его размер в му-
ниципальном образовании городской округ город Тюмень на протяжении последних пяти лет равен нулю,
что свидетельствует о достаточности средств местного бюджета и отсутствии необходимости в заимство-
ваниях.

БК РФ не закрепляет предельного объёма государственного долга РФ, а содержит отсылку на еже-
годный федеральный закон о федеральном бюджете [2]. Согласно Федеральному закону «О федеральном
бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов», верхний предел государственного внеш-
него долга РФ на 01 января 2016 года установлен на уровне 64,0 млрд. долларов США, внутренний – 7 218
501 812,0 тыс. рублей [3].

Уровень долговой нагрузки на бюджет Тюменской области составляет 0,73%. Для сравнения:
Пермский край – 0,71%, Алтайский край – 4,13%, Челябинская область – 30,8%, Чукотский автономный
округ – 123%. В качестве меры долговой нагрузки использовалось отношение государственного долга

субъекта РФ на 01 января к налоговым и неналоговым доходам бюджета, то есть к собственным доходам бюджетов без учета безвозмездных поступлений.

Анализ статистических данных, представленных Минфином, показал, что Тюменская область отличается низким показателем государственной долговой нагрузки по сравнению с другими регионами Уральского федерального округа [4]. Муниципальные образования области не обременены кредитами, полученными от кредитных организаций, что говорит об относительной самостоятельности доходной части бюджета субъекта федерации. Однако в местные бюджеты привлечён значительный размер кредитов из других бюджетов бюджетной системы РФ. Стоит также отметить, что по общему размеру долга Тюменская область занимает пятое место среди регионов соответствующего федерального округа; по Курганской области установлен минимальный размер долга, так, субъект занимает последнее, шестое место в рейтинге.

Предельный объём заёмных средств, направляемых на финансирование дефицита бюджета, должен быть непосредственно связан с ежегодно утверждаемым объёмом источников финансирования дефицита бюджета. Согласно классификации источников финансирования дефицита бюджета, установленной статьями 23, 94, 95 и 96 БК РФ, указаниями по применению бюджетной классификации РФ, источники финансирования дефицита бюджета могут существовать как в форме поступлений в бюджет, так и в форме выплат из бюджета. В данном случае источники финансирования дефицита имеют отрицательное значение, то есть представляют собой выплаты из бюджета. Сам дефицит бюджета определяется статьёй 6 БК РФ как превышение расходов бюджета над его доходами. Согласно статье 112 БК РФ запрещено принимать новые долговые обязательства в случае, если при исполнении бюджета субъекта РФ или местного бюджета нарушаются предельные значения государственного долга субъектов РФ или муниципального долга, а также предельные значения расходов на их обслуживание.

Если подробнее остановиться на государственном долге субъектов РФ, то под долговой устойчивостью субъекта РФ стоит понимать такое состояние его бюджетной системы, при котором долговая нагрузка на бюджет и экономику субъекта не превышает определенных нормативов. В условиях неблагоприятной экономической ситуации и необходимости выполнения социальных обязательств долги регионов продолжают расти. Суммарный объем государственного долга всех субъектов РФ увеличился на 20% и на 01 января 2015 года составил 2,089 трлн. руб., что на 352 млн. руб. больше, чем годом ранее.

Министерство финансов России (далее – Минфин) ведёт постоянный мониторинг соблюдения регионами нормативов проведения долговой политики. В ряде регионов долговая нагрузка на бюджеты сегодня близка к критической (Чукотский автономный округ, Республика Мордовия, Костромская область, Смоленская область). Если региональные власти таких субъектов не предпримут радикальных шагов по приведению нормативов в соответствие, скорее всего, стоит ожидать прецедента с введением в России временной финансовой администрации. Тем самым государство предотвратит угрозу снижения экономической безопасности самого субъекта и страны в целом.

В конце февраля 2015 года Президент РФ дал поручение Правительству РФ выделить регионам из средств федерального бюджета 160 млрд. руб. для погашения части коммерческих кредитов, но не на безвозмездной основе, а в виде менее обременительных бюджетных кредитов [5]. Чуть позже министр финансов сказал о том, что муниципалитетам так же будут выделены средства из федерального бюджета на замещение коммерческих кредитов бюджетными [6].

В текущем году можно ожидать увеличения долговой нагрузки и, вероятно, ускорения темпов прироста государственного долга субъектов РФ, так как им всё равно придется искать средства для реализации социальных обязательств. Регионы уже разработали антикризисные планы, в том числе касающиеся и сокращения государственного долга. Планируется значительно оптимизировать и обновить перечень государственных программ. Финансирование мероприятий по ним, без учёта средств на содержание учреждений, будет уменьшено, например, в Чукотском автономном округе на 442 млн., объём межбюджетных трансфертов – на 620 млн. руб.

Согласно Основным направлениям бюджетной политики на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов, Основным направлениям долговой политики на 2013-2015 годы и государственной программе «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков до 2020 года», главными задачами в части управления долгом являются сохранение объема государственного долга РФ на уровне, не превышающем 15-20% ВВП; создание долгосрочного источника финансирования дефицита федерального бюджета и поддержки пенсионной системы РФ посредством обеспечения сохранности средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния и стабильного уровня доходов от их размещения; поддержание высокого уровня кредитных рейтингов РФ инвестиционной категории [7, 8, 9].

В целях снижения государственного (муниципального) долга, а также повышения эффективности государственного (муниципального) кредита правительству необходимо стремиться к сокращению неоправданных расходов, отсрочки погашения государственных займов, определению программы внутрен-

них и внешних заимствований, эмиссии государственных и муниципальных ценных бумаг, повышению их ликвидности.

В целях совершенствования действующего законодательства в области государственного внешнего долга субъекта РФ видится необходимым установить в отношении регионального внешнего долга требование о разработке и утверждении программы государственных гарантий субъекта РФ в иностранной валюте в составе закона о бюджете, что в настоящий момент не закреплено в БК РФ.

Сокращению уровня долговой нагрузки региональных и местных бюджетов, в частности, будет способствовать замещение коммерческих кредитов субъектов РФ бюджетными кредитами из федерального бюджета с одновременным снижением платы за пользование бюджетными кредитами. При этом в качестве условий предоставления кредитов будут использоваться дополнительные требования к ограничению наращивания прочих заимствований (за исключением займов на реструктуризацию накопленной задолженности), оптимизации структуры и объемов расходных обязательств, проведению эффективной политики администрирования доходов.

В РФ не существует единого центра по управлению государственным долгом, несмотря на то, что разговоры о его создании ведутся уже несколько лет. Управление государственным долгом находится в компетенции Минфина, которое в основном концентрируется на решении оперативных задач, главным образом связанных с распределением имеющихся финансовых средств. По этой причине политика заимствований, которая проводится Минфином, в большей мере подчиняется текущим потребностям, не обеспечивая в должной мере решение стратегических задач по управлению обязательствами государства. В Основных направлениях государственной долговой политики РФ на 2013-2015 гг. было выделено соответствующее направление – создание ОАО «Российское финансовое агентство» (далее – РФА) и переход к активному управлению государственным долгом. Представим функции РФА в виде схемы.



Данная идея не имеет однозначной точки зрения, высказываются мнения о том, что управление государственным долгом не может быть компетенцией сторонней структуры, а не Минфина.

Разработчики проекта федерального закона рассчитывают, что РФА поможет минимизировать процентные и валютные риски для государственного бюджета и сможет разместить государственные средства более эффективно, чем сам Минфин, однако для подстраховки в договор с РФА планируют включить пункт об ответственности самого ОАО и его руководителей за возможные убытки. Право размещать государственные средства РФА планирует передавать частным управляющим компаниям.

После многочисленных совещаний, поправок и доработок проект был согласован профильными министерствами и внесен в Государственную Думу РФ в сентябре 2012 года, в январе 2013 года был принят в первом чтении, однако при подготовке ко второму чтению натолкнулся на ожесточенное сопротивление в комитете по бюджету и налогам. Депутатов не устраивали ни организационно-правовая форма агентства (ОАО с единственным акционером в виде государства), ни формы контроля за его деятельностью [10].

Президент РФ, оглашая бюджетное послание на 2014 год, заявил: «Для управления средствами Резервного фонда и Фонда национального благосостояния предлагалось создать РФА, однако попытка реализации этой идеи выявила наличие многих нерешенных проблем. Необходимо рассмотреть альтернативные механизмы повышения эффективности управления средствами указанных фондов» [11].

Введение отдельного органа по управлению государственным долгом нецелесообразно, поскольку, как справедливо отмечает депутат Государственной Думы Дмитриева О.Г., передача средств фондов в до-

верительное управление ОАО для вложения в рискованные активы означает, что вместо использования средств налогоплательщиков для реализации основной функции государства – обеспечения достойной жизни граждан, эти средства будут использованы для игры на фондовом рынке [12]. Правительство РФ и Центральный банк тем самым передадут свои конституционные полномочия на аутсорсинг ОАО.

От органов власти в нынешних социально-экономических условиях потребуются проведение крайне взвешенной долговой и бюджетной политики, особенно в отдельных регионах, уровень государственного долга которых приближается к предельному, определенному законодательством. Необходимо также продолжать мониторинг долговой нагрузки бюджетов субъектов РФ и принимать меры, направленные на ограничение роста объема государственного долга субъектов федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Электронный ресурс] // Министерство финансов РФ [сайт]. – URL: http://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/index.php (дата обращения 24.03.2015).
2. Бюджетный кодекс РФ: федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ: по сост. на 08 марта 2015 г. // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
3. О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов: федеральный закон от 01 декабря 2014 г. № 384-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 24.03.2015).
4. [Электронный ресурс] // Министерство финансов РФ [сайт]. – URL: http://minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/ (дата обращения 24.03.2015).
5. [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders> (дата обращения 20.03.2015).
6. [Электронный ресурс] // Агентство экономической информации «Прайм» [сайт]. – URL: http://1prime.ru/state_regulation/20150303/803848227 (дата обращения 21.03.2015).
7. Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов [Электронный ресурс]. – Документ официально не опубликован. – Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 20.03.2015).
8. Основные направления государственной долговой политики РФ на 2013-2015 гг. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения 23.03.2015).
9. Об утверждении государственной программы РФ «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 320 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18. – Ст. 2166.
10. [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания РФ [сайт]. – URL: <http://www.duma.gov.ru/legislative/consideration/excluded-laws> (дата обращения 23.03.2015).
11. О бюджетной политике в 2014-2016 годах: бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию от 13.06.2013 // Солидарность. – 2013. – № 23.
12. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Дмитриевой Оксаны Генриховны, депутата Государственной Думы РФ [сайт]. – URL: <http://www.dmitrieva.org> (дата обращения 23.03.2015).

ОРГАНЫ И ОРГАНИЧЕСКИЕ ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

**И.П. Дмитрук,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
phobia10@mail.ru
Научный руководитель:
М.С. Панова,
старший преподаватель кафедры
гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ**

Современная медицина становится все более развитой: разрабатываются и внедряются все новые способы, позволяющие влиять на здоровье и жизнь человека. Основанием для признания объектом права является возможность вовлечения в гражданский оборот, т.е. доступность объекта, его полезность, способность удовлетворять потребности людей. Вовлечение в гражданский оборот органов и тканей человека уже стало явлением объективной реальности и игнорировать его невозможно. Органы, ткани, тело человека наряду с традиционными (медицинской и научной) находят все новые сферы применения. При этом использование этих объектов опережает развитие законодательства.

В последние годы законодательство в области оборота органов и органических тканей бурно развивается, однако это развитие чаще всего не упорядочено. Главным фактором, влияющим на такое положение, является отсутствие единого подхода к определению общей стратегии по поводу биообъектов. В результате отделения от человеческого тела каких-либо его составляющих, в обороте появляется новый объект, в самом факте существования которого проявляется двойственность его природы, поскольку это не простой обычный объект, а объект, где материальная оболочка уступает место сущностной (природной) стороне. [5, 6] При этом законодатель недооценивает его имущественную составляющую. С одной стороны к таким объектам можно относиться как к обычным рядовым вещам, с другой — как к уникальным, незаменимым частям нашего организма, требующим особого подхода.

Отсутствие четкой и ясной позиции относительно органов и органических тканей сказывается как на законодательном регулировании, так и в правоприменительной деятельности. Правовое регулирование не охватывает всего многообразия биообъектов (большому их количеству просто не нашлось места в нормативных актах).

В настоящее время в РФ действуют: Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об основах), Закон РФ от 22 декабря 1992г. №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее — Закон о трансплантации), Федеральный закон РФ от 20 июля 2012г. №125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» (далее — Закон о донорстве крови»), Федеральный закон РФ от 12 января 1996г. №8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (далее — Закон о погребении), Федеральный закон от 20 мая 2002г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека».

Многие аспекты не урегулированы совсем, либо регулируется подзаконными нормативными актами. В качестве примера можно привести Приказ Минздрава РФ от 30 августа 2012г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (далее — Приказ Минздрава РФ № 107н).

Несмотря на то, что существует определенная законодательная база в области оборота органов и органических тканей, эта база довольно таки не совершенна и не соответствует существующим реалиям, что заставляет сталкиваться с некоторыми трудностями, например, относятся ли биообъекты к объектам гражданских прав.

Целесообразно выделить несколько групп органов и тканей человека, положив в основу деления причину их отторжения (отчуждения) и цель дальнейшего использования.

Первая группа - трансплантаты, т.е. органы и ткани, которые изымаются в медицинских целях для дальнейшей пересадки. Забор этих органов и тканей влечет временное или постоянное ухудшение состояния здоровья и (или) риск такого ухудшения.

Согласно ст. 2 Закона о трансплантации объектами трансплантации могут быть сердце, легкое, почка, печень, костный мозг и другие органы и (или) ткани, перечень которых определен в приказе Мин-

здравица № 40. Действие настоящего Закона не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы), а также на кровь и ее компоненты.

Вторая группа - органы и ткани, отчуждаемые в результате оказания медицинской помощи. К ним относятся ампутированные из-за заболевания или травмы части тела пациента, в том числе конечности, опухоли, зубы; абортированные плоды и их органы (ткани), эмбриональный материал (плацента, плодный пузырь, амниотическая жидкость, пуповина).

Третью группу составляют органы и ткани, отторжение которых не связано с заболеванием и (или) медицинским вмешательством и может не иметь определенной цели дальнейшего использования. В эту группу входят: остриженные волосы; сцеженное грудное молоко; кожа, удаленная после подтяжки, и т.п.

Вопрос о том, являются ли органы, ткани, тело человека объектом гражданских прав вызывает споры. Так, одни авторы считают, что органы и ткани являются частью организма, образуются в результате естественного биологического процесса и поэтому не подпадают под понятие вещи; что они не имеют рыночного эквивалента; что затраты на консервацию трансплантата составляют стоимость услуг, связанных с последующей пересадкой, а не стоимость органа или ткани, следовательно, последние нельзя считать предметом гражданско-правовых сделок. Затраты же труда по консервации органов не изменяют свойства самого органа, а направлены только на создание возможности использования его по целевому назначению и поэтому составляют стоимость услуг, связанных с осуществлением трансплантации, а не органа или ткани, изъятых для пересадки. [7, 12] Вряд ли труп, органы, ткани можно наследовать как обычное имущество. [9]

Некоторые исследователи называют органы и ткани человеческого организма личными нематериальными благами, по поводу которых складываются гражданские отношения донорства и трансплантации. После отделения от конкретного человека органов и тканей предполагается, что трансплантаты теряют свою индивидуально-личностную определенность. [11]

По мнению третьей группы ученых, органы и ткани (в частности, кровь), будучи отделенными от организма, следует признать вещами [10], ограниченными в обороте. [14, 15]

Р. А. Квернадзе вообще считает, что жизнь и здоровье в одних отношениях выступают как нематериальные, абстрактные блага, в других – как материальные, вещные, когда жизнь как материальный объект, состоит из элементов: органов, тканей, самого организма человека. Отношения в сфере здравоохранения и медицины носят специфический характер, ибо их объектами являются здоровье, жизнь, органы, ткани и сам организм человека, которые в зависимости от характера отношений могут быть и нематериальным благом, и материальным, условно говоря, вещью. [8]

Позиция, занимаемая авторами, зависит от того, в какой момент рассматривается объект - до или после отделения от организма. Между тем, на мой взгляд, нужно дать правовую оценку статуса любых органов и тканей человека (а не только трансплантатов).

Телесную оболочку человека нельзя признать отдельным самостоятельным объектом, поскольку при жизни человека она не существует сама по себе, а является неотъемлемой частью индивида. В связи с этим пользование и распоряжение человека своим организмом происходит не путем осуществления правомочий собственника, а посредством совершения иных правомерных действий по реализации нематериального права на физическую неприкосновенность. Таким образом, после заключения, например, договора донорства или в результате одностороннего акта - распоряжения о месте своего захоронения - объектом возникающих правоотношений будет физическая неприкосновенность. [13]

Любые органы и ткани человека с момента их отделения от организма и тело (прах) после смерти можно определить как уникальные объекты материального мира, происходящие от организма человека, обладающие значительной нематериальной ценностью и экономической стоимостью. Так, биологические объекты человека с момента их отделения от человеческого организма обладают внутренними признаками, присущими всем объектам гражданских прав (полезностью, дискретностью), следовательно, они могут быть признаны объектами гражданских прав. [4]

По своим признакам органы и ткани человека могут быть включены в такую группу объектов гражданских прав как «иное имущество».

В Федеральном законе РФ от 8 декабря 2003г. №164-ФЗ "Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности" сказано, что в ведении Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности находится определение правил экспорта и импорта биологически активных материалов (донорской крови, внутренних органов и других материалов), а также порядка их использования. Таким образом, закон признает биологически активные материалы предметом сделок купли-продажи. На этом основании совершаются бартерные сделки между медицинскими учреждениями разных стран по обмену органами и тканями, практикуется вступление в международные банки использования органов.

В медицинской практике активно применяются полезные свойства органов и тканей. После их от-

деления от тела живого человека у него возникает право собственности на указанные объекты, ранее являвшиеся частью его самого.

По поводу трансплантатов могут быть заключены договоры донорства, комплексные договоры хранения и дальнейшей пересадки; оформляются односторонние сделки по распоряжению телом после смерти.

Трансплантаты относятся к вещам, ограниченным в обороте. Согласно ст. 1 Закона о трансплантации органов и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи. Купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ (ч 2 ст 152 УК РФ). Установлен особый порядок передачи, консервации, хранения трансплантатов, используемых в лечебных целях.

Что касается других органов и тканей второй и третьей групп (отчуждаемых в результате оказания медицинской помощи или отторгаемых вне связи с заболеванием, травмой, медицинским вмешательством), то они могут стать объектами договоров купли-продажи, мены, дарения, хранения, односторонних сделок по распоряжению телом после смерти.

Правомочие по распоряжению своим здоровьем может осуществляться путем заключения договора донорства. Поскольку при этом нарушается телесная оболочка и возникает риск временного или постоянного ухудшения состояния здоровья, закон установил пределы реализации этого правомочия.

По общему правилу, считается, что возмездное донорство допустимо, однако в данном случае следует говорить не о вознаграждении за предоставленные органы и ткани, а о компенсации донору за причиненные неудобства, физические и моральные страдания, риск возможного ухудшения здоровья. Соответственно нужно считать возмездную сделку донорства не разновидностью соглашения о купле-продаже, а договором *suigeneris*. [6]

Таким образом, можно сделать вывод, что до настоящего времени в отечественном законодательстве не выработано единого подхода к пониманию правовой природы органов и тканей человека как объектов гражданских прав.

В заключение необходимо сказать, что, как оказалось, несмотря на многочисленность точек зрения, правовой статус биологических объектов производных от организма человека остается неопределенным и законодательно неурегулированным, что сказывается на практике при «работе» с данными объектами.

Представляется правильным пойти по пути разработки и принятия федерального закона «О донорстве органов и их трансплантации», который должен прийти на смену устаревшим Законам Российской Федерации «О донорстве крови и ее компонентов», «О трансплантации органов и (или) тканей человека», а также урегулировать оборот клеток, не урегулированный в настоящее время этими Законами. Такой подход позволит на основе общей концепции разработать единый правовой режим использования органов, тканей и клеток человека, определить требования, предъявляемые к участникам возникающих правоотношений, их права и обязанности, общие требования к донорам и реципиентам, а также особенности оборота отдельных органов, тканей или клеток человека.

При этом, хотелось бы еще раз отметить, что считается невозможным признать биологические объекты человека вещами. Их стоит все же отнести к особым самостоятельным объектам гражданского права РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: ФЗ РФ от 21 ноября 2011г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. - № 48. – Ст. 6724.
2. О донорстве крови и ее компонентов: ФЗ РФ от 20 июля 2012г. №125-ФЗ // СЗ РФ. – 2012. - № 30. – Ст. 4176.
3. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22 декабря 1992г. №4180-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1993. – № 2. - Ст. 62.
4. Аполинская Н.В. Определение вещи как объекта гражданского права РФ // Сиб. юрид. вестн. - 2002. - № 1. - С. 25-28.
5. Аполинская Н.В. О статусе биологических объектов в гражданском праве РФ // Сиб. юрид. вестн. - 2002. - № 4. - С. 23-27.
6. Аполинская Н.В. Понятие и признаки биологических объектов человека// Северо-Кавказский юрид. вестн. – 2007. - № 3. – С. 34-35.
7. Волож З.Л. Право на кровь // Вестник советской юстиции. -1928.- № 7.- С. 216.
8. Квернадзе Р. А. Некоторые аспекты становления и развития законодательства в области здравоохранения // Государство и право.-2001.- № 8.- С.104.

9. Ковалев М.И. Юридические проблемы современной генетики // Государство и право.- 1995. - № 6. – С. 20.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. // Спб., - 1897. – С. 157.
11. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994. С.101.).
12. Красновский Г.Н. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в законе Российской Федерации о трансплантации органов и (или) тканей человека // Государство и право. 1993. N 12. С.74-75.
13. Малеина М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. N 11.
14. Маргацкая Н. Гражданско-правовые вопросы трансплантации и донорства // Вестн. Моск. ун-та. Сер.11, Право. 1980. N 2. С.84-85.
15. Суховерхий В.Л. Гражданско-правовое регулирование отношений по здравоохранению // Советское государство и право. 1975. N 6. С.109

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, ВЫБОР МЕСТА ПРЕБЫВАНИЯ И ЖИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**А.Е. Исыпова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
ane4ka468@mail.ru**

**Научный руководитель:
Д.А. Авдеев,
доцент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

Правовые возможности свободно передвигаться в пределах территории собственного государства и за его пределами впервые были закреплены в статье 12 Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой 22 ноября 1991 года Верховным Советом РСФСР, а затем в новой редакции Конституции РСФСР 1978 года (ст. 42). Конституция Российской Федерации 1993 года также последовательно закрепила право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (ст. 27).

Традиционно право на свободу передвижения понимается как право граждан свободно передвигаться внутри страны, менять место жительства, работы или выезжать за пределы Российской Федерации и возвращаться обратно. [1; 14]

Реализация права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства может сопровождаться введением его ограничений, которые, по смыслу статьи 55 Конституции Российской Федерации, могут быть введены только федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. [2]

На иностранных граждан распространяется ограничение, связанное с посещением некоторых территорий и объектов, для въезда на которые им требуется специальное разрешение и которые включены в Перечень Постановления Правительства Российской Федерации от 11 октября 2002 года № 754 (в ред. 14.07.2006) "Об утверждении перечня территорий, организаций и объектов, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное разрешение" [3]. В пределах Тюменской области, согласно данному Перечню, территорией с регламентированным посещением для иностранных граждан является Ямало – Ненецкий автономный округ.

Следует иметь в виду, что правом на свободу передвижения обладают лишь те граждане, которые законно находятся на территории Российской Федерации. Из этого вытекает, что этого права лишаются лица, проникшие в страну в нарушение визового режима или законодательства о въезде. Если у иностранного гражданина нет законных оснований для нахождения на территории Российской Федерации он под-

лежит депортации и в этом случае ее нельзя рассматривать как ограничение права на свободу передвижения.

Одной из проблем в реализации права на свободу передвижения была и является так называемая «жесткая увязка» реализации конституционных прав с наличием регистрации по месту жительства или пребывания. В Российской Федерации институт регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания охватывает все сферы жизнедеятельности граждан, все отрасли российского законодательства и обеспечивает не только учет граждан, но и необходимые условия для исполнения гражданами обязанностей и реализации конституционных прав и свобод.

Регистрационный учет является механизмом реализации права выбора места пребывания и жительства. Право на свободу передвижения, право выбора места пребывания и жительства взаимосвязаны, из чего вытекает, что механизм регистрационного учета граждан по месту пребывания и жительства корреспондирует праву граждан на свободу передвижения. И в этом случае наиболее остро встает проблема создания эффективного механизма реализации конституционного права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Эта проблема обусловлена достаточно узким нормативно-правовым содержанием терминов "место жительства" и "место пребывания". Правоприменительные органы при осуществлении регистрации граждан произвольно интерпретируют нормативно-правовое содержание данных понятий и, отказывая гражданам в регистрации по месту жительства и месту пребывания, продолжают опираться на жилищное, налоговое, гражданское законодательство.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, неопределенность содержания правовой нормы не может обеспечить ее единообразное понимание, создает возможность злоупотребления исполнительной властью своими полномочиями, порождает противоречивую правоприменительную практику, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к произволу и, следовательно, к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона [4]. Данная позиция Конституционного Суда Российской Федерации, на наш взгляд, в полной мере применима к категориям "место жительства" и "место пребывания", поскольку в действующем законодательстве отсутствует единое толкование указанных понятий, что создает дополнительные трудности для правоприменения.

Закон Российской Федерации "О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации" и Федеральный закон "О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации" определяют место жительства через жилое помещение. При этом Федеральный закон "О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации", как и Налоговый кодекс Российской Федерации, связывает место жительства с регистрацией по адресу его расположения, а Закон Российской Федерации "О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации" не исключает этого, рассматривая также как место жительства жилое здание, в котором он постоянно и преимущественно проживает без регистрации.

Гражданский кодекс Российской Федерации, в отличие от вышеуказанных законов, не определяет, что местом жительства является именно жилое помещение, а рассматривает его через более широкое понятие - "место", где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Следовательно, таким местом может быть Российская Федерация, субъект Российской Федерации, район или город субъекта Российской Федерации и иное место.

Можно предположить, что на содержание понятия «место жительства» существенное влияние оказало то, что Закон Российской Федерации "О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации" был издан до принятия Конституции Российской Федерации. В государстве, где исторически свободного передвижения практически никогда не было, в законодательстве основной акцент был сделан на замену института разрешительной прописки институтом уведомительной регистрации граждан по месту жительства (пребывания)

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 1995 года №14-П "По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Закона Республики Северная Осетия от 22 декабря 1994 года "О выборах в Парламент Республики Северная Осетия - Алания" Конституционный Суд Российской Федерации указал, что под "местом пребывания" и "местом жительства" подразумевается определенное юридическое состояние, возникающее при регистрационном учете граждан Российской Федерации по месту пребывания и месту жительства [5]. При этом "место жительства" может означать как "постоянное проживание", так и "преимущественное проживание" и не всегда совпадает с фактическим проживанием гражданина в жилых помещениях, определяемых как постоянное или преимущественное место жительства. Вместе с тем можно что Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает понятие "место жительства" как в узком смысле, в качестве жилого помещения, так и в широком смысле, имея в виду в качестве постоянного места жительства Российскую Федерацию.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации обозначил два правовых состояния - "место жительства" и "место пребывания" граждан на территории Российской Федерации. Первое связано с обязательной регистрацией по месту жительства или месту пребывания, а второе - нет. Место жительства и место пребывания, не связанные с обязательной регистрацией, рассматриваются как место фактического проживания на территории Российской Федерации, которое однако не имеет законодательного определения. При этом место фактического проживания включает в себя и место жительства, и место пребывания, только без соответствующей регистрации. Получается, что место фактического проживания граждан не связано с обязательной регистрацией и может не совпадать с законодательно установленным местом жительства или местом пребывания и фактически является их альтернативой. Иными словами - местом фактического проживания может быть и место жительства, и место пребывания, которые либо подтверждены соответствующей регистрацией, либо нет.

Можно предположить, что в Законе Российской Федерации "О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации" определения понятий "место жительства" и "место пребывания" не соответствуют реальности жизни, поскольку давно стало нормой то, что граждане имеют регистрацию по месту жительства (пребывания) в одном месте, а на самом деле проживают (пребывают) в другом. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 30 июня 2011 № 13-П "По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона "О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан" в связи с жалобой гражданина А.В. Воробьева", регистрация граждан должна осуществляться по месту фактического проживания, для того чтобы место их жительства было определено с достаточной степенью точности, поскольку отсутствие регистрации по месту фактического проживания может создать неудобства правопользования прав и свобод или может привести к нарушению прав и свобод [6].

На наш взгляд, такая правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации вносит ясность в понимание места жительства (пребывания) и места фактического проживания, которые должны совпадать, т.е. законодательно установленное место жительства (место пребывания) должно быть местом фактического проживания граждан на территории России, где должна осуществляться их регистрация.

Очевидно, что в связи с наличием проблем в сфере регистрационного учета граждан назрела необходимость критического переосмысления данного института. На наш взгляд, в том числе и для разрешения проблем, связанных с институтом регистрации граждан по месту жительства (месту пребывания), необходимо менять подход к пониманию права на выбор места жительства (места пребывания), а также изменять и дополнять правовое регулирование в этих сферах.

Учитывая территориальные и исторические особенности России, думается, что граждане могут иметь в качестве жилища не только жилые помещения, но и чумы, яранги, передвижные (переносные) жилища, которые могут быть установлены на определенной территории. По существу, гражданин при выборе места жительства определяет конкретное место на определенной территории в пределах Российской Федерации, имеющее адресно-географические координаты, где будет находиться его жилище (дом, квартира или иной вид жилища).

Для разрешения многочисленных проблем необходимо совершенствовать правовое регулирование, связанное с нормативным содержанием понятий "место жительства" и "место пребывания" в Законе Российской Федерации "О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации". При этом возможны следующие уточнения:

- *Место жительства* - жилище, которое расположено или находится в пределах Российской Федерации на территории субъекта Российской Федерации, района или города, иного населенного пункта, в котором гражданин постоянно проживает. В случае отсутствия у гражданина жилища местом жительства признается поселение, на территории которого гражданин постоянно проживает.
- *Место пребывания* - жилище либо иное помещение, предназначенное или организованное для временного проживания, которое расположено или находится в пределах Российской Федерации на территории субъекта Российской Федерации, района или города, иного населенного пункта, в котором гражданин пребывает. В случае отсутствия у гражданина жилища либо иного помещения, предназначенного или организованного для временного проживания, местом пребывания признается поселение, на территории которого гражданин пребывает.

Изменение подхода к пониманию права на выбор места жительства (места пребывания), и законодательная корректировка понятий места жительства, места пребывания позволят обеспечить действительную реализацию права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, повысят качество реализации гражданами экономических прав и свобод.

Основываясь на вышеизложенном, считаем, что, во-первых, для реального обеспечения свободы передвижения нововведением стала замена института прописки на институт регистрации граждан по ме-

сту пребывания и месту жительства. Думается, что следующими изменениями в сфере права на свободу передвижения должны стать законодательные изменения в содержании определений места жительства и места пребывания, направленные на расширение этих понятий и формулирование их единой трактовки в различных отраслях законодательства во избежание трудностей при правоприменения.

Поскольку пределы права граждан Российской Федерации на выбор места жительства и права на выбор места пребывания, гарантированных Конституцией Российской Федерации, не ограничиваются определениями "место жительства" и "место пребывания", установленными Законом Российской Федерации "О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации", а регистрация граждан по месту пребывания и по месту жительства является способом учета граждан Российской Федерации в пределах ее территории, то полагаем, что в целях охраны и защиты права на свободу передвижения, а также других прав и свобод необходимо осуществлять уведомительную регистрацию по фактическому месту жительства или по месту пребывания гражданина Российской Федерации и внести соответствующие изменения в вышеуказанный закон, в том числе в части регистрационного учета граждан по месту жительства и по месту пребывания.

В целях обеспечения права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в качестве элемента защиты следует рассмотреть возможность субсидиарной обязанности государственного служащего и государственного учреждения в выплате ущерба за незаконное нарушение исследуемого нами права.

Полагаем, что имеются достаточные основания говорить о необходимости принятия федерального закона о защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, определяющего стандарт ограничений, которым следует руководствоваться при принятии любых правовых актов, ограничивающих не только конституционное право на свободу передвижения человека и гражданина, но и другие конституционные права и свободы[6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миролюбова С.Ю. Право на свободу передвижения в пределах Российской Федерации: конституционно-правовой аспект. М.: Статут, 2013. 157 с.
2. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993)// Собрание законодательства РФ . – 2014. –4 августа.
3. Российская газета. – 2002. –16 октября.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.01.2004 N 2-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан"// Вестник Конституционного суда РФ. – 2004.
5. Собрание законодательства РФ . – 1995. –27 ноября.
6. Российская газета. – 1995. –5 декабря

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И ЗАКОНА

О.А. Кирикова,
ученица МАОУ СОШ №4, г. Ишим
nifirtiti005.89@mail.ru
Научный руководитель:
В.А. Лось,
учитель истории и обществознания
МАОУ СОШ №4, г. Ишим

Каждое демократическое государство стремится к деятельности государственной власти, при которой государство и граждане связаны системой права, взаимной ответственностью при безусловном главенстве Конституции, демократических законов и равенстве всех перед законом.

Нетрудно заметить, что в разрешении проблемы соотношения права и закона сталкиваются два различных взгляда или подхода.

Один из них ориентирован на то, что государство является единственным и исключительным источником права, что все то, о чем говорит государство через свои законы, - это и есть право.

Другой же взгляд или подход к разрешению проблемы соотношения права и закона основывается на том, что право как регулятор общественных отношений считается “по меньшей мере относительно независимым от государства и закона или даже предшествующим закону, например, в качестве надисторического естественного права или в качестве права общественного, социально-исторически обусловленного, рождающегося в объективных общественных отношениях.

Гипотетически можно предположить, что если парламент как высший законодательный и представительный орган будет призван издавать законы, отражающие “общую роль”, закон и право будут совпадать, то реально будет осуществляться один из признаков правового государства – верховенство закона.

Право – это система общеобязательных, формально – определенных юридических норм, выражающих общественную волю, устанавливаемых и обеспечиваемых государством, направленных на урегулирование общественных отношений.

Признаки права: 1)волевой характер; 2)общеобязательность; 3)нормативность; 4)связь с государством; 5)формальная определенность; 6)системность.

Принципы права:

I.Общеправовые принципы действуют во всех отраслях права: справедливость, гуманизм, демократизм.

II.Межотраслевые принципы характеризуют наиболее существенные черты нескольких отраслей права. К ним относятся: в гражданско – процессуальном и уголовно - процессуальном праве – гласность и состязательность судопроизводства; в уголовном, гражданском, административном праве – неотвратимость ответственности; в гражданском и семейно – брачном праве – равенство сторон.

III.Отраслевые принципы обслуживают только одну отрасль права. Они включают в себя: в трудовом праве – свобода труда; в гражданском праве – всеобщность защиты гражданских прав; в уголовном процессе – презумпция невинности.

Закон, признаки закона.

Закон - это нормативный акт, принятый в особом порядке органом законодательной власти или референдумом, выражающий волю народа, обладающий высшей юридической силой и регулирующий наиболее важные общественные отношения.

Закон в широком смысле слова – это в наши дни первостепенный, почти единственный источник права в странах романо – германской правовой семьи, к которой исторически относится и Россия. Все эти страны – страны «писанного права». Юристы здесь, прежде всего, обращаются к законодательным и регламентирующим актам, принятым парламентом или правительственными и административными органами. Задача юристов состоит главным образом в том, чтобы при помощи различных способов толкования найти правильное решение, которое в каждом конкретном случае способствует воле законодателя.

Признаки закона: 1) принимаются только органом законодательной власти или народом в ходе референдума; 2) обладают высшей юридической силой; 3)никто не вправе отменить закон, кроме органа, его издавшего; 4) регулирует наиболее важные и основополагающие отношения, обеспечивает упорядоченное развитие экономических, политических и социальных сфер; 5) содержит нормы первичного исходного характера; 6)принимается в особом процессуальном порядке; 7)закон, регулируя соответствующие общественные отношения, характеризуется наибольшей устойчивостью, стабильностью своих регуляторов и длительностью существования и действия.

Правовой закон – властно – регулятивный акт, не только подкрепляемый и санкционированный государством или иным социальными институтами, но и соответствующий (содержательно, формального и процедурно) принципам общественного правосознания, существующим конституционно - правовым нормам и в силу этого обладающий всей полнотой действия в пределах данной правовой системы.

Каков же критерий правовых законов? Какие законы можно рассматривать как совпадающие с правом, а какие нельзя? Наконец, какие существуют объективные основания для отнесения одних законов к разряду правовых, а других – к разряду не правовых! Что делает одни законы правовыми, а другие не правовыми?

На эти вопросы удовлетворительный ответ не найден до сих пор. Учеными – юристами и философами предлагались различные основания – критерии для разграничения права и закона, правовых законов и не правовых законов, но все они вызывали и продолжают вызывать лишь вопросы и дискуссии.

Проблема соотношения права и закона существовала практически всегда, с древнейших времен, с тех пор, как появилось право. Это центральная проблема правоведения и правопонимания. Совпадают право и закон или нет, можно ли сводить право к законам (и другим нормативным актам) или нет – это проблемы всегда были в центре внимания юридической науки и практики.

Актуальность проблемы соотношения прав и закона существовала и сохраняется поныне. Более того, она не только сохраняется, но и периодически значительно обостряется. Причина заключается в том,

что эта, на первый взгляд, сугубо «кабинетная», академическая проблема имеет не столько теоретическое, сколько прикладное значение.

Ссылаясь на В.А. Четвернина, такая ее практическая значимость обусловлена прежде всего характером и особенностями самой проблемы. Суть ее кратко сводится к следующему. Существуют законы, соответствующие правовым критериям, которые и необходимо считать правовыми законами. Здесь право и закон совпадают. Но есть и такие законы, которые не отвечают правовым критериям и, значит, с правом не совпадают. По конституции РФ высшей ценностью человека является право на жизнь, однако, на практике можно встретить противоречия. Частыми виновниками гибели людей в ДТП являются скутеристы, не имеющие водительских прав. Юридическая ответственность за нарушение ПДД – штраф[4].

Изучив И.А. Ильина, можно сделать вывод, что попытки определить право как справедливость не могут быть удачными. Понятие «справедливость» - абстракция, и в процессе его воплощения и использования каждый вкладывает в него своё собственное понимание[3]. Право же представляет собой общий масштаб поведения. Он одинаков для всех и в принципе не допускает неоднозначной интерпретации. Кроме того, такой подход отрицает сам факт осуществления правовой справедливости до её выражения законодателем. Сказанное, однако, не означает, что справедливость вовсе отсутствует в юридических нормативных и потому должна участвовать в определении права. Справедливость учитывается в пределах права постольку, поскольку оно представляет собой систему правил поведения свободных и равных субъектов. В правовом государстве справедливость путем нормативного закрепления должна внедряться во все области общественных отношений, во все отрасли законодательства.

Итак, соотношение права и закона оказывается сложным, неоднозначным процессом, что полностью соответствует сложности реальных общественных отношений. Если та или иная справедливая идея не получает нормативного закрепления, она остаётся в сфере морали как пожелание, не имеющее обязательной силы. Это еще не право. Если же справедливая идея не получает нормативное закрепление, то она становится законом и, будучи реализованной в общественных отношениях, становится правом. Таким образом, право уже закона, так как не все законы справедливы. С другой стороны, право шире закона, поскольку охватывает не только нормы, но и реальные общественные отношения, норма в жизни, в действии.

Под назначением права понимаются те цели, ради достижения которых субъективные права предоставляются участниками гражданских правоотношений. В самом понятии «назначение права» находит свое выражение принцип сочетания общественных и личных интересов. Как пишет В.П. Грибанов, цели отдельного лица при осуществлении права не могут выходить за рамки тех целей, которые признаются заслуживающими уважения со стороны общества [2].

И.А. Покровский довольно резко критикует идею социального назначения права, во-первых, за неопределенность критериев, а во-вторых, за то что субъективное частное право по самой своей природе не может иметь иной цели. Для решения задач настоящей работы возьмем следующее определение злоупотребления, в соответствии с которым под употреблением права будет пониматься действия лица в границах предоставленного ему права, но в противоречии с целевым назначением права, принципами доброй совести, разумности, и настоящим другим лицам вред [6].

Злоупотребление правом, применительно к рассматриваемой проблеме можно классифицировать следующим образом:

I. Беря за основу отраслевой признак следует выделить: злоупотребление материальными правами, злоупотребление процессуальными правами;

II. Беря за основу сферу использования правовых знаний, следует выделить злоупотребление правами советника по правовым вопросам, злоупотребление при осуществлении правосудия судебным усмотрением.

С целью выявления проблемы соотношения права и закона на базе МАОУ СОШ №4 г. Ишима был проведен социологический опрос.

Большинство респондентов (83%) считают понятия «право» и «закон» равными по значению. Многие опрошенные(61%) правильно объясняют понятие правового закона. 95% респондентов указывают, что «общая воля» как критерий правовых законов- это воля общества и народа. Важнейшим признаком правового государства названо- верховенство закона(49%). 88% россиян не относят РФ к правовому государству.

Соотношение права и закона оказываются сложным, неоднозначным, что полностью соответствует сложности реальных общественных отношений. Если та или иная справедливая идея не получает нормативного закрепления, она остается в сфере морали как пожелание, не имеющее обязательной силы. Это еще не право. Если же справедливая идея получает нормативное закрепление, то она становится законом и, будучи реализованной в общественных отношениях, становится правом.

Таким образом, право уже закона, так как не все законы справедливы. С другой стороны, право шире закона поскольку охватывает не только нормы, но и реальные общественные отношения, нормы в жизни, в действии.

Необходимо, видимо, признать что выявление идеального соотношения между правом и законом-проблема, которая будет требовать постоянного исследования на протяжении всей истории существования таких институтов как право и государство.

Критериев правового или неправового характера закона много: учет в нем интересов людей; применимость, реализуемость закона; отношение к нему общественного мнения; уровень общей и правовой культуры общества; научная оценка закона и др. В обществе с разноречивыми интересами однозначная характеристика закона как правового или неправового невозможна.

С моей точки зрения, вопрос о соотношения права и закона на сегодняшний день является открытым, это обусловлено плюрализмом взглядов теорий и идей о границах соотношения прав и закона. Эта проблема будет стоять перед человечеством всегда. Нужно надеяться и ожидать, что когда-нибудь все законы будут правовыми. Но общественные отношения с течением времени претерпевают изменения, и форма и содержание-эти неотъемлемые характеристики права- также должны изменяться. И в процессе создания новых законов всегда неизбежны ошибки как субъективного, так и объективного характера. Но достигать цели создания правового государства необходимо с главного признака-верховенства закона, решая проблему соотношения права и закона. Итак, задачи, поставленные в начале работы, были решены, цель исследования достигнута, однако, гипотеза не нашла своего подтверждения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боброва Н.А., Гарантии реализации государственно- правовых норм. Воронеж г.- 94-103 стр.
2. Грибанов В.П., Осуществление и защита гражданских прав. Изд.2-е, М.: « Статут»,2001г.-411 стр.
3. Ильин И.А., О сущности правосознания,М.: Глобал,2003г.
4. Лившиц Р.З., Государство и право в современном обществе.- М.: 2005г.
5. Марченко М.Н., Теория государства и права в вопросах и ответах.-2000г.
6. Покровский И.А., Основные проблемы гражданского права, М.: 1998г.
7. Туманов В.А., Права человека и исполнительная власть, М.: 1990г.
8. Четвернин В.А., Демократическое конституционное государство: введение в теорию, 1993г.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ПРОКУРАТУРЫ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**А.Г. Клименко,
студентка УО ГрГУ им. Янки Купалы,
специальность «Правоведение»
anna_klimenko_94@mail.ru
Научный руководитель:
Р.Г. Зорин,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент**

Несомненную теоретическую и практическую значимость представляет изучение и использование опыта борьбы с преступностью, в том числе, с использованием правоохранительными органами при расследовании и профилактике преступлений средств массовой информации [7; 18]. Борьба с преступностью является общим делом правоохранительных органов, общественности и населения. Следователь может и должен получать от населения важную информацию, касающуюся расследуемого им преступления, о лицах, причастных к его совершению, и других важных обстоятельствах. Для обращения к населению с

просьбой об оказании содействия следователю целесообразно использовать средства массовой информации: печать, радио, телевидение [6; 3]. Материалы журналистского расследования сами по себе доказательствами не являются, они подлежат проверке и оценке следователем в ходе предварительного следствия. Значение материалов журналистского расследования в стадии предварительного следствия обусловлено возможностью их использования: 1) для выбора направления расследования; 2) выдвижения версий; 3) подготовки и осуществления отдельных следственных действий; 4) обоснования принятия процессуальных решений [10; 4].

Законодательно понятие взаимодействие следователя со средствами массовой информации не закреплено. В.П. Бахин под взаимодействием правоохранительных органов и средств массовой информации понимает «постоянные, объективно существующие между ними взаимосвязи, обусловленные общими целями, которые достигаются в процессе взаимовлияния и взаимного использования возможностей указанных систем для достижения как общих, так и собственных целей» [2; 212]. Следует отметить, что нормативную основу такого взаимодействия как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации составляют Закон «О средствах массовой информации» и отдельные положения Уголовно-процессуального кодекса, а также иные нормативные документы. В.П. Бахин к взаимодействию со средствами массовой информации по вопросам обеспечения раскрытия и расследования преступлений относит: 1) информирование населения о совершенных преступлениях; 2) предотвращение и опровержение слухов и дезинформации; 3) получение информации об обстоятельствах расследуемых преступлений; 4) использование помощи граждан в розыске преступников; 5) сообщение в профилактических целях о приемах и способах действий преступников; 6) дезинформация преступников в отношении планов и возможностей действий правоохранительных органов; 7) внесение разлада и неуверенности в криминальную среду с целью разложения преступных групп; 8) создание благоприятных условий для решения иных следственных и оперативных задач [2; 214]. Выше сказанное отражает профилактическую и воспитательную составляющую взаимодействия следователя со средствами массовой информации. В данных формах раскрываются особенности информационного, организационного, психологического, тактического и прочих аспектов использования помощи средств массовой информации в борьбе с преступностью. В большинстве случаев подобное взаимодействие направлено на профилактику или раскрытие преступлений, воспитание граждан в духе поддержания законности и правопорядка. В.Т. Томин, исследовав проблемы взаимодействия следственных подразделений с учреждениями массовой информации, отметил, что взаимодействие — это не всегда сотрудничество. Его результаты по отношению к выполнению функций - задач каждым из взаимодействующих субъектов могут быть как положительного, так и отрицательного характера [8; 19]. Традиционно следственная деятельность была сопряжена с необходимостью защиты следственной тайны. Тактическое противодействие и обеспечение внезапности невозможно без охраны целого круга сведений, включающих объем и содержание полученной информации, намерения по ее использованию, планы расследования в целом и т.п. [2; 220]. Обязательно сохраняются в тайне данные об интимной жизни или другие сведения, разглашать которые с позиций морали или сохранения государственной и служебной тайны недопустимо [9; 187]. Следует отметить, что взаимодействие следователя со средствами массовой информации содействует решению задач, стоящих перед ним в следующих направлениях: в установлении личности и розыске лиц, подозреваемых в совершении преступлений; в установлении обстоятельств, имеющих важное значение по делу; в устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления; в воспитании граждан в духе уважения к закону и ответственности и т.д. Взаимодействие следователя со средствами массовой информации не только способствует раскрытию преступлений, но и оказывает на граждан профилактическое и воспитательное воздействие. Чтобы достичь необходимых результатов данное взаимодействие должно строиться на основе строгого соблюдения определенных положений закона и выработанных практикой требований. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь отсутствуют нормы, закрепляющие полномочия следователя во взаимоотношении со средствами массовой информации. Можно лишь отметить то, что следователь не вправе разглашать данные предварительного следствия, а также информацию, составляющую государственную или следственную тайну. Также отсутствует норма, закрепляющая основания взаимодействия данных субъектов. Поэтому считаем необходимым внести дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, регламентирующие взаимодействие органа уголовного преследования со средствами массовой информации, а именно, задачи, на достижение которых оно направлено, а также принципы на которых оно основано, полномочия следователя во взаимодействии со средствами массовой информации, а также основания такого взаимодействия. В качестве полномочий следователя следовало бы отметить следующие: распространение в средствах массовой информации сведений, которые необходимы для установления истины по делу; изъятие материалов, имеющих значение для дела и иные.

Рассматривая вопрос взаимодействия органов прокуратуры со средствами массовой информации, следует отметить, что в последнее время с учетом происходящих в обществе процессов органы прокура-

туры и журналисты стремятся к расширению и углублению взаимных деловых контактов. Значительно возрос и интерес журналистов к правовой проблематике. Существенно увеличилось число публикаций на правовые темы, достоянием общественности становятся факты и события, которые прежде оставались закрытыми. В целом эти изменения носят позитивный характер. Между тем, практика свидетельствует, что на волне гласности нередко средства массовой информации и отдельные журналисты разглашают обстоятельства совершённого преступления, имеющие важное доказательственное значение [3]. В нормативно-правовую основу взаимодействия органов прокуратуры со средствами массовой информации входит Конституция Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь», Закон Республики Беларусь от 28 июля 2008 г. «О средствах массовой информации» и иные нормативные правовые акты [4]. В Российской Федерации такими актами являются Приказ Генерального прокурора РФ от 23.10.2009 № 341 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации», Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и иные. Среди проблем, требующих разрешения, представляются важными те, которые связаны с определением общих целей и задач взаимодействия прокуроров со средствами массовой информации [5; 3]. С помощью средств массовой информации органы прокуратуры обычно решают отдельные отраслевые задачи, связанные с расследованием уголовных дел; проведением профилактических мер; организацией взаимодействия с населением по вопросам юридического характера [3]. Между тем решению общей для прокурорского надзора задачи выявления нарушений закона могут способствовать возможности средств массовой информации как постоянного источника оперативной информации. С точки зрения решения задачи обязательного реагирования со стороны прокуратуры на все выявленные нарушения законов могут использоваться возможности средств массовой информации для усиления мер прокурорского воздействия путем их быстрого, оперативного освещения в прессе, на телевидении или по радио. По мнению О. Дупак, работники прокуратуры, используя возможности средств массовой информации, прежде всего выполняют функции профилактики правонарушений и пропаганды законодательства, формируют общественное мнение о роли прокуратуры в защите прав граждан в сфере уголовного судопроизводства, информируют о делах, имеющих повышенный резонанс, о состоянии законности и преступности, принцип неотвратимости наказания, формируют правовую культуру населения, привлекают через средства массовой информации внимание общественности к проблемам прокуратуры. Он отмечает, что тесные контакты с журналистами очень важны. Активное взаимодействие с ними, наличие регулярных деловых контактов позволяют получать прокурору актуальные сведения еще до того, как они станут достоянием общественности. Зачастую некоторые журналисты обращаются в органы прокуратуры с просьбой прокомментировать какой-то вопрос еще на стадии подготовки публикации. При правильной оценке степени социальной остроты затронутой темы появляется повод своевременно отреагировать на факты конкретных нарушений и тем самым, возможно, предотвратить или сгладить нежелательный негативный общественный резонанс. Не менее важной проблемой для прокуроров остаются вопросы, связанные с определением направлений и форм взаимодействия, позволяющих задействовать большие потенциальные возможности средств массовой информации для решения задач прокуратуры, направленных на укрепление законности. Направления взаимодействия с представителями средств массовой информации определяются содержанием информации, подлежащей поиску, получению и распространению. Анализ содержания информации, которая попадает из органов прокуратуры в орбиту деятельности редакций средств массовой информации, журналистов и издателей и наоборот, позволяет выделить следующие основные направления взаимодействия, к которым относятся: информирование населения о состоянии законности и правопорядка; о проверке законности возбужденных уголовных дел о преступлениях, вызвавших повышенный общественный резонанс, результатах их предварительного расследования и судебного рассмотрения; а также опровержение недостоверной информации [5; 3-5]. Основная форма контактов прокуроров со средствами массовой информации - взаимный обмен информацией. Работников телевидения, радио, периодической печати обычно интересует имеющаяся в прокуратуре информация о характере совершенных преступлений, о ходе расследования уголовных дел, о динамике преступности, о мерах, принимаемых по предупреждению правонарушений [3]. Наряду с традиционными средствами массовой информации все большее значение приобретает «Интернет». Многие газеты, теле- и радиоканалы имеют свои Web-страницы в сети, а дальнейшее развитие системы средств массовой информации и коммуникации ведет к созданию интегрированных сетей широкого профиля. Интернет-сайты органов прокуратуры служат одной из основных форм взаимодействия со средствами массовой информации, в связи с чем ее совершенствование представляется крайне важным направлением такой деятельности [1; 14]. В этой связи актуальным выглядит опыт прокуратуры Российской Федерации, официальный сайт которой содержит указание на форму официального запроса, который необходимо направить средствам массовой информации для получения информации по различным аспектам деятельности данного государственного органа [4]. М.С. Андрианов и Е.А. Забелина отмечают, что для совершенствования взаи-

модействия со средствами массовой информации, дальнейшего повышения его эффективности пресс-службам органов прокуратуры необходимо: систематически анализировать организацию этой работы; изучать и широко распространять положительный опыт; координировать деятельность нижестоящих прокуратур в этой сфере; оказывать им методическую и практическую помощь [1; 22].

Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации способствует формированию общественного мнения о недопустимости совершения правонарушений, а также способствует их обнаружению и пресечению. Необходимо изучать, анализировать и адаптировать зарубежный опыт взаимодействия органов прокуратуры со средствами массовой информации. Это будет способствовать дальнейшему совершенствованию взаимодействия в достижении социально значимых целей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андрианов, М.С. Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации: науч.-практич. рекомендации / М.С. Андрианов, Е.А. Забелина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2011. – 60 с.
2. Бахин, В.П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962-2002) / В.П. Бахин. – Киев, 2002. – 268 с.
3. Бессарабов, В.Г. Российские СМИ и прокуратура: противостояние или сотрудничество? / В.Г. Бессарабов // Журнал российского права. – 2001. – №7. – С. 23 – 25.
4. Гавриленко, А.В. К вопросу о взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации / А.В. Гавриленко // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://media.miu.by/files/store/items/uses/xx/mim_uses_xx_06003.pdf / Дата доступа: 17.02.2015.
5. Дупак, О. Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации / О. Дупак // Законность. – 2013. – №5. – С. 3–8.
6. Крылов, А.В. Проблемы использования возможностей средств массовой информации при расследовании преступлений / А.В. Крылов // Российский следователь. – 2003. – № 3. – С. 3-6.
7. Ростов, В.Н. Взаимодействие следователя и органа дознания с пресс-службой УВД и средствами массовой информации при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Н. Ростов. – Волгоград, 2002. – 249 л.
8. Томин, В.Т. Следственные подразделения и учреждения массовой информации: взаимооценка как детерминанта организации взаимодействия. — Горький, 1988. — 19 с.
9. Тюменцев, А.Н. Организационно-правовые и тактические вопросы использования средств массовой информации при расследовании и профилактике преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Тюменцев А.Н. – Волгоград, 2000. – 229 л.
10. Шашков, В.П. Актуальные проблемы использования материалов журналистского расследования следователем в ходе производства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.П. Шашков – Владимир; юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2008. – 26 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА РЕГИОНА

А.М. Кувшинов,
магистрант ИГиП ТюмГУ,
a.m.kuvshinov@mail.ru

Научный руководитель:

Д.А. Авдеев,
доцент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Институт высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в современной России ещё находится в процессе оптимизации. За время существования суверенной России изменялись порядок формирования, полномочия высших должностных лиц субъектов и их роль в системе публичной власти. Поиск оптимальной модели института может занимать долгое время, в течение которого постоянно будут происходить изменения, вызванные не стремлением к улучшению, а попытками понять, стоит ли

вообще работать с текущей моделью или заменить её. Уберечь от ошибок и потери времени может изучение накопленного опыта, как исторического, так и зарубежного, на который мы и хотим обратить внимание.

Традиционно Россию сравнивают с другими государствами с федеративным устройством – Соединенными штатами Америки и Федеративной республикой Германия.

Статус американских губернаторов в некотором роде сопоставим с положением лидеров суверенных государств, если иметь в виду такие крупные штаты, как Калифорния, Нью-Йорк и Техас, в каждом из которых проживает больше населения, чем в иных зарубежных странах. Губернатор играет ведущую роль в разработке и реализации политического курса в пределах собственного штата.

Порядок избрания губернатора, круг и сроки его полномочий определяются конституциями штатов.

«Особенность механизма избрания состоит в том, что победившим считается кандидат, который получает квалифицированное большинство голосов избирателей штата (две трети). В противном случае вопрос об избрании губернатора решается либо в легислатуре штата, либо путем повторных выборов, в которых участвуют кандидаты, набравшие относительное большинство голосов в первом туре (50% плюс один голос).

В подавляющем большинстве штатов США губернаторы не могут переизбираться после одного или двух сроков (подряда) пребывания на своем посту. Так, в 35 штатах страны возможно повторное переизбрание губернатора, но только на один срок. В 5 штатах установлен предел пребывания на посту в два срока, после чего бывший губернатор уже не имеет права баллотироваться на этот пост. В еще 13 штатах США пределы на сроки пребывания губернаторов в должности отсутствуют.

Импичмент губернатора проводится легислатурой штата: нижняя палата законодательного собрания выносит обвинение, а сенат – оправдательный или обвинительный приговор. По обвинительному приговору лицо несет исключительно конституционно-правовую ответственность[8]».

С поправкой на масштабы деятельности властные полномочия губернатора штата во многом повторяют прерогативы Президента. В его полномочия входит:

- контроль за исполнением федеральных и местных законов на территории штата и осуществление надзора за деятельностью административного аппарата;
- одобряет новые законы, пользуется правом вето (в том числе и на часть законопроекта), готовит проект бюджета штата, а также издаёт правила и распоряжения (чем может регулировать отношения, не регламентированные законодательным собранием);
- общее руководство деятельностью исполнительных органов, обладает правом созыва чрезвычайных сессий законодательного собрания;
- право помилования и отсрочки приведения приговора в действие (часто по согласованию с органами по помилованию) в отношении лиц, осужденных за преступления по законам штата;
- участвует в системе распределения федеральных средств, является лидером своей партии в масштабах штата и главнокомандующим формированиями национальной гвардии;
- объявлять о введении на территории штата военного положения, при котором гражданские органы управления подчиняются командованию национальной гвардии.
- представление штата в отношениях с федеральными органами власти и другими штатами[10];

«В отличие от Основного закона США, конституции большинства штатов предусматривают, чтобы губернаторы утверждали сбалансированный бюджет, предоставляя им право постатейного вето на законопроекты по ассигнованиям. В соответствии с этим глава исполнительной власти может наложить вето не на весь законопроект, а на ассигнования по одной или нескольким статьям[11]. Причем не отклоненная им часть законопроекта становится законом. Статьи же законопроекта, подпавшие под вето, возвращаются в ту из палат, которая его представила[7]».

У губернатора есть полномочия по назначению и соответственно отстранению от должности членов кабинета, глав большинства департаментов, членов комиссий и совещательных органов

Эти полномочия губернаторов ограничиваются тем, что во многих штатах целый ряд должностных лиц, как уже отмечалось, избирается самим населением, что делает их независимыми в отношениях с губернатором.

Так, в США сложилась модель, при которой губернатор как высшее должностное лицо штата фактически единолично руководит штатом, даже не смотря на ограничения со стороны региональных парламентов, которые, функционируя в рамках системы «сдержек и противовесов», должны уравнивать полномочия исполнительной власти, которую возглавляет губернатор. Он интегрирован в систему власти штата и взаимодействует с федеральными органами власти только от его имени.

Можно говорить и о том, что президентская форма правления транслируется на региональный уровень. Иную модель содержит опыт Федеративной республики Германия.

Федеральные земли возглавляют премьер-министры (бургомистры в городах федерального значения – Берлине, Гамбурге и Бремене), являющиеся одновременно главами земельных правительств.

Премьер-министр занимает значительное место в политической системе федеральной земли. Его сильная позиция обеспечивается обширными полномочиями, закрепляемыми конституцией земли[5]. Рассмотрим положение премьер-министра на примере Конституции Земли Баден-Вюртемберг, что будет справедливо и для других федеральных земель, т.к. за ним закрепляются практически идентичные полномочия.

«Быть премьер-министром может лицо, достигшее тридцатипятилетнего возраста (возраст может отличаться в разных Землях, к примеру, в Баварии – 40 лет) и обладающее пассивным избирательным правом в объеме, достаточном для того, чтобы быть избранным депутатом.

Премьер-министр избирается на заседании Ландтага (парламента земли) большинством его членов тайным голосованием. Если в течение 3 месяцев с момента формирования нового ландтага премьер-министр не выбран, ландтаг подлежит роспуску.

В отставку премьер-министр может уйти в любое время, но это право становится обязанностью в случае, если политическая обстановка делает невозможным конструктивное его взаимодействие с ландтагом.

Отзыв премьер-министра осуществляется только в рамках так называемого «конструктивного вотума недоверия»: ландтаг может выдвинуть вотум только тогда, когда он большинством своих членов выбрал лицо, которое заменит текущего премьер-министра»[4].

Важнейшая задача премьер министра согласно ст. 49 Конституции земли Баден-Вюртемберг состоит в определении основных направлений политики, за что он несет персональную ответственность.

Среди иных полномочий, закрепленных за премьер-министром Конституцией земли Баден-Вюртемберг, можно выделить следующие:

- ведет заседания правительства и руководит его деятельностью;
- представляет Федеральную землю во внешних сношениях;
- осуществляет помилование (право на которое он с согласия правительства может передать другому органу власти);
- вносит проекты решений правительства на рассмотрение ландтага;
- определяет число министров и сферу их деятельности (утверждается ландтагом), причем премьер министр может оставить одну или несколько областей за собой, а также возложить на одной из министров две и более;
- назначает с согласия ландтага своего заместителя;
- назначает министров, однако, по решению 2/3 членов ландтага обязан уволить министра;
- назначает государственных секретарей, государственных советов, судей и государственных служащих.

Таким образом, основную роль в политической системе региона играет всё же ландтаг, который от имени народа Земли назначает и может отозвать премьер-министра, а также в значительной степени ограничивает закрепленные за ним полномочия. Премьер-министр обособлен от общенациональной власти и жестко связан со своей Федеральной землей, которую он перед федеральной властью представляет.

Так в Германии и Соединенных штатах Америки, являющихся классическими федерациями, высшее должностное лицо избирается внутри региона – населением либо парламентом, положение высшего должностного лица субъекта федерации предусматривает тесную связь с регионом и даже некое противопоставление региона с ним во главе всему государству. Однако важно отметить, что оба рассмотренных государства исторически складывались как союзы государственных образований.

«Россия на всех исторических этапах была унитарным государством с 862г. по 1917г. <...>Российская Империя - унитарное государство стала федеративным после «большевистской» революции[12]».

Как справедливо отмечает А. Солженицын, «70 лет федерализм был фикцией: автономии получили большие экономические преимущества, повсюду выращивали показательные кадры из национальных меньшинств, однако почти никакой реальной власти они не имели, ибо до мелочей строго обязаны были выполнять директивы ЦК ВКП(б) - КПСС»[5].

И хотя вопрос о территориальном устройстве не является предметом этой статьи, эти тезисы обуславливают необходимость анализа опыта также и унитарных государств, которые в ретроспективе совсем не чужды российской государственности.

Во Франции префекты назначаются декретом Президента, принятым в Совете министров по предложению Премьер-министра и министра внутренних дел. Соответственно префект выступает представителем правительства. Общая компетенция префекта – осуществлять в рамках департамента национальную политику и политику Европейского Союза.

«Префект – это орган административного надзора в своём департаменте. На этом основании, он предписывает меры основного надзора, необходимые для сохранения общественного порядка. Он также обеспечивает многочисленные специальные надзоры: на вокзалах и аэропортах, над охотой, над вредными для здоровья учреждениями и т.д. В рамках этих полномочий он выносит предписания и выдает разрешения (выдача паспортов, разрешений на охоту, водительских удостоверений). Также он может решить применить силу либо для сохранения порядка (в случае манифестаций), либо чтобы исполнять решения правосудия (для выселения нанимателей).

Префект руководит децентрализованными гражданскими службами государства в департаменте, обеспечивая связанность их действий. Однако некоторые органы управления находятся вне контроля префекта: органы правосудия, образования и фискальные органы. Полномочия в отношении децентрализованных служб связываются с межминистерской функцией, которая признаётся за префектом. Так, согласно статье 72 Французской конституции, префект является «представителем каждого из членов правительства»[9].

Таким образом, префект обеспечивает административный контроль над децентрализованными единицами, то есть департаментом (в качестве административно-территориального образования), коммунами и их публичными учреждениями.

В Китае высшим должностным лицом на уровне провинции считается губернатор (省长). «Провинциальные губернаторы и вице-губернаторы избираются конгрессами провинций. В течение двух месяцев после выборов губернаторы должны предложить генеральных секретарей и директоров отделов, бюро и комиссий конгрессам для назначения и отчета Государственному совету. Некоторые губернаторы в порядке ротации перемещались из одних областей в другие. Другие губернаторы назначаются по решению центрального правительства. Некоторые бывшие губернаторы после истечения срока своих полномочий становятся партийными руководителями в своих областях[2]».

Рассмотрение полномочий губернатора не представляется целесообразным, т.к. он в значительной степени является зависимым от секретаря Коммунистической партии Китая[3]», что обусловлено особенностями политической системы Китая и однопартийностью. Однако стоит обратить внимание на механизм ротации губернаторов и систему назначения их из центра.

Итак, в федеративных государствах наблюдается сильная связь высшего должностного лица с его регионом, в унитарных – с центром, политику которого оно проводит в регионе. Соответственно его месту в системе органов публичной власти определяется и объем полномочий. При этом формирование института может происходить как путем назначения центром, так и избрания населением либо его представителями в законодательном органе региона, что не находится в прямой зависимости от демократичности режима и формы правления.

Заметим, что существующие в рассмотренных государствах модели складывались продолжительное время и именно поэтому гармонично функционируют в рамках их политических систем. Анализ зарубежного опыта должен привести не к бездумному копированию иностранных нормативных актов, но, прежде всего, к пониманию ключевого момента об обусловленности той или иной модели наличием исторических предпосылок и национальных особенностей конкретного государства. И в поиске оптимальной модели для России стоит ориентироваться не на демократические стандарты (закрепления которых на федеральном уровне вполне достаточно), а на национальную управленческую традицию, отступление от которой в любом случае будет сопряжено с возникновением целого ряда проблем, вызванных попытками «вживить» в систему нехарактерный элемент.

ИСТОЧНИКИ

1. Aufgabenbereiche//InternetportalMinisterpräsident URL: <http://www.ministerpraesident.sachsen.de/>
2. China`s political system // Internetportalwww.china.org URL: <http://www.china.org.cn/english/28842.htm>
3. Governor // InternetportalAll about All URL: http://allaboutall.info/article/Governor#People.27s_Republic_of_China
4. Stellung und Aufgaben// Internetportal Baden-Württemberg.de URL:<http://www.baden-wuerttemberg.de/de/regierung/ministerpraesident/stellung-und-aufgaben/>
5. А. Солженицын Традиции Российской государственности и перспективы федерализма// Журнал «Федерализм» №3. 1996г, С. 100
6. В.Л. Мартынов Опыт реформирования административно-территориального деления Финляндии// Псковский регионологический журнал. – 2012. – №14. С.202
7. Гарбузов В. Н. Губернатор штата: статус и полномочия // США. Канада. Экономика-политика-культура/ Гарбузов В. Н., Попович А. П. - 2002. - N 7. - С. 55-70
8. Органы власти штатов и местные органы управления в США. Под ред. В.М. Шамберга. – М.:ИМЭМО. – 1990. – 137 с. С.38.

9. Префект (Lepréfet) // [Портал французского права] URL: <http://www.france-jus.ru/index.php?action=fiche&id=80&page=fiches>
10. Современные Соединенные Штаты Америки. Энциклопедический справочник. – М.: Политиздат. – 1988. – 541 с. – С. 78-79.
11. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, Универс. – 1993. – 766 с. С. 107- 109.
12. Шатохин С. Российская государственность// Информационно-аналитическая служба Русская народная линия URL:http://ruskline.ru/analitika/2013/02/08/rossijskaya_gosudarstvennost/

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА ЗАЩИТУ ОТ БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.В. Кузнецова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
Lарка678@yandex.ru
Научный руководитель:
Д.А.Авдеев,
доцент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

С переходом в новое тысячелетие проблема безработицы не потеряла своей актуальности. Незанятость части экономически активного населения в хозяйственной деятельности стала одним из препятствий для нормального функционирования механизма рынка труда. Актуальность данной темы обусловлена также тем, что помимо негативных экономических издержек, которые влечет за собой безработица, она способствует увеличению роста уровня преступности в стране, усиливает политическую нестабильность и социальную напряженность в рамках всего общества, а также вызывает деформацию личности безработного, проявляющуюся в постоянном чувстве депрессии, разрушении его социальных связей, потере квалификационных профессиональных навыков, разрушении семей, что в конечном счете ведет к деградации общества [1].

Объективным показателем, отражающим экономику региона или страны в целом, показывающим динамику изменений в сфере, касающейся трудовых ресурсов, является уровень безработицы. Данный показатель по стране в январе 2014 года составил 5,6%, а количество безработных в стране насчитывало 4180000 человек. Можно отметить, что уровень безработицы имеет цикличность колебаний своих показателей. В настоящее время уровень безработицы в стране значительно ниже уровня безработицы в периоды глобальных экономических потрясений: в 2009 году уровень безработицы в РФ составлял 8,3% (6284000 человек), в 2000 году – 10,58% (7700000 человек) [9]. В Тюменской области численность безработных в среднем за 2013 год составила 36400 человек [3]. В субъектах Российской Федерации уровень безработицы варьируется в зависимости от характера экономического роста и степени экономической активности населения.

Исходя из оценки именно социальных последствий безработицы, законодателем разрабатывается организационно-правовое, институциональное обеспечение регулирования трудовых отношений и занятости населения. основополагающим здесь является право граждан на защиту от безработицы, предусмотренное ч.3 ст.37 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. На основании п.1 ст.23 Всеобщей декларации прав человека каждый имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы. Конвенция Международной организации труда № 122 «О политике в области занятости», ратифицированная Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1964 году, в ст.1 закрепляет, что в целях стимулирования экономического роста и развития, повышения уровня жизни, удовлетворения потребностей в рабочей силе и ликвидации безработицы и неполной занятости каждый член организации

провозглашает и осуществляет в качестве главной цели активную политику, направленную на содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости [3].

В настоящее время социально-правовой статус безработного в РФ определяется Законом РФ от 19 апреля 1991 г. №1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон о занятости), в соответствии с которым безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней. Закон также устанавливает обстоятельства, при которых та или иная работа может считаться подходящей работнику, включающие её соответствие профессиональной пригодности работника с учетом уровня его квалификации, условиям последнего места работы (за исключением оплачиваемых общественных работ), состоянию здоровья, транспортной доступности рабочего места. Исходя из данного положения, незанятость граждан во многом зависит от их желаний и предпочтений, равно как и от возможности в данный момент найти подходящую работу. Статус безработного предполагает ряд правомочий, гарантирующих гражданам трудоустройство: право граждан на выбор места работы (ст. 8 Закона о занятости), которое они могут реализовать путем непосредственного обращения к работодателю или через органы службы занятости; право граждан на консультацию, профессиональную ориентацию, содействие в переезде и переселении в другую местность для трудоустройства, психологическую поддержку, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование, получение информации в органах службы занятости (ст. 9 Закона о занятости); право граждан на профессиональную деятельность за пределами территории Российской Федерации (ст. 10 Закона о занятости); право граждан на обжалование действий органов службы занятости и их должностных лиц (ст. 11 Закона о занятости); содействие безработным гражданам в переселении в другую местность для трудоустройства по направлению органов службы занятости (ст. 22.1 Закона о занятости).

Данные правовые гарантии напрямую соотносятся с основными принципами правового регулирования трудовых отношений, закрепленными в ст.2 Трудового кодекса РФ, включающих как обеспечение права на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, защиту от безработицы и содействие в трудоустройстве, так и установление государственных гарантий по обеспечению прав работников. Государство реализует право граждан на защиту от безработицы через федеральные органы государственной власти, которые занимаются разработкой государственной политики и утверждают государственные программы в сфере занятости населения, обеспечивают социальную и материальную поддержку безработным гражданам. Так, 15 апреля 2014 года Правительство РФ издало Постановление Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения», содержащей подпрограмму 1 «Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан», определяющей размер бюджетных ассигнований для реализации целей по предотвращению роста напряженности на рынке труда до 2020 года в 350164374,3 тыс. рублей, в том числе в 2015 году – 45394161,3 тыс. рублей. Ответственным исполнителем основных мероприятий, включающих «Мониторинг состояния и разработки прогнозных оценок рынка труда» и «Социальные выплаты безработным гражданам и оптимизацию критериев назначения и размеров пособия по безработице», выступает Министерство труда России. Эффективное использование финансирования данной программы поможет добиться поставленных Правительством РФ целей и задач, что свидетельствует о реальном воплощении в жизнь конституционного права на защиту от безработицы.

К основным организационно-правовым формам социальной защиты безработных можно отнести выплату пособия по безработице, выплату стипендии в период прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования по направлению органов службы занятости и возможность участия в оплачиваемых общественных работах (ст.28 Закона о занятости населения в РФ). В Постановлении Правительства РФ от 17 декабря 2014 года №1382 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2015 год» минимальная величина пособия по безработице составляет 850 рублей, а максимальная величина пособия установлена в размере 4900 рублей. Сравнивая размер данного пособия с прожиточным минимумом, составившим, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, 8086 рублей в месяц в среднем на душу населения за III квартал 2014 года, приходим к выводу, что минимальный размер пособия по безработице за 2014 год составляет лишь 10,3% от величины прожиточного минимума [7]. На заседании Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений Минтруд России представил проект постановления Правительства Российской Федерации «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2015 год». «Мы работаем над законопроектом, который позволит повысить пособие, приблизить его к прожиточному минимуму за счет сокращения периода выплаты», — сказал директор Департамента занятости населения Минтруда России Михаил Кирсанов. — В 2015 году все останется как есть» [8].

Профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование безработных граждан по направлению органов службы занятости организуется по востребованным на рынке труда профессиям. Список востребованных профессий утверждается Департаментом труда и занятости населения, являющимся органом исполнительной власти в субъекте РФ, обеспечивающим в пределах своей компетенции проведение единой государственной политики и осуществляющим управление в сфере содействия занятости населения. В Тюменской области в перечень приоритетных специальностей для профессионального обучения и дополнительного профессионального образования безработных граждан в 2015 г. включены: администратор, торговый агент, архивариус, бармен, бетонщик, бухгалтер, вальщик леса, водитель автомобиля, крановщик, повар, плотник, пекарь, пчеловод, швея, официант и др. Профессиональная подготовка и переподготовка кадров осуществляется в образовательных учреждениях профессионального и дополнительного образования, учебных центрах органов службы занятости, образовательных подразделениях организаций или в иных учебных заведениях в соответствии с заключаемыми органами службы занятости договорами [6]. Переквалификация позволяет гражданам в короткие сроки освоить новую профессию или же повысить свои навыки владения той или иной профессией, что непосредственно ведет к карьерному росту и улучшению мобильности трудовых ресурсов.

Одной из возможных организационно-правовых форм социальной защиты безработных является организация общественных работ. Под общественными работами понимается трудовая деятельность, имеющая социально полезную направленность и организуемая в качестве дополнительной социальной поддержки граждан, ищущих работу (ст.24 Закона о занятости). Однако такое участие в общественных работах осуществляется гражданами только с их согласия. В соответствии с Постановлением Правительства Тюменской области от 30 декабря 2014 года № 714-П «Об организации общественных работ в Тюменской области в 2015 году», к основным видам общественных работ в регионе относятся: строительство и содержание автомобильных дорог; прокладка водопроводных, газовых, канализационных коммуникаций; проведение сельскохозяйственных мелиоративных работ; строительство жилья, реконструкция объектов социально-культурного назначения; обслуживание пассажирского транспорта; озеленение и благоустройство территорий; уход за престарелыми, инвалидами и больными. Общее количество участников общественных работ в Тюменской области установлено на уровне 3600 человек. В целом, организация общественных работ является одной из важнейших мер по преодолению безработицы, повышению конкурентоспособности на рынке труда и развитию трудового потенциала. Помимо названных форм защиты, используется квотирование рабочих мест в организациях, профориентационная деятельность психологов, субсидирование занятости [5].

Анализируя нормативно-правовую базу РФ в области занятости населения, можно отметить соответствие отечественного законодательства международным актам. Однако исследований, посвященных оценке эффективности конкретных государственных программ по борьбе с безработицей, включающей мониторинг их выполнения, анализ затрат и выгод, оценку экономического и социального воздействия, проведено очень мало. Блок вопросов, связанных с участием респондентов в масштабных национальных исследованиях в России, выпадает из сферы правового регулирования. Например, серии опросов Российского Мониторинга Экономики и Здоровья населения (RLMS), являющегося источником информации для исследований по рынкам труда в России, показывают, что неофициальные исследовательские структуры не способны дать объективный отчет о реализации государственных программ. Большим плюсом могло бы стать расширение участия государственных статистических органов, позволяющих включить в рассмотрение большее число вопросов, больший охват населения на всей территории страны. Нельзя не упомянуть важность данных, собираемых региональными службами занятости. Основной проблемой здесь является практически полное отсутствие таких данных в открытом доступе и недостаточное финансирование деятельности этих служб. В современных российских реалиях необходимо провести серьезную работу по внедрению механизма, через который результаты оценок эффективности будут влиять на деятельность органов власти, что, на наш взгляд, окажет существенное влияние на реализацию конституционного права на защиту от безработицы [2].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кибанов А. Я. Управление трудовыми ресурсами: учебник / А.Я. Кибанов, Е.А. Митрофанова, И.А. Эсаулова; под ред. А.Я. Кибанова. - М.: ИНФРА-М, 2009. - 284 с.
2. Мартынова А.П. Методологические подходы и институциональные ограничения оценки эффективности государственных программ / А.П. Мартынова // Актуальные вопросы современной науки. – 2008. – № 4-2. – С.184-210.
3. Плоткина Е.В. Правовые основы механизма реализации конституционного права граждан РФ на защиту от безработицы / Е.В. Плоткина // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 2. – С. 39-42.

4. Соболева Н.А. Социально-правовая защита безработных в России / Н.А. Соболева // Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». – 2013 – URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/231/3068> (дата обращения: 30.03.2015).
5. Организация общественных работ в службах занятости [Электронный ресурс] // Економіка праці. – URL: ekotrud.com (дата обращения: 27.03.2015).
6. Профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование граждан [Электронный ресурс] // Занятость населения Тюменской области. – URL: <http://trud.admtumen.ru/> (дата обращения: 27.03.2015).
7. Размеры основных минимальных социальных гарантий, установленных законодательством Российской Федерации, в соотношении с величиной прожиточного минимума; рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 26.03.2015).
8. Размер пособия по безработице в 2016 году [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. – URL: <http://www.rosmintrud.ru/> (дата обращения: 26.03.2015).
9. Текущие Данные по Занятости Населения в России [Электронный ресурс] // Уровень безработицы в Российской Федерации. – URL: уровень-безработицы.рф (дата обращения: 24.03.2015).

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИНЫ В НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

И.А. Михайленко,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
iramikhailenko@gmail.com
Научный руководитель:
О.Г. Геймур,
доцент кафедры административного
и финансового права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук

Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность по уплате законно установленных налогов и сборов [1]. Согласно статистике налоги составляют около 60 % доходов консолидированного бюджета Российской Федерации. Они обеспечивают возможность эффективного функционирования государства и муниципальных образований. Однако по данным Росстата, на 1 января 2014 года задолженность по налоговым платежам и сборам в консолидированный бюджет Российской Федерации составила 770,3 млрд. руб., по состоянию на 1 марта 2015 года - 847,5 млрд. руб. [2].

Любое налоговое правонарушение посягает на важные общественные ценности, наносит вред либо создает угрозу причинения вреда интересам общества и государства. Одной из тенденций развития современной налоговой системы России является ее криминализация, рост масштабов налоговой преступности.

Невозможно переоценить значение вопроса ответственности в налоговых правонарушениях. В условиях несовершенного законодательства, подверженного частым изменениям, никто не застрахован от возникновения спорных ситуаций с налоговыми органами, ошибок, которые чаще всего возникают из-за различного толкования норм права налоговыми органами и налогоплательщиками. При привлечении налогоплательщика к ответственности за совершение налогового правонарушения происходит столкновение интересов государства и налогоплательщика. Необходимо справедливо отметить, что соединение в руках налоговых органов фискальной и контрольной функции зачастую является причиной ущемления прав налогоплательщиков. Именно поэтому важно защитить налогоплательщика от привлечения к ответственности при отсутствии вины.

В институте ответственности за налоговые правонарушения вопросы вины являются наиболее дискуссионными. Косвенно или прямо каждого налогоплательщика затрагивают проблемы вины в налоговом праве. Несмотря на то, что в уголовном праве вина, как основание ответственности достаточно полно изучена, в процессе переноса института вины из уголовной в налоговую сферу у правоприменителя возникают определенные трудности, что подтверждается, в том числе, встречающимися диаметрально противоположными позициями судов по данной проблеме.

Отсутствие единой правоприменительной практики при определении вины в налоговых правонарушениях, в сочетании со сложностью, пробельностью, динамичностью норм налогового права определяют актуальность данного исследования.

Вина – психическое отношение человека к совершаемому им деянию. Волю и сознание (интеллект) можно рассматривать как составные элементы вины, проявленные в конкретном правонарушении. Именно различные комбинации сознания и воли образуют различные формы вины, обуславливают содержание вины. Говоря об интеллектуальной составляющей вины, необходимо подчеркнуть, что лицо должно осознавать объект правонарушения, характер совершаемого деяния и в случае, когда состав правонарушения является материальным, должно предвидеть последствия. Воля – это практическая область сознания, способность лица делать выбор и совершать действия. Виновность выражается в наличии у лица волеизъявления на совершение налогового правонарушения. Говорить о правонарушении можно лишь тогда, когда при наличии реальной возможности выбора поведения, лицо предпочитает совершить неправомерное деяние.

Вина является одним из признаков налогового правонарушения и составляет субъективную сторону его состава. Согласно ст. 109 Налогового кодекса, лицо не может быть привлечено к ответственности за совершение налогового правонарушения при отсутствии вины, что объясняется отсутствием состава правонарушения [3]. Таким образом, объективное вменение запрещено.

Положения Налогового кодекса в части виновности налогоплательщика легко применить к физическим лицам, однако, когда речь идет об организациях, возникают трудности. Можно лишь условно говорить о психическом отношении организации к своим деяниям и наступившим в результате последних последствиям.

Существующие концепции виновности юридического лица в совершении налогового правонарушения можно свести к двум подходам: субъективному и объективному.

Согласно субъективному подходу, вина организации рассматривается с позиции отношения должностных лиц, органов и работников этой организации (т.е. физических лиц) к совершаемому противоправному деянию. В данном случае вина физических и должностных лиц, выступающих от имени организации, проецируется на вину юридического лица. Субъективный подход представлен в работах О.С. Иоффе, Ю.Ю. Колесниченко [4; 137; 5; 81]. Необходимо отметить, что законодатель Великобритании, определяя вину юридического лица, придерживается субъективного подхода [6].

Согласно объективному подходу, вина организации определяется через оценку ее противоправного поведения. Ученые придерживающиеся данной концепции считают, что вину организации необходимо определять как комплекс негативных элементов, характеризующихся дезорганизацией деятельности юридического лица, непринятием им необходимых мер для надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, неприменением требуемых усилий для предупреждения правонарушений и устранения их причин. Данного подхода придерживается В.А. Соловьев [7; 33]. Необходимо отметить, что законодатель Беларуси, определяя вину юридического лица, придерживается объективного подхода [8].

Полемика между сторонниками данных подходов продолжается и сегодня. Эта дискуссия подогревается тем, что в различных нормативно-правовых актах законодатель придерживается разных подходов при определении вины юридического лица.

Согласно действующему Налоговому кодексу вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения [3]. Мы видим, что законодатель придерживается субъективного подхода. На наш взгляд, применение этой конструкции в Налоговом кодексе не оправдано с позиции правовой теории. Данный подход определения вины юридического лица ставит правоприменителя в трудное положение. Законодатель фактически предусмотрел следующий алгоритм установления вины юридического лица: первоначально определяется степень виновности должностных лиц организации и только затем полученные результаты экстраполируются на организацию как таковую [9; 125]. То есть вина юридического лица может быть установлена только в случае, если будет доказана вина его должностного лица либо представителя, деяние которых определили совершение налогового правонарушения. Однако лица, чьи деяния считаются действиями (бездействиями) юридического лица не являются участниками налоговых правоотношений, субъектом которых выступает эта организация. Эти лица связаны с юридическим лицом трудовыми либо гражданско-правовыми отношениями. То есть по смыслу нормы 110 Налогового кодекса вину юридического лица можно рассматривать как вину представителя юридического лица – участника частноправовых отношений, но качество выполнения должностным лицом возложенных на него обязанностей должен определять не государственный орган, а юридическое лицо либо его представитель, как сторона в частноправовом договоре. Более того действующая в гражданском праве презумпция вины правонарушителя идет в противоречие с принципами налогового права. Таким образом, можно сказать, что конструкция вины юридического лица

в налоговом правонарушении неэффективна и не удобна для практического применения, вызывает множество трудностей у правоприменителя. Так, не сходятся позиции судов по вопросу определения вины налогоплательщика за неуплату налога, в случае если налоговая инспекция при проведении выездной налоговой проверки не производила начисления налога по подобному эпизоду. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.07.2007 по делу № А26-4514/2006-211 устанавливает, что если налоговый орган в течение длительного времени при проведении налоговых проверок не информировал общество о необходимости уплаты земельного налога, нормы подпункта 3 пункта 1 статьи 111 Налогового кодекса Российской Федерации не подлежат применению [10]. В то же время Федеральный арбитражный суд Поволжского округа делает иной вывод. В постановлении от 23.01.2007 по делу № А55-3823/2006-10 Федеральный арбитражный суд Поволжского округа признал результаты налоговой проверки за предыдущие периоды письменными подтверждениями налогового органа о правомерности исчисления и уплаты земельного налога, исключаящими в силу статьи 111 Налогового кодекса Российской Федерации вину общества в совершении налогового правонарушения - занижении земельного налога [11].

Видится необходимым при определении вины юридического лица за совершение налоговых правонарушений применять комплексный подход к пониманию его вины, включая и объективный, и субъективный критерии, что позволит исключить возможность возложения на юридических лиц ответственности без вины, а также решит проблемы, возникающие при использовании субъективного и объективного подходов, позволит преодолеть их слабые стороны. В этом случае вина юридического лица определяется в зависимости от вины его должностного лица либо представителя, действия (бездействия) которых послужили причиной совершения налогового правонарушения (данные положения составляют субъективный критерий). Однако если будет установлено, что должностное лицо либо представитель юридического лица при совершении правонарушения вышел за пределы своих должностных полномочий или нарушил нормы закона в своих корыстных целях, используя свое должностное положение, и при этом сама организация не заинтересована в нарушении норм законодательства и не получает от этого никакой выгоды, то субъективный критерий перестает действовать. В этой ситуации вина юридического лица исключается. Считается, что оно предприняло все зависящие от него меры для предотвращения совершения правонарушения (данные положения составляют объективный критерий).

На наш взгляд необходимо выработать общий межотраслевой подход к определению вины юридического лица, что позволит устранить существующие в нормативно-правовых актах коллизии и привести к единообразию правоприменительную практику. П.4 ст. 110 Налогового кодекса изложить в следующей редакции: «Вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины его должностных лиц (представителей), имеющих возможность для соблюдения норм, за нарушение которых настоящим Кодексом предусмотрена ответственность, но которые не приняли всех зависящих от них мер по их соблюдению. Вина организации в совершении налогового правонарушения исключается, если будет установлено, что организация не заинтересована в нарушении ее должностным лицом (представителем) норм настоящего Кодекса и не получает от этого выгоды, а должностные лица (представители) организации, деяние которых обусловили совершение налогового правонарушения, вышли за пределы своих полномочий либо использовали свое должностное положение для достижения собственных корыстных целей».

Таким образом, сегодня проблема вины в налоговых правонарушениях не достаточно урегулирована, что приводит к различному толкованию правоприменителями норм законодательства о налогах и сборах. В развивающееся налоговое законодательство необходимо внести определенные корректировки, чтобы наиболее полно обеспечить правовую защиту законных прав и интересов налогоплательщиков.

Библиографический список:

- 1 Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 21.07.2014. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Данные Федеральной службы государственной статистики. Раздел Финансы [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: сайт. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance/# (дата обращения: 05.03.2015).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ: по сост. на 01.01.2015. // Российская газета — 1998. — № 148-149.
4. Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. — М.: Юридическая литература, 1975. — 880 с.
5. Колесниченко Ю.Ю. Некоторые аспекты вины юридических лиц / Ю.Ю. Колесниченко // Журнал российского права. — 2003. — №1. — С. 76–81.

6. Taxes Management Act 1970. [Электронный ресурс] // The UK general commissioners: сайт. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1970/9/contents/enacted> (дата обращения: 05.03.2015).

7. Соловьев В.А. Вина и налоговая ответственность организаций / В.А. Соловьев // Хозяйство и право. — 2000. — № 6. — С. 31- 42.

8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21.04.2003 г. № 194-З: по сост. на 10.01.2015 [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [сайт]. – URL: http://etalonline.by/?type=text®num=Нк0300194#load_text_none_1_ (дата обращения 05.03.2015).

9. Князева О.Н. Ответственность юридического лица за совершение налогового правонарушения. / О.Н. Князева, А. М. Гольм // Современные научные исследования: теория, методология, практика. — 2012. — № 2. — С. 122-127.

10. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.07.2007 по делу № А26-4514/2006-211 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.03.2015).

11. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 23.01.2007 по делу № А55-3823/2006-10 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.03.2015).

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**И.В. Михалькевич,
студентка УО ГрГУ им. Янки Купалы,
специальность «Правоведение»
mokeri@mail.ru**

**Научный руководитель:
Р.Г. Зорин,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент**

В связи с кардинальными изменениями в экономике, политике, праве в начале 90-х гг. XX столетия, в Республике Беларусь в своей Конституции от 15 марта 1994 года в ст. 6 провозгласила принцип разделения властей [1]. Мы считаем, что в правовом государстве (каковым является наша республика) именно судебная власть является институтом, обеспечивающим правопорядок и стабильность в обществе. Именно судебная власть должна гарантировать обеспечение конституционных прав и свобод личности, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства.

Проблема судебного контроля в уголовном процессе Республики Беларусь многогранная. Прежде всего это связано с тем, что любая разновидность контроля со стороны судебных учреждений не есть разрешение имеющегося по делу обвинения по существу. Такой контроль есть другая, вспомогательная по отношению к правосудию, форма осуществления судебной власти.

По мнению И.Л. Петрухина, судебный контроль – элемент правосудия, поскольку судья, выдавая решение на право производства следственных действий, хотя и осуществляет судебские функции, разрешает конкретный процессуальный вопрос, но все-таки не разрешает дело в целом [2, с. 13].

«Судебный контроль на досудебных стадиях, – пишет О.В. Химичева, - представляет собой, с одной стороны, самостоятельное направление судебной власти, отличное от правосудия по уголовным делам, а с другой стороны – самостоятельную уголовно-процессуальную функцию, осуществляемую на досудебном производстве» [3, с. 27]. К числу ее сторонников можно отнести З.З. Зинатуллина и В.В. Зезенова, которые полагают, что судебный контроль есть отличное от правосудия проявление судебной власти [4, с. 19-20].

Нам представляется, что судебный контроль есть самостоятельное направление судебной власти в Республике Беларусь, которое проявляется в своей взаимосвязи с осуществлением судами правосудия. Также мы согласны со сложившимся в науке мнением о том, что осуществляя правосудие, суды в первую

очередь, выполняют процессуальную функцию разрешения дела, в чем и заключается их основное предназначение, а рассматриваемая нами судебно-контрольная деятельность всегда отделена по времени от того этапа, на котором вершится.

Не стоит забывать, что провозглашение Республики Беларусь правовым государством предполагало создание эффективного механизма защиты прав и свобод человека и гражданина во всех сферах общественной жизни. А как известно, именно предварительное расследование сопряжено с возможностями достаточно широкого ограничения прав граждан органами нашего государства, в силу чего нуждается в особых гарантиях, предотвращающих произвольное их ущемление. Одним из гарантов должна стать судебная власть, обеспечивающая защиту прав участников процесса в различных формах, в том числе и посредством судебного контроля за предварительным расследованием.

В сфере уголовного судопроизводства в Республике Беларусь это проявляется в расширении полномочий суда по контролю за решениями и действиями государственных органов и должностных лиц в ходе предварительного расследования. Несомненно, необходимо дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства по сути, месту, формам и пределам судебного контроля на стадии предварительного расследования.

Определенного внимания заслуживает вопрос о соотношении прокурорского надзора и судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса Республики Беларусь. Так, в теории уголовного процесса Республики Беларусь (да и в других странах) до настоящего времени не сложилась однозначная позиция о роли судебного контроля и прокурорского надзора на досудебном производстве.

Как известно, контроль подразумевает под собой проверку либо наблюдение с целью проверки: «проверить» – значит удостовериться в правильности чего-нибудь [5, с. 525]. Надзор – это система формальных и неформальных способов обнаружения нежелательных поступков поведения. Также надзор – это одна из форм деятельности различных государственных органов по обеспечению законности [6]. Как видим, в обыденном понимании слова "надзор" и "контроль" отождествляются. Но в юриспруденции этими терминами обозначаются не только различающиеся между собой понятия, но и разные явления, государственные функции и правовые институты. Таким образом, несмотря на то, что данные термины очень близки по своему значению, тем не менее, некоторые различия в их содержании все же имеются. Во-первых, контроль – это выполнение отдельных проверочных полномочий, а надзор, в свою очередь, представляет собой постоянно осуществляемую деятельность субъекта. Так, проанализировав ст. 34 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь можно прийти к выводу о том, что прокурор реализует свои полномочия непрерывно на всех стадиях процесса [7]. Во-вторых, в ходе контроля соответствующий субъект принимает на себя ответственность за проверяемые решения (к примеру, судебное решение о производстве следственных действий), а в ходе надзора этого не происходит. В-третьих, в соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре», в ходе надзора уголовно-процессуальная деятельность проверяется лишь на соответствие закону [8], тогда как сфера контроля лишена каких-либо ограничений. Таким образом, при контроле проверке подвергается также оценка качества уголовно-процессуальной деятельности.

Но не стоит забывать о том, что с расширением судебного контроля, возможно, будет происходить определенное вытеснение прокурорского надзора на досудебном производстве. Так, по мнению Д.Н. Козака со временем необходимо отказаться от прокурорской модели и перейти к судебной модели контроля за ограничением свободы и личной неприкосновенности преследуемого в уголовном порядке лица [9, с.14]. Нам же представляется, что данная позиция является весьма категоричной. По нашему мнению, применительно к уголовному процессу Республики Беларусь, с расширением судебного контроля появится возможность двойного наблюдения, двойной проверки за соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина на досудебных стадиях уголовного процесса. И на наш взгляд это не является отрицательным явлением.

Заслуживает внимания также вопрос определения предмета судебного контроля. В различных странах по-разному определяется предмет судебного контроля. Вопрос о том, какие из всего круга предусмотренных законом процессуальных действий и решений должны составлять его предмет в уголовном процессе, неоднократно подлежал рассмотрению, в том числе и на уровне кандидатских и докторских диссертаций, монографий [10, с. 43–60; 11, с. 96–124]. Вместе с тем единого подхода к определению границ и пределов деятельности суда на стадиях возбуждения и предварительного расследования уголовных дел выработано не было.

Можно констатировать, что в качестве одной из основных гарантий реализации обеспечения законности в деятельности органов, ведущих уголовный процесс, выступает именно судебный контроль. Однако, в Республике Беларусь предмет его весьма ограничен. Он реализуется лишь в форме последующего судебного контроля [12, с. 241].

Так, судебной проверке подлежат лишь законность и обоснованность задержания, применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста. Кроме того, в судебном порядке рассматриваются и разрешаются жалобы на принудительное помещение лица, не содержащегося под стражей, в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение для производства экспертизы.

Также в соответствии с ч. 2 ст. 139 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в судебном порядке, наряду с прокурором могут быть рассмотрены жалобы на решения органа уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении предварительного расследования уголовного дела, уголовного преследования, об отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам [7]. При этом, как показывает практика, возрастает количество жалоб на приведенные процессуальные решения, которые рассматриваются именно в судебном порядке, причем с каждым годом все большее количество из них удовлетворяется судом. Так, например, если в 2011 году из 121 жалобы на постановления о прекращении предварительного расследования уголовного дела, уголовного преследования было удовлетворено только 34 (28 %), то в 2012 году из 169 жалоб удовлетворено 56 (33,1 %). В первом полугодии 2013 года в 98 случаях обжалования постановления о прекращении производства по уголовному делу, уголовного преследования было удовлетворено 39 (39,8 %) жалоб [13; 14; 15]. Приведенные данные показывают эффективность данного института и свидетельствуют о возможности и необходимости расширения его предмета в досудебном производстве.

Определение пределов контрольной компетенции суда представляется наиболее сложной задачей из всех, возникающих в процессе реализации полномочий в порядке ст. 33 УПК Республики Беларусь. Тем не менее, данный вопрос крайне важен для формирования единой практики судебного контроля.

В науке уголовного процесса единого мнения по данной проблеме за годы действия УПК Республики Беларусь (впрочем как и в Российской Федерации) не сложилось. Ряд исследователей ратуют за всеохватность и «беспробельность» судебного контроля и обосновывают отсутствие необходимости вообще каким-либо образом ограничивать его предмет [16, с. 230].

В заключение хотелось бы отметить следующее:

Исследованию необходимости судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в Республике Беларусь не уделено должное внимание. Отсутствуют монографии, диссертационные исследования, что свидетельствует о пассивности белорусский процессуалистов. Проблема судебного контроля в уголовном процессе Республики Беларусь остается многогранной: в науке не сложилось единого мнения о сущности, содержании, пределах судебного контроля.

В свете изложенного выше, считаем необходимым предложить дальнейшее совершенствование УПК Республики Беларусь по пути усиления контрольных функций суда на досудебных стадиях уголовного процесса Республики Беларусь.

По нашему мнению, законодательного разрешения требует вопрос о перечне следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, для производства которых необходимо судебное решение.

Учитывая тот факт, что пределы судебного контроля ограничиваются определенными законом полномочиями суда, на современном этапе необходимо разумное сочетание в уголовном судопроизводстве различных форм контроля – судебного, прокурорского и ведомственного, при этом ведущая роль в будущем отводится судебному контролю.

Необходимо расширить предмет судебного контроля на досудебном производстве.

Нуждаются в пересмотре и положения ч. 3 ст. 144 УПК относительно участия как подозреваемого (обвиняемого), так и защитника в судебном заседании по проверке законности и обоснованности задержания, заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2010. – 64 с.
2. Петрухин, И.Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием / И.Л. Петрухин // Росс.юстиция. – 1998. – № 9. – С. 12–14.
3. Химичева, О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О.В. Химичева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 288 с.
4. Зинатуллин З.З., Зезянов В.В. Судебная власть и правосудие по уголовным делам: соотношение с судебным контролем / З.З. Зинатуллин, В.В. Зезянов // Росс.судья. – 2005. – № 5. – С. 18–20.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: ООО « А ТЕМП», 2006. – 944 с.

6. Библиотека учебной и научной литературы // [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/novikova_soc/soc_nov42.aspx. - Дата доступа: 17.11.2013.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой Представителей 24 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г.: текст по состоянию на 13 июля 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр.правойинформ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
8. О прокуратуре: Закон Республики, 8 мая 2007 г., № 220-3: в ред. Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 401-3 // Консультант-Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮРСПЕКТР», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
9. Козак, Д.Н. Суд в современном мире: проблемы и перспективы / Д.Н. Козак // Российский судья. – 2001. – № 10. – С. 13–16.
10. Изотова, О. В. Проблемы судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.В. Изотова. – М., 1996. – 176 с.
11. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Н.Н. Ковтун. – Н. Новгород, 2002. – 520 с.
12. Хиревич, М.Л. О некоторых проблемных вопросах законодательной регламентации судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании дел в Республике Беларусь / М.Л. Хиревич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – Вып. 6. – 401 с.
13. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных деле за 2011 г. в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://court.by>. – Дата доступа: 12.02.2015 г.
14. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных деле за 2012 г. в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://court.by>. – Дата доступа: 12.02.2015 г.
15. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных деле за первое полугодие 2013 г. в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://court.by>. – Дата доступа: 12.02.2015 г.
16. Солодилов, А.В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России / А.В. Солодилов. – Томск, 2000. – 268 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЧАСТИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

**Н.А. Мотовилов,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
Cerberus117@yandex.ru
Научный руководитель:
Д.А. Авдеев,
доцент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

16 марта 2014 года в результате всенародного голосования Автономной республики Крым и города Севастополя 96,77% проголосовавших выразили согласие по вопросу присоединения республики Крым к Российской Федерации в качестве ее субъекта Российской Федерации. При этом следует отметить, что референдум состоялся, так как явка избирателей в день голосования составила 83,1%.

17 марта на основании Декларации о независимости Крыма и результатов всенародного голосования Республика Крым была провозглашена как независимое и суверенное государство, а город Севастополь признается как город с особым статусом. Верховный Совет Крыма, как законодательный орган Республики, обратился в ООН с заявлением о признании (рассмотрении) Республики Крым в качестве независимого и вновь провозглашенного государства. Республика Крым в лице своего высшего органа власти

— Государственного Совета Республики Крым также 17 марта обратилась к Российской Федерации с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта с предоставлением Республики Крым статуса республики как субъекта Российской Федерации. В тот же день, учитывая волеизъявление народов Крыма, Президент РФ подписал Указ «О признании Республики Крым». [5]

18 марта 2014 года между Республикой Крым и Российской Федерацией был заключен Международный договор, в соответствии с которым Республика Крым и город Севастополь присоединяются к Российской Федерации и приобретают статусы республики и города федерального значения соответственно. Согласно позиции Конституционного Суда, этот договор является законным и не противоречит Конституции Российской Федерации. Таким образом, впервые субъектный состав Российской Федерации был расширен за счет образования новых субъектов Федерации в результате присоединения части иностранного государства на основании всенародного голосования – референдума.

20 марта Международный Договор был рассмотрен Государственной Думой. 21 марта договор был одобрен Советом Федерации. Договор был ратифицирован парламентом РФ, был принят соответствующий ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя». [4] В данном Федеральном конституционном законе прописываются основные основания и положения действия данного ФКЗ, а также права и свободы граждан республики Крым.

На основании ч. 2 ст. 65, ч.1 ст.137 Конституции Российской Федерации изменения в субъектном составе РФ производятся в соответствии с Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». [3]

В соответствии с этим законом предусматривается, что при принятии в состав РФ в качестве нового субъекта части иностранного государства, этому субъекту предоставляется статус республики, края, области, автономного округа или автономной области. Данное положение прописывается в ч.3 ст.4.

Следует отметить, что приобретение городом Севастополем статуса города федерального значения не предусматривается вышеуказанным федеральным конституционным законом, так как в законе отсутствует регламентация обретения части иностранного государства, в данном случае города Севастополя, статуса города федерального значения при включении в субъектный состав Российской Федерации.

Полагаем, что для рассмотрения особенностей конституционно-правового статуса города Севастополя, необходимо обратиться к его истории, которая поможет раскрыть специфику города Севастополя. Город Севастополь был основан в 1783 году и с момента образования принадлежал Российской империи, а позднее был в составе РСФСР. При этом город Севастополь являлся военно-морской базой СССР и, соответственно, обладал особым статусом, т.к. имел особое геополитическое расположение.

Необходимо иметь в виду, что 29 октября 1948 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Севастополь стал городом республиканского подчинения РСФСР. Этот статус позволял осуществлять двухстороннее финансирование Севастополя – из бюджетов РСФСР и СССР. В 1954 году на основании фактически «волонтаристского» решения Н.С. Хрущева, в нарушении существующей процедуры, Севастополь был передан Украинской ССР в состав Крымской области.

В современной Украине г. Севастополь продолжал иметь особый статус, который регулировался специальным законом Украины. Так, согласно ч.1 ст. 2 Закона Украины «О городе со специальным статусом Севастополь» город Севастополь был административно-территориальной единицей, на территории которой осуществлялись такие функции государства специального характера, как обеспечение размещения и функционирования командования и основной части Военно-морских Сил Украины; обеспечение функций, связанных с временным размещением на территории Севастополя базы Черноморского флота Российской Федерации».

Вышеуказанные обстоятельства, подтверждают особенности политического и военно-стратегического назначения города Севастополя и обуславливают его особый политико-правовой статус, что в свою очередь позволяет говорить об очевидном приобретении городом Севастополем статуса города федерального значения в составе Российской Федерации.

По верному замечанию, И.В. Лексина «перечисленные в ст.4 Закона О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта конституционно-правовые статусы для желающих войти в состав РФ подчеркивают статусное неравенство между субъектами Российской Федерации, а также игнорируют «существование за рубежом населенных пунктов, могущих претендовать на статус городов федерального значения». [7]

Это дает основание утверждать, что отсутствие в федеральном законодательстве возможности приобретения новым субъектом статуса города федерального значения наглядно иллюстрирует его провальность по данному вопросу.

Еще одной проблемой, предусмотренной ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» процедуры является то, что по Международному Договору кроме Российской Федерации и Республики Крым существует третья сторона – город Севастополь. Насколько обоснованно рассматривать город Севастополь равноправной стороной в Международном Договоре? Так, в соответствии с ч.2 ст.4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» принятие части иностранного государства в качестве нового субъекта осуществляется по взаимному согласию Российской Федерации и данного иностранного государства в соответствии с международным договором, заключенным Российской Федерацией с данным иностранным государством.

Таким образом, как нам кажется, присоединение к составу РФ двух новых субъектов Республики Крым и города Севастополя должно было проводиться поочередно, путем двух самостоятельных, но последующих друг за другом процедур. Представляется, что Крым и Севастополь необходимо было присоединить путем двух самостоятельных последовательных процедур, сначала города Севастополь как часть иностранного государства, а затем и Республику Крым в целом. Тогда при принятии каждого нового субъекта в состав РФ должен быть заключен отдельный Международный Договор. Это обеспечило бы соблюдение процедуры, предусмотренной законодательством. Однако учитывая точки зрения таких ученых как В.Б.Евдокимов и Т.А.Тухватуллин, процедура включения в состав Российской Федерации двух новых субъектов Крыма и Севастополя по отдельности заняла бы длительный процесс и является не обязательным. [8]

Следует отметить, Договор о присоединении Крыма до его ратификации Федеральным Собранием РФ носил временный характер. Между тем некоторые его статьи, в том числе о дате вхождения Республики Крым и Севастополя в состав России, о новых государственных границах РФ и гражданстве проживающих на новых российских территориях, носят постоянный и неотменяемый характер. Однако, по мнению Председателя КС РФ, никаких правовых нарушений нет и в этом случае. В соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров любое государство может запустить временное исполнение договора до его официальной ратификации, если это не противоречит соблюдению прав человека. [1]

Следует также отметить, что в конституционной практике современной России Конституционный Суд Российской Федерации по запросу главы государства впервые рассматривал нератифицированный международный договор о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта на предмет его соответствия Конституции Российской Федерации. Значит, процедура принятия в состав РФ нового субъекта еще не достаточно опробована, но в связи с особой ситуацией и историческими данными, в целом верна.

На данный момент вопросы о законности решения имеют место, но вопрос приоритета действий правовых норма, в силу ч.4 ст.15 Конституции РФ, однозначно решается в пользу Международного Договора. Поэтому несоответствие ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» Международному договору по сути представляет собой практический пример приоритета действия международного договора над российским законодательством. Соответственно, федеральному законодательству надлежит привести нормы закона в соответствие с действующим международным договором. Это главный вопрос к законодательству, который необходимо решать, устранив его несовершенство.

С юридической точки зрения рассматриваемый международный договор также не совершенен. В соответствии с ч.1 ст.1 Договора Республика Крым считается принятой в Российскую Федерацию с даты подписания настоящего Договора. [2] Однако дата подписания договора не совпадает с датой принятия в состав РФ нового субъекта, поскольку Договор должен пройти ратификацию парламентом, а также парламент принимает соответствующий ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», посредством которого вносятся изменения в Конституцию РФ, в частности в ст.65 и без которого невозможна реализация процедуры принятия нового субъекта. Поэтому, к ч.2 ст.1 Договора, где закреплено, что принятие Республики Крым в Российскую Федерацию осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, настоящим Договором, Федеральным конституционным законом «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» и федеральным конституционным законом о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым, есть небольшой вопрос, почему возникла подобная фикция когда ФКЗ еще не принят, а субъект уже находится в составе Российской Федерации? ФКЗ фактически был принят через 3 дня после подписания Договора. Поэтому и в Договоре ФКЗ о принятии Крыма необходимо было оговорить как правовой акт, который подлежит рассмотрению Федеральным Собранием России и в случае его принятия составит одну из правовых основ рассматриваемой процедуры.

В заключении необходимо отметить, что Международный Договор, заключенный между Российской Федерацией и Республикой Крым с юридической точки зрения не безупречен. И в дальнейшем процедуру изменения в субъектном составе Российской Федерации необходимо проводить в соответствии с

Конституцией РФ и соответствующим ФКЗ о принятии в состав РФ новых субъектов. Возможно, опыт с присоединением Республики Крым в состав Российской Федерации поможет в дальнейшем избежать ошибок в процедуре заключения подобных Международных договоров. Другим путем разрешения подобных проблем может стать совершенствование законодательства в этой области, в частности исправление проблем связанных с порядком принятия ФКЗ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Венская Конвенция о праве международных договоров // Сборник международных договоров СССР, 1988, выпуск XLII.
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 года
3. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ, 2001, № 52 (1 ч.), ст. 4916.
4. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ, 2014, № 12, ст. 1201.
5. Указ Президента РФ от 17.марта .2014 «О признании Республики Крым» // Собрание законодательства РФ, 2014, № 12, ст. 1259.
6. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2011 года // Вестник Конституционного суда РФ, 2011, № 1.
7. Лексин И.В. Территориальное устройство России: конституционно-правовые проблемы. М., 2014. С.315.
8. Евдакимов В.Б., Тухватуллин Т.А. Принятие Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации / В.Б.Евдокимов // Государственная власть и местное самоуправление. -2014.-№6.- С. 36-42.

ПРАВА УЧИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Е.К. Нелаева,
ученица МАОУ лицей №34
evgenia.nelaeva@yandex.ru
Научный руководитель:
С.И. Шубенина,
учитель истории и обществознания
МАОУ лицей №34

Профессия учителя – одна из важнейших в современном мире. От его работы зависит будущее всего человечества. Профессиональный педагог - это единственный человек, который большую часть своей жизни занимается воспитанием и обучением детей. Педагог, учитель – это те слова, которые мы привыкли употреблять как синонимы.

В «Толковом словаре» В. Даля слово «учитель» определено как наставник, преподаватель. Уже в словаре показывают роль учителя- передача накопленных человечеством знаний. Кроме этого именно с учителем ребенок проводит больше времени в самый сложный переходный возрастной период. Важность профессии учителя доказана временем, но именно со временем проходят и метаморфозы связанные со статусно-правовым положением учителя. В современном общеобразовательном учреждении права учителя- это самая уязвимая тема, так как этих прав по сравнению с учениками мало.

Целью нашей работы является обобщение прав учителя в современной школе.

Права учителя, как работника и как личности в современной школе должны быть юридически глубже обозначены и более доступны для изучения всеми субъектами образовательного процесса.

При написании работы мы использовали разные юридические источники. Основным оказались ФЗ «Об образовании» и должностные инструкции общеобразовательных учреждений, в которых прав у учителя очень мало, по сравнению с обязанностями.

Теоретическая новизна работы заключается в обобщении и объединении найденных из разных источников прав учителя.

Практическая новизна работы в том, что собранный материал может быть использован во всех общеобразовательных учреждениях.

Право человека на труд является одним из самых принципиальных, а способы его реализации в значительной степени характеризуют уровень развития общества. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. Однако при этом интересы работодателя и нанимаемого им работника не всегда совпадают, поэтому возможно столкновение этих интересов на любой стадии существования трудовых отношений.

Права учителя как работника – это самая уязвимая часть любого трудового договора, так как в современной школе права ребенка расширены до анархических пределов. Чтобы не быть голословными мы закинули вопрос «Есть ли права у современного учителя?» на Интернет – форум. Некоторые ответы мы приводим для примера:

валерий иванов Мыслитель В современной школе учитель бесправный...Никаких прав у него нет и вряд ли в скором времени будут...А дети знают это и потому изгаляются кто как может...

Magica Мыслитель на достойную зарплату право имеет, а глумиться над учениками - нет

Аленочка Профи Ни на что не имеет, только рассказывать свои бредни ну и оценивать, конечно, только ОБЪЕКТИВНО!!

Vendetta Ученик есть должностные инструкции там все подробно записано. И есть устав школы там тоже все оговаривается и требования к ученикам в том числе. Не имеет права кричать на детей.

Бымбымбым Знаток Думать не надо. Есть требования к преподавательскому составу общеобразовательной школы. Там все прописано. Экземпляры хранятся у директора школы, а также в РайОНО

Afina Мастер О каких правах речь идёт? Им то всё- равно, главное чтоб детей довести до матов на уроке!

Светлана Романова Мудрец Есть должностная инструкция, есть этика, есть просто воспитанность. Но вопрос поставлен односторонне. Ответ учителя может быть адекватен действиям ученика. Потому что учитель тоже имеет право на защиту, в том числе чести и достоинства. А у ученика есть устав школы, правила для учащихся.

Анализ ответов показывает неоднозначность отношения к правам учителя. Нам на форуме ответили 143 человека, из них 72% респондентов считают, что прав у современного учителя нет, и не может быть. Многие написали, что образование – это сфера услуг, а у «официантов прав мало». Из анализа ответов определилось четкое выделение группы учителей- стажистов, которые сравнивают советскую школу с российской и обращают внимание на то, что сейчас надо поднимать вопросы прав учителей, так как это может привести к лучшим взаимодействиям субъектов образования.

Еще можно выделить группу респондентов- родителей, которые негативно относятся к обсуждению прав учителя в современной школе, так как считают, что учителя издеваются над детьми «и управы на них не найдешь».

Мы познакомимся с типовыми должностными инструкциями учителя, в которых говорится о том, как учитель назначается, кому подчиняется, какие функции и обязанности должен выполнять. Выдержка о правах учителя:

«Учитель имеет право в пределах своей компетенции:

4.1. вносить заместителю директора по УВР предложения по формированию и изменению образовательных программ и их учебно-методическому обеспечению;

4.2. участвовать в работе методических объединений, творческих групп (в том числе инициировать создание таких групп);

4.3. запрашивать у заместителя директора, курирующего школьный ПМПк, документы медицинского, педагогического, психологического и социального характера на обучающихся и использовать их в работе с разрешения заместителя директора;

4.4. участвовать в управлении школой в порядке, определенном локальными актами школы».

О гражданских правах- защите чести и достоинства от оскорблений родителей и учащихся не написано ничего. Мы нашли противоречие, которое складывалось последние двадцать лет: на учителя смотрят как на работника, но не как на личность. Значит к трудовому договору, должностным обязанностям в школах должны появиться стенды или буклеты о защите учителя как личности, тогда возможно, не будет противоречий возникающих в обществе и раздуваемых средствами массовой информации. Мы проанализировали юридические документы и обобщили их в таблице.

Права учителя на:

Защиту профессиональной чести и достоинства Закон РФ «Об образовании, ст. 55 п. 1, Типовое положение об общеобразовательном учреждении (утв. постановлением Правительства РФ от 19 марта 2001 г. № 196) п. 64

Защиту человеческого достоинства Конституция РФ, ст. 23 п. 1

Участие в управлении школой в соответствии с Уставом школы Типовое положение об общеобразовательном учреждении (утв. постановлением Правительства РФ от 19 марта 2001 г. № 196) п. 64

Высказывание в корректной форме (устно или письменно) критических замечаний о деятельности любого работника школы или системы образования, а также претензий и замечаний к ребенку в деликатной форме.

Условия для осуществления учебно-воспитательного процесса, получение рабочего места, оборудованного в соответствии с санитарно-гигиеническими нормами и нормами охраны труда, снабженного необходимыми пособиями Типовое положение об общеобразовательном учреждении, п. 57

Трудовой кодекс РФ, ст. 22

Выдвижение своей кандидатуры на любую выборную должность в педагогическом коллективе.

Типовое положение об общеобразовательном учреждении (утв. постановлением Правительства РФ от 19 марта 2001 г. № 196) п. 64

Свободу выбора и использования методик обучения и воспитания, учебных пособий и материалов, учебников. Рекомендация ЮНЕСКО от 05.10.1966 г. «О положении учителей», п.п.35, 65; Закон РФ «Об образовании, ст. 55 п. 4, ст. 14,

Свободу выбора методов оценки знаний учащихся Рекомендация ЮНЕСКО от 05.10.1966 г. «О положении учителей», п. 65; Закон РФ «Об образовании, ст. 55 п. 4, Типовое положение об общеобразовательном учреждении (утв. постановлением Правительства РФ от 19 марта 2001 г. № 196) п. 65

Установление требований к поведению учащихся на занятиях. Конвенция о правах ребенка, ст. 3, 19

Конфиденциальность дисциплинарного расследования, за исключением случаев, ведущих к запрещению заниматься педагогической деятельностью, в том числе при необходимости защиты интересов обучающихся; знакомится с жалобами и другими документами, содержащими оценку его работы, и предоставление по ним объяснений Рекомендация ЮНЕСКО от 05.10.1966 г. «О положении учителей», п.п.39, 46,47,50,68; Закон РФ «Об образовании, ст. 55 п. 3

Творчество, инициативу в освоении образовательных и развивающих программ Рекомендация ЮНЕСКО от 05.10.1966 г. «О положении учителей», п. 61; Закон РФ «Об образовании, ст. 55 п. 4,

Обращение индивидуально или в составе группы лиц к уполномоченному по правам участников образовательного процесса, а также в любые вышестоящие инстанции с заявлениями, предложениями, жалобами. Рекомендация ЮНЕСКО от 05.10.1966 г. «О положении учителей», п. 50; Конституция РФ ст. 33, Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» ст. 2 п. 1

Отгулы за работу в выходные и праздничные дни, оплату труда в нерабочие дни в двойном размере Трудовой кодекс РФ, ст. 153

Защиту от неоправданного вмешательства родителей (законных представителей) учащегося в круг профессиональных обязанностей учителя. Рекомендация ЮНЕСКО от 05.10.1966 г. «О положении учителей», п. 67

Все права учителя можно разделить по направлениям: личные права, свобода преподавания (выбор методики, технологии и т.д.), права возникающие приобщении с учащимися и родителями.

Из всех перечисленных прав у нас получилась памятка учителю:

Учитель имеет право:

1. На защиту профессиональной чести и достоинства.
2. На свободу совести.
3. Высказывать (устно или письменно) в корректной форме без нарушения правового пространства учителя критические замечания о деятельности любого работника школы или системы образования.
4. Обращаться индивидуально или в составе группы лиц в любые вышестоящие инстанции с заявлениями, предложениями, жалобами.
5. Требовать у администрации школы создания условий для осуществления учебно-воспитательного процесса, получение рабочего места, оборудованного в соответствии с санитарно-гигиеническими нормами и нормами охраны труда, снабженного необходимыми пособиями иными материалами
6. На защиту человеческого достоинства, если оно нарушено со стороны администрации, родителей учащегося или ученика.

7. Знать о замене уроков заранее.
8. На отгулы за работу в выходные дни (количество отгулов определяют директор школы и профсоюзный комитет).
9. Требовать от родителей создания нормальных условий для учебы ребенка дома (рабочее место, режим дня).
10. Требовать от родителей посещения родительских собраний.
11. На защиту от неоправданного вмешательства родителей в круг профессиональных обязанностей учителя.
12. На творчество, инициативу в освоении образовательных и развивающих программ.
13. Требовать от учащегося соблюдения Правил школьной жизни, уважения к традициям учебного учреждения.
14. Приобщать учащихся к ведению здорового образа жизни.
15. Приобщать учащихся к трудолюбию, через добровольное участие в субботниках и генеральных уборках помещений для обучения

С этой памяткой мы познакомили учителей нашего лицея(26 человек). Они отнеслись к ней очень положительно, но сказали, что ее можно еще дорабатывать и эта работа требует времени и осмысления.

Таким образом, поставленные перед нами цель и задачи мы выполнили. Мы подняли проблему прав учителей в современной школе, проанализировали юридическую литературу, выявили противоречие, создали памятку.

Пока что выходом из правового нигилизма является разумная позиция администрации школы, которая часто, прикрывает и защищает педагогов своим авторитетом. Однако – увы – это могут позволить себе только немногие школы, имеющие определенный авторитет. В остальных же педагоги, стелая, жалуются, а возможно, и отрывая время от преподавания, – вынуждены испытывать бесконечные нарушения своих прав.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ).
2. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31.
3. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» ст. 2 п. 1
- 4.Рекомендация ЮНЕСКО от 05.10.1966 г. «О положении учителей»
- 5.Типовое положение об общеобразовательном учреждении (утв.постановлением Правительства РФ от 19 марта 2001 г. № 196) п. 64

ПРОБЛЕМЫ РАВНОПРАВИА ГРАЖДАН ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ (ГРАЖДАНСКУЮ) СЛУЖБУ: ОГРАНИЧЕНИЯ ИЛИ ДОПУСТИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ?

**С.Ю. Нифантьев,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
nifantiev_sergey@mail.ru
Научный руководитель:**

**Д.А.Авдеев,
доцент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

Специфика государственной (гражданской) службы в Российской Федерации, представляющей собой профессиональную деятельность физических лиц (граждан), детерминирует своего рода особый правовой статус государственных служащих в рамках трудовых отношений. Известно, что «традиционно в отношении государственных служащих законодательством устанавливаются специальные правила (изъятия из общих правил), обусловленные целями и задачами публичной службы» [8; 52]. Так, государство регламентирует не только порядок поступления на государственную службу и её прохождение, но и может устанавливать особые требования к кандидатурам на соответствующие должности. В связи с этим становится необходимым уделять внимание аспекту, касающемуся пределов ограничительных требований к лицам, желающим и имеющим право поступить на государственную службу, а также критериев, на основе которых они должны выделяться. В связи с этим вопрос о равноправии граждан при поступлении на государственную службу приобретает существенное значение с точки зрения конституционности тех или иных изменений, вносимых законодателем.

По мере формирования и последующего развития законодательства, регулирующего эту деятельность, обозначилась проблема ограничения прав и свобод граждан, поступающих или уже состоящих на государственной службе. На современном этапе рассматриваемая проблема не утратила актуальности в связи с попытками законодателя различными способами «элитизировать» и популяризировать государственную (гражданскую) службу и всё чаще ассоциируемую с ней военную.

Однако необходимо отметить, что в соответствии с ч.4 ст.32 Конституцией РФ граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе, в связи с чем любого рода дискриминация не является допустимой по отношению к лицам, имеющим право стать государственными служащими. Такое положение Конституции РФ имеет принципиально важный характер, поскольку именно через государственную службу граждане могут реализовывать свое право на управление делами государства (ч.1 ст.32). Правовой статус лица, поступающего на государственную (гражданскую) службу, – это ничто иное, как существенный показатель фактической реализации свободы личности и её аксиологической значимости в обществе, закрепляемой различными отраслями права.

Так, наиболее ярким примером проявления ущемления прав граждан в данной сфере профессиональной деятельности явилось принятие Федерального закона от 2 июля 2013 года № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» [3]. Данный закон официально закрепил пожизненный запрет на поступление на государственную (гражданскую) службу лицам, признанным призывной комиссией «не прошедшими военную службу по неуважительной причине».

Принятие данного закона вызвало массу споров как юридического, так и морально-этического характера, а высказываемые экспертами мнения зачастую носят диаметрально противоположный характер. По мнению вице-премьера Д.О. Рогозина, «тот, кто не служил в армии, кто уклонялся от службы, не должен иметь право занимать должности на госслужбе» [9], и эта позиция символизирует своего рода солидарность Правительства РФ с предложенными Президентом изменениями. Однако принимаемое ограничение, на наш взгляд, не соответствует норме Конституции. По верному замечанию председателя специализированной коллегии адвокатов «Призывник» А. Чаплыгина, эта «мера абсолютно репрессивная и нерациональная. Она вводит ответственность без вины. Были приговоры суда в отношении граждан,

уклоняющихся от призыва — это уголовно-правовая категория. Сейчас речь идет о гражданах, не прошедших военную службу без уважительных причин. Здесь нужны совершенно другие основания» [10]. И действительно, поскольку цель законопроекта выразилась в повышении «престижа военной службы», то необходимы веские причины, чтобы в рамках её достижения налагать ограничения на некоторые категории граждан в рамках поступления их на государственную службу. В связи с этим рассмотрим данный вопрос с точки зрения его юридической составляющей.

Предусмотренная п.1.1 ст.28 Федерального закона от 23 марта 1998 года №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [4] поправка, фактически лишила граждан, не прошедших военную службу, возможности стать госслужащими (исключение составили случаи, когда гражданин имел на законные основания, предусмотренные законодательством Российской Федерации). При этом необходимо особо подчеркнуть, что налагаемое ограничение носит бессрочный (пожизненный) характер, как по отношению к лицам, преступившим закон (преступление, предусмотренное ст. 328 УК РФ) [2], так и к тем, кто не смог попасть в армию в связи с уже выполненным планом призыва – последствия для указанных категорий одинаковы. И в этом кроется существенная недоработка, поскольку одна категория граждан, не совершавшая преступления (т.е. являющаяся невиновной), по сути, уподобляется той, что его совершила. Всё это является серьёзным юридико-техническим недостатком. Так, например, лица, признанные виновными по административным делам, лишаются возможности занимать государственные должности в течение трёх лет, по уголовным делам – пять лет, а что касается так называемых «уклонистов» (в данном случае следует понимать ту категорию граждан, которая была признана призывной комиссией не прошедшей военную службу без законных на то оснований (уважительной причины)), то срок законодателем не регламентируется вообще.

Позиция Конституционного Суда РФ в связи с обращением парламентариев Чеченской республики, в которой продолжительное время существуют проблемы с призывом на срочную службу в армию, была вполне конкретной: признать пункт 1 статьи 3 Федерального закона от 2 июля 2013 года № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 32 (часть 4), 37 (часть 1) и 55 (части 2 и 3), в той мере, в какой содержащееся в нем положение предполагает установление бессрочного запрета на замещение должностей государственной гражданской службы для граждан, признанных не прошедшими военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии [7].

Тем не менее попытка включения такого рода бессрочного ограничения в действующее законодательство, как нам кажется, свидетельствует о поспешном решении законодателя, так как среди так называемых «уклонистов» могут находиться высококвалифицированные специалисты, в коих есть потребность на государственной (гражданской) службе. Однако, стремясь повысить мотивацию граждан призывного возраста к прохождению военной службы, данный аспект, вероятно, ненамеренно, но всё же игнорируется законодателем, что в перспективе, по нашему мнению, может иметь неблагоприятные последствия. В том числе изменения претерпел и Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в котором появился соответствующий пп.11, п.1 ст.16 об «уклонистах» [5]. Аналогичные изменения (см. пп.10 п.1 ст.13) коснулись и Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [6]. Из чего следует, что наличествует двойной запрет для формально неопределённого круга лиц занимать должности как на государственной, так и на муниципальной службе. Более того, имеет место юридическая коллизия: действие установленной правовой нормы распространилось не только на тех граждан, которые хотят поступить на государственную службу, но и на тех, кто уже на ней состоит. Однако в соответствии с ч.1 ст.54 Конституции РФ закон не имеет обратной силы (за исключением некоторых случаев, среди которых рассматриваемого, по нашему мнению, быть не должно), но в данной ситуации очевидно ухудшение правового положения чиновников в связи вносимым «нововведением». Каким образом это может поспособствовать «повышению престижа» военной службы, нанося вполне явный ущерб государственной (гражданской) службе, остаётся не совсем понятным.

Говоря о пределах ограничения прав граждан в сфере государственной службы, в первую очередь, необходимо учитывать такой критерий как целесообразность. Международное право допускает установление тех или иных запретов и ограничений: в соответствии с ч. 2 ст. 29 при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [1]. Следовательно, такое ограничение должно носить адекватный и обоснованный характер. Ущемление прав гражданина противоречит идее правового государства, коим

является Россия, в связи с чем необходимо искать компромиссные методы повышения заинтересованности граждан в прохождении военной службы, их патриотического воспитания, не угнетая при этом их конституционных прав и свобод.

Таким образом, установление тех или иных ограничений федеральным законодателем к государственным служащим должно иметь мотивированный, ценностно-ориентированный, законный характер и не влечь за собой дисквалифицирующее воздействие на те или иные категории граждан. По нашему мнению, в данной связи имеет смысл согласиться с позицией Конституционного суда РФ о том, что законодателю следует учитывать все возможные варианты достижения поставленных целей, не только отдавая предпочтение нормам императивного характера: обеспечение реализации указанного требования может осуществляться посредством законодательного установления как преференций при поступлении на государственную службу определенного вида для лиц, прошедших военную службу по призыву с последующим увольнением в запас в установленном порядке, так и ограничений для доступа к ней лиц, не прошедших военную службу по призыву при отсутствии предусмотренных законом оснований для освобождения от исполнения воинской обязанности, призыва на военную службу или отсрочки от призыва [6]. В том числе немаловажную роль в рамках данного вопроса играет и правосознание населения, выражающееся в неукоснительном исполнении законов, соблюдении правопорядка. Этот аспект обусловливается не только знанием законодательства, но и тем, насколько корректно и адекватно те или иные положения законов воспринимаются гражданами. Однако модель результативного правосознания граждан не может быть сформирована при отсутствии соответствующего механизма, обеспечивающего контроль за реализацией конституционных прав и свобод человека и гражданина. Принятие законов, содержащих существенные юридико-технические недостатки, по большому счёту, ведёт к их нивелированию и утрате их авторитета в глазах граждан, поскольку тем самым (на примере пожизненного запрета занимать должности на государственной (гражданской) службе «уклонистам») принцип справедливости, являющийся одним из основополагающих начал правового государства, перестаёт объективироваться. По нашему мнению, необходимо принятие соответствующих программ как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях, с целью повышения эффективности механизмов административно-правовой и судебной защиты права граждан относительно равного доступа к государственной службе. И основным из них должен стать прокурорский надзор за правильным и единообразным исполнением законов, определяющих и закрепляющих правовой статус граждан на различных стадиях обеспечения им равнодоступности государственных должностей.

Таким образом, можно говорить о необходимости дальнейшего пересмотра законодателем выбора тех или иных методов достижения целей, так или иначе связанных с государственной (гражданской) службой, в связи с её особой спецификой как профессиональной трудовой деятельности. По нашему мнению, наиболее уместным является диспозитивный подход, который может быть выражен в ведении своего рода преференций или же особых репутационных требований к кандидатам, не ущемляющих их «стартовые» возможности поступления на соответствующие должности. Также немаловажное значение имеют и последовательная выработка и принятие соответствующих программ, обеспечивающих повышение правового и управленческого уровня граждан и качественный контроль государства за соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина, поскольку именно на их обеспечение в конечном итоге и направлена сама по себе государственная служба в правовом государстве.

Список использованной литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 1998, 10 декабря.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Российская газета, 2013, 10 июля.
4. Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
5. Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
6. Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2014 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 46. Ст. 6424.
8. Орешин С. В. Вопросы государственной службы // Административное право и процесс. - М.: Юрист, 2011. № 2. - С. 52-53.
9. Рогозин: уклонистам от службы в армии могут запретить занимать государственные должности

[Электронный ресурс] // «Газета.Ru» - [сайт]. – URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2012/09/29/n_2549805.shtml, 2012.

10. Уклонистами от армии рискуют стать даже те, кто добровольно явился в военкомат [Электронный ресурс] // «MR7.ru» - [сайт]. – URL: <http://www.mr7.ru/articles/89948>, 2013.

УСЛОВИЯ, ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ СОКРАЩЁННОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Т.В. Подмаско,
студентка УО ГрГУ им. Янки Купалы,
специальность «Правоведение»
podmasko93@mail.ru
Научный руководитель:
Р.Г. Зорин,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент

Необходимым условием успешного развития любого государства является повышение эффективности правосудия. Среди способов, обеспечивающих его достижение, важное место занимают упрощенные виды судопроизводства. Одним из них выступает сокращенный порядок судебного следствия (далее СПСС), который существует в законодательстве Республики Беларусь с введения в действие Уголовно-процессуального кодекса 1999 г. (далее – УПК). Этот порядок заключается в том, что в судебном разбирательстве в случае признания обвиняемым своей вины непосредственное исследование других доказательств не проводится либо проводится не в полном объеме, что существенно сокращает продолжительность судебной процедуры [4].

В Российской Федерации особый порядок судебного следствия (далее ОПСС) начал своё формирование в результате судебной реформы 1864 года, с принятием Устава уголовного судопроизводства, в котором был закреплён институт упрощенного судопроизводства; в статье 681 Устава предусматривалась возможность проведения сокращенного судебного следствия в случае признания вины обвиняемым.

Применение сокращённого порядка судебного следствия в уголовном процессе Республики Беларусь, ставится в зависимости от наличия к этому основания и условий. Условия применения СПСС в РБ классифицируются на материальные и процессуальные. К первым относятся: а) обвиняемый совершил преступление после достижения им 18-летнего возраста; б) ему предъявлено обвинение в преступлении, за которое по закону не может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет или смертная казнь. Процессуальными условиями применения сокращенного порядка являются следующие: а) стороны не оспаривают сделанное обвиняемым признание своей вины; б) стороны не оспаривают доказательства, полученные при производстве предварительного расследования; в) стороны согласны на проведение сокращенного судебного следствия либо не возражают против него. Указанные условия должны быть установлены в совокупности [2, с. 307].

СПСС допускается при отсутствии ограничений, указанных в ч. 2 ст. 326 и ч. 8 ст. 459 УПК Республики Беларусь, если обвиняемый признаёт себя в судебном заседании виновным, а признание им вины не оспаривается сторонами обвинения и защиты и не вызывает у суда сомнений [10].

К видам рассматриваемых действий и решений, при применении СПСС относятся: выяснение отношения обвиняемого к предъявленному обвинению; вынесение постановления об установлении порядка исследования всех доказательств, представленных сторонами; допрос обвиняемого, заявившего о признании своей вины; выяснение отношения сторон к признанию обвиняемого и имеющимся в деле доказательствам; проявление сторонами или судом инициативы по сокращению процедуры исследования доказательств; разъяснение сторонам сущности и последствий применения сокращенного порядка; выяснение

отношения сторон к сокращению процедуры судебного следствия; вынесение постановления о проведении судебного следствия в сокращенном порядке при получении согласия сторон [4, с. 24].

В настоящее время выяснение мнения сторон о возможности проведения судебного следствия в сокращенном порядке происходит непосредственно в судебном заседании. Для этого в нем необходимо обеспечить присутствие всех представителей сторон, что порой бывает достаточно сложно. Однако принятие решения о проведении сокращенной судебной процедуры без учета мнения всех участников процесса нарушает их права и законные интересы [5, с. 328]. Выход из сложившейся ситуации видится в том, чтобы выяснять мнение сторон о возможности проведения сокращенного порядка исследования доказательств до начала судебного заседания – при окончании предварительного расследования и ознакомлении участников процесса с уголовным делом. С этой целью предлагается предусмотреть в УПК, что в случае полного признания обвиняемым своей вины следователь, дознаватель обязаны при уведомлении об окончании производства по уголовному делу разъяснить ему право дать согласие на проведение сокращенного судебного следствия, а другим участникам процесса – право возражать против его проведения. Тогда согласие обвиняемого и прокурора при отсутствии возражений других представителей сторон будет являться необходимым условием для принятия судом в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства решения о рассмотрении уголовного дела с применением сокращенного порядка и не потребует обязательного участия в нем всех представителей сторон [6, с. 29].

Основания, условия и процедура ОПСС регулируются гл. 40 УПК РФ. Российский законодатель определил ряд оснований для реализации подобной процедуры. К их числу ст. 314 УПК Российской Федерации относит: 1) обязательное согласие с этой процедурой государственного или частного обвинителя, а также потерпевшего; 2) обвинение лица в совершении преступления, максимальное наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы [11].

При этом Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации требует соблюдения судом и ряда условий: 1) обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства; 2) ходатайство заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником [7].

Условия, которые необходимы для применения рассматриваемых сокращенных процедур, в обоих государствах несколько различаются. Так, УПК Республики Беларусь запрещает проводить судебное следствие в сокращенном порядке по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних (ч. 2 ст. 326). Необходимо отметить, что в Республике Беларусь согласно ст. 326 УПК РБ решение о проведении судебного следствия в сокращенном порядке может быть принято лишь в судебном заседании после допроса обвиняемого. В Российской Федерации же ходатайство обвиняемого о рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 315 УПК РФ может быть заявлено после окончания предварительного следствия в момент ознакомления с материалами дела или на предварительном слушании. [2].

Таким образом, являясь различными вариантами упрощенного судопроизводства, белорусский СПСС и российский ОПСС обладают многими общими чертами. Имеющиеся отличительные характеристики указанных процедур лишь подчеркивают потенциал для дальнейшего развития данных правовых институтов.

Под правовыми последствиями применения СПСС следует понимать изменения в содержании уголовно-процессуальной деятельности и видах принимаемых решений, которые обусловлены упрощением судебной процедуры исследования доказательств [3, с. 69].

Статья 326 УПК РБ не регламентирует какой вид решения может быть вынесен по итогам рассмотрения дела в СПСС. Вместе с тем анализ других норм закона позволяет утверждать, что таким решением может быть только обвинительный приговор [1]. В качестве правовых последствий применения СПСС в УПК РБ выступают особенности изложения обвинительного приговора, выражающиеся в допустимости составления усеченного варианта его описательно-мотивировочной части. Так, согласно ч. 3 ст. 286 УПК при сокращенном порядке судебного следствия непосредственно исследуются лишь те доказательства, на которые укажут стороны. В этой связи приговор суда может быть основан лишь на доказательствах, которые были исследованы в судебном разбирательстве, а также на доказательствах, полученных при производстве предварительного расследования и не оспоренных в судебном заседании сторонами [10]. Суд вправе в приговоре указать доказательства виновности обвиняемого, не раскрывая их содержания (ч. 4 ст. 360 УПК).

Действующий УПК РБ не устанавливает никаких особенностей назначения наказания обвиняемому, в тех случаях, когда дело было рассмотрено в сокращенном судебном следствии. В то время как во многих странах в качестве одного из правовых последствий применения упрощенного судопроизводства предусмотрено назначение обвиняемому более мягкого наказания. Так, УПК Испании и Эстонии устанавливают уменьшение наказания на одну треть в случае применения процедуры соглашения и альтернативного производства [3, с. 72; 4].

Ещё одним из правовых последствий применения сокращённого порядка судебного следствия в УПК РБ является законодательное ограничение перечня оснований, по которым можно обжаловать или опротестовать приговор, в частности нельзя обжаловать или опротестовать приговор по мотивам односторонности и неполноты судебного следствия [3, с. 72; 4].

Таким образом, в УПК РБ, правовыми последствиями применения СПСС должны являться: 1.

Ограничение пределов судебных прений и видов решений суда; 2. Особенности изложения их описательно-мотивировочной части (т. е. допускается составление усечённого варианта описательно-мотивировочной части приговора; суд вправе также указать доказательства виновности обвиняемого, не раскрывая их содержания); 3. Уменьшение размера назначенного судом наказания; 4. Ограничение перечня оснований для обжалования или опротестования приговора.

Внесение в законодательство указанных изменений будет соответствовать сложившейся судебной практике, и стимулировать надлежащее посткриминальное поведение обвиняемого, тем самым способствуя предупреждению преступлений [8].

Указанные последствия необходимо закрепить в УПК РБ с целью завершения формирования самостоятельного правового института – СПСС и повышения его эффективности в уголовном процессе Республики Беларусь.

Глава 40 УПК Российской Федерации не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются. В соответствии с ч. 7 ст. 316 УПК РФ наказание, назначаемое по результатам проведения особого порядка судебного разбирательства, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания. Статья 317 УПК РФ предусматривает, что приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства, не может быть обжалован в апелляционном и кассационном порядке только в одном случае – ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции [11].

Таким образом к правовым последствиям применения особого порядка судебного следствия в Российской Федерации относятся: 1. Приговор при «особом порядке» может быть вынесен без исследования и оценки в общем порядке доказательств, собранных по уголовному делу, за исключением обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; 2. Приговор, постановленный в «особом порядке», не может быть обжалован в апелляционном и кассационном порядке по такому основанию, как несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции; 3. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, с обвинением в совершении которого согласился подсудимый, а также выводы суда о соблюдении условий постановления приговора без проведения судебного разбирательства. Анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре не отражаются; 4. Наказание составляет не более двух третей от максимального срока (размера) наказания, предусмотренного за совершённое им преступление [9].

На основании изложенного необходимо сделать следующие выводы: а) основаниями для СПСС в РБ и ОПСС в РФ является признание обвиняемым своей вины; а также согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением; б) одним из условий для применения СПСС является то, что обвиняемому предъявлено обвинения, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы сроком не свыше 10 лет и смертная казнь, в то время как в РФ только обвинение в виде лишения свободы сроком не свыше 10 лет; в) условиями применения обеих процедур является: обвиняемому предъявлено обвинение в преступлении за которое не может быть назначено наказание на срок не свыше 10 лет; стороны не оспаривают сделанное обвиняемым признание своей вины; г) в соответствии с УПК РФ для применения ОПСС необходимо ходатайство обвиняемого о постановлении приговора без судебного разбирательства; в то время как в УПК РБ не указаны обладатели инициативы применения СПСС; 5) для применения ОПСС в РФ необходимо обязательное согласие государственного или частного обвинителя, в то время как для применения СПСС в РБ необходимо согласие потерпевшего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Жигулич, В.С. Обжалование приговора, постановленного в результате применения сокращенного порядка судебного следствия / В.С. Жигулич // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 окт. 2009 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г.А. Шумак [и др.]. – Минск, 2010. – С. 170–173.

2. Жигулич, В. С. Основание проведения сокращённого судебного следствия в уголовном процессе Республики Беларусь / В. С. Жигулич // Актуальные проблемы Российского права. – 2010. – №1. – С. 305-310.
3. Жигулич, В.С. Правовые последствия применения сокращённого порядка судопроизводства / В.С. Жигулич // Судовы веснік. – 2010. – № 4. – С. 69–73.
4. Жигулич В.С. Сокращенный порядок судебного следствия в уголовном процессе республики Беларусь: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. С. Жигулич; Белорусс. госуд. университет. – Минск, 2011. – 26 с.
5. Жигулич, В.С. Ускорение судебного разбирательства – общее направление в развитии уголовно-процессуального законодательства Беларуси и России / В.С. Жигулич // Бизнес в законе. – 2008. – № 3. – С. 324–328.
6. Зайцева, Л.Л. Порядок проведения сокращенного судебного следствия в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева, В.С. Жигулич // Юстыцыя Беларусі. – 2010. – № 5. – С. 28–31.
7. Поздняков, М.Л. Порядок особый – приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах / К.Д. Титаев, М.Л. Поздняков // Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения». – 2012. – 16 с.
8. Рыбалов, К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. М.: Юрлитинформ, 2004. – С. 28-45.
9. Степаненко, Д.А. Правовая природа и значение особого порядка судебного разбирательства в российском уголовном судопроизводстве / Д.А. Степаненко, М.А. Днепровская. – Иркутск, 2011. – 120 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 28 августа 2013г. – Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 432 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 22 ноября 2001г.: одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 г.: текст Кодекса по состоянию на 2 ноября 2013г. – Москва, 2013. – 468 с.

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ И ОСНОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Э.А. Перожок,
студентка УО ГрГУ им. Янки Купалы,
специальность «Правоведение»
edito4.ka_93@mail.ru
Научный руководитель:
Р.Г. Зорин,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент

Досудебное соглашение о сотрудничестве (далее - ДСоС) - новый для уголовного процесса институт, предусмотрен в главе 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), введенной ФЗ от 29.06.2009 №141-ФЗ. Во многих странах мира сделка с правосудием уже давно получила распространение. Таким образом, актуальность выбранной темы сомнений не вызывает. Цель работы: изучение теоретических и нормативно-правовых аспектов применения института ДСоС в уголовном процессе, а также выявление проблем, влияющих на эффективность практического применения данного института. Указанная цель предопределила и решение следующих задач: определение понятия и сущности ДСоС в уголовном процессе; анализ процессуального порядка, условий и оснований заключения ДСоС; исследование проблем правового регулирования и порядка применения ДСоС; исследование тенденций и перспектив развития института ДСоС.

Введение института ДСоС в Российской Федерации – это веление времени. Рост преступности, большое количество нераскрытых преступлений побуждают правоохранные органы искать новые, нетрадиционные формы соглашений с обвиняемым (подозреваемым). Пункт 61 ст. 5 УПК РФ определяет ДСоС как соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения [1]. Главной причиной появления «сделок с правосудием», считает Б. Стефанос, является акцентирование внимания на таких важных процессуальных ценностях, как «скорость, стоимость, автономия воли, точность и определенность» [2; 88]. В связи с этим, Ф. Истербрук, Р. Скотт и В. Штунц «сделку с правосудием» называют «куплей-продажей» прав, она обеспечивает, по их мнению, независимость и эффективность, уменьшает неясность, экономит время и деньги [3; 36]. Однако, высказывая критику такого института, Т. Линч отмечает, что «применение «сделки с правосудием», действительно, ускоряет судебное разбирательство, но делается это «неконституционными способами» [4; 43]. М. Кинсли в своей статье «Почему невинные люди признаются» акцентировал внимание на том, что «создав такой вариант, американская система подталкивает невинных сознаваться в том, чего они не совершали» [5; 18].

В настоящее время в Российской Федерации институт ДСоС играет важную роль в расследовании убийств по найму, бандитизма, преступлений связанных с незаконным оборотом наркотиков, разного рода коррупционных проявлений, преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами. А.С. Шаталов отметил в связи с этим, что процедура заключения ДСоС «изначально не предназначена для массового применения, но претендует на то, чтобы стать реальной мерой, направленной на борьбу с организованными формами преступности» [6; 91]. Институт ДСоС находит все более широкое применение на практике, но вот качественные показатели не внушают оптимизма. По данным Судебного департамента при Верховном суде России, за первое полугодие 2013 года число дел, по которым были заключены ДСоС, выросло в полтора раза по сравнению с аналогичным периодом 2012 года. За 6 месяцев 2013 года в Российской Федерации осуждено 1 594 лиц, заключивших ДСоС, еще в отношении 140 подсудимых уголовные дела были прекращены. Однако пока по делам об организованной преступности (ст. 208, 209, 210 УК РФ) соглашения заключаются редко: за 6 месяцев 2013 года было заключено 52 соглашения и осуждено 45 преступников [7; 139]. Институт досудебного соглашения должен распространяться, в том числе на уголовные дела, предварительное расследование по которым производится в форме дознания. Для составления ДСоС необходимым условием должно быть подтверждение подозреваемым, обвиняемым признания вины либо согласия с предъявленным обвинением. Назначение наказания подсудимому, заключившему ДСоС, признанному судом виновным в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, не должно допускать освобождение виновного лица от наказания [8]. ДСоС выступает достаточно эффективным средством для борьбы не только с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, но и с преступлениями средней тяжести еще и потому, что подозреваемые и обвиняемые по таким категориям уголовных дел в большей мере склонны к сотрудничеству, так как: 1) могут избежать заключения под стражу, с применением домашнего ареста либо иной более мягкой мерой пресечения; 2) рассчитывать на существенное снижение уголовного наказания; 3) в связи с меньшей вероятностью угрозы их жизни и здоровью, и соответственно необходимости применения мер безопасности; 4) с большей вероятностью заглаживания материального вреда, что способствует эффективной защите прав потерпевшего. Таким образом, существует как социальная оправданность, целесообразность, так и правовая возможность применения ДСоС при производстве дознания [9; 151].

Очень актуальным, на наш взгляд, является вопрос о том, какие цели будут достигнуты различными субъектами уголовного процесса при заключении ДСоС. Представляется, что для следователя и прокурора, это - прежде всего возможность раскрыть ранее совершенные как зарегистрированные, так не зарегистрированные преступления, получить доказательства в отношении обвиняемых, не привлеченных к уголовной ответственности, и, наконец, в розыске имущества, добытого в результате преступления. Данные цели вытекают из закона [10; 117]. Нельзя также не затронуть и роль следственных органов в процедуре. Итоги сделки подводит прокурор, однако и следователь принимает в этом акте не последнее участие. В некоторых случаях, когда заключение соглашения не дает ожидаемого эффекта, например, из-за дальнейшего отказа подозреваемого от выполнения взятых на себя обязательств, следователями инициируется процедура прекращения досудебного сотрудничества. При соблюдении всех условий сделка заканчивается внесением прокурором представления в суд об особом порядке рассмотрения дела. Если обязательства со стороны обвиняемого не исполнены, его будут судить в обычном порядке [11; 83]. В частности, в случае соблюдения содержащихся в соглашении условий срок наказания не может превышать половины максимального его размера. О добровольности заключаемых соглашений в большинстве случаев, свидетельствуют результаты выборочного анализа судебной практики: при

рассмотрении судами уголовных дел в отношении соучастников, которых они изобличали в совершении преступлений, в 2010 г. лишь 6 из 299 лиц отказались от ранее данных показаний. А в 2011 г. – 2 из 597. Не для кого не является секретом, что зачастую качество проведения следствия «заставляет желать лучшего», и многие уголовные дела в суде «разваливаются» адвокатами. В связи с этим встает закономерный вопрос: при введении нового института досудебного соглашения о сотрудничестве не отразится ли на качестве следствия, когда один обвиняемый «сдает» другого, а его показаний подчас достаточно для вынесения обвинительных приговоров в отношении обоих. Следует обратить внимание на следующий момент. Тот, кто «сдает» другого соучастника преступления не освобождается от уголовной ответственности, и суд выносит обвинительный приговор за активное содействие в раскрытии преступления и изобличении виновных предоставляется смягчение наказания, в том числе существенное – на несколько лет – сокращение срока лишения свободы [12]. Появление в российском уголовном судопроизводстве любого нового института, не имеющего отечественного аналога, неминуемо порождает множество вопросов правоприменителей и ученых. Даже в случае тщательной проработки законопроекта на всех стадиях, после введения его в действие следственная и судебная практика то и дело «подкидывает» ситуации, которые не были (а подчас - и не могли быть) учтены при его создании [13; 195].

К конкретным плюсам ДСоС, в первую очередь относится возможность суду вынести приговор, не исследуя все материалы дела и опираясь на показания обвиняемого. Таким образом, сделка способствует ускорению судебного разбирательства, приближению момента реализации уголовной ответственности и уменьшению загруженности судей. Вероятность вынесения обвинительного приговора 100-процентная. Во-вторых, у правоохранительных органов появится возможность заниматься другими преступлениями и устанавливать причастность к совершенному деянию других лиц. В-третьих, сделка имеет профилактическое воздействие на осужденных, в том числе наказанных условно, которым прокурор установил какие-либо ограничения, так как в случае их нарушения осужденный имеет право ходатайствовать перед судом об аннулировании сделки. К минусам можно отнести: в результате заключения соглашения могут быть установлены далеко не все юридически значимые обстоятельства совершения преступления. Суд в подобных случаях чаще всего не будет стремиться глубоко вникать в суть происшествия, удовлетворяясь формальным признанием вины со стороны подсудимого и возможностью без лишних затяжек вынести приговор. Органы расследования могут умышленно завышать объем обвинения для того, чтобы лицо согласилось на сделку, тогда как в его действиях усматривается менее тяжкое преступление (к примеру, предъявляется обвинение в совершении умышленного убийства, однако если бы расследование было бы в обычном порядке, его действия квалифицировались бы правильно - убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны). Снижает серьезность природы преступлений, если наказание за совершение таковых практически всегда можно избежать. И, к тому же, имеется риск того, что лицо, согласившись на сделку, может оговорить других подозреваемых, чтобы самому избежать уголовной ответственности [14]. Вопрос о позитивных и негативных последствиях для подозреваемого (обвиняемого), связанного с заключением ДСоС до сих пор вызывает огромный интерес и противоречия у законодателей и правоприменителей. По нашему мнению, вопрос о том, стоит ли подозреваемому или обвиняемому заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, всегда является индивидуальным.

Результаты проведенного исследования дают основания полагать, что сделанные в работе выводы и предложения позволят усовершенствовать правовое регулирование отношений, возникающий при заключении и реализации ДСоС. Появление ДСоС в российском уголовном процессе - это веление времени. Кроме того, сама идея о сотрудничестве есть реализация принципа целесообразности, разумный и адекватный подход к социально-экономическим реалиям, отразившийся и в уголовно-процессуальных институтах. Поэтому, говоря о целях заключения досудебного соглашения для сторон, можно сделать вывод о том, что они являются взаимосвязанными и охватывают собой взаимовыгодное сотрудничество, в котором подозреваемый или обвиняемый берет на себя обязательства совершать действия в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, в обмен на принятие судебного решения в особом порядке и минимизацию уголовного наказания или освобождения от такового. Стремление законодателя включить в УПК РФ еще одну процедуру, с помощью которой может достигаться процессуальная экономия, использовать успешный опыт зарубежных стран в заключении уголовно-процессуальных сделок, не выразилось в представлении завершённой законодательной конструкции.

Институт ДСоС при производстве по уголовному делу, несомненно, призван обеспечить эффективность уголовного судопроизводства. Вместе с тем в России он пребывает в стадии апробации и становления. В этой связи имеются пробелы в его правовом регулировании, и такие важные процессуальные ценности, как конституционность, соблюдение сроков и принципов уголовного судопроизводства при производстве по уголовным делам, не всегда находят точные и определенные формулировки в уголовно-процессуальном законе [16; 52].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – №52 (ч. I). – Ст.4921 (ред. от 07.12.2011, с изм. и доп., вст. в силу с 12.01.2012).
2. Stephanos, B. Garmonizing substantive criminal law values and criminal procedure / B. Stephanos// Cornell Law Review. – 2003. – №6.- С.88-90.
3. Easterbrook F. Plea Bargaining as Compromise/ F.Easterbrook // Yale L.J. –1992. –№101. – С.36–40.
4. Linch, T. The case against plea bargain / T.Linch // Cato Institute.–2003.
5. Kinsley,V. Why Innocent People Confess / V.Kinsley // Why Innocent People Confess[Электронныйресурс]. – Режимдоступа : www.washingtonpost.com. –Датадоступа: 07.06.2014.
6. Степаненко, Д.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве / Диана Степаненко, МаринаДнепровская // Уголовное право . – 2013 . – №4. [Электронный ресурс]. – С.90-95.
7. Колесник, В. В. Новое в понимании норм, регулирующих заключение досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам / В. В. Колесник // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 1 (90). – С. 139–144.
8. Головинский, М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: автореф. дис. канд.юрид. наук: 12.00.09 / М.М. Головинский . – Владимир, 2011. –26 с.
9. Лошкбанова, Я.В. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве при производстве дознания / Я.В. Лошкбанова // Сборник научных статей преподавателей, аспирантов,соискателей и студентов.- Краснодар.- 2014.- С. 145-151.
- 10.Перекрестов, В.Н. Некоторые проблемы участия субъектов уголовного процесса при действии досудебного соглашения о сотрудничестве / В.Н. Перекрестов // Бизнес в законе. - М.: Изд. Дом "Юр-ВАК". – 2010. –№ 1. – С. 116-118.
- 11.Гаврилова, О.В., Степкин, С.М., Печоев, Х.И. К вопросу о создании института досудебного соглашения о сотрудничестве в современной России /О.В. Гаврилов, С.М. Степкин, Х.И. Печоев // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. – № 3. – 2013. – С.79-84.
- 12.Качество следствия не зависит от того, что кто-то кого-то сдал // Коммерсантъ.2012 . –№ 178/П.
- 13.Милицин, С.Д. Досудебное соглашение о сотрудничестве : заключение и расторжение / С.Д. Милицин // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы) : материалы научно-практической конференции . – Сер.: Юбилей, конференции форумы. – Вып.6. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета. –2010. – С.195-199.
- 14.О плюсах и минусах введения института сделки о признании вины[Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://journal.zakon.kz/4521797-o-pljusakh-i-minusakh-vvedeniya.html> . - Дата доступа: 07.06.2014.
- 15.Костенко, Н.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации : автореф. дис. канд.юрид. наук: 12.00.09 / Н.С. Костенко . – Волгоград. -2013. – 238 с.
- 16.Софийчук, Н.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве Российской Федерации:некоторые проблемы правоприменения / Н.В. Софийчук // Вестник института. – 2012. –№ 3. –С. 48 -52.

ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В ЦЕЛЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ FIFA 2018 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**В.В. Платонов,
курсант ОА МВД РФ,
специальность «Правовое обеспечение
национальной безопасности»,
valek201@mail.ru
Научный руководитель:
Д.С.Рудьман,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук**

Российская Федерация (далее – РФ) в последнее десятилетие активно берет на себя обязательства по проведению крупномасштабных мировых событий. Для комфортного и безопасного проведения различных мероприятий требуются большие вложения в строительство современной инфраструктуры, которой на территории России крайне мало. У большинства населения остались в памяти Зимние олимпийские игры в Сочи 2014 года, летняя Универсиада в Казани 2013 года. Вышеперечисленные события требовали длительного этапа подготовки, в течение которого необходимо было построить аэропорты, дороги, гостиницы, стадионы. Для того чтобы построить новое сооружение, необходимо наличие свободной земли. Исключением не стал чемпионат мира по футболу FIFA 2018 года, Кубок конфедераций FIFA 2017 года (далее – чемпионат мира по футболу). Чемпионат мира по футболу будет проводиться на территории 11 субъектов России, которые расположены в европейской части страны. В большинстве субъектах уже существуют стадионы, которые готовы принять матчи чемпионата мира, функционируют гостиницы и аэропорты. Тем не менее, существует ряд субъектов, в которых с нуля необходимо построить объекты инфраструктуры. Осуществляя подготовку, к какому либо международному мероприятию зачастую возникает проблема нехватки свободной земли для строительства объектов инфраструктуры.

Актуальность данной проблемы в настоящее время достаточно высока, ведь большая часть земли в европейской части России, на которых размещаются жилые дома и коммерческие организации, бизнес центры находится в частной собственности. В связи с этим возникает необходимость в освобождении данных участков путем их выкупа у собственников с соответствующей компенсацией. В большинстве случаев государство для минимизации затрат занижает размер выкупной цены земельных участков и недвижимости.

Правовое регулирование изъятия к чемпионату мира по футболу 2018 года в Российской Федерации осуществляется рядом нормативно-правовых актов: Гражданский Кодекс Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), Земельный Кодекс Российской Федерации [2] (далее – ЗК РФ), Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135–ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [3] (далее – ФЗ №135), Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108–ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] (далее – ФЗ №108). Вышеперечисленные нормативно правовые акты направлены на эффективное обеспечение подготовки и проведения чемпионата мира по футболу. Процедура изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд регулируется ст. ст. 279–283 ГК РФ. Основания для изъятия устанавливаются ст. 49 ЗК РФ. При этом ни в одном нормативно – правовом акте не дается определения дефиниции государственные и муниципальные нужды. Ряд авторов в своих работах дают определение данному понятию. Так Е.А. Коных под государственными и муниципальными нуждами подразумевает определенные законом объективно возникшие общественно значимые потребности, необходимость в удовлетворении которых обусловлена интересами широкого круга субъектов, реализуемые в установленном законом порядке публично – правовыми образованиями [5].

В некоторых субъектах России, которые будут принимать матчи чемпионата мира по футболу сложилась определенная судебная практика по вопросам изъятия земельных участков и определения вы-

купной цены. К примеру, в Нижегородской области министерство государственного имущества (далее – истец) подало сразу несколько исков в суд в отношении ряда собственников, земли которых расположены на участке будущего строительства стадиона. Так ООО «Горизонт» «Престиж» и ИП Кузнецов (далее – ответчик) не согласны с размером выкупной цены предложенной государством. Собственники не против изъятия земельных участков, при этом отстаивают свое право на равноценное возмещение убытков в результате прекращения права собственности. Во всех трех судебных делах истец выдвигает два требования: 1. Прекращение право собственности на земельный участок и находящиеся на нем объекты недвижимости; 2. Определение выкупной цены. Судебные дела имеют ряд особенностей. Во-первых, истец в каждом случае ходатайствовал о выделении в отдельное производство рассмотрение вопроса выкупной цены. Суд данные требования удовлетворял. Во-вторых, в каждом деле размер выкупной цены предлагаемой государством был в два раза ниже той суммы, на которую рассчитывали собственники. В-третьих, суду предоставлялось различные оценки объектов, значительно различающиеся в стоимости. Но возникает вопрос, а как в дальнейшем после прекращения права собственности и начала процедуры демонтажа здания осуществить оценку строения? В результате суд выносил решения в пользу ответчика, удовлетворяя частично его требования.

Применительно к процессам установления выкупной цены земельных участков для проведения чемпионата мира по футболу решение проблемы качества оценки выходит на первый план в силу особой сложности определения рыночной стоимости изымаемого имущества и убытков правообладателей земельных участков. Законодательство требует обеспечивать получение собственниками равноценной компенсации или в денежной форме, или путем предоставления альтернативного объекта недвижимости, но сами нормативные требования об определении и выплате компенсаций изложены только в общем виде [6]. Сложность состоит в том, что в рамках процедуры изъятия необходимо моделировать рыночную стоимость недвижимого имущества в ситуации, когда основные условия свободного рыночного ценообразования не выполняются. Одновременно при определении выкупной цены изымаемых земельных участков следует придерживаться следующих важных принципов:

- 1) Эквивалентность. Собственники должны получать вознаграждение, не больше и не меньше, чем потери, понесенные ими в результате принудительного изъятия их земельных участков.
- 2) Баланс интересов. Процесс изъятия должен защищать права людей, которые теряют собственность или права на использование их недвижимого имущества при условии обеспечения общественных интересов.
- 3) Регламентация процедуры изъятия. Отсутствие стандартов оценки и передовой практики управления позволяет чиновникам предоставить более благоприятную компенсацию определенному кругу лиц.
- 4) Справедливость и прозрачность. Переговоры между органом, реализующим полномочия по изъятию, и собственниками должны быть равными, насколько это возможно. В процессе переговоров должны быть определены разумные пределы компенсации расходов пострадавших, а также обеспечены гарантии поддержки социально незащищенных слоев общества.
- 5) Гибкость. Нормативное регулирование оценки должно быть достаточно конкретным, чтобы обеспечить четкий контроль за процессом оценки, но, тем не менее, достаточно гибкое для определения соответствующей эквивалентной компенсации в особых случаях.

Еще одной не маловажной проблемой, с которой мы столкнулись, является отсутствие определенного государственного органа, который осуществлял изъятие земельных участков в связи с проведением чемпионата мира по футболу. Данного пробела не было в ФЗ №310, в котором конкретизировался орган, подготавливающий и принимающий решения об изъятии земельных участков, а также организующий сам процесс изъятия для конкретных целей размещения олимпийских объектов федерального значения с 1 января 2008 года – администрация Краснодарского края, и орган, финансирующий мероприятия по изъятию в федеральную собственность этих объектов недвижимости – Государственная корпорация по строительству объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта [7].

Таким образом, на основании изложенного мы хотим предложить несколько решений проблемы определения выкупной цены.

1. Законодательное закрепление принципов определения выкупной цены: эквивалентность, баланс интересов, регламентация процедуры изъятия, справедливость и прозрачность, гибкость.
2. Создание централизованной системы изъятия земель для государственных и муниципальных нужд при подготовке к международным мероприятиям. Такой системой, по нашему мнению, должна быть комиссия при Министерстве строительства и жилищно - коммунального хозяйства РФ, которая будет осуществлять единый процесс изъятия при подготовке к международным событиям (в том числе к спортивным мероприятиям).

Рассматриваемые решения по нашему мнению могут быть реализованы не только в рамках

чемпионата мира по футболу, но и в будущем при организации подобных международных событий, для которых потребуется строительство новых объектов инфраструктуры.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51–ФЗ (в ред. Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 530–ФЗ) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 сентября 2001 г. № 136–ФЗ (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 485–ФЗ) // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
3. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135–ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 225–ФЗ) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3813.
4. Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108–ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 23. – Ст. 2866.
5. Конюх Е.А. Обеспечение жилищных и земельных прав собственника жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд // Журнал российского права. – 2006. – №1. – С.30.
6. Оболонкова Е.В. Изъятие земельных участков для государственных (муниципальных) нужд // Законодательство и экономика. – 2014. – № 1. – С. 34.
7. Волович Н.В. Проблемы изъятия земельных участков для государственных нужд. URL:http://smao.ru/files/magazine/2008/01/1_34-46.pdf (дата обращения 14.02.2015).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

О.А. Пьянкова,
магистр «Юриспруденции»
ИГиП ТюмГУ

olga.lu4nikowa@yandex.ru

Научный руководитель:

И.П.Климов,
профессор кафедры теории и истории
государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ
доктор исторических наук, доцент

Актуальность и научная значимость темы обусловлены возрастающим интересом к проблеме изучения истоков и мер борьбы с коррупцией в России. Проблема борьбы с коррупцией является одной из самых важных для всех органов государственного управления в нашей стране.

Хронологические рамки работы охватывают период, начиная с первого этапа российской модернизации, связанной с именем Петра I и по настоящее время. Данные хронологические рамки отражают процесс зарождения и роста коррупционных проявлений в системе государственной службы России.

Целью доклада является изучение исторического опыта административно-правового противодействия коррупции в системе государственной службы России.

Автором были поставлены следующие задачи: установление временных рамок возникновения коррупции в системе государственной службы России; исследование административно-правовых мер противодействия коррупции на различных этапах государственно - правового развития России, формулирование основных предложений по противодействию коррупции.

Состояние научной разработки темы доклада. Проблемы административно-правового противодействия коррупции в сфере государственной службы России были предметом анализа со стороны

многих ученых-административистов, в частности, В. Н. Агеева, Н. Х. Ахметшина, Ю. В. Васильева, П. А. Кабанова, А. В. Куракина, С. В. Максимова. Но нельзя сказать о том, что в достаточной степени изучены все аспекты административно-правового механизма противодействия коррупции. Пока не получил необходимой разработки историко-правовой аспект проблемы. На сегодняшний день ему посвящена лишь одна специальная статья А.В. Куракина, опубликованная в журнале «Государство и право» (2002 г., № 9, С. 12-15). Обобщающие работы, охватывающие период с XVIII века по настоящее время, пока отсутствуют.

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы Российской империи, вошедшие в 9-ти томное издание: «Российское законодательство X-XX веков», «Свод законов Российской Империи», «Декреты советской власти», «Собрание узаконений РСФСР», «Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР», «Собрание законодательства РФ», кодексы законов РСФСР и РФ.

В качестве методологического инструментария применялись нарративный, ретроспективный, историко-типологический и логический методы исследования.

Эпоха Петра I была первым этапом российской модернизации, которая затронула все сферы жизни российского общества, в том числе проводилась коренная реорганизация государственного аппарата. Появляются новые органы государственной власти и управления (Сенат, Синод, коллегии, полиция), формируется регулярная армия, упраздняются старые органы власти (Боярская дума, земские соборы). В целях противодействия коррупции Петр I разрабатывает критерии требований, которые должны были предъявляться к чиновникам. Так, Генеральный регламент 1720 г. делал акцент

на характеристику государственного служащего как человека высокой нравственности [1]. В 1714 году вышел Указ Петра I «О запрещении лицам, состоявшим на службе, брать посулы с предписанием довольствоваться положенным жалованием» [2]. В 1722 году Петр I издает «Табель о рангах» - закон о порядке прохождения государственной службы в Российской империи [3].

Петр I в борьбе с коррупцией санкционировал доноительство. Создание казенного ведомства фискалов имело большое значение для развития системы доноительства в России – принципы работы фискалитета, освященные властью самодержавного государства, могли быть образцом поведения для тысяч безвестных «героев» - добровольных доносчиков. Петр именно об этом и радел в своих указах. Так, в указе от 25 января 1715 года, возмущаясь распространением анонимных доносов в форме «подметных» писем, царь писал, что их авторы могут смело приходить с доносом: «А ежели б кто сумнился о том, что явится, тот бедствовать будет, то не истинно, ибо не может никто доказать, которому бы доносителю какое наказание или озлобление было, а милость многим явно показана» [4; 52-79]. Политика поощрения доносчиков делала ложное доноительство ненаказуемым. Формально ложный донос преследовался законом, но фискалы, допустившие ошибки, ни за что не отвечали в отличие от тех, кто не донес вовсе. Более того, недоносительство считалось преступлением.

В период правления Елизаветы Петровны обнаружилось, что государственные служащие не стеснялись пользоваться незаконной финансовой поддержкой из других стран. Яркий пример коррупции на внешнеполитическом фронте - служба канцлера Бестужева-Рюмина, который заведовал внешней политикой России. Бестужев начинал свою карьеру еще при Петре и, оказавшись на вершине государственной пирамиды, объяснял выбранный им курс унаследованной от самого Петра системой стратегических приоритетов. Это выражалось в неизменном союзе России с Англией и Австрией против всех остальных европейских государств [5; 10-15].

При Екатерине II ситуация изменилась - взятодатель стал считаться потерпевшей стороной, и если, дав взятку, он немедленно стучал на чиновника, то ему возвращали взятку вдвойне и даже втройне (не из казны, а из штрафа взяточника). Данная мера Екатерины II оказалась более эффективной, нежели указ Петра I о доноительстве. Екатерина II идет на такую административную меру, как повышение жалования государственным служащим. Жалованье, которое она назначила чиновникам, было много выше, чем при Петре I, и выплачивалось оно вовремя [6; 20-27].

В период царствования Александра I при непосредственном участии М.М. Сперанского вышли указы «О придворных званиях» и «Об экзаменах на чин». Согласно первому указу находившиеся в званиях камер-юнкеры и камергеры обязывались избрать себе определенный род службы, в противном случае их звания объявлялись лишь почетными отличиями, не дающими никакого чина. Второй указ в целях повышения грамотности и профессионального уровня чиновников требовал, чтобы чины коллежского асессора и статского советника (первый давал личное, а второй потомственное дворянство) присваивались только при предъявлении диплома об университетском образовании или сдаче экзамена в объеме университетского курса [7; 41-67].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало ответственность за мздоимство чиновника или иного лица, состоящего на государственной или общественной должности [8; 174-276].

Законом от 14 июня 1885 г. был установлен ряд запретов в отношении реализации права совмещать государственную службу с частными занятиями. Суть введенных ограничений состояла в следующем: должностные лица первых трех классов и высшего управления, а также губернаторы, градоначальники, представители и члены судов не могли участвовать в учреждении железнодорожных, пароходных, страховых и других торговых и промышленных товариществ, акционерных обществ, а также кредитных учреждений. Исключения касались компаний и товариществ, имевших предметом исключительно обработку сельскохозяйственных произведений в имениях, принадлежащих данным лицам; эксплуатацию минеральных богатств в тех же имениях; разрешалось участие в обществах взаимного поземельного и городского кредита, сельских ссудно-сберегательных касс, а равно в благотворительных кредитных установлениях. Для эффективного выполнения названных предписаний закона составлялись списки должностных лиц, которым запрещалось совмещать службу с участием в хозяйственной деятельности. Списки утверждались высочайшею властью, кроме того, высокопоставленным чиновникам было запрещено выступать поверенными хозяйствующих субъектов на государственной службе.

Предусматривался целый ряд запретов для чиновников. Это:

- незаконное получение подарков от поставщиков товаров;
- внесение государственными служащими ложных сведений в закупочные документы;
- участие некоторых категорий чиновников в проводимых публичных торгах;
- разглашение ими сведений, составляющих коммерческую тайну и другие [9; 45-53].

Последующая организация борьбы с коррупцией в середине XIX в. основывалась на более последовательных мерах в отношении лиц разного ранга. Применялись меры материальной и дисциплинарной ответственности коррупционеров при минимальной поддержке уголовно-правового воздействия. Среди них: регистрация коррупционеров, лишение их прав на участие в выборах; административная ответственность руководителей за «ослабление» в пресечении коррупции среди подчиненных.

К административным мерам, применявшимся в первые годы советской власти, относились запреты и ограничения в системе гражданской службы, которые содержались в Постановлении 1918г. «Об ограничении совместной службы родственников в советских учреждениях» [10], Временных правилах о службе в государственных учреждениях и предприятиях 1922г., и других нормативных актах [11].

В сталинский период поток писем с мест о должностных (в частности судебных и прокурорских) злоупотреблениях не уменьшился. Однако по большей части, если проступок не вызывал у населения сильного озлобления, правонарушителю выносили выговор, поскольку более или менее квалифицированных должностных лиц в стране было не так много.

Настоящего расцвета коррупция достигла при Брежневе из-за общего сокращения фондов потребления при активном поиске бюрократией путей увеличения своей доли в этих фондах.

Рост коррупции происходил на фоне ослабления государственной машины. Он сопровождался снижением централизованного контроля, распадом идеологии, экономической стагнацией, падением уровня развития экономики [12; 35-48].

По Конституции СССР 1977г. (ст. 126) были учреждены комитеты и посты народного контроля, которые проводили работу по проверке эффективности работы администрации государственных предприятий, что в ряде случаев давало положительный результат [13].

В настоящее время проблема коррупции получила официальное признание на высшем политическом уровне, о чем свидетельствуют утверждение Президентом РФ в июле 2008 г. «Национального плана противодействия коррупции» [14] и принятие Федерального закона о противодействии коррупции, а также ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ [15].

В данном контексте обратим внимание на эволюцию терминологии понятия «коррупция». Так, в Древней Руси она именовалась «лихоимством», «мздоимством», «посулом», в XVI веке появился термин «почесть», при Петре I – «взятка», «казнокрадство», а в годы советской власти использовались выражения «злоупотребление служебным положением», «попустительство». Официально заговорили о коррупции как о комплексном явлении лишь после распада СССР, когда ее масштабы значительно увеличились и возросли. Окончательно термин «коррупция» оформился в связи с принятием ФЗ РФ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции».

Исторический опыт административно-правового противодействия коррупции имеет огромное ретроспективно-познавательное значение для настоящего времени. Он позволяет наглядно увидеть всю богатую палитру разнообразных антикоррупционных мер, применявшихся российским государством.

Подводя итог, следует сказать, что на протяжении веков в истории нашей страны применялись различные административные меры борьбы с коррупцией. В эпоху Петра I - это лишение должности,

чина, звания, упорядочение государственной службы и разработке критериев требований, которые должны были предъявляться к чиновникам государственного аппарата. При Екатерине II увеличивалось жалование чиновникам с целью исключения у них желания брать взятки. В XIX веке вводятся экзамены на чин, запреты чиновникам участвовать в акционерных компаниях.

Заслуживает внимания опыт советского периода по привлечению к борьбе с коррупцией широких кругов общественности, по созданию различного рода групп, ведомственных комиссий, действовавших на общественных началах. Организация работы таких комиссий, объединений общественности может иметь место и в настоящее время как при центральных властных структурах, так и на местах. В советское время создавались рабоче-крестьянские комиссии и инспекции для контроля государственных служащих.

Для эффективной реализации комплекса мер административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции разрабатываемых в настоящее время, на наш взгляд, необходимо использовать позитивные стороны историко-правового опыта. Также целесообразно шире информировать граждан о современных средствах предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы, добиваться последовательной реализации Федерального закона о противодействии коррупции.

Историко-правовой опыт учит, что стратегия и тактика борьбы с коррупцией должна опираться как на правовые рычаги, так и на меры экономического, социального, и политического характера.

Список литературы

1. Генеральный регламент 1720 г. // Законодательство Петра I. - М. - 1997.
2. Указ Петра I 1714г. «О воспрещении взяток и посулов» // Законодательство Петра I. - М. - 1997.
3. Табель о рангах 1722г. // Законодательство Петра I. - М. - 1997.
4. Указ Петра I 1715г. «О доносительстве на чиновников, занимающихся посулами» // Российское законодательство Петра I. - М. - 1997.
5. Козонов Э.Ю. Коррупция: истоки и пути преодоления / Э.Ю.Козонов. – М.: МАКС Пресс, 2006.
6. Цит. по Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность / С.В. Максимов. – М.: Академия упр. МВД России, 2006.
7. См.: Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI-XXвв / В.В. Астанин. – М.: Росс. криминал. Ассоц, 2003.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X-XX веков. Т.6. Законодательство второй половины XIX века. - М. - 1988.
9. Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI-XXвв / В.В. Астанин. – М.: Росс. криминал. Ассоц, 2003.
10. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 56. Ст. 615.
11. Собрание узаконений РСФСР.1923. № 1. Ст. 8.
12. Иванов А.А. Корруптология – правовая наука и учебная дисциплина: путь совершенствования законодательства о воздействии на организационную преступность и коррупцию / А.А.Иванов. – Владивосток. - 2002.
13. Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
14. Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2008г. Пр № 1568 «О национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - № 16. - Ст. 1875. (с измен. от 15.01.2011).
15. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. - №52 (ч.1). - Ст. 6228.

ПРАВОВОЙ СТАТУС АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТОЛИЦ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Р.Т. Рзаев,
магистрант ИГиП ТюмГУ,
rrt-gulo@yandex.ru

Научный руководитель:
Д.О. Тепляков,
доцент кафедры

**конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,**
кандидат юридических наук

Конституция Российской Федерации в п. 2 статьи 70 использует термин «столица» только по отношению к административному центру Российской Федерации [1]. Законодательство республик, входящих в состав Федерации, называет административные центры этих субъектов Российской Федерации также столицами. В Псковской области [10; 18] и Забайкальском крае [11; 23], для наименования административных центров в качестве синонима также используется термин «столица». Наряду с названием «административный центр» законодательством субъектов Федерации используются другие наименования: «административно-политический центр», «областной центр», «областной административный центр».

В связи с этим в федеральном законодательстве, как правило, используется общая формулировка «административный центр (столица) субъекта Российской Федерации». В частности, в Федеральном законе от 8 ноября 2007 года № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» автомобильные дороги, соединяющие столицу Российской Федерации - город Москву с административными центрами (столицами) субъектов Российской Федерации относятся к автомобильным дорогам общего пользования федерального значения (пункт 1 части 5 статьи 5), а автомобильные дороги, соединяющие между собой административные центры (столицы) субъектов Российской Федерации могут относиться к таким дорогам (пункт 1 части 6 статьи 5) [4].

Вместе с тем в некоторых законодательных актах Российской Федерации встречается формулировка «административные центры субъектов Российской Федерации» [Там же].

Законодательно установлены особенности порядка присвоения наименований и переименования столиц и административных центров субъектов Российской Федерации: согласно абзацу второму части 5 статьи 9 Федерального закона от 18 декабря 1997 года № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» (с последующими изменениями) присвоение наименований столицам и административным центрам субъектов Российской Федерации и переименование столиц и административных центров субъектов Российской Федерации осуществляются федеральными законами по представлениям органов государственной власти субъектов Российской Федерации [5]. Примером присвоения наименования административному центру (столице) субъекта Российской Федерации является Федеральный закон от 26.12.2000 № 149-ФЗ «О присвоении столице Республики Ингушетия наименования - Магас» [6], а примером переименования административного центра (столицы) субъекта Российской Федерации - Федеральный закон от 11.06.1999 года № 111-ФЗ «О переименовании города Новгорода - административного центра Новгородской области в город Великий Новгород» [7].

Частями 2 - 4 статьи 24 Федерального закона от 30 декабря 2006 года № 271-ФЗ «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» установлены специальные правила и требования к розничным рынкам, находящимся на территориях городов с численностью населения более 500 тысяч человек, являющихся столицами или административными центрами субъектов Российской Федерации [7]. Таким образом, под административным центром (столицей) субъекта Российской Федерации понимается населенный пункт: муниципальное образование городской округ и город федерального значения Российской Федерации.

В соответствии с абзацем третьим пункта 10 статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 года № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (с последующими изменениями) распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, в поселениях, являющихся административными центрами (столицами) субъектов Российской Федерации, осуществляется органами местного самоуправления указанных поселений, если законами соответ-

ствующих субъектов Российской Федерации не установлено, что распоряжение такими земельными участками осуществляется исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности. Из приведенной нормы федерального законодательства следует, что административным центром (столицей) субъекта Российской Федерации является поселение (как муниципальное образование) [8].

Такое терминологическое разнообразие вносит неопределенность в понимание положения административных центров и столиц, что не вполне соответствует принципу равноправия субъектов Российской Федерации, предусмотренному ст. 5 Конституции России [1].

Неясность вносит отраженная в законе двойственная характеристика столицы, с одной стороны, как «места нахождения» [2] органов государственной власти субъектов Федерации, территориальных органов федеральных органов власти, а с другой, - как территории соответствующих населенных пунктов. Из этого вытекает, что территория административных центров и столиц несет двойную функциональную нагрузку, являясь пространственным пределом соответствующего уровня власти и ее «материальным субстратом», а также территорией, законодательно закрепленной для выполнения функций административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации. В связи с этим необходимо показать соотношение статусов рассматриваемых населенных пунктов: статус муниципального образования (для города Москвы - субъекта Российской Федерации) и статус административного центра (столицы) субъектов Федерации и столицы Российской Федерации соответственно.

Статус административных центров и столиц закрепляется разными способами. Примерно половина субъектов в своих конституциях и уставах даже не предусматривают необходимость принятия соответствующих законов, а правовой статус их административных центров и столиц определяется только уставами соответствующих муниципальных образований.

Пробельное правовое регулирование проявляется в отсутствии на уровне целого ряда субъектов Российской Федерации специальных законов об их административных центрах и столицах (около 30 субъектов Российской Федерации), а при наличии таких законов их качество далеко от совершенства.

Законы субъектов Российской Федерации о статусе административного центра (столицы) приняты как на основании бланкетных норм конституций (уставов) субъектов Российской Федерации (за исключением Республики Татарстан, Республики Хакасии, Чеченской Республики, Забайкальского, Краснодарского, Красноярского, Приморского краев, Амурской, Архангельской, Астраханской, Белгородской, Иркутской, Кировской, Орловской, Ростовской и Тульской областей, где такие законы не приняты), так и при отсутствии таких бланкетных норм (Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Республика Саха (Якутия), Ставропольский край, Брянская, Рязанская, Саратовская, Тюменская, Челябинская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа). При этом в ряде субъектов Российской Федерации (например, в Ивановской и Калининградской областях) такие законы признаны утратившими силу [16; 11 - 13].

В законах субъектов Российской Федерации о статусе административных центров (столиц) административный центр (столица) субъекта Российской Федерации понимается как место нахождения высших и центральных государственных органов субъекта Российской Федерации, место возможного нахождения представительств иных субъектов Российской Федерации, субъектов иностранных федеративных государств, административно-территориальных образований иностранных государств, а также территориальных органов федеральных органов государственной власти.

При этом территорией административного центра (столицы) субъекта Российской Федерации считается территория города в пределах его границ (Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия - Алания, Алтайский, Ставропольский края, Брянская, Владимирская, Вологодская, Калужская, Кемеровская, Костромская, Курская, Мурманская, Оренбургская, Псковская, Саратовская, Свердловская, Смоленская области, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ - Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ) или территория муниципального образования (Хабаровский край, Волгоградская, Рязанская, Тверская, Тюменская, Челябинская области, Чукотский автономный округ) [16; 14]. При этом во всех субъектах Российской Федерации такое муниципальное образование имеет статус городского округа.

Отметим также, что название муниципального образования, наделенного статусом административного центра (столицы) субъекта России, зачастую становится титульным наименованием для субъекта Российской Федерации. В иных случаях наименование субъекта производится по основному этносу, населяющему (населявшему) территорию данного субъекта, либо по ключевой характеристике территории. Первое характерно для республик, автономных округов и Еврейской автономной области. Второе встречается в наименовании краев и Амурской области. Данный вывод можно сделать из таблицы в Приложении № 1.

В некоторых субъектах Российской Федерации (Республика Мордовия, Республика Северная Осетия - Алания) закреплено правило о том, что изменение места нахождения административного центра (столицы) субъекта Российской Федерации может быть осуществлено после внесения соответствующих изменений в конституцию (устав) субъекта Российской Федерации с учетом мнения населения субъекта Российской Федерации, выраженного на референдуме субъекта Российской Федерации.

Законы многих субъектов Российской Федерации во многом копируют еще доконституционный Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации», принятый 15.04.1993г., который использует понятие «функции столицы» (ст. ст. 2-5, 7), однако, не дает определения таких функций и не раскрывает их [2]. Отсутствие законодательно закрепленных функций административных центров (столиц) снижает эффективность взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Федерации и органов местного самоуправления и развития региональной политики.

Данные противоречия требуют решения на законодательном уровне, что позволит повысить эффективность отношений административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации с другими публичными образованиями (субъектом Российской Федерации и муниципальными образованиями).

Острота сложившейся ситуации вызвана еще и тем, что в Российской Федерации административные центры (столицы) являются системообразующими муниципальными образованиями и несут основную функциональную нагрузку в развитии субъекта [16; 45].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 11 апреля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 15. - Ст. 1691.
2. О статусе столицы Российской Федерации: закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4802-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 30. - Ст. 2863.
3. О федеральной фельдъегерской связи: федеральный закон от 17 декабря 1994 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 34. - Ст. 3547.
4. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2007. - № 46. - Ст. 5553.
5. О наименованиях географических объектов: федеральный закон от 18 декабря 1997 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 51. - Ст. 5718.
6. О присвоении столице Республики Ингушетия наименования – Магас: федеральный закон от 26 декабря 2000 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 1. - Ст. 1.
7. О переименовании города Новгорода - административного центра Новгородской области в город Великий Новгород: федеральный закон от 11 июня 1999 г. № 111-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 24. - Ст. 2892.
8. О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 44. - Ст. 4148.
9. О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 271-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2007. - № 1. - Ст. 34.
10. Устав Псковской области от 12.04.2001 N 1-У // «Губернские ведомости». - 18.04.2001. - № 11
11. Устав Забайкальского края: закон Забайкальского края от 17.02.2009 № 125-33К // «Забайкальский рабочий». - 18.02.2009. - № 30.

Научная литература

12. Горный М., Ошурков А. Основы муниципальной экономики, под редакцией М. Горного и А. Ошуркова. - Изд-во «Весь мир», 2010. - 234 с.
13. Иванов В.В., Коробова А.Н. Муниципальный менеджмент: Справочное пособие / В.В.Иванов, А.Н. Коробова - М.: ИНФРА-М, 2012. - 718 с.
14. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации / О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев. - М., 2010. - 342 с.

15. Местное самоуправление в современной России: аналитический доклад «Реализация законодательства Российской Федерации по вопросам местного самоуправления и основные проблемы развития местного самоуправления в современной России». - М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2005. - 240 с.

16. Сабаева С.В. Статус отдельных административно-территориальных единиц в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / С.В. Сабаева // Конституционные чтения. Вып. 5: Проблемы науки конституционного права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / под ред. Т.Д. Зражевской. - Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. - 234 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ПРИНУЖДЕНИЯ ДОЛЖНИКА К ИСПОЛНЕНИЮ СУДЕБНЫХ АКТОВ

В. Э. Рудер,
магистрант ИГиП ТюмГУ
valera_ruder@mail.ru
Научный руководитель:
С.В.Горовенко,
и.о. заведующего кафедрой административного
и финансового права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук

Системы принудительного исполнения Германии, Нидерландов, Греции и Эстонии объединяет применение такой меры, как тюремное заключение. В Германии должник может быть подвергнут аресту в исключительных случаях во исполнение требований неимущественного характера при условии, что иные меры обеспечения исполнения обязательства не принесли должного результата [1;43].

Если должник уклоняется от исполнения судебного решения, взыскатель вправе ходатайствовать перед судом об обеспечении исполнения наложением штрафа. И только если штраф не может быть взыскан, должник может быть принужден к исполнению обязательств посредством гражданского ареста. Согласно § 909 Гражданского уложения Германии срок содержания должника под стражей не может превышать шести месяцев [2].

В Нидерландах до 2002 г. тюремное заключение широко применялось в целях обеспечения погашения всех денежных обязательств, однако в настоящее время данная мера является крайней, преимущественным является принуждение должника к исполнению судебного решения посредством наложения штрафа. Применение гражданского ареста допускается только при взыскании алиментов на содержание детей. Тюремное заключение налагается судом по инициативе взыскателя сроком до одного года, при этом суд вправе отказать в применении данной меры, если сочтет ее неэффективной в конкретных обстоятельствах. Если должник является неплатежеспособным, то содержание его под стражей является недопустимым [3].

В Греции должник подлежит аресту в случае отказа от предоставления информации о местонахождении его имущества, подлежащего взысканию. В Эстонии тюремное заключение применяется в качестве альтернативы выплате долга: за каждые сутки, проведенные под стражей, установлена определенная сумма. Наложение ареста освобождает должника от уплаты долга, и обязательство считается исполненным [4;44].

Исполнительное производство США также предусматривает применение в отношении должника гражданского ареста, но наиболее часто применяемой мерой в этой стране является изъятие у должника водительских прав и лицензий на определенные виды деятельности. Что касается гражданского ареста, то он допускается в двух случаях. Во-первых, если кредитор не знает, где находится имущество должника, на которое должно быть обращено взыскание, а должник уклоняется от предоставления этой информации.

В этом случае кредитор обращается с ходатайством в суд, который направляет должнику повестку о вызове его в судебное заседание, в ходе которого должник обязан сообщить о местонахождении имущества. Если в ходе рассмотрения дела должник не раскрывает такую информацию или вообще не является в суд, то к нему может быть применено тюремное заключение, при этом конкретный срок содержания должника под стражей не назначается. Суд принимает решение об освобождении должника тогда, когда он представит требуемую информацию.

Во-вторых, основанием применения гражданского ареста является уклонение родителя от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей.

Также в США существует мера, способная на начальном этапе предотвратить появление неплатежеспособного должника и реализуемая Агентством по кредитным сведениям, собирающим информацию о ненадежных заемщиках и устанавливающим их рейтинг.

В Израиле допускается тюремное заключение, но только по решению Верховного суда в случае злого уклонения должника от исполнения судебного решения. Это касается платежеспособных должников, у которых была возможность исполнить свои обязательства, однако они этого не сделали.

Интересен опыт государства Израиль, где должник может быть ограничен в пользовании водительским удостоверением. Срок действия данной меры не установлен. По общему правилу водительское удостоверение возвращается после исполнения должником судебного решения, однако должник вправе предоставить гарантии исполнения в Управление системы судебных исполнителей, руководитель которого оценивает обстоятельства и решает вопрос об отмене ограничения.

Также, в Израиле предусмотрено особое ограничение для должников, являющихся учредителями корпорации или ее заинтересованными лицами, в отношении которых выносится распоряжение о прекращении их вложений в капитал корпорации[8;18].

Закон о судебных исполнителях Чешской Республики закрепляет запрет на распоряжение имуществом, накладываемый судебным исполнителем и распространяющийся на все имущество должника, включая то, о котором судебному исполнителю неизвестно. Запрет не допускается налагать на имущество, необходимое для удовлетворения основных жизненных потребностей. Результатом такого запрета является недействительность всех сделок, совершенных после его применения[9;52].

Что касается стран СНГ, то их законодательство об исполнительном производстве также предусматривает ограничения личных прав должника, мотивирующие его на добровольное исполнение судебного акта. Например, в Республике Беларусь суд по представлению судебного исполнителя вправе вынести определение об ограничении должника в выезде за пределы государства до момента исполнения им требований исполнительного документа. Данное определение направляется судебным исполнителем в компетентные органы[11;53].

Исполнительный кодекс Республики Молдова также предусматривает ограничение права должника на выезд из страны как одну из мер по обеспечению исполнения исполнительного документа. Данное ограничение налагается судом на срок до шести месяцев по представлению судебного исполнителя в случае, когда исчерпаны иные меры принуждения должника к исполнению.

Запрет на выезд должника из страны также допускается законодательством об исполнительном производстве Республики Казахстан. Также в Республике Казахстан применяется запрет на пользование водительскими правами и лицензиями и отказ в их выдаче: суд вправе по ходатайству судебного исполнителя вынести решение о применении указанных ограничений до погашения должником задолженности по исполнительным документам[12;23].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Каждая из рассмотренных мер воздействия на должника имеет высокую эффективность в государстве ее применения. Однако наиболее распространенными ограничениями с целью побуждения должника к исполнению судебного и иного принудительно исполняемого акта в мировой практике являются тюремное заключение, изъятие водительских прав и лицензий на определенные виды деятельности, ограничение выезда из страны, запрет на выдачу должнику паспорта, загранпаспорта или других проездных документов.

В Российской Федерации применяется только одна из перечисленных мер – временное ограничение права на выезд за пределы страны.

Ограничение права должника на выезд из страны уже доказало свою эффективность. Однако нередко выезд могут закрыть тому должнику, у которого даже нет заграничного паспорта. Ограничение права на выезд способно мотивировать к исполнению судебного акта только того должника, который совершает регулярные поездки за рубеж и который, будучи ограниченным в этом праве, не сможет вести привычный образ жизни.

Поэтому полезным к восприятию является опыт государства Израиль, где перед наложением запрета на выезд судебный исполнитель выясняет, собирается ли должник выехать за границу.

Логичным продолжением применения временного ограничения права на выезд из Российской Федерации представляется установление запрета на выдачу должнику документов: паспорта, заграничного паспорта и других проездных документов. Отказ в выдаче заграничного паспорта в Российской Федерации допускается, постановление о временном ограничении права на выезд является основанием такого отказа для УФМС. Изъятие заграничного паспорта будет способствовать достижению эффективности применения ограничения права на выезд должника из Российской Федерации.

Возникает вопрос: возможно ли внедрение в российскую систему принудительного исполнения

остальных ограничений и способны ли они достичь подобной эффективности в нашем государстве?

На сегодняшний день в России заключение под стражу применяется в рамках уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей и за злостное уклонение от погашения дебиторской задолженности.

Конечно, гражданский арест является самым суровым и радикальным способом борьбы с уклонением от исполнения судебного решения, поэтому вопрос о необходимости его применения, в том числе и в России, является дискуссионным.

Исходя из этого применение тюремного заключения за неисполнение судебного акта должно соответствовать следующим условиям. Во-первых, для наложения ареста необходимо удостовериться, что иные меры принуждения не могут принести такой же результат в тот же срок. Во-вторых, тюремное заключение должно соответствовать интересам взыскателя. В-третьих, арест должен применяться только в отношении платежеспособного должника, который в состоянии исполнить судебное решение. В-четвертых, данная мера должна налагаться только решением суда при наличии информированного согласия взыскателя. В-пятых, перечень решений, для исполнения которых осуществляется заключение под стражу, должен быть закрытым. И наконец, в-шестых, тюремное заключение должно применяться только при неисполнении исполнительных документов, являющихся судебными актами, так как все исполнительные документы составляют определенную иерархию, в которой судебные акты занимают высшую позицию и требуют в связи с этим несколько иных мер для их исполнения.

Разумеется, данное ограничение должно рассматриваться как крайняя мера, и его применение должно быть детально урегулировано во избежание злоупотреблений. Очевидно, что законодательно закрепить возможность заключения должника под стражу не так затруднительно, как реализовать данное ограничение на практике. Проблема заключается в переполненности следственных изоляторов и тюрем в Российской Федерации. Однако, как указывает И.В. Решетникова, «наличие возможности применения тюремного заключения к должникам по гражданским делам может привести к возникновению частных тюрем, которые известны всему миру» [18;38-43].

Изъятие водительских удостоверений и лицензий на определенные виды деятельности представляет собой запрет управления автотранспортным средством и занятия определенным видом деятельности в связи с неисполнением обязательств, установленных судебным решением, на определенный срок или до момента выполнения требований исполнительного документа. ФССП РФ стоит на пороге внедрения данной меры в систему принудительного исполнения. В проекте «Долгосрочной программы повышения эффективности исполнения судебных решений на период 2011-2020 годов», разработанном Министерством юстиции Российской Федерации, указано, что судебному приставу должно быть предоставлено право выносить постановление об ограничении специальных прав должника-гражданина, уклоняющегося от исполнения требований судебного акта.

Это очень значимый шаг в развитии исполнительного производства, поскольку рассматриваемое ограничение представляется одним из наиболее эффективных, его реализация не затруднительна и осуществляется в краткий срок, а в случае исполнения должником своих обязательств может быть оперативно отменена.

Одним из новых способов взыскания задолженности является наложение ареста на денежные средства, находящиеся на телефонном счете должника.

Также, способом психологического давления является, например, программируемое телефонное автоинформирование, когда с определенной периодичностью должнику поступают звонки или СМС-сообщения о наличии у него задолженности и необходимости ее погашения. После нескольких подобных сообщений должнику остается или сменить номер, или попытаться уладить вопрос с уплатой долга.

Вполне неординарным способом влияния на недобросовестных должников является привлечение приставами к своей работе духовных лиц. Соответственно, представители духовенства призваны фактически вести «душеспасительные» беседы с должниками, что должно позитивно сказаться на самосознании последних. Данный вариант борьбы представляется довольно спорным, но в борьбе за интересы взыскателя все средства хороши, если они совершаются в рамках закона и без принуждения.

Особенно важно затронуть ситуацию, в меньшей степени привычную иностранным государствам, но хорошо знакомую России. Огромное количество судебных решений и иных требующих исполнения актов объективно не может быть исполнено, поскольку должник не обладает имуществом, у него отсутствуют денежные средства, он не работает и отказывается устраиваться на работу. В таких ситуациях не только все предусмотренные законодательством меры, но и ограничения, эффективные в мировой практике, оказываются безрезультатными. Решение данной проблемы видится в применении в отношении таких должников исправительных работ. С установлением в законодательстве об исполнительном производстве подобной меры должники будут принудительно привлекаться к труду с вычетом из их заработка определенной части в счет исполнения требований исполнительного документа.

Таким образом, сравнительный анализ средств побуждения должника к исполнению судебных актов показывает, что все государства находятся в поиске наиболее эффективных принудительных мер. Наиболее распространенными ограничениями с целью побуждения должника к исполнению судебного и иного принудительно исполняемого акта в мировой практике являются тюремное заключение, изъятие водительских прав и лицензий на определенные виды деятельности, ограничение выезда из страны, запрет на выдачу должнику паспорта, загранпаспорта или других проездных документов.

Российское исполнительное производство не стоит в стороне: некоторые из используемых за рубежом ограничений уже на пути внедрения в систему принудительного исполнения, некоторые - еще нет, однако они также могут быть восприняты российским законодателем. Представляется, что в Российской Федерации необходимо рассмотреть вопрос о применении к должнику ареста и исправительных работ.

Список использованной литературы

1. Мирошниченко А.А. Средства принуждения должника к исполнению судебных актов (сравнительно-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 2.
2. Законодательство об исполнительном производстве в Федеративной Республике Германия // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации. 2010. № 4.
3. Исполнительное производство: традиции и реформы / Под ред. Р. Ван Рее, А. Узелач, В.О. Аболонина, В.В. Яркова. М.: Инфотропик Медиа, 2011.
4. Мирошниченко А.А. Средства принуждения должника к исполнению судебных актов (сравнительно-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 2.
5. Мирошниченко А.А. Средства принуждения должника к исполнению судебных актов (сравнительно-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 2.
6. Елисеева М.Н. Агентство по взысканию средств на содержание детей в Великобритании: правовой статус, функции и полномочия // Практика исполнительного производства. 2010. № 5.
7. Захарова Н.С. Организация исполнительного производства в Государстве Израиль // Практика исполнительного производства. 2011. № 6.
8. Мирошниченко А.А. Средства принуждения должника к исполнению судебных актов (сравнительно-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3.
9. Исполнительное производство: традиции и реформы / Под ред. Р. Ван Рее, А. Узелач, В.О. Аболонина, В.В. Яркова. М.: Инфотропик Медиа, 2011.
10. Мирошниченко А.А. Средства принуждения должника к исполнению судебных актов (сравнительно-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3.
11. Голубева А.Р., Могилева И.Ю. [Правовое регулирование исполнительного производства](#) в государствах - членах Евразийского экономического сообщества. Сравнительный анализ // Практика исполнительного производства. 2011. № 3.
12. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федер. закон от 15 авг. 1996 г. № 114-ФЗ; ред. от 23 июля 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029; 2013. № 30 (часть I). Ст. 4057.
13. Бондаренко В.Ю. Современные тенденции исполнительного производства и способы исполнения судебных актов // Закон. 2012. № 4.
14. Приложение № 1 к Приказу ФССП России от 10.01.2012 № 1 и № 3 «Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей территориальных органов ФССП».
15. Решетникова И.В. [Исполнительное производство за рубежом](#) // Право и экономика. 2001. № 3.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

**В.И. Сивачёв,
магистрант ИГиП ТюмГУ
siwa4ov@yandex.ru**

**Научный руководитель:
С.В. Зимнева,
доцент кафедры гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

В настоящее время участие в долевом строительстве является достаточно популярной формой приобретения недвижимости. Это связано с тем, что стоимость приобретения еще несуществующей недвижимости путем участия в долевом строительстве существенно ниже стоимости приобретения готовой недвижимости. В этом и заключается главный риск участников долевого строительства, к которым Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве») относит граждан и юридических лиц, которые фактически покупают «виртуальную» недвижимость. Второй стороной общественных отношений, связанных с участием в долевом строительстве, является застройщик, которым согласно пункту 1 статьи 2 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве» является юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, имеющее в собственности или на праве аренды, на праве субаренды либо на праве безвозмездного пользования земельный участок и привлекающее денежные средства участников долевого строительства для строительства (создания) на этом земельном участке многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, за исключением объектов производственного назначения, на основании полученного разрешения на строительство.

Участие в долевом строительстве реализуется путем заключения сторонами договора участия в долевом строительстве, в соответствии с которым одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости. Данный договор заключается в письменной форме, подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации, если иное не предусмотрено самим Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве».

Ответственность за нарушение обязательств по договору участия в долевом строительстве, согласно статье 10 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве», предусмотрена как самим Федеральным законом, а именно ответственность участника долевого строительства, в случае нарушения установленного договором срока внесения платежа, и ответственность застройщика, в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства, так и непосредственно договором участия в долевом строительстве. Также статья 10 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве» указывает формы гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств по договору как неустойка (штраф, пеня) и возмещение в полном объеме причиненных убытков сверх неустойки.

Следует отметить, что в судебной практике встречаются случаи, когда индивидуальные предприниматели заявляют требования о взыскании с застройщиков неустойки за нарушение срока передачи объекта недвижимости в двойном размере, мотивируя это тем, что согласно части 2 статьи 6 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве» если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная данной частью неустойка выплачивается в двойном размере. Судебная практика по данному вопросу исходит из того, что по смыслу указанной нормы двойной размер неустойки вправе требовать только гражданин, не имеющий статуса предпринимателя [2].

Соответственно различны основания для уплаты неустойки, для участника долевого строительства это будет нарушение установленного договором срока внесения платежа, а для застройщика это наруше-

ние предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства.

Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве» предусмотрена такая форма ответственности как взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами, согласно общему правилу пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ) вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица. В силу того, что денежными средствами, переданными участником долевого строительства, пользуется застройщик, данная форма ответственности применима лишь в отношении его [4; 15].

Как отмечают Ершов О.Г. и Виноградов М.В., поскольку обязанность застройщика по договору участия в долевом строительстве связана с передачей в определенный срок объекта долевого строительства, то она не носит денежного характера [5; 40].

Соответственно в случае просрочки, застройщик отвечает, прежде всего, не за пользование чужими денежными средствами, которые он вложил в строительство, а за сам факт просрочки.

Данный вывод подтверждается и материалами судебной практики. Так, Конституционный суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что проценты за пользование чужими денежными средствами, уплата которых предусмотрена частью 2 статьи 9 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве», является мерой гражданско-правовой ответственности, носят характер законной неустойки, соответственно возможно уменьшение размера данных процентов судом на основании статьи 333 ГК РФ [6].

Следующей формой ответственности является возмещение убытков, под которыми понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В статье 10 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве» закреплен принцип полного возмещения убытков, из чего следует, что должны возмещаться как реальный ущерб, так и упущенная выгода.

Компенсация морального вреда, как дополнительная форма ответственности, следует из положения части 9 статьи 4 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве». Участникам долевого строительства моральный вред компенсируется на общих основаниях, предусмотренных Законом РФ «О защите прав потребителей» [7], так как Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве» отношения о компенсации морального вреда не регулируются.

Дополнительной формой ответственности застройщика перед участником долевого строительства является взыскание, при удовлетворении судом требований участника долевого строительства, штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований участника долевого строительства в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом участнику долевого строительства [8; 4]. Суды обосновывают данную форму ответственности пунктом 46 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» от 28 июня 2012 № 17 [9], согласно которому при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду.

Анализ судебной практики показал, что суды общей юрисдикции в своем большинстве принимают решения о возмещении неустойки, убытков, компенсации морального вреда в пользу участников долевого строительства, а также применяют к застройщикам штрафы [10].

Аналогичную судебную практику можно проследить в решениях арбитражных судов, которые взыскивают с застройщика неустойку при нарушении сроков передачи объекта долевого строительства в пользу участника долевого строительства [11].

04 декабря 2013 года Президиум Верховного суда Российской Федерации утвердил «Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» [12]. Отдельный раздел данного Обзора посвящен ответственности за нарушение договора участия в долевом строительстве.

Подводя итог по формам ответственности сторон договора участия в долевом строительстве, представим их в общем виде: неустойка (штраф, пени), возмещение убытков, взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами, в качестве дополнительных – компенсация морального вреда гражданину - участнику долевого строительства, и возложение штрафа на застройщика за несоблюдение в

добровольном порядке удовлетворения требований гражданина - участника долевого строительства, в случае удовлетворения судом его требований.

Обобщая все вышеуказанное, следует отметить, что существующее правовое регулирование, безусловно, не является идеальным и нуждается в постоянной актуализации, соответствуя тенденциям времени. Государство в лице компетентных органов должно более активно проводить работу по профилактике возможных нарушений в области долевого строительства, но в то же время оно не должно забывать о мерах поощрения для добросовестных застройщиков, например, разрешая им предоставлять отчетность об осуществлении деятельности, связанной с привлечением денежных средств участников долевого строительства не ежеквартально, а раз в полгода либо в год. Судам же с учетом обобщенной практики по делам об участии в долевом строительстве следует, осуществляя свою деятельность, принимать решения исходя из принципа единообразия судебной практики. Все указанные меры позволят повысить уровень доверия населения к долевого строительству, тем самым дадут возможность увеличить объемы строительства недвижимости в стране, и в конечном итоге помогут снизить существующую потребность граждан в жилье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ: по сост. на 01 марта 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 40.
2. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13 июня 2013 г. по делу № А33-19619/2012 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 31.03.2015).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: по сост. на 02 марта 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Козлова Е.Г. Ответственность сторон по договору долевого участия в строительстве и случаи его расторжения / Е.Г. Козлова // Налоги. – 2009. – № 41. – С. 14-17.
5. Ершов О.Г. О природе процентов за пользование денежными средствами при отказе от исполнения договора участия в долевом строительстве / О.Г. Ершов, М.В. Виноградов. // Юрист. – 2008. – № 6. – С. 39-41.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маслова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав частями 2 и 6 статьи 9 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного суда Российской Федерации от 28 мая 2009 г. № 606-О-О [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 31.03.2015).
7. О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 № 2300-1: по сост. на 01 июля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
8. Дубровская И. Застройщик плюс дольщик... / И. Дубровская // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 37. – С. 1, 4.
9. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2012.
10. Решение Ленинского районного суда города Тюмени от 12 декабря 2013 по делу № 2-8577/2013-М-8724/2013 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 31.03.2015).
11. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03 июня 2014 г. по делу № А70-10128/2013 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 31.03.2015).
12. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 декабря 2013 года) [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации: сайт. – URL : http://www.vsrif.ru/vscourt_detale.php?id=8993 (дата обращения: 31.03.2015).

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

**Ю.С. Смиренко,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
yura-smirenko@yandex.ru
Научный руководитель:
О.Г. Геймур,
доцент кафедры административного
и финансового права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук**

Приоритетом государственной социально – экономической политики современной России является обеспечение высоких и устойчивых темпов экономического роста. Особое место в этом процессе занимает банковский сектор, развитие которого в значительной степени зависит от состояния банковской системы России, ее правового регулирования, банковского регулирования и надзора [1, 3]. С развитием банковской системы возникает потребность в совершенствовании ее правового регулирования и во внедрении в соответствующие правовые нормы положений, которые способствовали бы предупреждению правонарушений, способных вызвать системную нестабильность в экономике. Как отмечают эксперты, проблема устойчивости банковской системы перерастает национальные границы. Построение модели банка, банковской системы, наиболее защищаемой от общеэкономических и социальных потрясений, становится общенациональной проблемой, приоритетной экономической задачей современного мира. В деятельности банковской системы и ее отдельных институтов сохраняется ряд противоречий, снижающих эффективность хозяйствования, возможность развития более ускоренными темпами [2, 21]. В этой связи, хотелось бы раскрыть основные проблемные аспекты правового регулирования в банковской сфере.

Несмотря на наличие реальных проблем в современной банковской деятельности, есть и ряд законодательных решений, которые несут положительные моменты. В основе правового регулирования банковской системы России, включая особенности правового статуса Банка России, защиты и обеспечения устойчивости рубля, реализации государственной денежно-кредитной политики, защиты прав и законных интересов участников денежно-кредитных отношений, лежит не только банковское или гражданское законодательство, но и в первую очередь Конституция России [3, 9]. Основные положения, касающиеся правовых основ функционирования банковской системы, были сформулированы в статьях 8, 15, 71, 75 Конституции Российской Федерации [4], в последующем развернуты в федеральных законах «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [5], «О банках и банковской деятельности» [6] и ряде других законодательных актах. В настоящий момент устойчивость банковской системы Российской Федерации обеспечивается взаимодействием Центрального банка РФ и кредитных организаций, и строится на основе издания Центральным банком нормативных предписаний и выполнения их положений кредитными организациями; осуществления контроля (надзора) за деятельностью кредитных организаций и внутреннего банковского контроля за проводимыми операциями, активами. Банком России принимаются нормативные акты, предусматривающие совершенствование банковского регулирования и контроля, включая лицензирование банковской деятельности, организацию дистанционного надзора, инспектирование, противодействие отмыванию преступных доходов.

В целях укрепления доверия к банковской системе со стороны населения и роста организованных сбережений населения, а также снижения рисков банков при формировании долгосрочной ресурсной базы был принят Федеральный закон «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» от 23 декабря 2003 года № 177-ФЗ [7]. Данный Федеральный закон устанавливает правовые, финансовые и организационные основы функционирования системы обязательного страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации, компетенцию, порядок образования и деятельности организации, осуществляющей функции по обязательному страхованию вкладов, порядок выплаты возмещения по вкладам, регулирует отношения между банками, Агентством по страхованию вкладов, Банком России и органами исполнительной власти Российской Федерации в системе страхования вкладов.

Банк России осуществляет анализ деятельности кредитных организаций с целью предотвращения и выявления ситуаций, которые могут угрожать стабильности банковской системы России, законным интересам вкладчиков и кредиторов, на основе проведения плановых и внеплановых проверок кредитных

организаций, так за 2013 год по данным Центрального Банка, было проведено на плановой основе 688 проверок (66,9%) и 341 (33,1%) проверка на внеплановой основе [8]. Данные мероприятия, помогают выявлять нарушения кредитной организацией федеральных законов, нормативных актов и предписаний Банка России, представления неполной или недостоверной информации, что влечет применение санкций к нарушителю, а именно к руководителям кредитных организаций, это подтверждается данными по возбужденным делам гражданско-правового и уголовного характера, за нарушение законодательства в сфере банковских услуг с 2012-2014 г.г. За данный период, по гражданской ответственности, ущерб нанесенный действиями руководства, составил 2 680 676 рублей, а по уголовной ответственности, руководители, привлекались чаще всего за мошенничество и преднамеренное банкротство организации [9].

Регулирование деятельности кредитных организаций - это система мер, посредством которых государство через ЦБ обеспечивает стабильное и безопасное функционирование банков, предотвращает дестабилизирующие процессы в банковском секторе. Можно согласиться с Серебренниковым А.С. в том, что в настоящее время актуальными направлениями совершенствования банковского контроля можно назвать предотвращение нетранспарентности банковской деятельности, совершенствование системы оценки экономического положения банков и отбора банков для участия в системе страхования вкладов [10, 12]. Целесообразно и дальше развивать банковский контроль в указанной сфере, что позволит обеспечить достаточно высокую устойчивость отечественной банковской системы.

В соответствии с законом «О Центральном банке Российской Федерации» целями деятельности Банка России являются защита и обеспечение устойчивости рубля; развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации; обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации. В целях обеспечения реализации единой государственной валютной политики, а также обеспечения устойчивости валюты Российской Федерации и стабильности внутреннего валютного рынка Российской Федерации как факторов прогрессивного развития национальной экономики и международного экономического сотрудничества был принят Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ [11]. Исходя из положений этих законов Центральный Банк в современных условиях первоначально должен обеспечить стабильность российской валюты. Однако некоторые российские аналитики считают, что политика российских монетарных властей, в частности Центрального банка, искусственно ограничивающих денежное предложение на внутреннем рынке и потакающих вывозу капитала, усугубляя действие экономических санкций. В современных условиях одной из наиболее важных задач валютного регулирования является подавление нелегального оттока капитала за границу. В то же время вывоз капитала из России, тем не менее, происходит. В данном случае речь идет о сумме, составившей за первое полугодие 2014 года более 80 млрд. долларов, которая совпадает по объему с величиной сокращения кредитов российским заемщикам, вызванные введением санкций. Результативная борьба Банка России с указанным явлением могла бы свести к минимуму негативный эффект введенных против нашей страны экономических санкций [12, 23].

Надзорные и регулятивные функции Банка России выражаются в государственной регистрации кредитных организаций и лицензировании банковских операций, в установлении для кредитных организаций обязательных экономических нормативов, а также правил проведения банковских операций, правил бухгалтерского учета, составления статистической отчетности, в предъявлении квалификационных требований к руководителям исполнительных органов и главному бухгалтеру кредитной организации. Отзыв лицензии – крайняя мера, применяемая Банком России в порядке надзора к тем кредитным организациям, которые нарушают законы и не выполняют требования нормативных актов ЦБ РФ. За период с 01.01.2006 г. по 01.01.2014 г. были отозваны лицензии на осуществление банковских операций у 254 кредитных организаций, за данный период наблюдается определенная устойчивая тенденция к увеличению числа кредитных организаций, у которых отозваны лицензии на осуществление банковских кредитных операций [13]. Основаниями отзыва лицензий на осуществление банковских операций были нарушение банковского законодательства, существенная недостоверность отчетности, неисполнение требований кредиторов. Процесс отзыва лицензий у кредитных организаций набирает обороты, так согласно статистическим данным Банка России за период с 01.01.2014 – 01.01.2015 число зарегистрированных организаций сократилось с 1071 до 1049, за этот же период число отозванных лицензий, напротив, увеличилось с 1616 до 1638 [14].

В целом, действующая политика государства и Банка России направлена на сокращение числа неэффективных финансовых структур, повышение капитализации и собственного капитала кредитных организаций, консолидацию российской банковской системы путем ее укрупнения. Можно сделать вывод, что Банком России проводится более тщательный отбор при выдаче лицензий кредитным организациям, а также если анализировать статистические данные по отзыву лицензий, то справедливо будет отметить, что с рынка банковских услуг, убираются не добросовестные организации банковского сектора. Однако, также необходимо формирование максимально благоприятной среды для развития банковского бизнеса, для повышения конкурентоспособности и наращивания возможностей отечественной банковской системы.

Причём все ключевые параметры – качество управления банками, состояние конкурентной среды, прозрачность банковской деятельности, банковский надзор – должны ориентироваться на самые высокие международные стандарты.

Обозначенные моменты - лишь часть большого массива проблем, решение которых требует не принятия отдельных мер, а проведения согласованной политики всех государственных органов. Более того, эти меры должны осуществляться в комплексе с общеэкономическими мерами в рамках общей экономической политики. Анализ действующего законодательства в области регулирования банковской деятельности позволяет сделать вывод о том, что эффективная и стабильная банковская система является одной из составляющих финансовой устойчивости государства. Современная политика государства в области регулирования банковской системы должна быть направлена на повышение эффективности ее функционирования, что может быть достигнуто путем совершенствования правовой базы.

Список литературы:

1. Пшеничников А. Г. Финансово-правовые аспекты государственной политики в сфере банковской деятельности в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.14 / А. Г. Пшеничников - Тюмень, 2010. – 197 с.
2. Фетисов Г.Г. Экономическое и организационно-правовое обеспечение устойчивости банковской системы / Г.Г. Фетисов //Адвокат. – 2012. – №9. – С. 21–27.
3. Гейвандов Я.А. Социальные и правовые основы банковской системы РФ, 2003 г. / Я.А. Гейвандов. - М.: «Аванта+», 496 с.
4. Конституция Российской от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 5 февраля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 15. – Ст. 1691.
5. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ: по сост. на 29 декабря 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.
6. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 02 декабря 1990г. № 395-1: по сост. на 29 декабря 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 6. – Ст. 492.
7. О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации: федеральный закон от 23 декабря 2003 года № 177-ФЗ: по сост. на 29 декабря 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 5029.
8. Отчет Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации [сайт]. – URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения 10.03.2015).
9. Обзор банковского сектора Российской Федерации. Аналитические показатели. № 149. 2015 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cbr.ru/analytics/?PrtlId=bnksyst> (дата обращения: 21.03.2015).
10. Серебренников А.С. Актуальные направления совершенствования банковского контроля / А.С. Серебренников // Финансовое право. – 2012. - № 8. - С.11–19.
11. О валютном регулировании и валютном контроле: федеральный закон от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ: по сост. на 29 декабря 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 1. – Ст. 7.
12. Глазьев С. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике / С. Глазьев // Вопросы экономики. – 2014. – №9. – С. 23–28.
13. Статистические данные Банка России по отзыванным лицензиям кредитных организаций 2013–2015 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.cbr.ru/search/print.press.htm> (дата обращения: 19.03.2015).
14. Банк России может ускорить темпы отзыва лицензий, убрав с рынка до 50 игроков // Налоги. – 2014. – № 7. – С. 1–3.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.В. Столбов,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
centr1235@gmail.com

Научный руководитель:
Д.А.Авдеев,
доцент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Конституция Российской Федерации закрепляет за каждым гарантию права на свободу совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Исходя из текста Конституции и Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" (далее ФЗ о свободе совести) [1] возникают определенные трудности при разграничении понятий свобода совести и свобода вероисповедания, трактовка, которую дает законодатель, стала причиной выраженных научных дискуссий. Учитывая огромную роль религии, в истории России мы считаем необходимым провести анализ данных юридических понятий на предмет их соотношения.

Как считает А.В. Пчелинцев «исходя из лингвистической конструкции названной формулировки, вытекает, что на конституционном уровне теперь свобода совести хотя формально и связывается со свободой вероисповедания, однако не отождествляется с ней, как это было ранее, следовательно, согласно Конституции, это самостоятельные понятия, каждое из которых должно иметь специфическое юридическое содержание, однако дальнейшее содержание названной статьи Конституции опровергает это, и свобода совести, и свобода вероисповедания рассматриваются как единое понятие, включающее в себя: право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, то есть, согласно конституционно-правовому содержанию и смыслу ст. 28 свобода совести и свобода вероисповедания составляют единое понятие и единый правовой институт». Таким образом, по мнению А.В. Пчелинцева, существует некорректность в трактовке ч.1 ст.28 Конституции РФ, где свобода совести и свобода вероисповедания записаны в порядке перечисления, то-есть как два различных права, однако в дальнейшем содержании статьи рассматриваются как единое понятие. Исходя из этого, А.В. Пчелинцев считает, что было бы логичным в ст. 28 Конституции Российской Федерации вместо формулы «свобода совести, свобода вероисповедания» использовать формулу «свобода совести и вероисповедания» [2].

Попытаемся рассмотреть содержание вышеуказанных понятий. Как показывает анализ отечественного законодательства, понятия свободы совести и свободы вероисповедания отождествляются. Ранее подобные отношения регулировались Законом СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» [19] и Законом РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий» [20]. В соответствии с ст. 3 Закона СССР, основываясь на праве на свободу совести, каждый гражданин самостоятельно определяет свое отношение к религии, вправе единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии. В свою очередь, в ст. 3 Закона РСФСР закреплялась свобода вероисповедания, которая включает право каждого гражданина свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и атеистические убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства. О.А. Иванюк считает, что, по существу, как явствует из приведенных норм, различий между понятиями свободы совести и свободы вероисповедания в данных актах не делалось. На основании анализа нормативных актов социалистической России можно сделать вывод о том, что права на свободу совести и вероисповедания являлись по своей сути одним и тем же понятием [3].

Как считает И.В. Осин, современная наука конституционного права не выработала единого взгляда на проблему соотношения свободы совести и свободы вероисповедания. Многие авторы придерживаются позиции, согласно которой содержание свободы совести составляет свобода в определении своего отношения к вопросам веры и религии, т.е. свобода вероисповедания [4;2]. Осин приводит позиции различных авторов относительно соотношению этих свобод: «Так, Ю.А. Розенбаум определяет свободу совести в узком смысле как право каждого человека самостоятельно решать вопрос о том, руководствоваться ли ему в оценке своих поступков и мыслей поучениями религии или отказываться от них [5;228]. А.Е. Козлов свободой совести в конституционном праве считает отношение человека к религии, его самоопределение по отношению к ней, свободу убеждений по отношению к Богу [6;142]. М.В. Баглай и В.А. Туманов рассматривают понятие свободы совести и вероисповедания - как право человека как быть атеистом, т.е. не верить в Бога, так и верить в Бога в соответствии с учением той или иной свободно выбранной им религии (вероисповедания) [7;414]. Т.Ю. Архирейская полагает, что свобода совести означает духовное и юридическое право граждан на свободный выбор формы своего отношения к религии, выражающееся в возможности выбирать и исповедовать ту или иную веру» [8;9].

И.В. Осин считает, что нет необходимости проводить анализ свободы совести, чтобы понять, что соотношение свободы совести и свободы вероисповедания можно определить как соотношение целого с частью. Таким образом, он считает свободу вероисповедания составным элементом свободы совести, внутреннее содержание которые шире, чем отношения человека к религии, выбору веры. Мы солидарны с позицией автора, по нашему мнению, диалектически связанные понятия «свобода вероисповедания» и «свобода совести» не стоит разделять ни в процессе законотворчества, ни в процессе научного исследования, а также, поскольку данные понятия соотносятся как родовое и видовое, упоминание свободы совести подразумевает упоминание и свободы вероисповедания[4].

Другого подхода в вопросе соотношения данных свобод придерживается С.Ф. Денисов, по его мнению, свободу совести следует рассматривать как юридическую предпосылку закрепленной ч. 3 ст. 29 Конституции РФ свободы убеждений. В частности С.Ф. Денисов считает, что свобода совести предполагает самостоятельный нравственный выбор индивидом ценностей и норм, определяющих убеждения человека, и в них могут содержаться не только имеющие отношения к религии, но и другие мировоззренческие идеи. Свободу вероисповедания же он относит как одну из разновидностей свободы совести, то-есть свободный выбор какой-нибудь религии, предполагаю свободу только для верующих[9;36]. По нашему мнению, данная позиция, заключающаяся в рассмотрении свободы совести и вероисповедания как предпосылку к свободе убеждений является небесспорной, так как ч. 3 ст. 29 Конституции РФ лишь закрепляет возможность не выражать свои убеждения, тем более, убеждение является лишь элементом мировоззрения, что по своей сути является частью свободы совести.

Мы солидарны с позицией С.А. Авакьяна, что «в Ф3 о свободе совести предусмотрено одно право личности, охватывающее обе данные свободы. Ст. 3 именуется «Право на свободу совести и свободу вероисповедания», однако из анализа текста ст. 28 Конституции и ст. 3 Закона следует, что к содержанию данного права и соответствующих свобод нужен многоаспектный подход» [10].

Как видно из анализа международных актов, в частности Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) (10 декабря 1948 г.)[11], а также Конвенции о защите прав и свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984))[12], статьям 18 и 9 соответственно, понятие свободы совести и религии не разграничиваются в этих документах, более того, к этому праву также добавлено право на свободу мысли, тем самым эти понятие отождествляются не только между собой, но и со свободой мысли.

Следует отметить, что Конституция Республики Казахстан разграничивает анализируемые понятия, как видно из текста ст. 22 Конституции Казахстана[14]. Каждый имеет право на свободу совести, тем самым законодатель не разъясняет, что именно включает в себя данное понятие, и пожалуй, позволило бы определить в его содержании право на свободу вероисповедания или религии, так как согласно семантическим нормам русского языка «вероисповедание» есть то же, что и «религия» [13;79].

Однако Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [15] закрепляет право граждан на религиозные убеждения, закрепляя, что Каждый вправе придерживаться религиозных или иных убеждений, распространять их, участвовать в деятельности религиозных объединений и заниматься миссионерской деятельностью в соответствии с законодательством Республики Казахстан. Таким образом, законодатель Казахстана отделяет данные понятие, однако не конкретизирует свободу совести.

Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. №2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях» [21] закрепляет право на свободу совести и право на свободу вероисповедания, при этом, согласно ст. 4 данного закона, свобода совести заключается в свободном выборе атеистических или религиозных убеждений, а именно определять отношения к религии, единолично или с другими исповедовать религию или не исповедовать никакой, в отличие от этого права, свобода вероисповедания, в соответствии со ст.5 заключается в свободном выборе, возможности менять, выражать и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними. На основании вышеупомянутых статей, можно сделать вывод, что понятия свободы совести и вероисповедания не равны между собой, так как свобода совести предполагает выбор отношения к религии (придерживаться ли религии, либо быть атеистом), когда свобода вероисповедания представляет собой право действовать в соответствии с уже выбранной религией.

По мнению А.И. Кудрявцева «неопределенность действующей терминологической конституционной конструкции может негативно сказаться на законотворческой деятельности и правоприменительной практике, он считает, что нельзя признать удачным установившееся в современном праве присутствие в одном контексте терминологически разных, но взаимосвязанных понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания». Кроме того, сведение конституционных прав граждан в сфере государственно-церковных отношений исключительно к свободе вероисповедания, т. е. подмене широкого понятия более узким, неизменно приводит к игнорированию или нарушению права граждан на свободомыслие» [16].

Г.П. Лупарев предлагает вместо термина «свобода совести и вероисповедания» использовать в законодательстве понятие «свобода мировоззрения», что позволит перейти от дуалистического к плюралистическому пониманию мировоззренческой свободы» [17;6].

Таким образом, в процессе анализа понятий свободы совести и вероисповедания а также их правовой природы, рассмотрев позиции различных авторов по вопросу их соотношения, мы пришли к выводу, что, во-первых, в науке конституционного права отсутствует единообразное понимание свободы совести и вероисповедания, во-вторых, выраженные различные подходы к понятию права на свободу совести и вероисповедания имеют место быть не только в сфере конституционного, но и административного, гражданского и уголовного права и нуждается в более детальном пояснении законодателя относительно разъяснения понятий данных свобод. Учитывая разносторонние подходы в соотношении данных свобод, наиболее предпочтительной нам кажется, является позиция Г.П. Лупарева, предлагающего использовать термин свобода мировоззрения, а также как справедливо заметил А.И. Кудрявцев, введение такого понятия позволит наиболее рационально решать вопросы связанные и правоприменительной практикой и законотворческим процессом. А.В. Пчелинцев, отмечает, что чаще всего свобода совести и свобода вероисповедания рассматриваются религиозными организациями как синонимы [18;2], несмотря на это, а также учитывая разницу в конфессиях, подход по замене понятия в одно, более объемлющее позволяет, как уже было сказано наиболее рационально разрешать вопросы правоприменительной практики.

Опыт зарубежной практики показывает отсутствие однозначности в вопросе соотношения данных понятий, международные акты не разграничивают свободу совести и вероисповедания, тогда как нормативно-правовые акты республик Казахстан и Беларусь отделяют эти понятия между собой, следует указать на то, что Казахстан, при закреплении этих прав, не раскрывает содержания свободы совести, что создает возможность для трактовки этого права как понятия по своей природе, включающего свободу вероисповедания, тогда как Беларусь более детально разграничивает эти понятия, закрепляя право на свободу совести – как выбор отношения к религии, когда свобода вероисповедания представляет право действовать в соответствии с уже выбранной религией.

Таким образом, по нашему мнению наиболее рациональным ввести законодателю взамен понятий свобода совести и вероисповедания понятие – свобода мировоззрения. Указанное нововведение позволит объединить в своем содержании такие понятия как свобода совести, вероисповедания, также сюда можно добавить свободу мысли и слова, убеждений. Это позволит значительно облегчить юридическую конструкцию данных прав, заменив их всеобъемлющим понятием для простоты понимания, а также облегчения регулирования многих вопросов в правоприменительной практике.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 31.12.2014) "О свободе совести и о религиозных объединениях" (26 сентября 1997 г.) // Собрание законодательства РФ, 29.09.1997, № 39, ст. 4465.
2. Пчелинцев А.В. Свобода совести и вероисповедания как правовой институт // Религия, политика и права человека. Материалы конференции. М., 2002.
3. Иванюк О.А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал российского права, 2010, № 9

4. Осин И.В. Свобода совести как субъективное право // Конституционное и муниципальное право, 2008, № 23. С.2.
5. Конституция РФ: Научно-практический комментарий / Под ред. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 1997. С. 228.
6. Научно-практический комментарий к Конституции РФ / Отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2001. С. 142.
7. Баглай М.В., Гуманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 414.
8. Архирейская Т.Ю. Правовые основы деятельности религиозных объединений в России: история и современность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9.
9. Денисов С.Ф. Свобода совести и свобода вероисповедания (к вопросу о содержании понятий) // Общество и религия. Материалы Омского межрегионального семинара "Общество. Закон. Религия". 22 - 23 мая 1997 г. / Под ред. Л.М. Дмитриевой и Н.А. Томилова. Омск: Администрация г. Омска, 1977. С. 36.
10. Авакьян С.А. Свобода вероисповедания как конституционно-правовой институт // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1999. № 1.
11. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) (10 декабря 1948 г.) // <http://Российская газета>, № 67, 05.04.1995.
12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [№ 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом № 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, « 2, ст. 163.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 79, 674.
14. Конституция Республики Казахстан (Принята на референдуме 30 августа 1995 года.) // <http://www.constitution.kz/>
15. Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» // <http://azh.kz/ru/news/view/7572>.
16. Кудрявцев А. И. Государственно-церковные отношения в Российской Федерации в 90-е годы XX века: конституционно-правовой аспект. Дис. ...канд. ист. наук. М.: РАГС, 1999.
17. Лупарев Г. П. Свобода совести: «священная корова» или конституционно-правовой анахронизм? // Религия и право. 2002. № 2. С. 6.
18. Пчелинцев А.В. Право на свободу совести и вероисповедания в социальных концепциях религиозных объединений России // Конституционное и муниципальное право, 2009, № 8. С. 2.
19. Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 "О свободе совести и религиозных организациях" // "Ведомости СНД СССР и ВС СССР", 1990, N 41, ст. 813.
20. Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 "О свободе вероисповеданий" // "Ведомости СНД и ВС РСФСР", 1990, № 21, ст. 240.
21. Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. №2054-ХІІ "О свободе совести и религиозных организациях" // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1993 г., № 2, ст.18.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПОЛУЧЕННЫХ В ХОДЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИХ ИСТОЧНИКОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

О.Т. Сувитко,
студентка УО ГрГУ им. Янки Купалы,
специальность «Правоведение»
suvitko@mail.ru

Научный руководитель:
Р.Г. Зорин,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) является важной составной частью правоохранительной деятельности, представляет собой одно из средств выявления, пресечения и раскрытия преступлений. Информация, полученная в результате этой деятельности, содержится в материалах ОРД, которые используются в процессе расследования преступлений. На сегодняшний день проблемным является вопрос предоставления сведений, добытых оперативным путем, органу уголовного преследования или в суд. Вовлечение результатов ОРД в сферу уголовно-процессуальных отношений порождает немало проблем, которые требуют специального рассмотрения. В последние годы данная проблема остается дискуссионной как в теории так и на практике. В Республике Беларусь, России, Украине, а также в некоторых иных странах ближнего зарубежья не выработан единый подход по решению данного вопроса. В настоящее время назрела острая необходимость совершенствования процедуры вовлечения в уголовный процесс результатов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, в особенности ее должного законодательного регулирования. В этой связи нам представляется необходимым указать на ряд проблем, разрешение которых должно обеспечить единообразный подход к вопросу введения результатов ОРД в уголовный процесс в качестве доказательств.

В зависимости от позиций ученых относительно вопроса использования результатов ОРД в доказывании их можно разделить на три группы [1, с. 94]. К первой группе относятся сторонники полного отрицания такой возможности. Так, например, Е. А. Доля полагает, что «результаты ОРД ни при каких обстоятельствах не могут рассматриваться и использоваться в качестве доказательств по уголовному делу, даже если будет осуществлена их проверка в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством» [8, с. 7]. И. Л. Петрухин считает, что оперативно-розыскные данные необходимо исключить из системы доказательств в связи с невозможностью соблюдения при их получении предусмотренных законом необходимых процессуальных гарантий [9, с. 90]. Во второй группе находятся те, кто допускает придание результатам ОРД доказательственного значения. Д. И. Бедняков обращает внимание на то, что «процессуальная деятельность без применения непроцессуальных методов была бы невозможной, а непроцессуальная деятельность без последующего использования результатов – беспредельна» [10, с. 80]. Представители третьей группы неоднозначно высказываются по рассматриваемому вопросу. Так, например, наиболее активный разработчик законодательных предложений, касающихся упорядочения использования результатов ОРД в уголовном процессе, В. И. Зажицкий утверждает, с одной стороны что «фактически данные, выявленные при соблюдении требований законодательства об оперативно-розыскной деятельности, могут являться доказательствами по уголовному делу при условии, если будут установлены посредством процессуальных источников...» С другой стороны, он же высказывается о том, что «результаты оперативно-розыскной деятельности не являются доказательствами по уголовному делу» [11, с. 66].

Ряд авторов, например, Д. И. Бедняков, С. А. Шейфер, В. К. Зникин, М. П. Поляков, В. Черновол, В. Бозров придерживаются мнения о возможности использования результатов ОРД в доказывании напрямую – признавая их в качестве доказательств, либо косвенным путем, т.е. посредством легализации, интерпретации, трансформации, а именно придания им уголовно-процессуальной формы. В итоге независи-

мо от того как с помощью данных способов будут использованы результаты ОРД, суть данной концепции заключается в признании результатов ОРД доказательствами [2, с. 24].

Способом, подобным преобразованию результатов ОРД в доказательства, предлагает решить рассматриваемую проблему М. П. Поляков. Он предлагает трансформировать результаты ОРД путем придания им статуса доказательств. Результаты ОРД должны быть вписаны в систему доказательств и оценены наравне с другими фактическими данными, при этом следователь (дознатель) или судья выступают в качестве интерпретаторов указанной информации для себя и других участников процесса [3, с. 226]. Однако, как считают В. Ч. Родевич и А. Н. Тукало, всякого рода преобразования (трансформация, превращение) результатов ОРД в уголовно-процессуальные доказательства не всегда возможно. Так, например, в деле оперативного учета имеется информация от конфиденнта, которая отражает обстоятельства доказывания по уголовному делу, возбужденному впоследствии, однако это не означает, что данная информация будет отвечать требованиям относимости и допустимости, предъявленным к содержанию уголовно-процессуальных доказательств. Этим требованиям оперативные данные, полученные от конфиденнта, не отвечают и отвечать не смогут ни при каких условиях, так как они получены из источников и способами, не предусмотренными УПК. Доказательством по уголовному делу данная информация может стать лишь в случае допроса конфиденнта в качестве свидетеля. По содержанию приведенные данные могут совпадать, но это не является основанием для их отождествления, и тем более подмены оперативными данными уголовно-процессуальных доказательств. Исходя из изложенного ни о какой трансформации результатов ОРД в уголовно-процессуальные доказательства в рассматриваемом примере говорить нельзя. Фактически в данном случае имеет место формирование на основе результатов ОРД нового информационного массива – показаний свидетеля. По мнению авторов, во всех случаях проведения опроса с записью беседы результаты оформляются протоколом оперативно-розыскного мероприятия с приложением фонограммы. Результаты гласного опроса, когда опрашиваемый согласен подписать сообщенные им сведения, оформляются протоколом оперативно-розыскного мероприятия. Результаты негласного опроса оформляются рапортом (за исключением случаев использования записи) [4, с.61].

Согласно ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон об ОРД) результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, выявлению, пресечению преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывающихся от органов уголовного преследования и суда, уклоняющихся от исполнения наказания, ответчиков, должников по гражданским делам и без вести пропавших. Также результаты ОРД могут представляться в орган уголовного преследования или суд, в производстве которых находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь [5].

С данным предписанием корреспондирует ст. 101 УПК Республики Беларусь, озаглавленная «Материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности», которая закрепляет положение о том, что материалы полученные в ходе ОРД, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, представлены, проверены и оценены в порядке, установленном УПК Республики Беларусь [6]. Приведенное выше предписание Закона об ОРД, а также норма УПК не дают полного представления о том, каким образом результаты ОРД могут быть эффективно использованы в доказывании по уголовным делам.

Федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит норму, согласно которой результаты ОРД могут не только использоваться в доказывании по уголовным делам, но и служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела [7].

В УПК Республики Беларусь в качестве источников доказательств представлены протоколы ОРМ и другие носители информации. Теперь следователь, орган дознания вправе вынести постановление и поручить соответствующему учреждению прослушивание телефонных переговоров и их записи, которые могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела. Из этого следует, что данные полученные оперативным путем оформляются протоколом, лишь те которые получены при прослушивании и записи переговоров. Иные оперативно-розыскные данные, полученные не в ходе прослушивания переговоров протоколами не оформляются, что по мнению А. Н. Тукало является не логичным. Для устранения данного пробела, А. Н. Тукало предлагает дополнить ст.11 Закона «Об ОРД» и ст.99 УПК, т.е. протоколами следует оформлять и другие данные, полученные оперативно-розыскным путем. Это позволит указанные данные переводить в источники доказательств, что способствует более успешному собиранию, проверке и оценки доказательств и в конечном итоге повышению эффективности расследования уголовных дел [12, с. 229].

Используемый в тексте закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» термин «результаты оперативно-розыскной деятельности» не удостоился даже минимального законода-

тельного объяснения, поэтому исчерпывающих указаний на то, что же следует понимать под результатами, о которых идет речь, данный нормативный правовой акт не содержит. Кроме того, нет единообразия в наименовании результатов ОРД и в уголовно-процессуальном законодательстве. В одних случаях их называют «материалы» (ч. 7 ст. 36, ст. 101 УПК Республики Беларусь), в других – «предметы и документы» (ст. 103), поэтому смысловая расшифровка терминов «результаты» и «материалы» переводится в теоретическую область, где до сих пор еще не сложилось единого научного подхода к вопросам использования результатов ОРД в уголовном процессе [12, с. 207].

Противоречивость взглядов ученых, а также отсутствие четкого решения данного вопроса законодателем отрицательно отражается на практике правоприменения. Вместе с тем для следователей и оперативных работников подразделений, специализирующихся на борьбе с организованной преступностью, давно стало очевидным фактом то, что без использования результатов ОРД невозможно установить весь круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также всех соучастников преступлений [1, с. 96].

В последнее время широко обсуждается идея формирования новой отрасли права – оперативно-розыскного процесса, в рамках которого и была бы закреплена оперативно-розыскная форма, а также предмет оперативного доказывания, схожий с предметом уголовно-процессуального доказывания. По мнению авторов, надо исходить из того, что в рамках ОРД формируются результаты ОРД, а не уголовно-процессуальные доказательства. Уголовно-процессуальное содержание доказательств может формироваться только в уголовно-процессуальной форме. Каждому содержанию соответствует своя форма, и, наоборот, каждой форме соответствует свое содержание. По этой причине привести оперативно-розыскную форму в соответствие с уголовно-процессуальной сейчас не представляется возможным [4, с. 63].

В современных интеграционных процессах построения единого союзного государства между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, а также участие наших стран (наряду с Республикой Казахстан) в таможенном союзе, требует унификации действующего законодательства. Не является исключением нормы уголовно-процессуального права и закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», регламентирующие порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в доказывании. Действующий механизм использования результатов ОРД при подготовке и проведении следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыском сопровождении уголовного дела в процессе предварительного расследования, а также в качестве источников доказательств по уголовному делу нуждается в дополнении и частичном изменении [12, с. 206].

На основании изложенного необходимо сделать следующие выводы:

В уголовно-процессуальном и оперативно-розыском законодательстве Республики Беларусь есть несогласованность в обозначениях тождественных явлений, что влечет за собой затруднения в механизме их правовой оценки и использования. Так, в УПК используется понятие «материалы ОРД», а в Законе «Об ОРД» апеллируют понятием «результаты ОРД». Указанные нормативные правовые акты должны быть терминологически упорядочены.

Использование результатов в качестве доказательств представляется преждевременным по следующим причинам:

- способы проверки достоверности получаемой информации в ходе ОРД и в ходе процессуального доказывания принципиально различны;
- доказывание в уголовном процессе и в ходе ОРД также принципиально отличаются, осуществляются различными методами и в различных правовых режимах;
- результаты ОРД служат выявлению не доказательств, а источников сведений (личность свидетеля, потерпевшего);
- нормативно не урегулированы понятие и содержание оперативно-розыскных мероприятий;
- нормами национального законодательства не предусмотрен комплекс правовых требований предъявляемых к содержанию и форме ОРД, другие.

При этом необходимо отметить, что в последнее время широкое распространение получила научная дискуссия о необходимости разработки оперативно-розыскного права и оперативно-розыскного процесса. Надо полагать, что возникновение вышеуказанных новых отраслей права позитивно повлияет на решение проблемы процедуры вовлечения результатов ОРД в качестве доказательств в уголовный процесс.

Список использованных источников:

1. Зуев, С. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств / С. В. Зуев // Уголовное право. – 2007. - № 3. – С. 94-97.
2. Доля, Е. А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе / Е. А. Доля // Государство и право. – 2013. - № 5. – С. 24-39.

3. Поляков, М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук : 12.00.09 / М. П. Поляков; Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2002
4. Родевич, В. Ч., Тукало, А. Н. Развитие теоретических взглядов на проблему использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе / В. Ч. Родевич, А. Н. Тукало // Вестник Академии МВД. – 2009. -№2. – С. 60-64 .
5. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 09 июля 1999 г., № 289-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 года: одобр. Советом Республики 30 июня 1999г.: текст кодекса по состоянию на 28 авг. 2013 г.// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
7. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон Рос. Федерации, 18 июля 1997 г., № 101-ФЗ (с изм. и доп. на 28.06.2013)// Консультант Плюс: Российская Федерация [Электронный ресурс]. – Москва, 2015.
8. Доля, Е. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Е. А. Доля // Советская юстиция. – 1993. -№3. – С. 7-16.
9. Петрухин, И. Л. Судебная власть и расследование преступлений / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 1993. -№7. – С. 90-102.
10. Бедняков, Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д. И. Бедняков // М.: Юрид. лит. – 1991. – 208 с.
11. Зажицкий, В. И. Понятие использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / под ред. А. Ю. Шумилова //Проблемы формирования уголовно-розыскного права (Актуальные вопросы обнаружения преступлений с помощью негласных возможностей): Ведомственный сборник научных работ / Москва. – 2000. -№3. – С. 66-73.
12. Тукало, А. Н. Вопросы использования оперативно-розыскной информации в уголовном процессе / А. Н. Тукало // Государственно-правовое строительство в РБ в контексте европейских правовых процессов: Материалы междунар.науч.конф.,20-21 марта 2004 г.,Гродно: В 2ч. Ч.2/отв.ред. И.В.Гущин.- Гродно:ГрГУ,2004.-306с. С. 229-231.
13. Тукало, А.Н. Проблемы терминологии уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства // Материалы межведомственной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальный закон: состояние и направления совершенствования»: (Руза, 01 декабря 2011, Московский обл.филиал МосУ МВД России) сборник научных статей. – М.: МОФ МосУ МВД России, 2012. – С.206 – 209.

ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК С ПОТЕРПЕВШИМ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ

**О.В. Сушкова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
olga72tmn@yandex.ru
Научный руководитель:
Р.В. Минин,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук**

В семейном праве сложилось несколько подходов к толкованию понятия брака (брачных отношений). Так, брак рассматривается как союз мужчины и женщины, как договор, правовой институт и даже таинство. Однако Уголовный кодекс Российской Федерации [1] (далее – УК РФ, Уголовный кодекс) также позволяет рассматривать брачные отношения не только в указанных четырех ракурсах, но и как средство освобождения от наказания.

Федеральным законом от 27 сентября 2009 г. № 215 – ФЗ [2] было введено примечание 1 к ст. 134 УК РФ, которое предусмотрело специальный случай освобождения от наказания в связи с изменением обстановки. В соответствии с ним, лицо, впервые совершившее предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ насильственное половое сношение с потерпевшей (потерпевшим), не достигшей (не достигшим) 16-летнего возраста, освобождается от наказания в случае, если виновное и потерпевшее лица вступили друг с другом в брачные отношения после совершения преступления, в результате чего первый перестал быть общественно опасным, как перестало обладать этим свойством и совершенное им деяние.

По мнению некоторых правоведов (например, Т.Ю. Поповой), «...положительным моментом является введение Примечания к ст. 134 УК РФ, предусмотревшего условия полного (вступление в брак) или частичного (разница в возрасте между потерпевшей и подсудимым) освобождения от наказания судом лиц, совершивших насильственные преступления в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет, что свидетельствует о дифференцированном подходе к уголовной ответственности» [3; 35].

Вместе с тем, вызывает некоторые опасения то, что желание виновного вступить в брак с потерпевшим лицом может быть обусловлено исключительно стремлением избежать наказания, что не согласуется с провозглашаемой государством политикой укрепления семейных отношений. Более того, сама конструкция примечания не лишена недостатков и обнажает целый ряд правовых пробелов и противоречий. Рассмотрим некоторые из них.

Как известно, ст. 27 Семейного кодекса Российской Федерации [4] (далее - СК РФ, Семейный кодекс) среди прочих условий недействительности брака называет его фиктивность, которая имеет место в случае, когда супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью.

Но если брак будет признан недействительным по мотивам его фиктивности, означает ли это, что общественная опасность виновного и его деяния на самом деле не была устранена? И подлежит ли отмене в свете новых фактов ранее примененное освобождение от наказания? Этому вопросу ни УК РФ, ни постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 г. № 16 [5] не решают, как не решает его семейное законодательство, устанавливающее лишь семейно- и гражданско-правовые последствия недействительности брака, не касаясь уголовно-правовых тонкостей.

А что делать, если фиктивный брак признается недействительным при условии, что у виновного желание создать семью имелось, а у потерпевшего такого стремления не было? Можно ли в такой ситуации считать общественную опасность виновного устраненной? Учитывая чистоту его намерений, а также то, что фиктивность исходила от потерпевшей стороны, следует ответить на поставленный вопрос утвердительно. Подобно тому, как добросовестный супруг по СК РФ в случае признания брака недействительным имеет право оставить себе выбранную им при регистрации брака фамилию, требовать от недобросовестного супруга уплаты средств на содержание и т.д., считаем, что со стороны законодателя было бы правильно предусмотреть и сохранение права добросовестного супруга на применение к нему вышеуказанного основания освобождения от наказания. Этого, как известно, сделано не было, что лишний раз указывает на бессистемный характер законотворческой деятельности в современной России. Очевидно, зако-

нодатель подошел к конструированию примечания 1 к ст. 134 УК РФ крайне отрывочно, не принимая во внимание нормы других отраслей права.

Интересно и то, что сфера действия примечания ограничена лишь ч. 1 ст. 134 УК РФ и не применяется в случае совершения развратных действий, квалифицируемых по ч. 1 ст. 135 УК РФ. Получается, что при совершении 18-летним гражданином ненасильственного полового сношения с 15-летней потерпевшей он подлежит освобождению от наказания в связи с изменением обстановки, а при совершении этим же гражданином с этой же потерпевшей анального или орального секса виновный от наказания освобожден быть не может, даже если и заключит с этой потерпевшей брак, по той лишь причине, что анально- и орально-генитальные контакты не охватываются ст. 134 и требуют квалификации по ст. 135 УК РФ. Это, к слову, еще один яркий пример юридико-технической недоработки законодателя при создании уголовно-правовых норм, когда название статьи шире её содержания[6; 143].

Если сравнивать половое сношение по ч. 1 ст. 134 УК РФ и развратные действия по ч. 1 ст. 135 УК РФ с точки зрения их общественной опасности, то они практически идентичны, на что указывают нам санкции обеих норм.

И если общественная опасность обоих преступлений не имеет существенных различий, то почему брачные отношения устраняют её только применительно к ч. 1 ст. 134 УК РФ, не распространяясь на развратные действия?

К числу недостатков примечания в научной среде относят также то, что оно подлежит применению только к традиционным брачным отношениям, зарегистрированным между мужчиной и женщиной. То есть при лесбиянстве и мужеложестве партнеры заведомо не могут быть освобождены от наказания, поскольку они не могут вступить в брак, что вытекает из ст. 12 СК РФ, которая к числу условий заключения брака относит «добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста». Некоторые ученые усматривают в этом дискриминационные признаки - закон предоставляет преимущество в виде освобождения от наказания одним, лишая его других[7; 5-6].

Мы считаем, дискриминации здесь все-таки нет. Семейный кодекс устанавливает запрет на однополые браки на основании положения Конституции РФ[8], допускающей ограничение прав и свобод человека и гражданина в целях защиты основ конституционного строя, нравственности и т.д.

В добавление к вышесказанному, стоит заметить, что рассматриваемое примечание загромождает уголовный закон. Какой смысл закреплять специальный случай освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, если в ст. 80.1 УК РФ такое основание уже закреплено и может применяться ко всем случаям совершения впервые преступлений небольшой или средней тяжести, в том числе и предусмотренным ч. 1 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ. Какую цель преследовал законодатель, дублируя по сути уже закрепленную в Уголовном кодексе норму права?

Странно, что общественная опасность преступника и деяния вообще ставится в зависимость от супружеской связи. К примеру, даже находясь в брачных отношениях, супруг может изнасиловать собственную жену, и брак не исключает привлечения его к уголовной ответственности с назначением и реальным отбыванием наказания. В науке давно устоялось мнение, что ни брак, ни наличие сексуального опыта, ни род занятий (например, если женщина занимается проституцией) не означают, что совершить в отношении таких лиц половое преступление невозможно. Следовательно, насильственные половое сношение и иные действия сексуального характера с мужем, женой, проституткой и т.п. рассматриваются как преступные посягательства на их половую свободу или половую неприкосновенность. Получается, что закон противоречит сам себе – в ст. 131 и 132 брачные отношения виновного и жертвы не имеют никакого смягчающего значения, в ст. 134 – наоборот.

Убеждены, что освобождение от наказания за половое сношение и иные действия сексуального характера, совершенные без применения насилия к потерпевшей (потерпевшему), не должно ставиться в зависимость от заключения между ними брака. При этом те же самые действия, совершенные уже после официальной государственной регистрации заключения брака не являются преступными. Следует поэтому согласиться с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, отраженной в его определении от 21 октября 2008г. № 568-О-О [9], которая состоит в следующем: «Положения статьи 13 Семейного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статьи 134 УК Российской Федерации исключает противоправность полового сношения лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, только после регистрации их брака, а следовательно, и официального признания их семейных отношений, и не дают оснований для какого-либо другого толкования и, следовательно, произвольного применения данной нормы Уголовного кодекса Российской Федерации. Иное, - говорит Конституционный Суд, - противоречило бы статьям 23 (часть 1) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации, охраняющим семейные отношения, неприкосновенность частной жизни и семейную тайну, задачам Уголовного кодекса Российской Федерации, понятию преступления и основанию уголовной ответственности».

Таким образом, мы считаем, что половое сношение, а также анально- и орально-генитальные, иные сексуальные контакты между супругами, совершенные после государственной регистрации заключения брака, а равно в браке, признанном недействительным в связи с его фиктивностью, причиной которой явилось отсутствие у потерпевшей стороны намерения создать семью, не могут рассматриваться как преступные, в отличие от тех же самых действий, совершенных вне брака либо в браке, признанном в последующем недействительным по причине отсутствия у виновного супруга реального намерения создать семью. Дело в том, что интимная сторона семейной жизни вытекает из существа брачных отношений и не может рассматриваться как нарушение уголовно-правовых запретов. Поэтому мы предлагаем изменить редакцию примечания 1 к ст. 134 УК РФ, изложив его в следующей редакции:

«Примечания. 1. "Не признаётся преступлением совершение полового сношения без применения насилия, а равно иных действий сексуального характера, предусмотренное частью 1 статьи 134 и (или) частью 1 статьи 135 настоящего Кодекса, между супругами, то есть в случае, если такие действия совершены после государственной регистрации заключения брака, а равно между супругами, брак которых признан недействительным по причине отсутствия у потерпевшей стороны намерения создать семью...".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г.: по сост. на 21 июля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 25. – ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215 – ФЗ: по сост. на 03 августа 2009 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 31. – ст. 3921.
3. Попова Т.Ю. Проблемы квалификации и расследования ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / Т.Ю. Попова // Актуальные вопросы юриспруденции: материалы международной заочной научно-практической конференции (16 января 2013 г.). - Новосибирск: СибАК, 2013. - С. 33-40.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223 - ФЗ: по сост. на 05 ноября 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - № 1. – ст. 16.
5. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04 декабря 2014 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 2. – 2015.
6. Коргутлова Т.А. Половые преступления: теоретические и практические аспекты / Т.А. Коргутлова // Современное право. – 2009. - № 10. – С. 138-144.
7. Аванесян В., Ярославцева Е. Вопросы квалификации ст. 134 УК РФ / В. Аванесян, Е. Ярославцева // Уголовное право. – 2014. - № 5. – С. 5-7.
8. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 04 августа 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 568-О-О [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 30.11.2014).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МОДЕЛИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

**А.В. Трутаева,
аспирант ОмГУ им. Достоевского
AnnaTrutaeva@yandex.ru
Научный руководитель:
М.Г. Седельникова,
заведующий кафедрой
экологического и социального права
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского,
кандидат юридических наук, доцент**

В соответствии со статьей 1 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) российское государство признается федеративным и правовым [1]. Правовой характер государства заключается в таком его состоянии, при котором главным назначением его деятельности является обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Для создания правового государства не является достаточным только провозглашение такого принципа его функционирования - для того, чтобы действительно иметь правовой характер, государство должно обеспечить фактическое существование сложившейся системы определенных гарантий статуса лица [2].

Федеративное устройство Российской Федерации (далее – РФ), как следует из статьи 5 Конституции РФ, основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, а также предполагает разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ. Федеративное устройство российского государства представляет собой организацию двух уровней власти – федерального и регионального, реализующих самостоятельную политику.

В качестве критериев федерализма упоминаются в числе прочих и самостоятельная система органов власти на федеральном и региональном уровнях, а также наличие определенной модели разграничения компетенции между центром и регионами в соответствии с установленным порядком и их взаимодействие и сотрудничество [3]. Исследователями в области государственно-правового устройства РФ одновременное сочетание тенденций централизации и децентрализации упоминается в качестве одной из основополагающих характеристик российского федерализма [4]. Она логически следует из самой природы федеративных отношений.

Представляется обоснованным вывод, что федерализм характеризуется наличием у каждого из уровней власти в федерации собственной задачи: органы государственной власти РФ призваны обеспечить единого подхода на территории всего государства к решению вопросов, требующих единой позиции; задачей же органов государственной власти субъектов РФ является обеспечение учета особенностей регионов при принятии государственных решений федерального значения [5]. Указанные тенденции являются разнонаправленными.

В статьях 71-73 Основного закона произведено разграничение предметов ведения органов государственной власти федерального уровня и уровня субъектов РФ. Статьями 71-73 Конституции РФ установлены предметы ведения РФ, совместного ведения федерации и ее субъектов, а также предметы ведения субъектов РФ, сформированные по остаточному принципу.

Полномочия органов власти субъектов РФ по предметам совместного ведения регулируются Конституцией РФ, федеральными законами, договорами о разграничении полномочий и соглашениями, а также законами субъектов РФ, на что указано в статье 26.1 Федерального закона № 184-ФЗ от 6 октября 1999 года «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 184-ФЗ). Эти полномочия осуществляются преимущественно за счет средств бюджетов субъектов РФ. Статьей 8 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) к бюджетным полномочиям субъектов РФ отнесено установление и исполнение расходных обязательств субъекта РФ [6]. По правилам статьи 65 БК РФ формирование расходов бюджетов бюджетной системы РФ осуществляется в соответствии с расходными обязательствами, обусловленными разграничением полномочий органов власти.

Подход к распределению предметов ведения между центром и регионами в российском государстве претерпевал изменения по мере развития федеративных отношений и в связи с постановкой перед уровнями осуществления власти тех или иных задач.

Как справедливо отмечено Н.А. Соколовой, разграничение полномочий различных уровней власти в РФ лишено четких критериев [7]. Это выразилось в отсутствии принципов выделения предметов ведения и отнесения их к компетенции органов власти определенного уровня, а также привело к разнородности выделенных предметов ведения и невозможности определения глубины правового регулирования различными уровнями государственной власти общественных отношений, находящихся в совместном ведении федерации и ее субъектов.

Среди факторов-предпосылок определения ведения какого-либо уровня государственной власти следует назвать экономическое состояние соответствующего публично-правового образования, наличие необходимых организационных условий и т.д.

Экономическое состояние публично-правового образования характеризуется достаточностью материальных ресурсов, которые требуются для осуществления деятельности в сфере общественных отношений, принятой за предмет ведения. На зависимость динамики распределения полномочий от экономической ситуации обоснованно обращается внимание исследователей [8]. Реализация государственной политики в той или иной сфере возможна при условии, что соответствующий уровень власти обладает достаточными экономическими ресурсами.

Значим для распределения предметов ведения и организационный фактор, выражающийся в наличии или отсутствии ведомства, в полномочия которого войдет решение соответствующего вопроса. Эффективная реализация государственной деятельности предполагает осуществление ее специалистами, обладающими необходимым опытом и подготовкой, а также обязательный контроль за исполнением решений.

На стыке двух описанных факторов присутствует еще одно обстоятельство, требующее внимания при распределении предметов ведения. Это обстоятельство представляет собой условия для непосредственного осуществления деятельности, а именно наличие у публично-правового образования имущества – зданий, инвентаря, аппаратуры.

При возникновении необходимости организационные и имущественные условия в публично-правовом образовании возможно скорректировать за счет средств заинтересованного уровня власти, тогда как экономическая предпосылка имеет объективный характер и не способна мгновенно измениться по воле того или иного властного субъекта. В связи с изложенным исследователями справедливо обращается внимание на вопрос целесообразности распределения предметов ведения и разграничения полномочий: каждое конкретное полномочие должно быть возложено на тот орган или уровень управления, который способен наиболее эффективно его реализовать, при этом структура публичных финансов должна соответствовать распределению полномочий [9].

Для целей исследования необходимо обоснование категории модели разграничения полномочий органов государственной власти РФ и органов государственной власти ее субъектов (далее – модель), под которой предлагается понимать непосредственное распределение предметов ведения публично-правовых образований и полномочий их органов, а также правоотношения по реализации модели. Этот термин широко используется в исследованиях российских авторов – А.Н. Кокотова, А.Л. Шведова, М.В. Тарханова, Т.В. Бережной и других.

Термин модели позволит емко обозначить совокупность отношений по непосредственному разграничению, установлению предметов ведения различных уровней власти, по реализации компетенции федерации и субъектов в лице органов государственной власти в этих рамках. Термин актуален, поскольку фактически существующие отношения и их участники представляют собой некоторую конструкцию, которая характеризуется как модель, то есть образец, система.

Положениями пункта «ж» части 1 статьи 72 Конституции РФ социальное обеспечение отнесено к предмету совместного ведения. Статьей 26.3 Федерального закона № 184-ФЗ конституционное регулирование модели уточнено.

В процессе принятия государственных решений по данным вопросам участвуют органы власти РФ, уполномоченные на принятие нормативных правовых актов, и органы власти субъектов РФ, осуществляющие нормотворчество, что предопределяет и состав нормативной правовой базы социальной сферы. Кроме того, по смыслу статьи 73 Конституции РФ, у субъектов РФ имеется и сфера исключительного ведения, формируемая по остаточному принципу.

При рассмотрении вопроса о формировании модели приобретает актуальность вопрос соотношения положений пункта «ж» части 1 статьи 72 и пункта «в» статьи 71 Конституции РФ. Учитывая, что предоставление гражданам права на социальное обеспечение отнесено к исключительному ведению РФ, следует обратить внимание на проблему толкования пункта «ж» части 1 статьи 72 Основного закона. Если в от-

ношении организационной составляющей социального обеспечения коллизия между нормами пункта «в» статьи 71 и пункта «ж» части 1 статьи 72 Основного закона не усматривается, то соотношение этих положений в части нормотворчества представляет собой проблему теоретического и практического порядка, на существование которой уже обращалось внимание исследователей [10].

Вопрос осуществления совместного ведения уровней государственной власти в практике управления решается по-разному. Анализ содержания и объема мер социального обеспечения, предоставляемых гражданам, на всей территории РФ позволяет сделать вывод о том, что правовой статус указанных лиц, проживающих в различных субъектах РФ, не одинаков.

В качестве одного из атрибутивных признаков федеративного правового государства отмечается формирование единого правового пространства [11]. Между тем, объем социальной защищенности (обеспеченности) граждан, не может быть признан равным.

В описанных условиях возникает вопрос отнесения места жительства и получения социального обеспечения к перечню социально значимых факторов. Для ответа на поставленный вопрос необходим анализ условий жизни во всех субъектах РФ на предмет установления таких факторов, которые способны объективно повлиять на качество жизни, состояние здоровья граждан и обусловят получение специфических видов социального обеспечения.

Тенденция различия социально-правового статуса лиц, относящихся к одной категории получателей социального обеспечения, является следствием одновременного нормотворчества органов государственной власти РФ и ее субъектов по предметам совместного ведения, поскольку действующее регулирование модели допускает это.

Для выяснения сущностных предпосылок формирования модели следует вернуться к тезису, что основной целью органов власти федерального уровня является обеспечение единого подхода к правовому регулированию общественных отношений, требующих такой регламентации на территории всего государства-федерации. Региональные органы власти, напротив, призваны гарантировать учет особенностей субъектов федерации при правовом регулировании жизни населения. В связи с изложенным приобретают актуальность вопросы, характеризующие проблему модели: насколько целесообразно отнесение социального обеспечения к предметам совместного ведения РФ и ее субъектов? Что положено законодателем в основу разграничения предметов ведения между федерацией и регионами? Именно от ответов на эти вопросы будет зависеть решение проблемы достижения наибольшей эффективности регулирования и функционирования модели.

Список источников и литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Собрании законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. - 3-е изд., изм. и доп. - М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА • М), 2002. - 800 с. С. 115.
3. Концепция федерализма и практика ее воплощения в современном мире [Текст] /И. В. Ирхин. //Конституционное и муниципальное право / № 3 / 2013.
4. Эволюция российского федерализма: политика-правовой анализ //Журнал Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, Выпуск № 3 / том 3 / 2009, Научная библиотека КиберЛенинка. Электронный ресурс. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-rossiyskogo-federalizma-politiko-pravovoy-analiz#ixzz3SN5z4Cfj>.
5. Шведов А.Л. Разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере отношений, регулируемых трудовым правом: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
6. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» № 145-ФЗ от 31.07.1998 (ред. от 26.12.2014) // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 30.11.2014.
7. Соколова Н.А. Принципы разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере охраны здоровья граждан. // Вестник Омского университета. Серия Право, Выпуск 1 / том 1 / 2009, Научная библиотека КиберЛенинка. Электронный ресурс. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-razgranicheniya-polnomochiy-mezhdu-rossiyskoy-federatsiy-i-eyo-subektami-v-sfere-ohrany-zdorovya-grazhdan>.
8. Сергеев А.С. Разграничение предметов ведения и полномочий: вопросы теории и методологии. // Вестник Поволжской академии государственной службы, Выпуск 3 / 2002, Научная электронная библиотека Elibrary.ru. Электронный ресурс. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12801525>.

9. Филиппова Н.А. Новая модель разграничения и децентрализации полномочий в системе российского федерализма: проблемы обеспечения интересов субъектов Российской Федерации. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Выпуск 8 / 2008, Научная электронная библиотека Elibrary.ru. Электронный ресурс. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11715823>.
10. Байматов П. Н. Проблемы разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами при реализации конституционного права граждан на социальное обеспечение // Конституционное и муниципальное право. - 2014. - № 6.
11. Крылова Е.Г. Федерализм как демократическая территориальная организация правового государства // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

М.И. Харлова,
магистрант ИГиП ТюмГУ,
kharlova.m@mail.ru
Научный руководитель:
Р. Д. Шарапов,
и.о. заведующего кафедрой уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук, профессор

Обязательным признаком отдельных составов преступлений в УК РФ 1996 г. (ст.ст. 151.1, 212.1, 264.1, 314.1) является административная преюдиция: деяние признается преступным, если до момента его совершения лицо установленное ранее количество раз в течение определенного законом периода привлекалось к административной ответственности за совершение тождественного (однородного) деяния.

Административная преюдиция достаточно широко использовалась в советском уголовном праве: так, в УК РСФСР 1960 г. в последней его редакции (ред. от 30.07.1996) 27 статей Особенной части содержали административную преюдицию. Однако, при составлении УК РФ 1996 г. законодатель отказался от конструирования составов преступлений с административной преюдицией.

Между тем, по прошествии 12 лет действия УК РФ 1996 г. законодатель все же вернул административную преюдицию в уголовное законодательство: Федеральным законом от 29.07.2009 № 216-ФЗ административная преюдиция была включена в ст. 178 «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» (Федеральным законом от 08.03.2015 № 45-ФЗ такая форма недопущения, ограничения или устранения конкуренции, как неоднократное злоупотребление доминирующим положением, была декриминализована, вследствие чего из ст. 178 УК РФ также исчезла и административная преюдиция). Впоследствии уголовное законодательство дополнилось еще 4 составами преступлений с административной преюдицией – ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» (введена Федеральным законом от 21.07.2011 № 253-ФЗ), ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (введена Федеральным законом от 21.07.2014 № 258-ФЗ) и ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (введена Федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ); Федеральным законом от 31.12.2014 № 514-ФЗ посредством административной преюдиции был сконструирован состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, - неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений.

Политической предпосылкой возвращения административной преюдиции в уголовное право послужило, в частности, мнение Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о необходимости ее восстановления [1]. Примечательно, что возвращению административной преюдиции в уголовное законодательство не предшествовала тщательная научная разработка этой проблемы. Скорее наоборот, возвращение административной преюдиции побудило научный интерес к данному правовому явлению, но, к сожалению, дискуссия чаще всего сводится к перечислению и сопоставлению аргументов «за» и «против» административной преюдиции, без анализа при этом ее сущностных свойств. Более того, несмотря на многолетнее существование административной преюдиции в советском уголовном праве, она также не была предметом пристального научного изучения. Возможно, вследствие «фрагментарности» научного

знания об административной преюдиции она вернулась в уголовное законодательство также в «фрагментарном» виде – точно и в противоречивых формулировках.

Полагаем, что внедрение в уголовное законодательство административной преюдиции без предварительного уяснения ее правовой природы и места в системе права может быть губительно, несмотря на все потенциальные преимущества ее использования. Необходима выработка единого концептуального подхода к административной преюдиции в уголовном праве, для того чтобы вновь внедряемые уголовно-правовые нормы с административно-преюдициальным условием были «работающими», системно и внутренне непротиворечивыми.

Термин «преюдиция» происходит от латинского «praedictum», то есть предрешение. Преюдиция имеет как свое процессуальное значение, предопределяя предмет и пределы доказывания, так и материальное значение, выступая в качестве приема юридической техники и инструмента правовой политики. Административная преюдиция в уголовном праве материальна и в этом значении она является юридическим фактом, средством уголовной политики и способом межотраслевой дифференциации юридической ответственности. А.И. Бойко отмечает, что административное и уголовное право – генетические родственники и конкуренты по управлению одновременно, обе эти отрасли предполагают обязательное параллельное существование друг друга, а преюдиция в таком случае может быть определена как способ верификации фактов, но не закона [2; 55,57]. Административная преюдиция - средство как гармонизации положений уголовного и административно-деликтного права, так и более четкого разграничения смежных составов преступлений и административных правонарушений за счет межотраслевой дифференциации юридической ответственности.

Использование административной преюдиции как средства уголовной политики криминологически обусловлено: установлены корреляционные связи между показателями преступлений и административных правонарушений, единство причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений, однотипная внутренняя мотивация их субъектов, тенденции «скатывания» личности от менее общественно вредных правонарушений к более общественно опасным [3]. По замечанию А.Г. Безверхова, конструируя составы с административной преюдицией, законодатель тем самым предупреждает и административные деликты, и смежные с ними уголовно наказуемые деяния, исходя из презумпции: превенция проступков есть не что иное, как предупреждение преступлений, равным образом как и наоборот [4; 49].

Административная преюдиция может быть использована как для криминализации деяний в тех случаях, когда карательного воздействия административного права оказывается недостаточным для предупреждения нарушения закона, так и для декриминализации – напротив, в случае отсутствия большой общественной опасности деяния и возможности его первоначального предупреждения административными мерами. В УК РФ 1996 г. посредством использования административной преюдиции частично декриминализованы недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29.07.2009 № 216-ФЗ)), криминализированы розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ), неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212.1 УК РФ), нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ), неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ).

Критериями криминализации и декриминализации являются как само деяние, так и его субъект. Криминализация в преступлениях с административной преюдицией происходит за счет признаков субъекта, а именно нарастающей общественной опасности личности, декриминализация – в отсутствие у типичного субъекта таких правонарушений (преступлений) склонности к повторению совершения общественно опасных деяний. В основании юридической ответственности и ее дифференциации лежат как «деяние», так и его «деятель», и необходимо соблюдать баланс между этими двумя равнозначными составляющими. Игнорирование законодателем криминальных особенностей «деятеля» негативно сказывается на решении задачи предупреждения правонарушений [5].

В настоящее время отличие между смежными административными правонарушениями и преступлениями чаще всего заключается в последствиях деяния – их наличии как обязательного признака состава преступления (правонарушения) либо их размера. Административная преюдиция как «мостик» между административным правонарушением и преступлением особенно необходима, когда речь идет о смежных составах правонарушений и преступлений, которые бывает так же трудно разграничить, как и продолжаемое правонарушение (преступление) и их совокупность.

В частности, зачастую трудно разграничить совокупность административных правонарушений в сфере экономики (в области охраны собственности, предпринимательской деятельности, финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг) и единичное преступление в сфере экономики, составы

которых могут отличаться только лишь по сумме извлеченного дохода. Аналогичным образом трудно разграничить административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования и экологические преступления, поскольку криминообразующим признаком последних нередко являются оценочные понятия – тяжкие последствия, существенный вред, значительный ущерб и так далее. В такой ситуации продуманное введение в уголовное законодательство административной преюдиции способствовало бы разграничению смежных административных правонарушений и преступлений, укреплению системных связей административно-деликтного и уголовного права.

Видимо, вследствие того что объективная сторона преступления с административной преюдицией «дублирует» (но не включает) объективную сторону ранее совершенного административного правонарушения, дополняясь лишь признаком времени (для ст.ст. 151.1, 212.1 УК РФ – 180 дней с момента привлечения к административной ответственности, для ч.2 ст. 314.1 УК РФ – 1 год), в тексте действующего уголовного закона административная преюдиция получила свое языковое выражение посредством толкования в примечании к отдельным статьям УК РФ (ст.ст. 151.1, 212.1, 314.1) термина «неоднократно» («неоднократное»). Исключение составляет ст. 264.1 УК РФ, где административная преюдиция получила свое языковое выражение посредством указания на лицо, подвергнутое административному взысканию (без указания времени, прошедшего с момента наложения административного взыскания). В УК РСФСР 1960 г. административная преюдиция была более «внятно» выражена: во всех случаях указывалось на лицо, которое подвергалось административному взысканию в течение 1 года, либо на совершение деяния после наложения административного взыскания в течение 1 года (1 год - срок административной наказанности). «Советская» формулировка представляется более предпочтительной, поскольку она является более единообразной и делает акцент прежде всего на субъекте, вследствие нарастающей общественной опасности которого проступок преобразуется в преступление, а также данная формулировка не создает дополнительной терминологической путаницы с «многозначной» неоднократностью [6].

Обозначение законодателем административной преюдиции как неоднократности наводит на мысль об уголовно-правовых формах множественности. Без сомнений, речь идет не о форме множественности преступлений, но о разновидности множественности административных правонарушений, имеющей уголовно-правовое значение и являющейся средством межотраслевой дифференциации юридической ответственности и конструирования особого вида единичного преступления. Административная преюдиция – это своеобразный «межотраслевой» рецидив: преступление совершается в период административной наказанности, то есть в условиях сохранения правовых последствий совершения административного правонарушения. Кроме того, в действующем УК РФ административная преюдиция предусмотрена только лишь в преступлениях с умышленной формой вины, равно как возможен рецидив только умышленных преступлений. С неоднократностью как формой множественности преступлений административную преюдицию объединяет та особенность, что совершаются тождественные деяния.

Таким образом, административная преюдиция в уголовном праве – это комплексный правовой институт, взаимным образом сочетающий в себе административно-деликтное и уголовно-правовое начала. Многоаспектность административной преюдиции заключается в том, что она одновременно может быть определена как: 1) юридический факт, устанавливающий причинно-следственные связи между административно-деликтным и уголовным правом; 2) средство юридической техники (способ конструирования составов преступлений посредством административно-преюдициального условия); 3) способ межотраслевой дифференциации юридической ответственности и повышения согласованности положений двух указанных «охранительных» отраслей права и законодательства; 4) средство предупреждения совершения преступлений и административных правонарушений, инструмент криминализации и декриминализации; 5) межотраслевая форма множественности правонарушений, имеющая уголовно-правовое значение.

Более тщательное исследование каждого из вышеуказанных значений административной преюдиции в уголовном праве позволит предвосхитить вопросы правоприменительной практики, оптимальным образом восстановить институт административной преюдиции в уголовном праве в его целостном и непротиворечивом виде и сделать шаг к укреплению законности и правопорядка в Российском государстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Заключительное слово на заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // URL: <http://kremlin.ru/transcripts/3149> (дата обращения: 09.01.2015); Послание Федеральному собранию Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения: 27.03.2015).
2. Бойко А.И. Есть и иное мнение // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 51-60.
3. Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений: автореф. дис...канд. юрид. наук // URL: <http://www.dissercat.com/content/administrativno-pravovoe-preduprezhdenie-otdelnykh-vidov-prestuplenii> (дата обращения: 27.03.2015).
4. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48-53.
5. См.: Безверхов А.Г. Указ соч.; Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности // Журнал российского права. 1998. № 9. – URL: http://www.juristlib.ru/book_855.html (дата обращения: 27.03.2015).
6. См.: Кострова М.Б. Языковое выражение административной преюдиции в уголовном законе: прошлое, настоящее, будущее // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 149-159.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН, ПОДВЕРГШИХСЯ ВОЗДЕЙСТВИЮ РАДИАЦИИ ВСЛЕДСТВИЕ КАТАСТРОФЫ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

К.И. Чумакова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
chk_steady@mail.ru
Научный руководитель:
Т.А. Анбрехт,
доцент кафедры трудового права и
предпринимательства ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Авария на Чернобыльской атомной электростанции (далее – АЭС) рассматривается как экстраординарная по своим последствиям техногенная авария XX века, которая привела к неисчислимым экологическим и гуманитарным потерям. В результате были существенно нарушены не только право на благоприятную окружающую среду, но и, как следствие этого, другие конституционные права и интересы граждан [1], связанные с охраной жизни, здоровья, имущества, а также право на свободное передвижение и выбор места пребывания и жительства, которые ущемлены столь значительно, что причиненный вред оказался реально невозможным [2].

Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС" (далее – Закон) [3] является правовой основой для возмещения государством ущерба в виде денежных и других материальных компенсаций и льгот за последствия крупнейшей по масштабам радиационного загрязнения биосферы экологической катастрофы.

Обязанность государства по возмещению вреда посредством установления Законом денежных и других материальных компенсаций и льгот вызвана также фактической невозможностью возмещения вреда в обычном судебном порядке, которое должно было бы обеспечить потерпевшим восстановление их нарушенных прав [4].

Одним из важнейших факторов при принятии решения о необходимости социальной помощи гражданам является уровень радиоактивного излучения в той области, где они постоянно проживают или осуществляют трудовую деятельность.

При наличии у гражданина Российской Федерации права на возмещение вреда и меры социальной поддержки, предусмотренные настоящим Законом, по различным основаниям ему возмещается вред и предоставляются меры социальной поддержки, предусмотренные по всем имеющимся основаниям. При этом одинаковый вред возмещается, а одинаковые меры социальной поддержки предоставляются гражданину Российской Федерации только по одному из оснований по его выбору.

В статье 13 Закона содержится исчерпывающий перечень категорий граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы, и на которых в соответствии с Законом распространяется действие настоящего Закона.

Несмотря на отсутствие такой категории граждан в вышеназванной статье как члены семьи «чернобыльца», важно отметить, что в статье 14 Закона устанавливается, что меры социальной поддержки, предусмотренные пунктами 2, 3, 7, 8, 12 - 15 части первой настоящей статьи, распространяются на семьи, потерявшие кормильца из числа граждан, погибших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, умерших вследствие лучевой болезни и других заболеваний, возникших в связи с чернобыльской катастрофой, а также на семьи умерших инвалидов, на которых распространялись меры социальной поддержки, указанные в настоящей статье.

В соответствии со статьей 3 Закона гражданам РФ гарантируется установленное настоящим Законом возмещение вреда, причиненного их здоровью и имуществу вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, возмещение вреда за риск вследствие проживания и работы на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению, превышающему допустимые уровни в результате чернобыльской катастрофы, а также предоставление мер социальной поддержки. При этом одинаковый вред возмещается, а одинаковые меры социальной поддержки предоставляются гражданину РФ только по одному из оснований по его выбору.

Рассмотрим некоторые из вышеупомянутых мер социальной поддержки граждан.

В соответствии с пунктом 2 статьи 14 Закона нуждающимся гражданам гарантируется обеспечение улучшения жилищных условий жилой площадью **в размерах и в порядке, установленных Правительством Российской Федерации**, один раз.

Отметим, что претендовать на однократное обеспечение жилой площадью в размерах и в порядке, установленных Правительством Российской Федерации возможно, только если члены семьи гражданина, подвергшиеся воздействию радиации вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, нуждаются в улучшении жилищных условий. Критерии нуждаемости определены частью 1 статьи 51 Жилищного кодекса РФ [5].

Наиболее распространенный критерий - обеспечение общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы. Однако, в случае смерти одного члена семьи, актуальность данного критерия пропадает, в связи с увеличением учетной нормы обеспечения общей площадью жилого помещения на одного члена семьи и приведением ее в соответствие с законодательством. Так, далеко не всегда родственники таких граждан, члены их семей, смогут воспользоваться данной гарантией.

Поскольку данная гарантия регулируется актами Правительства РФ, то в остальных случаях необходимо обратить внимание на постановление Правительства РФ от 29.12.2004 № 866 (в настоящее время утратило силу), согласно которому основной формой обеспечения жильем указанных граждан, являлось предоставление им субсидий на приобретение жилья.

Таким образом, инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы и участникам ликвидации ее последствий, принятым на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий до 1 января 2005 года, было предоставлено право на участие в подпрограмме "Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством" Федеральной целевой программы "Жилище" на 2002 - 2010 годы, предусматривающей социальные выплаты на приобретение жилья (жилищные субсидии). Размер субсидий рассчитывается органом исполнительной власти, осуществляющим выдачу сертификата, исходя из утвержденной в установленном порядке стоимости 1 кв. м общей площади жилья в Российской Федерации и норматива обеспечения общей площадью жилья в зависимости от состава семьи.

Вследствие чего перспектива получения жилья была отодвинута на неопределенный срок, что привело к многочисленным искам в суды всех уровней и даже обращениям в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) (Постановление ЕСПЧ от 16.09.2010 "Дело "Кравченко и другие против Российской Федерации" (жалобы № 11609/05...); Постановление ЕСПЧ от 02.09.2010 "Дело "Таянко (Tayanko) против Российской Федерации" (жалоба № 4596/02) и другие).

В подобных делах ЕСПЧ существо жалоб граждан Российской Федерации выражается в том, что компетентные органы Российской Федерации несут ответственность за несвоевременное исполнение решений о предоставлении жилья военнослужащему Российской Федерации. Однако власти полагают, что права заявителей не были нарушены. Они ссылаются на то, что органами-ответчиками были предприняты все необходимые усилия, в некоторых случаях несвоевременное исполнение судебных решений объяснялось необходимостью соблюдения порядка предоставления жилья согласно списку очередников, в некоторых случаях была необходимость в разъяснении судебных решений, в других случаях имелась нехватка жилого фонда. Однако ЕСПЧ в резолютивной части единогласно постановил о нарушении статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и о необходимости принудительного исполнения решений судов в пользу настоящих граждан, а также о выплате соответствующих денежных компенсаций.

Таким образом, граждане Российской Федерации, исчерпав все средства внутренней правовой защиты и не добившись справедливой реализации нарушенных прав, находят надлежащую защиту в международном судебном органе.

Важно отметить, как повлияла на «чернобыльцев» часть 2 статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС": ежемесячная денежная сумма данной категории граждан должна определяться согласно законодательству Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний для исчисления размера ежемесячной страховой выплаты.

Согласно части 8 статьи 12 данного закона, действующий в тот период, лицам, имеющим право на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного гражданина, размер ежемесячной страховой выплаты исчислялся не только из его среднего месячного заработка, но и из получаемых им при жизни пенсии, пожизненного содержания и других подобных выплат.

Федеральным законом от 7 июля 2003 года № 118-ФЗ была изменена данная редакция части 8 статьи 12, а именно исключено указание на включение "получаемых при жизни пенсии и других подобных выплат", в настоящий момент размер возмещения определяется только из среднемесячного заработка.

То есть размер денежной суммы для членов семьи, погибшего или умершего чернобыльца - "заболевшего" значительно меньше, чем до 10 июля 2003 года (даты вступления в силу ФЗ от 07 июля 2003 года).

Таким образом, законодатель уменьшил объем предоставляемых гарантий членам семей.

Хотя в решениях Конституционного Суда Российской Федерации говорится о недопустимости снижения объема гарантий и возмещения «чернобыльцам» по причине нарушения части 2 статьи 55 Конституции РФ.

В соответствии с пунктом 13 статьи 14 Закона гражданам гарантируется **ежемесячная денежная компенсация на приобретение продовольственных товаров.**

Характерно, что судебная практика по исковым заявлениям о предоставлении такой компенсации весьма противоречива. Речь идет о двух определениях Верховного суда РФ по делам с идентичными требованиями вдов граждан, погибших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Определение Верховного Суда РФ от 17.06.2011 года № 18-В11-27 [6]:

В иске о назначении ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров, взыскании задолженности отказано, поскольку в связи с действующим законодательством РФ право на компенсацию на приобретение продовольственных товаров не распространялось на жен граждан, получающих социальную поддержку при их жизни, соответственно, не распространяется и после смерти.

Определение Верховного Суда РФ от 08.07.2011 года № 18-В11-41 [7]:

Иск о назначении ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров и взыскании задолженности удовлетворен правомерно, так как установлено, что ежемесячная денежная компенсация распространяется и на семьи умерших инвалидов, на которых распространялись меры социальной поддержки.

Исходя из вышеприведенных противоречий, возникает вполне логичный вопрос о том, по какой причине практика столь не однозначна, и почему гарантированные законом права не реализуются надлежащим образом.

Конституционный суд РФ в своем постановлении от 1 декабря 1997 года № 18-П отметил, что вред, причиненный гражданам, оказавшимся в зоне влияния радиационного излучения и других неблагоприятных факторов, возникших в момент чернобыльской катастрофы, является реально невозполнимым и неисчисляемым, что обязывает государство стремиться к его возможно более полному по объему возмещению.

В результате многочисленных изъятий и делегирования значительного количества норм в различные законодательные акты и отрасли права, чернобыльский закон в настоящее время лишен функций закона прямого действия.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что законодателю необходимо привести данный Закон в соответствие с конституционными правами и законными интересами граждан (конкретной социальной группы), нормативно закрепленными Конституцией РФ, исходя из целей и принципов правового, демократического и социального государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 30 декабря 2008 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
2. «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 1 декабря 1997 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. – 1997. - № 50. – Ст. 5711.
3. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: федеральный закон от 15 мая 1991 г. № 1244-1-ФЗ: по сост. на 22 декабря 2014 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. - № 21. - Ст. 699.
4. Ефремов А.В. О праве вдовы умершего инвалида вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС на получение ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров / А.В. Ефремов. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ: по сост. на 29 декабря 2014 г. // Собрание законодательства РФ. -2005. – № 1 (часть 1). - Ст. 14.
6. Определение Верховного Суда РФ от 17 июня 2011 г. № 18-В11-27 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 40. - Ст. 3822.
7. Определение Верховного Суда РФ от 8 июля 2011 г. № 18-В11-41 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. - № 27. - Ст. 2710.

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

А.А. Шатликова,
студентка УО ГрГУ им. Янки Купалы,
специальность «Правоведение»
alesya.shatlikova0000@mail.ru

Научный руководитель:
Р.Г. Зорин,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент

Тема примирения сторон в уголовном процессе Республики Беларусь занимает видное место в теоретических разработках многих учёных и практических работников. Однако по-прежнему в литературе отсутствует однозначный взгляд на решение насущных проблем примирения сторон, что нередко порождает весьма противоречивые точки зрения и не способствует единому пониманию и применению уголовного и уголовно-процессуального законов. Кроме этого, труды большинства авторов были созданы в совершенно иной общественно-политической и социально-экономической обстановке и базировались на существовавшем в то время законодательстве.

В последние десятилетия XX века одновременно с ростом преступности возникло мощное международное движение по укреплению прав потерпевшего ставшее одной из самых ярких тенденций развития уголовно-процессуального права. Осознание недостаточной эффективности существования лишь карательного правосудия послужило причиной появления движения за восстановительное правосудие, которое стало стремительно разворачиваться в государствах Европы и Северной Америки. Его идеология состоит в том, что преступление нуждается прежде всего не в наказании и каре виновного, а в восстановлении причиненного жертве морального, психологического и материального вреда и социальной реабилитации преступника [1; 71].

Создание восстановительного правосудия достаточно сложная реформа деятельности уголовной юстиции. В Республике Беларусь в настоящее время нельзя говорить о его существовании, вместе с тем сформулирована готовность действовать в данном направлении и создана законодательная основа для возможности его применения. Таким образом, существуют законодательные предпосылки для развития рассматриваемого правосудия в Республике Беларусь. Прежде всего, Уголовные и Уголовно-процессуальные кодексы закрепляют возможность примирения обвиняемого с потерпевшим [8]. Больше внимание обращается на то, что задача разрешения социального конфликта в области правоприменения – это не только наказание, но и примирение [7]. Наказание необходимо рассматривать как важное, но не единственное и не главное средство борьбы с преступностью. В уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве наряду с наказанием должны развиваться и совершенствоваться системы иных средств воздействия на правонарушителей. Это даст возможность органам уголовного преследования и суду использовать дифференцированный подход при принятии решения в отношении лиц, не представляющих большой общественной опасности. Институт примирения потерпевшего с обвиняемым является одним из альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта без применения уголовного наказания [2].

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) предусматривает возможность примирения потерпевшего с обвиняемым в двух случаях: 1) при производстве по уголовным делам частного обвинения (ч. 2 ст. 26 УПК); 2) при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности (п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК). Допускается прекращение производства по уголовным делам в связи с примирением сторон во Франции, Польше, Бельгии, Нидерландах и Испании. При этом в уголовно-процессуальном законодательстве этих стран определено, что прекращение уголовного дела по делам частного и публичного обвинения на основании примирения сторон допускается при условии непосредственного возмещения причиненного вреда и возмещения вреда в будущем на основании деликатных (внедоговорных) и договорных обязательств [6]. Для Республики Беларусь сфера применения нормы о прекращении производства по делу в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим уже, чем для Российской Федерации. В Республике Беларусь по данному основанию могут быть прекращены только уголовные дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. В тоже время в Российской Федерации данный порядок распространяется и на дела о преступлениях небольшой или средней тяжести (ст. 25 УПК РФ).

На современном этапе в ряде стран, центральным элементом восстановительного подхода к правосудию является медиация как специально организуемая процедура. В рамках Европейского комитета по проблемам преступности создан Комитет экспертов по организации посредничества в уголовных делах, который разработал Рекомендацию № R (99) 19 (далее - Рекомендация), принятую комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 г. В ней под медиацией понимаются «любые процессуальные меры, позволяющие потерпевшему и лицу, подлежащему уголовному преследованию, активно участвовать в преодолении трудностей, вытекающих из факта совершения преступления, при непосредственном участии независимого третьего лица и при условии, что стороны конфликта добровольно соглашаются с применением этих мер» [9]. В самом тексте Рекомендации есть положение о том, что «законодательство должно способствовать проведению уголовно-правовой медиации».

В ряде зарубежных стран медиация применяется, когда возможности институтов, традиционно занимающихся разрешением правовых конфликтов, оказываются недостаточными, и возникает необходимость поиска альтернативных подходов к разрешению уголовно-правовых споров. Это связано с тем, что правовые решения лишь отчасти могут охватить стремительно меняющуюся в последние десятилетия социально-экономическую реальность [4; 67]. «Преимущества посредничества, – как пишет П.В. Крашеников, – состоят в том, что это гибкая неформальная экономичная и быстрая процедура, позволяющая участникам конфликта урегулировать разногласия продолжая деловое сотрудничество и развивая партнерские отношения, что в итоге ведет к стабилизации отношений» [5; 29]. Мировой опыт и опыт отдельных государств, в частности Российской Федерации, Германии, свидетельствует, что для успешного развития и продвижения медиации в государстве очень важно на законодательном уровне соблюсти паритет частных и государственных интересов, не допустить излишней юридизации норм закона [3; 82].

Однако в настоящее время в Беларуси нет достаточного количества компетентных независимых медиаторов-посредников: как конкретных специалистов, так и соответствующих государственных или общественных организаций. Поэтому лишь одними изменениями в законодательстве проблему внедрения восстановительных процедур в качестве альтернатив уголовному преследованию не решить. Для этого необходимы соответствующие организационные, кадровые и учебно-методические мероприятия с соответствующим финансовым обеспечением. Только тогда такая прогрессивная и социально ориентированная модель, как восстановительное правосудие, сможет стать одной из реальных альтернатив уголовному преследованию в Республике Беларусь [1; 77].

Таким образом, принятие закона «О медиации» станет важным стимулом в развитии Республики Беларусь медиации как комплексного явления, позволит расширить возможности граждан в выборе средств урегулирования возникающих конфликтов. С принятием закона будут созданы условия для интеграции медиации в национальную правовую культуру.

Помимо медиации, еще одним видом примирительных процедур, вызывающим дискуссию между учеными и практиками различных стран мира является досудебное соглашение. Согласно статистическим данным, на основе данного института в настоящее время в США разрешается более 90% уголовных дел, т.е. они не проходят через процедуру судебного разбирательства. В английском праве указанный процессуальный институт применяется в гораздо меньшей степени, что связано с негативным отношением высших британских судебных органов к участию судей в переговорном процессе между сторонами. В отличие от Англии и США, страны континентальной Европы демонстрируют более осторожный подход к использованию plea bargaining. Это связано с очевидным различием моделей уголовного судопроизводства в указанных правовых системах. Странам континентальной Европы (к их числу мы относим и Россию) свойственен смешанный тип судопроизводства, сочетающий розыскную форму предварительного расследования и состязательное судебное разбирательство. При этом принцип состязательности трактуется иначе, нежели в англо-американском праве [10].

В июне 2009 г. в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России включены нормы, регламентирующие новый институт в области противодействия преступности – досудебное соглашение о сотрудничестве. Уголовно-политическое значение данного института состоит в том, что он является одним из средств реализации идеи компромисса в борьбе с преступностью, когда снижение цены последней достигается за счет позитивного посткриминального поведения самих преступников в обмен на смягчение уголовно-правовой репрессии либо освобождение от таковой вовсе [11].

В заключении всего можно сказать, теоретическое и практическое значение института примирения состоит в том, что он способствует решению общих и частных вопросов уголовного судопроизводства, реформированию правосудия и правоохранительной системы в соответствии с конституционными нормами, а именно такому реформированию которое обеспечило бы максимальную эффективность деятельности правоохранительных органов и способствовало бы созданию надежных условий для защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества. Поэтому считается целесообразным создать в Республики Беларусь законодательную базу, регулиующую процедуру посредничества, что позволило бы в какой-то мере снизить нагрузку судов и содействовать осуществлению восстановительного правосудия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцева, Л. Примирение с потерпевшим – альтернативный способ урегулирования уголовно-правовых конфликтов / Л. Зайцева // Судовы веснік. – 2011. - № 3. – С. 71 – 77.
2. Зайцева, Л.Л. Институт примирения в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева // Электронная библиотека: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/12572/1/16.pdf>. - Дата доступа: 06.06.2014.
3. Зорин, Р. Медиация в уголовном процессе Республики Беларусь: перспективы возникновения и развития / Р. Зорин // Юстыцыя Беларусі. – 2012. - № 1. – С. 26 – 30.
4. Карягина, О.В. Перспективы медиации в российском уголовном процессе: зарубежный опыт примирительных процедур / О.В. Карягина // Российская юстиция. – 2011. - № 6. – С. 66 – 68.
5. Крашениников, П.В. Почему посреднику нужна своя буква закона? / П.В. Крашениников // Медиация и право. – 2007. - № 2 (4). – С. 13 – 20.
6. Кузбогарова, Е.В. Особенности прекращения дел в связи с примирением сторон в уголовном процессе / Е.В. Кузбогарова автореферат Диссертации на соискании ученой степени кандидата юридических наук // LAWTHESES [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawtheses.com/osobennosti-prekrascheniya-del-v-svyazi-s-primireniem-storon-v-ugolovnom-protsesse#ixzz348R016RG>. – Дата доступа: 06.06.2014.
7. Несвит, В. В. Процессуальные аспекты освобождения от уголовной ответственности / В. В. Несвит // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ, 4–6 февр. 2002 г. – М.: Изд-во ООО «Профобразование», 2002. – С. 170–172.
8. Петрова, О.В. Процессуальные аспекты института примирения в уголовном процессе Республики Беларусь / О.В. Петрова // МАСП – Международная Ассоциация Содействия Правосудию: [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=278#_edn4. – Дата доступа: 06.06.2014.

9. Рекомендация № REC (99) 19 Комитета министров государствам-членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 томах / сост. Кузнецова. – Минск, 2009. – С. 555 – 557.
10. Саркисянц, Р.Р. Досудебное соглашение о сотрудничестве – зарубежный опыт / Р.Р. Саркисянц Р.Р. // Проблемы местного самоуправления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.samoupravlenie.ru/46-12.php>. – Дата доступа: 06.06.2014.
11. Шарапов, Р.Д. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном праве – «хотели как лучше, а получилось как всегда» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Международной науч.-практ. Конф. 27 – 28 января 2011 г. – М.: Проспект, 2011.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю.Н. Ширякова,
студентка УО ГрГУ им. Янки Купалы,
специальность «Правоведение»
yulija.9494@mail.ru
Научный руководитель:
Р.Г. Зорин,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент

В науке уголовного процесса проблемы прав личности исследовались многими учеными, но в основном преобладают исследования отдельных вопросов защиты прав и свобод личности. Им посвящены монографии З.Ф. Ковриги, В.М. Корнукова, М.И. Пастухова, И.Л. Петрухина, Ю.И. Стецовского и других авторов. При этом большинство работ издано достаточно давно, на основании ранее действовавшего законодательства.

В соответствии со ст. 116 Конституции важнейшей функцией Конституционного Суда является осуществление контроля конституционности нормативных правовых актов по предложениям уполномоченных органов: Президента Республики Беларусь, Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь (с 1 января 2014 г. Верховный Суд и Высший Хозяйственный Суд объединены в Верховный Суд Республики Беларусь). По предложениям указанных органов Конституционный Суд проводит проверку конституционности нормативных правовых актов, вступивших в силу, в порядке последующего контроля. В отличие от начального периода становления и развития института конституционного контроля в государстве, когда указанная форма контроля была достаточно востребованной, на протяжении последних лет предложений о проверке конституционности нормативных правовых актов от уполномоченных органов не поступало [1].

Контроль конституционности нормативных правовых актов с учетом правоприменительной практики может обеспечиваться также посредством механизма косвенного доступа к конституционному правосудию в соответствии со статьей 22 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, предусматривающей возможность граждан и организаций обратиться к уполномоченным органам с инициативой о внесении соответствующего предложения в Конституционный Суд [2].

Понятие “индивидуальный доступ к конституционному правосудию” обобщает различные механизмы, позволяющие обращаться в Конституционный Суд или в аналогичные органы в случаях нарушений конституционно охраняемых прав с индивидуальной или коллективной жалобой. Различают два вида индивидуального доступа: косвенный и прямой. Косвенный доступ означает, что индивидуальная жалоба представляется в Конституционный Суд посредством другого органа, тогда как прямой доступ охватывает все юридические средства, предоставленные лицу для непосредственной подачи жалобы в Конституционный Суд без посредничества иных органов [3].

К наиболее остро стоящим вопросам в области защиты прав и свобод личности относится определение роли Конституционного Суда Республики Беларусь в уголовном судопроизводстве. Конституцион-

ный Суд Республики Беларусь в настоящее время не наделен в законодательном порядке правом рассмотрения дел о конституционности законов по индивидуальным жалобам граждан на нарушение их конституционных прав и свобод.

Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь П.П. Миклашевич отмечает, что, несмотря на то, что в нашей стране граждане не обладают правом на подачу прямой конституционной жалобы, существует ряд механизмов опосредованного доступа к конституционному правосудию посредством преюдициальных запросов судов и через уполномоченных субъектов. При этом на современном этапе основной задачей является в полном объеме выработать и обеспечить эффективную реализацию указанных форм обращения граждан в Конституционный Суд [4]. В Республике Беларусь сложилась определенная практика реализации индивидуального доступа граждан к конституционному правосудию: во-первых, путем непосредственного обращения граждан в Конституционный Суд по вопросам устранения пробелов в законодательстве, что позволяет совершенствовать механизм реализации конституционных прав и свобод с учетом изменяющейся действительности; во-вторых, посредством косвенного доступа через субъектов, уполномоченных обращаться в Конституционный Суд с предложением о проверке конституционности нормативных правовых актов, таким образом обеспечивая в опосредованной форме доступ граждан к конституционному правосудию. При этом введение института конституционной жалобы на данном этапе развития конституционного контроля в Беларуси всесторонне изучается и имеет определенную перспективу [5, с. 44].

Поскольку Республика Беларусь еще не является членом Совета Европы и не ратифицировала европейскую Конвенцию по правам человека, юрисдикция Европейского Суда по правам человека не распространяется на ее территорию. Тем не менее Конституционный Суд в определенных случаях обращается не только ко всемирным, но и к региональным европейским международным правовым актам по правам человека, в том числе и к европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которой руководствуется в своей деятельности Европейский Суд по правам человека. Анализ положений Конвенции и других европейских международных актов, а также решений Европейского Суда по правам человека способствует выработке Конституционным Судом более четкой правовой позиции по рассматриваемым им делам. Так, при рассмотрении дел, связанных с обеспечением прав граждан на обращение в суд за защитой своих прав и законных интересов Конституционный Суд неоднократно опирался на Резолюцию (78) 8 Комитета министров Совета Европы о юридической помощи и консультациях, принятой им 2 марта 1978 г., на Европейские пенитенциарные правила, принятые Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 1987 г. Принимая решения на основе положений Конституции и ратифицированных Республикой Беларусь всеобщих международных актов, Конституционный Суд считает также, что интерпретация этих положений будет более обоснованной и полной при использовании международных актов Совета Европы, ко вступлению в который республика стремится. Поскольку Конституционный Суд решает вопросы конституционности нормативных актов, опираясь на положения Конституции, ратифицированных всемирных международных актов, а также региональных международных актов европейских межгосударственных образований, членом которых Республика Беларусь не является, следует полагать, что суды общей и специальной юрисдикции не могут принимать решения по конкретным делам вопреки решениям Конституционного Суда, ссылаясь на положения европейской Конвенции о правах человека. Согласно статье 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд по правам человека может принимать индивидуальную жалобу к рассмотрению только после того, как будут исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты. В статье 61 Конституции Республики Беларусь также установлено, что каждый вправе в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Исходя из приведенных положений, Конституционный Суд ставит перед компетентными государственными органами вопрос о предоставлении на законодательном уровне физическим и юридическим лицам права обращаться с индивидуальными жалобами в Конституционный Суд в целях исчерпания ими всех внутригосударственных возможностей защиты своих прав и свобод. Конституционный Суд не связан судебной практикой Суда европейских сообществ, поскольку Республика Беларусь не является членом сообществ, на которые распространяется его юрисдикция, не входит в состав Европейского Союза. Тем не менее для Конституционного Суда страны представляют несомненный интерес предварительные (преюдициальные) решения Суда европейских сообществ, касающиеся толкования учредительных договоров и нормативных актов, принимаемых органами европейских сообществ. Содержание таких решений со временем будет оказывать все большее влияние на выработку решений Конституционного Суда. До настоящего времени по Конституционный Суд не обращался и не мог обращаться в Суд европейских сообществ. По этим же причинам Конституционный Суд, а также суды общей и специальной юрисдикции не рассматривали дела, связанные с невыполнением внутригосударственных актов, не совпадающих с актами европейских сообществ. Дей-

ствующее законодательство Республики Беларусь не предусматривает возможность выбора между обращениями в Конституционный Суд страны и в Суд европейских сообществ. Следует полагать, что после принятия Республики Беларусь в Европейский Союз возможность обращения в Суд европейских сообществ по вопросу соответствия нормативных актов Республики Беларусь актам сообществ будет обусловлена предварительным рассмотрением такого соответствия Конституционным Судом страны» [6].

Международный опыт показывает, что функционирование института прямой индивидуальной жалобы в каждом государстве имеет свои функциональные и процессуальные особенности. Так, согласно статье 96 Федерального конституционного закона Российской Федерации «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, и объединения граждан, а также иные органы и лица, указанные в федеральном законе» [7]. С.Д. Князев, подчеркивает, что в Конституционный Суд Российской Федерации ежегодно поступает около 20000 обращений граждан, из них только примерно 8000 – в порядке реализации прямой конституционной жалобы. Ежегодно Конституционный Суд России выносит более 3500 определений и постановлений, в которых решаются вопросы как о возможности принятия жалоб к рассмотрению, так и о конституционности нормативных правовых актов или их отдельных положений [4].

Постановления по своему содержанию в соответствии со статьей 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» делятся на две разновидности: о признании закона либо отдельных его положений соответствующими, либо не соответствующими Конституции Российской Федерации. Согласно прямому предписанию данной статьи, в случае, если Конституционный Суд Российской Федерации признал закон, примененный в конкретном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации, данное дело во всяком случае подлежит пересмотру компетентным органом в обычном порядке, а обратившемуся в Конституционный Суд Российской Федерации гражданину возмещаются уплаченная государственная пошлина и процессуальные издержки. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) рассматривает такое Постановление Суда в качестве нового юридического обстоятельства для возобновления дела (п. 1 ч. 4 ст. 413) [8, с. 23].

«Надо отметить, что и граждане могут внести свой вклад в приведение российского законодательства в соответствие с требованиями европейских стандартов. Эта возможность существует, поскольку европейские стандарты, заложенные Конвенцией, и которые являются лишь первыми шагами по реализации Всеобщей декларации прав человека, были учтены и восприняты при создании Конституции РФ. Соответственно существование норм, допускающих нарушение прав и свобод человека, можно рассматривать, как существование норм, не соответствующих Конституции РФ. Отсюда следует возможность обращения в Конституционный Суд РФ лиц, чьи права нарушены применением норм, допускающих нарушение прав и свобод человека, с требованием признать их несоответствующими Конституции РФ. О таком способе исполнения Постановлений ЕСПЧ написал в своей статье «Прецедентный характер решений Конституционного Суда» Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин: «Если же защищаемые Конвенцией права и свободы нарушены законом, примененным в конкретном деле, т.е. если речь идет о дефектах закона, то вопрос о судьбе данного закона, о проверке его конституционности разрешается Конституционным Судом». [9].

Думается, что для повышения роли Конституционного Суда Республики Беларусь необходимо ввести институт индивидуальной конституционной жалобы. Однако при принятии решения о возможном введении или совершенствовании института конституционной жалобы следует обратить внимание на практику других стран, где значительное количество обращений граждан привело к перегрузке работы конституционных судов, где в свою очередь существует проблема злоупотребления правом обращаться в Конституционный Суд. Стороны обязаны добросовестно пользоваться своими процессуальными правами. Когда заявитель злоупотребляет этой обязанностью, искажается эффективность конституционного правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году: Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 21 янв. 2014 г., № Р-915/2014 [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://kc.gov.by/main.aspx?guid=33763>. – Дата доступа: 10.03.2015.
2. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей № 139-З: принят Палатой представителей 31.05.2006 г.: одобр. Советом Респ. 16.06.2006 г.: текст Кодекса по состоянию на 13 июля 2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
3. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия): Исследование о прямом доступе к конституционному правосудию [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282010%29039rev-rus>. – Дата доступа: 24.03.2015
4. Теоретические и практические аспекты, связанные с индивидуальной конституционной жалобой в европейской модели конституционного правосудия // Конституционный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/ru/main.aspx?guid=5735>. – Дата доступа: 20.03.2015.
5. Миклашевич, П.П. Доступ к конституционному правосудию в правовой системе Республики Беларусь / П.П. Миклашевич // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – Минск. – 2011. – № 3. – С. 41–44.
6. Конституционный Суд и другие судебные органы по отношению к Европейской конвенции по правам человека и юрисдикции Европейского Суда по правам человека // Информация о взаимодействии Конституционного Суда Республики Беларусь и других судебных органов в обеспечении конституционной законности [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.confcoconsteu.org/reports/rep-xii/Belarus_R_.pdf. – Дата доступа: 20.03.2015.
7. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федер. Конституц. Закон РФ, 21 июля 1994 г., № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
8. Калиновский, К.Б. Проблемы использования решений Конституционного Суда Российской Федерации при производстве по уголовным делам / К.Б. Калиновский // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: Материалы Международной научно-практической конференции (2-3 ноября 2010 г.) / Ред. колл. Ю.В. Даровских [и др.]. - Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2010. – Вып. 7, Ч. 1. - С. 23-28.
9. Султанов, А.Р. Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека – укрепление конституционно-правовых основ российского права / А.Р. Султанов // Международная Ассоциация Содействия Правосудию [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.iauaj.net/node/383>. – Дата доступа: 20.03.2015.

ПРЕДПИСАНИЕ КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) И МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

А.И. Ярунова,
магистрант ИГиП ТюмГУ,
YarunovaAI@tyumen-city.ru
Научный руководитель:
Л.С.Козлова,
доцент кафедры административного
и финансового права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Одной из важнейших функций органов исполнительной власти является осуществление государственного контроля (надзора), муниципального контроля, главной целью которого выступает обеспечение соблюдения гражданами, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями требований нормативных правовых актов, муниципальных правовых актов, что, в свою очередь, способствует обеспечению законности и правопорядка.

В настоящее время на федеральном уровне законодательную базу государственного контроля (надзора) и муниципального контроля составляют Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [5] (далее – Федеральный закон № 294-ФЗ) и около 90 отраслевых федеральных законов, регламентирующих отдельные виды государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

В соответствии с действующей редакцией Федерального закона № 294-ФЗ основной формой осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля является *проверка*.

Меры, принимаемые должностными лицами органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля в отношении фактов нарушений, выявленных при проведении проверки, установлены статьей 17 Федерального закона № 294-ФЗ. На основании анализа данной статьи можно сделать вывод, что документами, оформляемыми по результатам проверки в случае выявления нарушений, могут являться *предписания, протоколы об административных правонарушениях, постановления по результатам рассмотрения дел об административных правонарушениях* и др.

Если нормы, регулирующие порядок оформления протокола и постановления, кодифицированы, то нормы, регулирующие порядок вынесения предписаний, напротив, не систематизированы; они не только разрознены, но и противоречивы.

На основе анализа научной литературы, нормативных правовых актов, а также судебной практики можно сделать вывод, что предписание обладает определенными отличительными *признаками*.

В.Ю. Панченко, И.Ю. Макаrchук, рассматривая существенные и отличительные признаки такого правового средства, как представление, указывают, что основным критерием, позволяющим отграничить представление от родственного ему правового средства – предписания является *признак обязательности (безусловности) исполнения предписания* [11; 43].

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что к *предписаниям* органов государственного контроля (надзора), органов муниципального контроля *предъявляется определенный набор требований*. К примеру, в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2012 № 17АП-9576/2012-АК по делу № А60-8234/2012 [13] отмечено, что по смыслу действующего законодательства предписание органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), об устранении нарушений законодательства *должно быть законным и обоснованным, четким и понятным для исполнения*.

На основе анализа основных признаков предписания, по нашему мнению, можно сделать вывод, что данный документ является *индивидуальным правовым актом управления*, поскольку ему присущи следующие признаки данного вида правовых документов: содержит управленческое решение, обязательное юридически властное предписание; регулирует конкретные управленческие отношения (принимается в отношении конкретного лица); принимается уполномоченным субъектом публичного управления; обжалуется в установленном порядке и т.д.

Необходимо отметить, что в настоящее время существует достаточно большое количество про-

блем правового регулирования выдачи предписаний, что приводит к проблемам административной регламентации порядка выдачи предписаний, а также значительно затрудняет правоприменение.

В действующем законодательстве, регулирующем вопросы выдачи предписаний органами государственного контроля (надзора), органами муниципального контроля, можно выделить следующие проблемы и противоречия, а также основные проблемные вопросы, существующие в данной сфере.

1. Могут ли органы государственного контроля (надзора), органы муниципального контроля по результатам проведенных проверок выдавать предписания в случае, если полномочия по выдаче предписаний прямо не предусмотрены отраслевым законодательством, регулирующим вопросы осуществления отдельных видов контроля (надзора)?

В связи с формулировкой части 1 статьи 17 Федерального закона № 294-ФЗ, в соответствии с которой, в случае выявления при проведении проверки нарушений юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем обязательных требований или требований, установленных муниципальными правовыми актами, должностные лица органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля, проводившие проверку, *в пределах полномочий, предусмотренных законодательством Российской Федерации*, обязаны принять меры в отношении фактов нарушений, выявленных при проведении проверки, возникло мнение, что если в отраслевом законодательстве полномочия контрольно-надзорных органов по выдаче предписаний прямо не установлены, такие органы по результатам проведения проверок не вправе выдавать предписания.

Так, например, подготовленный аппаратом Губернатора Тюменской области модельный административный регламент проведения проверок при осуществлении муниципального земельного контроля на территории муниципального образования [10], размещенный на официальном Портале органов государственной власти Тюменской области, в пункте 1.9, устанавливающем результаты исполнения муниципальной функции, не содержит выдачу предписаний. Данное регулирование обусловлено тем, что статья 72 Земельного кодекса РФ [1] (далее – ЗК РФ), устанавливающая особенности осуществления муниципального земельного контроля, не содержит указание на то, что в случае выявления в ходе проведения проверки нарушения требований земельного законодательства, должностные лица органов местного самоуправления выдают предписания.

На наш взгляд, данная позиция не соответствует действующему законодательству. Часть 4 статьи 1 Федерального закона № 294-ФЗ устанавливает, что для ряда видов контроля (надзора), в т.ч. муниципального земельного контроля, особенности организации и проведения проверок могут устанавливаться другими федеральными законами в части, касающейся *вида, предмета, оснований проведения проверок, сроков и периодичности их проведения, уведомлений о проведении внеплановых выездных проверок и согласования проведения внеплановых выездных проверок с органами прокуратуры*.

Таким образом, отраслевое законодательство не может вводить новое регулирование в части принимаемых должностными лицами органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля мер в отношении фактов нарушений, выявленных при проведении проверки. Соответственно в данном случае должны применяться положения Федерального закона № 294-ФЗ, в соответствии с которым, в случае выявления при проведении проверки нарушений, должностные лица органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля, проводившие проверку, *обязаны выдать предписание*.

На основании вышеизложенного считаем необходимым исключить из части 1 статьи 17 Федерального закона № 294-ФЗ слова «в пределах полномочий, предусмотренных законодательством Российской Федерации», что приведет к единообразию толкования и применения статьи 17 Федерального закона № 294-ФЗ.

2. Выдача предписаний является правом или обязанностью должностных лиц органов государственного контроля (надзора), органов муниципального контроля?

В соответствии с частью 1 статьи 17 Федерального закона № 294-ФЗ, в случае выявления при проведении проверки нарушений, должностные лица органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля, проводившие проверку, *обязаны выдать предписание*.

Вместе с тем отраслевое законодательство в ряде случаев относит выдачу предписаний к правам должностных лиц органов государственного контроля (надзора), органов муниципального контроля. К примеру, подпункт 5 пункта 5 статьи 71 ЗК РФ, пункт 3 части 5 статьи 20 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) [2], пункт 8 части 3 статьи 96 Лесного кодекса Российской Федерации [3], часть двенадцатая статьи 6 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [4] и т.д.

Как уже было отмечено ранее, в соответствии с действующим законодательством в части принятия мер в отношении фактов нарушений, выявленных при проведении проверки, должен применяться Федеральный закон № 294-ФЗ, и соответственно выдача предписаний, в случае выявления по результатам проверки нарушений требований, установленных нормативными правовыми актами, муниципальными право-

выми актами, является обязанностью, а не правом должностных лиц органов государственного контроля (надзора), органов муниципального контроля.

Данная позиция также находит подтверждение в научной литературе. К примеру, Г.Г. Ячменев отмечает, что данные полномочия органов, осуществляющих контроль (надзор), *носят публично-правовой характер*, что не позволяет таким органам произвольно отказаться от необходимости выдачи предписания в случае выявления того или иного нарушения обязательных требований [12; 109].

В связи с чем, на наш взгляд, требуется внесение изменений в соответствующие федеральные законы в части исключения выдачи предписаний из перечня прав должностных лиц контрольно-надзорных органов.

3. Законодательно не определен порядок выдачи предписаний.

Федеральным законом № 294-ФЗ, подзаконными актами федерального уровня, регулирующими общие вопросы осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля не установлены порядок и сроки оформления и вручения предписания, типовая форма предписания, что создает значительные трудности для осуществления нормотворчества (в форме административных регламентов) и правоприменительной практики.

Анализ административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в различных сферах деятельности показал, что складывается неоднозначная практика регулирования данных вопросов.

К примеру, в административных регламентах существуют следующие варианты регулирования *срока выдачи предписания*:

1) *Одновременно с актом проверки*. Например, согласно пункту 101 Административного регламента, утвержденного Приказом Минкультуры России от 08.08.2012 № 840 [7], предписание об устранении нарушения подлежит вручению проверяемому лицу (представителю проверяемого лица) *одновременно с вручением ему экземпляра акта проверки*. Подготовка, оформление или вручение предписания об устранении нарушения после подписания и вручения акта проверки не допускаются.

2) *В течение определенного периода после составления и вручения акта проверки*. Например, в соответствии с пунктом 3.20 Административного регламента, утвержденного распоряжением Главного управления строительства и жилищно-коммунального хозяйства Тюменской области от 29.06.2012 № 8-р [9], в случае выявления при проведении проверки нарушений юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем обязательных требований, ответственным за проверку должностным лицом главного управления *в течение 5 дней со дня вручения акта о результатах проверки* осуществляется подготовка и выдача предписания об устранении нарушений с указанием срока их устранения.

3) *Срок выдачи предписания не установлен*. Например, Административный регламент, утвержденный Приказом Ростехнадзора от 20.08.2014 № 369 [8].

Кроме того, анализ нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, показал, что форма предписания может: *содержаться в административном регламенте* [8], *утверждаться отдельным нормативным правовым актом* [6]. При этом формы предписаний утверждены далеко не по всем видам контроля (надзора), а утвержденные формы имеют значительные отличия.

По нашему мнению, является целесообразным по аналогии с актом проверки порядок и сроки оформления и вручения предписания определить в Федеральном законе № 294-ФЗ, типовую форму предписания об устранении выявленных нарушений утвердить Приказом Министерства экономического развития РФ.

Принятие предлагаемых изменений должно обеспечить устранение пробелов и противоречий в действующем законодательстве, привести к единообразию толкования и применения норм права, а также способствовать повышению эффективности контрольно-надзорной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ: по сост. на 8 марта 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ: по сост. на 29 декабря 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.
3. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ: по сост. на 21 июля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 50. Ст. 5278.
4. О пожарной безопасности: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ: по сост. на 8 марта 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3649.
5. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении

государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ: по сост. на 31 декабря 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

6. Об утверждении форм предписания об устранении выявленных нарушений лицензионных требований в области сохранения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: приказ Минкультуры РФ от 28 ноября 2011 г. № 1094// Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 11.

7. Административный регламент исполнения Министерством культуры Российской Федерации государственной функции по контролю и надзору за сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия: утв. приказом Минкультуры России от 8 августа 2012 г. № 840 // Российская газета. 2013. 15 марта. № 56.

8. Административный регламент по исполнению Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору государственной функции по осуществлению контроля и надзора за соблюдением требований пожарной безопасности на подземных объектах: утв. приказом Ростехнадзора от 20 августа 2014 г. № 369 // Российская газета. 2014. 30 декабря. № 298.

9. Административный регламент исполнения государственной функции по осуществлению регионального государственного надзора за обеспечением сохранности автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения Тюменской области: утв. распоряжением Главного управления строительства и жилищно-коммунального хозяйства Тюменской области от 29 июня 2012 г. № 8-р// Тюменская область сегодня. 2012. 13 июля. № 121.

10. Административный регламент по осуществлению муниципального земельного контроля (v2/19.02.2015) [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области.
URL:<http://admtumen.ru/files/upload/OIV/Ag/AP%20по%20муниципальному%20земельному%20контролю.docx>

11. Панченко В.Ю. Представление как правовое средство / В.Ю. Панченко, И.Ю. Макачук // Законодательство и экономика. 2014. № 6. С. 36 - 47.

12. Ячменев Г.Г. Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.07.2014 № 47 / Г.Г. Ячменев // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 87-148.

13. Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2012 № 17АП-9576/2012-АК по делу № А60-8234/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2015).

РАБОТЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

**К.Е. Антонова,
магистрант ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
kristy-tumen@mail.ru
Научный руководитель:
М.Ш. Альмухаметова,
доцент кафедры теории и истории
государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ
кандидат исторических наук, доцент**

Защита прав и законных интересов предпринимателей является в настоящее время актуальной проблемой, решение которой связано с процессами развития экономики и социальной жизни. Такое решение осложнено психологическими факторами. Сознанием нынешнего общества люди, желающие стать предпринимателями, воспринимаются как спекулянты, жулики и воры, что, возможно, является пережитками прошлого, а именно так называемых «лихих девяностых», что сейчас приводит нас к тому отношению к предпринимателям, и как следствие, состоянию предпринимательской деятельности, которое мы и имеем по настоящий момент.

Кроме психологического фактора, присутствует еще и фактор экономический. Россия на данном этапе находится в кризисном положении в связи с политической ситуацией. Каким бы ни был экономический кризис, ведущей силой, способной его преодолеть, является предпринимательский класс. Его усилия могут эффективно поддерживаться государством, однако заменить бизнес в качестве «спасителя» государство не может. Кризисы отсекают неконкурентоспособную часть компаний, стимулируют реструктуризацию корпоративного сектора, провоцируют изменения в отраслевой структуре. В подобной ситуации необходимо усилить меры по защите прав предпринимателей, внимательно изучить эту тему, выявить недостатки и положительные черты правовой защиты этой части общества.

Для успешной предпринимательской деятельности в России необходимо осознание социумом подлинной сущности, роли и значения предпринимательства в экономической и социальной сферах.

Большое значение имеет правовое обеспечение этого процесса, юридическая основа предпринимательства, законодательная охрана и защита прав предпринимателей.

Для более углубленного рассмотрения данной темы, необходимо раскрыть определение «предприниматель». Множество источников содержат различные определения, приведем несколько из них.

Так, согласно «Словарю бизнес - терминов», «Предприниматель – это частное лицо, которое предпринимает (от франц. *entreprenre* – предпринимать, делать попытки) усилия по поставке на рынок товаров или услуг ради получения прибыли. Предприниматель обычно инвестирует в предприятие свой собственный капитал и принимает на себя весь риск, связанный с капиталовложением [4; 58].»

«Словарь терминов антикризисного управления» дает следующее лаконичное определение «Предприниматель - человек, который идет на риск [5; 17].»

Все словари в определении понятия «предприниматель», сходятся в одном - это человек, который идет на риск. Следовательно, риск – одна из ключевых черт, составляющих суть предпринимательства.

Для лаконичности дальнейшего рассуждения, необходимо понять, что есть защита предпринимателя. Под защитой прав предпринимателей понимается совокупность нормативно установленных мер (механизмов) по восстановлению или признанию нарушенных или оспариваемых прав и интересов их обладателей, которые осуществляются в определенных формах, определенными способами, в законодательно определенных границах, с применением к нарушителям мер юридической ответственности, а также механизма по практической реализации (исполнимости) этих мер [6; 12].

Согласно В. Т. Батычко, под способами защиты прав понимаются закрепленные законом материально-правовые и процессуальные меры принудительного характера, посредством которых производится

восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и осуществляется воздействие на правонарушителя.

Материально-правовые способы защиты - это способы действий по защите прав в соответствии с охранительными нормами материального права.

Процессуальные способы защиты - способы, обеспечивающие защиту прав предпринимателей в процессе рассмотрения спора о нарушенном праве.

Самостоятельным способом защиты прав является самозащита. Гражданский кодекс РФ не содержит определения этого понятия, а лишь устанавливает, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не должны выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Под формой защиты понимается комплекс внутренне согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов. Формы защиты прав предпринимателей делятся на судебные и внесудебные.

Судебные формы защиты предполагают таких органов, как Конституционный Суд РФ, арбитражные суды, суды общей юрисдикции.

К формам внесудебной защиты следует отнести нотариальную защиту, третейское разбирательство, досудебный порядок урегулирования споров.

Таким образом, по нашему мнению, предприниматель – это лицо, организовавшее на свой страх и риск дело, должное приносить прибыль, отвечающее по своим обязательствам и несущее ответственность за принятие деловых решений, отвечающее по своим убыткам, зарегистрированное в установленном законом порядке в компетентных органах.

Однако существуют и другие точки зрения, теоретические аспекты предпринимательства и защиты прав предпринимателей довольно хорошо изучены, несмотря на это, все еще остается простор для изучения данного вопроса.

Способов защиты бизнеса в настоящее время существует достаточное количество для удовлетворения практически всех требований предпринимателя. В Тюменской области помимо основных инструментов разрешения проблем предпринимателей (обращение в судебные органы, органы государственной власти, следственных органов и органов надзора), за последние годы активно применяется обращение в институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Тюменской области. Несмотря на его недавнее формирование, результаты работы данного института отмечаются как положительные.

10 июня 2013 года Губернатором Тюменской области был подписан Закон Тюменской области № 44 «Об уполномоченном по защите прав предпринимателей в Тюменской области». 10 сентября 2013 года Распоряжением Губернатора Тюменской области № 63-рл Лариса Кирилловна Невидайло была назначена на должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Тюменской области.

Правовое положение, задачи и компетенция уполномоченных по защите прав предпринимателей в РФ определены Федеральным законом от 07.05.2013 №78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».

Задачами уполномоченных являются:

- 1) защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;
- 2) участие в обеспечении соблюдения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности органами государственной власти и органами местного самоуправления;
- 3) содействие развитию общественных институтов, ориентированных на защиту прав субъектов предпринимательской деятельности;
- 4) взаимодействие с субъектами предпринимательской деятельности по вопросам, относящимся к компетенции Уполномоченного;
- 5) участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности и защиты прав субъектов предпринимательской деятельности.

Как следует из отчета Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Тюменской области [10] за год его работы к нему поступило около 150 обращений: индивидуальных и коллективных. Наибольшую активность в защите своих прав проявили предприниматели Тюмени и Тюменского района.

В архиве Уполномоченного представлена практически вся география Тюменской области. Менее чем за полгода были совершены рабочие визиты во все 26 муниципальных образования, проведены встречи почти с 700 предпринимателями, организованы и проведены полтора десятка просветительских мероприятий, около шестисот встреч с предпринимателями, в том числе 234 личных приема.

Для содействия в рассмотрении обращений (жалоб) субъектов предпринимательской деятельности Уполномоченным создана автономная некоммерческая организация «Центр общественных процедур «Бизнес против коррупции» в Тюменской области» (далее по тексту - Центр). Миссией Центра является защита субъектов предпринимательской деятельности от рейдерства и коррупционного давления. Центр рассматривает Обращения, где объектом неправомерного посягательства в конфликте является предпри-

ниматель или компания, и в конфликте имеются признаки рейдерского и (или) коррупционного правонарушения.

Создан так же Межотраслевой экспертный совет, который является коллегиальным совещательным органом, созданным в целях экспертного и консультативного сопровождения деятельности Уполномоченного, направленной на улучшение предпринимательского климата в Тюменской области.

Основными задачами Совета являются:

- выявление и анализ системных проблем, препятствующих ведению предпринимательской деятельности;
- разработка и внесение предложений по совершенствованию федерального и регионального законодательства в области осуществления предпринимательской деятельности;
- участие в мероприятиях, направленных на правовое просвещение, поддержку и популяризацию предпринимательства.

Результатом первого заседания Межотраслевого экспертного Совета стало коллективное обращение к депутатам Тюменской областной Думы с просьбой о поддержке законопроекта «О временном запрете на увеличение налоговой нагрузки для малых предприятий в РФ», подготовленного Уполномоченным совместно с Комитетом по экономической политике и недропользованию Тюменской областной Думы. Данный законопроект был утвержден 18 декабря 2014 года.

Для повышения уровня осведомленности о взаимодействии с Уполномоченным проводился комплекс мероприятий по популяризации института уполномоченных. Также в целях продвижения института уполномоченный на постоянной основе принимает участие в наиболее значимых мероприятиях, проводимых на муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

В Тюмени действует Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Областной бизнес-инкубатор», созданное в соответствии с Распоряжением Губернатора Тюменской области № 464-рп от 18 апреля 2011 года.

Областной бизнес-инкубатор оказывает государственную поддержку в виде предоставления в аренду на льготной основе офисных помещений, оборудованных мебелью, компьютерной техникой, средствами связи, для осуществления предпринимательской деятельности на конкурсной основе.

Резидентом бизнес-инкубатора может стать любое юридическое лицо – субъект малого предпринимательства, зарегистрированное на территории Тюменской области независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, а также места происхождения капитала, в том числе индивидуальный предприниматель.

Бизнес-инкубатор осуществляет консультирование физических лиц планирующих заниматься предпринимательской деятельностью по следующим вопросам [8]:

- консультации по порядку государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- консультирование и оказание содействия при подготовке документов необходимых для государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- консультации по срокам и месту государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и прочее.

В Тюмени действует Департамент инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства, который предоставляет государственную поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства в форме субсидии в следующих видах [9]:

1. Возмещение части затрат на оплату процентов по договорам кредита.
2. Получение государственной поддержки на развитие лизинга оборудования выражается в возмещении части затрат по лизинговым платежам и возмещении затрат по уплате первого взноса при заключении договора лизинга в размере до 3 млн. рублей по каждому договору лизинга.

Годовой размер субсидии субъекту предпринимательства со среднесписочной численностью работников за год, предшествующий текущему финансовому году, менее 30 человек не может превышать 3 млн. рублей, субъекту предпринимательства со среднесписочной численностью работников за год, предшествующий текущему финансовому году, равной 30 и более человек не может превышать 10 млн. рублей.

Фонд «Инвестиционное агентство» Тюменской области предоставляет целевые займы субъектам малого и среднего предпринимательства на цели реализации инвестиционных проектов. Целевые займы предоставляются на срок до 84 месяцев с процентной ставкой в размере, не превышающей ставку рефинансирования, в сумме свыше 1 000 000 (одного миллиона) рублей и до 20 000 000 (двадцати миллионов) рублей на приобретение оборудования, приобретение, строительство, реконструкцию, ремонт нежилых помещений, зданий и сооружений, за исключением объектов торгового назначения [11].

В рамках мероприятия «Гарантийный фонд» предоставляются поручительства по кредитам, оформляемым субъектами малого и среднего предпринимательства в банках.

Фонд микрофинансирования Тюменской области предоставляет микрозаймы субъектам малого и среднего предпринимательства в размере до 1 млн. рублей, сроком до 12 месяцев на пополнение оборотных средств.

Преимущества микрозаймов в сравнении с иными финансовыми продуктами заключаются в минимальном пакете документов для рассмотрения заявки и оперативном сроке принятия решения о предоставлении займа.

Центр развития экспорта и инвестиций Тюменской области [11] функционирует на базе Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Областной бизнес-инкубатор». В соответствии с некоммерческим статусом, все услуги Центр оказывает на безвозмездной основе.

В структуре Центра развития экспорта и инвестиций функционирует Евро Инфо Корреспондентский Центр, его основная задача – содействие малому и среднему бизнесу в налаживании деловых взаимоотношений с западными партнерами, предприятиями в других регионах РФ, а также поддержка в продвижении продукции тюменских производителей на внешние и межрегиональные рынки.

Губернатор Тюменской области так же оказывает поддержку предпринимательству. Владимир Якушев внес в областную думу законопроект о зонах экономического развития, на территориях которых будут обеспечены благоприятные условия для ведения предпринимательской и инвестиционной деятельности в индустриальных (промышленных) парках.

Документом предусмотрен льготный порядок налогообложения для резидентов зон экономического развития, а также возможность предоставления им государственной поддержки. Здесь же прописаны долгосрочные гарантии прав резидентов, что позволит обеспечить плановое стабильное развитие их бизнеса в Тюменской области.

Существует сайт «Деловой портал Правительства Тюменской области», на котором представлена информация, способная заинтересовать предпринимателей и восполнить пробельность их знаний в данной сфере.

В рамках государственной программы Тюменской области «Основные направления развития малого и среднего предпринимательства» на 2014 - 2016 годы планируется предоставление государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства в форме субсидии в следующих видах:

1. Возмещение части затрат на оплату процентов по договорам кредита субъектам малого и среднего предпринимательства, привлекающим кредиты с целью приобретения оборудования, а также иные цели, предусмотренные порядком отбора для предоставления государственной поддержки.

2. Государственная поддержка на развитие лизинга оборудования.

Основной целью программы является повышение роли малого и среднего предпринимательства в развитии конкурентной экономической среды области.

Государственная поддержка осуществляется в соответствии с постановлением Правительства Тюменской области от 01.04.2008 № 99-п «О Порядке отбора субъектов малого и среднего предпринимательства для предоставления государственной поддержки в форме субсидии».

Общая потребность в финансовых средствах на реализацию Программы 987 342,00 тыс. рублей из областного бюджета [7].

Таким образом, рассмотренные мероприятия направлены на повышение эффективности государственного управления социально-экономическим развитием области, обеспечение повышения конкурентоспособности системы малого и среднего предпринимательства в области.

Субъекты малого и среднего предпринимательства являются основой в становлении как экономической, так и социальной стороны жизни населения. Данное направление позволяет реализовать предпринимательские способности личности, расширяет перечень предоставления на рынок товаров и услуг, повышает занятость населения и способствует снижению напряженности на рынке труда.

Создание благоприятного инвестиционного климата на территории области способствует увеличению объемов выпуска высокотехнологичной продукции промышленными предприятиями и созданию эффективных новых рабочих мест. Субъекты предпринимательства привлекают новые технологии и позволяют создавать современные производства, аналогов которым нет в мире. Этим компаниям оказывается государственная поддержка в виде налоговых льгот или компенсационных форм поддержки, а также они гарантированно получают комплексное административное сопровождение.

Региональная система мер государственной поддержки решает различные задачи. Но основные из них - это модернизация предприятий, формирование стимулов к созданию новых активов, средств производства, новых рабочих мест.

Несмотря на то, что ситуация в мировой и национальной экономике тревожная, областное правительство сохраняет все основные формы государственной поддержки промышленности, малого и средне-

го бизнеса, сохранены налоговые льготы. Не принимаются меры, повышающие налоговое бремя для субъектов предпринимательства в рамках региональных полномочий. Владимир Якушев резюмировал: «Наш стратегический ориентир до 2020 года остается неизменным – это удвоение экономики Тюменской области».

Список источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 06.04.2015). // Российская газета. 1994. № 238-239.
2. Федеральный закон от 07.05.2013 №78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015). // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.
3. Закон Тюменской области № 44 «Об уполномоченном по защите прав предпринимателей в Тюменской области» [Электронный ресурс] // Тюменская область. Официальный портал органов государственной власти. URL.: http://admtyumen.ru/ogv_ru/services/more_.htm?id=48349@egDocs.
4. Бизнес. Толковый словарь. М.: Изд. «Весь Мир», 1998. 129 с.
5. Словарь терминов антикризисного управления. М.: Изд. «Весь Мир». 2000. 358 с.
6. Батычко В.Т. Предпринимательское право. Конспект лекций. / В.Т. Батычко. Таганрог: Изд.: ТТИ ЮФУ, 2011. 116 с.
7. Государственная программа [Электронный ресурс] // Деловой портал правительства Тюменской области. URL: <http://tyumen-region.ru/support/enterprises/gosprogramm>.
8. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Областной бизнес-инкубатор» [Электронный ресурс] // Областной бизнес-инкубатор. URL: <http://www.incubator72.ru/business-support/inkubator>.
9. Департамент инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства [Электронный ресурс] // Областной бизнес-инкубатор. URL: <http://www.incubator72.ru/business-support/departament>.
10. Отчет о работе Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Тюменской области за 2014 год [Электронный ресурс] // Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тюменской области. URL: <http://ombudsmanbiz72.ru>.
11. Услуги Фонда поддержки предпринимательства [Электронный ресурс] // Областной бизнес-инкубатор. URL: <http://www.incubator72.ru/business-support/services-fund>.
12. Центр экспорта [Электронный ресурс] // Областной бизнес-инкубатор. URL: http://www.incubator72.ru/business-support/tsentr_eksporta.

ВЗГЛЯД НА РЕАЛИЗАЦИЮ ЦЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КАТЕГОРИИ РАССМАТРИВАЕМЫХ ДЕЛ

**Ю.Л. Бабилова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
djuliana95@mail.ru**

**Научный руководитель:
Н.В. Сухова,
доцент кафедры гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

*Всегда везде для всех да будет правый суд.
— Пьер Корнель*

Исходя из единой базисной цели судебного процесса, ст. 2 действующего ГПК РФ определяет задачи гражданского судопроизводства как правильное и своевременное разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов [1].

На первый взгляд, из формулировки данной статьи следует, что законодатель, определяя общие для всего судопроизводства цели, проводит четкую границу между задачами и целями. Вместе с тем в доктрине гражданского процессуального права существует противоположная точка зрения, отчасти воспринятая законодателем - происходит смешение дефиниций, закрепленных в ГПК и АПК. Еще в 1973 г. на данную проблему обращал внимание профессор А.Т. Боннер, который, указывая на синонимичность понятий "цели" и "задачи", пришел к выводу об их неоправданном выделении [12, С.34]. Представляется, что Концепция единого гражданского процессуального кодекса разрешит данное противоречие, путем закрепления общих, для всего цивилистического процесса, промежуточных и конечных целей судопроизводства [2].

Характерно, что предлагаемый вариант нормы Концепции единого гражданского процессуального кодекса согласуется со статьей 2 Федерального закона "Об исполнительном производстве". Это обстоятельство имеет определяющее воздействие, так как цели судопроизводства являются одним из критериев принадлежности процессуальной модели к правовой системе – романо-германской или англо-саксонской [16, С. 56], [3, С. 42].

Реализация целей гражданского судопроизводства в конкретном государстве во многом зависит от характера дел, которые можно считать типичными для национальной системы судопроизводства. В связи с этим для наиболее полного представления о целях судопроизводства и, как следствие, их реализации и тенденций преобразования, необходимо определить преобладающую категорию дел и методику их разрешения.

Одной из общемировых тенденций на сегодняшний день является концентрация судов на более сложных и спорных гражданских и административных делах, в то время как мелкие иски и дела добровольной юрисдикции, особенно разного рода регистрационные дела, передаются в ведение судебных секретарей и органов исполнительной власти [8, С. 240].

Проблема надлежащей обработки небольших исков заключается в том, каким образом реализовать главную цель судопроизводства - разрешение индивидуального спора, при наименьших затратах, учитывая шаблонность решения и однотипность дел. В то время как для стран с системой общего права характерна политика исключения небольших исков из списка дел к слушанию различными средствами (включая высокую стоимость процесса), европейские системы гражданского судопроизводства отклоняют принцип, согласно которому судьи не должны тратить свое время впустую на неважные, маленькие вопросы (*de minimis non curat praetor*). Например, в Италии или Хорватии не допускается отказ судов от рассмотрения дел, которые им показались банальными или неподходящими [8, С. 255]. В Венгрии вплоть до 2009 г. для небольших дел не применялось никакого специального процесса и те же самые процессуальные нормы применялись ко всем делам независимо от их значимости [11, С. 343].

Большинство стран, включая и Россию, стремится к некоторой сбалансированности дела и судебного процесса, направляя мелкие иски в специальные суды или осуществляя специальное упрощенное производство. Австрийский пример автоматизированного, поддержанного информационными технологи-

ями, упрощенного порядка рассмотрения дел о взыскании задолженности (Mahnverfahren) может служить образцовым примером системы, которая соответствует цели быстрой и рентабельной массовой обработки дел и быстрого фильтрации неспорных дел [9, С. 156]. В связи с этим актуален вопрос о соотношении разрешения судами дел добровольной юрисдикции и возможности достижения целей правосудия при выполнении административных функций.

Считается, что слушания по неспорным вопросам должны быть более простыми, быстрыми и менее формальными, чем «регулярные» процессы по спорным вопросам. К примеру, такое положение отражено в Официальном комментарии к австрийскому Акту о производстве по делам, не связанным со спорами [9, С. 178].

Оправданность осуществления судами административных функций на сегодняшний день подвергается критике. По мнению профессора Элизабетт Сильвестри, интенсивное вмешательство судов в решение неспорных вопросов подлежит сомнению и создает «многогранную головоломку» *giurisdizione volontaria* (особое производство в гражданском процессе) [8, С. 257]. Несправедливым является тот факт, что спорные дела рассматриваются с существенными задержками, а суд должен тратить свое время на разрешение дел, большая часть которых требует только лишь охраны и гарантирования прав, но не реального правосудия. Иногда утверждают, что деятельность подобного рода могла бы осуществляться органами исполнительной власти, т. е. так называемыми квазисудебными административными органами, и это способствовало бы решению проблемы перегруженности судов и освобождению их от выполнения непрофильных функций. В то же время предлагается предусмотреть возможность разрешения некоторых из типичных дел добровольной юрисдикции в рамках альтернативных процедур (ADR).

Вместе с тем, цели, реализуемые судом при исполнении административных функций в целом соответствуют целям, достигаемым судами при производстве по делам, связанным со спорами, что следует также из анализа положений ст. 3 КАС РФ. При этом любопытным является то обстоятельство, что в настоящее время добровольная юрисдикция как средство защиты прав частных лиц является доступным, обходится дешево (о чем свидетельствует и зарубежный опыт – Венгрия, Германия, Финляндия) и предоставляется в короткие сроки. Следовательно, в делах добровольной юрисдикции проще всего реализовать цели гражданского процесса.

Представляется, что наиболее проблематично реализовать цели гражданского процесса при решении сложных дел. Основным критерием, позволяющим произвести градацию, является наличие и степень судейского усмотрения. По мнению А. Барака, судейское усмотрение существует только в отдельных категориях дел. Каждое судебное решение требует такого умственного усилия, как обдумывание и взвешивание. Однако в некоторых делах – легких делах и делах средней трудности – отсутствие дискреции в резолютивной части решения свидетельствует об отсутствии усмотрения [17, С. 321].

Вместе с тем в доктрине права существует прямо противоположное мнение. Согласно подходу "критического изучения права" неореалистов США, буква закона и разнообразные правила его толкования не приводят к единственно законному решению [14, С. 26]. В любом случае суд придает значение правовой норме, исходя из политического мировоззрения, общих принципов права и внутреннего убеждения.

Возникновение сложных дел связано, как правило, с наличием пробела правового регулирования. В этих случаях при разрешении дела судья будет исходить из аналогии права, общеправовых принципов, фундаментальных ценностей общества, а также "личного опыта и мировоззрения". Разумеется, что при таком подходе различные судьи будут приходить к различным результатам, в связи с неодинаковостью их личного опыта и мировоззрения. Поэтому в трудных делах решение принимается самим судьей как продукт его личного опыта и его мировоззрения. Это будет наилучшим решением, которое судья может вынести, однако оно будет нести на себе отпечаток его личности. Таким образом, в трудных делах окончательное решение в большей мере зависит от философии судьи, от его подхода к судебной функции и от его судейского мировоззрения [17, С. 243].

При этом судья обязательно должен руководствоваться общими направлениями развития практики и делового оборота, действовать в рамках принятых в государстве правовых ценностей, соблюдать стандарт разумности, не выходя за рамки когерентности системы. Способность применять судебное усмотрение сопряжена с большей ответственностью и зависит от квалификации, правосознания, компетенций и опыта судьи. Все вышеуказанное в совокупности призвано обеспечить достижение целей судопроизводства.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Цели гражданского процесса имеют большое значение как для науки, так и для практики. Они обуславливают структуру всей системы гражданского процесса, от которой зависят его границы, принципы и основные процессуальные институты. В частности, цель обуславливает степень активности суда в собирании доказательств, необходимость достижения объективной или формальной истины, место исполнения в системе гражданского процесса, роль суда в исполнительном производстве и другие аспекты гражданского процесса. Специфика доминирующей

категории дел влияет на формулирование и реализацию задач гражданского судопроизводства. Так, согласно Статистике по завершённым гражданским делам в финских федеральных судах с 2006 по 2011 г., количество исковых дел возросло практически в два раза, в то время как увеличение дел бесспорной юрисдикции составило лишь 6 %. [10] Аналогичные показатели существуют и в Российской Федерации - в 2011 г. доля дел бесспорной юрисдикции составила 3,43% от общего количества рассмотренных гражданских дел, против 4 % в 2009 г. [9, С. 67]. В данном случае можно говорить о тенденции освобождения судов от выполнения непрофильной функции.

По общим показателям, сложные дела также составляют небольшой процент от общего числа рассмотренных дел, однако в странах англо-саксонской правовой системы подобные показатели значительно выше. Объясняется это самим характером источников прецедентного права - необходимость в применении аналогий, судейского усмотрения и общеправовых принципов возникает при наличии неопределенностей и лакун в праве, чему подвержена казуистическая модель правового регулирования.

Реализация целей обуславливает показатель эффективности судопроизводства. Профессор М.С. Шакарян связывала эффективность правосудия с достижением цели судебной защиты, задач правосудия. К ключевым категориям, которые положены в основу оценки эффективности деятельности судов проверочных инстанций, следует отнести цель, средства и результаты этой деятельности. [13, С. 5]

По высказыванию русского процессуалиста К. Малышева, «самый процесс везде имеет одну и ту же цель, оттого и логические моменты суда везде одинаковы, но организация процесса проходит разные ступени в своем развитии, мало-помалу усовершенствуясь путем собственного опыта народа» [16, С. 7].

Определяя цель гражданского процесса, нужно иметь в виду, что роль суда во всех типах обществ заключается в восстановлении гармонии и сбалансированности общественных отношений. В наши дни, установление справедливости в качестве цели гражданского процесса не подвергается сомнению во всех правовых системах, однако различие заключается в практической реализации такой сущности судебной власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ: по сост. на 06 апреля 2015)// Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.
2. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.04.2015).
3. Andrews N. English Civil Procedure. Fundamentals of the New Civil Justice System// Oxford.- 2003.
4. Jacob J.I.H. The Reform of Civil Procedural Law and Other Essays in Civil Procedure// London.- 1982.
5. Jolowicz J. The Woolf Report and the Adversary System // Civil Justice Quarterly.- 1996. - № 15.
6. Jolowicz J.A. On Civil Procedure// Cambridge - 2000.
7. Subrin S.N., Minow M.L., Brodin M.S., Main T.O. Civil Procedure. Doctrine, Practice and Context. // New York. - 2008.
8. Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18-21 сентября 2012 г., Москва, Россия: Сборник докладов / Под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права – М.: Статут, 2012. – 720 с.
9. Добровольная (бесспорная) юрисдикция в России и за рубежом (Восточная и Западная Европа, Латинская Америка, Китай)/ под ред. В.В. Аргунова. - М.: Статут, 2014. - 237 с.
10. Добровольная юрисдикция в восточной Скандинавии (Швеция и Финляндия) – URL: http://www.stat.fi/til/koikrs/2011/koikrs_2011_2012-04-02_tie_001_fi.html
11. Европейский гражданский процесс и исполнительное производство: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 25 марта 2011 г./отв. ред. Д.Х. Валеев. - М.:Статут, 2012. - 567 с.
12. Жилин Г.А. К вопросу о целях административного судопроизводства в свете законодательных новаций/ Жилин Г.А // Закон. - 2013. - № 6. - 34-39 с.
13. Некрошюс В. Цели гражданского процесса: установление правды или примирение сторон? // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса// СПб. - 2006. - № 4. - 4-15 с.
14. Панова И.В. Административная юстиция в США/ И.В. Панова // Административное право и процесс. - 2014. - № 10. - 24-29 с.
15. Пешкова Т. В. Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции как форма осуществления судебной власти. Дис. ... канд. юрид. наук. / Т. В. Пешкова. – Воронеж, 2014. – 249 с.

16. Правосудие в современном мире: Монография/ под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. - М.: Норма, Инфра-М, 2012. - 395 с.
17. Судейское усмотрение/ Барак Аарон. - М.: НОРМА, 1999. - 376 с.

СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РЕЗУЛЬТАТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫЯВЛЕНИЯ И ФИКСАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Д.В. Бадура,
магистрант ИГиП ТюмГУ
Denis748@mail.ru

Научный руководитель:
А.К. Костылев,
доцент кафедры административного
и финансового права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

В связи с ростом автомобильного парка в Российской Федерации и при этом серьезным отставанием развития дорожной инфраструктуры на первый план выходит задача обеспечения безопасности дорожного движения.

Обеспечение безопасности дорожного движения в условиях увеличивающегося с каждым годом количества дорожно-транспортных происшествий – это актуальная для многих стран мира проблема. Российская Федерация не является исключением.

Превышение скорости, выезд на встречную полосу, проезд на запрещающий сигнал светофора, нарушения правил проезда перекрестков: самые распространенные причины аварий банальны. Можно сказать, что в этом – вина системы подготовки водителей. Но в основе этих ДТП всегда лежит культура участников дорожного движения. От культуры зависит отношение водителей к пешеходам, и наоборот. Именно недостаток культуры, воспитания, уважения на дорогах, а также безразличное отношение к законам и надежда на «авось» избежать наказания приводит к тому, что люди могут позволить себе нарушить Правила, рискуя своей жизнью и жизнями окружающих.

Специальные технические средства широко используются во многих странах мира как мера пресечения административных нарушений в области дорожного движения и в целях выявляемости административных деликтов. Опыт этих стран свидетельствует о высокой эффективности осуществления надзора за дорожным движением с использованием технических средств. Проведенные в Швеции исследования показали, что при использовании традиционных способов полицейскими выявляется и пресекается всего 3 из 1000 нарушений скоростного режима, что приводит к возникновению у водителей чувства безнаказанности и способствует развитию правового нигилизма [4; 72]. Также, по мнению Б.В. Россинского, сотрудниками правоохранительных органов реально выявить лишь 5-6% административных правонарушений в области дорожного движения [3; 97]. В связи с этим, с 1 июля 2008 года в РФ так же внедряются специальные средства для фиксации административных правонарушений в области дорожного движения. И результат их применения не заставил себя долго ждать.

Всего на дорогах России произошло 199 720 дорожно-транспортных происшествий (- 2,1%). В ДТП в России погибло 26 963 человека (-0,2%), ранено 251 785 человек (-2,6%). Из этого числа по вине пьяных водителей — 3420 человек, а из-за плохих дорог расстались с жизнью 7038 человек. Для сравнения в 2013 году в 204 068 ДТП (-0,2%) погибли 27 025 (-3,5%) человек и были ранены 258 437 человек (-0,1%). Таким образом, количество аварий постепенно сокращается – на 2,3% за 2 года. Однако необходимо отметить, что если в 2013 году и более ранних годах среди причин ДТП часто упоминалось нарушение скоростного режима, то в 2014 году основные причины – это пьянство за рулем и плохие дороги. За весь 2014 год число ДТП из-за превышения скорости снизилось более чем в 1,5 раза, Доля таких аварий – почти треть от всех ДТП в стране. Несомненно, это свидетельствует о положительной практике применения специальных технических средств.

В конце 2014 года проверка прокуратуры показала, что зачастую применение средств автоматической фиксации было нацелено не на предупреждение и пресечение нарушений ПДД, а именно на пополнение бюджетов. К примеру, в Краснодарском крае водителям приходили штрафы за нарушения, которые

они не совершали. В Бурятии из-за отсутствия в базе данных необходимых сведений водители избегали ответственности за повторные нарушения. А в некоторых регионах, таких, как Архангельская область или Краснодарский край, дорогостоящие комплексы, купленные за счет бюджета, просто не использовались.

Причиной этому является отсутствие единых правил работы и эксплуатации комплексов фиксации правонарушений, в то время как национальный стандарт для комплексов автоматической фото- и видеофиксации нарушений ПДД выставлен на обсуждение уже больше года назад, однако до сих пор остается проектом.

Впоследствии хотелось бы обратиться к нововведениям в законодательстве, которые уже были приняты в прошлом году. 15 ноября 2014 года в КоАП РФ было внесено достаточно много серьезных изменений. Не обошел законодатель стороной и сферу использования специальных технических средств фиксации административных правонарушений.

Во-первых, в статью 24.5 КоАП РФ вносится уточнение, что обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении, является наличие по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, не просто постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, а постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном той же статьей или той же частью статьи КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации. Таким образом, в случае ошибочной квалификации должностным лицом деяния лица будет допускаться прекращение дела по одной статье (части статьи) КоАП РФ с одновременным возбуждением нового дела по другой статье (части статьи). Так, например, ранее инспектор утверждал, что водитель ехал по встречной полосе. Но водителю удалось доказать, что по полосе встречного движения он не ехал, а лишь поворачивал налево через сплошную. В этом случае административное дело прекращалось. Человек нарушил, но не тот пункт правил и не по той статье. А переквалифицировать дело возможности не было. Сейчас же такая возможность появилась. Необходимо отметить, что этого изменения ждали давно. Верховный суд РФ давал разъяснения судам по данному вопросу в Постановлении Пленума от 24.03.2005 № 4, однако все вопросы на тот момент так и не были урегулированы.

Это нововведение также упростит и порядок обжалования постановлений, которые приходят владельцам авто по почте - так называемых "писем счастья". Допустим, вы продали автомобиль, но получили «письмо счастья» за нового автовладельца. Во всех этих случаях очевидна ошибка того, кто выписывал постановления. Раньше в подобных случаях требовалось разыскать нового автовладельца или фигуранта дела, убедиться, что именно он был за рулем, или просто проверить базы данных на предмет того, кому теперь принадлежит авто. А потом уже просто закрыть дело. Теперь также будет возможность вынести постановление в отношении того, кто действительно управлял автомобилем.

Во-вторых, было внесено дополнения в статью 20.25 КоАП РФ в части ответственности за неуплату административного штрафа в установленный срок. Так, к лицу, в срок не уплатившему штраф за правонарушение, которое было зафиксировано с применением работающих в автоматическом режиме средств видеофиксации, теперь не будет применяться наказание в виде административного ареста. Зачастую автомобилем управляет не хозяин машины, а доверенное лицо. 60 процентов от всех штрафов выписываются на основании автоматической фотовидеофиксации нарушений. А постановления отправляются именно владельцу автомобиля, а не водителю, который нарушил правила. В тоже время применить статью 20.25 КоАП РФ, которая предусматривает помимо всего прочего арест до 15 суток для должника-водителя, было невозможно в отношении автовладельца. За что арестовывать человека, который не нарушал Правила дорожного движения? Такому лицу будет назначаться наказание в виде удвоенной суммы неуплаченного штрафа либо в виде обязательных работ на срок до 50 часов. Указанные изменения представляются вполне логичными.

В-третьих, в статью 29.6 КоАП РФ, регламентирующую сроки рассмотрения дела об административном правонарушении, Федеральным законом от 14.10.2014 № 307-ФЗ вносится изменение, согласно которому постановление по факту нарушения, выявленного с применением работающих в автоматическом режиме средств видеофиксации, должно быть вынесено в 15-дневный срок. До вступления в силу изменений этот срок не был установлен и постановление могло придти и через три месяца после совершения нарушения. Впрочем, срок в 15 дней не означает, что если постановление вынесено позже, оно не законно и его отменяют. Инспектора могут подвергнуть дисциплинарной ответственности. А постановление, скорее всего, останется в силе.

В-четвертых, статья 28.6 КоАП РФ дополняется следующим. В части постановлений, вынесенных за административные правонарушения, зафиксированные средствами видеофиксации, уточняется, что в таком же порядке (то есть в форме электронного документа и без присутствия лица, привлекаемого к административной ответственности) будет выноситься постановление в случае подтверждения содержащих-

ся в сообщении или заявлении собственника (владельца) транспортного средства данных о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица.

Помимо этого, устанавливается, что экземпляры постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме средств видеофиксации, могут направляться лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, не только по почте заказным почтовым отправлением в форме копии постановления на бумажном носителе, но и в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг. В этом случае отсчет сроков будет производиться с момента поступления уведомления на этот сайт.

На наш взгляд, это сделано для удобства граждан в связи с устоявшейся в стране тенденцией обеспечения доступности органов государственной власти и оказываемых ими услуг. Однако имеется необходимость дополнительного закрепления в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях процессуальных действий сотрудников полиции по оформлению постановлений и иных материалов, а также формированию и ведению базы данных нарушений, зафиксированных устройствами фото-видео-фиксации нарушений ПДД, работающими в автоматическом режиме [1; 67].

Таким образом, можно сделать вывод, что государством ведется большая многогранная работа в целях предотвращения дорожно-транспортных происшествий. Продолжается процесс оптимизации законодательства об административных правонарушениях в области дорожного движения, совершенствуется техническое регулирование, реформируется система органов управления в этой сфере правоотношений [2].

Литература:

1. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения) 20 марта 2015 года. В 3 частях. СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015 с.67.
2. Занина Татьяна Митрофановна, Четверикова Александра Ивановна. Организационно-правовые аспекты применения средств фотовидеофиксации в системе контроля за безопасностью дорожного движения // Вестник ВИ МВД России. - 2013. - №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-aspekty-primeneniya-sredstv-fotovideofiksatsii-v-sisteme-kontrolya-za-bezopasnostyu-dorozhnogo-dvizheniya> (дата обращения: 31.03.2015).
3. Россинский Б.В. Некоторые направления совершенствования надзорной деятельности подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД / Б.В. Россинский // Вестник Московского университета МВД России. - 2005. - № 3. - С. 97- 99.
4. Дорожно-патрульная служба Госавтоинспекции: сборник методических материалов. - М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2011. -292 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

П.Н. Байматов,
аспирант ИГиП, ТюмГУ
baumatov.pavel@yandex.ru
Научный руководитель:
Н.М. Добрынин,
профессор кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук

Статьей 7 Конституции Российской Федерации сформулировано положение гласящее, что Российская Федерация является социальным государством, что на практике означает направленность политики на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1; 4].

Одним из важнейших направлений социальной политики является обеспечение социальной поддержки населения: повышение эффективности государственной поддержки семьи, реабилитация и социальная интеграция инвалидов, социальное обслуживание пожилых граждан и инвалидов, эффективная социальная поддержка лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Огромное, если не сказать определяющее значение в реализации названной государственной политики имеет система закрепленных Конституцией РФ социальных прав человека.

Особое место в системе основных конституционных социальных прав занимает право на социальное обеспечение. Конституция Российской Федерации признает право каждого гражданина на социальное обеспечение и одновременно возлагает на государство обязанность создавать все необходимые условия для беспрепятственного осуществления этого права; перечисляет условия, наступление которых является основанием для социального обеспечения.

Именно право на социальное обеспечение является приоритетным, придающим всем социальным правам их сущностную характеристику, занимая ведущую роль в их системе.

Указанный тезис подтверждается той ролью и значением права на социальное обеспечение, которое оно занимает в жизни современного общества. В свою очередь, значение и место, а также содержательное наполнение права определяют, прежде всего, запросы текущего состояния общества, существующие проблемы на том или ином историческом этапе развития общества и государства.

Так бесспорно, современная демографическая ситуация в России и мире требует правового воздействия на процессы, происходящие в обществе, а без выраженной в праве государственной воли демографическую проблему не решить. Важнейшим демографическим феноменом на рубеже XX- XXI веков явилось глобальное увеличение продолжительности жизни населения и, как следствие, рост доли пожилых людей в общей популяции населения стран всего мира.

Другой проблемой развития Российской Федерации остаются низкий уровень жизни и сильная дифференциация доходов, что приводит к резкому социальному расслоению и возможным социальным потрясениям. В этой связи задачей социального обеспечения, становится сокращение масштабов бедности и неравенства.

Караганов С.А отмечает, что «социальные лифты перестают работать. Богатые дают своим детям образование, которое качественно отличается от остального. Обучение в частных детсадах порою стоит столько же, сколько обучение в лучших университетах. Такие дети получают заведомо наивысшие преимущества по отношению к своим сверстникам. Так формируется новая аристократия. Одновременно образуется новый плебейский класс. Эти люди с самого начала знают, что обречены жить в дискомфортных условиях только по факту своего происхождения. Впереди – усиление ультраправых и ультралевых настроений по всему миру. Что это означает? То, что нужно менять модели экономической политики» [2].

По мнению Гусевой Т.С., «в условиях рыночной экономики у государства есть два способа воздействия на уровень жизни населения: 1) регулирование доходов, 2) система социальной защиты» [3; 58 - 67].

Решение данной задачи, способствующее ослаблению социальной напряженности в обществе, порожаемой чрезмерной дифференциацией в уровне жизни различных слоев населения необходимо определять как решение задачи политической, как задачи обеспечивающей защиту национальных интересов страны в рамках военной доктрины Российской Федерации, которая среди основных внутренних военных опасностей называет «деятельность, направленную на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, провоцирование межнациональной и социальной напряженности» [4].

Таким образом, проблема социальных прав занимает сейчас едва ли не центральное место в перечне современных угроз и вызовов. Понимание всех вышеизложенных аспектов приводит к тому, что в настоящее время во всем мире социальным правам уделяется первостепенное внимание, причем, по мнению Зорькина В.Д., «именно превентивный характер социальной защиты имеет первостепенную роль.., а от решения проблемы социальных прав зависит судьба демократии не только в России, но и в Европе»[5].

В связи с изложенным, весьма актуальными представляются те вопросы, с которыми сталкивается в настоящее время российское общество, государство при реализации конституционного права граждан на социальное обеспечение, осуществляя реформы в указанной сфере. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Одним из социальных рисков, как уже было сказано выше, является бедность. Для большинства населения России малообеспеченность - главная жизненная проблема. Основные причины бедствования многих наших сограждан заключаются в обесценении их труда, а также в безнравственно низком и социально опасном размере пенсий[6;34]. Поэтому институт государственной социальной помощи получает все большее развитие в системе права социального обеспечения. Т.В. Деркачева отмечает, что «государственная социальная помощь имеет все признаки самостоятельной организационно-правовой формы социального обеспечения. Во-первых, она распространяется на особых субъектов - малоимущие семьи и малоимущих одиноко проживающих граждан. Во-вторых, источниками финансирования служат бюджеты различных уровней. В-третьих, в рамках государственной социальной помощи предоставляются особые виды социальных выплат и услуг. В-четвертых, государственная социальная помощь назначается решением органа социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания малоимущего субъекта»[7; 156 - 157].

В контексте демографического развития России значение института государственной социальной помощи состоит в предоставлении средств к существованию малообеспеченным гражданам, что позволяет им удовлетворять жизненно важные потребности, тем самым воздействуя на продолжительность жизни. В контексте решения политической задачи стабильности развития общества, указанный институт права на социальное обеспечение, выполняет роль амортизатора негативных отношений в обществе, нивелируя резкий социальный разрыв, материальное неравенство граждан.

Одним из элементов правовой политики, направленной на решение задачи, связанной со снижением доли бюджетных расходов на предоставление мер социальной поддержки малоимущим с одновременным повышением их уровня жизни является внедрение института социального предпринимательства. Социальное предпринимательство объединяет в себе социально направленную предпринимательскую деятельность, осуществляемую на инновационной основе, что позволяет отнести ее к социальным инновациям, целью которых является создание благоприятных условий для формирования рынка социальных услуг. В современной теории эта идея рассматривается как социальная инновация «течение "постиндустриальной филантропии", предполагающее активность людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Политика пособий и социального обеспечения как со стороны государства, так и со стороны бизнеса показала свою неэффективность, давая возможность расти иждивенческим настроениям, неактивности пользователей минимального набора услуг»[8]. В целом соглашаясь с общей тенденцией развития идеи мобилизации внутреннего ресурса личности, позволяющего преодолеть трудную жизненную ситуацию, и отказа от государственного патернализма, в то же время полагаем, что в условиях российской действительности полностью копировать мировые подходы к решению социальных проблем, не учитывая богатый отечественный опыт, преждевременно.

В связи с этим, более продуктивной идеологией, способной выступить альтернативой как государственному патернализму, так и «социальному предпринимательству», может стать оригинальная Концепция «социального сопровождения»[9;28-32], предлагаемая Барковым А.В., базирующаяся на научных разработках известного российского психолога М.Р. Битяновой.

В соответствии с ее учением идеология психологического сопровождения состоит в том, чтобы не ограждать человека от трудностей, не решать проблему вместо него, а создавать условия, используя внутренний потенциал личности, для осознанного свободного выбора им своего жизненного пути. Однако возможны моменты, когда социальный психолог должен стремительно вмешаться, чтобы помочь клиенту в трудной жизненной ситуации[10; 153 - 154].

Разновидностью предлагаемого «социального сопровождения», по мнению автора, может рассматриваться технология, которая особенно успешно применялась субъектами Российской Федерации в период кризисных явлений в экономике периода 2009-2011 годов. Так, например, на территории Тюменской области с 2009 года в рамках реализации Программы по содействию занятости населения и снижению напряженности на рынке труда, утвержденной распоряжением Правительства Тюменской области от 13.01.2009 № 1-рп была установлена и действовала до 2011 года дополнительная мера социальной поддержки в форме единовременной выплаты в целях содействия развитию малого предпринимательства и самозанятости, предоставляемая безработным гражданам. За все время реализации указанной программы адресную помощь получили свыше 2 тыс. человек, что позволило сохранить гражданам свой социальный статус, и в конечном итоге реализовать свое право на достойную жизнь.

Кроме того, во многих регионах России, в том числе и в Тюменской области, действует технология «самообеспечения», реализуемая на основании социального контракта, когда гражданин с помощью государства, используя свой внутренний трудовой потенциал при сопровождении органов государственной власти, органов местного самоуправления, реализуя индивидуальный план, выходит из трудной жизненной ситуации, повышает свой среднедушевой доход и исключается из категории малоимущих.

Другим направлением изменения экономики сферы социального обеспечения является внедрение и развитие механизма софинансирования оказания социальных услуг. В рассматриваемом контексте интересен опыт Тюменской области по внедрению механизма софинансирования в сфере социального обеспечения, который реализуется во всех формах социального обслуживания и типах учреждений. При социальном обслуживании на дому, в оздоровительных, реабилитационных центрах размер доплаты населения за оказываемые услуги напрямую зависит от уровня дохода клиента.

В домах-интернатах размер платы за социальные услуги составляет в соответствии со ст.32 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» до 75 % среднедушевого дохода получателя социальных услуг, а с учетом дополнительных, сервисных социальных услуг – до 90% (сервисные услуги: предоставление ортопедических подушек, матрасов, услуги парикмахера, транспортные услуги, оздоровительный массаж, фиточай, фитобочка). Организационно-правовая форма учреждений социального обслуживания позволяет оказывать платные услуги населению.

Для развития платных форм социального обслуживания с учетом роста доходов граждан пожилого возраста и инвалидов и формирования сети комфортных пансионатов для пожилых для постоянного и временного проживания, стимулирования спроса населения на социальные услуги, в том числе и на сервисные социальные услуги повышенного качества, снижения финансового бремени в связи с изменением механизма предоставления социальных услуг за плату и бесплатно в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 №442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», на наш взгляд, необходимо дополнить перечень сумм, с которых предоставляется социальный налоговый вычет, суммами, уплаченными за социальные услуги полученными налогоплательщиком или его близкими родственниками.

В связи с вышесказанным, представляется, что стратегической задачей России должна быть идея гражданского национального согласия, проведение такой политики, которая учитывала бы интересы всех социальных слоев и групп, с ориентацией на социальное государство и гражданское общество, построенных на традициях права и демократии, но с учетом исторического социального отечественного опыта.

Исторический опыт свидетельствует, что цели социальной политики могут быть реализованы органами государственной власти, органами местного самоуправления, совокупностью всего арсенала форм и методов социальной работы. Использование инновационных технологий в социальной сфере, внедрение различных институтов, устанавливающих основы частногосударственного партнерства, вот те тенденции и пути в совершенствовании государственного управления при реализации конституционного права на социальное обеспечение, позволяющие приблизиться к построению не только «государства всеобщего благоденствия (благосостояния)» целью которого является предоставлением льгот и социального обеспечения, предназначенных для улучшения благосостояния граждан, но государства социального, которое не только проявляет заботу о социальном обеспечении своих граждан, но и включает в себя структурное реформирование общества, в том числе экономики, обеспечение участия трудящихся в управлении производством и т.д., что в конечном итоге ведет к определенному структурному реформированию общества, в том числе и экономики, где объектом регулирования становятся отношения между социальными группами прежде всего в сфере распределения. Только

выполняя свою новую роль, социальное государство может успешно реагировать на растущие социальные вызовы современности.

Библиография:

1. Добрынин Н.М. Конституционно-правовые аспекты бюджетной обеспеченности реализации социальных гарантий граждан в Российской Федерации и проблема монетизации льгот // Право и политика. 2005. №11. С.4.
2. Сергей Караганов: «Важно заняться строительством самих себя. Тогда мы победим». <http://tumen.bezformata.ru/listnews/sergej-karaganov-vazhno-zanyatsya/18426569/>.
3. Гусева Т.С. Демографическая функция права социального обеспечения // Журнал российского права. 2013. № 2. С.58 - 67.
4. Военная доктрина Российской Федерации, утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976//Российская газета. № 27. 10.02.2010.
5. Доклад Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина «Защита социальных прав и преодоление несправедливости: Проблемы конституционного правосудия». // <http://www.ksrf.ru/News/Speech/Pages/>.
6. Беляева Л.А. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 34.
7. Деркачева Т.В. Правовое регулирование государственной социальной помощи (федеральный и региональный аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 156 - 157.
8. Аларичева М. Социальное предпринимательство: опыт Польши // URL: <http://www.cogita.ru/analitka>
9. Барков А.В. Социальное предпринимательство в условиях формирования правовой модели рынка социальных услуг // Предпринимательское право. 2012. № 2. С. 28 - 32.
10. Введение в профессию «психолог»: Учебное пособие / И.В. Вачков, И.Б. Гриншпун, Н.С. Пряшников; Под ред. И.Б. Гриншпуна. М., 2004. С. 153 - 154.

DOMAIN NAMES – NEW PROBLEM FOR THE LAWMAKER

С.С. Болотин,
магистрант ИГиП ТюмГУ
seryozhka1777@aol.com

Научный руководитель:

Е.Х. Речапова,
старший преподаватель кафедры
иностранных языков и межкультурной
профессиональной коммуникации
экономико-правовых направлений ИГиП ТюмГУ

Summary: The article deals with the issue of avoiding conflicts over domain names. Having analyzed a number of legal instruments and some viewpoints of the specialists in the electronic transactions area, the author suggests his own opinion on the ways to improve the system of domain names registration.

Key words: domain name, doing business online, trademarks, cybersquatting, electronic commercial transactions.

In the new information technology era, companies widely use the Internet to safe their position in the market place and to build up their business images. Registering a domain name is a necessary step in a business society.

For businesses to communicate effectively on the Internet, it is essential that they have a unique “address” that is easily recognizable to customers.

Technically, a domain name is the conversion of a numerical IP address which points the location of an individual computer on the Internet into specific words making it easier to remember.

Domain names guide consumers to their desired locations on the Internet. Companies, doing business online, have a strong desire to acquire domain names that are easy to remember and that relate to their products, tradenames or trademarks. Mostly, domain names are similar to the trademarks.

Sometimes when a trademark owner wants to register his domain name it happens to be used by the competitors or by other individuals. It ends up that the individuals might try to sell the domain names back to the trademarks owners. On the other hand, the competitors using this domain name would intend to attract potential customers to their own products.

And in the Internet market, there have been a number of attempts to gain commercial benefits in domain names. As it has already been mentioned there are mainly two ways: 1. Cybersquatting and 2. Misleading domain names with bad faith.

In response to the domain names disputes, at the international level, the Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN) was formed in 1998 to take over responsibility for the governance of the Domain Name System (DNS). With advice from the World Intellectual Property Organization (WIPO), ICANN developed a Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy. This policy, finally adopted in October 1999, provides a mandatory administrative procedure for the resolution of disputes between trademark owners and domain name holders in cases where the domain name has been registered and is being used in “bad faith” (Clark, 2005). National approaches have kept up with the international development. In 1999, the US Congress passed legislation designed to curb cybersquatters, such as the Anticybersquatting Consumer Protection Act (ACPA) went into effect on 29 November 1999, amending Section 43 of the Lanham/Trademark Act. On September 30, 2002, China Internet Network Information Center (CNNIC) approved and implemented the CNNIC Domain Name Dispute Resolution Policy (CNDRP). In September 2004, Nominet.UK released the second version of Dispute Resolution Service Policy (DRS Policy), which applies to all disputes filed on or after 25 October 2004. It could be regarded as an appendix to the Trade Marks Act 1994 governing domain names.

Discussing these problems F.F. Wang suggested his own solutions: “Instead of simply attempting to force the “square peg” of trademark law into the “round hole” known as the “DNS”, perhaps a more efficient way to solve the problem is to reshape the system. If the DNS can be broadened while maintaining its user-friendliness, then the grip of cybersquatters may be loosened and the conflict between multiple legitimate trademark owners may be solved. One of the most discussed transformations of the DNS is the addition of new generic top level domains, such as “.arts”, “.shop”, “.store”, “.news”, “.sex”, “.rec” and “.firm”. Some argue that the addition of new gTLDs will help relieve perceived scarcities in existing name spaces and will provide consumers with a diversity of choices and options. Also, new gTLDs are technically easy to create. Those opposed to the idea argue that this will create consumer confusion and increase the opportunities for cybersquatting. In my perspective, if the domain names regulations or rules could be developed to keep pace with these new technology changes and protect the rights between domain names registrars and trademarks owners, the increase of gTLDs would seem to open opportunities to trademark owners who desire an online presence more than it will expose them to the risk of cybersquatting. For example, the new “.eu” top level. In order to prevent new gTLDs from turning into cybersquatting heavens, the preventive IP protection mechanisms are needed. They are supposed to be effective and in a way that minimizes the potential for abuse” (Report 5). Sunrise mechanisms are designed to offer a means to protect the interests of IP owners. That is, prior to commencing .eu registration on a first-come-first-served basis and in accordance with EU Regulation 733/2002 and EC Regulation 874/2004, there will be a 4-month sunrise period to allow owners of “prior rights” (e.g. trademark holders, public bodies) to register their names as domain names before other eligible parties. Sunrise complies with the geographical requirements applicable to all .eu domain name holders, as set out in EU regulation 733/2002 (Article 4(2)(b) of EU Reg. 733/2002), and protects all owners of rights in identifiers. All owners of such rights would compete during sunrise on an equal footing. Sunrise applicants will be also dealt with a validation process, that is, the domain name for sunrise applicant will become usable only after a 40-day period to allow for any errors or appeals.

A second possible way to restructure the DNS would be to use directories or gateways. Under this system, multiple individuals or organizations could coexist under the same domain name. When someone types in the domain name, they would find a “gateway,” or list of websites under that name accompanied by a description of each, giving the person the choice of which site to visit. While this system may slightly weaken an organization’s ability to create a distinctive online identity, it would also prevent a cybersquatter from tying up the domain name simply by registering it.

Another way to avoid trademark conflicts over domain names would be to create a system of random numbers that would remove trademarks from the domain name altogether. This system would all but eliminate the user-friendliness of the current system to which people have firmly grown accustomed. It seems like an unlikely alternative way, since it will make consumers more confused with vanity names and it will also cause new difficulties in domain name legislation.

Among the above options, the addition of new gTLDs and /or gateways might be possible to allow more organization and trademark owners to join the online community and offer consumers more choices, while weakening the cybersquatter’s ability to stranglehold domain name registrations. But at the same time, it needs some further intensive special legislation to support its operation” [1].

We assume that the best way to resolve these problems is to complicate the procedure of registering the domain names. E.g. when someone sends a request to the DNS (domain name system) in order to register a new domain name, the DNS registrant must check the firm with equal name at first. Then if there is no company, he registers it. If there is a company, then applicant must provide the agreement of that company to register this domain name on another individual. And then if there is no agreement, registrant must refuse the registration. Otherwise, if the agreement is provided, there are no obstacles to reject the request and the domain name should be registered.

To sum up everything mentioned above, we can assume that the system of domain names is imperfect and requires completion and implementation of amendments. However, currently national legislations worldwide are focused on the problem of unfaithful capture of domain names.

In our opinion, fighting with occurred violations is not the most effective way of resolving the problem of fairness in the domain name relations. Thus we should concentrate on preventing violations better than trying to resolve their consequences. If all participants involved in these relations behave faithfully we can avoid numerous problems.

In conclusion, with the booming exploration of cyberspace conducting, domain name has been one of the most popular issues among the electronic commercial transactions. The legal issues on domain name have been the subjects of intensive discussions throughout the world. This paper illustrated that it is essential to reshape the Domain Name System (DNS) or to establish the new management mechanism that accommodates the growing volume of traffic on the Internet. Meanwhile, in order to keep the balance of the rights between the domain names registers and trademark owners, the rules governing domain names should be improved or amended over the traditional laws. According to the analysis before, it is clear that the purpose of the trademark system is to recognize and protect rights, while the purpose of the DNS is to award an address for operation in a telecommunications network. The trademarks system aims to prevent legal confusion, while the DNS aims to prevent “communication” confusion. Since the systems have different purposes and methods of implementation, conflict is to be expected. In our perspective, since the domain name issue is a cross-bordered topic, an international agreement on domain name policies may help to integrate the worldwide internet marketplace. The policies are supposed to solve the uncertainty about how traditional laws would apply to the new frontier of the Internet and what are both trademarks owners and domain name registrants’ legal rights. It is suggested that, based on the national laws, the agreement should be established to clarify trademark abandonment in the context of domain name by redefining the limits of “failure to police a mark.” Furthermore, it should be formed to clarify the desired result in lawsuits involving two or more parties with legitimate ownership of the same trademark. Finally, with regards to the nature of trademarks that can be confined by region, goods and services, several parties may own the same mark. The international agreement should clarify whether there should be some sort of shared system or whether it is merely a first-come, first-served basis amongst the trademark owners [1].

[1] Wang F.F. Domain names management and legal protection / *International Journal of Information Management* 26 (2006). 116–127p.

[2] The Domain Name System: A Non-Technical Explanation—Why Universal Resolvability Is Important, at <http://www.internic.net/faqs/authoritative-dns.html> (last visited 11 May 2015).

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

А.Н. Винокурова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Государственное и
муниципальное управление»
anastasia.vinokurova.93@mail.ru

Научный руководитель:
А.В. Ларионов,
и.о. заведующего кафедрой
государственного и муниципального
управления ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук

Рассмотрение темы кадрового потенциала и кадровой политики в целом в органах публичной власти, обусловлена тем, что качество кадров государственной и муниципальной службы не отвечает современным требованиям, а приверженность инструкции практически исключает сколько-нибудь творческий подход к работе. Поэтому остро встает вопрос о качестве кадров государственных и муниципальных органов власти и кадровой политике, которая позволяет поддерживать это качество на необходимом уровне.

. Сегодня современная социально-экономическая ситуация предъявляет достаточно жесткие требования как в отношении показателей эффективности деятельности государственных и муниципальных служащих, так и в отношении кадрового состава государственной и муниципальной службы.

Под термином «кадровый потенциал» подразумевается совокупность способностей и возможностей кадров обеспечить эффективное функционирование государственной и муниципальной службы.

Необходимость управления кадровым потенциалом определяется, в первую очередь, тем, что возможности и способности работников могут быть как задействованы, так и не задействованы в трудовой деятельности; являются гибкими образованиями, обладающими способностью развиваться и изменяться.

Улучшение использования кадрового потенциала связано с управлением формальными и неформальными группами, решением проблем власти и лидерства, внедрением инноваций, созданием здорового психологического климата[1].

Формирование кадрового потенциала происходит по двум направлениям: набор и обновление состава кадров, и профессиональное развитие имеющихся кадров. Экономическая и социальная эффективность формирования кадрового потенциала исчисляется его оптимальным приростом и степенью подготовленности каждого к выполнению функций госслужбы [2, с. 178-184].

Работа по формированию и развитию кадрового потенциала является важным фактором повышения эффективности органов государственной и муниципальной службы. По мнению специалистов, развитие кадрового потенциала службы должно включать три направления: количественное, качественное и структурное. «Количественные изменения связаны с темпами развития кадрового потенциала в целом или отдельных его компонентов. Качественные изменения означают совершенствование способности госслужащих к труду, расширение возможностей для их продвижения по карьерной лестнице, улучшение условий труда [3, с. 64-67].

Каждый из этих направлений работы сталкивается сегодня с серьезными проблемами. Так, по оценкам специалистов, регулярной работы по планированию потребности в кадрах, планированию развития кадров в органах государственной службы, как правило, не ведется. Планы составляются на короткие сроки и лишь по некоторым направлениям работы. Чаще всего планируется обучение и повышение квалификации госслужащих, отсутствуют планы продвижения кадров, планы формирования резерва.

Несмотря на наличие специализированных учебных программ, сохраняется разрыв между уровнем знаний выпускников учебных заведений и уровнем знаний и навыков, требующихся для поступления на службу и выполнения должностных обязанностей [4, с.92-97].

Кроме того, есть регионы, где существующий рынок труда не способен покрыть дефицит кадров в органах государственной и муниципальной службы путем набора новых специалистов. Поэтому возникает необходимость искать пути решения внутри самой государственной и муниципальной службы, что чревато расцветом таких негативных явлений и тенденций в кадровой политике и кадровой работе, как субъективизм, кумовство, закрытость, непрозрачность кадровых процедур и т.д.

Дефицит специалистов государственной и муниципальной службы могут быть несколько минимизированы за счет ротации кадров, внутренних переводов, продвижения по службе, обучения и переподготовки. Это требует особого внимания к таким кадровым процедурам как конкурс, аттестация, квалификационный экзамен. Но здесь возникает еще одна проблема формирования кадрового потенциала - это отсутствие конкретных и ясных критериев оценки профессиональных, деловых и нравственных качеств государственных служащих. В науке и управленческой практике еще не выработаны достаточно обоснованные критерии комплексной оценки уровня кадровой политики. При этом определение эффективности труда государственных и муниципальных служащих является на сегодняшний день одной из самых трудных и не решенных до конца проблем. Сложность определения эффективности труда государственных и муниципальных служащих обусловлена рядом объективных причин: спецификой труда, методологической непроработанностью количественного и качественного измерения результатов и затрат управленческого труда и, прежде всего, отсутствием единого подхода к определению его эффективности в научной экономической литературе.

Управление развитием кадрового потенциала государственной и муниципальной службы должно эффективно осуществляться на базе комплексной оценки каждого представителя конкретного органа власти, включающей в себя оценки: уровня профессионального образования, уровня знаний и навыков, стаж в занимаемой должности, динамику карьерного роста, деловые, личностные, психологические, нравственные, и другие качества всего кадрового состава.

Изучив точки зрения различных авторов, можно выделить следующие предложения по совершенствованию механизмов формирования кадрового потенциала государственной и муниципальной службы:

- выработать четкие, количественные и качественные, измерения результатов государственных и муниципальных служащих;
- выработать единый подход к определению эффективности управленческого труда, но с учетом специфики выполняемых работ;
- связывать результативность работы с материальным стимулированием.

Становится все более очевидным, что путь к совершенствованию механизмов формирования кадрового потенциала на государственной службе лежит, в том числе, через радикальное обновление системы профессионального образования, через повышение требовательности к профессионализму кадров, через культивирование новых, а главное принципиальных и объективных подходов ко многим вопросам организации кадровой работы. Для этого наряду с внедрением ряда новых принципов подбора, расстановки и продвижения кадров на госслужбе предстоит осуществить подлинное оздоровление многих положений системы [5, с.160].

Развитие государства, его модернизация в решающей мере зависят от того, какие люди, какие кадры определяют направление и характер преобразований, насколько компетентны их действия, какие нравственные побуждения движут ими. Принципы профессионализма и компетентности должны стать определяющими в деятельности государственных служащих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шлендер П.Э. Управление персоналом.- М.:ЮНИТИ-ДАНА,2005.-С.320.
2. Карелина А.В. Проблемы подготовки кадров государственных служащих в условиях проведения административной реформы: региональный аспект//Социология власти.-2009.-№2.-С.198
3. Лагутин С.Г. Профессиональное развитие государственных гражданских служащих: проблемы и тенденции // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология.-2010.-№2.-С.120.
4. Иванова Е. Ю. Государственная кадровая политика: сущность и актуальные проблемы // Социально-экономические явления и процессы.- 2011.- №1. – С.110.
5. Осейчук В.И. Государственная служба: учебное пособие.– Тюмень, 2010.- С.280.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РФ

**А.П. Гоглов,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
artem.goglov@gmail.com
Научный руководитель:
М.О. Лиц,
доцент кафедры теории и истории
государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ
кандидат юридических наук, доцент**

Нормативно-правовую основу деятельности прокуратуры РФ составляют как нормы российского законодательства, так и нормы международного права. Важное место в деятельности прокуратуры РФ, связанной с международным правом, отводится национальному законодательству. Это, прежде всего, Конституция РФ, в частности ст. 129, закрепляющая основные положения деятельности прокуратуры РФ и порядок назначения прокуроров [], ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» - ст. 2, устанавливающая организационно-правовые основы международного сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ, их правомочия [], ФЗ «О международных договорах РФ», УПК РФ, иные федеральные законы, а также приказы, указания и распоряжения Генерального прокурора Российской Федерации. Действуют Положение Генерального прокурора РФ «О Главном управлении международно-правового сотрудничества» и приказ Генеральной прокуратуры РФ от 12 марта 2009 г. № 67 «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации», который, в свою очередь, обозначает приоритетные направления международной деятельности прокуратуры РФ.

Что касается норм международного права, то тут можно выделить следующие международно-правовые акты: конвенции, договоры, соглашения и иные документы, в том числе и те, которые заключены СССР и продолжают свое действие в порядке преемства Российской Федерацией.

Следует отметить, что международные договоры межведомственного характера заключаются с учётом межгосударственных договоров и в пределах компетенции прокуратуры, так как согласно ст. 4 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН А/56/589 от 12 декабря 2001 г. [] в соответствии с международным правом действия государственного органа, независимо от его функций, воспринимаются как деяния государства. Отсюда следует, что соглашения Генеральной прокуратуры Российской Федерации по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью относятся к международным договорам межведомственного характера.

С 1996 г. в Генеральной прокуратуре РФ функционирует Международно-правовое управление, выполняющее основную работу по всем направлениям международного сотрудничества прокуратуры РФ. Однако исполнение отдельных поручений об оказании правовой помощи, а также подготовка таких поручений для направления в иные страны возлагается на подразделения (отделы, управления) Генеральной прокуратуры РФ.

Действия Генеральной прокуратуры в рамках правовой помощи мы можем рассмотреть на примере дела Сергея Полонского, обвиненного в мошенничестве на территории Российской Федерации. Прокурор при Апелляционном суде города Пномпеня 8 ноября 2013 года на основании запроса отдела международного сотрудничества по особо важным делам при Главном управлении международно-правового сотрудничества издал приказ о розыске и аресте Полонского в целях его экстрадиции. 13 января 2014 года в Генеральную прокуратуру РФ поступил текст постановления, согласно которому запрос Генеральной прокуратуры Российской Федерации и внесённое на его основе представление Генеральной прокуратуры при Апелляционном суде города Пномпеня о выдаче Полонского признаны законными. Однако учитывая тот факт, что Полонский обвиняется в совершении преступлений на территории Камбоджи в отношении её граждан, его выдача в Россию отложена до решения суда провинции Преах Сианук по данному уголовному делу. При этом отсутствие двустороннего соглашения, не должно помешать отправить Полонского в Россию. Запрос Генеральной прокуратуры РФ основан на положениях Европейской конвенции о выдаче 1957 г. [].

Важные функции Генеральной прокуратуры РФ заключаются в выдаче лиц, совершивших преступления. В таких запросах о выдаче, как правило, строго учитывается гражданство обвиняемого лица [] ;

263]. Согласно п. 1 ст. 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам выдача не производится, если лицо является гражданином запрашиваемого государства []. В качестве такого примера можно привести уголовное дело, которое было возбуждено в Республике Башкортостан. В материалах дела указано, что гражданин Литовской Республики совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК РФ на территории РФ. Из-за того, что обвиняемый в совершении преступления находился на территории республики Литвы и является гражданином данного государства, его выдача не может быть произведена Российской Федерации на основании п. 1 ст. 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам и п. 1 ст. 62 Договора о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам между Российской Федерацией и Литовской Республикой. В связи с этим прокуратура Республики Башкортостан через Генеральную прокуратуру РФ обратилась с ходатайством, ссылаясь на ст. 59 и 60 Договора о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам между Российской Федерацией и Литовской Республикой [], о направлении уголовного дела для окончания предварительного следствия в Литовскую Республику.

Таким образом, можно сделать вывод, что деятельность прокуратуры РФ в области международного права носит разносторонний характер. Генеральная прокуратура РФ направляет запросы о выдаче лиц, совершивших преступление, заключает соглашения о правовой помощи и тому подобное. Однако, чтобы активнее применять нормы международного права, органам прокуратуры следует проводить среди своих сотрудников обучающие семинары, организовывать встречи с органами прокуратуры зарубежных стран, держать в курсе сотрудников о новых международных договорах, ратифицированных РФ и тому подобное.

Предлагается внести изменения в ст. 2 ФЗ «О прокуратуре РФ» и изложить ее в следующей редакции: «Генеральная прокуратура Российской Федерации в пределах своей компетенции осуществляет прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями, сотрудничает с ними, заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, участвует в разработке международных договоров Российской Федерации. Международное сотрудничество является одним из приоритетных направлений деятельности Генеральной прокуратуры РФ.» Данные меры в дальнейшем помогут повысить профессионализм работников органов прокуратуры РФ, а также обозначить соответствие деятельности прокуратуры РФ международно-правовым нормам.

Список использованной литературы

- 1) Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398
- 2) Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 22.12.2014, с изм. от 17.02.2015) "О прокуратуре Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N 47, ст. 4472
- 3) «Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/56/589» от 12 декабря 2001// Текст официально не опубликован Текст официально не опубликован // Официальный сайт: Организации объединённых наций <http://www.un.org/ru/index.html>
- 4) «Европейская конвенция о выдаче» (заключена в г. Париже 13.12.1957) (с изм. от 17.03.1978)//«Собрание законодательства РФ», 05.06.2000, N 23, ст. 2348
- 5) Международное право: учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. -720 с.
- 6) «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (принята 22 января 1993 года в г. Минске) (с изм., внесенными Протоколом от 28.03.1997 г.)// «Собрание законодательства РФ», 24.04.1995, N 17, ст. 1472
- 7) «Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Вильнюс, 21 июля 1992 г.)// «Собрание законодательства РФ» 08.05.1995, N 19, ст. 1712

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НОРМАТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ БОРЬБЫ С ПИРАТСТВОМ: СОДЕРЖАНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

**К.С. Горбунова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
Kristina-Gorbunova95@yandex.ru
Научный руководитель:
М.О. Лиц,
доцент кафедры теории и истории
государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ
кандидат юридических наук, доцент**

Проблема пиратства как преступления международного характера по сей день остается актуальной, так как нападения пиратов не прекращаются, а мировое сообщество, в свою очередь, предпринимает ответные меры посредством принятия различных международных нормативно-правовых актов, направленных на борьбу с пиратством.

В первую очередь, необходимо обозначить основные очаги пиратства и выделить причины, которые побуждают морских преступников к противоправным действиям.

К основным очагам пиратства относятся следующие области: Гвинейский залив (Экваториальная Гвинея, Бенин, Нигерия, Камерун); Аденский залив (Сомали); Порты Бразилии (Сантос, Рио-де-Жанейро); Малаккский пролив; Южно-Китайское море; Карибское море.

Причины пиратства достаточно очевидны. Во-первых, это низкий уровень жизни населения. Ведь в большинстве своём пираты – лица, не нашедшие своего места в жизни и не приспособленные к труду. Они зарабатывают, как умеют – в данном случае посредством пиратства. Во-вторых, заказы различных группировок. Устойчивые группировки (террористы, мафия) подкупают пиратов для извлечения выгоды. К примеру, при захвате заложников, заказавшая сторона получает выкуп и отдаёт долю исполнителям (пиратам). И в-третьих, благоприятные условия для совершения преступления. Данную причину можно рассмотреть на примере Сомали. В Сомали нет устойчивой государственной власти, нет армии, береговой охраны, то есть никто не может препятствовать нападениям пиратов, точнее выражаясь, не мог, так как на современном этапе вопросу Сомалийского пиратства уделяется серьёзное внимание.

В определённые периоды истории активность пиратов была различной. В XXI веке значительно участились случаи нападения на суда. Основной причиной данной тенденции следует считать серьёзный спад в экономике. Также немаловажным является то обстоятельство, что суда стали практически незащищёнными. Экипажи не имеют оружия, значительно уменьшился состав команд, если ранее это было 40-50 человек, то сейчас – 15-20 [].

Рассмотрев основные моменты пиратства, следует перейти к изучению международной нормативно-правовой базы, направленной на противодействие данному виду преступления.

В Конвенции ООН об открытом море 1958 года содержится базовое предписание, которое, так или иначе, дублируется в дальнейших документах. Все государства обязаны содействовать в полной мере уничтожению пиратства в открытом море и во всех других местах, находящихся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства (ст. 14) [].

- Конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года (СОЛАС 74). Данная конвенция изначально содержала только правила, направленные на организационное и техническое оснащение судов, которые бы обеспечивали их безопасность. В дальнейшем конвенция претерпела определённые изменения, и в ней были обозначены меры по борьбе с пиратством, предусматривающие международное сотрудничество и взаимодействие [];

- Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. Представленная конвенция продублировала фундаментальные принципы и нормы Конвенции об открытом море. Морское право дает военному кораблю любого государства возможность противодействовать пиратству в открытом море. Если акт пиратства осуществлен в пределах района, на который распространяется суверенитет государства, то другие государства не могут принять какие либо меры против пиратов [];

- Международный кодекс по охране судов и портовых сооружений (ОСПС) Международной морской организации 2002 года. Кодекс фиксирует стандарты безопасности, обязательные для всех участников международных морских перевозок грузов и пассажиров. Главная цель Кодекса – проинструктировать команду и пассажиров для того, чтобы не допустить преступников на судно, если же пираты проникли на судно, то люди должны понимать, каким образом уменьшить или исключить негативные последствия [].

Рассмотрев основные нормативно-правовые акты, следует оценить их эффективность. Конвенция ООН по морскому праву 1958 года закрепляет общее положение, которое также дублируется и в других конвенциях, о том, что все государства должны содействовать искоренению пиратства. Однако зачастую складываются ситуации, что суда ходят под удобными им флагами (Панама, Либерия, Монголия). В итоге не понятно, кто должен защищать такое судно. Страна, которой судно формально принадлежит, в реальности не имеет к нему никакого отношения, кроме того, не располагает силами и средствами для освобождения судов []. Панама и Либерия, например, не имеют военно-морских сил, в Монголии просто нет выхода к морю. Получается, что такими действиями, государства нарушают законодательство, так как просто уклоняются от исполнения своих обязательств. Данный пример показывает, что зачастую государствам проще остаться в стороне, чем бороться с пиратством, и тем самым они нарушают принцип сотрудничества в борьбе с пиратством. Что доказывает не совсем эффективное функционирование базового положения, а именно содействия в искоренении пиратства. Международный кодекс по охране судов и портовых сооружений 2002 года, в свою очередь действует достаточно эффективно. Благодаря стандартам безопасности, указанным в данном кодексе, команда и пассажиры стали более грамотными в представленной области, и как следствие пиратам сложнее попасть на судно.

Далее хотелось бы рассмотреть решение Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), которое вызвало серьёзный резонанс в обществе. В 2008 году в ходе операции, проведенной французскими военными, были задержаны пираты, ранее напавшие на пассажирское судно и захватившие заложников. Задержанные преступники были отправлены во Францию для дальнейшего судебного преследования. Однако произошёл просчёт со стороны властей Франции, и пираты пробыли под стражей без предъявления обвинения более двух суток. ЕСПЧ постановил, что были нарушены права задержанных пиратов. Тот факт, что для перевозки преступников во Францию требовалось более двух суток, Судом учтен не был. В итоге, каждый пират получил от двух до пяти тысяч евро компенсации []. Несмотря на то, что решение ЕСПЧ было вынесено в рамках закона, де-факто оно оставило преступников без наказания. На примере данной ситуации становится ясно, что необходимо совершенствовать законодательство в части того, что суд при вынесении решения должен учитывать все обстоятельства дела. В нашем случае следует учесть тяжесть преступления совершённого пиратами, а уже затем, с учётом совершённого преступления, процессуальные нарушения со стороны властей Франции. Исходя из данной ситуации, становится ясно, что для эффективного функционирования норм международного права необходимо совершенствовать механизмы правового регулирования.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема эффективности международных организационно-правовых механизмов борьбы с пиратством является достаточно актуальной в современном обществе и требует совершенствования. Для решения данной проблемы необходимо скорректировать законодательство на национальном уровне, ведь корни пиратства находятся на берегу, а морские пространства лишь среда для проявления пиратства. Поэтому для повышения эффективности борьбы с пиратством необходимо обязать государства создать нормативно-правовую базу для противодействия данному виду преступления, а государства, которые откажутся от этого, привлекать к международно-правовой ответственности. Возможно, следует создать комиссию, которая будет следить за тем, как исполняются международные нормативно-правовые акты на национальном уровне. В случае обнаружения фактов несоблюдения законодательства, предлагаем подвергать государство-нарушитель серьёзным санкциям.

Список используемой литературы.

1. Редакция «Капитал страны» Пираты 21-го века: новый вид бизнеса// Капитал страны. Федеральное интернет – издание. – 10.03.2009. – <http://kapital-rus.ru/articles/article/1097>
2. Конвенция ООН об открытом море: принята Генеральной Ассамблеей ООН 29 апреля 1958// документ опубликован на официальном сайте ООН http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv1946.shtml
3. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74): принята на Международной конференции по охране человеческой жизни на море 1 ноября 1974 г., Протокол к ней 1988 г. (Протокол-88) на Международной конференции по гармонизированной системе освидетельствования и оформления свидетельств 10 ноября 1988 г.// документ опубликован на официальном сайте международной морской организации

[http://www.imo.org/About/Conventions/ListOfConventions/Pages/International-Convention-for-the-Safety-of-Life-at-Sea-\(SOLAS\),-1974.aspx](http://www.imo.org/About/Conventions/ListOfConventions/Pages/International-Convention-for-the-Safety-of-Life-at-Sea-(SOLAS),-1974.aspx)

4. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года: (UNCLOS) принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1982 г. (с изм. от 23.07.1994 г.)// документ опубликован на официальном сайте ООН http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml

5. Международный кодекс по охране судов и портовых сооружений (ОСПС) Международной морской организации: принят 12 декабря 2002г. // документ опубликован на официальном сайте международной морской организации http://www.imodocs.com/txt/data_www/texts/Kodeks_OSPS.php3

6. Храмчихин А.А. Рыцари наживы и... нищеты, мятежевойна шагнула с суши в океан/ А.А. Храмчихин// Частный корреспондент. Интернет – издание. – 19.12.2008. – http://www.chaskor.ru/article/rytsari_nazhivy_i_nishchety_2069

7. Редакция «Лента.ру» ЕСПЧ обязал Францию выплатить компенсацию сомалийским пиратам// Лента.ру. Новостное интернет – издание. – 04.12.2014. – <http://lenta.ru/news/2014/12/04/pirat/>

ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ - ОСНОВНАЯ ФИГУРА СОУЧАСТИЯ

**О.О. Дворниченко,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
olga.uralova94@yandex.ru
Научный руководитель:
В.В. Трифанов,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

Для квалификации и назначения наказания за совершение преступления в соучастии, ключевое значение имеет рассмотрение и разграничение видов соучастников[12; 77].

Как видно из конструкции ст. 33 УК РФ описание видов соучастников, а впоследствии определение каждого из них, начинается с фигуры исполнителя преступления. Такое положение вещей логично - исполнитель является центральной фигурой соучастия, лицом, которое воплощает в жизнь преступные намерения (умысел) всех соучастников, через выполнение объективной стороны конкретного состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ.

Фигуре исполнителя преступления посвящено множество работ видных теоретиков уголовно-правовой науки. При употреблении понятия «исполнитель преступления» возникает ряд вопросов, четких ответов на которые нет и в настоящее время. Один из таких вопросов связан с определением содержания данной дефиниции. Изучая вопросы ответственности за соучастие в преступлении, П.Ф. Тельнов отмечал, что исполнителем преступления признается лицо, которое полностью, либо частично, непосредственно, либо путем умышленного использования другого невиновного или неосторожно действующего лица, выполнило деяние, предусмотренное статьей Особенной части Уголовного Кодекса РФ[15; 78]. Детальный анализ положений ч. 2 ст. 33 УК РФ, приводит нас к выводу, что действующий уголовный закон выделяет следующие виды исполнителей преступления: 1) непосредственный исполнитель; 2) соисполнитель; 3) посредственный исполнитель.

В теории уголовного права существует несколько позиций касающихся понятия непосредственного исполнителя преступления. Например, Н.С. Таганцев предлагал понимать данную категорию как непосредственное участие в исполнении преступления либо его непосредственное выполнение. Подобные трактовки непосредственности исполнения ясности в понятие не вносят, поскольку «участие в исполнении преступления», принимают так или иначе все соучастники, а не только исполнитель.

Понятие исполнителя конструктивно построено на понятии субъекта состава преступления - лица, которое подлежит уголовной ответственности. Согласно ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. На мой взгляд, для более четкого уяснения понятия «непосредственный исполнитель» необходимо буквально, с помощью толкового словаря, разобраться в сущности данного понятия. Во-первых, данная категория складывается из трех элементов: «непосредственно», «совершить», «преступление». То есть непосредственный исполнитель - это лицо, непосредственно совершившее преступление. Согласно ч.1 ст. 14 УК РФ преступлени-

ем признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. Если обратиться к толковому словарю Д.Н. Ушакова, то можно найти следующее определение понятия «совершить»: «осуществить, выполнить что-то». Термин «непосредственно» Д.Н. Ушаков наделяет следующим смыслом: «следующий сразу за чем-либо, без промежуточного участия кого-либо, без посредствующих звеньев». Применительно к фигуре исполнителя, элемент «непосредственно» можно трактовать как содеянное лично исполнителем, прямо вытекающее из действий данного лица.

Таким образом, я считаю логичным согласиться с позицией Г.А. Кригера и О.Л. Цвиренко и констатировать, что под фигурой непосредственного исполнителя следует понимать лицо, которое непосредственно полностью либо частично совершило деяние, которое образует объективную сторону конкретного состава преступления, закрепленного в статье Особенной части УК РФ, имея на это прямой либо косвенный умысел.

Соисполнитель - второй вид исполнителя преступления, совершенного в соучастии, который выделяет законодатель в ч. 2 ст. 33 УК РФ, определяя его как лицо, непосредственно участвовавшее в совершении преступления совместно с другими лицами.

Первым в науке уголовно-правовой науке фигуру соисполнителя обозначил В. Сергеев. Ученый определял соисполнительство как непосредственное совместное совершение двумя или более лицами одного и того же преступления[14; 5].

В оппозиции законодателю и большинству ученых находится А.П. Козлов. Он выступает с критикой законодателя, говоря об иррациональности выделения такого вида исполнителя, как «соисполнитель». Ученый считает, что полное и частичное выполнение объективной стороны состава преступления входит в содержание первого вида исполнителя – непосредственного исполнителя[12; 91-93].

О.Л. Цвиренко в своей работе подвергает сомнению позицию, А. П. Козлова, аргументируя свою точку зрения следующим образом: если один непосредственный исполнитель выполнит объективную сторону преступления частично, то нельзя будет говорить об оконченном преступлении в его действиях. Вследствие чего, встает вопрос о привлечении его к ответственности за покушение на совершение преступления. Если же два лица будут полностью или частично совершать одно преступление, тогда основное значение будет иметь совместность их действий при выполнении объективно стороны состава преступления[13; 32-33].

В настоящее время, в уголовно-правовой доктрине господствует широкий подход к пониманию соисполнителя, как вида исполнителя-соучастника. Законодатель придерживается мнения, что соисполнителями являются и лица, которые содействуют другим лицам на месте и во время совершения преступления. В данном случае, необходимо обратить внимание на то, что само закрепление понятия соисполнителя, как лица непосредственно участвующего в совершении преступления значительно расширяет границы исполнения преступления, о чем неустанно пишет А.П. Козлов. В пример можно привести судебную практику, а именно: 1) постановление Пленума ВС РФ от 04.12.2014 г. N 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности", в п. 10 указывает, что «изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, совершенными группой лиц (группой лиц по предварительному сговору, организованной группой), должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственное половое сношение или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам. При этом действия лиц, лично не совершавших насильственного полового сношения или насильственных действий сексуального характера, но путем применения насилия или угроз содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера.»; 2) постановление Пленума ВС РФ № 1 от 27.01.1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)», в п. 10. дает указание: «убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения).

Данную позицию законодателя и судебную практику поддерживают М.И. Ковалев, И.Я. Козаченко. Последний отмечает что «человек, который своими действиями, умышленно, лишает возможности жертву защищаться, от любого насилия, является соисполнителем этого насилия»[10; 85]. На основании изложенного, можно сделать обоснованный вывод, что законодатель признает соисполнительством насильственные действия, в результате которых наступил преступный результат, описанный в конкретной статье особенной части уголовного кодекса.

Уголовный закон выделяет в качестве третьей разновидности исполнителя лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ.

А.В. Шеслер, предлагал к посредственному совершению преступления относить все случаи использования виновными других лиц, действовавших при всех видах обстоятельств, исключающих преступность деяния [16; 60-62]. Профессор И. Звечаровский отмечает, что отсутствие в уголовно-правовом смысле двух и более лиц (то есть лиц, обладающих всеми признаками субъекта преступления) в совершении преступления исключает соучастие. На основании данных доводов совершения преступления несколькими лицами, из которых только одно обладает признаками субъекта преступления, может быть квалифицировано только как индивидуально совершенное преступление [9; 31-32].

Достаточно убедительную позицию высказывает А.Арутюнов. Он полагает, что «именовать исполнителем совершителя посредством использования лица, не являющегося субъектом преступления, при отсутствии соучастия вряд ли правомерно». По его мнению, «совершитель посредством может быть признана исполнителем только в случаях, когда он совершает преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ, в соучастии с организатором, подстрекателем или пособником» [5; 4].

Точку зрения А.Арутюнова разделяет и О.Л.Цвиренко, которая пишет о целесообразности разграничения понятия «посредственный причинитель» и «посредственный исполнитель», поскольку, в первом случае соучастие в классическом его понимании отсутствует, преступление совершается индивидуально, путем использования человеком, субъектом преступления, другого человека, который в силу различных обстоятельств не может подлежать уголовной ответственности. Во втором случае, соучастие будет иметь место, в случае если лицо, которое совершает совместно с другими лицами преступление, использует при этом для реализации общего противоправного умысла другое лицо, не обладающее признаками субъекта [13; 69].

Если обратиться к анализу судебной практики, то можно отметить некоторую некорректность в судебной практике. Согласно постановлению Пленума ВС РФ от 27.12.2002 г. N 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" в п. 2 указано, что «если лицо совершило кражу, грабеж или разбой посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) следует квалифицировать по частям первым статей 158, 161 или 162 УК РФ как действия непосредственного исполнителя преступления (часть вторая статьи 33 УК РФ)». Согласно постановлению Пленума ВС РФ от 01.02.2011 г. № 1 "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" в п. 42, указано, что «в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения». То есть можно говорить о непоследовательности судебной практики и некорректности в применении ч. 2 ст. 33 УК РФ, так как в схожих ситуациях, в первом случае говорится о «непосредственном исполнителе», во втором случае указывается на «посредственного исполнителя».

Я поддерживаю позицию тех авторов, которые пишут о существенных различиях институтов посредственного причинения и соучастия. Действительно, качественно урегулировать вопросы, касающиеся посредственного причинения в рамках института соучастия не представляется возможным. Ключевым моментом в определении понятия соучастия выступает указание на участие в совершении одного и того же преступления не одним, а двумя и более лицами. Важное значение имеют так же совместность деятельности и общность умысла соучастников. Иные признаки соучастия лишь дополняют данные. То есть, соучастие в преступление имеет место только в том случае, преступление совершается путем умышленного совместного участия двух или более лиц (ст. 32 УК РФ). Данные аксиомы соучастия не применимы к посредственному причинению. Не может возникнуть совместности деятельности и умысла с невменяемым либо малолетним.

На основании вышеизложенного, считаю рациональным дать самостоятельное закрепление институту посредственного причинения, вынести его за рамки института соучастия. В частности дополнить главу 4 Общей части УК РФ ст. 23¹ следующего содержания:

«Статья 23¹ Посредственное причинение:

Посредственным причинителем признается лицо, обладающее всеми признаками субъекта преступления, которое совершило преступление посредством сознательного использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу невменяемости, малолетнего возраста, недостижения возраста уголовной ответственности или других обстоятельств, предусмотренных Уголовным кодексом».

А так же, изложить ч. 2 ст. 33 УК РФ в новой редакции:

« Статья 33. Виды соучастников преступления

2. Исполнителем преступления является лицо, непосредственно (лично) полностью или частично совершившее деяние, которое образует объективную сторону состава преступления, закрепленного в Особенной части Уголовного кодекса, либо полностью или частично выполнившее совместно с другими лицами (соисполнителями) объективную сторону состава преступления. Лицо, обладающее признаками субъекта преступления, совершившее деяние, образующее объективную сторону состава преступления, закрепленного в статье Особенной части Уголовного кодекса, посредством использования иных лиц, не являющихся субъектами преступления, признается посредственным исполнителем, если в совершении преступления вместе с ним принимали участие организатор, подстрекатель, либо пособник».

Данные изменения позволяют, во-первых, на более качественном уровне регламентировать категорию исполнителя, как одного из соучастников. Во-вторых, провести четкое разделение понятий: непосредственный исполнитель, соисполнитель и посредственный исполнитель. В-третьих, разграничить понятия посредственного причинения и соучастия. Все это будет способствовать предотвращению судебных ошибок и единообразному, правильному применению норм уголовного закона на практике.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ: по сост. на 20 февраля 2015 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». // "Российской газете" от 11 февраля 2011 г. N 29
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. N 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности"
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое". // "Российская газета" от 18 января 2003 г. N 9 (специальный выпуск),
5. Арутюнов, А. Проблемы ответственности соучастников преступления / А.Арутюновы // Уголовное право. – 2001. - № 3.
6. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. - Киев, 1986.
7. Дядькин Д.С. Соучастие в преступлении. М.: изд-во Компания Спутник+, 2004.
8. Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. - Дерпт, 1850.
9. Звечаровский И. Совершение преступления в соучастии: проблема квалификации // Законность. 2003. № 11.
10. Козаченко, И.Я., Курченко, В.И. Соисполнительство и пособничество: вопросы разграничения/И.Я. Козаченко, В.И. Курченко// Российский юридический журнал. - 1994.
11. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург: изд-во УрГЮА, 1999
12. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб.: изд-во «Юридический центр Пресс», 2001.
13. Цвиренко О.Л. Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации / под ред. И.Я. Козаченко. – Нижневартовск: изд-во НГТУ, 2006. С. 7.
14. Сергеев, В. Соисполнительство по советскому уголовному праву/ В. Сергеев// Советская Юстиция. – 1970. - № 18.
15. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974.
16. Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. С. 60-62

ТОВАРНАЯ НЕУСТОЙКА В СИСТЕМЕ НЕПОИМЕНОВАННЫХ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

А.В. Добродеева,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
a.dobrodeeva@yandex.ru
Научный руководитель:
И.В. Тордия,
заведующий кафедрой гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Товарная неустойка является довольно распространенным способом обеспечения исполнения обязательства, несмотря на то, что гражданским законодательством ее применение не регулируется.

В науке и практике такую неустойку именуют также «неденежной» [1], «имущественной», «вещной» [2], «неустойкой в натуральном выражении». Порой, квалифицируя товарную неустойку как непоименованный способ обеспечения исполнения обязательства, исследователи вовсе воздерживаются от использования слова «неустойка» или используют его условно, признавая дискуссионность самого употребления слова «неустойка» [3].

В связи с этим часто возникают споры, является ли товарная неустойка самостоятельным, непоименованным в ГК РФ способом обеспечения обязательств, либо ее необходимо относить к виду неустойки, предусмотренной ст.330 ГК РФ.

Б.М.Гонгало, А.Г.Карапетов, Р.Хаметов считают, что правовая природа обязательства по денежной и товарной неустойке различна. Товарная неустойка не является неустойкой, предусмотренной ст. 330 ГК РФ, поскольку предметом последней могут являться только денежные средства. Однако тот факт, что вещная неустойка не является разновидностью обычной неустойки, а представляет собой не предусмотренный в законе способ обеспечения исполнения обязательств, не исключает возможности применения к отношениям участников гражданского оборота, связанным с уплатой вещной неустойки, правил, относящихся к обычной неустойке. Такая возможность следует из сходства отношений, складывающихся при уплате неустоек обоих видов, что делает возможным применение аналогии закона [4].

А.В.Латынцев полагает, что товарная неустойка является видом неустойки, предусмотренной ГК РФ и использование имущественного предоставления в качестве неустойки возможно [5]. Данный вывод он основывает на том, что такая возможность следует прямо из ГК, который не запрещает установления неденежной неустойки. Последняя позиция не отражает очевидный замысел законодателя, который, осуществляя правовое регулирование неустойки, не предусмотрел возможность замены в рамках данного института передаваемой денежной суммы на определенное количество товара. Причины же, лежащие в основе выбранного решения, вполне очевидны. Законодатель учел, что даже в тех странах, где неустойка допускается и в неденежном виде, на практике такое дозволение является редкостью. В СССР в период действия ГК 1922 года, допускавшего неденежную неустойку, практика не восприняла предоставленное законом право; по словам К.А. Граве, ему не удалось найти ни одного случая в судебной или арбитражной практике, когда бы неустойка была выражена в виде иной имущественной ценности [6].

Таким образом, с позиции буквального толкования норм ГК РФ, неустойка и товарная неустойка являются совершенно самостоятельными способами обеспечения исполнения обязательства. Так как ГК РФ не содержит прямого регулирования товарной неустойки, его положения относительно неустойки чаще всего применяются к ней по аналогии. Однако именно в связи с тем, что товарная неустойка является непоименованным способом обеспечения исполнения обязательств и не нашла отражения в действующем ГК РФ, в договорной практике возникает достаточное количество проблем. Например, определение предмета товарной неустойки, возможность ее уменьшения, возможность применения новации и другие.

Под товарной неустойкой понимается обязанность передать кредитору определенное имущество при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств должником. Следовательно, возникает вопрос: какое имущество может быть предметом товарной неустойки? В связи с этим следует обратить внимание на содержащееся в ст. 128 ГК РФ значение слова "имущество". Помимо родовых вещей, к имуществу могут быть отнесены и индивидуально-определенные вещи. Однако законом не установлено, могут ли «неродовые» вещи быть предметом товарной неустойки. По мнению В.А.Белова, предметом неде-

нежной неустойки в торговых отношениях целесообразно признать товар, т. е. оборотоспособные, движимые, родовые вещи, обладающие свойством заменяемости. Хотя нет никаких ограничений в том, чтобы предусмотреть в договоре в качестве неустойки передачу какой-либо индивидуально-определенной вещи, в том числе недвижимого имущества, работ или услуг [7]. Как отмечает Р. С. Бевзенко, понятие "товар" не является эквивалентом понятия "родовая вещь" или "движимая вещь", так как оно выражает хозяйственное назначение вещи, не определяя ее юридической характеристики [8].

Вместе с тем в доктрине высказывается мнение о том, что принудительное исполнение условия о товарной неустойке в отношении индивидуальных вещей по сравнению с родовыми является затруднительным. А.Г.Карапетов считает, что использование в качестве товара «неродовой» вещи исключает возможность применения к договорному условию о товарной неустойке ст.333 ГК (уменьшение неустойки) [9]. Таким образом, проблема определения предмета товарной неустойки перетекает в актуальный вопрос о возможности уменьшения ее размера в порядке ст.333 ГК РФ.

Одним из основных доводов для сторон при выборе неденежной неустойки является надежда на то, что она не будет уменьшена судом. Логика сводится к следующему. Если товарную неустойку рассматривать как непоименованный способ обеспечения исполнения обязательств, то правила ст. 333 Гражданского кодекса РФ о возможности уменьшения ее размера применяться не должны, так как термин «неустойка» используется лишь условно, чтобы подчеркнуть, что кредитор в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения получит в качестве компенсации не деньги, а какое-то имущество, указанное в договоре. Это дает значительное преимущество для кредитора, поскольку представляет собой реальную гарантию как исполнения, так и возмещения. Однако на практике эта позиция не оправдывается. Суд все равно может уменьшить размер неустойки по аналогии закона (ст. 6 ГК РФ). Юридически условие договора о товарной неустойке представляет собой ответственность, предусмотренную договором, не в денежной, а в натуральной форме. Исходя из сказанного, терминология не является решающим фактором для определения правовой природы правоотношения и его юридической квалификации. Поэтому нет препятствий для того, чтобы суд по аналогии применил нормы об обычной неустойке, в том числе в части уменьшения ее размера. В арбитражной практике есть пример, когда суд счел возможным по ходатайству ответчика снизить вещную неустойку до величины основного долга в натуральном выражении [10].

В доктрине определяющим фактором при решении вопроса об уменьшении товарной неустойки является ее предмет, а именно: родовая или индивидуально-определенная вещь является имуществом, которое должник в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязан передать кредитору.

Так, В.А.Белов утверждает, что уменьшение товарной неустойки по правилам ст.333 ГК РФ возможно в случае, если ее предметом являются вещи, определенные родовыми признаками [11]. В данном случае снижение неустойки проявляется только лишь в уменьшении количества данных вещей. Но если предметом неустойки является индивидуально-определенная вещь, и договор не предусматривает возможности ее замены на денежную компенсацию, то явная несоразмерность стоимости данного имущества последствиям нарушения обязательства может привести к полному отказу во взыскании такой неустойки.

Приведенную позицию разделял Пленум ВАС РФ. В п.7 действующего Постановления Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 N 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» [12] дано следующее разъяснение: «В случае, когда в качестве меры ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства должник обязуется передать кредитору вещи, определенные родовыми признаками, суд вправе уменьшить их количество применительно к статье 333 ГК РФ». Таким образом, Пленум ВАС а) подтверждает возможность применения товарной неустойки как способа обеспечения обязательства, предусмотренного договором, б) закрепляет возможность уменьшения товарной неустойки по правилам ст.333 ГК РФ применительно в части передачи «родовых» вещей. Суд вправе уменьшить их количество при наличии необходимых правовых оснований. Правила ст. 333 ГК РФ по смыслу названного пункта Постановления N 81 не будут применяться к отношениям по товарной неустойке, предусматривающей передачу индивидуально-определенных вещей, оказание услуг и выполнение работ [13].

Также интересен вопрос, возможно ли уменьшение товарной неустойки, если в качестве ее предмета договором предусмотрена неделимая вещь. Пленум ВАС РФ ответа не дает, в доктрине ведутся дискуссии.

Физически любая вещь делима. В целях поддержания стабильности гражданского оборота, законодатель устанавливает признаки, позволяющие признать вещь делимой, тем самым одновременно очерчивая круг вещей, признаваемых делимыми и неделимыми. ГК РФ признает неделимой вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав. Ю.В.Петровичева считает, что главное отличие делимой вещи от неделимой – это возможность ее целевого использования в соответствии с имеющимися у нее свойствами». Данной точки зрения в большинстве своем придерживаются судебные инстанции. Так,

ФАС Волго-Вятского округа в Постановлении от 11 октября 2007 г. по делу N А17-315/5-2007 указал, что делимая вещь «разделяется в натуре так, что любая из ставших самостоятельными частей может быть использована по прежнему хозяйственному назначению, т.е. выполнять ту же функцию, что и вещь в целом». Исходя из вышепредставленного, можно сделать вывод: с правовой точки зрения способность к уменьшению проявляется в делимости вещи. Раздел неделимой вещи невозможен без потери ею свойств, которыми она обладает как объект хозяйственного оборота. Следовательно, аналогия закона (ст.333 ГК РФ) об уменьшении товарной неустойки применима только к товарной неустойке, объектом которой являются делимые вещи. Однако на практике возникает проблема: каким образом должны регулироваться отношения, если по соглашению сторон предусмотрено условие о передаче неделимой вещи в качестве предмета товарной неустойки? Учитывая то, что товарная неустойка относится к непоименованным способам обеспечения исполнения обязательства и не урегулирована действующим законодательством, установление запрета на такого рода договорные условия повлечет за собой нарушение диспозитивности гражданского права, в частности, принципа свободы договора.

Обращение к судебной практике показывает неоднозначное отношение судов к условию о товарной неустойке. В начале 2000-х годов суды в большинстве случаев признавали условие о ней недействительным, опираясь на буквальное толкование императивной нормы ст.330 ГК РФ, согласно которой неустойкой может быть только денежная сумма (см. Постановление ФАС Поволжского округа от 05.10.2000 № А12-4532/00-с27). Даже ссылки истцов на то, что товарная неустойка представляет собой самостоятельный, не поименованный в ГК РФ, но допустимый способ обеспечения обязательств, к которому не применяются положения ст.330 ГК РФ, не всегда находили поддержку у судов. Так, в одном из дел суд указал, что раз в договоре фигурирует слово «неустойка», то нельзя говорить об «ином способе», но так как неустойка предусмотрена в товарной форме, это условие противоречит закону (Постановление ФАС Северо-Западного округа от 17.08.99 по делу № 1330). ФАС Уральского округа в Постановлении от 30 октября 2001 г. по делу N Ф09-2090/2001-ГК отметил, что условие договора об ответственности за просрочку исполнения обязательства в виде 0,2 тонны фуражной пшеницы за каждый день просрочки противоречит ст. 330 ГК РФ. Неустойка может быть только в денежной форме, поэтому данное условие, по мнению суда, следует считать недействительным. И все-таки даже в начале 2000-х годов в арбитражной практике встречались примеры, когда суды взыскивали вещную неустойку, мотивируя это тем, что стороны договорились о ее применении, следовательно, вступает в силу принцип свободы договора. Так, ФАС Северо-Кавказского округа отклонил довод кассационной жалобы о том, что условие соглашения о ежегодном увеличении поставляемой пшеницы на 30% не соответствует ст. 330 ГК РФ. Суд отметил, что перечень способов обеспечения исполнения обязательств не является исчерпывающим согласно ст. 329 ГК РФ (Постановление от 22.04.2002 N Ф08-1203/2002). Аналогичным образом и ФАС Поволжского округа взыскал неустойку по договору мены в виде 30% от суммы долга в натуральном выражении (семена подсолнечника). По его мнению, стороны договора вправе согласовать ответственность за невыполнение обязательств в натуральном выражении (постановление ФАС Поволжского округа от 18.09.01 по делу № 3559/01-2). Таким образом, судебная практика начала меняться и появились примеры положительного отношения судов к условию о товарной неустойке, в настоящее время суды окончательно признали товарную неустойку способом обеспечения исполнения обязательства, не противоречащим действующему законодательству.

О том, что законодательно установленная неустойка и товарная неустойка являются различными способами обеспечения исполнения обязательств, свидетельствует и то, что существует возможность новации денежной неустойки в товарную. В соответствии со ст.414 ГК РФ, обязательство прекращается новацией тогда, когда воля сторон определенно направлена на замену существовавшего между ними первоначального обязательства другим обязательством, т.е. с момента заключения соглашения. Например, если у должника по обязательству нет в наличии денежных средств, чтобы погасить неустойку, стороны могут новировать ее, т.е. должник сможет выплатить неустойку, передав кредитору определенное имущество. О гибкости данного способа говорит и то, что возможна новация товарной неустойки в отступное и зачет, и соответственно, прекращение обязательства. Сама по себе товарная неустойка является не способом прекращения обязательства, но мерой, обеспечивающей его надлежащее исполнение.

Таким образом, в основе правового регулирования товарной неустойки лежит только статья 329 ГК РФ, содержащая открытый перечень способов обеспечения обязательства и предоставляющая возможность сторонам сделки предусмотреть в тексте договора иной, прямо не предусмотренный законом, способ обеспечения интересов контрагентов. Так как возможность использования товарной неустойки прямо не предусмотрена законом, стороны, применяя такой инструмент в качестве способа обеспечения обязательств, должны в тексте договора исчерпывающе определить порядок и способы его применения, а также учесть физические, юридические и экономические свойства вещей, избираемых контрагентами в качестве предмета товарной неустойки.

Библиографический список

1. Новикова А. А. Неденежная неустойка: теоретические и практические проблемы применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. N 2.
2. Бычков А. Практические аспекты использования конструкции «вещная неустойка» // И. «Юрист». 2012. N 12.
3. Федорова Ю.С. Неденежная неустойка: от теории к практике//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция.
4. Хаметов Р., Миронова О. Обеспечение исполнения обязательств: договорные способы // Российская юстиция. 1996. N 5.
5. Граве К. А. Договорная неустойка в советском праве//М.: Юрид. Литература. 1950.
6. Белов В.А. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики // М.: Юрайт. 2009.
7. Бевзенко Р. С. Неустойка, выраженная в неденежной форме // Законодательство. 2006. N 6.
8. Карапетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве// М.: Статут. 2005.
9. Постановление ФАС Поволжского округа от 31.01.2002 по делу N А57-3563/01-2 // СПС «КонсультантПлюс»
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 N 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»// «Вестник ВАС РФ». 2012. N2.
11. Аналитический обзор: документ недели. Выпуск за 24 января 2012 года//Обзоры законодательства. КонсультантПлюс //www.consultant.ru/law/review/1297390.html#p123
12. Скворцов В.В. Развитие залога в коммерческой сфере//Актуальные проблемы коммерческого права: сборник научных статей. М. 2002. С.12.
13. Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве// http://civil.consultant.ru/elib/books/4/page_2.html

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАК МЕГАРЕГУЛЯТОР ФИНАНСОВОГО РЫНКА РОССИИ.

**М.Г. Казаков,
магистрант ИГиП ТюмГУ
Kazakovm72@gmail.ru**

**Научный руководитель:
Д.О. Тепляков,
доцент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук**

В данной статье рассматривается Банк России, в качестве мегарегулятора на финансовом рынке Российской Федерации, а также причины его создания. Анализируется зарубежный опыт создания мегарегулятора финансового рынка. Происходит аналитическая оценка последствий передачи, Банку России большинства полномочий в сфере регулирования отношений, между большинством субъектов финансового рынка Российской Федерации.

В начале сентября 2013 года вступили в силу поправки в Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [1], согласно которым Банк России наделяется рядом полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков. Большинство полномочий переданы от финансовой службы по финансовым рынкам Российской Федерации в связи с ее упразднением [2]. В этой связи, цели деятельности Банка России расширились следующими положениями: развитие финансового рынка Российской Федерации; обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации. Кроме того, были внесены поправки в вышеуказанный закон, касаемо организационных основ Банка России, речь идет: об увеличении численности Совета директоров до 14 членов, теперь члены Совета директоров избираются на 5 лет, вместо положенных ранее 4; о создании Комитета финансового надзора в Банке России; об увеличении кворума Совета директоров до 8 человек; об изменении названия Национального банковского совета и уточнении его компетенции. За

столь короткий срок авторами законопроекта, вносящего изменения в вышеупомянутый федеральный закон, проделана огромная работа, изменения коснулись в то время действующих, 47 федеральных законов.

Научные деятели и практики выделяют ряд причин создания мегарегулятора на базе Банка России, в данной статье описаны 5 причин. Как правило, мировой финансовый рынок принято делить на четыре взаимосвязанных сегмента: рынок ценных бумаг, рынок кредитов, страховой рынок и валютный рынок. Первая причина поглощения ФСФР Банком России связана с тем, что в последнее время наблюдается тенденция расширения границ между сегментами мирового финансового рынка - они становятся размытыми. Финансовые активы, работающие на денежном рынке, все чаще используются для спекулятивных операций, что создает угрозу нестабильности финансовых рынков. Часть финансовых ресурсов с денежного рынка попадает на другие рынки. В результате усиливается взаимосвязь валютных курсов, банковского процента и курса акций в разных странах мира.

Вторая причина связана с тем, что в систему регулирования и надзора на финансовом рынке России входили пять государственных органов: Правительство РФ, находящиеся у него в подчинении ФСФР России, Минфин России и Минтруд России, а также Банк России. При функционировании такой системы функции регулирования и надзора одних органов, налагались на функции других органов. В связи с чем, возникает риск избыточного регулирования, при котором некоторые действия участникам рынка приходилось согласовывать с несколькими регуляторами одновременно. К тому же, при создании финансового мегарегулятора внимание было взято на снижение угрозы системных рисков и минимизация риска недобросовестного поведения (*moral hazard*) [3].

Третьей причиной является «второсортность» ФСФР, чиновникам все меньше хотелось выделять бюджетные деньги для его укрепления и поддержки, самым простым решением, этого вопроса послужило создание мегарегулятора. ФСФР назван «второсортным», в связи с тем, что в нем на каждого работника, будь то руководитель или обслуживающий персонал, приходилось по 3-4 финансовых института и несколько сотен эмитентов. Количество служащих в Банке России было в 30-40 раз больше, чем в ФСФР, в последнем заработная плата в средних чинах была ниже в 2-3 раза, нежели в финансовом бизнесе. Средства в ФСФР выделяли по остаточному принципу. Не выполнялся базовый международный принцип IOSCO: функции и полномочия регулятора должны полностью покрываться выделенными ему ресурсами [4].

Четвертой причиной создания мегарегулятора послужило то, что и в страховании, и в управлении пенсионными средствами, и в работе профессиональных участников рынка ценных бумаг проявляют все большую активность банковские структуры, такие как – Сбербанк, ВТБ. Крупнейшие финансовые конгломераты работают не на банковском или страховом рынке по отдельности, а комплексно. И если регулятор будет брать во внимание только один сектор, он не увидит всего риска. Риск в такой финансовой группе может проявляться в данном конкретном сегменте, тогда как в других областях будет все нормально. Если регулятор не увидит риска всей системы, он не сможет принять адекватных мер.[5]

Пятой причиной в создании мегарегулятора послужил финансовый кризис 2008-2009 годов, после которого Правительство РФ выявило важность оперативного принятия решения по стабилизации финансовой системы, предоставлению дополнительной ликвидности финансовым рынкам, что возможно более эффективно реализовать в рамках единого органа, осуществляющего консолидированный и пруденциальный надзор. Также в условиях финансового кризиса 2008-2009 годов обнаружилась еще одна брешь в финансовом рынке России - Банк России отказывался кредитовать небанковских участников финансового сектора, ссылаясь на нехватку информации по ним, теперь же после создания мегарегулятора проблема отпала сама собой.

Суть большинства зарубежных финансовых реформ за последние 30 лет, заключается в создании мегарегулятора финансового рынка. Так мегарегуляторы были созданы в: Сингапуре (1984 г.), Норвегии (1986 г.), Канаде (1987 г.), Дании (1988 г.), Швеции (1991 г.), Великобритании (1997 г.), Японии (1998 г.), Корею (1998 г.), Австралии (1988 г.), Исландии (1999 г.), Германии (2002 г.) и т.д. [6]. Стоит отметить, что Центральные Банки разных стран в любом случае зависят от государства. Некоторые ЦБ были сразу образованы как государственные (в Германии и России), а другие создавались как акционерные, но затем национализировались (в Великобритании, Франции). Существуют центральные банки, 100 % капитала которых принадлежит государству, как, например, в Великобритании, Германии, Франции, России, Дании и Нидерландах. Есть акционерные ЦБ — например, в США 100 % капитала федеральных резервных банков находится в собственности банков — членов ФРС, в Италии 100 % капитала ЦБ принадлежит банкам и страховым компаниям. В то же время в Японии 55 % ЦБ находится в собственности государства и 45 % — частных лиц, в Швейцарии — 57 % — в собственности кантонов и 43 % — частных лиц [7].

В мировой практике принято выделять 3 основные модели мегарегулятора финансового рынка. Первая – более распространенная модель представляет собой единый независимый мегарегулятор не являющийся Центральным Банком, как в Германии, Японии и Швеции. В Германии финансовый мегарегу-

лятор – федеральное ведомство финансового надзора (BAFin), был создан, в процессе слияния трех ведомств: Федеральное ведомство по надзору в сфере кредитования (BAKred), Федеральное ведомство страхового надзора (BAV) и Федеральное ведомство надзора за рынком ценных бумаг (BAWe) [8]. Вторая модель – менее распространенная, выглядит следующим образом: на базе Национального (Центрального) Банка создается, единый мегарегулятор финансового рынка, такой мегарегулятор функционирует в таких странах как: Россия, Сингапур и Ирландия. И последняя, самая редкая модель мегарегулятора - это «TwinPeaks» (Две Вершины), которая предполагает наличие двух регуляторов, тесно взаимодействующих друг с другом. Один орган отвечает за пруденциальный надзор за всеми финансовыми организациями, а другой — за надзор за рыночным поведением, который обеспечивает защиту прав инвесторов и потребителей финансовых услуг [9]. Такая модель мегарегулятора финансового рынка присуща следующим странам: Великобритания, Голландия, Канада и Австралия. В 1993 году произошло крупное событие - это крах Английского банка "Берингс", когда Ник Лисон украл более 1 млрд. фунтов стерлингов. Банк "Берингс" был признан банкротом и был куплен за 1 фунт стерлингов. А суть заключалась в том, что не было надлежащего надзора за подразделениями, которые занимались операциями с ценными бумагами. Именно эти события сподвигли власти Великобритании создать мегарегулятор финансового рынка, который был назван – управление по финансовым услугам (FSA). Но кризис 2008-2009 годов показал, что данный мегарегулятор не способен справиться со всеми проблемами британских банков, возникших во время кризиса. В связи с чем, был создан финансовый мегарегулятор по модели «TwinPeaks», в состав, которого вошли два ведомства: управление по пруденциальному регулированию (PRA) и управление финансовой деятельности (FCA).

Создание мегарегулятора несет за собой ряд положительных моментов, но при этом имеет свои минусы. Начнем с положительных моментов: повышение материальной мотивации сотрудников бывшего ФСФР, после создания финансового мегарегулятора их заработная плата выросла в 3,5 раза. Осенью 2012 года замглавы ФСФР Александр Синенко называл среднюю зарплату в ФСФР - 32 000 руб., в Минфине - 93 000 руб., а в Банке России - 110 000 руб. [10]; Банк России – это финансово-независимый орган, переход всех сотрудников ФСФР «под крыло» Банка России значительно снизило нагрузку на бюджет [11]; еще один «плюс» для бюджета: по оценкам экспертов создание мегарегулятора помогло сократить отток капитала за границу; отмечено повышение стабильности на финансовом рынке, за счет снижения регулятивного арбитража (возможности применения разных стандартов к одним и тем же сегментам со стороны различных надзорных органов) и обеспечения более качественного анализа системных рисков. К недостаткам можно отнести: усиление конфликта интересов в Банке России, связанного с одновременным осуществлением регулирования, контроля и надзора за финансовыми организациями и участием в их капитале [12]; резкий рост нагрузки как на орган надзора (количество поднадзорных организаций увеличится девятикратно), так и на поднадзорные организации (по имеющимся оценкам, в пять раз).

На сегодняшний день сложно оценить эффект создания финансового мегарегулятора в России, ведь только 01.01.2015 Федеральная служба по финансовым Рынкам (ФСФР) России полностью интегрировалась в Банк России. С одной стороны упразднение ФСФР и передача ее функций, и полномочий Банку России, может выглядеть как уход Правительства России от ответственности, передав контроль, регулирование и надзор за финансовым рынком в «руки» Банка России, Правительство сняло себя всю ответственность за обстановку на финансовом рынке Российской Федерации. А с другой стороны, финансовый мегарегулятор в определенных моментах становится главнее Правительства. Кроме того нельзя исключать дальнейшего укрепления полномочий Банка России по экономическому регулированию. При наступлении таких обстоятельств, политический вес руководителя Банка России может оказаться больше, чем вес премьер-министра. Настораживает и зарубежный опыт создания финансового мегарегулятора. Кризис 2008-2009 годов серьезно пошатнул веру в эффективность мегарегулятора. Неспроста созданные в Великобритании и Казахстане мегарегуляторы трансформировались: контрольно-надзорные функции в банковской сфере, были возвращены центральным банкам. Стоит упомянуть конфликт интересов в Банке России, ведь Банк России является, с одной стороны, регулирующим и надзорным органом, с другой осуществляет полномочия акционера отдельных участников рынка и с третьей стороны является участником рынка. Этот вопрос не остался незамеченным, Банк России сделал первый шаг для его смягчения - вывел представителей надзорного блока из Наблюдательного совета Сбербанка России. К тому же в рамках смягчения конфликта интересов Банк России продал акции ОАО «Московская Биржа» в июле 2014 года.

Стоит отметить, что Банк России имеет больший политический вес, чем какое-либо министерство. Порядок назначения председателя Банка России во многом схож, с порядком назначением премьер-министра (назначается государственной думой по представлению президента). Безусловно правительство Российской Федерации имеет большее количество «рычагов» воздействующих на политику России. Но не смотря на это реформа вызвала значительное усиление влияния Банка России на экономическую политику государства.

Поскольку Банк России, начал исправлять положение касаясь конфликта интересов и переходный период практически завершен, то появление финансового мегарегулятора, должно положительно отразиться на национальной экономике.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 29.12.2014) "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)". // Собрание законодательства РФ. 2002. N 28. ст. 2790.
2. Указ президента РФ от 25.07.2013 N 645 "Об упразднении Федеральной службы по финансовым рынкам, изменении и признании утратившими силу некоторых актов президента Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2013. N 30 (часть 2). ст. 4086.
3. Хоменко Е.Г. Мегарегулятор: перспективное решение? // Юридическая работа в кредитной организации. 2013. N 2.
4. Миркин Я.М. Предпосылки и последствия создания мегарегулятора. // Журнал НЭА. 2013. N 3 (19). С. 135–139.
5. Панкин Д.В. Мегарегулятор – предпосылки создания. // МИГ Страхование сегодня: сайт. 2012. 8 октября. URL: <http://www.insur-info.ru/comments/825/> (дата обращения 01.04.2015).
6. Данилов Ю. Уютное кресло: к чему приведет создание мегарегулятора на базе ЦБ. // Форбс: сайт. 2013. 5 марта. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/makroekonomika/235095-uyutnoe-kresno-k-chemu-privedet-sozдание-megaregulyatora-na-baz> (дата обращения 01.04.2015).
7. Корзин А. Центральные банки: такие разные и такие одинаковые. // РБК: сайт. 2013. 15 апреля. URL: <http://top.rbc.ru/economics/15/04/2013/853863>(дата обращения 01.04.2015).
8. Рождественская Т.Э. Создание мегарегулятора в России: цели, задачи, проблемы и перспективы развития. // Банковское право. 2013. N 5. С. 10 – 17.
9. Хандруев А. Поторопились. // Журнал Эксперт: сайт. 2013. N 32 (862). URL: <http://expert.ru/expert/2013/32/potoropilis/>(дата обращения 01.04.2015).
10. Камнева Г. Сотрудники ФСФР получают зарплату как в ЦБ. // Ведомости: сайт. 2013. 5 апреля <http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2013/04/05/>
11. Кондрат Е.Н. Финансовый мегарегулятор в России: правовая основа и первые шаги. // Юрист. 2013. N 20. С. 42 - 46.
12. Паспорт проекта Федерального закона N 249469-6 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков" // СПС КонсультантПлюс.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНДИЦИОННОГО ИСКА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

**А.К. Каплункова,
магистрант ИГиП ТюмГУ
Kaplunkova@mail.ru**

Научный руководитель:

**И.В. Гордия,
заведующий кафедрой гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

Предъявление любого иска, должно иметь своей целью восстановление нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов обратившегося в суд лица.

Согласно общеправовому подходу, гражданин или юридическое лицо реализуя свое право на судебную защиту, по своему усмотрению выбирают любой не запрещенный законом способ защиты. Нормы гражданского права не содержат императивного указания на конкретный способ защиты в той или иной ситуации. При возникновении факта неосновательного обогащения, согласно ст.1103 ГК РФ [1], кондикционный иск будет являться универсальным способом защиты с субсидиарный характером.

На практике Истцу немаловажно не только определить надлежащий способ защиты своего нарушенного права, но и правильно применить/использовать выбранный способ, в ином случае, в удовлетворении требований может быть отказано судом.

Как в теории, так и на практике предъявление и рассмотрение кондиционных исков вызывает немало спорных вопросов. Задача настоящей работы - проиллюстрировать наиболее часто встречающиеся проблемы, связанные с применением кондиционного иска.

Первая проблема связана с определением начала течения срока исковой давности по кондиционным требованиям.

Российское гражданское право не содержит особых правил о начале течения срока исковой давности по обязательству из неосновательного обогащения. В п.1 ст.200 ГК РФ закреплено общее правило, согласно которому течение исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Предполагается, что лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права в момент его нарушения. Изъятия из этого порядка могут устанавливаться лишь законодательными актами. Как отмечают многие цивилисты, специфика отношений из неосновательного обогащения (сбережения) непременно должна оказывать влияние на порядок исчисления исковой давности [2]. Данный подход не всегда принимается во внимание судебной практикой и порождает спорные ситуации.

Вопрос о начале течения срока исковой давности по иску из неосновательного обогащения сводится к выяснению двух связанных друг с другом моментов: а) когда право потерпевшего должно считаться нарушенным; б) когда потерпевший узнал или должен был узнать о нарушении своего права.

Часто бывает так, что потерпевший узнает о том, что кто-то неосновательно обогатился за его счет, значительно позднее момента, когда ему становится известно о потерях в его собственной имущественной сфере. И до тех пор, пока потерпевший не выяснил, кто конкретно обогатился за его счет, он лишен возможности предъявить иск из неосновательного обогащения к ответчику, которым является лицо, обогатившееся в результате тех или иных действий или событий.

Сергеев А.П. и Терещенко Т.А., учитывая специфику обязательств вследствие неосновательного обогащения, указывают на необходимость исчисления срока исковой давности с момента, когда потерпевшему стало известно или должно было стать известно о том, что за его счет без правовых оснований произошло неосновательное обогащение конкретного лица, к которому только и может быть предъявлен иск [3]. В настоящее время судебная практика идет по другому пути и не придает никакой специфики порядку исчисления срока исковой давности по кондиционным обязательствам:

- В Определениях ВАС РФ от 28.04.2009 N 5033/09, 5034/09 по делам N А45-6966/2008-35/161, А45-6967/2008-35/162 суд подтвердил позицию нижестоящих судов о том, что по кондиционному обязательству началом течения данного срока следует считать момент безосновательной передачи спорного имущества, поскольку при передаче имущества должник должен был знать об отсутствии у него обязательств перед кредитором, а факт признания в судебном порядке соглашения об отступном незаключенным ввиду невозможности определить индивидуализирующие признаки передаваемого имущества (предмета договора) в данном случае не имеет правового значения [4].

Нам представляется, что в контексте сложного юридического состава возникновения кондиционных обязательств акцент на передачу имущества, с которой связывается течение исковой давности, вряд ли стоит считать уместным и способствующим формированию единообразного подхода к исчислению исковой давности в кондиционных обязательствах.

- Президиум ВАС РФ в Постановлении от 23.11.2010 №9657/10 указал, что трехлетний срок исковой давности взыскания денег с поставщика (ст.196 ГК РФ) нужно считать не с момента принятия налоговыми органами решения об отказе в возмещении НДС, а со дня оплаты организацией счета-фактуры с указанием необоснованной ставки налога. Срок исковой давности начинает течь со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п.1 ст.200 ГК РФ). Следовательно, о неправомерно предъявленном ей к уплате НДС компания должна была узнать не позднее дня оплаты выставленных ей счетов-фактур с указанием в них необоснованного НДС в размере 18%. Поскольку компания ошибочно определила момент возникновения неосновательного обогащения, суд отказал ей во взыскании с контрагента спорных сумм [5].

Анализ судебной практики показывает, что суды не связывают начало течения срока исковой давности с моментом определения приобретателя. Течение срока исковой давности начинается с момента возникновения самого факта неосновательного обогащения, который на практике может подтверждаться следующими доказательствами:

- письменным уведомлением получателя о поступлении к нему чужих денежных средств [6];
- выпиской банка о зачислении на счет компании ошибочно перечисленных денежных средств [7];
- выставлением счетов-фактур самим получателем неосновательного обогащения [8].

Специфика исчисления срока исковой давности так же проявляется и в тех случаях, когда законные основания для обогащения впоследствии отпали.

Например, имущество истца поступило в собственность ответчика на каком-либо основании, которое, однако, отпало впоследствии (например в результате признания сделки недействительной, отмены вышестоящим судом решения нижестоящего о присуждении имущества и т.д.). Обогащение будет считаться неосновательным лишь с момента отпадения для него законных оснований, а не с момента поступления имущества в имущественную сферу должника. Таким образом, началом течения исковой давности по кондиционному требованию следует считать дату вступления решения суда в законную силу, в результате которого отпало правовое основание

Данные выводы подтверждает судебная практика: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 28.12.2009г. по делу №А32-7122/2009, оставленное без изменения Постановлением Президиума ВАС РФ от 12.10.2010 № 5243/10; аналогичные выводы содержит Постановление ФАС Московского округа от 26.03.2012 по делу № А40-88369/11-89-588 [9].

Нередки случаи, когда в результате совершения недействительной сделки, на стороне приобретателя возникло косвенное обогащение, т.е. из имущества, полученного по недействительной сделке, были извлечены доходы. В этом случае наряду с положениями ст.167 ГК РФ применяются субсидиарно положения гл.60 ГК РФ о неосновательном обогащении т.е. кондиционный иск сопровождается требованием о реституции. Формально, в силу закона, начало течения исковой давности по иску о применении последствий недействительности сделки не совпадает с началом течения срока исковой давности по кондиционным искам, особенно, если принимать во внимание сложный юридический состав возникновения обязательства из неосновательного обогащения. Это влечет такие ситуации, когда исковая давность уже истекла по требованию о применении последствий недействительной сделки, но еще не истекла (а иногда даже и не начала течь) по кондиционному требованию [10].

В этой связи, с целью последующего удовлетворения требований истца о взыскании неосновательного обогащения в суде, истцу по кондиционному иску очень важно определить область действия требований о применении последствий недействительности сделки и требований о возврате неосновательного обогащения, расставив соответствующие приоритеты.

Проанализировав основные позиции, касающиеся соотношения реституционного и кондиционного требований, которые существуют в современной цивилистике, можно отметить, что общим является то, что реституционное требование признается специальным по отношению к иным средствам защиты [11]. Вывод о применении правил о неосновательном обогащении как дополняющих последствия недействительности сделок содержит и судебная практика: Определение ВАС РФ от 22.02.2011 № ВАС-1312/11 по делу №А40-49956/09-64-357 [12].

Таким образом, можно прийти к следующему заключению: хотя исковая давность по реституционным и кондиционным требованиям начинает течь в разное время, это не предоставляет право Истцу, в случае истечения срока исковой давности по требованию о применении последствий недействительности сделки (п.2 ст.167 ГК РФ), обратиться в суд с кондиционным иском. Доходы, извлеченные из имущества, переданного по недействительной сделке, непосредственно привязаны к непосредственному предоставлению по недействительной сделке.

Следующей проблемой, вызывающей на практике неоднозначные выводы судов, является проблема определения потерпевшего лица при неосновательном обогащении.

Первостепенной задачей потенциальных истцов является определение того, являются ли они лицами, обладающими правом предъявления иска о взыскании неосновательного обогащения.

Если лицо, непосредственно пользовавшееся имуществом без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований, не оплачивало стоимость такого пользования другому лицу, представляющемуся уполномоченным на распоряжение данным имуществом, однако не имеющему таких полномочий, последнее лицо не вправе требовать оплаты лицом, непосредственно пользовавшимся имуществом, стоимости пользования имуществом. Отсутствие права на имущество (права распоряжаться) свидетельствует об отсутствии неосновательного уменьшения в его имуществе (неполучение платы за пользование) как необходимого условия для возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения.

На практике у судов не возникает вопросов, когда Истцом-потерпевшим является собственник, чьим имуществом приобретатель пользовался на безвозмездной основе без какой-либо договоренности.

Однако неосновательное обогащение может произойти и за счет имущества, которое не принадлежит на праве собственности потерпевшему, например в случаях хозяйственного ведения.

При таких обстоятельствах суды должны признавать потерпевшим от пользования спорным недвижимым имуществом без правовых оснований - субъекта права хозяйственного ведения.

Подобная ситуация наглядно проиллюстрирована в Обзоре Президиума ФАС Уральского округа практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о неосновательном обогащении от 17.04.2009 [13]:

Администрация муниципального образования на основании договора аренды передала предпринимателю нежилое помещение для использования под торгово- выставочный зал.

Вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по другому делу признано право собственности Российской Федерации и право хозяйственного ведения предприятия на названное помещение.

Предприятие обратилось в арбитражный суд с иском к предпринимателю, продолжавшему пользоваться помещением, о взыскании суммы неосновательного обогащения в виде неосновательно сэкономленной арендной платы.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен, сделан вывод о неосновательном обогащении предпринимателя за счет предприятия в связи с тем, что ответчик без законных на то оснований использовал принадлежащее истцу помещение. Судом учтено, что доказательств уплаты предпринимателем денежных средств администрации за пользование помещением не представлено.

Арбитражный апелляционный суд решение суда первой инстанции отменил, в удовлетворении иска отказал, посчитав, что право обращения с исковым заявлением о взыскании неосновательного обогащения имеет Российская Федерация в лице уполномоченных органов федеральной власти в сфере управления федеральным имуществом.

Суд кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции, исходя из следующего.

В силу ст. 294, 295 Гражданского кодекса предприятие вправе с согласия собственника сдавать принадлежащее ему на праве хозяйственного ведения недвижимое имущество в аренду, а собственник имущества, в свою очередь, имеет право на получение части прибыли от использования имущества, находящегося в хозяйственном ведении предприятия.

Согласно п. 2 ст. 17 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» государственное предприятие ежегодно перечисляет в соответствующий бюджет часть прибыли, остающейся в его распоряжении после уплаты налогов и иных обязательных платежей, в порядке, размерах и в сроки, определяемые Правительством Российской Федерации, уполномоченными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Таким образом, получателем дохода от использования имущества, переданного в хозяйственное ведение, является не его собственник, а субъект права хозяйственного ведения. Соответственно, потерпевшим от пользования спорным недвижимым имуществом без правовых оснований является предприятие.

Все чаще судебной практикой подтверждается то, что иск о взыскании неосновательного обогащения может быть заявлен любым лицом, за счет которого произошло обогащение, а не только собственником.

Например, ОАО в адрес райтопа (ответчик) направлены пять вагонов с углем. Собственником угля являлось ОАО. В то же время данный товар ОАО отгружало во исполнение своих обязательств перед истцом по указанию последнего. При отсутствии у ответчика правовых оснований для получения за счет истца данной партии угля, со стороны первого имеет место неосновательное обогащение. Кассационный суд признал не соответствующими содержанию статьи 1102 ГК РФ выводы суда о том, что иск о взыскании неосновательного обогащения может быть заявлен только собственником имущества. В данном случае даже при отсутствии факта предварительной оплаты угля истцом, последний несет соответствующие обязанности перед отправителем - ОАО, т.е. неосновательное обогащение получателя продукции произошло за счет истца [14].

Федеральным арбитражным судом Северо-Западного округа в постановлении от 26.04.2000 по делу N А56-1122/00 также сделан вывод, что, как следует из буквального толкования пункта 1 статьи 1102 ГК РФ, потерпевшим признается собственник имущества либо лицо, хотя и не являющееся собственником, но владеющее имуществом на праве пожизненного наследуемого владения, хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию, предусмотренному законом или договором [15].

Следовательно, право на взыскание неосновательного обогащения принадлежит лицу, за счет которого произошло обогащение (уполномоченному им лицу или органу). Вместе с тем иск о взыскании неосновательного обогащения может быть заявлен любым лицом, за счет которого произошло обогащение, а не только собственником.

Таким образом, рассмотрев вышеуказанные проблемы, связанные с рассмотрением кондикционных исков, можно сделать следующие выводы:

1) Не смотря на специфику обязательств вследствие неосновательного обогащения течение срока исковой давности осуществляется по общему правилу;

2) Истечение срока исковой давности в отношении требований о применении последствий недействительности сделки исключает возможность удовлетворения требований Истца по кондикционному иску, не смотря на то, что исковой давности по взысканию неосновательному обогащению не истек;

3) Иск о взыскании неосновательного обогащения может быть заявлен любым лицом, за счет которого произошло обогащение, а не только собственником.

Библиографические ссылки:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994г. №51-ФЗ: по сост. на 06 апреля 2015г. // Собрание законодательства Российской Федерации.-1994.-№32.- Ст.3301;
- [2] Неосновательное обогащение в гражданском праве/ Д.В.Новак.- М.: Статут, 2010. 416 с.;
- [3] Начало течения исковой давности по иску из неосновательного обогащения./Сергеев А.П., Терещенко Т.А. // Закон.-2012. -№7;
- [4] Определениях ВАС РФ от 28.04.2009 по делам N 5033/09, 5034/09 по делам N А45-6966/2008-35/161, А45-6967/2008-35/162 // СПС “Консультант Плюс”;
- [5] Постановление Президиума ВАС РФ от 23.11.2010 №9657/10// СПС “Консультант Плюс”;
- [6] Постановление ФАС Центрального округа от 04.02.2011 по делу №А68-13999/09// СПС “Консультант Плюс”;
- [7] Постановление ФАС Уральского округа от 14.11.2011 по делу №Ф-09-7007/11// СПС “Консультант Плюс”;
- [8] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 N 49 "Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении»// Вестник ВАС РФ.2000.№ 3;
- [9] Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 28.12.2009г. по делу №А32-7122/2009; Постановление ФАС Московского округа от 26.03.2012 по делу № А40-88369/11-89-588 // СПС “Консультант Плюс”;
- [10] Начало течения исковой давности по иску из неосновательного обогащения./Сергеев А.П., Терещенко Т.А. // Закон. - 2012. - №7./ [Электронный ресурс].Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/b3281.html> (дата обращения: 09.04.2015);
- [11] Гражданское право: Общая и Особенные части: учебник / В.А. Белов.- М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. 960 с.;
- [12] Определение ВАС РФ от 22.02.2011 № ВАС-1312/11 по делу №А40-49956/09-64-357 // СПС “Консультант Плюс”;
- [13] Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о неосновательном обогащении (одобрено Президиумом ФАС Уральского округа, Протокол №5 от 17.04.2009)/ [Электронный ресурс].Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/fed/iw2010-09-09.html> (дата обращения: 10.04.2015г.);
- [14] Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13.11.2001 N Ф08-3724/ 01 по делу N А32-1689/01-26/48// СПС “Консультант Плюс”;
- [15] Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26.04.2000 по делу N

АО НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ОТ СУДЕБНОЙ ОШИБКИ

**В.С. Киселёв,
аспирант ИГиП ТюмГУ
kiselev@standart72.ru**

**Научный руководитель:
Н.М. Добрынин,
профессор кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук**

Право на судебную защиту - одно из фундаментальных конституционных прав человека и гражданина. В отличие от других прав оно является гарантией всех иных прав и свобод человека и гражданина. Судебная защита - одно из основных условий правовой защищенности индивида, ценность которой заключается не только в предоставлении ему широкого спектра прав и свобод, но и в наличии возможности их эффективной правовой защиты [3; 120].

Судебная защита предполагает несколько составных частей, где получение решения суда первой инстанции - лишь один из элементов системы. В научной литературе различных лет принято выделять такие составные части судебной защиты, как получение решения и его исполнение. Так например, Н.А. Чечина верно утверждает о том, что право на судебную защиту включает в себя комплекс правомочий: право на обращение к суду (возбуждение дела), на объективное и справедливое отношение суда, на вынесение законного и обоснованного решения, на исполнение судебного решения [8; 45].

Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что право на судебную защиту является личным неотчуждаемым правом каждого человека. Судебная защита посредством законного, независимого и беспристрастного суда означает, что рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным составом суда. Подсудность должна устанавливаться законом и не может меняться произвольно. Усилиями конституционного судопроизводства расширены границы пересмотра дел, в том числе при наличии судебной ошибки и по вновь открывшимся обстоятельствам.

Основная цель правосудия в Российской Федерации непосредственно закреплена в Конституции (ст. 18) и состоит в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, однако отраслевыми процессуальными нормами она конкретизируется а так же дополняется другими целевыми установками. В совокупности они выражают объективно существующие общественные потребности и интересы в наиболее эффективной судебной процедуре и определяют общую направленность деятельности суда и других субъектов судопроизводства при рассмотрении и разрешении дел как на отдельных этапах судебного процесса, так и в целом [1; 20].

В общей теории механизм судебной защиты включает в себя следующие компоненты:

- возможность обращения в суд
- рассмотрение дела судом первой инстанции с вынесением судебного акта, разрешающего спор по существу;
- устранение судебной ошибки вышестоящим судом;
- исполнение судебного акта.

Можно ли сказать, что «осуществлено правосудие» в момент, когда выносится окончательный судебный акт по делу, разрешающий спор по существу?

На наш взгляд, это не является достаточным, поскольку имеется вероятность вынесения судебного акта (и вступления его в законную силу) с ошибочным толкованием фактических обстоятельств, норм как материального, так и процессуального права.

При таких обстоятельствах государство должно гарантировать сторонам заинтересованным лицам устранение возможной судебной ошибки, а так же реальную возможность исполнения судебного акта. Без вышеуказанных частей, функционирующих в совокупности, защита не будет полной.

В связи с чем, считаем необходимым согласиться с позицией Маняк Н.И., согласно которой право на судебную защиту включает в себя права не только на доступ в суд первой инстанции и на справедливое судебное разбирательство, но и на проверку судебного акта в суде второй инстанции.

Совершенно верно заявляет А.В. Цихоцкий о том что, законодатель учредил суды более высоких уровней, потому что допускает вероятность вынесения незаконных и необоснованных решений [7; 205].

Попытаемся рассмотреть один из компонентов судебной защиты - право на исправление судебной ошибки вышестоящей инстанцией. Ошибки происходят в любых сферах нашей жизни. Полностью безошибочной деятельности (в том числе и судебной) быть не может. Однако, это не означает, что судебные ошибки нужно воспринимать как данность. Нельзя согласиться с теми авторами, которые признание неизбежности судебных ошибок приравнивают к отказу от борьбы с ними: "Если рассматривать судебные ошибки как неизбежную закономерность, то борьба с ними должна потерять смысл и надо просто смириться с их наличием" [4; 45].

Напротив, Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях неоднократно высказывал мнение о том, что право на судебную защиту предполагает охрану прав и интересов граждан еще и от ошибочных решений. При отсутствии возможности исправления судебной ошибки решение не может быть признано справедливым и правосудным [10]. Эффективной гарантией защиты является сама возможность пересмотра дела вышестоящим судом, которая в тех или иных формах должна быть обеспечена государством [11]. Исходя из вышеназванного, достаточно остро встает вопрос о форме выражения такого компонента судебной защиты, как устранение судебной ошибки.

Нельзя не согласиться с Тереховой Л.А. которая отмечает что, судебная ошибка констатируется в качестве таковой уполномоченным субъектом [5; 77]. Это означает, что в судебных инстанциях, осуществляющих проверку судебных актов, необходимо установить наличие или отсутствие судебной ошибки. Поскольку один из признаков судебной ошибки - ее предполагаемый характер, то в суде, осуществляющем пересмотр судебного акта, необходимо определить, действительно ли указанное в жалобе нарушение является судебной ошибкой. Иными словами, судебную ошибку, ее наличие необходимо доказать.

Предмет доказывания служит основным, а, следовательно, и исходным элементом доказывания. М.К. Треушников этот этап доказывания называет утверждением о фактах, где основная роль отводится заинтересованным лицам; суд же играет роль только восполнительную [6; 49]. Необходимо отметить, что при доказывании судебной ошибки предметом доказывания будет являться не только факты, о которых утверждают стороны. Если для суда первой инстанции можно признать его роль в формировании предмета доказывания как вспомогательную, то для контролирующих судов особенностью является усиление роли суда. Предмет доказывания при выявлении судебной ошибки будет сформирован с учетом цели деятельности контролирующего суда, и не исключено, что в направлении, противоположном указанному подателем жалобы. Ведь у суда двойная задача: проверить доводы, содержащиеся в жалобе, и, кроме того, проверить наличие судебной ошибки, на которую стороны не указывают.

Предмет доказывания в контролирующих судах складывается из трех составляющих: факты, указанные в доводах жалобы (жалоб может быть несколько); факты, указанные в возражениях на жалобу; факты, необходимость установления которых определена судом.

Рассмотрим же судебную ошибку с другой стороны, не как ошибку суда, вынесшего решение, а как ошибку, допущенную по независящим от суда обстоятельствам. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах от шестнадцатого декабря 1966 года "О гражданских и политических правах", исходя из материального содержания правосудия и приоритета в нем прав человека, подчеркивает, что цель исправления судебных ошибок служит основанием для пересмотра окончательных решений судов, "если какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки" (пункт 6 статьи 14).

Так или иначе, не имеет значение наличие либо отсутствие вины судьи вынесшего ошибочный судебный акт, судебная ошибка констатируется таковой в независимо от наличия данных обстоятельств.

Кроме этого, следует учитывать, что на момент вынесения судом решения презюмируется отсутствие судебной ошибки, и появление впоследствии обстоятельств, способных изменить восприятие фактических обстоятельств дела и содержания правоотношений, установленных решением суда.

Сам институт пересмотра судебных актов по указанным основаниям предполагает, что такой пересмотр производится в случаях безвиновного вынесения неправильного решения. Предполагается, что судья вынес бы иное решение или его выводы были бы иными, если бы о таких обстоятельствах ему было известно в момент рассмотрения дела. Именно на таком толковании оснований для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам настаивают и высшие судебные инстанции [5; 79]. Поэтому применение п. 7 ст. 311 АПК РФ предполагает определить, какое именно обстоятельство в данном случае является новым или вновь открывшимся.

Закономерен вопрос: как отличать новые обстоятельства от вновь открывшихся? И.М. Зайцев полагал, что главное отличие связано со временем, когда возникают новые и вновь открывшиеся обстоятельства [2, 138]. В подтверждение правильности данного довода, стоит упомянуть от том, что пересмотреть дело по вновь открывшимся обстоятельствам возможно, если будет доказано что такие обстоятельства

существовали в момент рассмотрения дела, но не могли быть известны сторонам. Те, что возникли после, ни при каких условиях не могли быть учтены судьями.

Отличие вновь открывшихся обстоятельств от новых можно производить и по иному важному признаку. Новые обстоятельства не ставят под вопрос обоснованность ранее вынесенного судебного акта. Вновь открывшиеся обстоятельства, напротив, говорят о наличии имеющих значение для разрешения дела по существу фактов, не учтенных судом при вынесении решения. Последнее констатирует о том, что произошла судебная ошибка, которую необходимо устранять.

При пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам судья фактически продолжает работать с тем же сформированным делом куда включены как исковые требования, так доказательства, которые были предметом рассмотрения в суде первой инстанции. Появление же новых обстоятельств, изменяет фактические обстоятельства, имеющие значения для установления истинны в ходе процессуального производства. В то время как, новое требование означает необходимость предъявления нового иска. При этом В.М. Шерстюк отмечал необходимость различать вновь открывшиеся обстоятельства от новых, возникших после рассмотрения дела и вынесения судебного акта, а также от изменившихся обстоятельств, т.е. от обстоятельств, которые были положены в основу судебного акта, но впоследствии изменились. "Как возникновение новых, так и изменение существенных для дела обстоятельств может послужить основанием для предъявления нового иска, но не для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам" [9; 168].

В заключение отметим, что из совокупности ряда статей Конституции РФ (ст. 2; ч. 4 ст. 15; ч. 1, 2 ст. 17; ст. 18; ч. 1 ст. 21; ч. 1 ст. 45; ст. 46; ст. 55; ч. 3 ст. 56), норм действующего процессуального законодательства (АПК РФ, ГПК РФ) следует, что ошибочное судебное решение не может считаться правосудным и государство обязано гарантировать защиту прав и свобод человека и гражданина от судебной ошибки. Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт умаляет и ограничивает право каждого на судебную защиту, что является недопустимым. Таким образом, сделаем вывод, что наиболее действенными способами устранения судебной ошибки в РФ являются: обжалование итогового судебного акта в суде вышестоящей инстанции (в том числе в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях), пересмотр судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Библиографический список

1. Жилин Г.А. Обжалование судебных актов как средство обеспечения эффективности гражданского судопроизводства // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 5. С. 16 - 25.
2. Зайцев И.М. Гражданско-правовые эффекты новых обстоятельств // Правоведение. 1997. № 4. С. 138.
3. Маняк Н.И. Проверка судебного акта в суде второй инстанции - гарантия права на судебную защиту и ее неотъемлемая часть // Закон. 2013. № 11. С. 119 - 129.
4. Разинкова М.Н. Судебная ошибка и возможные причины ее появления в арбитражном решении по конкретному делу // Науч. тр. Рос. акад. юрид. наук. Вып. 4. Т. 2. С. 45.
5. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: Волтерс Клувер, 2007. 320 с.
6. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005. С. 44 - 56.
7. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. С. 205.
8. Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л., 1987. С. 45.
9. Шерстюк В.М. Комментарий к постановлениям Пленума ВАС РФ по вопросам арбитражного процессуального права. С. 168.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2001 г. № 17-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 208 ГПК РСФСР.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.1999 г. № 9-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 266 и п. 3 ч. 1 ст. 267 КоАП РСФСР.

ДИСКРИМИНАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ОПЛАТЕ ТРУДА

Д.А. Криворот,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
krivorotd@gmail.com
Научный руководитель:
И.П. Чикирева,
доцент кафедры трудового права и
предпринимательства ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

По величине общего неравенства в оплате труда Российская Федерация занимает одно из первых мест в мире. Сегодня существует большой разрыв в заработках между мужчинами и женщинами, бюджетным и небюджетным сектором, между отдельными регионами, между работниками с различными типами трудовых контрактов. При этом в ряде случаев куда менее заметными оказываются различия в зарплатах более опытных, образованных и квалифицированных работников и работников, не обладающих подобными знаниями и навыками.

В настоящее время значительные и порою необоснованные различия в оплате труда существуют также между отраслями в рамках одного сектора и даже между работниками одного работодателя. Сегодня действия работодателя в сфере оплаты труда, носящие дискриминационный характер, стали типичным явлением. Работники, занимающие одинаковые должности в одной и той же компании, вправе рассчитывать на одинаковое вознаграждение. Однако работодатели не всегда оценивают их труд как равный, выражая свое отношение к ним в установлении разной оплаты труда. Это ведет к нарушению стимулирующей функции заработной платы и общему понижению солидарности между работниками.

Однако не всегда установление разных заработных плат является проявлением дискриминации. В некоторых случаях имеет место социально обусловленная и неизбежная дифференциация доходов. И между данными противоположными по значению понятиями сегодня фактически зажаты работник и работодатель, баланс интересов которых необходимо соблюсти. Поэтому следует провести грань между дискриминацией и дифференциацией.

Согласно социологическим опросам более 53% россиян считают неприемлемой разницу в оплате труда [5; 22-23]. Согласно ст. 391 ТК РФ при возникновении спора о дискриминации, он подлежит рассмотрению в суде. И поэтому споры по обвинению работодателя в дискриминации являются частым явлением, которое пагубно сказывается на престиже организации и не всегда приводит к положительному исходу для самого работника.

Дифференциация доходов – это различия в уровне доходов на душу населения или заработной платы на одного занятого. Данное явление является легальным и социально обусловленным.

Исследователи предлагают разделить все факторы, формирующие доходы населения на три уровня [4; 407-409]. Первый уровень – это факторы, зависящие от самого человека и его трудового потенциала. Второй уровень – факторы, связанные с местом работы (предприятием, его организационно-правовой формой, положением на финансовом рынке и пр.) Третий уровень – факторы связанные с экономикой региона и страны. Все три группы факторов указывают на зависимость доходов от отношения работника к труду и его заслуг, а также от эффективности экономики в целом. Также к числу важнейших дифференцирующих факторов можно отнести: отраслевую принадлежность предприятий, регион проживания работников и их профессиональный статус.

В то же время различия в оплате труда в связи с образованием, возрастом и трудовым стажем является практически незаметным, а значительным является ряд факторов, которые не учитываются многими исследователями и которые являются дискриминационными.

Принцип равенства прав и возможностей работников является проявлением в трудовом праве общеправового принципа равноправия. С принципом равенства тесно связан принцип запрещения дискриминации с сфере труда.

Дискриминация – это ограничение трудовых прав и свобод на основе свойств личности и общественных признаков, которые не имеют прямого отношения к трудовой деятельности работника. Дискриминация может быть нормативной (в случаях, когда нормативные акты фактически содержат в себе условия оплаты труда, не связанные с деловыми качествами работников) и правоприменительной (в случаях,

когда в локальных актах работодателя устанавливаются различия в оплате труда работников без учета их деловых качеств).

Примером нормативной дискриминации может служить положение «Единых рекомендаций по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2015 год» (ч.3. п.5), согласно которому предельное соотношение средней заработной платы руководителей и работников учреждения рекомендуется определять в кратности от 1 до 8. Таким образом, в нормативном акте содержится положение, позволяющее до 8 раз увеличить заработную плату руководителя по сравнению со средней оплатой труда работников организации. Представляется, что результаты труда руководителя не могут в 8 раз превышать результаты труда работников, в связи с этим многие исследователи усматривают в указанном положении нормативную дискриминацию властного характера.

В связи с тем, что нормотворчество является публичной деятельностью, данная дискриминация является нечастым явлением и в большинстве случаев носит скрытый характер. Наиболее явным и распространенным видом дискриминации является дискриминация правоприменительная.

Общие нормы о запрете дискриминации содержатся в Конституции РФ (ч. 1 и 2, ст. 19), Конвенции МОТ №111, а также в ст. 2 и 3 Трудового Кодекса РФ. Согласно ст. 3 ТК РФ никому не могут быть отданы предпочтения, не связанные с деловыми качествами работника. В ст. 22 ТК РФ содержится обязанность работодателя обеспечивать работникам равную оплату за труд равной ценности. Следовательно, вознаграждение каждого работника должно быть индивидуальным, не нарушающим права других работников, выполняющих такую же работу. Однако в реальности довольно непросто произвести градацию ценности деловых качеств работника.

Анализ ст. 129 ТК РФ позволяет выделить следующие факторы, от которых зависит размер оплаты за труд: квалификация работника, сложность выполняемой работы, конкретные результаты труда и условия работы. Если отбросить переменные показатели, которые могут меняться ежемесячно, то получается, что постоянная основная часть заработной платы будет определяться с учетом двух факторов: квалификации сотрудника и сложности выполняемой работы.

В данном контексте интерес представляет позиция Роструда, изложенная в письме от 27.04.2011, согласно которой по одноименным должностям размеры окладов следует устанавливать одинаковые. Между тем, в письме также содержится уточнение о том, что «надтарифная часть» заработной платы может быть различной в зависимости от квалификации, сложности работы, количества и качества труда. Стоит учитывать, что письмо не является нормативным актом и носит сугубо рекомендательный характер, однако его положения широко применяются судами при разрешении споров.

Что делать работодателю в данной ситуации? Как не перейти грань между дифференциацией и дискриминацией? Рассмотрим возможные варианты обоснования разницы в заработной плате работников одной должности, предложенные в научной литературе и подкрепленные судебной практикой.

Первый вариант, который применяется во многих современных компаниях – это система позиционных уровней, классов, грейдов и пр. В рамках одной системы оплаты труда сотрудники классифицируются по своим деловым качествам (путем присвоения классов, оценок, проведения аттестации). В рамках системы работники будут иметь одинаковые должности и квалификацию, выполнять одни и те же обязанности, но из-за различающихся деловых качеств будут иметь разные оклады и надбавки к ним. Данная система является достаточно трудоемкой и затратной, так как для ее применения необходим тщательный анализ и сравнение деловых качеств работников. Поэтому она используется преимущественно в крупных компаниях. Так как чем крупнее компания, тем она публичнее, и тем меньше ей нужны громкие судебные процессы.

В качестве примера применения позиционной системы можно привести Определение Иркутского областного суда от 24.07.2012 по делу № 33-5975/12¹. В определении было отказано в исковых требованиях истцу, который считал дискриминацией установление ему более низкой надбавки и более низкого базового оклада, чем коллегам, состоящим в такой же должности. Суд мотивировал решение тем, что работнику по итогам аттестации был присвоен более низкий рейтинг, а следовательно установление различных окладов обусловлено деловыми качествами работников.

Второй способ: для установления различных окладов сотрудникам в одной должности необходимо, чтобы в должностной инструкции и (или) трудовом договоре был четко прописан круг их обязанностей, который различается по объему и сложности. Пример из судебной практики – Определение Пензенского областного суда от 17.07.2012 № 33-1679². Согласно материалам дела истец, состоящий в должности юриста-консультанта, получал оклад меньше, чем двое его коллег, состоявшие в аналогичных должностях. Суд отказал в иске, так как, исследовав должностные инструкции, пришел к выводу, что у коллег истца обязанности были более сложными и требовали специфических знаний в различных отраслях права.

Схожая ситуация рассмотрена в Определении Красноярского краевого суда от 22.07.2013 по делу №33-6699³. В удовлетворении требования также было отказано, поскольку, несмотря на то, что работники замещали должности с одинаковыми наименованиями, круг их должностных обязанностей отличается, включает дополнительные ответственность и объем работы по сравнению с истцом.

Третий (и наиболее простой) вариант предполагает, что работникам одной должности с одинаковыми обязанностями установлен одинаковый оклад, но дифференцирующие надбавки по определенным критериям. В качестве примера можно привести Определение Московского городского суда от 16.05.2012 №11-5036/2012, в котором истцу было отказано в иске о дискриминации, в связи с тем, что разница в заработной плате по одной должности объяснялась надбавкой за стаж работы, предусмотренной штатным расписанием⁴.

Еще один способ обоснования разницы в заработной плате работников одной должности – это «вилки окладов». В положении об оплате труда указывается не конкретный оклад для конкретной должности, а дифференциация «От и до». Так Московский городской суд в Определении от 28.01.2014 по делу №33-5568/2014 не удовлетворил требование истца об увеличении заработной платы, сославшись на то, что в организации действует схема должностных окладов, учитывающая квалификацию, качество труда и финансовых возможностей структурных подразделений организации⁵.

Ярославский областной суд в определении от 26.03.2012 по делу №33-1461 отказал в удовлетворении требования об увеличении размера оклада истцу, приняв во внимание, что действующем в организации положением об оплате труда предусмотрена «вилка» в размере 10%, позволяющая учитывать уровень квалификации работника при назначении ему заработной платы⁶.

Последний способ избежать дискриминации – это включение в штатное расписание как можно большее количество названий должностей (например, с уточнением участка работы, либо с указанием категории должности). Работодатель фактически придумывает новые должности, чтобы установить разные оклады людям, выполняющим сходные или идентичные трудовые обязанности. И такой вариант не является незаконным и, более того, полностью соответствует позиции Роструда. В результате чего равенство труда определяется исключительно по названию должности.

Существует множество судебных решений, которыми разница в окладах по одной должности признавалась незаконной. Однако в последние годы судебная практика изменилась. Суды в данном вопросе настроены достаточно лояльно по отношению к работодателю. Вынося решения по данной категории дел, суды указывают, что установление различных окладов работникам, занимающим одинаковые должности, но при этом имеющим разную квалификацию и выполняющим разный объем работы, не является дискриминацией. Компании, которые находят способы грамотно и справедливо обосновать разницу в заработных платах, в судебном процессе имеют высокий шанс на успех в случае исков работников по обвинению в дискриминации.

Для того, чтобы искоренить дискриминацию внутри организации необходимо вводить максимально прозрачную систему оплаты труда, а также учитывать такие факторы, как возраст и опыт работника, его личные и профессионально-квалификационные качества. Работодателя нельзя будет обвинить в дискриминации, если он откажется от использования типовых должностных инструкций и будет подробно прописывать трудовые обязанности в трудовом договоре. Чтобы избежать исков по обвинению в дискриминации, руководителю имеет смысл проводить разъяснительную работу с сотрудниками. А минимизация явления дискриминации на отраслевом, муниципальном, региональном и общегосударственном уровнях будет возможна только при условии совершенствования трудового законодательства и устранения пробелов, связанных с узким толкованием понятий равенства и дискриминации.

Список литературы

1. Вишневецкая И. «Неравные зарплаты»: дискриминация или право работодателя? // Трудовое право. 2014. №9. с. 13-23
2. Воробьева Е.В. Вилки окладов вне закона? // Справочник кадровика. 2015. №3. с. 47-55
3. Заработная плата / В.Ю.Никитин. – (13 изд., перераб. и доп.). – М.: ИД «Гросс-Медиа»: РОСБУХ, 2012. – 280 с.
4. Заработная плата в России: Эволюция и дифференциация: Монография / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И.Каелюшниковой – Высшая школа экономики. – 2-е изд. – М.: Изд. Дом. ГУ ВШЭ, 2008. – 575 с.
5. Миронов В.И. Дискриминация в оплате труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. №1. с. 22-27
6. Москалева О. Неравная оплата труда: всегда ли она является дискриминацией? // Трудовое право. 2014. №11. с. 31-42
7. Саурин С.А. Справедливая оплата труда в условиях рыночной экономики // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. №1. с. 28-30

8. Трудовое право: в 2 т. Т.1: Учебник для академического бакалавриата / отв.ред. Ю.П.Орловский; ред.-сост. Е.С.Герасимова. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 302 с.

9. Экономика труда. Теория и практика: учебник для бакалавров / И.М.Алиев, Н.А.Горелов, Л.О.Ильина. – М. – Издательство Юрайт, 2014. – 670 с.

Судебная практика

¹<http://base.garant.ru/50280910/>

²<http://base.garant.ru/17460903/>

³<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=1156704>

⁴<http://base.garant.ru/57835001/>

⁵<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MARB;n=652934>

⁶<https://rospravosudie.com/court-yaroslavskij-oblastnoj-sud-yaroslavskaya-oblast-s/act-414360223/>

DEPENDENTS IN SOCIAL SECURITY SYSTEMS OF GREAT BRITAIN,CANADA, AUSTRALIA AND RUSSIA

Е.В. Кузнецова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»

Larka678@yandex.ru

Научный руководитель:

С.С. Рачева ,

доцент кафедры

иностранных языков и межкультурной
профессиональной коммуникации

экономико-правовых направлений ИГиП ТюмГУ,

кандидат педагогических наук, доцент

Abstract

The article is devoted to the complex research of the most urgent issues concerning dependents in social security systems of such countries as Great Britain, Canada, Australia and Russia. Special attention is paid to the most vulnerable social groups, which are in need of special allowances and social benefits to make ends meet, and include housewives, widows and children. Our first priority is to find out the way the government interacts with the society and to distinguish this type of influence in social security systems of Great Britain, Canada, Australia and Russia. The main content of the research is the analysis of the state legislative systems of the above mentioned countries, in order to determine some lacunas as well as perspectives on social security rights implementation for the dependents, based on the comparative statistic data. With this in mind, an attempt to disclose the main causes of imperfection in the benefit and tax systems of the indicated countries is also undertaken in the article. Due to the constant changes in the social, economic and political life, millions of people become currently government's dependents. That explains the crucial nature of the topic and the necessity of its further investigation.

Key words: dependents in social security systems, vulnerable social groups, government's provisions, payment of cash benefits, social allowances, prenuptial agreement, governmental support, divorce rates, security systems guarantees.

1. Introduction

Social security programs all over the world are designed to guarantee a minimum standard of living and to protect citizens from certain types of social and economic risk. The concept is enshrined in Article 22 of the Universal Declaration of Human Rights, which states that “everyone, as a member of society, has the right to social security and is entitled to realization, through national effort and international co-operation and in accordance with the organization and resources of each State, of the economic, social and cultural rights indispensable for his dignity and the free development of his personality” [5]. As the global interaction of all members in the society becomes closer and stiffer, not only a person but social groups appear to be involved in a never-ending range of problems, which are closely connected with a huge decrease in their economic well-being, lack of funds to maintain their health and constantly worsening psychological troubles.

Nowadays, as government's social provisions become more common worldwide, protection of a family as a basic unit of any society is generally accepted as a desirable objective in the payment of cash benefits. It is sig-

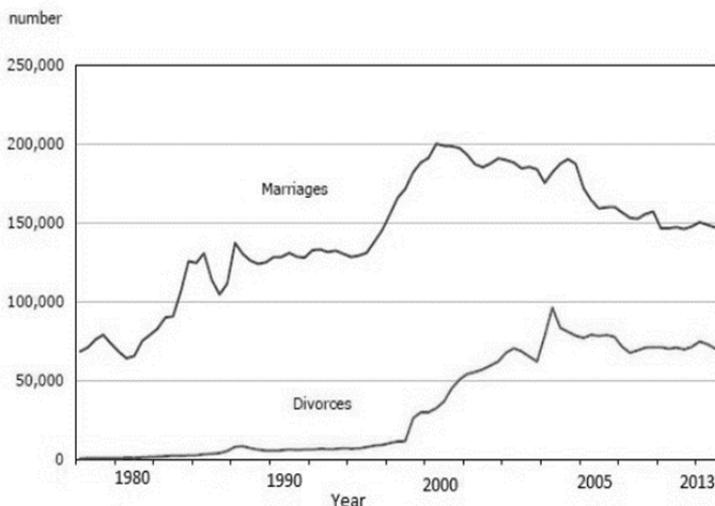
nificant to forecast that when family income interrupts for some reason, there will be a constant need for all family members to receive allowances from the state and become its dependents, except male workers who are highly demanded on the labor market of all countries, therefore, we can hardly imagine them to be permanent government's dependents.

For the purpose of the article, we find it necessary to define the term “dependent”. Legal Terms Dictionary determines “dependent” as a “person who is unable to care for or support himself and looks for such care from another” [2]. We consider housewives, widows and children to be the social ranks determined as the most vulnerable and to be more likely to become dependents, as it is easier for them to lose constant income and to fall below the poverty line.

State bodies took interest in this issue several years ago when it was obvious that there should be a well-organized system of social allowances, which would support everyone, who could rely only on the government's budget to scratch a living. For instance, in Great Britain the Liberal government of Henry Campbell-Bannerman and David Lloyd George introduced the National Insurance system in 1911; between the 1930's and 1960's Canada's government policy saw the emergence of a welfare state, similar to many Western European countries. Most programs from that era are still in use, although many were scaled back during the 1990s as government priorities shifted towards reducing debt and deficit. It means that social security systems all over the world are still developing and have a lot to be improved. No one would deny that it is utterly necessary to analyze other countries' experience in legal regulation of social security protection for the most vulnerable social groups and to come up with some suggestions in order to improve the whole system.

2. Housewife's provision in Great Britain, Canada, Australia and the Russian Federation

To look at the matter of supporting the most defenseless dependents, we should saturate ourselves on housewife's provision in Great Britain, Canada, Australia and the Russian Federation. It is common knowledge that housewife is a woman who does not have a job outside the home and who spends all the hours cleaning the house, cooking, looking after the family. When we analyze family routine, it is easy to point out that prosperous businessmen do not consider their wives to be working hard for the family budget, doing vital unpaid work in the home, without which these men of fortune could not do their paid work and the nation could not continue. In fact, being a housewife is a skilled full-time job with a mind-boggling job description.



Graph 1

Apart from being underestimated, housewives are usually treated unfairly during and after the divorce process. Due to the fact that the number of divorces in the world is steadily increasing, housewives form one of the most vulnerable social groups in the social security system. The divorce statistics in Canada, which indicates a huge increase in divorces since 1990's (Graph 1) is quite convincing to prove the statement. The graph shows dramatic changes in the number of marriages and divorces in Canada, which occurred in 2000's. Overall, it indicates that the trend is likely to continue and if the divorcing husbands do not share the responsibility of supporting their ex-wives, the state should assume this function.

There are several ways to maintain housewife's on the adequate standard of living. They can be protected indirectly through the prenuptial agreement, which is a contract, entered into force prior to the marriage, civil union prior to the main agreement by the people intending to marry, which commonly includes provisions for division of property and spousal support in case of divorce or breakup of the marriage. Undoubtedly, “prenupts” provide housewives with the confidence of having a part of property to survive after divorce. Government offers such option for the couples as a preventive measure in order to decrease divorce rates and poverty of women. Addition-

al methods should include family tax benefits and birth allowances, to support simultaneously a child and a single mother letting the dream of declared equality of rights in developed countries and unemployment benefits come true.

Consideration of measures to guarantee financial support of an ex-wife is worth proving by true-to-life facts in a certain divorce case. In a matrimonial case of Garik Harlamov & Julia Leshenko Julia exercised her right to a marriage contract. The prenuptial agreement guaranteed her a quarter of the ex-husband's property, half of the sold furniture price, half of her ex-husband bank account and his exclusive-class car after their marriage break-up.

Comparative analysis of statistic data on financial provision of housewives in case of divorce in Great Britain, Canada, Australia and even the Russian Federation proves that housewives are governmentally protected though other dependents, such as children and unemployed, suffer. The shortage of the direct laws aimed at regulation of legal dissonance in this problem area should be overcome.

3. Widow's maintenance in Great Britain, Canada, Australia and Russia

Another issue that is worth considering is the social maintenance of widows. The problem of widowhood is universal but its severity varies from country to country depending on the historical background, for example, Canada and Australia have never experienced destructive wars in their recent history, as a result, the point is not that vital as in contrast in Russia. Apparently, Russia is still suffering the consequences of the Second World War and other wars, which destroyed the happiness of thousands of families. Widows in Great Britain, Canada, Australia and Russia in their challenging times rely mostly on the government support, as there is rarely somebody else to help them and they are usually in despair. The state legislative systems of four chosen countries help us to estimate whether widows are governmentally protected or not. (Table 1)

	Russia	Australia	Canada	United Kingdom
Widow's pension (age)	55 and more	60 and more	60 to 64	no
Size of allowance in 2014	social benefits	\$492.60 every 2 weeks (51 168 rubles per month)	\$1,171.48 per month (60 892 rubles)	£111.20 a week (32 856 rubles per month)
Widowed parent's allowance (for each dependent)	other social benefits	\$320 (16640 rubles per month)	no	£111.20 a week (32 856 rubles per month)

Table 1

The table demonstrates three main criteria data concerning Russia, Australia, Canada and the United Kingdom. At the determined pension age widows are supposed to receive legally established allowances (around 1000 \$ in Australia; 1170 \$ in Canada and 450£ in the UK) or social benefits (in Russia), which serve as reasonable basis for having all the essentials, drastically necessary in everyday matters. Having considered the statistics, we can conclude that laws and provisions of Russian legislation are not up to the international standards, as there are no allowances for widows, who are in need for money from the state due to the loss of their breadwinners. Undoubtedly, government should make new laws aimed at improving widow's social rank. Definitely, money cannot replace dead person but can provide better living for those in need. Moreover, government should provide widows with psychological support, as losing someone through death is always difficult. Support groups, with a qualified facilitator can sometimes help the bereaved get through their pain and grief.

4. Financial protection of children in Great Britain, Canada, Australia and the Russian Federation

Particular attention in the article is paid to the future of any nation – children. There is no need in disputing that every child should be safe and happy. Sadly, not every child is. Shockingly, some children are at risk of harm from the very people they should be able to rely on for love and care. Government has the responsibility to protect this vulnerable social group.

Child's welfare is a key issue in most countries government policies. The inability to regulate this problem properly may lead to disastrous consequences like demographic crisis and dramatic declines in country's economic health. As a result, many children become runaways and prefer living in the streets rather than enduring life in poverty-stricken families. Often they get arrested for petty crimes and are brought over to children's home by the police. The most vulnerable ranks are children without parents, disabled children, children under certain age with low family income and children in large families.

Russia, Canada, Australia and Great Britain have a comprehensive child welfare system under which local authorities have duties and responsibilities towards children in need in their area. This covers provision of advice and services, accommodation and care of children who become uncared for, and also the capacity to initiate proceedings of deprivation of paternal rights.

An important implication of nowadays statistics is that the amount of benefits in our country is to a degree lower in comparison with the international standards (around 111\$ in Australia, 123\$ in Canada and in the UK). Strong child protection as a part of a social welfare protection system needs some changes connected with enduring new government structures in order to delineate full powers at the regional and federal levels. Government should be highly interested in family and children's welfare, as they stimulate social economic and political development of the country.

5. Conclusion

Making the conclusion it is important to note that a lot has to be done for the improvement of social security systems worldwide. Having given this issue much thought, we came up with some suggestions that may increase the effectiveness of social security system in our country.

Deep analysis of the country's experience made us conclude that it would be quite reasonable for the Russian government to follow the suggestion to promote the necessity of making prenuptial agreements and marriage contracts as well as to increase the state divorce fee in order to decrease the divorce rate.

Advisably, the government should consider the impact of country's economy on workers and families who are more vulnerable to economic instability. Due to the fact that the Russian Federation is currently moving to a market economy, the percentage of unemployed people increases, therefore there is a necessity for a well-established legislative ground to protect social security rights of the unemployed.

One of the best things to do is to provide information exchange between local authorities and federal ministries on these problem issues, as now there is no proper interaction between these structures. Secondly, social security system in Russia closely cooperates with the taxation system, which suffers some imperfections that should be overcome. If the tax authorities improve the efficiency of their activity, it would be easier to find the right balance between raising the size of allowances and its cutbacks.

Having weighed up all the arguments, we claim that proper functioning of social security system guarantees constant development of the state. It can hardly be denied that if the government does not support its dependents, the whole nation will fail to prosper. The research convinced us that there is a constant need for developing governmental social protection of citizens. The limitations of social protection programs can become a barrier to social cohesion, human capital development and livelihood improvement, broad based equitable growth and ultimately the poverty reduction.

References

1. Marquard E. Dependents in Social Security Systems of Great Britain, New Zealand, Australia, and Canada (Bulletin 2011).
2. Legal Terms Dictionary. Dependent. (2013). <http://www.memidex.com/dependent>.
3. Kem Sothorn. Policy Options for Vulnerable Groups: Income Growth and Social Protection (2011). Research Associate Special Report, 19-21.
4. Barbara Kritzer. Social Security Programs Throughout the World: Asia and the Pacific (2013).
5. The Universal Declaration of Human Rights (1948).
6. Wikipedia the free Encyclopedia (2015). Social security. http://en.wikipedia.org/wiki/Social_security.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ И ФУНКЦИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

**Д.А. Ларченко,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Государственное
и муниципальное управление»
daryalarchenko11921@mail.ru
Научный руководитель:
Л. С. Козлова,
доцент кафедры административного
и финансового права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент**

Формирование и развитие системы государственных услуг, организация предоставления государственных услуг органами исполнительной власти являются важнейшими направлениями процесса реформирования государственного управления в Российской Федерации. Согласно статистическим данным, в РФ количество граждан, взаимодействующих с органами государственной власти при исполнении функций по оказанию государственных услуг, составляет более 15 млн человек в год [1].

Государственные услуги как правовая категория и функция органов государственной власти представляют собой некую постоянно совершенствующуюся в рамках административной реформы систему. Известно, что административная реформа, самая трудная в истории современной России, идет непрерывно и постепенно с 1991 года. При этом на каждом из её этапов руководством страны ставились задачи по совершенствованию именно административных государственных услуг.

Актом, положившим начало для разграничения полномочий, в части предоставления государственных услуг, между государственными органами и государственными учреждениями, стал Указ Президента РФ № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003 - 2004 годах» [2].

В 2005 году распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р «О концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2010 годах» [3] была утверждена «Концепция административной реформы в РФ в 2006 – 2010 годах». В рамках данной концепции, в части административных государственных услуг, перед органами государственной власти, прежде всего, исполнительной, ставились задачи повышения качества и доступности государственных услуг, разработки и внедрения стандартов государственных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти, а также административных регламентов предоставления государственных услуг и др.

Становится очевидным, что в современной России уже с 2003 года государственные услуги выделены в самостоятельную управленческую категорию. При этом постановка задач по повышению качества и доступности государственных услуг происходила на фоне ситуации, когда ни в одном нормативном правовом акте не было закреплено легального определения понятия «государственная услуга». Полагаем, что невозможно проводить мероприятия в любой сфере государственного управления, если нет единого законодательно закрепленного определения объекта управления, на совершенствование которого направлено управленческое воздействие. К настоящему времени ситуация изменилась.

Легальное определение понятия «государственная услуга» закреплено в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [4] (далее – закон № 210-ФЗ).

Согласно ч.1 ст 2 названного закона, под государственной услугой понимается деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, полномочий органов, предоставляющих государственные услуги. Из данного определения видно, что оно трактует понятие «государственные услуги» применительно к отношениям, регулируемым исключительно законом № 210-ФЗ, ввиду чего обозначенное определение нельзя применить к сфере управления

государственными услугами в рамках Бюджетного кодекса РФ [5] (далее – БК РФ) (последний вид государственных услуг не является административным) ; также мы видим, что речь идет об административных государственных услугах, субъектами предоставления которых, наряду с государственными внебюджетными фондами, являются органы государственной исполнительной власти и, в случае делегирования полномочий на местный уровень, – исполнительные органы местного самоуправления. Предоставление административных государственных услуг является функцией исключительно государственных органов исполнительной власти либо органов местного самоуправления в части переданных государственных полномочий.

Если закон № 210 – ФЗ предоставление государственных услуг относит к компетенции органов исполнительной власти, то БК РФ, определяя в качестве субъектов оказания государственных услуг государственные учреждения и иных юридических лиц, в понятие «государственные услуги» вкладывает иной смысл – это бюджетные социальные государственные услуги. Их оказание осуществляется на основе государственного задания и государственного заказа как государственными учреждениями (на основе государственного задания), так и коммерческими организациями (на основе государственного заказа). В этом случае государственные органы исполнительной власти непосредственно не предоставляют государственные услуги, их функция – организовать оказание таких услуг. В этом и состоит отличие административных государственных услуг, предоставление которых отнесено к компетенции органов государственной (исполнительной) власти РФ и её субъектов либо органов местного самоуправления в части переданных государственных полномочий, от государственных услуг в трактовке БК РФ, согласно которой непосредственным оказанием государственных услуг занимаются подведомственные органам исполнительной власти учреждения.

Представляется, что законодательное регулирование государственных услуг является бессистемным, так как в различных нормативных правовых актах наблюдаются различные толкования государственных услуг. Необходимо единое легальное определение понятия «государственная услуга».

Различные определения общих понятий «услуги», «государственные услуги», «государственные и муниципальные услуги», «административные муниципальные услуги» содержатся в работах многих ученых - юристов, в частности, Д.Н. Бахраха [6], Л.С. Козловой [7], Л.Л. Попова [8], Б.В. Россинского и Ю.М. Старилова [9] и других. Вычленив общее в различных определениях, можно сказать, что административные государственные услуги – это добровольное взаимодействие физических и юридических лиц (заявителей) с органами исполнительной власти, предоставляющими государственные услуги.

В научной литературе даётся доктринальное толкование именно административных государственных услуг, на основе которого выделяются их признаки, что, в свою очередь, позволяет выделить административные государственные услуги в самостоятельную управленческую и правовую категорию. Так, можно выделить следующие отличительные признаки административных государственных услуг [10,11]:

1. Предоставление данных услуг относится к исключительной компетенции органов исполнительной власти, т.е. непосредственным предоставлением административных государственных услуг занимаются государственные гражданские служащие либо муниципальные служащие в части переданных государственных полномочий. Следовательно, в ходе предоставления государственных услуг именно органы исполнительной власти реализуют свои властные полномочия, а отношения, складывающиеся в сфере управления административными государственными услугами, строятся на принципе «власть-подчинение», что исключает возможность делегирования полномочий подведомственным учреждениям.
2. Административные государственные услуги предоставляются на безвозмездной основе (в отдельных случаях с заявителей взимается плата). К сфере управления административными государственными услугами ни в коем случае не применимы экономические процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Данные процессы сложились и были отнесены к предмету экономики в ходе длительного исторического развития этой науки, но они не могут быть применены по отношению к административным государственным услугам, носящим неэкономический характер.

Установлено, что на территории Тюменской области региональные органы исполнительной власти непосредственно предоставляют административные государственные услуги, а также организуют оказание социальных бюджетных государственных услуг подведомственными этим органам государственными учреждениями (по государственному заданию) и коммерческими организациями (по государственному заказу). Учитывая эту данность, нужно отличать административные государственные услуги, оказываемые государственными органами непосредственно, от иных социальных бюджетных государственных услуг.

Например, Департамент социального развития Тюменской области, к компетенции которого отнесено предоставление государственной услуги «Обеспечение отдельных категорий граждан

оздоровительными и санаторно-курортными путёвками в социально-оздоровительный центр», лишь организует оказание данной услуги подведомственными ему учреждениями, распределяя бюджетные средства в форме государственного задания для них. Непосредственными субъектами оказания данной социальной бюджетной государственной услуги являются подведомственные департаменту «Областной центр реабилитации инвалидов» и социально-оздоровительный центр «Красная гвоздика» [12].

Примером административной государственной услуги является государственная услуга «Оказание государственной поддержки СМИ в форме предоставления субсидии», которая предоставляется Департаментом информационной политики Тюменской области. Согласно п. 1.3.1. административного регламента по предоставлению обозначенной государственной услуги, её непосредственное предоставление входит в число должностных обязанностей государственных гражданских служащих департамента, а именно государственных гражданских служащих отдела развития СМИ и полиграфии и сектора финансового планирования и контроля [13]. Данная государственная услуга является административной, так как её предоставлением занимается исключительно департамент, а одной из обязанностей, прописанной в должностных регламентах государственных гражданских служащих вышеобозначенных отделов, является предоставление государственных услуг, являющихся по своему характеру административными.

Таким образом, можно говорить о том, что организация предоставления административных государственных услуг является одной из важнейших функций государственного органа в государстве в целом. Если мы говорим о становлении в России гражданского общества, то оно предполагает конструктивное взаимодействие граждан, с одной стороны, и государственных служащих, реализующих свои властные полномочия, - с другой. И, безусловно, при таком взаимодействии должна быть организована качественная и эффективная деятельность государственных органов исполнительной власти по обеспечению реализации прав и законных интересов заявителей по предоставлению административных государственных услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарышкин С.Е. Административная реформа в России// С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева. - М.: Юридическая фирма "Контракт": Инфра-М, 2011.С.211.
2. О мерах по проведению административной реформы в 2003 - 2004 годах:Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2003 г. № 824: по со ст. на// 28 июля 2003 г.Российская газета.- 2003. - № 148 (3262).
- 3.О концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2010 годах:утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789 – р// Собрание законодательства Российской Федерации. - 2005. - № 46. - Ст. 4720.
4. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210–ФЗ: по сост. на 31 декабря 2014 г.// Собрание законодательства Российской Федерации. - 2010. -№ 31. - Ст. 4179.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г № 145-ФЗ: по сост. на 01 марта 2015 г.// Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 38. - Ст. 3823.
6. Бахрах Д. Н. Административное право России// Д.Н. Бахрах, В.Г. Татарян. - М.:Эксмо ,2009. - 608 с.
7. Козлова Л. С. Административные регламенты// Л.С. Козлова. – Тюмень:Издательство ТГУ,2014.- 412 с.
- 8.Попов Л. Л. Административное право России// Л. Л. Попов, Ю. И. Мигачев. – М.:Прспект,2014.-752 с.
9. Россинский Б. В. Административное право// Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – М.:Инфра-М,2010.-928 с.
10. Козлова Л. С. Административные регламенты// Л.С. Козлова. – Тюмень: Издательство ТГУ, 2014. С.74.
11. Винницкий А. В Институт публичных услуг в России: перспективы в контексте европейского опыта / А. В. Винницкий // Административное и муниципальное право. 2013. № 4. С.299.
12. Административный регламент предоставления государственной услуги «Обеспечение отдельных категорий граждан протезно – ортопедическими изделиями из средств областного бюджета» [Электронный ресурс]// Правительство Тюменской области: сайт -URL: [http:// admtumen.ru/ogv_ru/](http://admtumen.ru/ogv_ru/) (дата обращения: 13.05.2015).
13. Административный регламент предоставления государственной услуги «Оказание государственной поддержки СМИ в форме предоставления субсидии»[Электронный ресурс]// Правительство Тюменской области: сайт -URL: [http:// admtumen.ru/ogv_ru/](http://admtumen.ru/ogv_ru/) (дата обращения: 13.05.2015).

ГРАЖДАНСКО - ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

В. В. Лихацких,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
likeviolet@mail.ru

Научный руководитель:
Н.Н. Герасимова,
доцент кафедры гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ

1. Гражданская процессуальная ответственность - предусмотренная гражданским процессуальным законодательством обязанность правонарушителя претерпеть юридически неблагоприятные последствия в виде лишений личного или имущественного характера.[1] По действующему законодательству субъектами гражданской процессуальной ответственности могут выступать граждане, должностные лица, а также юридические лица.

Особенности гражданско-процессуальной ответственности заключаются в том, что: 1) к ней могут быть привлечены не только участники процесса, но и лица, присутствующие в зале заседания, а также иные лица, на которые в соответствии с законом возложена обязанность совершить определенные действия. Например, на лиц у которых находятся доказательства; 2) она может быть применена только на основании судебного постановления; 3) санкции могут состоять как в недостижении желаемого результата (когда суд отказывает в иске), либо возложении дополнительной обязанности (наложение штрафа).

Гражданский процессуальный кодекс позволяет различать следующие виды процессуальной ответственности: штрафную; компенсационную; в виде неблагоприятных процессуально-правовых последствий; связанную с применением гражданских процессуальных фикций.[2]

Штрафная ответственность наступает при применении гражданских процессуальных санкций карательного характера. Назначение этого вида ответственности - укреплять процессуальную дисциплину в судопроизводстве, содействовать выполнению задач по гражданским делам, наказывать лицо, не исполняющее процессуальные обязанности, и, в конечном счете, обеспечивать авторитет судебной власти.

В целом штрафная (карательная) ответственность нетипична для гражданского процесса, так как это скорее мера административно-правового характера. Природе правосудия по гражданским делам в большей степени соответствуют меры по возмещению затрат и потерь, компенсация понесенных расходов.

Компенсационная ответственность преследует цель возмещения убытков, причиненных стороне при производстве по гражданскому делу. Убытки могут быть причинены при неосновательном обеспечении исковых требований: в результате сутяжничества одной из сторон, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор против иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному разбирательству дела. Как показывают опросы судей, а также их высказывания в периодических изданиях, норма ГПК РФ о взыскании компенсации за потерю времени применяется судами редко. В некоторых судах за несколько лет не выявлено ни одного случая применения ст. 99 ГПК РФ. Это обусловлено тем, что в качестве основной задачи суда рассматривается правильное разрешение дела с точки зрения норм материального права. Рассматриваемая норма содержит узкий круг злоупотреблений правом, за которые могут быть применены меры ответственности: недобросовестное заявление неосновательного иска или спора против иска, систематическое противодействие правильному и своевременному рассмотрению дела. Иные виды злоупотреблений правом фактически остаются без наказания.

Ответственность в виде неблагоприятных процессуально-правовых последствий незаконной деятельности необщепризнанна. В начале 80-х гг. в процессуальной литературе активно обосновывалась концепция, согласно которой наряду с ответственностью в гражданском (процессуальном) праве существуют меры процессуальной (судебной) защиты правопорядка в судопроизводстве. Они применяются судом при неправомерных действиях участников, когда их поведение отклоняется от предписаний процессуально-правовых норм. При этом вины нарушителя либо нет, либо она не фиксируется, соответственно нет и какого-либо наказания. Реализацией мер защиты суд (судья) стимулирует, побуждает участника судопроизводства выполнить то, что им не было сделано.

Анализируемый вид ответственности нацелен на: а) пресечение процессуального нарушения; б) восстановление гражданской процессуальной формы; в) исполнение соответствующих процессуальных обязанностей.

К данной разновидности гражданской процессуальной ответственности следует отнести и вынесение судом неблагоприятного для той или иной стороны решения. Это – правовая санкция за невыполнение истцом или ответчиком процессуальной обязанности надлежащего обоснования своей позиции в состязательном процессе.

Гражданская процессуальная фикция (от лат. *fictio* – выдумка, несуществующее, ложное) – такой правоприменительный прием, посредством которого субъект судопроизводства привлекается к правовой ответственности. Суть фикций заключается в том, что юридические последствия (в данном случае – привлечение к ответственности) закон связывает с заведомо несуществующими обстоятельствами. Смысл фикций выражается вводными словами «как бы», «как если бы», «допустим». С их помощью законодатель преодолевает им же установленный режим процессуального регулирования.

Следовательно, гражданские процессуальные санкции посредством юридических фикций применяются судом к недисциплинированным лицам: к гражданам, не известившим суд о своем адресе, либо не представившим истребуемые средства доказывания или уклонившимся от проведения экспертизы. Фикции необходимы в судопроизводстве для того, чтобы преодолеть последствия поведения недисциплинированных лиц, так как фикции создают для них неблагоприятные процессуально-правовые ситуации, ведущие в дальнейшем к разным видам гражданской процессуальной ответственности.

2. Разработка проблематики гражданской процессуальной ответственности началась приблизительно в 1970 - 1980-е годы. К числу первых исследователей этой темы относится Н.А. Чечина, за которой последовали В.В. Бутнев, П.Ф. Елисейкин, И.М. Зайцев, Е.А. Крашенинников, Н.В. Кузнецов, А.Г. Новиков, Н.И. Ткачев, А.В. Цихоцкий, М.И. Штефан. Все авторы сходятся в мнении, что виды ответственности целесообразно выделять на основании отраслевых критериев и рассматривать гражданскую процессуальную ответственность как одну из разновидностей юридической ответственности.

Однако мнения процессуалистов не единообразно. Молчанов В. В., не соглашаясь с выделением процессуальной ответственности в самостоятельную правовую категорию, приводит свои аргументы. В целом данные аргументы сводятся к следующему. Если предположить, что существует гражданская процессуальная ответственность, то следует заключить, что: 1) это публично-правовая ответственность перед государством в лице суда; 2) имеется такой вид правонарушений, как гражданские процессуальные правонарушения.

В статье 35 ГПК РФ содержится указание на то, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться процессуальными правами. Они имеют процессуальные обязанности. При неисполнении обязанностей наступают последствия, предусмотренные процессуальным законодательством. Следует думать, что использование законодателем понятия "последствия", а не понятия "ответственность" неслучайно.

Едва ли о данных последствиях можно говорить в контексте процессуальной ответственности, поскольку здесь отсутствует такой признак ответственности, который должен выражать ее публично-правовой характер, как наличие правонарушения, т.е. виновного, противоправного действия, имеющего определенную степень общественной опасности, причиняющего вред государству в сфере осуществления правосудия, влекущего применение мер государственного принуждения.

Об ответственности говорится и применительно к случаям необоснованного заявления иска или спора относительно иска, а также систематического противодействия правильному и своевременному рассмотрению дела (ст. 99 ГПК РФ). Но являются ли санкции гражданско-процессуальными?

Во-первых, эти санкции имеют компенсационный характер, т.е. по своей сути являются гражданско-правовыми.

Во-вторых, это санкции частно-правовые, а не публично-правовые, как это должно было бы быть, если бы они являлись мерой гражданской процессуальной ответственности. Так, штрафные санкции могут применяться к таким участникам процесса как к свидетелям. Вместе с тем, свидетели несут уголовную ответственность за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний (ч. 2 ст. 70 ГПК РФ), а также административную ответственность за неявку по вызову суда по неуважительным причинам (ч. 2 ст. 168 ГПК РФ). Наличие данных видов ответственности в гражданском судопроизводстве обуславливается, прежде всего, публично-правовым характером обязанности свидетельствовать в суде. Отказ от дачи показаний квалифицируется как преступление против правосудия (гл. 31 УК РФ). В этой связи возникает ряд вопросов. Формально-юридически уголовная ответственность за отказ от дачи показаний распространяется на граждан, выступающих свидетелями при рассмотрении дел во всех судебных органах, осуществляющих правосудие, – Конституционном Суде РФ, конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации, судах общей юрисдикции, арбитражных судах, мировых судах.

Однако только в ГПК РФ и АПК РФ содержится указание на то, что свидетели за отказ от дачи показаний несут уголовную ответственность. В ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» такое положение отсутствует. В КоАП РФ за отказ от дачи показаний предусмотрена административная

ответственность. Из этого следует, что в настоящее время в законодательстве наблюдается дифференцированный подход к установлению ответственности за совершение деяния, которое уголовный закон определяет как преступление против правосудия. Возникает вопрос: насколько оправданно в настоящее время сохранение уголовной ответственности за отказ от дачи показаний в гражданском процессе?

Так называемое право стороны на ложь в процессе давно обсуждается в отечественной и зарубежной процессуальной науке. В предшествующем и в современном законодательстве не было и нет запрета на представление суду ложных объяснений относительно фактов, обосновывающих требования и возражения сторон. В настоящее время в законе имеется лишь общее указание на то, что стороны должны добросовестно пользоваться своими правами. Но, по сути, недобросовестная доказательственная деятельность не влечет для сторон никаких негативных правовых последствий. Очевидно, что не представляется возможным установление императивной обязанности сторон давать правдивые объяснения в суде в смысле обязанности сообщать суду всю информацию об обстоятельствах дела в ущерб своим материально-правовым интересам.

Установление обязанности с необходимостью предполагает определение мер ответственности за ее неисполнение, а точнее - правовых последствий. В литературе, например, высказывается мнение о том, что в случае доказательственного разоблачения лжи следует предусмотреть возможность прекращения производства по делу и вынесение решения в пользу противоположной (добросовестной) стороны. Также предлагается за ложные объяснения налагать административный штраф. [3]

На наш взгляд, доводы Молчанова можно опровергнуть, поскольку существующие формулировки в законодательстве и дифференцированный подход к установлению ответственности не изменяют сути и назначения существующих санкций гражданско-процессуального характера, а именно, выполнения регулятивной, превентивной, карательной, восстановительной, воспитательной функций и исполнения роли процессуального средства обеспечения субъективных прав участников судопроизводства.

3. Несмотря на относительную самостоятельность процессуальной ответственности, нельзя не отметить ее служебную подчиненность, призванную обеспечить правильное развитие гражданско-правовых отношений ответственности, а достижение целей процессуальной ответственности способствует эффективному осуществлению функций уголовной, гражданско-правовой и т.п. ответственности. В совокупности элементарных отношений все участники процесса наделяются обязанностями и правами по отношению к суду, тогда как суд обладает правами и несет обязанности по отношению к каждому участнику процесса.

В настоящее время можно констатировать низкую эффективность воспитательного воздействия, осуществляемого в отношении участников процесса. Нередки случаи срыва заседаний из-за неявки участников процесса, умышленное затягивание судебного разбирательства, формальное отношение к возложенным обязанностям. Впрочем, это объясняется как минимум двумя факторами. Во-первых, общим падением правовой культуры. Во-вторых, «ответной реакцией» граждан на положение дел в судебной системе России. Ведь не является редкостью нарушение судом разумных сроков рассмотрения даже самых простых дел, формальное отношение к собственным судебским обязанностям. Можно выделить и третий фактор. Гражданско-процессуальное законодательство очень сложно для восприятия субъектом, не имеющим специальных познаний, а в силу бедности большей части населения нашей страны позволить себе услуги судебных представителей (например, адвокатов) может далеко не каждый. Да и комментированный ГПК РФ не относится к разряду дешевой литературы. Его стоимость составляет 300 - 400 рублей. Таким образом, пенсионер должен отдать за приобретение такой книги немалую часть своей пенсии. [4]

На наш взгляд, решение данной проблемы должно осуществляться комплексно. Во-первых, необходимо вернуть доверие граждан к судопроизводству и ее эффективности. Для этого следует принять меры для дисциплинированности не только участников процесса, но и суда. К таким мерам можно отнести, например, внедрение дополнительной ответственности за неявку в судебное заседание. Также, можно предусмотреть некие меры ответственности и для самого суда в случае нарушения судом сроков. Представляется, что в данном вопросе необходимо сделать упор именно на карательную функцию гражданско-правовой ответственности, так как впоследствии это приведет к повышению эффективности и всех остальных функций.

Во - вторых, для того, чтобы язык гражданско-процессуального законодательства был более понятен простым гражданам можно сделать его доступнее. В данном случае речь идет не о внесении изменений в ГПК РФ, а о возможности предоставления гражданам бесплатных консультаций по вопросам судопроизводства. В настоящее время существует множество интернет-сайтов, на которых специалисты в области юриспруденции дают советы обратившимся гражданам, форумов, на которых граждане делятся своим личным опытом в этом вопросе. Однако пенсионерам и гражданам, не обладающими либо возможностью, либо умением пользоваться интернетом, такой способ не подходит. На наш взгляд, можно говорить о внедрении на общефедеральном и региональном уровнях «горячей телефонной линии», где всех

обратившихся граждан могли бы бесплатно консультировать именно по вопросам в области гражданского процесса. Также, можно предложить более простую схему: оказание непосредственно в судах юридической помощи в виде разъяснения положений ГПК РФ гражданам именно в досудебном порядке.

4. В заключении хотелось бы отметить, что мы считаем необходимым закрепление санкции в ГПК РФ в любой формулировке, тем самым законодатель поставит суд перед необходимостью доказывания такого умысла, что можно сделать только при наличии условий для этого в самом законе - через детальную регламентацию гражданской процессуальной ответственности. В тексте ГПК РФ должны быть определены следующие категории: понятие гражданской процессуальной ответственности, ее соотношение со злоупотреблением субъективными гражданскими процессуальными правами, меры гражданского процессуального принуждения, конструкция гражданского процессуального правонарушения, форма совершения правонарушения, вина, обстоятельства, исключающие ответственность. Закрепление в законодательстве принципа виновной ответственности за гражданское процессуальное правонарушение и процедуры установления вины лица в его совершении явилось бы важной гарантией прав личности при осуществлении правосудия. Такая мера позволит поставить точку в дискуссии о необходимости выделения гражданско-процессуальной ответственности как отдельного вида процессуальной ответственности.

Следует создать систему гарантий охраны и защиты прав участников гражданского процесса. Охранительная функция гарантий заключается в создании мер, предотвращающих нарушение прав или препятствия на пути их реализации, тем самым процессуальные гарантии участвуют в охране прав сторон судебного разбирательства.

И в конце, считаем необходимым применение мер для повышения эффективности ответственности в гражданском процессе и доступности норм ГПК РФ простым гражданам.

Лишь при выполнении всех вышеназванных предложений станет возможным полноценное функционирование института гражданско-процессуальной ответственности и выполнение всех функций данного института.

Список литературы:

1. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. Екатеринбург; М изд. "ЕПБ". 2008. С. 57.
- ²Викут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России. Москва, изд. Юристъ, 1999.
- 3.Молчанов В.В. Об ответственности в гражданском судопроизводстве [Электронный ресурс]. - Документ опубликован не был. - Статья подготовлена для СПС «КонсультантПлюс», 2010 (дата обращения 04.04.2015).
- 4.Липиснский Д.А. Проблемы совершенствования процессуальной ответственности. М.: Право и политика, 2004.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ОПРОС ИЗБИРАТЕЛЕЙ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИЦИПОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

**К.Ю. Матрёнина,
аспирант ИГиП ТюмГУ
kseniya.matr@yandex.ru**

**Научный руководитель:
Н.М. Добрынин,
профессор кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук**

Бесспорным лидером в последние годы стала глобальная компьютерная сеть Интернет, которая превратилась в важнейший элемент информационной инфраструктуры мирового сообщества [1; 69].

Считаем, что применение на выборах средств электронного голосования приводит к росту активности избирателей, а также стимулирует проявление гражданской позиции граждан. Мы согласны с канд. юрид. наук, доцентом Телесиной Н.Н., что «Интернет может служить новой мощной формой коммуникации, которая необходима всем участникам избирательного процесса для успешного проведения выборов и дальнейшей демократизации правотворческой деятельности» [2; 442].

Тем не менее, некоторые юристы считают неприемлемым использовать в настоящее время новые информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) в политической жизни. Однако учитывая неотвратимость прогресса, полагаем, что внедрение ИКТ в политике – наше неизбежное будущее. Мы солидарны с аспиранткой Московского государственного открытого университета им. В.С. Черномырдина Шульгой-Морской Т.В., что «вопрос не в том, допустимо или нет использовать ИКТ в осуществлении гражданами своих политических прав, а в том, как организовать электронные демократические процедуры, чтобы при всех их преимуществах они не давали возможностей для нарушения законодательства, следовательно, граждане могли бы доверять электронным системам и результатам, полученным с их помощью» [3; 58].

Как и другие страны с развитой информационно-телекоммуникационной структурой, Российская Федерация активно осваивает современные информационные технологии при организации и проведении выборов (Государственная автоматизированная система «Выборы», комплексы обработки избирательных бюллетеней, комплекс для электронного голосования, видеонаблюдение на избирательных участках). В настоящее время федеральное избирательное законодательство не предусматривает возможности дистанционного электронного голосования (например, Интернет-голосование). Тем не менее, на территории России проходили эксперименты по проведению данного вида голосования.

Рассмотрим самый масштаб эксперимент. Так, по инициативе избирательных комиссий Владимирской, Волгоградской, Вологодской и Томской областей, а также Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – ХМАО-Югра) Центральной избирательной комиссией Российской Федерации (далее – ЦИК России) было принято постановление от 30 декабря 2008 года № 143/1059-5 «О проведении эксперимента по электронному опросу избирателей при проведении выборов 1 марта 2009 года» [4]. Эксперимент ЦИК России по электронному опросу избирателей при проведении выборов прошел на 13 избирательных участках в указанных выше регионах (см. Табл. 1).

Таблица 1. Субъекты Российской Федерации, проводившие экспериментальный электронный опрос избирателей 01 марта 2009г.

Субъект Российской Федерации	Место проведения электронного опроса избирателей	Количество избирательных участков по проведению электронного опроса избирателей
Владимирская область	город Радужный	4
Волгоградская область	хутор Петровский Петровского сельского поселения Урюпинского муниципального района	1
Вологодская область	город Вологда	3
Томская область	село Каргасок Каргасокского района	2
ХМАО - Югра	город Нижневартовск	3

При выборе региональных площадок проведения эксперимента по электронному опросу избирателей был принят во внимание тот факт, что в перечисленных субъектах Российской Федерации активно ведутся работы по созданию единой информационной системы федерального, регионального и муниципального уровней, совершенствуется единая телекоммуникационная система, объединяющая органы исполнительной власти и органы местного самоуправления. Например, *Томская область* занимает лидирующие позиции в Сибирском федеральном округе и входит в пятерку лучших регионов в России по развитию телекоммуникаций. Кроме того, более 140 населенных пунктов уровнем ниже центра муниципального образования имеют подключение по волоконно-оптической линии связи, что позволяет развивать в них современные услуги связи, в том числе и широкополосный доступ в сеть Интернет [5; 13].

Главной задачей организаторов *эксперимента 1 марта 2009г.* стала отработка технологических принципов и реализация основных требований к процедуре электронного опроса:

Во-первых, облегчение использования компьютерных систем рядовыми избирателями;

Во-вторых, обеспечение информационной безопасности;

В-третьих, возможность наблюдения и контроля со стороны общественности.

В разных пилотных регионах были применены различные технологии: с использованием сотовых телефонов стандарта GSM (во Владимирской области), дисков электронного опроса (далее – ДЭО) (в Волгоградской, Вологодской и Томской областях) и электронной социальной карты (в ХМАО-Югре) [6](см.Табл.2). Однако поскольку законодательно не была предусмотрена юридическая обязательность итогов такого голосования, по существу оно являлось разновидностью социологического опроса избирателей.

Таблица 2. Средства электронного опроса, применяемые на территории субъектов Российской Федерации 01 марта 2009г.

Субъект Российской Федерации	Средство электронного опроса
Владимирская область	сотовый телефон стандарта GSM
Волгоградская область	диск электронного опроса
Вологодская область	
Томская область	
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	электронная социальная карта

На наш взгляд, в демократическом государстве при организации голосования среди главных задач избирательного процесса необходимо выделить обеспечение таких принципов избирательного права, как всеобщее, тайное, свободное и равное. Проанализируем, как указанные принципы избирательного права были обеспечены в ходе эксперимента по электронному голосованию (опросу) граждан в 2009г.

Всеобщее избирательное право – принцип избирательного права, в соответствии с которым все граждане страны независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, достигшие совершеннолетия, вправе избирать органы государственной власти и местного самоуправления.

Для реализации данного принципа, бесспорно, интерфейс электронного голосования должен быть удобным и понятным любому избирателю независимо от пола, возраста и т.д. Стоит отметить, что затруд-

нений с использованием различных средств электронного опроса избирателей в марте 2009г. отмечено не было.

Среди избирателей среднего и особенно пожилого возраста доля жителей, не умеющих обращаться с компьютером или другими достижениями современной техники, весьма велика. Однако следует сказать, что уровень образованности по данному вопросу будет постепенно расти. Во-первых, с каждым годом увеличивается уровень компьютеризации населения, независимо от места проживания. Во-вторых, более молодые члены семьи постепенно будут обучать остальных родственников навыкам обращения со сложной техникой. Для ускорения процесса перед выборами можно организовать ряд обучающих семинаров, на которых будет подробно освещена схема проведения электронного голосования, показана технология работы на компьютере во время голосования [7; 24].

Что касается эксперимента по электронному опросу избирателей в 2009г., то велась активная работа по обеспечению всеобщего избирательного права. Так, в работе по информированию граждан об эксперименте была задействована вся система избирательных комиссий, включая ЦИК России, избирательные комиссии субъектов России, территориальные избирательные комиссии, а также избирательные комиссии муниципальных образований, при методической и организационной поддержке Российского центра обучения избирательным технологиям при ЦИК России.

Информационно-разъяснительная работа реализовывалась через региональные, муниципальные печатные и электронные средства массовой информации. Консультанты разъясняли участникам опроса процедуру проведения электронного опроса и учета его результатов, а также отвечали на связанные с этим вопросы, оказывали техническую помощь. Так, если в ходе электронного опроса у избирателя возникали сложности с организационной или технической стороной эксперимента, то он мог обратиться к специалистам за помощью, консультациями.

К сожалению, голосование с помощью ДЭО имело, на наш взгляд, существенный недостаток: фактическая возможность реализации активного избирательного права лицом, не достигшим 18 лет. Исходя из отчета, «в случае если имелись сомнения в том, что желавшему принять участие в эксперименте исполнилось 18 лет, консультант, до выдачи диска, мог удостовериться в том, что участник опроса достиг указанного возраста» [5; 18]. Таким образом, регистрация «электронных» избирателей не предполагалась, и любой гражданин, не достигший совершеннолетия, мог спокойно реализовать свое активное избирательное право, хоть и в порядке эксперимента. На наш взгляд, необходимо было установить обязательную регистрацию лиц, желавших принять участие в электронном голосовании, как и при традиционном голосовании.

Свобода голосования. Как известно, свобода голосования выражается не только в возможности свободно отдавать свой голос, но также вправе не участвовать в голосовании. Рассмотрим указанные возможности детальнее.

Возможность свободно отдавать свой голос. В случае голосования на расстоянии – это главная проблема, ведь никто не может гарантировать, что избиратель в момент голосования был один, голосовал без контроля или принуждения, и что, вообще, голосовал именно он.

1. Проведение экспериментов по Интернет-голосованию с использованием компакт-дисков (ДЭО). С уверенностью можно заключить, что только избиратели, проголосовавшие непосредственно на избирательных участках в специально оборудованных компьютерных классах (см. Табл.3), имели в своем распоряжении все условия, чтобы свободно отдать свой голос, т.к. при указанном голосовании консультант следил за тем, чтобы за столом с компьютером при использовании диска находилось не более одного участника опроса [5; 18].

Таблица 3. Число избирателей, проголосовавших с помощью ДЭО

	Волгоградская область	Вологодская область	Томская область
ДЭО на избирательном участке	97%	92%	70%
ДЭО с домашнего компьютера и в иных местах	3%	8%	30%

2. При голосовании с помощью мобильного телефона также сложно гарантировать свободу голосования, особенно если избиратель использовал не личный мобильный телефон, а предоставленный избирательной комиссией (если у избирателя не было своего телефона или он не желал использовать его), который участник опроса мог просто передать третьим лицам для участия в голосовании. Однако и при ис-

пользовании личного телефона сложно гарантировать, что избиратель голосовал свободно, один, без контроля и принуждения со стороны третьих лиц, как и при голосовании с помощью ДЭО.

3. Считаем, что *голосование с использованием социально-платежных карт* также не защищено с точки зрения голосования под контролем. Например, когда гражданин голосует, под наблюдением скупщика голосов. Предотвратить подобные нарушения можно только при введении независимого наблюдения у каждого информационного киоска или систем видеонаблюдения. Последнее активно используется на избирательных участках в России.

Возникает вполне очевидный вопрос: как решить проблему воздействия на выбор избирателя? Среди возможных вариантов решения указанной проблемы, может стать следующее: необходимо дать право повторного голосования на избирательном участке тем избирателям, которые этого пожелают. При наличии квитанции, содержащей зашифрованный номер избирателя и результаты его голосования, несложно аннулировать уже существующий в системе голос и избежать, таким образом, возможные случаи голосования под давлением или по ошибке [3; 61].

Интересен опыт Эстонии. В данном государстве голосовать электронным путём можно в течение 7 дней: с 10 дня по 4 день перед днём выборов [8]. Кроме этого, в период электронного голосования избиратель может заново отдать электронный голос, однако учитывается только последний отданный голос. Стоит отметить, что в Эстонии традиционное голосование обладает приоритетом: если избиратель придёт на избирательный участок в период предварительного голосования и проголосует обычным способом (до этого проголосовав электронным путём), то его электронный голос будет аннулирован. Однако в день выборов голос изменить нельзя.

Возможность голосования «против всех» или неучастия в голосовании. Система электронного голосования (опроса) в 2009г. не позволяла избирателю голосовать «против всех», т.к. на тот момент такое право не было предусмотрено российским законодательством. Только в 2014г. Федеральным законом от 04 июня 2014г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» было закреплено право граждан России на выборах в органы местного самоуправления голосовать против всех кандидатов (против всех списков кандидатов) непосредственно [9]. Что касается неучастия в голосовании граждан, то избиратель мог спокойно воздержаться от голосования, не используя систему голосования (как и при традиционном голосовании).

Принцип равного избирательного права предусматривает, что каждый избиратель может подать только один голос, который будет подсчитан. Это предполагает, что система голосования должна препятствовать тому, чтобы избиратель заполнил несколько избирательных бюллетеней, каждый из которых будет учтен при подведении итогов голосования.

В соответствии с п. 7 Рекомендаций R (2004) 11 Комитета Министров Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования (приняты Комитетом Министров 30 сентября 2004 г. на 898-ом заседании) (далее – Рекомендации Комитета Министров Совета Европы 2004 г.) [10] каждый голос, помещенный в ящик для электронного голосования, должен быть подсчитан, и каждый голос, поданный на выборах или референдуме, должен быть включен в подсчет только однократно.

На практике избиратель имеет возможность заполнить больше, чем один избирательный бюллетень. Однако невозможно, чтобы у избирателя был одобрен больше, чем один избирательный бюллетень.

1. Проведение экспериментов по *Интернет-голосованию с использованием компакт-дисков (ДЭО)*. ДЭО имел защиту от повторного использования и мог быть применен только один раз. Однако, учитывая тот факт, что регистрация участников электронного опроса не велась, то у избирателя была возможность снова получить ДЭО для голосования.

2. *Голосование с помощью мобильного телефона.* Если участник опроса не удалил специальное программное обеспечение (далее – СПО), то при следующем запуске СПО на экране мобильного телефона снова отображалось сообщение о завершении опроса и предложение удалить СПО с телефона. Возможность повторного использования СПО блокировалась как на уровне самого СПО, так и на соответствующем сервере.

3. *Голосование с помощью социальной платежной карты.* Сервер проверки подлинности данных осуществлял контроль целостности электронно-цифровой подписи и проверку уникального идентификатора в базе данных идентификаторов, уже принявших участие в опросе, расшифровку информации о выборе участника опроса и передавал их в модуль хранения данных о результатах электронного опроса, тем самым исключалась возможность одному участнику принять участие в опросе более одного раза [5; 26].

Тайна голосования является важным защитным механизмом честности, ведь она предоставляет избирателям полную независимость при подаче своего голоса. Указанная независимость подтверждается ст.7 Федерального закона Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных права и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [11], которая определяет, что тайное голосование исключает возможность какого-либо контроля за волеизъявлением граждан.

Говоря об электронном голосовании, возникает беспокойство тем, что такой способ голосования не может гарантировать тайну голосования. К сожалению, существует риск опознания избирателя во время подсчета голосов. В результате люди могут побояться проголосовать на выборах именно со своими намерениями. Необходимо согласиться, что система электронного голосования должны быть организована таким образом, чтобы тайна волеизъявления конкретного избирателя не могла быть подвергнута опасности на любой стадии голосования [12; 70], ведь данный принцип делает практику запугивания и взятки менее эффективной.

1. Эксперимент с использованием компакт-дисков (ДЭО) позволял гарантировать тайну голосования, так как номер выданного диска никак не мог быть ассоциирован с избирателем.

2. Голосование с помощью мобильного телефона. Регистрация участника опроса выполнялась оператором (в ходе регистрации использовался номер мобильного телефона). Персональные данные участника опроса не использовались: ему присваивался уникальный идентификатор в виде номера, который был заложен в индивидуальное СПО (Java-приложение), загружаемое в мобильный телефон участника опроса [5; 21-22]. Указанный идентификатор также использовался и при информационном обмене в процессе электронного опроса. Важно отметить, что весь информационный обмен между СПО на мобильном телефоне и серверами защищался имитаторами криптографических средств (шифровался).

Также и информация о выборе участника опроса шифровалась и отправлялась через sms-шлюз и сеть Интернет на сервер хранения данных о результатах электронного опроса. Однако была возможность установить личность избирателя по номеру мобильного телефона, который заносился в базу данных регистрации участников опроса, но с технической точки зрения это довольно затруднительно.

3. Голосование с помощью социальной платежной карты. Программное обеспечение инфокиоска осуществляло шифрование информации о выборе участника опроса, включало в пакет данных номер уникального идентификационного кода участника опроса, уникальный идентификатор, электронно-цифровую подпись данного пакета и отправляло сформированный пакет данных по защищенному каналу на сервер проверки подлинности данных. Из пакетов данных, которые отправлялись на сервер проверки подлинности данных (сервер аутентификации), удалялись персональные данные участника опроса, тем самым обеспечивалась тайна волеизъявления избирателя [5; 25-26].

Как мы видим, тайна голосования была достаточно хорошо защищена везде, кроме эксперимента с использованием мобильных телефонов. Таким образом, при внедрении данного способа голосования необходимо дополнить систему электронного голосования системой деперсонализации данных по образцу нижевартовского эксперимента.

Подводя итог, можно сделать вывод, что электронный опрос избирателей с помощью социально-платежной карты является более защищенным и надежным, ведь она является аналогом электронного паспорта, тем самым, взломать систему гораздо сложнее или невозможно (см. Табл.4).

Таблица 4. Сравнительный анализ систем электронного голосования, используемых в ходе электронного опроса избирателей 01 марта 2009г.

Обеспечение принципов избирательного права	Электронный опрос с помощью		
	компакт-диска (ДЭО)	мобильного телефона	социально-платежной карты
Свобода голосования			
- возможность свободно отдавать свой голос	частично	нет	нет

<i>Обеспечение принципов избирательного права</i>	<i>Электронный опрос с помощью</i>		
	<i>компакт-диска (ДЭО)</i>	<i>мобильного телефона</i>	<i>социально-платежной карты</i>
- возможность не участвовать в голосовании	да	да	да
- возможность голосовать против всех	нет	нет	нет
<i>Всеобщее избирательное права</i>	да	да	да
<i>Тайна голосования</i>	да	нет	да
<i>Равное избирательное право</i>	нет	да	да
Итого баллов:	3,5	3,0	4,0

Примечание. Порядок начисления баллов: «да» – 1 балл, «частично» – 0,5 балла, «нет» – 0 баллов.

Подводя итог вышеизложенному, стоит сказать, что электронное голосование является перспективным направлением развития российской избирательной системы. Считаем, данное развитие должно осуществляться в соответствии с четкой концепцией.

Список литературы:

- 1.Анохин М.Г., Павлютенкова М.Ю. Интернет: взаимодействие с электоратом / М.Г. Анохин, М.Ю. Павлютенкова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2007. – Т. 2. – № 3. – С. 69-78.
- 2.Телешина Н.Н. Электронное голосование как средство демократизации правотворчества (опыт Владимирской области) / Н.Н. Телешина // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 438-442.
- 3.Шульга-Морская Т.В. Электронное голосование: опыт и перспективы Швейцарии и России / Т.В. Шульга-Морская // Адвокат. – 2013. – № 3. – С. 57-72
- 4.О проведении эксперимента по электронному опросу избирателей при проведении выборов 1 марта 2009 года: постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 143/1059-5 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 5.Отчет об эксперименте по электронному опросу избирателей в Единый день голосования 1 марта 2009 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cikrf.ru/exp_cik/experiment2/otchet.html (дата обращения: 15.03.2015). – 98 с.
- 6.Выборы пошли к избирателю [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cikrf.ru/gas/smi/feb2009/st_08.html (дата обращения: 29.03.2015).
- 7.Эксперимент по электронному голосованию на выборах 1 марта 2009г. в х.Петровский Урюпинского района Волгоградской области: аналитический отчет [Электронный ресурс]. – URL: http://volgograd.izbirkom.ru/etc/analiticheskij_otchet_2_version.doc (дата обращения: 10.03.2015). – 36 с.
- 8.Электронное голосование в Эстонии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.valimised.ee/ru/uldkirjeldus> (дата обращения: 13.01.2015).
- 9.О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: федеральный закон от 04 июня 2014г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 23. – Ст. 2931.
- 10.Рекомендации R (2004) 11 Комитета Министров Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования (приняты Комитетом Министров 30 сентября 2004 г. на 898-ом заседании) [Электронный ресурс]. – URL: <http://idemocracy.ru/projects/стандарты/45-e-voting-rec2004-11.html> (дата обращения: 20.03.2015).
- 11.Об основных гарантиях избирательных права и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
- 12.Electronic voting – challenges and opportunities [Электронный ресурс]. – Norway, Ministry of Local Government and Regional Development. – 2006. – 153 с. – URL: http://www.unic.pt/images/stories/publicacoes1/evalg_rapport_engelsk.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

**Р.Л. Метлицкий,
магистрант ИГиП ТюмГУ
mr125@mail.ru**

**Научный руководитель:
Г.Н. Чеботарев,
заведующий кафедрой
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук, профессор**

Согласно ст. 32 Конституции граждане России имеют право участвовать в управлении делами государства. И теоретически, и практически это предполагает общественный контроль за органами государственного управления, за деятельностью государственного аппарата и должностных лиц [1].

Основная задача любого демократического государства - обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина. При этом власть не может добросовестно и эффективно выполнять свои обязанности при отсутствии обратной связи и контроля со стороны общества. Бесконтрольная власть подвержена коррупции, работает нерационально и злоупотребляет инструментами принуждения. Общественный контроль - это как раз тот механизм, который позволяет обществу контролировать власть как на этапе принятия, так и в ходе реализации решений и оценки полученного результата [2].

В общем смысле контроль - это проверка, наблюдение с целью проверки исполнения законов, постановлений, управленческих решений и тому подобное. Необходимо отметить, что контроль в целом - не что иное, как осуществление функции управления, суть которой заключается в том, чтобы проверять, наблюдать, отслеживать то или иное явление [3].

Базовым в данной области стал Федеральный закон от 21.07.2014 N 212-ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации". Он установил организационные и правовые механизмы, с помощью которых граждане смогут наблюдать за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, а также проверять, анализировать и оценивать издаваемые ими акты и принимаемые решения [4].

В названном законе под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений [5]. Указанным нормативным правовым актом также определены субъекты и формы осуществления общественного контроля.

Стоит отметить, что некоторые исследователи подвергают сомнению возможность осуществления контроля общественностью. Так, В.В. Гриб говорит о том, что "ряд ученых отвергают вообще понятие общественного контроля, так как считают, что у общественных формирований отсутствуют такие важные признаки контроля, как право вмешиваться в оперативную деятельность контролируемого и право привлечь его к правовой ответственности". Общественный контроль не подразумевает контрольных функций, а только базируется на наблюдениях за решениями и/или действиями публично-правовых субъектов, которые затрагивают конституционные свободы, права и законные интересы граждан и их объединений. Поэтому так важна информационная открытость таких субъектов (органов государственной и муниципальной власти, их организаций и иных структур, кому делегированы функции этих властных субъектов, а также их должностных лиц) [6]. Приведенные аргументы обусловлены спецификой общественного контроля, но не должны ставить вопрос о существовании его понятия, поскольку это деятельность уполномоченных на то субъектов, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов публичной власти, а также организаций, осуществляющих в соответствии с законодательством отдельные публичные полномочия.

Известно, что в правовом государстве власть должна быть подчинена праву, что достигается только путем контроля над ней. Как справедливо пишет А.С. Панарин, нет ничего опаснее бесконтрольной власти, опирающейся не на закон, а на угрозу применения насилия; необходим надежный демократический контроль. В свою очередь В.О. Лучин и Н.А. Боброва отмечают: "Способность общества к контролю

над властью - признак гражданского общества. Только контроль, приобретая правовые формы, способен подчинить власть праву, и только при условии существования гражданского общества государство оказывается "под правом", становится "правовым" [7].

В современных условиях общественный контроль призван послужить способом ограничения всемогущества власти в целях обеспечения прав граждан, препятствием для подготовки, принятия и реализации представителями власти решений, нарушающих права граждан или противоречащих интересам государства и общества, а также повысить ответственность чиновников за такие решения.

Гражданский (общественный) контроль, по мнению некоторых авторов, необходимо рассматривать как процесс, при котором гражданское общество участвует в определении основных направлений внутренней и внешней политики государства, а также участвует в решении иных общественно значимых вопросов на всех уровнях с целью побудить власть встать на позицию признания человека, его прав и свобод высшей ценностью [8].

Список источников:

1. Братановский С.Н. Административное право: Учебник [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Сухаренко А. Государство на контроле. ЭЖ-Юрист, 2014, N 36 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Добрынин Н.М. Концептуальные подходы в оценке механизма общественного контроля за государственной публичной властью в конституционно-правовой действительности Российской Федерации // Право и политика. - М.: Nota Bene, 2005, № 9. - С. 4-11.
4. Зайцева Г.Г. Новый механизм общественного контроля. Руководитель автономного учреждения, 2014, N 8 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 21.07.2014 г. №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. - № 3. – Ст. 4213.
6. Нестеров А.В. Об общественном контроле и открытом государственном управлении Государственная власть и местное самоуправление, 2014, N 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Беляев В.П. Общественный контроль в современной России. Конституционное и муниципальное право, 2006, N 6 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Гиляров Е.М. Общественный контроль как механизм противодействия коррупции в органах государственной власти / Гиляров Е.М., Шабуня В.В. - Гражданское общество в России и за рубежом, 2014, N 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСА «РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА»: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

**М.С. Мизернюк,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
reatkom@inbox.ru**

**Научный руководитель:
К.А. Иванова,
ассистент кафедры конституционного
и муниципального права ИГиП ТюмГУ**

Наряду со становлением и развитием правового, социального и конституционного государства, важнейшей задачей является построение государства электронного. В частности, об этом высказывался В.В. Путин в рамках своей статьи «Демократия и качество государства» [1], где он отмечал, что мы должны своевременно реагировать на запросы граждан Российской Федерации, которые всё более усложняются, а в условиях «информационного века» приобретают качественно новые черты. И далее: «уже сейчас мы используем практику размещения проектов законов в Интернете. Каждый может направить своё предложение или поправку», «...такой механизм коллективного отбора оптимальных решений, или, как его называют эксперты, краудсорсинг [2] – должен стать нормой на всех уровнях», - подчеркивал автор.

Развитие информационных технологий и обеспечение права граждан на свободный доступ к информации является одной из главных и неотъемлемых задач большинства развивающихся государств. В этой связи, реализация законотворческой инициативы граждан Российской Федерации посредством глобальной информационной сети «Интернет» (далее по тексту – сеть «Интернет») видится нам одной из наиболее перспективных форм, посредством которой народная законодательная инициатива, в рамках науки конституционного права, выглядит наиболее актуально, отвечая всем требованиям современного информационного общества.

Народная законодательная инициатива - это форма непосредственного осуществления населением государственной власти посредством внесения законодательного предложения либо проекта нового закона, проекта закона об отмене или изменении ранее принятых законов с целью последующего принятия такого нормативного акта законодательным органом соответствующего уровня [3; 425-427].

При этом нельзя не отметить, что реализация законотворческой инициативы граждан в сети «Интернет» является новацией для российского законодательства, в связи с чем возникают определенные проблемы, связанные с правовым регулированием института законотворческой инициативы и процедурой его осуществления.

Первым шагом по решению проблемы правового регулирования стало принятие Указа Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (далее по тексту – Указ Президента) [4] и утверждения, вместе с ним, Правил рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием вышеупомянутого интернет-ресурса.

2 апреля 2013 года платформа «Российская общественная инициатива» (далее по тексту – интернет-ресурс) была представлена общественности и средствам массовой информации.

Появление такого интернет-ресурса ознаменовало собой новый этап развития электронной демократии в России – реализацию возможности прямого взаимодействия с органами власти, формирования законодательной повестки [5].

Помимо вышеупомянутого интернет-ресурса в сети «Интернет» имеются и иные зарубежные платформы, созданные в целях реализации прав граждан на инициативы. Например, американский ресурс «We the People» [6].

В соответствии с Условиями участия, которые опубликованы на интернет-ресурсе «We the People», для того, чтобы Администрация Белого дома «обратила внимание» на петицию, необходимо преодоление двух основных порогов [7].

Первый порог подразумевает поддержку выдвинутой инициативы 150 гражданами в течение 30

дней, после чего данная инициатива становится публичной (доступна для поиска на интернет-ресурсе «We the People»).

Второй порог подразумевает поддержку выдвинутой инициативы 100 тыс. граждан в течение 30 дней.

В случае преодоления двух установленных порогов, инициатива считается поддержанной и отправляется на рассмотрение в Администрацию Белого дома. При этом следует обратить внимание на то, что Администрация Белого дома оставляет за собой право изменять сроки и пороги подписей, применяемых к размещаемым на интернет-ресурсе «We the People» петициям.

Иным образом регламентируется данная процедура в Российской Федерации. В соответствии с п.п. «а» п. 14 Указа Президента, размещенная на интернет-ресурсе общественная инициатива должна получить необходимую поддержку в ходе голосования. Поддержанной считается инициатива, которая в течение одного года после ее размещения на интернет-ресурсе получила:

а) не менее 100 тыс. голосов граждан – в поддержку инициативы федерального уровня;

После чего, поддержанная инициатива в электронном виде направляется в экспертную рабочую группу соответствующего уровня для проведения экспертизы и принятия решения о целесообразности разработки проекта соответствующего нормативно-правового акта и (или) об иных мерах по реализации данной инициативы.

По состоянию на апрель 2015 года наиболее популярной общественной инициативой на федеральном уровне стала инициатива № 50Ф14141 «Обязать Российский футбольный союз и Министерство спорта России проводить рейтинговое интернет-голосование по кандидатурам на должность главного тренера сборной России по футболу, а также по кандидатурам в состав сборной России по футболу перед мировыми соревнованиями». К слову говоря, под данной инициативой подписалось более 98 000 человек.

Второй по популярности общественной инициативой на федеральном уровне является инициатива № 77Ф15227 «О внесении изменений в ТК РФ, предусматривающие проведение обязательной индексации заработной платы работников не реже одного раза в год на уровне не ниже фактических размеров инфляции». В поддержку данной инициативы проголосовало более 94 000 человек.

На региональном уровне по состоянию на апрель 2015 года, наиболее популярной инициативой стала инициатива г. Москвы № 77Р17403 «Изменить правила платной парковки в Москве». Под данной инициативой подписалось свыше 22 000 человек [8].

На зарубежной платформе «We the People» по состоянию на апрель 2015 года наиболее популярной петицией стала петиция с требованиями выдвинуть обвинения против 47 американских сенаторов в связи с их попытками подорвать ядерное соглашение с Правительством Ирана.

Под данной петицией, в течение менее месяца, подписались свыше 310 тыс. граждан США.

Таким образом, в связи с интенсивным развитием и использованием информационных технологий становится очевидным, что глобальная информационная сеть «Интернет» постепенно внедряется во все институты непосредственной демократии Российской Федерации, отчего необходимость в совершенствовании нормативно-правового регулирования института законотворческой инициативы в интернет-среде постоянно растет.

Говоря о правовом регулировании рассматриваемого вопроса, нельзя не отметить проблему открытости и прозрачности голосования, проводимого на интернет-ресурсе по той или иной общественной инициативе.

В частности, согласно п.п. «б» п. 17 Указа Президента уполномоченная некоммерческая организация, которой является Фонд развития информационной демократии и гражданского общества «Фонд информационной демократии» (далее по тексту – ФИД) должна обеспечивать достоверность результатов голосования.

На практике проверить достоверность результатов голосования по той или иной общественной инициативе представляется физически невозможным, так как отсутствует любая информация, кроме общего количества проголосовавших «за» и «против».

В феврале 2015 года пользователем интернет-ресурса Гюрджияном А.А. был подан иск в Хамовнический районный суд города Москвы о нарушении права на проверку достоверности результатов голосования [9]. Ответчиком по данному иску выступила некоммерческая организация «Фонд развития информационной демократии». Основанием подачи иска послужили события, связанные с обращением Гюрджияна А.А. на электронные адреса платформы «Российская общественная инициатива» и «Фонд информационной демократии» с просьбой разместить порядковые номера поданных голосов в личных кабинетах пользователей.

Данная просьба была мотивирована тем, что вышеупомянутое положение Указа Президента в части обеспечения достоверности результатов голосования не соблюдается, поэтому, в целях реализации

возложенных на ФИД обязанностей, требует обеспечить доступ пользователей к порядковым номерам пользователей.

На данную просьбу ФИД прореагировало отрицательно, отказав в удовлетворении требований.

К слову говоря, слушание по данному делу назначено на 1 апреля 2015 года.

Полагаем, что с доводами Гюрджияна А.А. можно согласиться, поскольку реализация открытости и прозрачности голосования по той или иной инициативе является обязательным условием эффективного функционирования института законотворческой инициативы в интернет-среде.

В этой связи, мы предлагаем предоставить гражданам Российской Федерации хотя бы минимальную возможность самостоятельной проверки достоверности результатов голосования для каждого пользователя интернет-ресурса, а именно публиковать под каждой общественной инициативой, за которую проголосовал тот или иной пользователь, порядковый номер поданного голоса.

Дело в том, что порядковый номер в электронной базе данных у проголосовавших пользователей уже существует изначально, поэтому со стороны ФИД требуется лишь обеспечить его публикацию в личном кабинете каждого пользователя, вследствие чего у пользователей интернет-ресурса появится реальная возможность проверки достоверности голосования по той или иной общественной инициативе.

Вторым вопросом хотелось бы отметить проблему, возникающую при реализации общественных инициатив на региональном уровне.

В соответствии с п.п. «б» п. 14 Указа Президента, поддержанной считается инициатива, которая в течение одного года после ее размещения на интернет-ресурсе получила:

б) не менее 5 процентов голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации (для субъектов Российской Федерации с численностью населения более 2 млн. человек - не менее 100 тыс. голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации), - в поддержку инициативы регионального уровня.

Исходя из Указа Президента «привязка» в данном случае осуществляется непосредственно к количеству человек, проживающих в том или ином регионе, при этом количество зарегистрированных пользователей на интернет-ресурсе не учитывается.

Получается, что если количество зарегистрированных на интернет-ресурсе граждан региона составит менее 5% от проживающего населения, то ни одна инициатива, по определению, пройти не может.

В этой связи возникают определенные сомнения в целесообразности данных положений Указа Президента, поэтому, в целях недопущения ограничения права законотворческой инициативы, мы предлагаем:

1) произвести соответствующие статистические исследования на предмет определения количества зарегистрированных граждан региона (включая информацию о посещении интернет-ресурса), в целях выявления реального «положения дел»;

2) исчислять порог прохождения инициативы не от количества граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта, а от количества зарегистрированных на сайте граждан с соответствующим пересмотром величины процента, на основании вышеупомянутого статистического анализа.

Вследствие этого, эффективность реализации законотворческой инициативы повысится, а у граждан появится реальная, а не номинальная возможность поддержки общественных инициатив, выдвигаемых на региональном уровне.

Таким образом, институт законотворческой инициативы в сети «Интернет» видится нам одним из наиболее перспективных направлений в концепции реформирования государственного управления. Для наиболее эффективного функционирования данного института в интернет-среде, следует продолжать совершенствовать российское законодательство, с учетом предложений, изложенных нами выше. Благодаря этому, граждане будут все больше вовлекаться в процесс управления государством и решения существующих в нем проблем. Сложившаяся ситуация обеспечит гражданам реальную возможность влиять на развитие государственного строительства, делая деятельность управленческого аппарата максимально гибкой и прозрачной.

Литература

1. Путин В.В. Демократия и качество государства / В.В. Путин. // Вестник Российской нации. – 2012. – № 2-3. – С. 44-51.
2. Курячая М.М. Технологии краусорсинга в юридической практике. / М.М. Курячая. // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 6. – С. 31-37.
3. Авакьян С.А. Конституционное право России. Т. 1. М.: Инфра-М, 2011. С. 425-427.
4. Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // Собрание законодательства РФ. – 2013. № 10. Ст. 1019.

5. Российской общественной инициативе - 1 год! [Электронный ресурс] // Сайт Российской общественной инициативы. URL: <https://www.roi.ru/news/44/> (дата обращения: 27.03.2015).
6. WethePeople [Электронный ресурс] // URL: <https://petitions.whitehouse.gov/> (дата обращения: 27.03.2015).
7. Terms Participation [Электронный ресурс] // Сайт «We the People». URL: <https://petitions.whitehouse.gov/how-why/terms-participation> (дата обращения: 27.03.2015).
8. Российская общественная инициатива [Электронный ресурс] // URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 27.03.2015).
9. Хамовнический районный суд [Электронный ресурс] // URL: <http://hamovnichesky.msk.sudrf.ru/> (дата обращения: 27.03.2015).

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

А.И. Молчанова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направления «Юриспруденция»
anna.mol@mail.ru

Научный руководитель:
И.П. Бакулина,
доцент кафедры административного
и финансового права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук

Исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях занимает одно из основных мест в системе профилактических мер предупреждения административных правонарушений. А.С. Дугенец и М.Я. Масленников подчеркивают особое процессуально-правовое значение данной стадии, которое предопределяется социально-правовой целью - обеспечить фактическую реализацию итогового акта - постановления о назначении административного наказания. Неисполнение такого постановления приводит к игнорированию трудоемкой и часто длительной работы органов административной юрисдикции, к отрицанию ее социальной важности и общественного признания, подрывает веру в силу и авторитет закона, снижает эффективность правоохранительной деятельности.

Всякие отступления от принципа неотвратимости юридической ответственности за совершение противоправных деяний, как полагают ученые, искажают объективное восприятие фактической информации о дозволённом и противоправном, порождают у правонарушителей настроения бесконтрольности в связи с совершенными правонарушениями, в том числе - влекущими установленную федеральными либо региональными законами административную ответственность [2].

Самым распространенным видом административного наказания в Российской Федерации является административный штраф. Именно административный штраф назначается за большинство административных правонарушений. Так, по данным судебной статистики, за шесть месяцев 2014 года всего по России число лиц, подвергнутых наказаниям по делам об административных правонарушениях в виде административного штрафа, составило 1 922 974. В Уральском Федеральном округе - 259 641 [5].

Управление Федеральной службы судебных приставов по Тюменской области регулярно информирует жителей Тюменской области о необходимости оплаты долгов. В 1 квартале 2014 года было возбуждено 348 дел об административных правонарушениях по ч.1 ст.20.25 КоАП (неуплата административного штрафа в установленный срок) по Тюменской области. Судами рассмотрено 628 дел, в результате рассмотрения которых наложено 137 административных арестов, назначено наказание в виде обязательных работ - 106, наложено 353 административных штрафа в двукратном размере суммы неуплаченного административного штрафа, объявлено 9 устных замечаний [6].

В процессе исполнения постановлений об административных правонарушениях возникают различные проблемы применения законодательства, регулирующего данную сферу.

Одной из проблем, оказывающих влияние на несвоевременное направление на исполнение постановлений о наложении административного штрафа, является проблематичность определения судьей даты вступления в законную силу постановлений о назначении административного наказания в виде штрафа.

Установление даты вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении при условии, что лицо, привлеченное к административной ответственности, получило такое постановление в организации почтовой связи, на практике затруднительно, поскольку обязанности такой организации сообщить в суд, органу, должностному лицу о дате и времени получения такого постановления законодательство Российской Федерации не содержит [1].

Еще одной проблемой является вопрос о привлечении к административной ответственности за неуплату административного штрафа в установленный законом срок, которая закреплена в ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ.

На практике зачастую нет возможности обеспечить реализацию права гражданина на его присутствие при составлении в отношении него протокола, особенно в тех случаях, когда административное правонарушение, за которое им не был уплачен административный штраф, совершено не по месту жительства, а в другом городе или регионе. В результате чего в отношении этого лица протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, составляется в его отсутствие и направляется в суд без него, несмотря на то, что санкция указанной статьи в настоящее время предусматривает за данное правонарушение наказание, в т.ч. в виде административного ареста, в связи с чем это дело на основании ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ должно рассматриваться немедленно после его поступления в суд и в присутствии привлекаемого к ответственности лица [1].

Должностные лица уполномоченных органов, судебные приставы-исполнители и суды фактически выполняют дублирующие функции. Так, например, судебный пристав, получив для принудительного исполнения постановление о наложении административного штрафа, принимает меры к вызову гражданина и проводит проверку факта уплаты штрафа. Те же действия осуществляют должностные лица при составлении протокола по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, а затем суды - при рассмотрении этих дел.

Учитывая возможность назначения административного ареста за неуплату административного штрафа, эти дела должны быть рассмотрены судьей с обязательным участием лица, в отношении которого ведется производство по данному делу, в день получения протокола об административном правонарушении и других материалов дела (ч. 3 ст. 25.1, ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ). КоАП РФ не предусматривает возможности продления указанного срока рассмотрения дела. Таким образом, в случае, когда судье поступил только протокол об административном правонарушении по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, а лицо, совершившее данное административное правонарушение, в суд доставлено не было или не явилось для участия в рассмотрении дела, судья фактически лишается возможности вынести постановление с соблюдением сроков, указанных в ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ. Применительно к ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ осуществить доставку лиц, не уплативших административный штраф, представляется затруднительным, поскольку эти лица, как правило, не являются для составления протокола об административном правонарушении.

В подобных случаях судьи вынуждены возвращать протоколы об административных правонарушениях, поскольку назначить административное наказание без присутствия лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, не представляется возможным.

Следующая проблема, на которую обращают внимание ученые, - недостаточность взаимодействия судов и судебных исполнителей, что приводит к массовым случаям неисполнения судебных решений и к значительному количеству обращений граждан в Европейский суд по правам человека.

И.Н. Колядко считает, что передача функций исполнения судебных и иных решений органу исполнительной власти - особенность российского законодательства. По его мнению, отсутствие заметного прогресса в эффективности принудительного исполнения в России позволяет сомневаться в правильности такого решения, так как оно не обеспечивает верховенство власти суда в защите права при принудительном исполнении судебных решений [3].

С целью поиска возможных вариантов решения проблем исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, по мнению автора, необходимо обратить внимание на зарубежный опыт.

Анализ опыта ряда европейских государств показывает, что эффективность исполнения судебных решений зависит от следующих факторов:

- экономического благополучия граждан и юридических лиц;
- организации служб исполнения, их заинтересованности в результатах работы и обеспеченности квалифицированными кадрами;
- достаточности правовых средств для выявления и реализации имущества и имущественных прав должника и принуждения его к исполнению неимущественных обязанностей;
- развитости форм взаимодействия суда и судебного исполнителя при рациональном распределении их компетенции [3].

Так в Литве, Латвии и Эстонии в 2002 - 2003 гг. наряду с существующей государственной службой судебных исполнителей была внедрена частная форма организации принудительного исполнения по

французской модели. Таким же образом организована система принудительного исполнения в Бельгии, Люксембурге, Нидерландах, Италии, Греции. В ряде стран Восточной Европы (Венгрия, Словакия, Польша, Чехия) в последние годы тоже перешли на эту модель исполнения. Одной из причин внедрения системы принудительного исполнения по французской модели явилось отсутствие необходимости у государства финансировать деятельность судебных исполнителей.

При подобной системе судебный исполнитель выполняет государственные функции, но при этом самостоятельно организует свою деятельность и несет полную имущественную ответственность за ее результаты. Источником финансирования деятельности судебного исполнителя являются средства, которые вносятся взыскателями согласно утвержденным государством тарифам. В конечном счете данные средства взыскиваются с должника. Система самофинансирования стимулирует судебного исполнителя к достижению максимальной эффективности исполнения [3].

Значительный интерес представляет продолжение реформы исполнительного производства в Республике Казахстан. Наряду с государственной системой органов исполнения предлагается альтернативная система - частная форма организации исполнения (ст. 139 проекта Закона Республики Казахстан об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей). При этом частные судебные исполнители могут принимать все исполнительные документы, кроме тех, в которых в качестве одной из сторон выступает государство (ст. 140 проекта).

Так, Н.Г. Салищева, указывая, что исполнение решения по административному делу является самостоятельной стадией административного процесса, предложила наряду с принудительным исполнением предусмотреть механизм добровольного исполнения соответствующих юрисдикционных решений, разработать эффективный механизм контроля за деятельностью государственных органов по исполнению административных наказаний [4].

Наиболее оптимальным решением сложившейся проблемы Н.Г. Салищева считает внесение изменений в КоАП РФ в части возложения обязанности по осуществлению контроля за уплатой административных штрафов не на судью, а на органы исполнительной власти, направившие дело на рассмотрение, либо на судебных приставов исполнителей, тем самым избавив судей от несвойственной им функции. Еще одно решение проблемы - использование в качестве доказательства вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания в виде штрафа данных, полученных с официального сайта ФГУП "Почта России", о получении лицом, привлеченным к административной ответственности, заказного почтового отправления, в котором находилась копия постановления о взыскании административного штрафа.

Кроме того, Н.Г. Салищева отмечает, что решением данной проблемы может быть внесение изменений в Правила оказания услуг почтовой связи, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2005 г. N 221, и в КоАП РФ, предусматривающие обязанность почтовой организации направить в суд данные о получении копии постановления лицом, в отношении которого оно вынесено. Возможно внести и изменения в КоАП РФ, указав, что копия постановления по делу об административном правонарушении направляется заказным почтовым отправлением с уведомлением, а не просто заказным письмом, как это предусмотрено в настоящее время [4].

В Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в марте 2012 года был внесен законопроект N 40772-6 "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях", направленный на совершенствование механизма принудительного взыскания неоплаченных административных штрафов.

В частности, в нем предлагалось передать полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, судебным приставам-исполнителям. С целью снижения нагрузки на судебные органы в законопроекте судебным приставам-исполнителям предоставлялось право рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ. Санкция в виде ареста из данной нормы подлежала исключению. Такой подход представляется автору более эффективным решением вопроса о неуплате административных штрафов.

Таким образом, для более эффективного и качественного исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях необходимо учесть предложения ученых по совершенствованию законодательства в данной сфере и передовой зарубежный опыт.

Список литературы

1. Бондаренко, А. А. Исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях о назначении наказания в виде штрафа. Проблемы и пути их решения, предложенные профессором, Заслуженным юристом Российской Федерации Н. Г. Салищевой // Административное право и процесс. - 2014. - № 9. - С. 77 – 82.

2. Дугенец А.С., Масленников М.Я. Исполнение постановления по делу об административном правонарушении: содержание и социально-правовое значение стадии // Административное право и процесс. 2012. N 9. С. 2 - 11.
3. Колядко И.Н. Пути повышения эффективности исполнения судебных постановлений в Республике Беларусь (с использованием зарубежного опыта) // Практика исполнительного производства. 2012. N 1. С. 2 - 15.
4. Салищева Н.Г. Проблемы совершенствования норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Материалы научно-практической конференции "Актуальные проблемы совершенствования законодательства об административной ответственности". 30 мая 2013 г. М.: РАП, 2014
5. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 6 месяцев 2014 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2588> (дата обращения: 23.03.2015).
6. Чем грозит неуплата в срок административных штрафов [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы судебных приставов по Тюменской области: сайт. – URL: <http://r72.fssprus.ru/news/document22251948> (дата обращения: 25.03.2015).

КОРРУПЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЫЯВЛЯЕМЫЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Р.Б. Муталипов,
студент ИГиПТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
etiki@list.ru
Научный руководитель:
Е.Н. Бырдин,
доцент кафедры теории и истории
государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ
кандидат исторических наук

Одним из средств борьбы с коррупцией выступает экспертиза на коррупциогенность нормотворчества (антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов). Данное средство имплементировано в российское законодательство из международных антикоррупционных конвенций, и это обстоятельство во многом обуславливает отсутствие сложившейся практики его применения в российских условиях.

Целью проведения антикоррупционной экспертизы является выявление в нормативных правовых актах (их проектах) коррупциогенных факторов и их последующее устранение [1]. В современной науке вызывают интерес вопросы понимания данных факторов. Несмотря на наличие легального (законодательного) определения понятия «коррупциогенные факторы», в научной среде имеется множество вариантов его толкования, что, несомненно, требует отдельного исследования.

Несмотря на то, что понятие «коррупциогенного фактора» законодательно закреплено, в науке высказываются различные точки зрения относительно толкования данного термина.

Так, А.В. Нестеров определяет коррупциогенный фактор весьма широко, как «свойство нормы, которое образуется сочетанием ее некоррупциогенных свойств, которое потенциально или действительно сопродуцирует коррупционные проявления» [2; 228].

По справедливому замечанию О.А. Кожевникова понятие «коррупциогенный фактор» в своей сущности должно содержать перечень обстоятельств, которые способствуют совершению деяний, признаваемых законодательством коррупционными [3; 35].

Большинство ученых рассматривают коррупциогенный фактор как «положение нормативного правового акта или проекта нормативного правового акта, создающее условия для проявления коррупции» (Ю.Г. Арзамасов, М.А. Краснов, Э.В. Талапина, В.Н. Южаков) [4; 12, 5; 82], либо как «совокупность формальных признаков правовых норм, создающих условия для коррупционных проявлений» (Ю.С. Избачков, К.Е. Рыбак) [6; 10].

Анализ законодательства и существующих в науке точек зрения учёных позволяет выделить два подхода к определению понятия «коррупциогенный фактор» широкий и узкий. Представители широкого подхода характеризуют коррупциогенные факторы как положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), способные создавать условия для легитимности коррупции. Согласно узкому, законодательно закреплённому определению, - это положения (дефекты) правовых норм, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, содержащие неопределённые, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции. Таким образом, полагая, что любое определение должно содержать все основные признаки понятия, считаем необходимым присоединиться к официальному определению понятия «коррупциогенный фактор».

Анализ антикоррупционного законодательства показал, что по мере развития концепции антикоррупционной экспертизы типология коррупциогенных факторов на начальных этапах существенно расширялась, а в последующем, наоборот сокращалась. Так, одной из первых методик антикоррупционной экспертизы, подготовленной на базе Центра стратегических разработок в 2004 г., выделялось 11 коррупциогенных факторов. В последующем варианте методики, ориентированном на деятельность федеральных органов исполнительной власти, - 16 коррупциогенных факторов. В методике первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности нормативных правовых актов, вышедшей в 2007 г., предусматривалось 22 типичных коррупциогенных фактора.

Постановлением Правительства РФ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» были утверждены новые Правила проведения экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, а также Методика проведения экспертизы и закреплены 17 признаков коррупциогенности. Однако, данный правовой акт, утвердивший перечень коррупциогенных факторов, не является последним. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 утверждена новая методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, в которой сохранены только 11 коррупциогенных факторов. Из числа коррупциогенных факторов исключены: фактор существования собственно пробела в правовом регулировании; отсутствие превентивных запретов и ограничений для органов власти (отсутствие превентивных антикоррупционных норм); отсутствие норм, обеспечивающих возможность осуществления контроля, в том числе общественного, за деятельность органов власти; отсутствие норм ответственности органов власти; нарушение режима прозрачности информации; нормативные коллизии.

В этой связи Ю.С. Избачков, К.Е. Рыбак указывают, что исключение последних трёх факторов недопустимо для антикоррупционного анализа, поскольку именно они позволяли устанавливать возможность опасных коррупционных проявлений, особенно в связке с другими факторами [6; 10].

Остановимся более подробно на рассмотрении последних трех исключённых коррупциогенных факторов.

1) *Отсутствие норм ответственности органов власти.* Данный фактор в качестве коррупциогенного выделяют большинство ученых. Так, авторы Методики проведения экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (М.А. Краснов, Э.В. Талапина, В.Н. Южаков) указывают на необходимость выделения данного фактора. В подтверждение своей позиции они обращают внимание на то, что в законодательных актах, как правило, отсутствуют нормы об ответственности государственного служащего либо законодатель ограничивается общей формулировкой «несет ответственность в установленном законом порядке», в то время как далеко не всегда в данном законодательном акте или в акте, к которому есть отсылка, имеются меры ответственности за служебные нарушения, нарушение специальных запретов и ограничений. От того, насколько конкретна формула ответственности, зависит ее реальность и неотвратимость. Основания ответственности должны быть четко сформулированы, желательно с дифференциацией, какому виду нарушения какой вид ответственности – дисциплинарной, административной, уголовной, гражданско-правовой – соответствует [5; 85].

2) *Нарушение режима прозрачности информации.* Как отмечает Э.В. Талапина, открытость информации в государственном управлении «вплетена» в прозрачное функционирование органов публичной власти. В то время как принцип публичности и открытости деятельности органов власти до сих пор еще не занял своего достойного места в российском законодательстве [7; 5].

По мнению Н.А. Лопашенко «нарушение режима прозрачности информации» в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления – необходимое условие противодействия коррупции, отмечаемое специалистами и международными актами, поэтому отказ от такого фактора – «это путь назад в борьбе с таким злом, как коррупция» [7; 15].

Рассмотрение открытости информации как превентивной антикоррупционной меры обусловлено тем, что посредством этого обеспечивается контроль общества за функционированием государственного аппарата, выполнением запретов и ограничений для государственных и муниципальных служащих, участие гражданского общества в принятии управленческих решений.

Обобщая вышесказанное, считаем целесообразным, вернуть такой фактор как «нарушение режима прозрачности информации» в число коррупциогенных.

3) *Нормативные коллизии* - противоречия, в том числе и внутренние, между нормами, создающие для органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае. Относительно данного фактора у ученых нет единого мнения - стоило ли его исключать из числа коррупциогенных или нет.

Авторы Методики проведения экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (М.А. Краснов, Э.В. Талапина, В.Н. Южаков) придерживаются позиции, что коллизии анализируемого законодательного акта с другими нормативными правовыми актами препятствуют правильному применению закона, создают возможности для применения той нормы, которая выгодна в конкретном случае [5; 83].

Противоположенной точки зрения придерживаются Ю.Г. Арзамасов и Е.А. Певцова, отмечая, что «данный фактор, в отдельных случаях, может способствовать коррупционным проявлениям. Однако данная проблема в большей степени является эмпирической, поскольку субъекты законодательной инициативы крайне редко осуществляют «пакетный» принцип в законодательном процессе, то есть не вносят в Государственную Думу вместе с законопроектом и другими необходимыми документами нормативные правовые акты, направленные на его конкретизацию и детализацию, а также перечень тех нормативных документов, в которые срочно необходимо внести изменения, например, если вводится новый юридический термин. В результате появляются коллизии норм. Однако коллизии норм могут носить и «положительный заряд», поскольку, выявленные коллизии указывают на существующий дефект, а, значит, такие коллизии не так уж и опасны, по сравнению с невыявленными противоречиями» [8; 14].

В этой связи полагаем, что закрепление такого коррупциогенного фактора как «нормативные коллизии», с одной стороны, выступает антикоррупционной мерой, а с другой стороны, должно способствовать выявлению и устранению противоречий (коллизий) правовых норм.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что исключение из числа коррупциогенных таких факторов как отсутствие норм ответственности органов власти; нарушение режима прозрачности информации; нормативные коллизии является нецелесообразным и противоречит цели производства антикоррупционной экспертизы.

Итак, новая Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утверждённая Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96, устанавливает две группы коррупциогенных факторов.

1. Факторы, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил: широта дискреционных полномочий; определение компетенции по формуле "вправе"; выборочное изменение объема прав; чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества; принятие нормативного правового акта за пределами компетенции; и другие.

2. Факторы, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям: наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права; злоупотребление правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами); юридико-лингвистическая неопределенность.

Следует констатировать, что многие ученые не согласны с решением законодателя об установлении закрытого перечня коррупциогенных факторов, указывая на необходимость его увеличения. Так, различные авторы дополнительно выделяют следующие коррупциогенные факторы: ложные цели и приоритеты; «навязанная» коррупциогенность; формально-техническая коррупциогенность; непринятие нормативного правового акта (бездействие); нарушение баланса интересов. Поддерживая мнения ученых в данном вопросе, считаем также целесообразным включить в Методику такие коррупциогенные факторы как «реализация негосударственных интересов», «отсутствие механизма контроля за реализацией предписания правовой нормы».

Список литературы

1. Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2009 г. № 29. Ст. 3609.
2. Нестеров А.В. Что такое коррупциогенный фактор? Обсуждение Федерального закона РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Правонарушения и юридическая ответственность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред.: Хачатуров Р.Л. - Тольятти: ТГУ, 2009. С. 227-230.
3. Кожевников О.А. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие: учебное пособие. Екатеринбург: ИД УрГЮА. 2006.
4. Арзамасов Ю.Г. Антикоррупционная экспертиза как составная часть общей мониторинговой экспертизы нормативных правовых актов: правовая основа; анализ коррупциогенных факторов; пути совершенствования методики // Экспертиза нормативных правовых актов и их проектов на предмет коррупциогенности: содержание, значение, методика проведения. Москва: Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. С. 11-22.
5. Краснов М.А., Талапина Э.В., Южаков В.Н. Коррупция и законодательство: анализ закона на коррупциогенность // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 77-88.
6. Избачков Ю.С., Рыбак К.Е. Новая методика проведения антикоррупционной экспертизы // Право и экономика. 2010. № 9. С. 10-14.
7. Талапина Э.В. Антикоррупционный информационный стандарт в государственном управлении: подходы к пониманию // Государство и право. 2011. № 3. С. 5-15.
8. Арзамасов Ю.Г, Певцова Е.А. Новое «указное» нормотворчество: общая характеристика результатов; тенденции развития // Государство и право. 2010. № 1. С. 12-20.

ПРАВО НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНИНА

Е.В. Немчинова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
nike946@rambler.ru

Научный руководитель:
И.В. Тордия
заведующий кафедрой гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

В ст. 152.1 ГК РФ в качестве общего правила предусмотрено, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина, включая его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, на которых он изображен, допускаются только с его согласия. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. Обнародование и использование изображения гражданина без согласия его самого либо перечисленных лиц, допускается лишь в случаях, когда:

- Использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;
- Изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и т.п.), кроме случаев, когда такое изображение является основным объектом использования;
- Гражданин позировал за плату.

Если изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением статьи, распространено в сети "Интернет", гражданин вправе требовать удаления этого изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения [1].

Что такое изображение человека? Изображение представляет собой зафиксированный в определенный момент времени внешний целый или фрагментарный образ (облик) человека, визуально отличающий его от других людей.

Право на собственное изображение рассматривается в качестве нематериального, то есть не имеющего экономического содержания блага. Из этого следует, что для защиты указанного права будут применяться способы защиты, характерные для защиты нематериальных благ. В частности, среди таких способов можно указать на компенсацию морального вреда, пресечение действий, нарушающих право, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и некоторые другие [2].

Особое значение вопрос правовой охраны изображения физического лица приобрел в связи с развитием информационных технологий. Всем известны случаи, когда изображения различных персон (как известных, так и не очень) размещаются в киберпространстве без согласия этих персон. При этом особую ценность представляют фотографии, изображающие их в неприглядном виде.

В подобных случаях необходимо принять определенные правовые меры для защиты изображаемых граждан. Указанная правовая норма является попыткой решения этой проблемы. Однако представляется, что все эти вопросы требуют дальнейшей проработки, поскольку данная норма не способна решить всех проблем, возникающих в связи с неправомерным использованием и распространением изображений физических лиц [3].

Выделяю несколько проблем, связанных с правом на изображение:

1) Как известно, право на изображение гражданина тесно связано с авторским правом. Так, правообладатель, не являющийся изображенным лицом, чаще всего желает обнародовать принадлежащее ему произведение (фотографию, видеозапись или произведение изобразительного искусства) и эксклюзивно использовать его всеми доступными по закону способами (ст. ст. 1268, 1270 ГК РФ), извлекая выгоду из узнаваемости, красоты, уродства или иных качеств внешности изображенного гражданина.

Носитель изображения, так же как и обладатель объекта интеллектуальной собственности, может испытывать потребность в обнародовании, распространении собственного изображения, популяризации и коммерциализации личной внешности, однако с его стороны, вполне объяснима и возможная заинтересованность в том, чтобы сохранить запечатленный образ в секрете. Например, конкретное изображение может быть объективно неудачным или просто не нравиться изображенному лицу; оно может фиксировать гражданина в неприглядном виде, неподходящей компании или обстановке [4].

Таким образом, если интерес изображенного гражданина не совпадает с интересом обладателя изображения, то удовлетворение интереса последнего может быть практически полностью заблокировано, что снижает шанс выиграть судебный процесс для правообладателя изображения.

2) Законодатель не уточняет, в какой форме должно быть дано согласие на обнародование и использование изображения: письменной или устной. Поэтому пока законодатель не уточнит соответствующим образом форму согласия, в судебном порядке будет сложно защитить свои права гражданину, право на изображение которого было нарушено. Таким образом, можно порекомендовать гражданам - выдавать, а заинтересованным лицам – получать согласие на использование фотографических и иных изображений в письменной форме [5].

3) Не совсем понятно, что имеется в виду под указанием на то, что изображение является основным объектом использования. Следует согласиться с мнением о том, что основным объектом съемки должно быть именно публичное место или мероприятие, но не образ конкретного гражданина. Иначе говоря, изображение гражданина должно служить своеобразным фоном освещаемых мероприятий и использоваться только в связи с его пребыванием в конкретном месте и таким образом, чтобы не акцентировать внимание на изображении гражданина. Например, изображение гражданина может быть дано даже крупным планом, но при условии, что такой крупный план не является господствующим на конкретном изображении публичного места (мероприятия). Это можно объяснить тем, что гражданин попал в кадр фотографа случайно или фотограф удачно поймал момент, зафиксировав при этом эмоции человека, передающие атмосферу мероприятия или места.

Так, например, один московский фотограф выставил в соц. сеть Вконтакте фотографии с места убийства Бориса Немцова. Люди, которых он сфотографировал, будут являться не основным объектом съемки, а лишь отражением (фоном) события, совершенного в публичном месте (на улице).

4) Существует и такой вопрос: распространяется ли право на изображение на так называемых публичных лиц (политиков, звезд шоу бизнеса, популярных телеведущих и т.д.)? Известно, что именно такие лица становятся объектом охоты папарацци. Поскольку законодатель не установил никаких изъятий в отношении указанных лиц, можно прийти к выводу, что указанное право на них распространяется. Комплексный анализ как зарубежной, так и российской судебной практики показывает, что в случаях неправомерного вторжения средств массовой информации в частную жизнь, в том числе и публичных лиц, на

ответчика судом возлагается обязанность компенсировать моральный вред, причиненный распространением такой информации [6].

В решении Нижегородского областного суда установлено, что без согласия гражданина обнародование и использование его изображения допускается, если такой гражданин является публичной фигурой (политиком, занимает государственную должность, играет определенную роль в общественной жизни и т.д.) и тогда информация о нем является социально значимой; либо информация о нем, так или иначе, затрагивает интересы общественной и государственной безопасности. Однако не все публичные фигуры могут выставлять свои фото в различные социальные сети. Так, судья Белоглинского районного суда Ирина Парфенова за публикацию в соцсети "Одноклассники" неоднозначных фотографий досрочно прекратила свои полномочия судьи на основании судебного решения Верховного Суда [7].

Таким образом, каждая публичная персона должна понимать, что за лично выставленные фотографии отвечает в полной мере и при этом должна стараться не нарушать правил, связанных с моралью, этикой, служебными положениями и т.п.

Данный вопрос связан и с вопросом о том, какие из мероприятий можно рассматривать в качестве публичных. Перечень таких мероприятий, закрепленных в п. 1 ст. 152.1., является примерным. Возникает вопрос, относятся ли к местам, открытым для свободного посещения, кафе, рестораны и т.д. Очевидно, следует исходить из того, был ли предусмотрен свободный вход в данное заведение или же речь шла о закрытом мероприятии. При этом следует иметь в виду, что в некоторых заведениях подобного рода устанавливается запрет на несанкционированную фото- и видеосъемку даже при свободном входе.

5) Не следует исключать также выступающие сделками волеизъявления гражданина об использовании его изображения под отлагательным или отменительным условием (ст. 157 ГК РФ). Замена терминов "опубликование", "воспроизведение" и "распространение" (по тексту ст. 514 ГК РСФСР) терминами "обнародование" и "использование" (по тексту ст. 152.1 ГК РФ) не устраняет допустимость дифференцированной или поэтапной реализации каждой из более мелких возможностей. В субъективное право гражданина на собственное изображение должны быть включены также и правомочия изготовления собственного изображения, предоставления такой возможности третьим лицам, использования изображения, запрещения его использования третьими лицами в коммерческих либо противоправных целях, а также запрещения искажать собственное изображение.

Важно отметить и то, что если в согласии гражданина присутствует какое-либо уточнение по объему, форме, цели и иным параметрам использования изображения (или такие ограничения прямо вытекают из запроса, в ответ на который выдавалось согласие), должно презюмироваться отсутствие согласия в остальной части. Весьма показательный случай произошел с известным челябинским театральным актером Андреем Торховым. Приняв участие в съемках рекламного ролика, направленного на продвижение минеральной воды "Озерская", актер, очевидно, выдал разрешение на использование его образа в материалах, связанных исключительно с этой минеральной водой. Поэтому вполне резонно актер воспринял как нарушение своих законных интересов последующее использование кадра из ролика с его изображением в рекламе не воды, а водки с одноименным названием [6].

В заключении хотелось бы сказать, что статья 152.1. ГК РФ должна быть дополнена существенными замечаниями, которые были уже высказаны ранее. Так можно будет уменьшить количество судебных дел, связанных с нарушением права на изображения гражданина.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51–ФЗ (ред. от 06.04.2015 с изменениями, вступившими в силу с 07.04.2015) // Собрание законодательства РФ. - 1994, № 32. - Ст. 3301.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учеб.-практич. комментарий / Под ред. А.П. Сергеева [и др.]. - М.: Проспект, 2010.
3. Гришаев С.П. Право гражданина на изображение // Гражданин и право, N 9, 2012. - С. 12-14
4. Колосов В.С., Шварц М.З. Право на изображение // Журнал Интеллектуальная собственность: Авторское право и смежные права, № 3-5, 2008. - С. 3-5
5. Малеина М.Н. Использование в рекламе изображения гражданина: правовые основания и последствия // Закон, 2007. N 10. - С. 21 - 26.
6. Микрюков В.А. О дифференцированном согласии гражданина на обнародование и использование его собственного изображения // Право и экономика, 2013, N 2 - С. 20-23
7. Решение Верховного Суда РФ от 01.09.2014 по делу N ДК14-1 [Электронный ресурс]. - Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 14.04.2015)

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ (МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА) РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ, НА РОЖДАЕМОСТЬ В ПОСЕЛКЕ КОМСОМОЛЬСКИЙ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

**А.А. Новик,
ученица МАОУ «Комсомольская СОШ»
п. Комсомольский Заводоуковского
городского округа
ivanuk72@mail.ru
Научный руководитель:
И.В. Иванюк,
учитель истории и обществознания
МАОУ «Комсомольская СОШ»
п. Комсомольский Заводоуковского
городского округа**

В нашей стране государство огромное внимание уделяет социально-экономической политике и поддержке семьи. Причиной этому послужила кризисная демографическая ситуация в России. Российские демографы Х. Палли и В. Борисов за максимальную величину естественной рождаемости принимают среднюю рождаемость, равную 12,44 рождения на одну женщину репродуктивного возраста. Демографы рисуют довольно страшные картины сегодняшнего положения дел и перспектив на будущее. По результатам ООН к 2050 году численность населения России будет находиться в интервале от 71 до 127 млн. человек. Одна из причин этого явления - снижение рождаемости.

При изучении темы «География населения мира. Мы сравниваем городское и сельское население» на уроках географии, я увидела проблемы демографии и пришла к мысли, что необходимо проанализировать данную ситуацию в посёлке, котором я живу. Выбор темы обусловлен тем, что демографические проблемы являются наиболее актуальными в наше время, как для жителей страны в целом, так и для нашей области, нашего поселка.

Целью моего исследования являлось выявление зависимости рождаемости от выплаты материнского капитала в поселке Комсомольский Тюменской области.

Достижение указанной цели обусловило постановку и разрешение следующих задач:

во-первых, анализ демографической ситуации в поселке Комсомольский;
во-вторых, изучение динамики рождаемости в поселке Комсомольский;
в-третьих, разработка анкеты для проведения мониторинга рождаемости в посёлке Комсомольский;
в-четвертых, проведение мониторинга среди местных жителей - узнать, как материнский капитал повлиял на увеличение рождаемости;

в-пятых, анализ полученных статистических данных.

В решении поставленных задач использовались следующие методы исследования:

1. Аналитический - анализ демографической ситуации в поселке.
2. Литературный - использование материалов научной и учебной литературы.
3. Социологический (личные беседы с жителями поселка Комсомольский) – опрос населения на основе разработанных анкет.
4. Статистический – обработка статистических данных, построение графиков, диаграмм, таблиц.

Объектом исследования являлась рождаемость в поселке Комсомольский.

Предметом исследования являлся уровень рождаемости в поселке Комсомольский после выхода Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 27 декабря 2006 г. № 256-ФЗ.

При постановке цели выявилась гипотеза исследования: введение материнского (семейного) капитала оказало существенное воздействие на стимулирование роста рождаемости в посёлке Комсомольский Тюменской области.

Практическая значимость исследования состоит в использовании материалов данной работы на уроках географии в 10 классе при изучении темы «География населения мира. Мы сравниваем городское и

сельское население», а также рекомендаций данной исследовательской работы для обсуждения в органах местного самоуправления п. Комсомольский Заводоуковского городского округа Тюменской области.

Новизна исследования состоит в том, что до настоящего времени не проявлялся интерес к демографическим проблемам поселка и не проводилось подобных исследований численности рождаемости населения поселка Комсомольский.

В своем исследовании я использовала статистические данные, предоставленные Администрацией поселка Комсомольский, СМИ, ресурсы Интернета.

Демография (от греч. *demos* – народ и *grapho* – пишу) – наука о закономерностях воспроизводства населения, изучающая его численность, естественный прирост, возрастной и половой состав и т.д. [2].

Центральное место в демографии занимает исследование воспроизводства населения, т. е. процесса смены одних групп людей другими. Воспроизводство населения происходит, прежде всего, вследствие естественной смены поколений, т. е. через рождаемость и смертность, или так называемого естественного движения населения.

На сегодняшний день демографическая ситуация в России остается сложной. Причиной тому – уменьшение населения страны так называемым демографическим кризисом, или депопуляцией, для которого характерно превышение смертности над рождаемостью. Население России, еще 10 лет назад составившее 149 миллионов человек, ныне сократилось до 143 миллионов. [4].

Это связано, во-первых, с переходом от традиционного типа воспроизводства к современному, главной особенностью которого является планирование числа детей в семье; во-вторых желанием родителей дать своим детям хорошее воспитание и образование, что требует значительных материальных затрат.

Я ознакомилась с демографической ситуацией в Российской Федерации и сделала следующий вывод: среднестатистическая российская семья становится малодетной и для нее характерно в среднем два ребенка. Для серьезного повышения суммарного коэффициента рождаемости нужны более сильные стимулы, чтобы поощрять рождение детей, особенно второго и третьего ребенка.

Материнский (семейный) капитал – это мера государственной поддержки российских семей, в которых с 2007 по 2016 год включительно родился (был усыновлен) второй ребенок (либо третий ребенок или последующие дети, если при рождении (усыновлении) второго ребенка право на получение этих средств не оформлялось).

Материнский (семейный) капитал как мера поощрения к рождению или усыновлению второго ребенка начал предоставляться в нашей стране с 2007 года, со вступлением в силу Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей". Сумма материнского капитала ежегодно индексируется, с 250000 руб. в 2007 г. до 429408 руб. в 2014 г. (прирост составил 71,8%) [1].

Изначально эти деньги можно было потратить всего на три цели: улучшение жилищных условий, образование для ребенка и пенсию матери. В 2014 году этот перечень расширен до 10 целей, к которым относятся: улучшение жилищных условий: погашение ипотечного кредита; реконструкция и ремонт жилого дома с увеличением жилой площади; компенсация за строительство дома; ремонт и строительство дома своими силами; долевое строительство; участие в жилищно-строительных кооперативах; получения образования: проживание студента в общежитии образовательного учреждения; оплата услуг образовательного учреждения; оплата содержания ребенка в детском саду; пенсионное накопление матери [1].

Право на получение материнского (семейного) капитала предоставляется только один раз.

Материнский (семейный) капитал ежегодно индексируется государством, изменение его размера не влечет замену сертификата.

Срок обращения в ПФР с заявлением о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал после рождения (усыновления) второго (третьего или последующего ребенка) не ограничен.

Заявление о распоряжении средствами (частью средств) материнского капитала может быть подано в любое время по истечении трех лет со дня рождения (усыновления) второго (третьего или последующего) ребенка. Если необходимо использовать средства материнского капитала на оплату основного долга и процентов по кредиту (займу) на приобретение или строительство жилья, капиталом можно воспользоваться в любое время после рождения или усыновления ребенка, с рождением (усыновлением) которого возникло право на получение сертификата.

Материнский (семейный) капитал освобождается от налога на доходы физических лиц.

Сертификат действителен только при предъявлении документа, удостоверяющего личность.

Действие сертификата прекращается в случае смерти владельца, лишения его родительских прав в отношении ребенка, в связи с рождением или усыновлением которого возникло право на получение материнского капитала, совершения им в отношении своего ребенка (детей) умышленного преступления, относящегося к преступлениям против личности, а также в случае отмены усыновления ребенка, в связи с

усыновлением которого возникло право на материнский капитал, или в связи с использованием средств материнского (семейного) капитала в полном объеме.

В случае утраты сертификата можно получить его дубликат.

Средства материнского капитала можно получить только по безналичному расчету. Любые схемы обналичивания этих средств являются незаконными. При этом владелец сертификата на материнский капитал, который соглашается принять участие в схемах обналичивания, идет на совершение противоправного акта и может быть признан соучастником преступления по факту нецелевого использования государственных средств. [3].

Таким образом, плюсы Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей", в том, что люди быстрее задумываются о рождении второго ребенка, а это позволяет рассчитывать на то, что в дальнейшем в такой семье может появиться и третий ребенок.

Комсомольский поселок (Тюменская обл.) - населенный пункт в России, Заводоуковский городской округ, Тюменская область, Уральский федеральный округ, Россия. Основан 29 октября 1968 года. В 1995 году открылась средняя образовательная школа, так же в поселке есть и детский сад "Елочка". С 17 декабря 2002 года зарегистрирована компания ЗАО "Загрос- ЛПК". За счет новых рабочих мест численность жителей поселка увеличивается и по сегодняшний день.

Для достижения указанной цели было проведено анкетирование жителей посёлка Комсомольский. В ходе анонимного анкетирования было опрошено 18 матерей в возрасте от 20 до 35 лет. Все мною опрошенные женщины состоят в браке. Количество детей в семьях разное 67% семей, имеющих 1-2 ребенка, 33% многодетные семьи.

По опросам общественного мнения о том, сколько должно быть детей в семье, 62% женщин ответили, что достаточно одного или двух, 38% решили, что все-таки должно быть трое и более.

На вопрос о том какие меры позволят вам иметь больше детей женщины ответили по разному: 63% опрошенных хотят сначала улучшить жилищные условия, для других 27% опрошенных важно было увеличение суммы детских пособий, для остальных 10% важно улучшение медицинских услуг.

Таким образом, от ориентира на трех и четырехдетную семью общество переходит в однодетную. Наблюдая происходящее вокруг, и не зная, что ожидает завтра, люди, стараются вложить в единственного ребёнка не столько душу, сколько материальные средства, рассматривают ребёнка как витрину благополучия семьи. Стимулирование рождаемости путём выплаты материнского капитала в поселке Комсомольском Заводоуковского городского округа Тюменская области является одним из возможных решений данной проблемы.

На основе проведенной мною исследовательской работы, результатов опроса населения и, рассмотрев современную демографическую ситуацию поселка Комсомольский, я пришла к следующему выводу, что гипотеза поставленная в начале работы нашла свое подтверждение. Действительно, материнский капитал помогает семьям и повышает рождаемость.

Таким образом, я могу говорить о том, что введение материнского (семейного) капитала оказало существенное воздействие на стимулирование роста рождаемости. Исходя из вышесказанного следует, что материнский (семейный) капитал, как инструмент улучшения демографической ситуации в стране, показал свою результативность в нашем поселке.

В связи с этим в качестве предложений по повышению рождаемости я предложила внести следующие рекомендации:

1. Продлить срок действия закона о выдаче материнского капитала. Действующая редакция закона, на основании которого предоставляется материнский капитал, предусматривает, что этот закон применяется к правоотношениям, возникшим в период с 1 января 2007 года по 31 декабря 2016 года. Как говорилось выше, такая мера повышения рождаемости оказалась довольно эффективной, но экспертами высказываются опасения по поводу возможного ухудшения демографической ситуации после окончания срока действия закона. По оценке специалистов, если не предпринимать дальнейших действий по социальной поддержке семьи, к 2050 году в России будет составлять 107 млн. чел. (в настоящее время - 142 млн. чел.). Сохранение же материнского капитала позволит увеличить численность населения нашей страны к этому времени до 154 млн. чел. Поэтому необходимо продление срока действия Закона до конца 2020 или даже до конца 2025 года. Кроме того, возможно установление бессрочного порядка предоставления материнского капитала.

2. Изменить направления расходования средств материнского капитала. Например, предлагаю наделение родителей правом использовать средства материнского капитала на оказание ребенку высокотехнологичной медицинской помощи и лечения, а также реабилитацию ребенка-инвалида при возникновении такой необходимости.

3. Организовать на постоянной основе общее знакомство жителей посёлка Комсомольский с видами права и нормами, регулируемыми выплаты материнского капитала.

Источники:

1. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 27 декабря 2006 г. № 256-ФЗ
2. Максаковский В.П. «Экономическая и социальная география мира», Москва, Просвещение, 2011.
3. Официальный сайт Пенсионного Фонда Российской Федерации http://www.pfrf.ru/grazdanam/family_capital/chto_nuzh_znat/
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной политики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography

НУЖНА ЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ?

А. С. Огарков,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
acerferrari4000@yandex.ru
Научный руководитель:
Н.В. Сидорова,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков России – это федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту. [1]

Государственный комитет по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ при МВД России был создан в 2002 году. В 2003 году данный комитет был преобразован в Госнарконтрولль России. Комитету передана материальная база и большая часть штатной численности упразднённой Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации. Комитет начал свою деятельность 1 июля 2003 года. Но уже в 2004 году Госнарконтрولль России переименован в Федеральную службу Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. В этом же году название правоохранительного органа сократили, и Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ была переименована в Федеральную службу Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков.[2]

Летом 2012 года впервые поступила информация о том, что к концу 2012 года Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков России может быть ликвидирована в связи неэффективностью деятельности. Так, Российское федеральное информационно-аналитическое агентство «Росбалт» приводил следующую статистику: 60% всех преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по-прежнему раскрываются сотрудниками МВД РФ. Они же изымают 70% от общего числа изымаемых в Российской Федерации наркотиков. Полицейские задерживают 55% всех наркосбытчиков.

«Оставшиеся проценты по преступлениям, связанным с наркотиками, распределены среди Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков РФ, Федеральной службой безопасности РФ и Федеральной таможенной службой РФ.» — говорит собеседник «Росбалта».

В конце января 2015 года в печатных и электронных изданиях опять стали активно обсуждать ликвидацию Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков и передачу её полномочий Министерству внутренних дел. Полагаем, нельзя согласиться с этой точкой зрения, высказанной журналистами и некоторыми представителями власти. Думается, средства массовой информации сильно изменили и неверно истолковали факты. Например, приведенные выше статистические данные по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, а также статистика по задержанию наркосбытчиков не учи-

тывает один немаловажный факт. В частности, в статистику попадают малые преступления, связанные с оборотом наркотиков, например, изъятие у гражданина небольшой дозы, порядка нескольких грамм или даже меньше, какого-либо наркотического вещества. Каждый из таких эпизодов влечёт за собой возбуждение одного самостоятельного уголовного дела. Однако не так часто встречается и потому представляет статистически меньшую величину изъятие целой партии наркотических веществ, которые измеряется не граммами, а десятками, а то и сотнями килограммов. При этом может быть задержана целая преступная группировка. Но и это тоже одно уголовное дело.

Таким образом, мы видим, что статистика в данном контексте не всегда способна показать реальную обстановку дел. Полагаем, что это первый аргумент против позиции о неэффективности Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

К тому же существует и иная статистика. Так глава Госнарконтроля Виктор Петрович Иванов приводит следующие данные: «Мы не допустили выбрасывания на внутренний рынок России наркотиков на общую сумму 130 миллиардов рублей. Все наркотики не изъять, но минимизировать риски важно. Только в прошлом, 2014 году объем изъятых синтетических наркотиков в 160 раз превысил показатели десятилетней давности. Был ликвидирован мощнейший внутрироссийский картель по производству БМК - полуфабриката амфетамина, с ежегодной мощностью в двадцать тонн. Вся эта отравка едва не заполонила всю Европу. Благодаря работе Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков за последние пять лет удалось заморозить свыше 3 миллиардов рублей, полученных от торговли наркотиками. Кроме того считаем, что только специализированный правоохранительный орган по борьбе с наркотрафиком способен эффективно взаимодействовать с правоохранительными органами зарубежных государств. Так в феврале 2015 года была осуществлена международная операция под названием «Латиноамериканский капкан». Проведена она была во взаимодействии с Федеральной полицией Бразилии и Национальной полицией Республики Перу. Результатом стала ликвидация крупного канала поставки кокаина из Южной Америки в Россию. Из незаконного оборота изъято свыше тринадцати килограммов этого высококонцентрированного наркотика». [3]

Таким образом, мы хотим подчеркнуть очень важную функцию Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков России – международное сотрудничество со странами всего мира по ликвидации крупных партий наркотических средств и прерывание путей их перемещения. Это второй аргумент против ликвидации Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ.

Третий аргумент против ликвидации может быть следующим. Перечень полномочий Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ очень широк. Согласно Указу Президента Российской Федерации в редакции от 20 января 2015 года их порядка пятидесяти. [4] Передача огромного списка полномочий другому органу исполнительной власти может перевернуть и нарушить работу всей системы противодействия наркопреступности и обеспечения легального оборота наркотических средств. Тем более выработка своей базы для проведения деятельности по борьбе с оборотом наркотиков у Министерства внутренних дел РФ и Минздрава РФ, которым предполагается передача полномочий, займет еще несколько лет.

Четвертым аргументом против ликвидации Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков может быть то, что до момента образования автономного Госнарконтроля Государственный комитет по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ входил в систему МВД России. И МВД России тогда не справлялось в полной мере со своими полномочиями.

Подводя итог сказанному, можно с уверенностью сказать, что Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков нужна России именно в виде самостоятельного органа. Никакой другой орган не смог бы осуществлять такой широкий круг полномочий, так комплексно работать в сфере контроля за легальным и борьбе с нелегальным оборотом наркотиков. Полагаем также, что деятельность средств массовой информации должна быть всего лишь способом донесения этого важного вопроса до широких масс населения страны. И стоит лишь немного поработать с источниками, поговорить с людьми, которые уже на протяжении десятков лет работают в Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков РФ и знают о многих нюансах изнутри данного органа и все станет ясно и понятно: Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков нужна России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков Управление по орловской области.
2. http://57.fskn.gov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=46&Itemid=55
3. Вести.ruНаркоконтроль ждет оптимизация, а не ликвидация
<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2361105>

4. Российская газета. Не закроют, но сократят. Глава ФСКН опроверг слухи <http://www.rg.ru/2015/02/17/ivanov-site.html>

5. УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд <http://pravo.gov.ru/laws/acts/5/5054.html>

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПУТИ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

**Ю.А. Олевская,
аспирант ИГиП ТюмГУ
Lely197@yandex.ru
Научный руководитель:
В.И. Осейчук,
профессор кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук, доцент**

Предопределяя размышления о предпочтительной модели государственного устройства России и роли Президента в этой сложной системе, необходимо отчетливо понимать, что есть государство и какова его роль в жизни его же народа. Глубока и точна мысль Цицерона о том, что «никогда нельзя будет понять свойства обсуждаемого предмета, если не понять, что он из себя представляет»[15].

Для целей настоящей статьи представляется возможным определить «государство» как сложный взаимосвязанный социально – политический механизм, обеспечивающий реализацию и охрану прав и свобод своего народа, с помощью инструментов властного воздействия на общественные отношения в различных сферах жизнедеятельности граждан.

Закрепляя положение о том, что «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную», Конституция Российской Федерации 1993 года провозгласила один из основополагающих принципов государственного устройства России. В современной науке конституционного права принцип разделения властей, также как и место президента в системе разделения властей, стал неким камнем преткновения.

Так Д.А.Авдеев, например, считает, что «в настоящее время следует говорить о распределении властных полномочий между органами государственной власти различного уровня. На сколько гармонично будет произведено данное распределение, настолько сбалансировано будут функционировать органы государственной власти, а следовательно, от этого и будет зависеть организационно – правовая деятельность всего механизма государственной власти»[3].

По мнению А.Н. Кокотова «система разделения властей предполагает взаимодействие всех трех ветвей власти друг с другом. Кроме того, органы всех трех ветвей вступают в конституционно – правовые отношения с главой государства. Разделение властей требует установления правовых форм контроля («сдержек и противовесов») других ветвей»[9].

Некоторые ученые, наряду с тремя классическими ветвями власти: законодательной исполнительной и судебной - выделяют четвертую – президентскую ветвь власти. По мнению авторов учебника по конституционному праву В. Ф. Кириллова, М. С. Матейковича, В. И. Ульянова, Г. Н. Чеботарева «президентская власть в Российской Федерации самостоятельна и существует наряду и в системе с законодательной, исполнительной и судебной властями, а Президент Российской Федерации как орган этой власти самостоятелен в отношении других органов государственной власти»[8].

Индексный анализ президентской власти, проведенный в 2005 году доцентом кафедры политологии Казанского университета О.И.Зазнаевым, позволяет сформулировать достойные внимания выводы о сущности президентской власти в системе разделения властей. В своем исследовании О.И. Зазнаев применяет методику нидерландского ученого А.Кроувела. опираясь на дихотомическое деление (президентство и парламентаризм), он предлагает методику подсчета индекса президентства (ИПрез) и индекса парламентаризма (ИПар) для любой страны независимо от формы правления.

На основе полученных данных О.И.Зазнаев делает несколько выводов, которые, несмотря на длительный промежуток времени, актуальны и сегодня. «Во – первых, подтверждается тезис о сверхсильном российском президенте («суперпрезидентстве»). Глава государства обладает объемом власти, который практически приближен к максимальному значению. Во – вторых, наблюдается существенный диссонанс между конституционными положениями, определяющими полномочия Президента РФ, и политической практикой. Последняя значительно усиливает власть российского президента. Тем самым подтверждается вывод, сделанный в политологической литературе о том, что «на практике и формальная, и неформальная власти президента существенно возросли»[6].

Бывший судья Конституционного Суда России М.В.Баглай, один из теоретиков доктрины «подразумеваемых полномочий» и автор учебников по конституционному праву, говорит о праве Президента России самостоятельно трактовать круг своих полномочий, «исходя из собственного понимания своих обязанностей как гаранта Конституции». "Функции главы государства не могут быть конкретизированы полномочиями в полном объеме. Поэтому у главы государства всегда есть нераскрытые в Конституции полномочия, которые выявляются в экстраординарных непредвиденных условиях, получая де – факто признание парламента или опираясь на судебное толкование Конституции»[4].

Говоря о системе сдержек и противовесов сегодня становится очевидным, что по факту существует лишь два механизма, которые можно противопоставить сверхсильной президентской власти.

Во – первых, процедура повторного рассмотрения Государственной Думой Федеральных законов, отклоненных Президентом РФ (Глава 15 Регламента Государственной Думы). Однако вероятность реализации данного механизма крайне мала, поскольку Государственной Думе необходимо не только заручиться поддержкой верхней палаты парламента, но и поставить под сомнение политические решения президента.

Во – вторых, процедура импичмента. Ст. 93 Конституции Российской Федерации рассматривает возможность отрешения Президента от занимаемой должности в случае его обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. Эта статья подвергается критике. В научной литературе отмечаются, прежде всего, два основных недостатка статьи. Первое, что слишком узко определены основания отрешения Президента от должности. И второе, что трехмесячный срок необоснованно сдвигает сроки рассмотрения вопроса. Если на самом деле Президент, например, совершил государственную измену, то как оставлять его в должности даже если истекли сроки, в течение которых вопрос должен был рассматриваться?

Таким образом, существующая система организации высших органов государственной власти оставляет открытыми многие вопросы.

По мнению Н.М.Добрынина «по – настоящему правовым государством следует признать лишь то, где состоялась комплексная модернизация, а правильнее – всеобъемлющая реформа политической системы и экономики, на базе которых в обозримом будущем произойдут радикальные перемены в социальной сфере и будут установлены совершенно иные ценностные ориентиры и стандарты в культуре, духовности и нравственности»[5].

Известный российский конституционалист заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ, член Совета Госдумы по совершенствованию законодательства Авакьян С.А. считает, что наступила пора осознать, что в России созрели предпосылки для конституционной реформы, и «если власть прислушается к конституционным призывам, она имеет все шансы достойно завершить 20 – ление, оставить в прошлом просчеты и ошибки, учесть разумные предложения и создать прочный (и спокойный!) фундамент будущего нашей страны»[2].

По мнению доктора юридических наук, профессора В.И.Осейчука «рациональный выход из системного кризиса современного Российского государства возможен лишь в результате создания новой политической, экономического, социального устройства, которая разрешила бы основные противоречия, созданные либеральной моделью государства»[12].

Доктор философских наук, профессор А.В.Павлов, говорит о том, что «эпоху, переживаемую сегодня в России, уместно назвать «межцивилизационной»[13]. Межцивилизационная эпоха — это качественная смена всех норм общественной жизни и переоценка всех ценностей. Право, нравственность, экономика, политическое устройство, нормы научного познания, производства вещей, литературных произведений и технологий — все распадается, а новые нормы только зарождаются[14].

В такой период очевидна необходимость рационального диалога о состоянии и перспективах развития отечественного государства, совместной выработки новых норм и принципов, на которых будет базироваться «новое» государство. Пришло время ответить на вопрос: «Какой должна быть новая Россия?»

Размышляя об идеальной модели государственного устройства, М.Т.Цицерон писал о том, что «самым лучшим (видом государственного устройства) является царская власть, но саму царскую власть превзойдет такая, которая будет образованна путем равномерного смешения трех наилучших видов госу-

дарственного устройства»[15]. Наилучшими видами государственного устройства он полагал, что считаются: «царская власть; гражданская община, управляемая волей оптиматов; народная власть»[15].

В «новом» государстве вся власть должна быть разделена на законодательную (возглавляемую народом), исполнительную (возглавляемую Президентом) и судебную. Нельзя не согласиться с мыслью итальянского философа Марсилиа Падуанского о том, что «народ лучше подчиняется тем законам, которые сам установил»[11], поэтому единственным носителем власти и верховным законодателем в таком государстве является народ.

В новой системе государственной власти народ делегирует свои полномочия законодательному органу государственной власти, состоящему из лучших представителей государства. Эта идея также находит свое отражение в учениях Марсилиа Падуанского, который относит к народу далеко не всех граждан. К народу он относит так называемые «почетные сословия»: 1) военные, священники и судьи; 2) простой народ: земледельцы, ремесленники и купцы.

Исполнительная власть должна осуществлять волю законодателя (народа), поэтому компетенция и структура исполнительного органа государственной власти будет определяться законодательным органом, как представителем верховного суверена. Возглавляет исполнительную власть Президент, избираемый из представителей народа путем равного и прямого избирательного права. Президент, при такой организации власти, представляет собой некий противовес политически сильному и активному законодательному органу.

Россия – это уникальная страна с большой территорией, тысячелетней историей и уникальным менталитетом. Невозможно как – либо образом повлиять на факторы, утвердившие направления развития нашей страны в прошлом и предопределившие современное Российское государство. Однако сегодня, находясь в состоянии «межцивилизационной эпохи», потребность рационального диалога актуальна как никогда. Необходимо предпринять шаги, которые позволят сделать исторические свершения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 №2134-ПГД;
2. Авакьян С.А. Десять причин для конституционных реформ в России// Независимая газета. 2012. 16 октября;
3. Авдеев Д.А. Баланс полномочий высших органов государственной власти принцип разделения или распределения?//Д.А.Авдеев// Государство и право. – 2014. - №4;
4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. Б14 для вузов / М. В. Баглай. — 6-е изд., изм. и доп. — М. : Норма, 2007. - 784 с.;
5. Добрынин Н.М. Посильные суждения о пользе конституционной реформы в России: что есть и как действовать// Н.М.Добрынин//Государство и право. – 2014. - №1;
6. Зазнаев О.И. индексный анализ президентской власти (на примере России)/О.И.Зазнаев//Вестник СамГУ. – 2005. - №4;
7. [Конституционный Суд России](#). - Справочник. - М., [ИЭГ "Панорама"](#), 1997. Электронная версия. 1997-1998;
8. Кириллов В. Ф., Матейкович М. С., Ульянов В. И., Чеботарев Г. Н. Курс лекций по конституционному праву Российской Федерации. Особенности конституционно-правового статуса Тюменской области — сложноустроенного субъекта Российской Федерации // <http://www.distance.ru>;
9. Кокотов А.Н. Конституционное право России. Курс лекций. Учеб. Пос. М.,2007;
10. Крылов Б.С. Разделение власти: система сдержек и противовесов/ Б.С.Крылов//Журнал российского права. – 1998.;
11. Лейста О.Э. История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. доктора юридических наук, профессора О. Э. Лейста. – М.: Издательство "Зерцало", 2000. – 688 с.;
12. Осейчук В.И. О банкротстве либеральной модели государства и стратегии строительства нового государства/В.И.Осейчук// Государство и право. – 2014. - №11;
13. Павлов А.В. Современные состояния межцивилизационной эпохи в России/ А.В. Павлов //Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV российского философского конгресса. (Москва, 24-28 мая 2005 г.). – М.: Современные тетради, 2005;
14. Павлов А.В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха/ А.В.Павлов// Вестник пермского университета. – 2012. - №3.
15. Цицерон М.Т. Диалоги: О государстве – О законах/ под ред. И.Н. Веселовского, В.О. Горенштейна, С.Л.Утченко. – М.: Наука, 1966

ЦЕЛЕПОЛОГАНИЕ В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю.В. Островская,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Государственное
и муниципальное управление»
peu.tgu@yandex.ru
Научный руководитель:
А.В. Ларионов,
и.о. заведующего кафедрой
государственного и муниципального
управления ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук

Функционирование социально-экономических систем в субъектах РФ, муниципальных образованиях и городах всегда протекало в условиях нестабильности окружающей среды, а принятие важных управленческих решений – в условиях неопределенности. Обстоятельства всегда требовали грамотного и незамедлительного принятия решений, но к сожалению из-за отсутствия регламентированной законодательной базы, и четко выстроенной системы целей и задач, эти решения не приводили к желаемому результату, при этом лишь все больше внося путаницу в неотлаженную систему стратегического планирования. Отсюда и возникает вопрос, как правильно поставить цели отвечающих требованиям существующей реальности, и достичь их в условиях социальной неопределенности, а так же какие сейчас перед нами стоят задачи в системе целеполагания стратегического планирования.

В настоящее время, когда в стране фактически отсутствуют общие идеологические цели, которые бы могли направить действия всех граждан в общее русло, позволить им ощутить сопричастность к преобразовательным процессам как в государстве, так и в каждом отдельном регионе или городе. Приоритеты развития лежат в основе формирования государственных стратегий и определяют направленность проводимых преобразований, поэтому от того какие цели и направления развития будут определены сегодня, зависит будущее благополучие нашего государства. На данный момент существует необходимость в формировании целостной системы стратегического планирования, способствующей тесной координации между федеральным центром, субъектами РФ, муниципалитетами и гражданским обществом.

Очевидно, что первым этапом будет, осознания потребности в реформировании социально-экономической системы. В данном случае, конкретным выражением потребности будет выступать цель. Именно цель будет определять направление и содержание функционирования системы. Разумеется главным инициатором такой цели должен выступать Президент РФ, озвучивающей основные цели, задачи и приоритетные направления в своем ежегодном послании Федеральному Собранию, которые затем должны найти отражение в стратегии и проектах развития.

Если проанализировать последнее послание Президента от 4 декабря 2014 года, то можно определить основные тезисы, относящиеся к задачам социально – экономического развития страны и основную цель дальнейшего развития.

И так, главной целью является, создание новых технологий и конкурентоспособной продукции, формирование запаса прочности в промышленной и финансовой системе, а так же подготовке современных профессиональных кадров.

Основными стратегическими направлениями являются:

1. Стимулирование бизнеса
 - снижение ограничений с бизнеса в виде навязчивого надзора и контроля
 - надзорные каникулы для малого бизнеса
 - фиксирование действующих налоговых условий на 4 года
 - проведение полной амнистии капиталов возвращающихся из за рубежа
2. Региональная политика
 - удвоить объёмы дорожного строительства.

- запустить программу компенсации расходов субъектов Федерации на создание промышленных парков.

3. Промышленная политика

- проведение политики импортозамещения.

- Снять критическую зависимость от зарубежных технологий и промышленной продукции.

- поддержка компаний, имеющих экспортный потенциал, а так же поддержке не сырьевых компаний России.

Перед тем как определить основные цели и задачи развития отдельно региона, нам необходимо учитывать цели, и приоритетные направления развития, заданные на федеральном уровне и обозначенные в концепциях высших административных уровней.

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» говорится о переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития. В качестве основного приоритета государственной политики названы: инвестиции в человеческий капитал, подъем образования, науки, здравоохранения, построение национальной инновационной системы, развитие наших естественных преимуществ и модернизация экономики, развитие ее новых конкурентоспособных секторов в высокотехнологических сферах экономики знаний, реконструкция и расширение производственной, социальной и финансовой инфраструктуры

На основе данных результатов экономико-социального положения можно приступить к рассмотрению собственных целевых установок и главной цели, которая будет, описывает отличительные характеристики регионального развития, создавая картину желаемого будущего.

Так, исходя из стратегии социально-экономического развития УРФО на период до 2020 года, стратегической целью развития Тюменской области является модернизация экономики на основе широкого внедрения инноваций, энергосберегающих технологий и совершенствования пространственной организации производительных сил области, максимально возможное повышение уровня и качества жизни, стабилизация и рост численности населения на основе устойчивого инновационного развития

Из этого следует, что основными задачами Стратегии являются:

- повышение качества и стандартов жизни населения

- приоритетное ускоренное развитие научно-инновационной сферы

- системно-инновационное преобразование всего производственного комплекса;

- максимально возможное использование сельскохозяйственного и производственного потенциала

региона

- обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы и эффективного использования природно-ресурсного потенциала

- активизация развития транспортной, энергетической и информационной инфраструктуры

Перспективы дальнейшего развития рассматриваются в рамках реализации одного из 3 предполагаемых сценариев будущего развития: инновационного, инерционного и энерго-сырьевого.

Как уже говорилось региональная стратегия, опирается на концепцию долгосрочного социально – экономического развития РФ, а ее стратегическим ориентиром является переход к инновационной, социально ориентированной модели экономического роста страны в долгосрочной перспективе, поэтому в качестве базового был выбран сценарий инновационного развития УРФО, который предполагает формирование в РФ модели инновационного, социально ориентированного роста, следовательно, на нем и строиться вся дальнейшая Концепция.

Модель инновационного, социально ориентированного развития базируется на гармоничном сочетании экономики, социальной сферы и сферы природопользования.

Перспективы экономического развития Уральского федерального округа при реализации инновационного сценария определяются следующими факторами:

- увеличение добычи нефти и газа за счет перехода к освоению крупнейших месторождений углеводородного сырья

-переход на качественно новый уровень применяемых в нефтегазодобыче технологий, обеспечивающих их экономическую эффективность и экологическую безопасность;

- диверсификация экономики за счет развития высокотехнологичных перерабатывающих производств в газо- и нефтегазохимии, фармацевтике, биотехнологиях, производстве наноматериалов и продукции на основе нанотехнологий;

- создание эффективной региональной инновационной системы;

- интенсивный рост сервисного сектора округа, базирующийся на развитии современных высокотехнологичных видов услуг, а также развитии финансовых и страховых услуг, туризма и рекреации;

Развитие социальной сферы при реализации инновационного варианта предполагает концентрацию на проблемах обеспечения благоприятного демографического баланса и улучшения благосостояния людей.

Предполагается достижение следующих результатов развития:

- средняя продолжительность жизни возрастет к 2020 году до 72-73,5 года, а уровень младенческой смертности понизится в 1,3-1,4 раза;

- охват высшим и средним профессиональным образованием населения составит 70-80 процентов;
- средний уровень обеспеченности жильем к 2020 году достигнет 30 кв. метров на человека;

По инновационному варианту доля добывающего сектора сократится к 2020 году до 22 процентов.

В основе инерционного развития лежит консервация современного типа экономики, базирующегося на развитии нефтегазохимического комплекса и сложившихся старых индустриальных центрах, отягощенного обострением демографических, социальных, инфраструктурных и экологических проблем. Сценарий характеризуется доминированием нефтегазодобывающего комплекса в экономике округа при резком отставании в развитии институциональной, финансовой, транспортной и энергетической инфраструктуры.

Перспективы экономического роста будут определяться в основном следующими факторами:

- добыча нефти и газа будет ограничена истощением минерально-сырьевой базы эксплуатируемых месторождений

- низкие темпы развития транспортной и энергетической инфраструктуры;

- нарастание дефицита трудовых ресурсов;

- низкая инвестиционная привлекательность не сырьевых отраслей.

В рамках инерционного сценария в нефтегазохимическом комплексе реализуются только те проекты, работы по которым уже начаты или планируются для проведения в ближайший год. Такая ситуация приведет к прекращению роста нефте- и газодобычи при том, что поддержание достигнутых уровней добычи должно будет обеспечиваться значительными объемами дополнительных инвестиций в добывающий комплекс. Сохраняются современные структурные характеристики экономики округа - доминирование сырьевого сектора в структуре производства и накоплении капитала, отставание в развитии обрабатывающих секторов, низкие темпы роста высокотехнологичных секторов и отставание от других регионов в развитии сервисных отраслей

Реализация инерционного сценария развития при сохранении существующей структуры и технологий промышленного и сельскохозяйственного производства неизбежно приведет к дальнейшему ухудшению состояния природной среды и здоровья населения региона.

Реализация энерго-сырьевого сценария базируется на сохранении и дальнейшем развитии современной специализации региональной экономики и означает доминирование добывающих секторов. Сценарий характеризуется реализацией крупномасштабных проектов, обеспечивающих добычу, транспортировку и частичную переработку полезных ископаемых как в традиционных районах, так и освоение месторождений. Условием эксплуатации этих месторождений является строительство соответствующих трубопроводов.

При отсутствии экономических стимулов и сохранении современной системы налогообложения производителей не произойдет резкого повышения эффективности использования месторождений за счет внедрения новых технологий и оборудования, увеличения доли извлекаемых запасов. Реализация энерго-сырьевого сценария предполагает ускоренное развитие транспортной инфраструктуры для обеспечения в первую очередь новых месторождений полезных ископаемых и наращивания топливно-сырьевого экспорта, реализации конкурентного потенциала в сфере транспорта и роста экспорта транспортных услуг.

На основе представленных данных можно заметить, что деятельность по развитию и воплощению инновационного сценария, весьма далека от действительности, и не соответствует реальности. На мой взгляд, сырьевая модель более отвечает сложившейся ситуации, и уже нельзя не принимать это в расчет, и нужно действовать и строить дальнейшие планы исходя из реально существующей ситуации, а не жить в придуманном мире. Это будет намного лучше, чем на бумаге иметь одно, а в жизни совершенно противоположное.

Стратегическое планирование – это, прежде всего, выбор целей и ориентиров, прорисовка желаемого будущего. Четко поставленные цели, сформированные в ходе детального анализа социально-экономического положения и конкурентоспособности объекта государственного планирования, позволяют сделать будущее более определенным и становятся основной предпосылкой, задающей направление развития. Наличие определенных процедур и общественного диалога в процессе определения ориентиров и стратегических целей развития, способствует не только укреплению доверия к стратегическому плану, но и мерам власти по его дальнейшей реализации.

Список литературы:

- 1.Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 "Послание Президента РФ Федеральному Собранию"
- 2.Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ "О стратегическом планировании в РФ"
- 3.«Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 г. N 1662-р
- 4.«Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 г.» от 6 октября 2011 г. N 1757-р

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ С СУДЬЯМИ

В.М. Парфёнова
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
vik_foot_72@mail.ru
Научный руководитель:
И.П. Чикирева
доцент кафедры трудового права и
предпринимательства ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Проблема коррупции в современной России стоит особенно остро. Поэтому одной из основных задач государства является противодействие коррупции в различных сферах. В 2008 году был принят Федеральный закон «О противодействии коррупции», в который практически ежегодно вносятся различные поправки. Несмотря на активную борьбу государства с этим явлением, оно продолжает развиваться. Под влияние коррупции попала и система правосудия, хотя это в корне противоречит принципам судебной системы и правосудия в целом.

«Граждане обращаются в суд за защитой своих нарушенных прав, но в силу коррумпированности судебского аппарата отсутствует законность и справедливость, вследствие чего граждане защиты никакой не получают. Коррупция в суде подрывает авторитет органов власти, ведет к неизбежному снижению уровня доверия к правосудию со стороны граждан. Доверие к правосудию в целом и к каждому судье в отдельности складывается годами, на основе общественного мнения о справедливости принимаемых судом решений, беспристрастности в подходах к защите прав и свобод граждан от влияния органов правоохранительной системы и органов исполнительной власти»[1].

Основными причинами развития коррупции учёные называют низкий уровень заработной платы в государственном секторе по сравнению с частным сектором, несовершенство законодательных и правовых актов, позволяющее различные трактовки их положений, незнание законов населением, что позволяет должностным лицам произвольно осуществлять бюрократические процедуры. Однако применительно к коррупции в судах можно с этим поспорить.

Во-первых, на сегодняшний день "судья" - самая высокооплачиваемая должность в государственном аппарате. Зарплата судьи по официальным данным колеблется в пределах от 50 до нескольких сотен тысяч рублей. Такой вывод можно сделать, проанализировав данные о доходах и расходах судей, которые публикуются на сайтах судов [2]. К тому же Минфин официально заявил, что должностным лицам судебной системы будет планомерно повышено ежемесячное денежное содержание.

Во-вторых Закон РФ от 26 июня 1992 г. N 3132-1 "О статусе судей в Российской Федерации" в пункте 10 части 3 статьи 3 устанавливает прямой запрет для судей получать в связи с осуществлением полномочий судьи не предусмотренные законодательством Российской Федерации вознаграждения (ссуды, денежное и иное вознаграждение, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) от физических и юридических лиц. Сходное положение закреплено и Кодексом судейской этики от 19 декабря 2012 г., утверждённым VIII Всероссийским съездом судей. Статья 6 Кодекса кроме запрета на получение различных льгот и привилегий лично судье, содержит также запрет на приобретение таких же выгод его родственниками, друзьям и знакомыми. Кроме того судье не следует использовать свой статус при обращениях в различные государственные органы и органы местного самоуправления по личным вопросам.

В-третьих, существует принцип независимости судей, под которым понимается то, что судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону. А так же исключается по-

стороннее воздействие на судей при разрешении дел и запрещается вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, организаций и граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия [3].

Закон «О статусе судей в РФ» устанавливает специальные дисциплинарные взыскания по отношению к ТК РФ. Так ст. 12.1 указанного Закона закрепляет следующие виды взысканий: замечание (малозначительность), предупреждение (нельзя применить замечание или уже подвергался дисциплинарному взысканию), досрочное прекращение полномочий судьи (в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием деяния, в том числе, если наступили определённые законом негативные последствия). Кроме того, ст. 14 этого же Закона закрепляет специальные основания для прекращения полномочий судьи. Из них виновными являются занятие деятельностью, не совместимой с должностью судьи, нарушение запрета открывать счета и хранить деньги в иностранных банках, вступление в законную силу обвинительного приговора суда в отношении судьи, а так же совершение им дисциплинарного проступка, за который решением квалификационной коллегии наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий.

Решить проблему коррупции при регулировании служебных отношений с судьями были призваны изменения в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации». Эти изменения закрепили обязанность кандидата на должность судьи, а также действующих судей представлять сведения о доходах, имуществе, принадлежащем им на праве собственности, и обязательствах имущественного характера. Кроме собственных доходов судья должен вносить в соответствующую форму сведения о доходах супруга (супруги) и несовершеннолетних детей об имуществе, принадлежащем им на праве собственности, и обязательствах имущественного характера супруга (супруги) и несовершеннолетних детей. А так же судья обязан предоставлять сведения о своих расходах, расходах супруга (супруги) и несовершеннолетних детей. Они также установили возможность привлечения к дисциплинарной ответственности за непредставление этих сведений.

Принятые и действующие законы и изменения к ним, направленные на противодействие коррупции и в частности при регулировании служебных отношений судьями, заполняют определённый ряд пробелов в этой сфере. Однако, к сожалению, они далеко не совершенны и имеют немало неточностей. Вышеуказанные изменения считаются малоэффективными, поскольку такая обязанность по предоставлению сведений не исключает возможности передать имеющееся имущество совершеннолетним детям, братьям, сестрам, родителям и т.д., которые не охватываются статьёй. Представляется необходимым изложить части 1 и 1.1. статьи 8.1. Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в следующей редакции:

1. Судья ежегодно не позднее 30 апреля года, следующего за отчетным, представляет в суд, в котором он занимает должность судьи, сведения о своих доходах, об имуществе, принадлежащем ему на праве собственности, и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах членов его семьи, об имуществе, принадлежащем им на праве собственности, и обязательствах имущественного характера членов его семьи по форме, утверждаемой Президентом Российской Федерации.

1.1. Судья обязан представлять сведения о своих расходах, а также о расходах членов его семьи в случаях и порядке, определяемых Федеральным законом от 3 декабря 2012 года N 230-ФЗ "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" и соответственно Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации.

Такая редакция указанной статьи позволит исключить риск сокрытия имущества, переданного другим членам семьи судьи, не указанным в действующей редакции.

Для того чтобы избежать ограничительного или расширительного толкования предложенной редакции, стоит обратиться к Постановлению Верховного Совета Российской Федерации от 20.05.1993 N 4994-1 "О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации", где прямо указывается, что к членам семьи судьи относятся супруг(-а), родители и дети, проживающие с ним и ведущие общее хозяйство. Данное положение считаю необходимым внести в качестве примечания к статье 8.1. Закона.

Указом Президента РФ «О национальном плане противодействия коррупции на 2014 - 2015 годы» [4] предусмотрено создание спецподразделения, которое бы осуществляло контроль деятельности по противодействию коррупции в судах. Так же в плане указаны такие мероприятия, как разработка методических рекомендаций по заполнению судьями и работниками аппаратов судов справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в отношении себя, супруга и несовершеннолетних детей, проведение анализа организации работы по профилактике коррупционных правонарушений.

Кроме того, одним из направлений борьбы с коррупцией в национальном плане указано принятие мер по совершенствованию дисциплинарного производства в отношении судей. Здесь в первую очередь стоит говорить о квалификационных коллегиях, поскольку согласно нынешнему законодательству нака-

зять судью можно только через решение квалификационной коллегии. Однако в современном законодательстве, касающемся судей, нет определённых критериев привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. Их отсутствие приводит к излишней гуманности ККС, которые только в 10-15% случаев досрочно прекращают полномочия судьи.

Представляется, что решения, выносимые ККС в отношении судей, имели бы более объективный характер, если бы в их состав входило больше активных граждан никак не связанных с судебной системой. Обычно в состав ККС входит 15-20 человек, из которых больше половины – это действующие судьи, остальная часть – представители общественности, в качестве их чаще всего назначаются ветераны правоохранительных органов и судьи в отставке. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что работа ККС является не эффективной, так как большую часть сознания её членов при принятии решения по жалобе занимает корпоративная солидарность.

Подводя итог, необходимо отметить, что законодательство в данной сфере должно развиваться и меняться в соответствии с указанным планом, чтобы государство при осуществлении антикоррупционной политики могло добиваться поставленных целей и достигать наибольших результатов.

[1] Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева: Редакционный материал // Российский судья. 2009. N 1// СПС "КонсультантПлюс" [Электронный ресурс]// <http://base.consultant.ru>

[2] Сайт Центрального районного суда г. Тюмени// [Электронный ресурс]// <http://centralny.tum.sudrf.ru/>

[3] Ст. 5 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СПС ГАРАНТ [Электронный ресурс]// <http://base.garant.ru>

[4] Указ Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 г. N 226 «О национальном плане противодействия коррупции на 2014 - 2015 годы» // СПС ГАРАНТ [Электронный ресурс]// <http://base.garant.ru>

Список литературы

1. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева: Редакционный материал // Российский судья. 2009. N 1 СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=34897>
2. Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 06.04.2015) «О статусе судей в Российской Федерации» СПС ГАРАНТ [Электронный ресурс] режим доступа: <http://base.garant.ru/10103670/>
3. Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г., утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. СПС ГАРАНТ [Электронный ресурс] режим доступа: <http://base.garant.ru/70301432/>
4. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 20.05.1993 N 4994-1 "О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139885/
5. Сайт Центрального районного суда г. Тюмени [Электронный ресурс] режим доступа: <http://centralny.tum.sudrf.ru/>
6. Указ Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 г. N 226 «О национальном плане противодействия коррупции на 2014 - 2015 годы» СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161699/
7. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» СПС ГАРАНТ [Электронный ресурс] режим доступа: <http://base.garant.ru/10135300/>

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРАВОВОГО РАВЕНСТВА ГРАЖДАН В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

А.Л. Петелин,
студент ИГиПТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
macfire199659@gmail.ru
Научный руководитель:
Е.Н. Бырдин,
доцент кафедры теории и истории
государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ
кандидат исторических наук

Проблема равенства относится к фундаментальной философской, политико-правовой, политэкономической и этической проблематике, имея выходы на актуальные вопросы как истории человечества, начиная с самых её истоков, так и современности. В течение сотен лет лозунг равенства поднимал массы людей на ожесточенные битвы и, как представляется, еще не сдан в архив истории. Многие выдающиеся философы и политические мыслители если не прямо обращались к его осмыслению, то, во всяком случае, учитывали данное явление. Разработка проблем равенства началась еще в античной Греции Пифагором и его учениками. Этой проблемой занимался и один из активных деятелей французского Просвещения Жан Жак Руссо. В период буржуазных революций идеи равенства были написаны на знамени набирающей политической вес буржуазии и впервые закрепились в американской Декларации независимости, во французской Декларации прав и свобод человека и гражданина. Вскоре обнаружился конфликт между свободой и равенством, поскольку умаление свободы выравнивает общество, но одновременно с этим оно тормозит в эволюционном смысле, утрачивает динамизм своего развития. Иными словами, абсолютная свобода только усиливает неравенство и, наоборот, эгалитаризм минимизирует свободу. История XX-го века распорядилась так, что идея равенства, пройдя сквозь бурные социальные перипетии, яснее не стала. Данная проблема обладает конкретно политическим зарядом большой силы и требует постоянного внимания исследователей.

По мнению некоторых ученых-исследователей, парадокс современного права в том, что оно должно бороться со своей сущностью, выраженной в свойстве правового равенства. Иными словами, стремление к достижению равенства ведет к уничтожению того, на чем и основано право, а именно на формально-юридическом равенстве [1; 75]. В этой связи появилась настойчивая необходимость еще раз вникнуть в общетеоретические проблемы правового равенства.

Исследуя проблему равенства людей, А.Ф. Колодий выделяет и разграничивает понятия "равенство прав человека" и "равенство возможностей". "Категории равенства прав человека и равенства возможностей нельзя отождествлять. В основе принципа равенства прав человека лежат интересы личности. В основе равенства возможностей заложены предпосылки их осуществления. Равенство прав может приводить к уравнительности, быть гипертрофированным политическим лозунгом, как общечеловеческая ценность и идея. Равенство возможностей - это цель, способствующая обеспечению прав человека, это стремление к достижению высшего блага путем творческой инициативы, конкурентной борьбы в равных стартовых условиях, оно менее подвержено идеологическому влиянию правящей элиты" [2; 18].

В работе В.В. Серковой правовое равенство отождествляется с понятием равноправия. "Эти понятия - равенство как философско-социологическое, равноправие как государственно-правовое - находятся в сложном диалектическом соотношении. Целесообразно рассматривать взаимосвязь между ними как соотношение между содержанием и формой" [3; 77]. На такой же позиции стоят В.Г. Сокуренок и А.Н. Савицкая, которые отмечали: "Равенство является системой общественных отношений, в которых практически реализуется равенство возможностей, предусмотренных социальными нормами. Равноправие же - основная, наиболее существенная часть равенства, в которой реализуется закрепленное в праве как правовой статус личности и гарантированное государством равенство правовых возможностей граждан" [4; 136].

Анализ существующих в науке взглядов позволяет заключить, что наиболее приемлемым является определение понятия правового равенства, разработанное М.Н. Козюком – «правовое равенство есть принцип правового регулирования общественных отношений, выражающийся в том, что субъекты права

(физические и юридические лица) в правоотношениях выступают как формально равные, поскольку подчиняются обязательным для всех правилам поведения (закону)» [6; 51].

В силу того, что правовое равенство есть фундаментальная характеристика права, то его можно рассматривать как сущностное свойство, отражающее необходимые отношения права с другими социальными явлениями. Нельзя не согласиться с Л.С. Мамутом, который относил равенство к определяющим признакам права. По его мнению равенство означает, что "общественные субъекты выступают в отношениях права лишь какой-то одной ипостасью и таким образом соизмеряются одной и той же равной для всех социальной мерой" [7; 111].

Формально провозглашенный принцип правового равенства требует своего обеспечения, то есть принятия мер, способных сделать правовое равенство вполне возможным, действительным, реально выполнимым.

Деятельность по обеспечению правового равенства граждан, на наш взгляд, можно условно разделить на две стадии. Первая стадия - обеспечение правового равенства на законодательном уровне. Непосредственное обеспечение правового равенства граждан берет начало с самого признания этого принципа государством и соответствующей нормативно-правовой регламентации. Второй является стадия правореализации - воплощения предписаний правовых норм в поведении участников правовых отношений.

Рассмотрим первую стадию (законодательное обеспечение правового равенства граждан).

Законодательную основу обеспечения правового равенства граждан Российской Федерации составляет Конституция России, российские законы, а также общепризнанные принципы и нормы международного права.

Общий (конституционный) статус имеет основным принципом формально-юридическое равенство, выражает общие права граждан и складывается на основе общих норм. Конституционные положения определяют основы правового статуса личности в РФ. Это равенство всех перед законом и судом, равенство прав и свобод мужчины и женщины и равные возможности их реализации (ст.19); свобода выбора каждым гражданином места своего пребывания и жительства (ст. 27); рода деятельности и профессии (ст. 37); забота и воспитание детей как равные права и обязанности обоих родителей (ст. 38); равный доступ к государственной службе (ст. 32); недопустимость отмены и умаления прав и свобод граждан (ст. 55). В качестве примера можно привести нормы, закрепленные в статье 19 Конституции Российской Федерации: "Все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации". Кроме того, в главе второй Конституции РФ "Права и свободы человека и гражданина" используются формулировки: "каждый имеет право", "каждый может", "каждому гарантируется" и т.д. Использование таких формулировок подчеркивает признание указанных прав и свобод за любым человеком, находящимся на территории России.

Конституционное закрепление правового равенства, прав и свобод человека и гражданина в ряде случаев требует дальнейшей конкретизации и детализации в иных нормативно-правовых актах. Так статья 32 Конституции РФ провозглашает право граждан Российской Федерации участвовать в управлении государством, в том числе право на равный доступ к государственной службе. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. "О государственной гражданской службе Российской Федерации" конкретизировал это право, указав на обеспечение равного доступа граждан России к государственной службе в соответствии со способностями и профессиональной подготовкой, и что при поступлении на государственную службу, при ее прохождении запрещено устанавливать какие бы то ни было прямые или косвенные ограничения или преимущества в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, наличия или отсутствия гражданства субъектов Российской Федерации, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, созданным в порядке, предусмотренном Конституцией РФ и федеральным законом.

В случаях, когда изданная общая норма (норма Конституции) не достигает цели, поставленной законодателем, когда ее использование приводит для части субъектов к результатам, обратным от задуманных, - принимается новая норма, специальная, которая, в свою очередь, делает изъятия - дополнения. Таким образом, делается более конкретное и локальное регулирование. Изъятий и дополнений может быть несколько, с различным объемом и с различными целями, так как законодатель стремится к наиболее точному регулированию.

М.Н. Козюк считает, что "с точки зрения правового равенства, эти нормы являются нормативными отступлениями от данного принципа и их можно рассматривать как нормы - льготы (привилегии) и нормы - ограничения (дискриминация)" [6; 56].

Несомненно, важны вопросы законодательного оформления социальной идеи равенства, однако не меньшее внимание должно быть уделено вопросам обеспечения правового равенства на стадии правореализации. Как представляется, далее целесообразно рассмотреть проблемы, связанные с практическим воплощением юридического равенства в реальных общественных отношениях, урегулированных правом.

В истории советского законодательства принцип правового равенства претерпел известную эволюцию: от законодательного ограничения прав представителей свергнутых классов до признания формального правового равенства всех граждан.

Обеспечение правового равенства связано не только с юридическим оформлением этой идеи, но и с ее практическим воплощением в общественных отношениях, урегулированных правом (реализацией). Реализация принципа правового равенства возложена, в основном, на органы исполнительной и судебной ветвей власти. Особое значение в этом процессе придается исключительной форме реализации права - правоприменению.

Применение права связано с государственно - властной деятельностью по рассмотрению определенных юридических вопросов и принятию по ним индивидуальных решений. Поэтому реализация и эффективность принципа правового равенства обеспечивается установлением развернутой системы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, которая венчается конституционным правосудием в лице его специального органа - Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд России настойчиво внедряет доктрину равенства в правовую систему, учитывая данный принцип по всем делам, где это возможно. Между тем не все решения Конституционного Суда имеют убедительный характер, что говорит о необходимости дальнейшего научного осмысления доктрины равных прав.

В деле обеспечения правового равенства граждан эффективную правоприменительную деятельность осуществляют Верховный Суд Российской Федерации и Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ.

Равенство граждан в процессе правоприменения выражается в том, что на его результат не должны влиять ни происхождение, ни социальное, ни имущественное положение гражданина, ни его расовая или национальная принадлежность, ни пол, образование и отношение к религии, ни род и характер занятий и т.д. Кроме того органы правоприменения свои действия осуществляют на основе единого законодательства, в процессуальном порядке, с одинаковыми для всех гарантиями. Однако эта формально-теоретическая модель в своем практическом воплощении приобретает несколько иные очертания, так как при принятии индивидуально-властных решений прежде всего необходимо основываться на принципе справедливости, который в иерархии правовых принципов стоит выше принципа равенства. Тем не менее, нельзя игнорировать принцип равенства на всех стадиях правоприменительного процесса.

В обеспечении правового равенства важное значение имеют нормы как материальных так и процессуальных отраслей права. Однако если нормы материального права выступают в качестве всеобщего и равного масштаба поведения, то нормы процессуального права способствуют реальному воплощению в жизнь правового равенства, так как равноправие участников процесса ведет к истинному и справедливому разрешению дела.

В этой связи заслуживает внимания точка зрения М.Н. Козюка, который считает, что в демократическом правовом государстве под углом правового равенства можно рассматривать отношения гражданина и правоприменителя, так как в политико-правовой сфере гражданин не беззащитен и наделен определенными правами и свободами, которые по преимуществу гарантированы. Однако, по объему прав статус гражданина не может равняться статусу правоприменителя, но этого не требуется, они различные субъекты права. Лишь сталкиваясь в рамках конкретного правоотношения по конкретному юридическому делу, они приобретают положение, которое можно рассматривать под углом правового равенства [6; 78].

В отличие от правореализации и правоприменения проблема правового равенства еще недостаточно изучена в юридической науке, хотя важность и актуальность ее отмечена многими исследователями. По нашему мнению, небесспорные суждения по различным аспектам обеспечения правового равенства в процессе реализации права могут дать импульс для тщательного изучения проблемы.

Список литературы

1. Козлихин И.Ю. У истоков правового государства: идея господства законов, а не людей // Вестник СПбГУ. 1993. № 1. С. 75-77.
2. Колодий А.Ф. Социальная справедливость и ее проявление через отношения равенства и неравенства. Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1992. 25 с.
3. Серкова В.В. К вопросу о соотношении понятий равенства и равноправия // 26 съезд КПСС и теоретические вопросы государства и права. М., 1984. С.77-78.
4. Сокуренок В.Г., Савицкая А.Н. Право, Свобода, Равенство. Львов, 1981. 253 с.

5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 2012.
6. Козюк М.Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования. Волгоград. 1998. 92 с.
7. Общественное сознание и его формы. М., 2013. 150 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Ю.И. Поляков,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
Polyakov@zakon.ru
Научный руководитель:
В. Д. Бекетова,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ

Термин "интеллектуальная собственность" стал официально употребляться с 1968 г. вследствие присоединения СССР к Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности.

26 июня 2000 г. была принята Всемирная Декларация по интеллектуальной собственности, которая определила в п. (i), что "термин "ИС" означает любую собственность, признаваемую по общему согласию в качестве интеллектуальной по характеру и заслуживающую охраны, включая, но не ограничиваясь научными и техническими изобретениями, литературными или художественными произведениями, товарными знаками и указателями деловых предприятий, промышленными образцами и географическими указаниями" [3].

В отечественном законодательстве интеллектуальной собственности посвящена ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако ее формулировка недостаточно корректна и так же, как и Конвенция о создании ВОИС, сводится к перечислению результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Согласно ст. 1226 ГК РФ правами на интеллектуальную собственность и средства индивидуализации признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, личные неимущественные права и иные права.

Использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которые являются объектом исключительных прав, может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя.

Интеллектуальная собственность, защищенная правовыми нормами, приводит к возникновению особого рода монополии. Она обеспечивает доступ различных хозяйственных единиц к изобретениям, промышленным образцам и другим результатам технического творчества, что способствует экономическому развитию общества. В то же время монополия, распространяющаяся на объекты интеллектуальной собственности, сдерживает конкуренцию, уменьшает выбор потребителей и т.д. В целях защиты интересов авторов и уменьшения негативных последствий монополизма эксперты ведущих стран предлагают сократить сроки действия патентов в коммерческом использовании [1].

Монополия, обеспечивающая право собственности, не является монополией абсолютной. Она ограничена во времени. Кроме того, существует конкуренция с аналогичными товарами, торговыми марками и т.п. Изобретения конкурируют с соответствующими технологиями, таким образом, нельзя доходы, полученные от исключительного использования изобретений, называть в полной мере монополистическими.

Согласно Дж. Локку, монополия, возникающая на интеллектуальную собственность, базируется на сочетании двух основных тезисов: 1. Каждый имеет право собственности на свою рабочую силу (работу своего тела и ума). 2. Применение труда к вещи, не имеющей собственника (переработка), создает право собственности на эту вещь. Рассмотрение данной теории в контексте прав интеллектуальной собственности позволяет объяснить, почему именно автор, а не кто-либо другой, приобретает авторские права на произведение и почему именно изобретатель получает соответствующий патент [9].

Интеллектуальная собственность в большинстве случаев имеет информационную природу. Ей присущи черты, свойственные информации: возможность одновременного использования неограничен-

ным кругом лиц, отсутствие физического износа, возможность "морального износа"; легкость и простота тиражирования и преобразования форм фиксации; возможность отчуждения от человека, который ее произвел или в пользовании которого она оказалась [5].

Жесткие меры правовой охраны могут привести к увеличению разрыва в технологическом уровне развивающихся и развитых стран и усилить монополистические тенденции на рынке новых технологий [8].

Уровень защиты интеллектуальной собственности устанавливается в зависимости от соотношения имитаций и инноваций в национальной экономике. "Пиратское" использование чужих изобретений стимулирует развитие страны лишь до тех пор, пока охрана интеллектуальной собственности не становится для нее экономически выгодной [2]. Глобализация экономики и товарных рынков подталкивает к более активному сотрудничеству государств в области охраны интеллектуальной собственности.

Одной из особенностей прав на интеллектуальную собственность, имеющей существенное значение для международного частного права, является их территориальный характер. Таким образом, права авторов признаются и охраняются на территории того государства, где они были надлежащим образом оформлены или признаны. Защита интеллектуальных прав в одном государстве не влечет их признания в другом. Преодолеть территориальный характер прав на интеллектуальную собственность можно с помощью специальных международных договоров.

Следует согласиться с Е. Геллером, что одной из основных проблем является противоречие между территориальным характером охраны интеллектуальной собственности и экстерриториальным способом распространения информации в Интернете. Когда возникает вопрос об убытках или компенсации в случае нарушения прав интеллектуальной собственности, суды должны избрать систему права, регулирующую данный вопрос. Судебная практика в различных государствах отличается разнообразием. Так, суды США стремятся применять свое национальное право в случаях нарушения авторских прав, если копирование произошло в США, а копии распространяются за рубежом. Суды же государств-членов ЕС применяют в этом случае право государства, в котором получена информация [3].

Законодательство ряда государств, в том числе и России, распространяет на иностранных граждан национальный режим в отношении порядка, условий и объема охраны интеллектуальной собственности. Однако законы по охране интеллектуальной собственности и практика их применения в разных странах отличаются, несмотря на то, что уже существует определенный минимум мировых стандартов и некоторая степень гармонизации достигнута в процессе составления международных договоров и конвенций.

Охрана интеллектуальной собственности осуществляется путем:

- 1) заключения международных соглашений, принятия международных законодательных актов в сфере охраны интеллектуальной собственности;
- 2) создания международных организаций по охране интеллектуальной собственности;
- 3) создания неправительственных организаций, аккредитованных в ВОИС.

Вопросы охраны объектов интеллектуальной собственности занимают значительное место в Правилах Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ). Появление Всемирной торговой организации (ВТО) привело к возникновению целого ряда правовых норм, регулирующих не только международный обмен товарами и услугами, но и объектами интеллектуальной собственности. Обязательным условием вступления любой страны в ВТО является совершенствование правовой охраны интеллектуальной собственности. В рамках ВТО было принято Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), которое призвано осуществлять эффективную и достаточную защиту прав на интеллектуальную собственность, стимулировать международный обмен новыми технологиями. Соглашение ТРИПС предусматривает санкции против нарушителей интеллектуальных прав [6].

Наличие действенного механизма защиты интеллектуальной собственности выгодно этим странам, ибо оно способствует развитию внутренних отраслей промышленности, оживлению иностранных инвестиций и открывает доступ к новым технологиям. Кроме того, доходы этих стран от экспорта во многом зависят от степени защиты интеллектуальной собственности. Таким образом, получается, что "пиратское" использование чужих изобретений стимулирует развитие страны лишь до тех пор, пока охрана интеллектуальной собственности не становится для нее экономически выгодной [4].

Страны с низким уровнем экономического развития, являющиеся в значительной мере потребителями интеллектуальной продукции, напротив, не заинтересованы в усилении охраны прав интеллектуальной собственности. Именно поэтому основными противниками принятия Соглашения о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) были именно развивающиеся страны. По их мнению, ВТО "аннексирует" сферу принятия решений в области интеллектуальной собственности, а права на интеллектуальную собственность дают западным транснациональным компаниям возможность установить монополию и повысить цены практически на все товары, начиная от новых сортов семян и заканчивая программным обеспечением [1]. Для стран со слабой экономической инфраструктурой патентная система

не гарантирует заметных преимуществ. Обладая ограниченными возможностями для создания собственных инноваций, эти страны подпитывают свое экономическое развитие, копируя чужие технологические решения. Поэтому строгое соблюдение положений ТРИПС этими странами будет способствовать увеличению издержек, связанных с приобретением инноваций, и даже может "заблокировать развитие ряда производств и услуг, например создание копий и аналогов или разработку приложений" [4].

Охрана интеллектуальной собственности предполагает компромисс между задачей сохранения стимулов к созданию новых научно-технических решений и необходимостью их распространения с наименьшими затратами. При отсутствии эффективной системы защиты прав авторов новых технических разработок невелика вероятность того, что отдельные лица или крупные компании будут вкладывать значительные средства в разработку инноваций [2].

По оценкам экспертов указанных организаций, ежегодно иностранные компании теряют в России миллиарды долларов из-за нарушений авторских прав. Данные организации пытаются оказывать давление на государственные и судебные органы в целях усиления защиты прав авторов и уменьшения судебных издержек.

Таким образом, можно наблюдать тенденцию унификации законодательства в сфере охраны интеллектуальной собственности, а также усиление роли и влияния международных организаций в данной области, что обусловлено признанием особого значения интеллектуальной собственности для мировой экономики.

Библиографический список

1. Варфоломеева Ю.А. Интеллектуальная собственность в условиях инновационного развития. М.: Ось-89, 2006. 142с.
2. Варфоломеева Ю.А. Мирохозяйственные аспекты управления интеллектуальной собственностью // Внешнеторговое право. 2005. N 2. С. 16-20.
3. Всемирная декларация по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 г. // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. N 4. 2002. С. 14.
4. Мирских И.Ю., Логинова Т.Е. О противоречиях норм международного права и права Российской Федерации в сфере охраны интеллектуальной собственности // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Юрид. науки. 2010. N 3(9) С. 128-132.
5. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Пропект, 2010. 368 с.
6. Посталюк М.П. Инновационные отношения в экономической системе. Теория, методология и механизм реализации. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. 419 с.
7. Птушенко А. Правовая защита интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. 2002. N 2. С. 52-53.
8. Федотов М. Интеллектуальная собственность и закон. (Заметки по поводу опубликованной монографии) // Интеллектуальная собственность 2002. N 6. С. 78-79.

ССЫЛКА КАК УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В РОССИЙСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ТЮРЕМНЫХ СИСТЕМАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛО XX СТОЛЕТИЯ

А.А. Популлова,
студенка ИГиП ТюмГУ
Populova2016@mail.ru

Научный руководитель:
А.В. Кузнецов,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется практика исполнения уголовного наказания в виде ссылки. Законодателем предпринимается попытка введения прогрессивной системы исполнения наказания. Лучше она применялась в англо – ирландской тюремной системе.

Ключевые слова: уголовно – правовая кара, долгосрочное заключение, совокупность элементов правового режима, разряд исправляющих арестантов, прогрессивная система исполнения наказания, принудительный труд.

The Reference as criminal punishment in the Russian and English prison systems in second half XIX – the beginning of XX century

In clause practice of execution of criminal punishment in the form of the reference is analyzed. The legislator undertakes attempt of introduction of progressive system of execution of punishment. Is better it was applied in the Anglo – Irish prison system.

Key words: criminally – legal penalty, the long – term conclusion, set of elements of a legal regime, the category of correcting prisoners, progressive system of execution of punishment, forced labour.

Наказание, как причиняемое виновному физическое или психическое страдание, представляет крайнее разнообразие. История уголовного права дает печальную картину человеческой изобретательности, всецело направленной к изысканию средств и способов причинения наибольшего страдания людям. Ранние периоды применения уголовного наказания обладают исключительно мерами устрашения и возмездия, т.е. месть к осужденному в самых разнообразных формах. Субъективное отношение карающего к условиям и интересам наказываемого – это полное игнорирование самостоятельности значения личности, а потому и дело юстиции сводилось к физической расплате за него и мести.

Опыт пенитенциарной практики показывает, что карательный элемент ссылки является исключительно господствующим. Анализ Свода законов 1832 года подтверждает идею сохранения репрессий по отношению к заключенным. Соотношение нормативных предписаний Свода учреждений и Уставов о ссыльных и Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей показывает, что в обоих законах было 832 статьи, а в последнем – всего 171 статья.

Такое отношение, когда количество статей Устава о ссыльных в четыре раза превысило число статей Устава о содержащихся под стражей, находилось в полном соответствии с исторической роль ссылки и тюрьмы в царской России [4; С. 38]. Ссылка в Сибирь фактически продолжала быть наказанием вплоть до её отмены Указом от 10 июня 1900 года. В статье рассматривается ссылка исключительно по приговору суда и исполнение наказания в связи с ним, ибо другие виды ссылки преследуют полицейские цели, но не пенитенциарные. Всего за 1807 – 1898 гг. в Сибирь было сослано 864 823 человек. Анализ судебных приговоров за общеуголовные преступления показал, что в пенитенциарной политике приоритетным являлось долгосрочное заключение с телесным наказанием (до её отмены в 1900 году) [9; С. 53].

Во второй половине XIX столетия в российской пенитенциарной политике долгосрочное заключение получает иное качественное содержание. По уголовному уложению 1903 года ссылка на каторгу состояла из двух элементов : каторжного заключения с принудительными работами, как в помещениях, так и вне их. По отбытии каторги преступники переводятся на поселение в предназначенные для того местности [17; С. 118-119]. Если государство в дореформенный период, собственно, не наказывало, а снабжало толь-

ко рабочими руками преступников разные ведомства [5; С. 24], то с 1890 года Уставом о ссыльных предусматривались элементы прогрессивной системы исполнения наказания (ст. 299 – 309 Уст. Ссыл.) [15; С. 290-291].

Англо – ирландская система тюремного заключения при незначительных различиях между ними является удобной для исполнения наказания. «В Ирландии, как и в Англии, первый период уголовного наказания лишением свободы приходит в одиночном заключении, но в Ирландии – это заключение несравненно суровее» [1; С. 147]. После одиночного заключения наступает период применения прогрессивной системы в использовании наказания, т.е. прогрессивной классификации и, наконец, испытательный стаж» [7; С. 21].

Формальными, внешними факторами сходства долгосрочного заключения в России по сравнению с англо – ирландской системой исполнения наказания являются принудительный труд, ночное разобщение, применение воздействия на заключенных. Попечение об арестантах, в частности, в российской пенитенциарной политике впервые получает свое воплощение в мерах тюремной деятельности.

Стратегия реформирования тюремной системы состояла в карательном и исправительном характере исполнения уголовных наказаний. Разнообразие мер тюремной деятельности при организации камерного заключения – долгосрочного наказания, по мнению реформаторов, должна сократить количество арестантов, направляемых в Сибирь. « Долгосрочное заключение лишь организованное по прогрессивной системе может успешно достигать исправительных целей» [11; С. 154]. Из этого со всей очевидностью следует, что должны быть изменены условия использования наказания каторжного заключения.

Проект 1872 года и его корректировка комитетом об окончательном осуждении проекта (1873 г.) разделял каторжных на два разряда : 1) испытуемых; 2) исправляющих. Для категории исправляющих были предусмотрены льготы: снятие оков, облегчение в работе, разрешение жить вне острогов, назначение за арестантский труд заработной платы, сокращение времени на каторге на 1/6 срока, определенного в судебном приговоре (ст. 148 проекта 1872 г.) [2]. В разрядах испытуемых, преступники зачисляются по поступлении их в тюрьмы [2]. Как пишет С.В. Познышев, «в конце XVIII и в начале XIX веков, стала намечаться новая цель наказания – исправление» [10; С. 3]. Несмотря на проявление прогрессивных тенденций, начавшихся появляться в пенитенциарной политике государства, идеи возмездия и устрашения по – прежнему не были изжиты в практике исполнения наказания.

Ретроспективный анализ ссылки на каторгу показывает, что продолжительное содержание в тюрьмах приводит к расстройству здоровья даже у сильных [3]. Наказание розгами установленное для ссыльных, с одной стороны, за маловажные проступки и, с другой – в качестве меры заменяющих плети для несовершеннолетних ссыльных [14], унижало достоинство человека. Н.С. Лобас сообщает о произволе тюремной администрации на сахалинской каторге, где «надзиратель всегда прав, а преступник всегда виноват» [6; С. 74].

Англо – ирландская система признает основным условием исправления существование и возбуждение собственных стимулов к этому преступника [19; С. 160]. В соответствии с ней тюремное заключение распадается на несколько периодов, последовательно отбывая которые, преступник при хорошем поведении получает все большие и большие удобства и облегчения [16; С. 160-161]. В этом состоит идея прогрессивной идеи заключения, при которой наказание распадается на несколько последовательно отбываемых преступником стадий. Родилась она в Англии и первое применение получила в системе английской ссылки [12; С. 84]. В Англии уголовная ссылка, соединенная с принудительными работами возникла во второй половине XVII столетия. Введена была карательная система прежде всего с целью очистить метрополию от опасных людей [13].

При прогрессивной системе и введении различных стадий исполнения наказания, наказываемые классами, меры тюремной деятельности не столько подавляют арестанта, сколько при этом контролируется степень нравственного выздоровления. Только в том случае, когда в арестанте будет развито свободное соревнование в связи с предстоящей задачей исправления, возможна надежда достичь его на самом деле. Такая идея принадлежала капитану Мэконочи. По мнению Мэконочи, обыкновенные судебные приговоры к тюремному заключению на определенный срок должны бы замениться определенной цифрой одобрительных отметок, с тем, чтобы цифры эти арестант заслужил прилежанием и хорошим поведением. Приговоры, поставленные судом, он полагает заменять по определенной оценке, суммой таких же оценок за труд и хорошее поведение [8; С. 7], так как старая система не давала перспектив на исправление [19; С. 402].

Своеобразие ирландской системы в том, что там, в переходных тюрьмах Крофтон давал возможность заключенным совершенствоваться в ремесле или заниматься сельскохозяйственными работами. Заключенные носили собственное платье, имели право носить любую прическу, пользоваться известной свободой, имели право ходить на работу без надзора в соседние местности, получали в свою пользу часть заработной платы.

В России прогрессивная система исполнения наказания не так последовательна, как в англо – ирландской тюремной системе. Разделение арестантов на разряды в зависимости от отбытого ими наказания и степени проявленной склонности к исправлению, как установлено Уставом о ссыльных изданиях 1890 года.

«Причисление в отряд исправляющих производится управлениями заведывающими каторжными при строгом рассмотрении сведений, содержащихся в списках о каторжных; им объявляется о том в присутствии высшего местного начальства и приглашенного к тому духовного лица, который объясняет им важность даруемого облегчения и обязанность употребить всевозможные страдания, чтобы сделаться вполне двойными сей милости правительства (Ст. 301 Уст. Ссыл.)»[18; С. 187]. Ст. 300 Уст. Ссыл. устанавливает факт правомерного поведения осужденного, результатом которого становится соблюдение предписаний тюремного режима, как факт нравственного выздоровления, ст. 301 – факт юридического исправления и перевод его в отряд исправляющихся. Все эти позитивные обязывания устанавливают юридический обязанности осужденных и выражаются в праве разрешительным порядком, которые осуществляются через известные функции правового регулирования.

В местах лишения свободы закон дает маневр в осуществлении прогрессивной системы исполнения наказания. Устав о ссыльных закрепляет положение, согласно которому условия содержания осужденных в зависимости от их правомерного или неправомерного поведения установленного законом срока наказания могут изменяться в сторону расширения или суждения прав осужденного. Вместе с тем, в 1910 году из 6646 каторжан в Сибири лишь 15,5% от их общего количества были переведены во внетюремный разряд [17; С. 12]. В России, непременно, уголовная репрессия, смягчаемая прогрессивной системой, была нарушена первой буржуазно – демократической революцией. В Англии в этот период продолжает доминировать тенденция к уменьшению числа долгосрочных наказаний.

Таким образом, при сходных условиях применения прогрессивной системы исполнения наказания в англо – ирландской системе тюремного заключения она проходит успешно. В России также делается попытка преобразования тюремной системы, включая мощный рычаг, такой как классификация преступников и к ним прогрессивной системы. Однако её реализация в каторжных тюрьмах имела ограниченный характер и лишь к небольшому количеству арестантов.

Список литературы:

1. Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. - СПб., 1968. – С. 147.
2. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 55. Л. 273 об.
3. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 176. Л. 62.
4. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т.2. – М., 1996. – С. 38.
5. Исаев М.М. Основы пенитенциарной политики. – М., 1927. - С. 24.
6. Лобас Н.С. Каторга и поселение на о. Сахалин. – Павлоград, 1903. – С. 74.
7. Малинин Ф.П. Постановление шести международных тюремных конгрессов. – СПб., 1904. – С. 21.
8. Международный тюремный конгресс и английские тюрьмы. – СПб., 1890. – С.187.
9. Остроумов С.С. Преступность и её причины в дореволюционной России. – М.: МГУ, 1980. – С. 53.
10. Познышев С.В. К вопросу о преобразовании нашей каторги. – М., 1923. – С. 3.
11. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. - М., 1923. – С.154.
12. Познышев С.В. Очерки тюремоведения. – М., 1915. – С. 84.
13. РГИА. Ф. 565. Оп. 8. Д. 29852. Л. 19 об.
14. РГИА. Ф. 1405. Оп. 543 Д.155. Л. 1-205.
15. Свод учреждений и Уставов о ссыльных. // Свод законов Российской Империи 1890 года. Т. XIV. – СПб., 1890. – С. 290-291.
16. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. – Пг., - 1915. – С. 160 – 161.
17. Стремоухов А.М. Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела в России за 1905 – 1919 гг. – СПб.,1911. - С. 12.
18. Устав о ссыльных // Свод законов Российской Империи 1890 года. Т. XIV. – СПб., 1890. – С. 187.
19. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. – СПб., 1889. – С. 160; 402.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО (УСТАВНОГО) СУДА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. В. Рыльских,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
r.yvgeny95@gmail.com
Научный руководитель:
М. Ш. Альмухаметова,
доцент кафедры теории и истории
государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ
кандидат исторических наук, доцент

В конце 1980-х годов в СССР происходили значительные перемены в государственной жизни: постепенно разрушалась тоталитарная система, ослаблялась власть в центре и на местах, формировались условия для многопартийности и создания демократического, правового государства. Позднее возникает необходимость в создании контролирующего конституцию органа, который в итоге принял форму Конституционного Суда сначала в РСФСР, а затем и в Российской Федерации. В субъектах РФ, в свою очередь, стали возникать идеи о создании аналогичных судов.

Прежде всего, необходимо определиться с дефиницией понятия «конституционный (уставный) суд». Под ним, доктор юридических наук, профессор, В. И. Червонюк подразумевает «судебный орган субъекта РФ, призванный осуществлять конституционное судопроизводство, то есть определять конституционность (соответствие конституции республики, уставу края, области, города федерального значения) нормативных правовых актов, принимаемых органами государственной власти субъекта РФ.»[6]

Практическая реализация идеи о конституционном правосудии на федеральном уровне стала отправной точкой в деле образования специализированных органов конституционного контроля в субъектах Российской Федерации.

Предшественником Конституционного Суда России можно считать Комитет конституционного надзора СССР, который просуществовал с 1989 по 1991 гг[4].

В конце октября 1991 года был избран Конституционный Суд РСФСР, однако это не препятствовало созданию в республиках собственных органов конституционного контроля и обеспечивать охрану своего конституционного строя собственными силами[9]. Так, первый суд, занимающийся конституционным контролем в субъекте, был создан 27 декабря 1991 года в Республике Дагестан[8].

В подавляющем большинстве республик Российской Федерации в сфере правовой охраны конституции был взят курс на создание специализированных органов - конституционных судов. Республики проводили этот курс активнее, поскольку в статье 5 Конституции РФ они именуется государствами и посредством введения конституционного правосудия стремились быстрее приобрести все необходимые черты своей государственности[1].

Первое упоминание же об уставных судах субъектов Российской Федерации на федеральном уровне содержится в Договоре «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области» от 12 января 1996 г[3].

Однако, к концу 90-х годов XX века в большинстве субъектов данные органы так и не были созданы, поэтому 24 декабря 1999 г. было проведено Всероссийское совещание «Проблемы образования конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации», в ходе которого были приняты следующие рекомендации:

- Соответствующим комитетам палат Федерального Собрания Российской Федерации обсудить вопрос о законодательном урегулировании общих принципов организации и деятельности конституционных (уставных) судов;

- Региональным ассоциациям субъектов РФ обсудить проект модельного закона о конституционном (уставном) суде субъекта Российской Федерации, разработанный в отделе по обеспечению деятельности Полномочного представителя Президента Российской Федерации, имея в виду вариантность формирования таких судов и наделения полномочиями их судей;

- Законодательным (представительным) органам субъектов РФ обсудить вопрос о внесении необходимых поправок в конституции и уставы, касающиеся учреждения конституционных и уставных судов, их компетенции, состава, порядка;

- Высшим должностным лицам субъектов рассмотреть вопрос о внесении в законодательные (представительные) органы проектов законов о конституционных (уставных) судах;

- Органам законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации активизировать работу по принятию законов о конституционных (уставных) судах субъектов РФ.

Рекомендации, высказанные на совещании, всё же не были реализованы в полной мере, так как в настоящее время значительного прогресса в создании органов конституционного (уставного) правосудия не наблюдается[12].

В последующем конституционные либо уставные суды были созданы лишь в нескольких регионах: с 2000 года он действует в Республике Татарстан и в городе Санкт-Петербурге, с 2001 года - в Северной Осетии - Алании, с 2003 года - в Республике Тыва и Калининградской области, в 2006 году суд стал функционировать в Чеченской республике[2].

В настоящий период времени Российская Федерация состоит из 85 субъектов, однако конституционные (уставные) суды функционируют лишь в 15 из них (17,6%). В 12 республиках (54,5 %) из 22, в 2 областях (4,3%) из 46 и в городе федерального значения Санкт- Петербург (33,3%) из трех таких субъектов. Ни в одном из краев Российской Федерации не действует уставный суд (0%) [4].

В 41 субъекте России (47,2%) предусмотрена возможность создания органов конституционного (уставного) контроля, а в 31 субъекте (35,2 %) данные суды не функционируют и возможность их создания не закреплена.

В научной литературе ученые-юристы выделяют различные проблемы, которые мешают созданию и функционированию конституционных (уставных) судов, однако наиболее полно и систематизировано их обозначил, профессор Владимир Алексеевич Кряжков. Он выделяет интеллектуально-психологические причины (относительная молодость региональной государственности и новизна института), политические (слабая развитость демократических ценностей, условность разделения властей, нейтральность центральных властей в вопросе создания органов конституционной (уставной юстиции) в регионах), правовые (федеральная недоурегулированность статуса конституционных (уставных) судов, ведение конституционных дел судами общей юрисдикции), кадровые (нехватка высококвалифицированных юридических кадров), финансовые (отсутствие средств регионального бюджета для финансирования данных судов)[8].

Так, Н.А. Хазершук, судья конституционного суда Республики Адыгея, считает, что для решения вопросов, связанных с функционированием органов конституционной юстиции в субъектах необходимо:

- Внести изменения в ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона "О судебной системе РФ", закрепив обязательное создание в субъектах РФ конституционных (уставных) судов.

- Ввести предварительный контроль отдельных законов субъектов РФ, например, о внесении поправок в конституции (уставы) субъекта РФ.

- Передать конституционным (уставным) судам часть полномочий Конституционного Суда РФ, например рассмотрение дел о соответствии законов субъектов РФ Конституции РФ и федеральному законодательству.

- Создать вертикаль органов конституционной юстиции, предусмотрев пересмотр решений конституционного, уставного суда по жалобам граждан в Конституционном Суде РФ.

- Определить финансирование конституционных (уставных) судов как из регионального, так и из федерального бюджета, по аналогии с финансированием мировых судей[11].

Существуют также проблемы, характерные для отдельных регионов, например, имеющих одинаковый статус. Так, Тюменская область является сложноустроенным субъектом, и взаимоотношения с входящими в нее Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами до конца не урегулированы.

Между тем, в Свердловской области, граничащей с Тюменской, такой проблемы нет, и поэтому уставный суд функционирует здесь на протяжении 17 лет[2]. К достоинствам его функционирования можно отнести реальное рассмотрение дел по обращениям граждан, в чем реализуется правозащитная функция[10].

Однако существуют и недостатки в деятельности уставного суда Свердловской области. Так, возникали случаи, когда уставный суд, приняв решение о несоответствии нормативно-правового акта положениям Устава Свердловской области, предписывал полномочным органам власти внести соответствующие коррективы в законодательство в целях восполнения правового пробела в результате отмененного акта или его отдельных положений. Но, вынося подобные предписания, суд не указывал сроки их исполнения. Следовательно, права граждан продолжают нарушаться[7].

Проблема заключается в отсутствии контроля исполнения судебного постановления, что порождает неопределенность предписаний уставного суда, открывая дорогу для произвольных действий со стороны

органов государственной власти Свердловской области и органов местного самоуправления муниципальных образований.

Что же касается Тюменской области, то для решения указанной проблемы стоит закрепить в уставах сложноустроенного субъекта возможность решать правовые вопросы на партнерских условиях, чего требует Конституция Российской Федерации[1].

Таким образом, следует согласиться с судьей Н.А. Хазершук, которая считает, что необходимо создать на федеральном уровне закон о конституционных (уставных) судах субъектов РФ, закрепив статус суда, особенности его функционирования, а также конкретные полномочия, ведь в настоящий период времени каждый субъект сам решает, какими полномочиями обладает конституционный (уставной) суд, что не позволяет привести систему органов конституционного (уставного) правосудия в упорядоченный и целостный механизм.

Необходимость в функционировании данного органа действительно существует, ведь конституционный (уставной) суд субъекта Российской Федерации путем своей деятельности способен поместить на качественно новый уровень правовую базу субъектов федерации, усовершенствовать правовые взаимоотношения граждан и региональных властей, исключить коллизии в законодательстве субъектов, сделать судебную систему России более развитой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция РФ. – М.: Омега – Л, 2014. – С. 4.
2. Конституции, Уставы субъектов Российской Федерации // Сайт Конституции Российской Федерации // Конституции и Уставы субъектов Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения: 30.03.15).
3. Договор "О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области" от 12.01.1996 г. // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=234191> (дата обращения: 30.03.15).
4. Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс: В 2 т. Т. 2. – М.: Юристъ, 2005. – С. 595 - 598.
5. Боброва В. К. Некоторые аспекты законов о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации // Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. - 2007. - № 3. – С. 120.
6. *Иванец Г. И., Калинин И. В., Червонюк В. И.* Конституционное право России: энциклопедический словарь / Под общей ред. В. И. Червонюка. — М.: Юрид. лит, 2002. — С. 357.
7. Котова А. Ю. «Подводные камни» в практике уставного суда // «Сутяжник» - правозащитная организация: [сайт]. URL: <http://sutyajnik.ru/articles/18.html> (дата обращения: 4.04.15).
8. Кряжков В. А. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // Сравнительное конституционное обозрение. - 2007. - № 3. – С. 156-162.
9. Митюков М. А. Становление и развитие конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (1991-2002 гг.) // Конституционное правосудие. - 2003. - № 2: [сайт]. URL: <http://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/2.20-2003/Mityukov.htm> (дата обращения: 15.03.15).
10. Пантелеев В. Ю. Некоторые вопросы совершенствования законодательства о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. - 2011 - № 7. - С. 47 – 49.
11. Хазершук Н. А. О возможности модернизации конституционной (уставной) юстиции субъектов Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. - 2008. - № 2. – С. 17-22.
12. Шуберт Т. Э. Проблемы образования конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Право и политика. - 2000. - № 3. – С. 42-49.

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.

**К.С. Скареднова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Государственное
и муниципальное управление»
kristina.skarednova@mail.ru
Научный руководитель:
Н.П. Носова,
профессорка кафедры государственного и
муниципального управления
ИГиП ТюмГУ,
доктор исторических наук, профессор**

Современные условия и высокий уровень развития общества требуют качественных изменений во взаимоотношениях государства и общества, повышение эффективности государством своих функций и оказание услуг населению. В статье «Демократия и качество государства» Президент Российской Федерации В.В.Путин отмечает «Надо переходить к стандартам госуслуг нового поколения - основанным не на позиции исполнителя, а на позиции потребителя этих услуг». [1] Один из современных способов предоставления государственных и муниципальных услуг являются многофункциональные центры (далее МФЦ). Принцип оказания услуг населению посредством «одного окна», а также определение положительных и отрицательных сторон при его реализации – проблема данной статьи.

Административные преобразования, проводимые в России в течение достаточно длительного периода времени [2], направлены, главным образом, на повышение эффективности и качества выполнения государством своих функций в предоставлении услуг обществу. В 2008 году приоритетным направлением проведения административной реформы в России Правительство РФ обозначило дальнейшее повышение эффективности предоставления государственных услуг с использованием современных технологий. Основными механизмами реализации названного направления были определены многофункциональные центры и переход на предоставление услуг в электронном виде, через Интернет.[3]

Все госуслуги в режиме «одного окна» стали доступны тюменцам в начале 2014 году, тогда в областной столице открылся первый МФЦ по предоставлению государственных и муниципальных услуг в Тюменской области.

Согласно ст. 2 п.5 федерального закона от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг", МФЦ - организация, созданная в организационно-правовой форме государственного или муниципального учреждения (в том числе являющаяся автономным учреждением), отвечающая требованиям, установленным настоящим федеральным законом, и уполномоченная на организацию предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной форме, по принципу "одного окна". [4]

Руководитель МФЦ ТО Александр Нагибин в своем интервью, отмечал, что число посетителей центра ограничивалось, автомат на входе выдает строго определенное количество талонов. «Это связано с тем, что в данной системе нужно все отладить, выявить «детские болезни», устранить недостатки». В полную силу центр заработал только тогда, когда все государственные и муниципальные услуги были переведены в электронный вид.

Кроме того, с 20 января 2014 в МФЦ начали оказывать услуги Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр). Услугами по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделками с ним, при передаче МФЦ полномочий Росреестра, воспользовались уже тогда более десятка человек. Всего с начала января в МФЦ на ул. Водопроводной обратились более 130 человек, они подавали заявления на выдачу паспорта гражданина РФ, пользовались услугами областного департамента социального развития и получали информационную поддержку.[5]

Сегодня МФЦ Тюменской области оказывает 142 услуги из них Федеральные – 45, Региональные – 90, Муниципальные – 7. География расположений МФЦ так же достаточно обширна: г. Тюмень, То-

больск, Ишим такие районы как Нижняя Тавда, Исетское, Юргинский, Аромашево, Омутинское, Армизонское, Бердюжье, Казанское, Сладковское. В доступной сети Интернет открыт официальный портал МФЦ Тюменской области <http://mfcto.ru/>. Сайт достаточно прост, гражданин может посмотреть состояние дела, если введет его номер и код авторизации. На портале расположены актуальные новости, так же даны ссылки на сайт Президента, органов исполнительной власти РФ и Тюменской области, электронное правительство и др. [6]

Анализ опыта организации работы МФЦ показал как положительные, так и отрицательные стороны его деятельности.

Первый и один из главных «плюсов» системы «одного окна» является расширенная сеть приема граждан. Увеличилось число пунктов первичного приема, центры удобно расположены в шаговой доступности. Так же важно отметить удобный график работы. В отличие от органов государственной власти, МФЦ работает в субботу, что значительно сокращает барьеры в получении услуг, а сложившаяся система позволяет получить услуги комплексно, в одном пункте.

В процессе исследования можно выделить и отрицательные черты организации работы МФЦ. Во-первых, это недостаточная компетентность специалистов МФЦ, что зачастую проявляется в неполной или даже ошибочной консультации граждан. Во-вторых, отсутствие единой информационной базы данных, что также затрудняет оперативное решение вопросов граждан, обратившихся в МФЦ.

Несмотря на то, что МФЦ – новый способ предоставления государственных и муниципальных услуг сегодня, он кардинально меняет свой «имидж». Многофункциональные центры в Тюменской области теперь будут работать под новым всероссийским брендом «Мои документы». Первый центр с новым названием открылся в областной столице 28 февраля текущего года по адресу: улица 30 лет Победы, 95. Он стал пятым центром по предоставлению государственных и муниципальных услуг в городе Тюмени. По югу Тюменской области в городах Тобольск и Ишим, в Омутинском и Бердюжском районах МФЦ уже работают под новым названием.

Данный процесс изменений в «имидже» можно рассматривать как ребрендинг, т.е. активную маркетинговую стратегию, которая включает комплекс мероприятий по изменению бренда (как компании, так и производимого ею товара), либо его составляющих: названия, логотипа, слогана, визуального оформления, с изменением позиционирования. Ребрендинг проводится в русле изменения концептуальной идеологии бренда. Это подразумевает, что в компании (продукте) произошли довольно существенные изменения. [8]

Ребрендинг по всей стране контролирует Минэкономразвития РФ. В Тюменской области в многофункциональных центрах пока меняют только вывески. Залы приема и выдачи документов еще сохраняют свой прежний вид с использованием салатного и оранжевого цветов. Но, со временем, все МФЦ будут переоборудованы согласно брендбуку «Мои документы», который касается практически всех моментов деятельности центров: названия, интерьера, печатной продукции и документации и даже отношения специалистов в гражданам. [7]

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы. МФЦ – новый инструмент по предоставлению государственных услуг населению. Граждане с интересом посещают центр, и получают услуги за короткое время. Однако, в силу специфики своей деятельности, центры предоставляют не все услуги, а лишь те, которые являются общими такие как, регистрация недвижимости, рождение ребенка, льготный проезд на общественном транспорте и т.д. Изменение же имиджа на сегодняшний день, как представляется, не является необходимостью для данной организации, кроме того, эта процедура требует значительных финансовых затрат. Считаю, что в сложившейся ситуации, необходимо большее внимание уделить самой организации деятельности МФЦ, в том числе разработки и внедрению единых баз данных, а также повышению квалификации специалистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Интернет портал Путин. Итоги.[сайт]. - URL: [http://www.putinitogi.ru/2012/02/06/statya-v-v-putina-demokratiya-i-kachestvo-gosudarstva/\(дата обращения 30.04.15\)](http://www.putinitogi.ru/2012/02/06/statya-v-v-putina-demokratiya-i-kachestvo-gosudarstva/(дата обращения 30.04.15))
2. Бувев, В. В., Мигин, С. В. Административная реформа в 2008–2010 годах: новое качество как залог эффективности / В. В. Бувев, С. В. Мигин //Административная реформа в Российской Федерации в 2007 году: сборник статей. – М: «НИСИП», 2008. – С. 7–11.
3. Исупова И.Н. Многофункциональные центры как основной механизм повышения эффективности предоставления государственных услуг населению в России /И.Н.Исупова// «Общество: политика, экономика, право» № 1-2, 2009, С.12-18
4. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг"// "Собрание законодательства РФ", 02.08.2010 – № 31, - С. 4179.

- 5.Тюменская Интернет-газета «Вслух.ру»[сайт]. - URL:<http://www.vsluh.ru/news/society/277504>(дата обращения 30.04.15)
- 6.Официальный портал МФЦ Тюменской области[сайт]. - URL:<http://mfcto.ru/>(дата обращения 30.04.15)
- 7.Интернет – издание NEWSPROM[сайт]. - URL: <http://newsprom.ru/news/Obschestvo/208517.html>(дата обращения 30.04.15)
- 8.Словарь маркетолога [сайт]. - URL: http://www.marketech.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_r/rebranding/(дата обращения 30.04.15)

НОВАЦИИ В ОГРАНИЧЕНИИ СВОБОДЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

А.А. Степанов
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
theadventuresofraindancemaggie@gmail.com
Научный руководитель:
О.А.Теплякова,
заместитель заведующего кафедрой
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук

Свобода массовой информации, провозглашенная частью пятой статьи 29 Конституции РФ, - конституционная гарантия независимого функционирования СМИ в стране. Она имеет кардинальное значение для построения демократии и поощрения гражданской активности.

Конституция запрещает цензуру, однако она предусматривает, что права и свободы человека (а следовательно, и свобода массовой информации) могут быть ограничены федеральным законом «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». В последние годы подобное законодательное ограничение свободы массовой информации стало встречаться всё чаще, что вызывает критику как со стороны самих СМИ, так и от правозащитных организаций и государственных органов.

Среди данных законодательных ограничений, введённых за последние три года, можно выделить следующие, являющиеся ключевыми.

ФЗ № 139-ФЗ от 28 июля 2012 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Поправки, введенные в ФЗ «О защите детей» более подробно регламентируют способы маркировки информационных продуктов, устанавливают тексты предупреждений об ограничении распространения информационной продукции среди детей, делая исключение для сайтов, не являющихся «сетевыми изданиями», и для комментариев пользователей.

Наиболее значительные изменения были внесены в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

В закон добавляется новая статья 15¹, согласно которой: создаётся информационная система «Единый реестр доменных имен, содержащих информацию, запрещённую к распространению на территории Российской Федерации федеральными законами».

Оператор Реестра вносит в него ссылки на интернет-страницы или доменные имена содержащие любую информацию, запрещённую к распространению в России.

Решение о включении в Реестр можно обжаловать только через суд, причём лишь в течение 3 месяцев.

Оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к сети Интернет, обязан в течение суток с момента включения сетевого адреса сайта в Реестр ограничить к нему доступ. Тот факт, что на одном IP-адресе могут находиться несколько сайтов с разными доменными именами, законом не учитывается. [1]

Основная критика направлена на поправки в закон «Об информации». Так, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека заявил: «регламентируемая законопроектом процедура блокировки интернет-контента предполагает ограничение доступа к информации для всех пользователей российского сегмента Интернета без каких-либо ограничений, которые позволили бы трактовать предлагаемые меры не как введение цензуры, что прямо запрещено Конституцией и ограничивает право людей на доступ к информации, нисколько не приближая к решению заявленных в законопроекте задач». [2]

Российская ассоциация электронных коммуникаций, в целом, поддержала поправки в ФЗ № 436 («О защите детей»), что касается поправок в закон «Об информации», то Ассоциация выступила категорически против слишком широкого класса материалов, подлежащего внесению в Реестр и блокировки сайтов по сетевым адресам. [3]

Google, Живой Журнал, ВКонтакте и Яндекс также выступили против законопроекта.

Федеральный закон № 398-ФЗ от 28 декабря 2013 года «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“». Позволяет Роскомнадзору по предписанию Генпрокуратуры РФ немедленно блокировать без решения суда сайты с экстремистской информацией.

Закон предусматривает следующую процедуру: в случае обнаружения в Интернете информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, Генеральный прокурор Российской Федерации направляет требование в Роскомнадзор о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию.

После получения требования Роскомнадзора оператор связи обязан незамедлительно ограничить доступ к информационному ресурсу и направить уведомление лицу, обеспечивающему его размещение.

Доступ к информационному ресурсу возобновляется только после удаления соответствующей информации.

Правозащитники считают, что закон, де-факто позволяющий Роскомнадзору блокировать сайты во внесудебном порядке, является инструментом Интернет-цензуры в России. Совет по правам человека при президенте РФ заявил, что данный закон серьезно ограничивает конституционные права и свободы граждан. [4]

Так, 13 марта 2014 года Роскомнадзор без судебного решения ограничил доступ сразу к трем интернет-СМИ с независимой редакционной политикой: Каспаров.ру, «Ежедневный журнал», Грани.ру. Последним предпринималось несколько попыток по обжалованию решения, однако все инстанции вплоть до надзорной признавали блокировку законной, каждый раз ссылаясь на то, что они не обязаны информировать о том, какая информация является, по их мнению, запрещенной.

Федеральный закон Российской Федерации от 14 октября 2014 г. N 305-ФЗ "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О средствах массовой информации", вступающий в силу 1 января 2016 г.

Ключевым нововведением является изменение ст. 19.1 ФЗ, согласно которому:

Во-первых, иностранные государства, международные организации, иностранные граждане и юридические лица, а также россияне с двойным гражданством не смогут выступать в качестве учредителей СМИ.

Во-вторых, вводятся ограничения на участие любого иностранного капитала в российских СМИ – максимальная доля иностранного участия в уставном капитале должна составлять не более 20 процентов суммарно. Ранее она ограничивалась 50 процентами.

Практика подобных ограничений является весьма распространенной. Так, например, в США иностранные лица могут контролировать не более 25 процентов акций американских телевизионных каналов и радиостанций. Во Франции физическим и юридическим лицам не из стран Евросоюза нельзя иметь больше 20 процентов в капитале телекомпаний. [5] Следовательно, можно говорить о том, что тенденция к ограничению иностранного участия в СМИ стала приобретать массовый характер, однако от этого данная тенденция не перестает быть антидемократической – она лишь свидетельствует об обострении идеологической борьбы между странами.

Результаты законодательной политики России можно отследить по ее перемещению в Индексе свободы слова, ежегодно публикуемом международной неправительственной организацией «Репортёры без границ». В 2015 году Российская Федерация заняла в нём 152 место, между Гамбией и Сингапуром, тогда как год назад Россия находилась на 148 месте. Для сравнения, Китай занимает в данном рейтинге 176 место, США – 49. Самыми свободными в мире СМИ считаются в Финляндии. [6]

Таким образом, на основе анализа вышеперечисленных нормативных актов можно говорить о тенденции к ужесточению законодательства в области ограничения свободы массовой информации. Предоставление Роскомнадзору права без решения суда целиком блокировать интернет-ресурсы на свое усмотрение

рение создало реальную возможность для введения в России интернет-цензуры, а существенное ограничение иностранного участия в СМИ свидетельствует о стремлении законодателя к их идеологическому единообразию.

С одной стороны, некоторые ученые-юристы считают, что в современном мире именно цензура выступает фактором сдерживания деструктивных информационных явлений, влияет на обеспечение информационно-психологической безопасности личности и общества в целом и т.д. [7]

Однако Автор считает, что цензура в Российской Федерации в любой её форме недопустима, так как явно противоречит предписанию ч. 5 ст. 29 Конституции. Подобным образом пренебрегая запретом, установленным высшим законом страны, Россия может отрезать себе путь к построению правового государства. Также это приведёт к появлению нового „информационного занавеса“, что губительно скажется на правах и возможностях граждан России, на развитии общества в целом и становлении всей экономики. Во избежание наступления таких последствий автор настаивает на смягчении законодательства и переориентации его из инструмента политической борьбы в инструмент построения правового государства.

[1] Новый закон угрожает свободному Интернету 12.07.12 // <http://googlerussiablog.blogspot.ru/2012/07/blog-post.html>

[2] Заявление членов Совета в отношении законопроекта № 89417-6 "О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" // <http://president-sovet.ru/documents/read/47/>

[3] Официальная позиция РАЭК по законопроекту №89417-6 // <http://raec.ru/times/detail/1471/>

[4] Путин подписал закон о внесудебной блокировке экстремистских сайтов // <http://www.km.ru/v-rossii/2013/12/30/vladimir-putin/729095-putin-podpisal-zakon-o-vnesudebnoi-blokirovke-ekstremistsk>

[5] Пятая доля // <http://www.rg.ru/2014/10/17/smi.html>

[6] 2015 World Press Freedom Index // <http://index.rsf.org/#/>

[7] Марцоха И.Е. Институт цензуры в информационной правовой политике России: Дис. ...канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 17.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, ПОЛУЧИВШИХ ЗВАНИЕ ГЕРОЙ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Д.П. Старовойтов,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
dimastar97@mail.ru
Научный руководитель:
М.Ш. Альмухаметова,
доцент кафедры теории и истории
государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ
кандидат исторических наук, доцент

Большинство современников до сих пор не понимают, за что и почему многие солдаты, совершив героический поступок, лишались высокого звания - Герой Советского Союза. В годы советской власти в период горбачевской перестройки лишь немного был приоткрыт занавес над непризнанными судьбами Великой Отечественной Войны.

Несмотря на давность произошедших событий, эта тема продолжает притягивать к себе внимание многих исследователей. Восстановление в правах непризнанных героев и героев-лишенцев является актуальной проблемой современности. Необходимо отметить, что правовой статус героев России не был предметом специального исследования на монографическом уровне в общей теории и истории права и государства. До настоящего времени научному анализу подвергались лишь отдельные вопросы исследуемой темы. Несмотря на наличие работ о Героев России и Героев СССР, проблема восстановления в правах участников войны исследована недостаточно широко.

16 апреля 1934 года постановлением Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР было учреждено звание Героя Советского Союза. «Установить высшую степень отличия — присвоение за личные или коллективные заслуги перед государством, связанные с совершением геройского подвига, звания Героя Советского Союза» [6]. До 1934 года в СССР не было высших званий, которые присваива-

лись за совершение героического подвига. Впервые звание Героя Советского Союза было присвоено Постановлением ЦИК СССР от 20.04.1934 г. 7 летчикам за спасение экипажа ледокола «Челюскин» - М.В. Водопьянову, И.В. Доронину, Н.П. Каманину, С.А. Леваневскому, А.В. Ляпидевскому, В.С. Молокову и М.Т. Слепневу.

К лету 1939 года в СССР насчитывалось уже 122 Героя Советского Союза. Возникшую потребность в выделении данной категории граждан среди других слоёв населения решил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.08.1939 г. «О дополнительных знаках отличия для Героев Советского Союза»: «...В целях особого отличия граждан, удостоенных звания Героя Советского Союза и совершающих новые героические подвиги: Учредить медаль «Золотая Звезда», имеющую форму пятиконечной звезды». [14, С.8]

Присвоение звания Герой СССР сопровождалось не только вручением медали «Золотая Звезда» и комплектом документов, но и предусматривалась значительная поддержка героев со стороны государства. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 мая 1936 года осуществлялась ежемесячная выплата денежных сумм по орденам, льготное исчисление стажа работы при уходе на пенсию, бесплатный проезд на городском транспорте, бесплатное обучение детей в средних и высших учебных заведениях.

Помимо предоставления героям СССР различных льгот и ежемесячной денежной выплаты, Президиум Верховного Совета перед началом ВОВ для стимулирования граждан к совершению героических поступков, закрепляет в Указе от 01.08.1939 г. «О дополнительных знаках отличия для Героев Советского Союза» многократное награждение «Золотой Звезды».

Суммы ежемесячных выплат орденосцам варьировались и составляли от 5 до 50 рублей. Так, Герой Советского Союза, к примеру, получал 50 рублей, кавалер ордена Ленина — 25 рублей. В СССР награжденные двумя и более наградами получали денежные выплаты по каждой награде.

Указом от 6 сентября 1967 г., накануне 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, впервые вводился ряд льгот Героям Советского Союза. «Освободить Героев Советского Союза и лиц, награжденных орденом Славы трех степеней, от уплаты всех видов налогов»[13]. В дальнейшем Указом от 30 апреля 1975 г. перечень льгот был существенно расширен. В нем, в частности, предусматривалось назначение Героям Советского Союза персональных пенсий союзного значения, льготная оплата жилой площади, бесплатный проезд в транспорте и некоторые другие льготы [11].

Согласно исследованиям официального проекта «Герои страны» всего за историю награждения медаль «Золотая Звезда» получили 12776 человек. За подвиги, совершённые в годы Великой Отечественной войны, высокого звания были удостоены 11 тысяч 657 человек (91,2 % от общего числа награждённых лиц) из них 3051 посмертно, в том числе дважды Героя получили 107 человек из них 7 посмертно [2]. В числе Героев Советского Союза, участников Великой Отечественной войны — 90 женщин (из них 49 человек посмертно). Однако, впоследствии многие из Героев СССР лишились своих золотых звезд по различным причинам.

Так, Условно Героев-лишенцев условно можно разделить на несколько групп. В первой окажутся те, кого впоследствии назовут жертвами сталинских политических репрессий. Советское правительство согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 03.07.1979 г. № 360 «Об утверждении общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР» лишало звание Герой Советского Союза в трех случаях: 1) осуждение награжденного за тяжкое преступление — по представлению суда на основании и в порядке, установленном законодательством; 2) совершение лицом проступка, порочащего его как награжденного, — по представлению органа, обладающего правом внесения представления о награждении; 3) лишения гражданства СССР. [7, С.9]

К сожалению, подобная судьба коснулась и Маршала Советского Союза, Героя СССР Кулик Григория Ивановича. Так, в октябре 1941 года Г.И. Кулик вопреки приказу Ставки удержаться г.Керчь отдал войскам распоряжение об оставлении города, чтобы сохранить тысячи жизней. В результате, 16 февраля 1942 года Маршал Советского Союза Г.И. Кулик был обвинен по статье 193-21п."б" Уголовного кодекса РСФСР в воинском должностном преступлении и 24 августа 1950 года был расстрелян. В дальнейшем через 7 лет, дело было пересмотрено, и 28 сентября 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Г.И. Кулик был восстановлен в воинском звании, а также звании Героя СССР. [8, С.209-211]

За неосторожное оборонительное слово, за критику неуклюжих действий властей, оказались за решеткой Герои, чьи звания до сих пор не восстановлены: Н.Н. Магдик (ст. 113 УК дискредитирование власти и ст. 193 УК неявка в срок на воинскую службу), В.А. Пасюков (оскорбление действий начальника), А.С. Морозов (оскорбление действий начальника). Однако десятки Героев СССР были справедливо осуждены за совершенные тяжкие преступления.

С каждым годом все более проблематичным встает вопрос в восстановлении в правах Героев СССР. Уходит поколение ветеранов, чьи ходатайства могли бы сыграть решающую роль. За 70 лет удалось вернуть из небытия и восстановить в высоком звании более 60 человек.

Во времена «хрущевской оттепели» за подвиги, совершенные в годы войны, звания Героя Советского Союза были удостоены люди, при Сталине заклеенные как «предатели Родины» и «пособники фашистов». Справедливость была восстановлена в отношении некоторых героев; например, защитника Брестской крепости майора П.М. Гаврилова, летчика лейтенанта М.П. Девятаева, героя французского сопротивления лейтенанта Василия Порика и многих других [9].

Однако после распада СССР звание Герой СССР прекратило свое существование. И лишь в 1992 г. было учреждено новое высшее звание Герой Российской Федерации или Герой России, которое было учреждено законом РФ от 20 марта 1992 г «Об установлении звания Герой Российской Федерации и учреждении знака особого отличия - медали «Золотая Звезда» [4].

Стоит отметить, что в отличие от звания Героя СССР Герой России может присваиваться единожды. В соответствии с законом Героям России присваивается медаль «Золотая Звезда», как особый знак отличия [3, С.24]. Первым удостоенным звания Героя Российской Федерации стал генерал-майор авиации Суламбек Осканов. Высокое звание ему было присвоено Указом Президента РФ № 384 от 11 апреля 1992 года (посмертно).

По состоянию на 5 января 2015 г. общее число награжденных составляет 1016 человек, из них 463 награждены посмертно. Списки граждан, удостоенных звания Героя Российской Федерации, и большинство Указов о присвоении звания Героя официально не публикуются. Имеющиеся сведения разрозненны и иногда противоречат друг другу.

Награжденные государственными наградами России и СССР пользуются в настоящее время рядом социальных льгот, установленных действующим законодательством. Так, 15 января 1993 г. Российская Федерация издает ФЗ «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» [5], предоставляющий соответствующие права и льготы за особые заслуги перед государством и народом Героев Советского Союза и Героев России.

Вместо перечисленных мер социальной поддержки по заявлению лиц, награжденных почетными званиями, может предоставляться ежемесячная денежная выплата (ЕДВ). Размер ЕДВ составляет 36410 руб., для Героев Советского Союза или Российской Федерации, полных кавалеров ордена Славы. В рамках реализации Указа от 07.05.2008г. № 714 «Об обеспечении жильем ветеранов Великой Отечественной войны 1941-1945гг.»[12] свидетельства о предоставлении социальной выплаты на приобретение жилья вручены и реализованы многим ветеранам войны.

За последние годы в нашей стране проделана значительная работа по восстановлению исторической справедливости и награждению орденами и медалями бывших военнослужащих, отличившихся в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, подвиг которых в силу различных причин в те годы оказался не отмеченным. Так, с 1993 по 2015 гг. было присвоено 114 званий Герой России участникам Великой Отечественной Войны [10].

Наибольшее значение имеет тот факт, что 1 сентября 2014 года Указом Президента Российской Федерации было посмертно присуждено звание Герой России Алим Абденовой, уроженке Крыма [1]. Это свидетельствует о том, что Родина знает и помнит своих Героев, которые не щадя жизни своей, сделали все возможное для того, чтобы приблизить час Великой Победы.

Несмотря на то, что большинство героев уже не могут сказать в свою защиту ни слова, материалы судов пылятся в архивах или уничтожены и свидетелей их подвига почти не осталось, список Героев России может пополниться еще многими фамилиями. Так, 8 апреля 2015 года фракция «Единая Россия» поддержала инициативу ветеранов, которые направили президенту России Владимиру Путину обращение с просьбой посмертно присвоить звание Героя России Алексею Бересту.

Безусловным приоритетом внутренней политики сегодня в стране является воспитание патриотизма. Чтобы увековечить память Героев, государство принимает ФЗ от 14 января 1993 г. № 4292-1 "Об увековечении памяти погибших при защите Отечества" согласно которому, основными формами увековечения памяти погибших при защите Отечества являются: сохранение и благоустройство воинских захоронений; создание и сооружение на местах боевых действий памятных знаков; публикации в средствах массовой информации материалов о погибших при защите Отечества.

Все дальше вглубь истории уходят героические и трагические события Великой Отечественной войны. К сожалению, с каждым днем с нами рядом остается все меньше тех, кто защищал нашу страну, нашу землю, нашу Родину. И самое большое, что мы можем сделать, это помнить о защитниках Отечества и передавать нашим потомкам память о них и их великом подвиге.

Список литературы:

1. Герои России-2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://rosgeroika.ru/> (дата обращения: 28.03.2015).
2. Герои Страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warheroes.ru/> (дата обращения: 02.04.2015).
3. Григорьев В.С. Награды новой России. - СПб.: "Всемирный коллекционер", ООО "Докар", 1997. - С. 24.
4. Закон РФ от 20 марта 1992 г «Об установлении звания Герой Российской Федерации и учреждении знака особого отличия - медали «Золотая Звезда». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.03.2015).
5. Закон РФ от 15.01.1993 «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.03.2015).
6. Звание Герой Советского Союза и Герой России [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 18.03.2015).
7. Конев В.Н. Герои без золотых звезд. – М.: РИЦ "Кавалеръ", 2005. - С. 9.
8. Куценко А.Н. Маршалы и Адмиралы Флота Советского Союза. - М.: Аспект, 2001. – С. 209-211.
9. Ордена и медали СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mondvog.narod.ru/> (дата обращения: 18.03.2015).
10. Патриотический интернет проект «Герои Страны» [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.warheroes.ru/> (дата обращения: 28.03.2015).
11. Навечно в памяти народной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coldwar.ru/> (дата обращения: 18.03.2015).
12. Указ Президента РФ от 7 мая 2008 г. № 714 «Об обеспечении жильем ветеранов Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/> (дата обращения: 19.03.2015).
13. Указ Президиума ВС СССР от 6 сентября 1967 года «Об установлении дополнительных льгот Героям Советского Союза, Героям Социалистического труда и лицам, награжденным орденами Славы трех степеней» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.03.2015).
14. Шишков С.С. Ордена и медали СССР. Том 2. - М.: "ВОРОН", 2000. – С.-8.

МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ ФОРМ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

И.В. Сухов,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»
dry181293@gmail.com

Научный руководитель:
Н.В. Сухова,
доцент кафедры гражданского права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Сегодня перед Россией стоит проблема кардинальной реконструкции гражданского процесса, протекающей путем унификации процессуальных норм. Кардинальные изменения в судопроизводстве как раз связаны с внедрением идеи предоставления самим сторонам спора возможности обозначения приемлемых решений их конфликта. Решений, которые будут более устойчивы и взаимно ориентированы, по сравнению с победой/поражением, как результатом разрешения спора государственными судами. Согласно Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1], предусматривается укрепление альтернативных способов разрешения споров, включая медиацию.

Поскольку медиация пришла к нам из США через Европу, постольку необходимо учитывать международный опыт, сопоставляя его с правовыми традициями и культурой России.

О чем свидетельствует этот опыт в обсуждении таких важнейших вопросов, как разрешение споров: судебные и несудебные процедуры, включая медиацию?

Прежде всего, процессуальная доктрина сосредоточила свое внимание на чисто юридической стороне вопроса о несудебных формах разрешения споров – научной задаче, состоящей исключительно в определении места, чуть ли не географического в системе права и законодательства. В этом аспекте, интересующие нас исследования, были направлены в первую очередь и главным образом на анализ и точное определение категории «альтернативное разрешение споров». В этой части произведенную научную работу можно считать вполне законченной.

С этих позиций, осуществление этой цели, заключается в выявлении отличительных признаков альтернативных способов разрешения споров, которые давали бы возможность всегда безошибочно отличать их, по крайней мере, от правосудия, осуществляемого государственными судами. Здесь ссылка на нормы становится основой. С этой точки зрения, государственное правосудие характеризуют как строго формальную процедуру, а все «альтернативные способы» стали окончательно обозначать как «неформальные». Одним из отличительных признаков таких альтернативных способов разрешения споров зарубежные иностранные исследователи, например, называют неформализованность их процедур. Эта специфическая их особенность явилась предметом детального изучения со стороны ученых-процессуалистов. Некоторые из них видят только достоинства, некоторые ее критикуют и большинство выделяют как ее преимущества, так и недостатки [2; 42]. Что касается отечественной правовой доктрины, то следует заметить, что деление процедур на формальные и неформальные для российской науки о процессе, нетрадиционно. У нас приняты следующие термины: «альтернативное разрешение споров», «альтернативные» или «несудебные» либо «внесудебные» формы разрешения споров [3; 45-46].

Но несмотря на терминологическую разницу все эксперты, как российские, так и зарубежные отмечают, что любая дискуссия, касающаяся выбора формальных (судебных) и неформальных (альтернативных) процедур, сталкивается с невозможностью четкого разделения способов разрешения споров четко на две категории. Российских экспертов это повергает в уныние. Некоторые из них даже предлагают изгнать из современной науки определение «альтернативные», так как оно устарело и больше не соответствует определяемому понятию [4].

Оскар Чейз, профессор Нью-Йоркского университета (США), характеризует этот международный научный опыт в осмыслении многообразия форм разрешения споров следующим образом: Сложность разделения формальных и неформальных процедур состоит в том, что формальные и неформальные процедуры в чистом виде уже не существуют, так как они, на самом деле, имеют тенденцию заимствовать друг у друга отдельные элементы [2; 42]. И действительно, ярким примером такого процесса является не только уголовное судопроизводство США, где на практике около 90 % дел разрешается путем сделок между обвиняемым и прокурором (*pleabargaining*) (которые являются результатом переговоров прокурора и представителя обвиняемого). Примером могут служить и строго формальные, императивные нормы российского уголовного процессуального законодательства. Как и в законодательство Китайской народной Республики в Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации недавно были внесены изменения, которые ввели в уголовный процесс институт примирения для отдельных категорий уголовных дел, являющийся примером неформальных процедур.

Одновременно в сфере альтернативных способов разрешения споров мы обнаруживаем процедуры, которые в значительной мере характеризуются, как судебные (формализованные), например: коммерческий арбитраж, третейский суд. Даже медиация, которая обычно рассматривается как процедура менее формальная, чем третейский суд, может быть формализована с помощью правового регулирования. Пример такой формализации мы можем наблюдать у нас, в связи с принятием Федерального закона, регламентирующего процедуру урегулирования споров с участием посредника (процедуру медиации) [5].

В Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре (2002 года), к примеру, концепция альтернативные процедуры разрешения споров (АПРС, термин, аналогичный АРС) не используется, поскольку она не ясна и может быть истолкована в качестве широкой категории, охватывающей и другие альтернативы судебному разрешению споров (например, арбитраж), которые приводят к принятию обязательного решения. Прямое указание на это мы находим в Руководстве – по принятию и применению названного закона – Секретариата ЮНСИТРАЛ, задуманного как дополнительный источник информации, которая может быть использована государствами в поисках законодательных решений [6].

Следовательно, противоречивость и неясность, получившаяся при решении данного вопроса, есть уже сам по себе определившийся факт, который в свою очередь подлежит объяснению. Профессор Оскар Чейз отдельно останавливается на проблеме классификации процессуальных механизмов. Учёный полагает, что деление способов разрешения споров на формальные (судебные) и альтернативные (неформальные) рассматриваемое абстрактно не позволяет нам сделать вывод об их достоинствах и недостатках [2;

44]. И в самом деле, вопрос, который сегодня стоит перед нами, заключается в том, каким образом оценить эффективность, действенность и законность столь разнообразных видов процессуальных институтов. В России существует тщательно разработанная система государственного правосудия, одновременно уже применяются многочисленные примирительные процедуры и мировое соглашение. Классификация и систематизация, которые получается исходя из толкования соответствующих норм права, не дают прийти к выводу о действенности и эффективности того или иного процессуального механизма. В этом отношении стоит согласиться с мыслью Оскара Чейза о том, что необходимо понимать какой аспект формальной процедуры используется в том или ином способе разрешения споров; какова цель использования той или иной процедуры; в чем состоят цели, которые мы хотим достигнуть [2; 44]. Речь идёт о том, что мы должны принимать во внимание преимущества и недостатки каждого конкретного способа разрешения споров, вне зависимости от того, формальный он или нет. Так, профессор Нил Эндрюс (Великобритания), оставившаяся на медиации, как способе разрешения споров в Англии, объясняет рост ее популярности, прежде всего, недостатками государственного правосудия [7]. Профессор Менкель-Мидоу (США) полагает, что существуют, по крайней мере, два вида причин для обращения к альтернативным или менее формальным процедурам разрешения споров:

– «количественные» причины, связанные с такими требованиями к разрешению споров, как доступность, экономичность, быстрота и эффективность, а также – качественные причины, связанные с возможностью прямого участия сторон в рассмотрении спора, а также с возможностью сторон предложить свой компромиссный вариант разрешения спора, отличный от правила «выигрывает только одна сторона), действующего в государственном правосудии [8].

Оскар Чейз, обращается к феномену многообразия форм разрешения споров следующим образом: Движущей силой развития альтернативных способов разрешения споров в США и других странах являются потребность в облегчении бремени государственных судов от растущего количества рассматриваемых дел. Благородным целям введения менее формальных (по сравнению с государственным правосудием) процедур в наши дни соответствуют идеи о необходимости качественного улучшения существующих способов разрешения споров по существу, в том числе за счет привлечения сторон спора к более активному участию в процессе урегулирования правового конфликта [2; 45].

Наряду с тенденциями развития альтернативных способов разрешения споров, необходимо также напомнить, что они развиваются параллельно другому важному течению – созданию системы судов для защиты конституционных прав и развитию административной юстиции. Но автоматически это не означает расширение сферы применения категории принуждения. Наблюдая в нашей стране процесс реформирования судов и судопроизводства совместно с тенденциями развития альтернативных процедур, мы должны признать, что необходимо обеспечить баланс процессуальных механизмов. Среди множества задач, которые стоят перед процессуальной и практикой, определение и защита границ между судебными и альтернативными процедурами разрешения споров является основной.

На сегодняшний же день вопросы об определении места медиации в системе форм разрешения споров должны изучаться в рамках междисциплинарных исследований. Классификация и систематизация, которые получается исходя из толкования соответствующих норм права, не позволяют прийти к выводу о действенности и эффективности того или иного процессуального механизма. Вместе с тем, сама по себе область альтернативного урегулирования споров, включая медиационные процедуры, обладает мультидисциплинарным статусом. Современные способы разрешения споров имеют прочное научное [9] обоснование [10], доводы, основанные на теории игр [11], международных отношениях, социальной и когнитивной психологии [12], антропологии [13], социологии [14], политологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Вступ. Слово П.В. Крашенинникова. – М.: Издательство «Статут», 2015. – 224 с.
2. Чейз О. Основной доклад: Сборник докладов: Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18-21 сентября 2012 г., Москва, Россия / Под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. С. 42-46.
3. Севастьянов Г.В. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права // Хрестоматия альтернативного разрешения споров: Учебно-методические материалы и практические рекомендации / Сост. Г.В. Севастьянов. – СПб.: АНО «Редакция журнала третейский суд», 2009. С. 91-121.
4. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. – М.: Ифотропик Медиа, 2011. – 304 с.

5. Федеральный закон от 27. 07. 2010 № 193 –ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участие посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. 30. 07. 2010. № 168. (Далее Закон о медиации).
6. "Типовой закон Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о международной коммерческой согласительной процедуре". (Вместе с "Руководством по принятию и применению...") (Принят в г. Нью-Йорке 24.06.2002 на 35-ой сессии ЮНСИТРАЛ). Документ опубликован не был // Система Консультант Плюс.
7. Энрюс Нил. Национальный доклад Англии и Уэльса: Сборник докладов: Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18-21 сентября 2012 г., Москва, Россия / Под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. С. 64-80.
8. Менкель-Мидоу Керри. Американский национальный доклад. Неформальное, формальное и «полуформальное» правосудие в США: Сборник докладов: Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18-21 сентября 2012 г., Москва, Россия / Под ред. д.ю.н. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. С. 114-139.
9. Carrie Menkel-Meadow, Roots and Inspirations: A Brief History of the Foundations of Dispute Resolution // Handbook of Dispute Resolution / Michael Moffitt, Robert Bordone, eds., Jossey Bass, 2005.
10. Richard Zeckhauser, Ralph Keeney, James Sebenius (eds). Wise Choices: Decisions, Games and Negotiation, Harvard Business Press, 1996.
11. Duncan Luce and Howard Raiffa, Games and Decisions: An Introduction and Critical Survey, Dover, 1987.
12. Kenneth Arrow et. al., Barriers to Conflict Resolution, W.W. Norton, 1995; Dean Pruitt, S.H. Kim, Social Conflict: Escalation, Stalemate and Settlement, McGraw Hill, 2004.
13. Kevin Avruch, Culture and Conflict Resolution, USIP Press, 1998
14. Lewis Coser, The Functions of Social Conflict, Free Press, 1956.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.Н. Федорев,
аспирант ИГиП ТюмГУ
memphis72@mail.ru
Научный руководитель:
Н.М. Добрынин,
профессор кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук

В настоящее время государственно-территориальное устройство России характеризуется сложным переплетением национального и территориального факторов. Несмотря на конституционное положение о равноправии субъектов Федерации, есть все основания говорить о некоторых юридических привилегиях республик в составе Российской Федерации. Это выражается в наименовании республик государствами (ч. 2 ст. 5 Конституции РФ), в их праве принимать собственную Конституцию (ч. 1 ст. 66) и устанавливать государственный язык (ч. 2 ст. 68).

Оптимальным является построение симметричной Федерации, в которой бы успешно сочетались принципы равноправия и самостоятельности субъектов Федерации, принципы централизации и децентрализации, гармоничного и сбалансированного распределения предметов ведения и полномочий (разграничение компетенции) между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов и т.д.

Безусловно, процесс образования симметричной федерации требует формирования определенных предпосылок и времени, а потому, - скоропалительные и упрощенные решения здесь недопустимы. По верному замечанию С.А. Авакьяна в федеративном государстве все упирается в степень централизации и децентрализации. Не случайно в западном конституционном праве и политической науке появились категории децентрализованного государства и регионалистского государства.

По большому счету все упирается в два ключевых момента: а) предполагает ли модель государственной организации в соответствующей стране децентрализованное осуществление функций как часть общегосударственного управления; б) доверяет ли центр территориальным единицам и поэтому отпускает на их уровень какие-то дела, или же не доверяет, а поэтому все централизует [1; 9].

Как известно, современная Россия как федеративное государство имеет в своем составе достаточно непростой состав административно-территориальных единиц, обусловленных не только особенностями географического положения, спецификой социально-экономического развития, но и конституционно-правового статуса, в основе которого, как правило, лежат те или иные политико-правовые предпосылки. Уникальность российской модели федерализма заключается в том, что она сочетает два разных принципа: субъекты выделены по территориальному и по национальному признаку» [2; 764]. Соответственно края, области и города федерального значения образованы по территориальному принципу, в то время как в основе создания республик, автономных округов и автономной области лежит национальный принцип их образования.

Другим немаловажным принципом образования субъектов Федерации является принцип, определяющий отношения между центральной властью и региональными (местными) органами.

Именно принципы государственного устройства, как правило, содержащиеся в конституции, позволяют охарактеризовать особенности и выявить сущностные черты избранной модели территориальной организации публичной власти. Так, Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила принципы государственно-территориального устройства, которые выступают как интеграционные начала российского федерализма. К их числу относятся: государственная целостность; единства системы государственной власти; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; самоопределение народов; равноправие субъектов Российской Федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти.

Определяя принципы построения Российской Федерации, профессор Н.М. Добрынин говорит об их комплексности, о сочетании национального, национально-территориального и территориального принципов образования субъектного состава Российской Федерации [3; 147].

В науке встречаются различные подходы к определению системы принципов федерализма, наблюдается многообразие толкований конституционных норм, закрепляющих их содержание [4; 13]. Но в любом случае, принципы территориального устройства определяют модель и природу федерализма, характер разделения государственной власти между федерацией и ее субъектами [5; 13], обуславливают закономерности развития федерализма [6; 12].

По нашему мнению, можно выделить признаки принципов российского федерализма, характеризующиеся аксиологическим характером, целевой ориентацией, системностью, концентрированностью, двухуровневостью, внутренней иерархичностью и конституционной гарантированностью.

Однако основой совершенствования и дальнейшей институционализации принципов федерализма должен стать принцип равноправия субъектов Российской Федерации, ставший одним из узловых принципов в процессе разработки еще проекта Конституции в начале 90-х гг.

Конституция подчеркивает равноправие субъектов Российской Федерации между собой во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти.

Принцип равноправия предполагает равные условия функционирования субъектов Федерации. В юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о выравнивании конституционно-правового статуса субъектов Федерации путем придания всем субъектам одинакового статуса – республики или же одинакового названия, например – губернии [7; 17]. Так, по мнению И.А. Конюховой «если все субъекты РФ станут именоваться республиками независимо от того, национальный или территориальный принцип положен в основу их образования, и соответственно все они приобретут один и тот же статус, то в этом случае связка «нация – республика» уже не будет рассматриваться как формула развития особой государственности только бывших автономий» [8; 44]. Однако, данная идея, вероятно, не может быть реализована, пока существуют автономные округа в составе областей и города федерального значения.

В науке конституционного права высказываются различного рода мнения относительно совершенствования государственно-территориального устройства Российской Федерации. Ряд ученых считает, что необходимо совершенствовать «федеральную раздробленность» России и двигаться в направлении укрупнения субъектов Российской Федерации, при этом необходимо скорректировать с учетом современных реалий конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации и завершить процесс постоянного разграничения полномочий и предметов ведения на сбалансированной основе конституционных положений при условии сохранения централизованной модели федеративного устройства России [9]. Другие полагают, что только возврат к исторически исконной унитарной форме государственного устройства с элементами автономий, может успешно решить все существующие проблемы территориальной организации публичной власти. Например, идею реорганизации российской модели федеративных отношений ви-

дят в переходе к единому для всей страны принципу административно-территориального районирования (образование губерний, которые будут являться административными единицами унитарного государства)[10; 59].

На наш взгляд, следует стремиться к созданию симметричной Федерации с оптимальной государственно-территориальной структурой. На сегодняшний день территориально-государственное устройство России характеризуется сложным переплетением национального и территориального факторов, а потому, - упрощенные решения здесь недопустимы. Полагаем, более рациональным является сохранение на ближайшую перспективу по меньшей мере трех видов субъектов: республика, область (губерния) и города федерального значения.

По верному замечанию А.А. Степановой совершенствование государственного управления, особенно в сфере федеративных отношений, требует учета национального фактора. Причем под национальным фактором здесь должна пониматься не столько государственность отдельных народов так называемых «титულных» наций, сколько национальный характер образования этих субъектов Федерации, т. е. их историческое своеобразие. При этом следует учитывать, что среди проживающих в республиках нет явного преобладания в количественном отношении какой-либо одной этнической общности. Соответственно, национальное название не может означать государственности исключительно тех народов, которые дали имя тому или иному субъекту Федерации [11; 6-7].

Нельзя не согласиться с мнением Н.М. Добрынина, считающего, что необходимы новые подходы в государственном устройстве России, отказ при формировании регионов нового типа от национальной составляющей как основного и превалирующего над другими критериями и введение экономического критерия в качестве универсального, с обязательным присутствием в данных субъектах всех возможностей для сохранения и расцвета культуры любой нации[12; 149].

Российская Федерация была и продолжает оставаться духовной, материальной и государственно-правовой основой развития ее народов. Подобная особенность вполне допускает наличие субъектов Федерации, построенных как по территориальному, так и по национальному признаку [13; 199]. А значит, федеративное государство, основанное на национальном и территориальном принципе организации, может быть стабильным только в условиях конституционного равноправия всех субъектов.

Важнейшей составляющей федеративного устройства является разграничение компетенции между различными уровнями власти и управления. Принципы, лежащие в основе этого разграничения, должны обеспечивать, с одной стороны, субсидиарность этого разграничения, с другой, - единство социально-экономического пространства. А.Е. Баньковский анализируя федеральное и региональное законодательство, заключает, что очевиден приоритет принципа единства государственной власти в сравнении с принципом субсидиарности при осуществлении исключительной компетенции Российской Федерации. По предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов принципы единства государственной власти и субсидиарности действуют сбалансировано. Это объясняется возможностью совместного осуществления законодательства федерацией и её субъектами, регионального законодательного регулирования в рамках общих предписаний федерального законодательства с детализацией его субъектами РФ и привлечением органов исполнительной власти субъектов РФ к исполнению федеральных законов как своих собственных. Здесь воплощается в практику, с одной стороны, принцип единства государственной власти, а с другой, - принцип субсидиарности с его взаимодополняемостью, взаимопомощью и приближенностью к населению.

К числу основополагающих положений федерализма можно отнести и принцип гармоничного баланса самостоятельности и подчинения во взаимоотношениях между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации. Данный принцип будет способствовать поддержанию баланса между централизацией и децентрализацией в территориальной организации публичной власти, гармоничному выстраиванию федеративных отношений между Российской Федерацией и ее субъектами, а также субъектами Российской Федерации между собой.

Решение проблемы федеративного устройства России может быть обеспечено плавным переходом от национально-территориального деления к административно-территориальному, то есть такому, когда не этносы создают данное территориальное образование, а сограждане. В традициях России – сохранение многообразия в самоуправлении народов и территорий, бережный учет и согласование интересов наций, обеспечение их демократического сожителства в рамках Федерации.

Принципы российского федерализма призваны оказывать унифицирующее воздействие на содержание федеративных отношений. Эффективность их реализации находится в прямой зависимости от обеспечения общемировых ценностей демократии, равноправия, верховенства права, уважения прав человека. Федерализм должен не только основываться на началах централизации в целях мобилизации внутренних ресурсов для решения задач, стоящих перед государственной властью, но и создавать условия раз-

вития территориальных, национальных, религиозных, культурных и иных сообществ в рамках единого правового пространства.

Список источников:

1. Авакьян С.А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2012. №3. 5-12/
2. Ельчанова О.Ю. Стратегии территориального устройства России в контексте центр-региональных отношений: историческая ретроспектива и современное прочтение // Право и политика. – 2014. – № 6 (174). – С. 761-768. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.6.12001
3. Добрынин Н.М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации: Учеб.пособие. Современная версия новейшей истории государства. 3-е изд., перераб. и доп. / Н.М. Добрынин. Новосибирск: Наука, 2013.
4. Уханкин В.В.О системе принципов Современного российского федерализма // Труды Академии управления МВД России. 2009. № 1 (9).
5. Лукьяновская О.В. Конституционные принципы федеративного устройства Российского государства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Волгоград, Волгоградская академия МВД России. 2005.
6. Лихолетова С.В. Федеративное устройство России: взаимодействие органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Челябинск, Челябинский государственный университет, 2004.
7. Керимов А. Д. Форма государственного устройства Российской Федерации // Гражданин и право. 2001. № 12 (18).
8. Конюхова И.А. Структура Российской Федерации: современное состояние и перспективы совершенствования // Государство и право. 2007. № 2.
9. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М: Ид-во Московского университета, 1997. С. 451-475; Добрынин Н.М. Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск. 2003. С. 16-18; Черепанов В.А. Теория российского федерализма. Учебное. – М.: МЗ-ПРЕСС, 2005. С. 225-316.
10. Филиппов В.Р. Реформирование российской государственности: политизация этничности или деэтнизация этничности //Казанский федералист. № 1. [2002](#).
11. Степанова А.А. Национальный принцип и федеративное устройство России // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8.
12. Добрынин Н.М. Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства Российской Федерации. Тюмень, 2004. Издательство Тюменского государственного университета.
13. Эбзеев Б.С. Развитие конституционных принципов федерализма в России: теория и государственно-правовая практика; Конституция Российской Федерации; К 15-летию принятия Основного закона. Текст. Комментарии / Б.С. Эбзеев. М.: Статут, 2009.
14. Баньковский А.Е. Принципы единства и субсидиарности в организации государственной власти Российской Федерации: конституционно-правовое исследование // Автореф. дис... канд. юрид. наук. Тюмень, Тюменский государственный университет. 2013.

СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ИЛИ ШТАТА РАБОТНИКОВ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ УЧАСТНИКАМИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

**Ю.В. Фокеева,
доцент кафедры трудового
права и предпринимательства
ИГиП, ТюмГУ,
кандидат юридических наук
julsana@mail.ru**

Процедура сокращения численности или штата работников организации представляет собой одну из самых организационно сложных и наиболее часто оспариваемых в суде процедур. В случае, когда указанная процедура по продолжительности затягивается на срок более установленных ст. 180 Трудового кодекса РФ [1] двух месяцев, для обеих сторон трудовых отношений возникают сложности и соблазны, связанные с соблюдением трудового законодательства РФ при проведении процедуры сокращения.

Необходимо отметить, что в рамках процедуры сокращения численности или штата работников как работник, так и работодатель во имя собственных интересов могут чинить друг другу юридические препятствия в реализации трудовых прав, не выходя при этом за рамки действующего законодательства и формально не нарушая его.

Вышеуказанное чинение препятствий в целях реализации собственных интересов, которое ущемляет права других субъектов трудового права, но не нарушает закон, также называется злоупотреблением правом участниками трудовых отношений.

Принцип недопустимости злоупотребления правом не закреплен в ст. 2 Трудового кодекса РФ, но продекларирован Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ» [2] (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 63 [3], от 28.09.2010 № 22 [4]), устанавливающим, что сокрытие работником юридически значимых для работодателя сведений и установление факта указанного сокрытия судом влекут за собой отказ суда в удовлетворении иска работника о восстановлении его на работе, поскольку в указанном случае работодатель не должен отвечать за неблагоприятные последствия, наступившие вследствие недобросовестных действий со стороны работника.

В Трудовом кодексе РФ не раскрывается дефиниции «злоупотребление правом участниками трудовых отношений», однако в ст. 355 и 356 содержатся упоминания о данном правовом (или неправовом) явлении. Исследуя признаки злоупотребления правом участниками трудовых отношений, представляется обоснованным выделить следующие признаки данного понятия:

1. Реализация трудовых прав, при которой деяние участников трудовых отношений (действие или бездействие) соответствует закону либо прямо не противоречит ему, но наносит вред другим участникам трудовых отношений (иным работникам, работодателю).

2. Наличие или отсутствие у участника трудовых отношений намерения использовать свои трудовые права вопреки интересам других участников трудовых отношений. Независимо от этого в итоге причиняется вред иным участникам, который не во всех случаях охватывается умыслом субъекта.

3. Наличие или отсутствие выгоды для участника трудовых отношений, злоупотребляющего своими трудовыми правами, т. е. участник реализует свои трудовые права, действуя в рамках дозволенного поведения и не нарушая норм трудового права, но при этом ущемляет права и свободы иных участников трудовых отношений, имея или не имея никакой личной выгоды от нарушения этих прав и свобод.

4. Отсутствие нарушения конкретных юридических запретов либо обязанностей.

5. Реализация своих законных интересов. При этом цель могла быть достигнута иным, более разумным путем, не создающим неблагоприятных последствий для других лиц.

6. Нанесение ущерба законным интересам иных участников трудовых отношений, охраняемых трудовым законодательством РФ и иными нормативно-правовыми актами.

7. Отсутствие соразмерности между деянием по реализации трудового права, порождающим злоупотребление правом, и негативными последствиями, вредом, причиняемым этим деянием иным участникам трудовых отношений. При этом нанесение вреда можно было бы избежать при разумной мере добросовестности и осмотрительности.

8. Отсутствие предусмотренной законодателем санкции за реализацию трудового права вопреки правам и свободам иных участников трудовых отношений.

Из совокупного анализа предложенных выше признаков можно сформулировать следующее определение: злоупотребление правом участниками трудовых отношений представляет собой использование норм трудового права вопреки правам, свободам и законным интересам иных участников трудовых отношений, выраженное в умышленном или непредумышленном причинении вреда, несоизмерного с деянием по реализации права.

В процедуре сокращения можно выделить целый ряд встречающихся на практике случаев чинения юридических препятствий в реализации трудовых прав, совершаемых участниками трудовых отношений и являющихся злоупотреблением правом. Автор настоящей статьи выборочно остановится на некоторых из них.

Одной из неоднозначных и оспоримых обязанностей работодателя, которая часто становится предметом судебного рассмотрения и основанием для восстановления на работе, является обязанность предлагать сокращаемому работнику вакансии.

В соответствии с ч. 3 статьи 81 ТК РФ увольнение по сокращению численности или штата работников допускается, если невозможно перевести работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодателя работу, которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья. При этом работодатель обязан предлагать работнику все отвечающие указанным требованиям вакансии, имеющиеся у него в данной местности. В период действия двухмесячного срока уведомления работников о предстоящем сокращении работодателем во исполнение требований ст. 81 ТК РФ должны приниматься меры по их трудоустройству. На практике работодателям рекомендуется предлагать работникам вакансии как за два месяца до увольнения, так и непосредственно перед увольнением, а также во всех случаях появления в штатном расписании предприятия новых вакантных должностей в период уведомления работника.

При этом работодателям, заключившим ученические трудовые договоры с будущими молодыми специалистами в целях обеспечения предприятия перспективными кадрами, следует помнить о возникновении трудового спора о восстановлении на работе сокращенного работника в случае, если молодой специалист, принятый на работу после завершения им ученичества, был принят без предварительного предложения данной вакансии сокращаемому работнику. Прием на работу молодого специалиста в контексте главы 32 Трудового кодекса РФ обуславливается условиями заключенного ученического трудового договора, предусматривающего обязанность ученика отработать, а работодателя – трудоустроить. В то же время, ч. 3 ст. 81 Трудового кодекса РФ устанавливает специальную гарантию сокращаемым работникам, заключающуюся в первоочередном обеспечении их работой на предприятии, где они имеют стаж, опыт и профессиональные навыки, что ставит их в более приоритетное положение по сравнению с молодыми специалистами, приходящими на работу и не имеющими опыта и навыков. В связи с этим представляется, что в указанном случае суд займет сторону сокращаемого работника и восстановит его. Таким образом, в ситуации, когда работодатель проводит процедуру сокращения и при этом заключил ученические договоры с будущими молодыми специалистами, он оказывается обязанным трудоустроить обоих, что сводит на нет его намерения по штатной реорганизации предприятия. Исключением из указанного правила является случай, когда работодателю удастся расторгнуть ученический договор, что избавит его от обязанности вводить в штатное расписание новую должность.

Ловушкой, в которую попадает работодатель, обязанный предлагать сокращаемому работнику все имеющиеся вакансии, является и наличие в штатном расписании должностей по срочному трудовому договору. К таковым относятся должности временно свободные в связи с нахождением основного работника в отпуске по беременности и родам или в отпуске по уходу за ребенком. Суды неоднозначно относятся к праву работодателя предлагать данную должность сокращаемому работнику, однако представляется, что более обоснованной является позиция, в соответствии с которой должность, занятая лицом, находящимся в отпуске по беременности и родам или в отпуске по уходу за ребенком, не является вакантной, поскольку не допускает заключения с работником, подлежащим сокращению, бессрочного трудового договора, а за работником, находящимся в отпуске по беременности и родам или в отпуске по уходу за ребенком, сохраняется место работы. Кроме того, суды иногда трактуют действие работодателя, предлагающего такую временно вакантную должность сокращаемому работнику и впоследствии трудоустривающего его, как действие по злоупотреблению правом и чинению юридических препятствий работнику в получении им компенсации в связи с сокращением. Работодатель, предлагая сокращаемому работнику временно вакантную должность, особенно в случае скорого выхода работника из отпуска по уходу за ребенком, действует в данном случае недобросовестно, поскольку не трудоустривает сокращаемого работника на постоянной основе и при этом не выплачивает ему компенсацию в связи с сокращением, так как перевод и последующее увольнение в связи с выходом на работу основного работника не составляют собой случаи ее выплаты. Добросовестным действием со стороны работодателя в данном случае является ситуация, когда работодатель за неимением других вакансий, увольняет работника в связи с сокращением численности или

штатов, выплачивает ему компенсацию, а затем вновь трудоустраивает его по срочному трудовому договору (как человека со стороны).

Следует также рассмотреть еще один неоднозначный случай, который может сложиться на практике: работник не хочет переводиться на имеющуюся у работодателя вакантную должность, поскольку надеется на возможное появление в будущем более престижной и высокооплачиваемой должности, которую он, согласившись на ранее предложенную вакансию, потеряет. Данная ситуация на практике не может сложиться, когда срок уведомления о предстоящем сокращении составляет два месяца, поскольку срок слишком короток для возникновения более перспективных должностей. Однако, в случае, когда под сокращение попадает руководитель (заместитель) выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, на увольнение которого в соответствии со ст. 374 Трудового кодекса РФ требуется согласие вышестоящего выборного профсоюзного органа, и такое согласие последним не дается, то на протяжении всего периода, когда работодатель обжалует в суде отказ вышестоящего профсоюзного органа в даче такого согласия, работнику должны предлагаться все вакантные должности. Период обжалования отказа вышестоящего профсоюзного органа в даче согласия может занять от 4 месяцев до года (с учетом того, что решение по делу считается вступившим в силу после его принятия (сохранения в силе) судом апелляционной инстанции. При этом в указанный длящийся срок ставка работника уже будет сокращена в связи с истечением установленного законом двухмесячного срока уведомления об увольнении. В указанном случае сокращаемый работник может предложить работодателю временно перевести его на имеющуюся вакантную должность на определенный срок в надежде, что после истечения срока временного перевода появится такая долгожданная перспективная вакансия. Право работодателя перевести сокращаемого работника в порядке временного перевода является спорным и может быть неоднозначно воспринято в суде. С одной стороны, временный перевод даст работнику возможность быть трудоустроенным и приносить производственную пользу предприятию, а после истечения его срока, если ожидаемая вакансия не появится, работник просто вернется в процедуру сокращения и будет уволен. С другой стороны, осуществив временный перевод работника в порядке ст. 74 Трудового кодекса РФ, работодатель обязуется предоставить по его окончании сокращаемому работнику прежнее место работы, которое уже сокращено, а должность исключена из штатного расписания. Таким образом, осуществив временный перевод сокращаемого работника, работодатель берет на себя обязательство обеспечить ему предоставление прежней должности и тем самым прекращает (прерывает) процедуру сокращения. Указанная трактовка вполне может состояться в суде и послужить юридическим препятствием для завершения процедуры сокращения.

Хочется также остановиться на возникающих на практике случаях, когда работник чинит очевидные юридические препятствия работодателю в завершении процедуры сокращения с целью максимального оттягивания своего увольнения в связи с сокращением численности или штата работников. Так, например, работник, находящийся в процедуре сокращения, сроки которой затянулись по причине необходимости проведения процедуры учета мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации при расторжении трудового договора по инициативе работодателя в ситуации, когда работник состоит членом одновременно в нескольких профсоюзных организациях, может действовать как без умысла, так и с конкретным намерением отложить дату своего увольнения. Отсутствие умысла в сложившейся ситуации может быть обусловлено тем, что к моменту сокращения работник уже состоял в этих нескольких профсоюзных организациях и вел активную профсоюзную деятельность. Однако, если работник стал членом нескольких профсоюзов после вручения ему уведомлений о предстоящем сокращении в контексте отсутствия фактической работы по сокращаемой должности и отсутствия согласия работника на перевод на имеющиеся вакантные должности, то данные действия могут свидетельствовать одновременно о нескольких целях злоупотребления трудовыми правами: 1) об умышленном затягивании процедуры сокращения и отложения увольнения в целях получения заработной платы при отсутствии фактического выполнения должностных обязанностей; 2) о нежелании трудиться – отказе перевестись на имеющуюся вакантную должность у данного работодателя или трудоустроиться на другое место работы; 3) о намерении причинить работодателю финансовый ущерб в виде блокирования фактом вступления в несколько профсоюзных организаций права работодателя на реализацию кадрово-управленческих функций по подбору, ротации и высвобождению персонала. При этом следует отметить, что поскольку в сложившейся ситуации профсоюзных организаций несколько, то они могут искусственно затягивать сроки и не укладываться в месячный срок действия мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, установленный ч. 5 ст. 373 Трудового кодекса РФ.

Кроме того, на практике бывали случаи, когда работник после получения им уведомления о сокращении информировал работодателя о том, что он является заместителем первичной профсоюзной организации, что означало наличие у него иммунитета при проведении процедуры увольнения. Согласно ст. 374 Трудового кодекса РФ, работодателю для увольнения такого работника необходимо согласие вышестоя-

щего органа первичной профсоюзной организации. При этом такое согласие не может быть дано работодателю только в ситуации, когда увольнение заместителя первичной профсоюзной организации связано с его дискриминацией в связи с принадлежностью к профсоюзу либо его статуса профсоюзного лидера. Однако, на практике, вышестоящий профсоюз даже при отсутствии указанной дискриминации в целях затягивания процедуры сокращения и максимального продления периода работы у работодателя сокращаемого работника в надежде на появления для него вакансий может предоставить письменный отказ в даче согласия либо представить письменное несогласие с увольнением работника. Недача согласия в порядке ст. 374 трудового кодекса РФ влечет за собой необходимость судебного обжалования и, соответственно, отложение срока увольнения сокращаемого работника на длительный срок, что позволит профсоюзу блокировать право работодателя на принятие управленческих решений.

И, наконец, следует помнить, что к моменту получения решения суда о признании незаконным отказа вышестоящего профсоюза в даче согласия на увольнение профсоюзного лидера и вступления его в силу (т.е. вынесения определения апелляционной инстанции) истечет срок полученного в порядке ст. 373 Трудового кодекса РФ мотивированного мнения. Часть 5 ст. 373 Трудового кодекса РФ устанавливает, что работодатель имеет право расторгнуть трудовой договор не позднее одного месяца со дня получения мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации. В указанный период не засчитываются периоды временной нетрудоспособности работника, пребывания его в отпуске и другие периоды отсутствия работника, когда за ним сохраняется место работы (должность). Период получения согласия вышестоящего выборного профсоюзного органа в ситуации, когда такое согласие давалось работодателю более одного месяца, либо период обжалования отказа в даче такого согласия в суде не являются исключением из правила ст. 373 Трудового кодекса РФ, что влечет за собой необходимость для работодателя повторно провести процедуру учета мнения.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 №197 // СЗ РФ. 07.01.2002, №1 (ч. 1), ст. 3.
2. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 17.03.2004 №2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004, №6, июнь.
3. О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. №2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 №63 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007, №3, март.
4. О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. №2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (в редакции постановления Пленума от 28 декабря 2006 г. №63) и от 16 ноября 2006 г. №52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.09.2010 №22 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010, №11, ноябрь.

НЕКОТОРЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ

В.М. Халин,
магистрант ИГиП ТюмГУ

Научный руководитель:
Е.В. Смахтин,
профессоркафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ
доктор юридических наук, доцент

Ни для кого не секрет, что политика российского государства направлена на борьбу с коррупцией [1]. Особенности методики расследования, преступлений, связанных со взяточничеством, обуславливают тактические особенности производства отдельных следственных действий. При этом очевидно, что одним из важных следственных действий по делам данной категории является допрос лиц, подозреваемых в получении взятки. В настоящей работе мы постараемся выделить некоторые тактические приемы преодоления проблемных ситуаций для проведения следователем успешного допроса и скорейшего установления достоверных обстоятельств по делу.

1. Изучением практики установлено, что на допросе в качестве подозреваемого взяточник чаще дает признательные показания, чем на допросе его в качестве обвиняемого, так как он начинает адаптироваться к возникшей стрессовой ситуации, старается объективно ее оценить и найти возможные пути выхода из нее. В частности, взяточник, взвесив все известные ему обстоятельства, может отказаться от дачи показаний в ходе дальнейшего производства по делу, воспользовавшись правом, предусмотренным статьей 51 Конституции России [2], с тем, чтобы после ознакомления с материалами предварительного следствия избрать наиболее благоприятную для себя позицию в суде.

Например, гражданин К., являющийся старшим преподавателем кафедры института, обвиняемый в совершении коррупционного преступления, при первом допросе подтвердил наличие у него денежных средств в сумке, а также то, что он является должностным лицом. Однако в ходе дальнейшего расследования он указывал, что денежные средства ему подкинули. При следующем допросе воспользовался статьей 51 Конституции России, а в ходе допроса обвиняемого К. заявил, что в соответствии с локальными нормативными актами он вообще не является должностным лицом и его действия не влекут юридических последствий [3].

Для предотвращения наступления негативных последствий данной ситуации необходимо обратить особое внимание на тактику проведения первоначального допроса. Так как для задержанных особое значение имеет состояние растерянности (прострации), вызванное эффектом внезапности, человеку становится часто сложно находить разумное и логичное объяснение своим действиям, особенно в случае, если они носят явно противоправный характер. Подозреваемый начинает «путаться» в показаниях, утрачивая чувствительность к противоречивой информации, которую пытается представить в качестве доказательств своей невиновности. В таких случаях показания подозреваемого, имеющие важное значение для раскрытия взяточничества и установления истины, могут стать единственными в досудебном производстве. Поэтому следует стремиться уже на первом допросе получить как можно более полные и подробные показания подозреваемого и по возможности зафиксировать их с использованием средств аудио-видеотехники. Вместе с тем стоит обращать особое внимание на устные показания, выделяя при этом невербальные способы, к которым преступники часто прибегают при невозможности вербального объяснения каких-либо фактов, событий, явлений или с целью экспрессии устных показаний. Важное значение в данной ситуации имеет так называемое явление «сигнал неконгруэнтности», которое в настоящее время изучается зарубежными психологами в рамках специальной отрасли науки психологии - НЛП (нейро-лингвистическое программирование, NLP) [4]. Примером сигнала «сигнал неконгруэнтности» служит типичная жизненная ситуация, когда учитель, объясняющий материал, спрашивает, понял ученик его или нет. Ученик может ответить "Да", но тон его голоса или выражение лица может не соответствовать словам.

2. Другой проблемой при производстве допроса служит ситуация с отказом подозреваемого от дачи показаний либо дача заведомо ложных показаний. (провокация взятки, находка). Основопологающим решением будет выяснение причин и мотивов отказа. Стимулирующее воздействие может оказать воз-

возможность существенно снизить размер наказания (гл. 40¹ УПК РФ (досудебное соглашение от сотрудничества) [5], однако о положениях ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ необходимо сразу предупредить допрашиваемого).

К решению данной проблемы мы относим совокупность таких тактических приемов как:

- возможная демонстрация судебных идентификационных экспертиз с получением у него образцов для сравнительного исследования
- побуждение к даче показаний путем сообщения об избобличающих его показаниях соучастников;
- создание преувеличенного представления об осведомленности следователя (предъявление доказательств, использование оперативно-розыскной информации)
- предъявление для прослушивания либо просмотра аудио-, видеозаписи беседы с взяточдателем об условиях передачи предмета взятки
- возможность хронологического описания подозреваемым событий и последующего пересказа их уже в обратной последовательности.

3. Оценивая сообщаемые сведения, следует иметь в виду, что допрашиваемый, даже признавая себя виновным, нередко сознательно, а иногда неосознанно стремится по возможности умалить свою роль в расследуемом событии, представить себя в более выгодном свете, изобразить себя жертвой неблагоприятного стечения обстоятельств [6]. Все эти моменты таят угрозу превращения бесконфликтной ситуации в конфликтную. Поэтому не следует в сложившейся ситуации без необходимости при постановке после свободного рассказа вопросов сразу же акцентировать внимание допрашиваемого на спорных, противоречивых моментах его показаний.

Поскольку допрос происходит в начале расследования, следователь обычно не располагает достаточной совокупностью доказательств для полного избобличения допрашиваемого. К тому же еще и нет полной уверенности, что подозреваемый — то самое лицо, которое виновно в преступлении. Поэтому первый допрос подозреваемого носит в определенной мере разведывательный характер, более мягкий характер и направлен на выяснение личностных особенностей допрашиваемого, его позиции, аргументов и получение той информации, которую он намерен сообщить.

Для установления требуемой психологической связи с допрашиваемым в условиях конфликтного допроса необходимо соблюдение следующих тактических приемов:

- создание комфортной обстановки допроса;
- терпеливость и корректное поведение следователя [7];
- поощрение откровенности допрашиваемого;
- проявление сопереживания и понимания

И в заключении хочется отметить, что грамотное и четкое использование следователем тактических приемов на допросе подозреваемого, умение быстро адаптироваться в ситуации влечет за собой получение наиболее значимых доказательств по делу. Следователю не стоит пренебрегать психологической обстановкой допроса, приемами НЛП, сложившейся конфликтной ситуацией. Логичное и своевременное применение следователем тактических приемов даст большой толчок для всестороннего и своевременного рассмотрения уголовного дела.

Список источников и литературы:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 "Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию" // Российская газета. -2014. - № 278.
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. по сост. на 5 февраля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. - № 15. - Ст. 1691.
3. Уголовное дело № 1-125/2014. –1923 л. – Архив Калининского районного суда г. Тюмени.
4. Джозеф О’Коннер НЛП Практическое руководство для достижения желаемых результатов / Джозеф О’Коннер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2014. - 440 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001. № 174-ФЗ: по сост. на. 30 марта 2015 г. // Российская газета. - 2001. - № 249.
6. Усманов Р.А. Информационные основы предварительного расследования: учебное пособие / Р.А. Усманов; под ред. А.А. Белякова. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 208 с.
7. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии: Учебное пособие / Н.И. Порубов. - М.: БЕК, 1988. - 208 с.

О РАЗВИТИИ ДЕМОКРАТИИ, ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н.В. Чикотина,
начальник отдела правового обеспечения
Счетной палаты Тюменской области
chnv2007@mail.ru
Научный руководитель:
Д.О. Тепляков,
доцент кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук

После принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году прошло достаточно времени, чтобы говорить о возникших трудностях и проблемах, связанных с реализацией каких-либо положений Основного Закона. Провозгласив высшей ценностью человека, его права и свободы, Конституция Российской Федерации определила приоритеты в развитии законодательства и установила принципы организации и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. В частности, статья 18 Конституции предусматривает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Принцип разделения властей стал ключевым в деятельности органов государственной власти и их взаимодействия между собой.

К числу других принципов, которые являются основополагающими в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, следует отнести принцип демократизма. Статьей 3 закрепляется, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Следует также иметь в виду, что характеристика Российской Федерации как демократического государства содержится в первой статье Конституции, что подтверждает приверженность традициям, свойственным современным цивилизованным государствам, которые исходят в своем развитии из принципов народного суверенитета и выражения политической воли граждан через свободные выборы и референдум как высших форм непосредственного выражения народовластия.

Еще одним принципом, который способствует реализации концепции народного государства, является принцип парламентаризма, под которым понимается, основанная на политическом и правовом доминировании законодательных (представительных) органов государственной власти в сфере государственного управления система организации высших органов государственной власти, при которой парламент как высший коллегиальный орган народного представительства формирует органы исполнительной власти, а также применяет к ним меры политической или конституционной ответственности в случае утраты доверия или нарушения конституционного законодательства.

Понятие парламентаризма является сложным, многоаспектным юридическим термином, что находит свое отражение в различных его дефинициях. Так, например, в Юридическом энциклопедическом словаре под парламентаризмом предлагают понимать «систему организации и функционирования верховной государственной власти буржуазии, характеризующаяся разделением законодательных и исполнительных функций при привилегированном положении парламента»[1]. По мнению И.М. Степанова, «парламентаризм есть особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка» [2; С. 5]. А.А. Мишин считает, что парламентаризм представляет собой особую систему «государственного руководства обществом, характеризующаяся разделением труда, законодательного и исполнительного, при привилегированном положении парламента»[3; С. 174].

Парламентаризм иногда рассматривают как разновидность государственного режима, при котором обеспечивается юридическое и фактическое верховенство высшего представительного учреждения, под-

чиненность и подконтрольность ему правительства. Так, М.А. Могунова пишет, что «парламентаризм это не форма, а метод осуществления государственной власти, особый режим, определяемый реальными взаимоотношениями, складывающимися между законодательной и исполнительной властями в каждом конкретном государстве, при котором ведущую роль играет парламент» [4; С.26].

А.Д. Керимов рассматривает парламентаризм как сложный политико-правовой и социокультурный феномен, обладающий несколькими сущностными чертами, выражающимися в трех основных уровнях: «собственно парламентском, т.е. на уровне самого центрального законодательного органа страны, на уровне его взаимодействия с другими государственными институтами и, наконец, на уровне прежде всего политической, правовой и – в более широком плане – общей культуры данного общества, духовной жизни нации» [5; С. 116]. Следовательно, парламентаризм имеет место быть в случае, когда высшему законодательному и представительному органу – парламенту – отводится особая роль в государственном управлении, и его ведущая роль заключается не только в законотворческой деятельности, а также в возможности формирования общенационального правительства, отчетности и ответственности последнего перед парламентариями, но и в развитии политической культуры и качественного уровня партийной борьбы за принятие политических решений. Однако, как показывает отечественный опыт, «парламентаризм в нашей стране все еще находится в стадии формирования» [5; С. 118].

Следует отметить, что в отличие от принципа демократизма и признания человека, его прав и свобод высшей ценностью принцип парламентаризма не нашел своего отражения в Конституции Российской Федерации 1993 года. По нашему мнению, между названными принципами есть непосредственная связь, которая выражается в их сочетаемости и взаимодополняемости. Демократизм проявляется не только в непосредственном участии граждан в управлении делами государства, но и также в процедуре образования органов публичной власти, прежде всего, законодательных. Соответственно, развитие демократического потенциала конституционных положений возможно лишь при условии доминирования законодательного органа в системе органов государственной власти. При этом речь идет как о Федеральном Собрании Российской Федерации, так и о законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих свою деятельность на соответствующем уровне власти.

Как известно, порядок выборов депутатов Государственной Думы неоднократно менялся с момента образования данной палаты Парламента. Вновь законодатель предлагает избирать всех 450 депутатов по смешанной избирательной системе, как это имело место ранее. Видимо, опыт использования пропорциональной системы, на основе которой осуществлялись выборы депутатов Государственной Думы в 2011 году, показал свою несостоятельность и неперспективность на данном этапе развития. По верному замечанию М.С. Саликова, «отсутствие опыта участия в политической жизни в условиях многопартийной системы, переход к чисто пропорциональной избирательной системе будет способствовать обезличиванию власти, еще большему отдалению ее от рядовых граждан» [6, с. 77].

Следовательно, только полноценное развитие многопартийной системы, основанной на реализуемой возможности образования политических партий, будет способствовать свободной политической конкуренции и сделает многопартийную систему привлекательной благодаря действительному политическому и идеологическому плюрализму. По верному замечанию А.В. Петришина, «проведение свободных выборов само по себе не может быть надежным критерием реальной демократии, поскольку на пути ее практической реализации появляется следующая не менее важная и сложная проблема – какими способами и средствами нужно максимально увеличивать влияние народа на осуществление власти, сформированной от имени народа и осуществляемой по отношению к народу» [7, с. 8].

Нельзя не обойти вопрос порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, который подвергался неоднократным изменениям. Порядок формирования Совета Федерации, как нам кажется, обуславливается самой природой данной палаты и ее назначением. Следует иметь в виду, что изначально Совет Федерации предполагался как самостоятельный орган, а не палата Федерального Собрания. На основании Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР «О Федеративном договоре» от 17 июля 1990 года [8] 30 января 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление «О Положении Совета Федерации РСФСР» [9], в соответствии с которым Совет Федерации является координационным органом, в состав которого входили: председатель Верховного Совета РСФСР (председатель Совета Федерации), председатели Верховных Советов республик, входящих в состав РСФСР, председатели Советов народных депутатов автономных областей и округов, краевых, областных, Московского и Ленинградского городских Советов народных депутатов.

Однако, Указом Президента РФ от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» [10] осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов и Верховным Советом РФ были прерваны и учреждался новый

двухпалатный парламент – Федеральное Собрание, состоящий из Совета Федерации и Государственной Думы.

После принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году Совет Федерации является палатой представительства интересов субъектов Российской Федерации. Однако при его формировании, по сути, применяется уже пятый по счету способ. Если в 1993-1995 годах использовались прямые выборы членов Совета Федерации, когда население соответствующего субъекта Российской Федерации избирало непосредственно две кандидатуры – представителей от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти субъекта Российской Федерации, то в настоящее время члены Совета Федерации наделяются полномочиями соответственно органами государственной власти субъектов Российской Федерации – высшим должностным лицом и парламентом субъекта Федерации.

Согласно Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ Президент назначает представителей Российской Федерации, число которых составляет не более десяти процентов от числа членов Совета Федерации – представителей от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации [11].

Это означает, что Совет Федерации представляет собой плату, которая образуется органами государственной власти на основе волеизъявления избирателей, хотя при этом непосредственное волеизъявление избирателей может не учитываться, так как формирование происходит представителями народа, получившими свое доверие в результате выборов в свое время.

Новый порядок формирования Совета Федерации является небесспорным. Однако, как мы отмечали выше, с учетом того, что Совет Федерации является палатой федерального парламента, выражающей интересы субъектов Федерации, представляется логичным формирование ее органами государственной власти субъектов Российской Федерации самостоятельно, чего нельзя сказать о представителях Российской Федерации, назначаемых Президентом. Последнее может рассматриваться как нарушение принципа разделения властей, хотя при этом формального нарушения не наблюдается.

Таким образом, роль и значение парламента будет зависеть от его конституционно-правового статуса в системе высших органов государственной власти, влияния на исполнительную власть, возможности осуществления контроля над иными исполнительно-распорядительными органами и применения мер ответственности. Полагаем, что организационно-правовая деятельность законодательных (представительных) органов в целом прямо пропорциональна развитию демократии, а также обеспеченности прав и свобод человека и гражданина. В частности, деятельность Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации способствует становлению политической борьбы между различными партиями и обеспечивает возможность граждан участвовать в избирательном процессе не только как избирателям, но и непосредственно принимать участие в управлении государством, реализуя свое пассивное избирательное право.

Способ образования палат парламента показывает насколько развиты институт выборов и реальная возможность граждан участвовать в процессе формирования депутатского корпуса. Применяемые способы образования палат Федерального Собрания Российской Федерации – Государственной Думы и Совета Федерации должны отвечать демократическим принципам народовластия, основанного на политической воле большинства избирателей, исходить из общегосударственных интересов, основанных, в свою очередь, на примате прав человека как высшей ценности государства. Повышение авторитета законодательных (представительных) органов государственных власти является одним из важных и первостепенных шагов, направленных к достижению целей построения демократического, правового государства с республиканской формой правления.

Список источников:

1. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М., 1984. С.242.
2. Парламентское право России / под ред. И.М. Степанова. Т.Я. Хабриевой. М., 1999. С. 5.
3. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 196. С. 174.
4. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001 С. 26.
5. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности. – М.: Норма: ИНФРА-М. 2014. С. 116.
6. См.: Саликов, М.С. Централизм и демократия: проблемы поиска баланса // Централизм, демократия, децентрализация в современном государстве: конституционно-правовые вопросы. Материалы международной научной конференции. Москва, 7-9 апреля 2005 г. / Под ред. С. А. Авакьяна. – М.: ТК Велби, 2006.
7. Петришин, А.В. Народовластие как фундамент демократического, правового, социального государства // Правоведение. 2010. № 3.
8. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. №8. Ст. 112.

9. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. №6. Ст. 97.
10. Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.
11. Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4202.

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

М. И. Юлташева,
магистрант ИГиП ТюмГУ
yultascheva.margo@yandex.ru
Научный руководитель:
О.Ю.Винниченко,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук, профессор

Поведение верующих во многих конфессиях (к примеру, в христианстве, исламе, иудаизме, индуизме и др.) регламентировано определенным сводом религиозных прав и обязанностей, отклонение от которого порицается и расценивается как грех. В обществах восточного типа (Иран, Китай) считается позорным, если конфликт разрешается в судебном порядке, а не урегулирован сторонами самостоятельно, т. е. различного рода примирительные процедуры могут быть особенно эффективными и восприниматься людьми как основное средство урегулирования конфликта. Примирение сторон оказывается более эффективным способом устранения социального, межконфессионального конфликта, чем его разрешение в суде.

Деятельность специалиста по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений направлена на развитие гражданского патриотизма, учитывающего этнокультурное многообразие народов России; обеспечение профилактики межнациональных (межэтнических) конфликтов; адаптацию и интеграцию мигрантов. Данные вопросы являются крайне актуальными для современной России.

В 2012 г. Президент России В.В. Путин издал указ «Об обеспечении межнационального согласия» [11], во исполнение которого был создан Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ.

На первом заседании Совета в Саранске 24 августа 2012 г. в качестве одного из основных направлений его деятельности Президент РФ назвал «гармонизацию межнациональных отношений и предотвращение межэтнических конфликтов» [11].

Нельзя не согласиться с краткой характеристикой таких конфликтов, данной Президентом РФ: «...Конфликты здесь способны не только подточить нашу государственность, но и разрушить сами её основы. Сегодня всё чаще под видом развития демократии и свободы поднимают голову разные националистические группы. Они участвуют и в митингах, ведут работу в Интернете и в подростковых клубах, студенческих сообществах, выступают с лозунгами то русского, то татарского, то кавказского, то какого-то другого регионального национализма. По сути, все они подталкивают, провоцируют сепаратистские, разъединительные тенденции в нашей стране. Важно переломить эти опасные тенденции и влияния» [11].

В.В. Путин сослался на известные всем примеры конфликтов, определив их основу и характер: «Зачастую в основе возникающих конфликтов на этнической, казалось бы, почве лежит совсем другое - недоверие граждан к органам власти и управления [11].

Президент РФ сделал вывод: «Поддержание межнациональной гармонии, оперативное и грамотное урегулирование потенциально конфликтных ситуаций, содействие диалогу между представителями различных общин, пропаганда толерантности должны стать приоритетными в работе всех уровней власти и в огромной степени - муниципальных» [11].

В рамках разработки этого направления В.В. Путин предложил создать механизм общественного контроля межнациональных отношений и при Совете, а также указал на возможность проводить «инициативную экспертизу законодательства, ключевых решений в сфере межнациональных отношений» в сотрудничестве с законодателями и соответствующими ведомствами [11].

Эта задача может решаться только комплексно - властными, судебными структурами, юридическим сообществом, правоохранительными органами, правозащитными и общественными организациями.

Но чтобы обеспечить комплексный подход и научное обоснование соответствующих действий, требуются специалисты - ученые и исследователи, способные профессионально анализировать сферу межнациональных и межрелигиозных отношений.

Правила, диктуемые религией, непременно сталкиваются с принципами и нормами современного светского законодательства, поэтому возникает два вопроса: возможно ли использование современных правовых институтов как подспорья для разрешения споров между верующими, и каковы пределы возможного вторжения религиозных норм в сферу, традиционно считающуюся владением светского законодательства?

На сегодняшний день законодательство большинства развитых стран построено на основе принципа отделения религии от государства. Согласно ст. 14 Конституции 1993 г., Российская Федерация является светским государством, в котором [1]:

- 1) никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной;
- 2) религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Вышеуказанный конституционный принцип конкретизируется в ст. 4 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (далее – Закон о свободе совести) [5]. Государство не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления, а также не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит федеральному законодательству. Одновременно государство гарантирует свободу вероисповедания. Статья 28 Конституции РФ позволяет каждому человеку не только исповедовать, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения, но и действовать в соответствии с ними. Кроме того, в Российской Федерации признаются принципы свободы договора [2] и свободы завещания [3], позволяющие религиозным нормам быть закрепленными в соответствующих договорах или завещаниях.

Закон о свободе совести закрепляет понятие «внутренние установления религиозных организаций». Согласно Закону [5], религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству Российской Федерации. Религиозные организации вправе устанавливать в соответствии со своими внутренними установлениями условия деятельности священнослужителей и религиозного персонала, а также требования к ним, в том числе в части религиозного образования. В свою очередь государство уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат действующему законодательству.

Действующим законодательством сфера применения религиозных норм при регулировании общественных отношений крайне ограничена и включает: 1) личное поведение человека или межличностные отношения двух и более физических лиц, не нарушающие права и свободы других людей, интересы общества и государства; 2) имущественные отношения между физическими и (или) юридическими лицами на основе сделок; 3) трудовые и образовательные отношения между религиозными организациями и их работниками, учащимися [6].

Процедура медиации для урегулирования споров с элементом религиозных норм может быть применена лишь в двух последних случаях, так как Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений [4].

Статья 2 Закона о медиации предусматривает, что:

- 1) процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения;
- 2) медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора.

Следовательно, задача медиатора не в том, чтобы вынести решение по спору сторон, а в том, чтобы содействовать сторонам в разрешении спора. При медиации не медиатор, а сами стороны принимают решение по спору и определяют содержание медиативного соглашения [8;203].

Необходимо также принимать во внимание ч. 6 ст. 15 Закона о медиации, согласно которой медиатор не вправе оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь.

Внекоторыхисследованиях

[12]природамедиацииопределяетсянесколькоиначе.Так,М.Голтсман,Й.Хернер, Г.ПавловиФ.Сквитаниполагают,чтопримедиации, в отличиеотарбитража,нейтральнаятретьясторонапризванапредложитьсоглашениепослезаслушивания аргументовкаждойиз сторон.Онане имеетправа навязыватьданноесоглашение, а всеголишьпредлагаетвыход,который устраивает

тобе стороны. Однако на первом этапе интересует определение медиации, которое содержится в нашем законодательстве. И в российском Законе о медиации медиатор не имеет права предлагать сторонам какой-либо выход, тем самым занимая позицию юриста-консультанта. Закон позволяет медиатору вносить предложения об урегулировании спора только в случае, если стороны об этом договорились (ч. 5 ст. 11 Закона о медиации) [4].

Возникает вопрос: можно ли отнести священнослужителей, исполняющих обязанности религиозных судей, а также специалистов по «религиозному праву», к медиаторам? Приведем пример. Процедура разрешения спора по шариату (своду мусульманских религиозных норм) в мусульманских религиозных организациях на территории Российской Федерации происходит в большинстве случаев следующим образом: сначала стороны, не обладающие специальными знаниями о нормах шариата, обращаются к лицу, разбирающемуся в мусульманском праве (казыю или другому эксперту). Последний заслушивает доводы сторон, изучает доказательства, соотносит полученную информацию с нормами шариата и предоставляет сторонам свое заключение.

Кроме того, возникает вопрос: каким образом стороны, желающие разрешить спор по нормам своего вероисповедания, могут сами составить медиативное соглашение, соответствующее религиозным нормам, не обладая глубокими познаниями в т.н. «религиозном праве»? С учетом требований российского законодательства можно действовать следующим образом: стороны могут обратиться к медиатору с просьбой о привлечении эксперта по «религиозному праву», экспертное заключение которого при соответствии нормам российского законодательства ляжет в основу медиативного соглашения.

Однако становится очевидным, что процедура медиации при этом фактически превращается в завуалированный религиозный суд, когда содержание медиативного соглашения между сторонами спора фактически определяется сторонним экспертом. Роль медиатора сводится к роли своего рода «прикрытия», вынужденной уступке требованиям российского законодательства. Полагаем, что тем самым истинные принципы медиации (нейтральность медиатора и его помощь сторонам в урегулировании спора без навязывания собственного или иного стороннего мнения) не могут быть реализованы в полной мере.

Среди недостатков медиации можно выделить:

1) отсутствие публичности и открытости процедуры медиации, в отличие от судебного разбирательства. Этот недостаток является оборотной стороной конфиденциальности процедуры медиации и может привести к существенным нарушениям прав и свобод одной из сторон в случаях, связанных с патриархальными отношениями в семье, домашним насилием по отношению к женщинам и детям;

2) возможная несправедливость в процессе медиации, связанная с тем, что медиативное соглашение может оказаться уступкой чьему-либо давлению (другой стороны, семьи, социальной группы, общества), тогда как решение суда независимо [10; 1079]. По этому поводу О. Фисс замечает, что «соглашение является капитуляцией условиям массового общества, и к нему нельзя побуждать и нельзя его восхвалять» [14];

3) вероятность нарушения конфиденциальности информации, полученной сторонами, медиатором и иными участниками медиации. Здесь следует отметить, что конфиденциальность информации не позволяет дать объективную оценку всему процессу медиации в определенной сфере [7];

4) медиативное соглашение может привести к ущемлению прав и свобод одной из сторон, затронуть интересы третьих лиц (например, членов семьи) и противоречить требованиям закона. Некоторые авторы (например, Г.Р. Кларк и И.Т. Дэйвис) считают, что данная проблема не является существенной, так как при возникновении такой ситуации «этичный и надлежащим образом подготовленный медиатор должен прекратить медиацию» [13]. Действительно, в отношении светского медиатора такое поведение более чем возможно. Однако медиатор-священнослужитель не может быть полностью нейтральным к сторонам медиации. Наоборот, он является одним из лидеров общины, и от его участия, от принятого им решения зависит его собственный авторитет. В определенный момент у него может возникнуть дилемма: привести стороны к медиативному соглашению любой ценой, даже с нарушением некоторых норм действующего законодательства, либо прекратить процедуру медиации и оставить спор нерешенным, рискуя утратить авторитет в общине [7];

5) неравенство сторон медиации, когда одна сторона имеет определенное преимущество (психологические особенности, имущественное положение и др.). Данная проблема часто возникает при урегулировании споров между членами патриархальных, религиозных семей. При этом различие в религиозных правах и обязанностях между мужчиной и женщиной может стать препятствием для надлежащей медиации.

При медиации межконфессиональных (религиозных) споров следует в первую очередь исключить:

1) возможность принуждения одной из сторон к заключению медиативного соглашения (особенно женщин);

2) любые формы дискриминации по половому признаку или по признаку вероисповедания и отношения к религии (например, при привлечении к процедуре медиации экспертов, специалистов, других

лиц). По мнению исследователей, медиатор, действуя беспристрастно и независимо, должен относиться к сторонам одинаково, не отдавая предпочтения какой-либо из них. Также медиатор должен соблюдать нейтралитет и уделять равное внимание каждой из сторон. Смогут ли соблюсти данные требования религиозные медиаторы?

Кроме вышеизложенных проблем, для применения межконфессиональной (религиозной) медиации существует несколько серьезных препятствий.

Во-первых, ч. 5 ст. 1 Закона о медиации предусматривает, что процедура медиации не применяется [4]:

1) к коллективным трудовым спорам;

2) к спорам, возникающим из гражданских, трудовых и семейных правоотношений, в случае, если такие споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы. Таким образом, возникает проблема соотношения религиозных норм с нормами светского законодательства.

Также важно решить вопрос об осуществлении процедуры медиации работниками религиозных организаций. Согласно ст. 2 Закона о медиации, организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, – это юридическое лицо, одним из основных видов деятельности которого является организация проведения процедуры медиации, а также осуществление иных предусмотренных указанным федеральным законом действий [7].

В настоящее же время религиозные организации при государственной регистрации основным видом деятельности указывают код 91.31 «Деятельность религиозных организаций» в подклассе 91.3 «Деятельность прочих общественных объединений». Из этого следует, что религиозная организация не может осуществлять процедуру медиации в рамках своей деятельности, пока деятельность по организации проведения процедуры медиации не закреплена в качестве одного из основных видов деятельности. В противном случае необходимо создание отдельной организации, специализирующейся на религиозной медиации [6].

Встает вопрос о принятии правил медиации межконфессиональных (религиозных) споров, в которых бы закреплялись права и обязанности сторон медиации, права и обязанности медиатора, процедура медиации. К сожалению, в России отсутствует подзаконный акт, который бы более детально регламентировал положения Закона о медиации. При разработке правил межконфессиональной (религиозной) медиации следует руководствоваться также кодексами этики медиаторов, разрабатываемыми саморегулируемыми организациями медиаторов. Особое значение в разработке правил имеет раскрытие таких принципов медиации, как честность, объективность, беспристрастность и нейтральность, компетентность и должная тщательность, конфиденциальность, профессионализм, противодействие недобросовестным приемам в переговорах и сделках и другие. [6].

Как видим, межконфессиональная (религиозная) медиация в Российской Федерации теоретически возможна, однако для ее применения в соответствии с нормами Закона о медиации необходимо решить в первую очередь следующие задачи:

1) определить статус религиозного медиатора, чтобы его роль в процессе медиации отвечала требованиям законодательства;

2) исключить любую возможность принуждения или дискриминации сторон;

3) определить круг споров, которые могут быть разрешены при помощи религиозной медиации;

4) решить вопрос об осуществлении медиации в рамках самой религиозной организации либо в рамках специализированной организации, оказывающей услуги по религиозной медиации;

5) разработать правила медиации религиозных споров.

Медиация имеет богатый потенциал и, как молодой правовой институт, содержит в себе все условия, необходимые для рационального внедрения и использования данной процедуры в межконфессиональных отношениях, что дает возможность ее дальнейшего изучения, адаптации к российским правовым реалиям, также совершенствования и детализации процедуры межконфессиональной (религиозной) медиации как законодательно, так и на практике. Только в случае успешного выполнения вышеуказанных задач можно говорить о перспективах медиации в межконфессиональных (религиозных) отношениях в России.

Список источников:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 50.
4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г. № 233-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31.
5. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39.
6. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Янков. М.: Инфотропик Медиа, 2011 // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru>. (дата обращения: 04.04.2015).
7. Развитие медиации в России: теория, практика, образование: Сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М.: Инфотропик Медиа, 2012 // Официальный сайт компании «Консультант-Плюс». URL: <http://base.consultant.ru>. (дата обращения: 03.04.2014).
8. Сильвестри Э. Альтернативное разрешение споров в странах Европейского союза. / Э. Сильвестри // Вестник гражданского процесса. 2012. №6. 205 с.
9. Севастьянов Г. В. Что такое медиация (посредничество)? Рецензия на издание Ракитина Л. Н., Львова О. А. «Медиация (посредничество): как урегулировать спор, не обращаясь в суд» / Г.В.Севастьянов // Третейский суд. 2008. № 6. 160 с.
10. Севастьянов Г. В. Медиация: прошлое и настоящее (рецензия на издание: Лисицын В. В. Медиация — универсальный способ урегулирования коммерческих споров в России) / Г.В.Севастьянов // Третейский суд. 2009. № 6. 235 с.
11. Заседание Совета по межконфессиональным отношениям [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16292>.
12. Goltsman M., Hörner J., Pavlov G., Squintani F. Mediation, Arbitration and Negotiation // Journal of Economic Theory. 2009. Vol. 144, № 4. P. 1397–1420.
13. Clarke G.R., Davies I.T. ADR – Argument For and Against Use of the Mediation Process Particularly in Family and Neighbourhood Disputes // Queensland University of Technology Law Journal. 1991. P. 81–95.
14. Fiss O.M. Against Settlement // Yale Law Journal. 1984. Vol. 93, № 1073. P. 1073–1090.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА.....	3
Добрынин Н.М. О СУДЬБАХ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И НЕОТЛОЖНОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕ	9
Авдеев Д.А. О ЮРИДИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ ГРАЖДАН И ЕГО ЗНАЧЕНИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА.....	21
Бородач М.В. К РАЗРАБОТКЕ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ: КАК ОБЕСПЕЧИТЬ ПОДЛИННОЕ СЛУЖЕНИЕ ОБЩЕНАРОДНОГО ДОСТОЯНИЯ ИНТЕРЕСАМ ОБЩЕСТВА?	24
Булатова С.В. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКАЯ ПРИРОДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВЕТЕ ФЕДЕРАЦИИ	28
Иванова К.А. ГРАЖДАНСКАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	31
Карасев Р.Е. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ.....	34
Косенькова Е.В. ИНТЕРНЕТ-АПТЕКА –БИЗНЕС ИЛИ НЕЗАКОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ?.....	37
Меда М.А. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	39
Мжельский А.А. НЕПРЯМАЯ ЗАЩИТА СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	41
Миневцев С.В. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: РАБОТА НА СТЫКЕ ИНСТИТУТОВ ПРАВА.....	44
Самоловов Д.А. СОГЛАШЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ПРЕДМЕТ И СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ	46
Сафонова Е.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ	49
Степанов С.А. ЕВРАЗИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....	52
Шайдулина Е.М. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОВЕДЕНИЯ ОРГАНОМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВНЕПЛАНОВОЙ ПРОВЕРКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА.....	55

КОНКУРСНЫЕ РАБОТЫ

Бобков О.В. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	60
Болотин С.С. К ВОПРОСУ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ НА ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ.....	63
Ведешкина Т.П. «ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ»: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ.....	65
Волынчик О.А. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	68
Воронцова А.Б. СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В КАССАЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	72
Геу Т.Д. ВЗАИМОСВЯЗИ, ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И ВЗАИМОИСКЛЮЧЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	75
Губарева А.О. МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РФ	78
Дедкова Ю.А. ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	81
Денисова Е.А. ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ И МУНИЦИПАЛЬНЫМ ДОЛГОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	85
Дмитрук И.П. ОРГАНЫ И ОРГАНИЧЕСКИЕ ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	89
Исыпова А.Е. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, ВЫБОР МЕСТА ПРЕБЫВАНИЯ И ЖИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	92
Кирикова О.А. СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И ЗАКОНА.....	95
Клименко А.Г. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ПРОКУРАТУРЫ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	98
Кувшинов А.М. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА РЕГИОНА	101
Кузнецова Е.В. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА ЗАЩИТУ ОТ БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	105
Михайленко И.А. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИНЫ В НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	108

Михалькевич И.В. СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	111
Мотовилов Н.А. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЧАСТИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА	114
Нелаева Е.К. ПРАВА УЧИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ	117
Нифантьев С.Ю. ПРОБЛЕМЫ РАВНОПРАВИЯ ГРАЖДАН ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ (ГРАЖДАНСКУЮ) СЛУЖБУ: ОГРАНИЧЕНИЯ ИЛИ ДОПУСТИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ?	121
Подмаско Т.В. УСЛОВИЯ, ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ СОКРАЩЁННОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	124
Перожек Э.А. ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ И ОСНОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	127
Платонов В.В. ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В ЦЕЛЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ FIFA 2018 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	131
Пьянкова О.А. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ	133
Рзаев Р.Т. ПРАВОВОЙ СТАТУС АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТОЛИЦ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	137
Рудер В. Э. ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ПРИНУЖДЕНИЯ ДОЛЖНИКА К ИСПОЛНЕНИЮ СУДЕБНЫХ АКТОВ	140
Сивачёв В.И. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ	144
Смиренко Ю.С. БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	147
Столбов М.В. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	150
Супытко О.Т. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПОЛУЧЕННЫХ В ХОДЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИХ ИСТОЧНИКОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	154
Сушкова О.В. ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК С ПОТЕРПЕВШИМ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ.....	158

Трутаева А.В. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МОДЕЛИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	161
Харлова М.И. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	164
Чумакова К.И. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН, ПОДВЕРГШИХСЯ ВОЗДЕЙСТВИЮ РАДИАЦИИ ВСЛЕДСТВИЕ КАТАСТРОФЫ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ	167
Шатликова А.А. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ	170
Ширякова Ю.Н. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	173
Ярунова А.И. ПРЕДПИСАНИЕ КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) И МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ	177

РАБОТЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Антонова К.Е. ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	181
Бабикова Ю.Л. ВЗГЛЯД НА РЕАЛИЗАЦИЮ ЦЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КАТЕГОРИИ РАССМАТРИВАЕМЫХ ДЕЛ	186
Бадуря Д.В. СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РЕЗУЛЬТАТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫЯВЛЕНИЯ И ФИКСАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	189
Байматов П.Н. ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	192
Болотин С.С. DOMAIN NAMES – NEW PROBLEM FOR THE LAWMAKER	195
Винокурова А.Н. КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ	198
Гоглов А.П. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	200
Горбунова К.С. МЕЖДУНАРОДНЫЙ НОРМАТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ БОРЬБЫ С ПИРАТСТВОМ: СОДЕРЖАНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	202

Дворниченко О.О. ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ - ОСНОВНАЯ ФИГУРА СОУЧАСТИЯ	204
Добродеева А.В. ТОВАРНАЯ НЕУСТОЙКА В СИСТЕМЕ НЕПОИМЕНОВАННЫХ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	208
Казakov М.Г. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАК МЕГАРЕГУЛЯТОР ФИНАНСОВОГО РЫНКА РОССИИ	211
Каплункова А.К. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНДИКЦИОННОГО ИСКА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ	214
Киселёв В.С. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ОТ СУДЕБНОЙ ОШИБКИ	219
Криворот Д.А. ДИСКРИМИНАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ОПЛАТЕ ТРУДА	222
Кузнецова Е.В. DEPENDENTS IN SOCIAL SECURITY SYSTEMS OF GREAT BRITAIN, CANADA, AUSTRALIA AND RUSSIA	225
Ларченко Д.А. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ И ФУНКЦИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ	229
Лихацких В. В. ГРАЖДАНСКО - ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ	232
Матрёнина К.Ю. ЭЛЕКТРОННЫЙ ОПРОС ИЗБИРАТЕЛЕЙ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИЦИПОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА	236
Метлицкий Р.Л. К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ	242
Мизернюк М.С. РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСА «РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА»: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	244
Молчанова А.И. ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	247
Муталипов Р.Б. КОРРУПЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЫЯВЛЯЕМЫЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ	250
Немчинова Е.В. ПРАВО НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНИНА	253
Новик А.А. ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ (МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА) РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ, НА РОЖДАЕМОСТЬ В ПОСЕЛКЕ КОМСОМОЛЬСКИЙ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	256
Огарков А. С. НУЖНА ЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ?	259

Олевская Ю.А. РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПУТИ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	261
Островская Ю.В. ЦЕЛЕПОЛОЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	264
Парфёнова В.М. К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ С СУДЬЯМИ	267
Петелин А.Л. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРАВОВОГО РАВЕНСТВА ГРАЖДАН В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ	270
Поляков Ю.И. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	273
Популова А.А. ССЫЛКА КАК УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В РОССИЙСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ТЮРЕМНЫХ СИСТЕМАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛО XX СТОЛЕТИЯ	276
Рыльских Е. В. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО (УСТАВНОГО) СУДА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	279
Скареднова К.С. МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	282
Степанов А.А. НОВАЦИИ В ОГРАНИЧЕНИИ СВОБОДЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	284
Старовойтов Д.П. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, ПОЛУЧИВШИХ ЗВАНИЕ ГЕРОЙ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	286
Сухов И.В. МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ ФОРМ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ	289
Федорец М.Н. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	292
Фокеева Ю.В. СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ИЛИ ШТАТА РАБОТНИКОВ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ УЧАСТНИКАМИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	296
Халин В.М. НЕКОТОРЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ	300
Чикотина Н.В. О РАЗВИТИИ ДЕМОКРАТИИ, ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	302
Юлташева М. И. МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	305

Научное издание

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО.
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Материалы XI Всероссийской
научно-практической конференции

ВЫПУСК 11

Подписано в печать 19.06.2015 г.
Формат 60x84/8. Бумага офисная. Печать Duplo.
Уч.-изд. л. 36,95. Тираж 300. Заказ 215.

Отпечатано с готового набора
в типографии ООО «Вектор Бук».
625004, г. Тюмень, ул. Володарского, 45.
Тел. (3452) 55-72-17, 46-90-03.